НИВХГУ

Е.А.Крейнович

АКАДЕМИЯ НАУК СССР * ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е.А. Крейнович

НИВХГУ

ЗАГАДОЧНЫЕ ОБИТАТЕЛИ САХАЛИНА И АМУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ * МОСКВА 1973

902.7(=94.713.2)
К 79

Ответственный редактор
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

1-19422

Автор этой книги в 1926—1928 гг. жил и работал на Сахалине и Амуре среди нивхов, изучая их жизнь и быт. Результатом этого и явилась настоящая книга. В ней в форме дневника рассказывается об образе жизни нивхов в то время, их обычаях, обрядах (в том числе о медвежьем празднике), религиозных представлениях, приводятся многочисленные мифы, легенды и песни.

К $\frac{0162\text{-}2002}{042\ (02)\text{-}73}$ 116-72

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Нивхгу» — так называется книга. В названии этом содержится глубокий смысл. Нивх — это самоназвание народа нивхов, которых в прошлом именовали гиляками. Следовательно, нивх — это человек народа нивхов. Окончание «гу» — показатель множественного числа. Итак, название это может быть понято как народ нивхов.

Однако слово «нивх» означает также «человек», и поэтому название книги может быть переведено и в более широком смысле слова, т. е. «нивхгу» — «люди вообще».

Книга названа так не случайно. Для автора нивхи — не только объект изучения, который интересует исследователя своеобразными чертами древней культуры охотников и рыболовов. Нет, автор видит в них своих друзей, людей прежде всего. Глубокая симпатия к этому народу, жившему еще недавно в условиях страшной культурной отсталости, и знание его языка дали возможность автору понять чувства и мировоззрение нивхов.

Автор книги окончил этнографическое отделение Ленинградского университета в 1926 году и сразу же уехал на Сахалин, где работал учителем и был уполномоченным по туземным делам при Президиуме Сахалинского Революционного комитета. В первый раз автор прожил среди нивхов больше двух лет — с июня 1926 по август 1928 года. Затем он ездил к ним еще много раз и в общей сложности прожил среди них четыре года. Во время последующих поездок он имел возможность проверить и уточнить собранные им сведения, исправить первоначальные записи, но основу всех его материалов, публикуемых в предлагаемой читателю книге, составляют дневниковые записи первых лет исследований.

Одной из задач автора книги в первые годы его работы на Сахалине была ликвидация неграмотности. Е. А. Крейнович составил

для нивхов буквари и учебники первых лет обучения и в процессе работы усовершенствовал свои знания нивхского языка, которым он занимался еще в университете у своего учителя, известного этнографа Льва Яковлевича Штернберга. Постоянное общение с нивхами дало возможность Е. А. Крейновичу глубоко изучить их язык, помогло всесторонне исследовать их культуру. Молодого исследователя интересовало все: и быт нивхов, и их занятия, и способы охоты и рыболовства, и изготовление орудий, и т. п.

Правда, нужно иметь в виду, что данные, излагаемые в этой книге, отражают дореволюционный быт нивхов, поскольку автор изучал их жизнь в те годы, когда Советская власть делала свои первые шаги по их экономическому и культурному подъему. С тех пор жизнь нивхов резко изменилась. В районе Тыми, например, где во времена работы автора среди нивхов их только начали приучать к посеву картофеля, сейчас существует большой сельскохозяйственный колхоз «Чирунвд» («Новая жизнь»). Нивхи живут в хороших домах русского типа. При колхозе есть школа, детская площадка, ясли, клуб, больница. В низовьях Тыми, в поселке Ноглики, построена благоустроенная школа-интернат, в которой обучаются около двухсот детей нивхов.

Практика советского строительства среди малых народов Крайнего Севера, в том числе и среди нивхов, свидетельствует о том, что эти народы легко усваивают высшие достижения современной культуры. У них есть своя интеллигенция — учителя, врачи, из их среды выдвинулись ученые, писатели.

Много внимания уделил автор изучению общественного строя и мировоззрения нивхов. Все это было бы невозможно без знания языка, которое при исследовании жизни народов, не имевших в прошлом письменности, оказывает исследователю неоценимые услуги. Он может общаться с изучаемым им народом на его родном языке. Рассказывая исследователю на своем языке предания, повествуя о своих представлениях о мироздании или о приемах охоты и поведении животных — словом, о своем быте и жизни, нивхи могли точнее передать сообщаемое ими. Они не в состоянии были бы сделать это, пользуясь чужим языком. Хорошо зная язык, автор вел все свои записи не только на русском языке, но и на языке нивхов. В предлагаемой вниманию читателя книге много точных и дословных переводов различных рассказов, легенд, записанных исследователем от нивхов на их родном языке.

Но значение языка для исследования не ограничивается только этим. Понимание морфологической структуры языка, его синтаксиса и лексики, а также знание законов фонетических изменений помогают вдумчивому исследователю получить ценнейшие данные для

исследования процессов мышления, мировоззрения и истории изучаемого им народа.

Уже в своей аспирантской работе о числительных в языке нивхов * автор показал огромное значение языка для изучения истории развития мышления. В те времена под влиянием идей французского философа Леви Брюля многие лингвисты утверждали, что нашему логическому мышлению предшествовало первобытное мышление — диффузное, хаотическое и дологическое. Е. А. Крейнович показал, что характер мышления человека, жившего много тысячелетий назад и пользовавшегося еще каменными орудиями, было логическим, а представления его имели точный, конкретный, предметный характер; познание им природы начиналось не с созерцания неба, а с процессов труда. Внимательное изучение языка нивхов дало Е. А. Крейновичу возможность утверждать, что в этом языке имеется всего лишь два слова, обозначающих камни: *пах"* — камень вообще, и *н"ак* — кремень. Это показывает, что среди всех камней люди каменного века выделяли именно кремень, как материал, с помощью которого можно высекать огонь и из которого можно делать орудия. Уже это свидетельствует о том, что люди каменного века мыслили логически, знали свойства кремня и не смешивали его с другими камнями.

На протяжении всей книги автор сообщает много интереснейших сведений, основанных на анализе данных нивхского языка. Материалы нивхского языка, о которых рассказывает автор, подтверждаются примерами из языков народов других частей света. Например, Е. А. Крейнович рассказывает, что когда нивхи впервые увидели телегу, которую везла лошадь, то они назвали ее *мурн"т'у*, т. е. «лошадь+нарта». Позднее автомобиль был назван таким же образом — *парквинт'у*, т. е. самоходная нарта.

Тот же самый ход рассуждения мы видим у многих народов Африки. Так, в языке народа хауса, у которого основным средством передвижения была долбленая лодка-однодеревка, пароход был назван «огненная лодка», паровоз — «сильная лодка», или «сильная огненная лодка», парусная лодка — «лодка ветра», а самолет — «лодка воздуха». Кстати, и нивхи, как сообщил нам автор книги, тоже назвали пароход «огненная лодка», а самолет «летающая лодка».

Многие народы Африки также подобно нивхам познакомились сначала с железом, а потом — с медью и поэтому назвали ее так же,

---

* Е. А. Крейнович, Гиляцкие числительные, — «Труды научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера. ЦИК СССР», т. I, вып. 3, Л., 1932.

как и нивхи, «красное железо». И это название встречается во многих языках народов Западного Судана. Мы видим, что в языке нивхов наименование той группы людей, которая постоянно собирается у костра или очага, нередко получает название по источнику огня — символу единства. То же наблюдается и у многих народов Африки, где семья, группирующаяся у огня для совместного приготовления пищи, называется очагом. Можно привести много таких примеров. Важно то, что они знакомят нас с процессом истории развития общества и мышления. Е. А. Крейнович правильно отмечает, что нет оснований говорить об особом первобытном мышлении, отличном от нашего. Мыслительные процессы, протекающие в мозгу людей, тождественны. Поэтому, с его точки зрения, можно говорить не о первобытном мышлении, но о первобытном м и р о в о з з р е н и и, противополагая его современному естественнонаучному мировоззрению, поскольку они исторически сменяют друг друга.

В книге приведены не только сведения о хозяйстве и быте нивхов, но и их представления о душе, культе близнецов, многих обрядах этого народа, в том числе и о медвежьем празднике.

Стремясь сделать свою книгу доступной для широкого круга читателей, автор избрал для нее форму дневника — он описал реальные события своей жизни среди нивхов. Однако, как убедится читатель, основу книги составляет научное повествование. Эта книга — исследование, основанное на сведениях, собранных среди нивхов самим автором, результат многолетних размышлений его о жизни и мировоззрении этого народа. К сожалению, книга не могла вместить всех материалов, собранных автором у нивхов, и описания многих сторон их жизни и мировоззрения, изучением которых он занимался, не вошли в это издание.

Д. Ольдерогге

ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
БЕЗВРЕМЕННО ПОГИБШИХ
МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА:
НАТАЛЬИ КОТОВЩИКОВОЙ [1]
ГЕОРГИЯ КАМИНСКОГО [2]
ПАВЛА МОЛЛА [3]
ВЛАДИМИРА ИВАНЧИКОВА [4]
СЕРГЕЯ СТЕБНИЦКОГО [5]
НИКОЛАЯ ШНАКЕНБУРГА [6]
АНТОНА ПЫРЕРКА [7]
ГЕОРГИЯ КОРСАКОВА [8]
ГЕОРГИЯ ВЕРБОВА [9]
ГРИГОРИЯ МЕЛЬНИКОВА [10]

Глава 1

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

НА САХАЛИН

12 апреля 1926 года. Сегодня мне исполнилось 20 лет. Лучший подарок я получил от Льва Яковлевича Штернберга [11]. Встретив меня около университета, он вытащил из кармана пальто свернутый листок бумаги и протянул его мне:

— Посмотрите, что я получил для вас — это ответ на мое письмо.

Я взял листок и развернул его. Это была телеграмма: «Ленинград, Университетская 3, Музей антропологии [и] этнографии Академии наук, профессору Штернбергу Льву Яковлевичу. Студента Крейновича устроим работать среди гиляков. Председатель Сахалинского ревкома Шишляников».

Итак, мечта осуществилась. Ведь для поездки к нивхам на Сахалин ни на какую субсидию я не мог рассчитывать. Кто дал бы ее мне — студенту, пожелавшему изучать их жизнь. И вот теперь наконец появилась возможность поехать к ним. Несомненно, люди для работы в советских административных учреждениях на Сахалине нужны: еще нет и года, как с Сахалина ушли японцы и там установилась Советская власть. Я же соглашусь на любую работу, а в свободное время буду изучать жизнь нивхов. Надо только поскорее сдать последние экзамены и приготовиться к отъезду.

15 апреля. Университет дает студенческий билет для бесплатного проезда от Ленинграда до Владивостока. Владимир Германович Богораз [12] выдает мне для поездки на Сахалин 200 руб. из средств Комиссии по организации

студенческих этнографических экспедиций. Я ни о чем его не просил. Но разве его нужно просить?! Он неустанно заботится о питомцах этнографического отделения, словно отец о своих детях. Теперь-то я смогу купить себе сапоги, валенки, кое-что из теплой одежды, чтобы не страшиться простуды и обострения туберкулеза.

2 мая. Сестры встревожены моим решением уехать на Сахалин, но, видя мою непреклонность, готовят меня в дорогу. Ставят заплатки на все, что можно еще починить, и покупают, ограничиваясь самым необходимым, теплые вещи. Предстоит долгий путь. «Кто знает,— говорят они,— с чем тебе придется встретиться в дороге и на Сахалине? Надо, чтобы у тебя было хотя бы немного денег!»

Отец прислал письмо — умоляет не ехать на Сахалин: «Подумай, сынок, что ты делаешь? Ведь Сахалин — это страшная каторга, на которую в царское время ссылали людей! Разве может разумный человек сослать себя сам на каторгу? Ты же едешь в это страшное место по своей воле, по своему детскому неразумению. Одумайся, умоляю тебя! Неужели нет для тебя работы в Ленинграде либо в другом благоустроенном городе, где ты не будешь испытывать тех лишений, на которые себя обрекаешь. Прошу тебя остаться и не ехать на Сахалин — у тебя слабое здоровье. Ведь никто не может заставить тебя, больного, ехать туда». Письмо отца, конечно, взволновало меня. Но нет, отец, ты не отговоришь меня, я поеду!

13 мая. Сегодня сдал последний экзамен по топографии. Отнес матрикул в деканат географического факультета. Зашел на этнографическое отделение — проститься со всеми, кого я там найду. Ведь завтра отъезд!

На отделении застал учителей, друзей. Они, оказывается, меня ждали, чтобы на прощание сфотографироваться во дворе факультета (рис. 1). Прощаясь, Владимир Германович сказал: «Ну, лирический тенор,— так он называл меня, когда хотел сказать мне что-либо ласковое,— желаю тебе удачи. Поклонись от меня там знакомым местам». Мне показалось, что он взволнован. Знакомым местам!.. Какой смысл он вкладывал в эти слова? Может быть, он вспомнил свою молодость и сравнил свой первый отъезд на Север с моим? Но его везли тогда в ссылку, а я еду заниматься любимым делом.

Рис. 1. Группа выпускников этнографического отделения Ленинградского государственного университета и руководители отделения (1926 г.)

Слева направо в нижнем ряду: С. Н. Стебницкий, Н. Г. Шпринцин, Е. В. Таланова. В среднем ряду: Я. П. Кошкин, В. Г. Богораз, Е. А. Крейнович, Л. Я. Штернберг, П. Ю. Молл. В верхнем ряду: И. А. Дыщенко, С. М. Абрамзон, З. Е. Черняков, С. А. Макарьев.

Конечно, он родился в иную эпоху, и молодость его сложилась иначе, чем моя, но... прекраснее моей... Как народовольца царское правительство арестовало его, посадило в тюрьму, а затем выслало в Нижне-Колымск, где он встретился с чукчами и занялся изучением их быта и языка. Жертвы и страдания во имя высших идеалов — счастья человечества, из-за которых он был арестован, прекрасны! Я пожал ему руку и поблагодарил за заботы и помощь, которые сделали возможным мою поездку на Сахалин.

14 мая. У вагона собрались Лев Яковлевич Штернберг, друзья по этнографическому отделению — Нама Шпринцин, Леля Таланова, Павел Молл, Сережа Стебницкий — и родные. Мои друзья были радостны — они знали, что осуществилось мое заветное желание. Встревожены были только родные.

Когда до отхода осталось уже немного времени, Лев Яковлевич отвел меня в сторону:

— У меня к вам просьба. На кладбище города Александровска похоронено четверо политических ссыльных, в том числе Домбровский [13]. Эти могилы дороги сердцу каждого, отбывавшего политическую ссылку на Сахалине. Прошу вас, отыщите их и убедите местные власти поставить вокруг этих могил железную ограду. Если они почему-либо не согласятся это сделать, напишите мне — я вышлю вам деньги на деревянную ограду. Найти могилы поможет вам Станислав Павлович Бугайский — бывший политический ссыльный, оставшийся и после ссылки жить в селе Михайловке на Сахалине. Ну, желаю вам здоровья и успеха в ваших исследованиях. Я уверен, что вы не напрасно едете на Сахалин!

Он обнял меня и поцеловал. Я посмотрел в доброе лицо своего учителя, и слезы выступили у меня на глазах — так я был тронут его просьбой и неожиданным поцелуем. Я быстро простился с друзьями, родными, вбежал в вагон и стал у окна, чтобы видеть провожающих. Поезд тронулся. Когда он пошел быстрее, за ним бежал лишь один человек и махал мне рукой. Это был беспредельно близкий и родной Лев Яковлевич.

15 мая. В корзинке с едой я обнаружил письмо. Оно было от Анастасии Яковлевны Кораблевой — учительницы истории в вечерней школе рабочих подростков имени Н. Г. Чернышевского, в которой я учился. Она писа-

ла: «Здравствуйте, Юра. Окончить университет не шутка... Определенная победа. Одна из жизненных побед! Пожелать еще побед в этом роде? Желаю! Важнее всего, чтобы всегда хотелось жить и трудиться во имя жизни. Что же вы собираетесь дать гилякам? Им нужно солнце, а вы едете к ним заниматься научными исследованиями. Сможете ли вы дать им солнце? Сумеете ли заставить их улыбаться, радоваться? Попробуйте! Для этого нужно иметь в себе огонь. Но вы сейчас гражданин мира. И все впереди! Жму вам руку, Юрочка! А. Кораблева. 13 мая 1926 года».

Какая вы хорошая, добрая, душевная, учительница моя, Анастасия Яковлевна! «Им нужно солнце! Сможете ли вы дать им солнце?». В этих прекрасных словах выражены мысли и чувства нашей солнечной эпохи. Взрыв этих солнечных мыслей и чувств произошел всего лишь восемь лет назад. Первые годы Революции! Мы жили тогда в Витебске. Что за чудесные годы это были! Несмотря на гражданскую войну, тяжелое время разрухи, голода и холода, солнечные чувства и мысли заменяли людям хлеб. Они возвышали над бедами, придавали силу духу и были опорой в вере в будущее. В эти годы согрелась и моя детская душа и проросла зелеными всходами. Помню, как в 1918 году нас, детишек, собрали в клуб и организовали кружок, которому присвоили имя Владимира Галактионовича Короленко. В клубе было холодно. Все сидели в верхней одежде. Иногда привозили дрова и мы топили буржуйку — железную печку, сделанную из бочки для керосина. При свете керосиновой лампы мы по очереди читали рассказы Короленко, пересказывали их и разбирали. Нам помогал в этом учитель Горкер, который и организовал кружок. Как сейчас помню этого пожилого человека в старом демисезонном пальто, в котором он ходил и зимой. Возможно, ему и ничего не платили за эту работу, но он жил тем, что отдавал нам все свое душевное тепло. С ним мы читали стихи и даже поставили в клубе одну пьесу. Я любил читать стихи, и меня направили в городскую драматическую студию, куда собирали таких же детишек. Кому же пришла в голову мысль создать в голодные годы эту чудесную студию? Иван Иванович Соллертинский[14] читал нам, детям, историю театра и драматургии, Альфред Оскарович Цшохер — историю искусства и эстетику.

Актер Ярославцев объяснял нам, что такое сцена, показывал, как нужно на ней держаться, а потом занимался с нами художественным чтением. Пожилая актриса обучала нас правильному произношению, правильной дикции, а молодая очаровательная балерина с прекрасными глазами — пластике и танцам. И все это происходило в течение двух лет в годы гражданской войны, в огромных почти нетопленых залах бывшего дома витебского губернатора.

Появление Ивана Ивановича Соллертинского в моей жизни мне не забыть никогда. Перед нами, детьми, появился юноша в гимназическом кителе, голова его была острижена под машинку. Юноша выглядел ненамного старше некоторых из нас, и странным казалось, что, только что окончив гимназию, он будет уже чему-то нас учить. Но этот юноша оказался дивом! Когда он стал рассказывать о происхождении европейского театра, начав его историю с зарождения древнегреческой трагедии, он сразу же полонил мою детскую душу. Он словно брал нас за руки и два года водил по миру прекрасного — по театрам и драматической литературе древней Греции, Италии, Испании, Франции, Англии, Германии, Норвегии. Он показывал нам одно человеческое чудо за другим и открывал в каждом из них его особое понимание таинственной природы человека. С Эсхила, Софокла и Эврипида началось наше систематическое ознакомление с драматургией Европы. Никогда до него и после него я не встречал человека, который так любил бы и знал мировую поэзию.

Каждый раз по окончании лекции этот удивительный юноша выходил вместе со мной и с девочкой Надей, слушательницей студии, из здания бывшего губернаторского дома. Дом стоял на горе, и нам приходилось спускаться по ней вниз. Иногда у Ивана Ивановича от недоедания начинала кружиться голова. Тогда он клал руки на наши детские плечи и просил нас немного постоять вместе с ним. Потом он находил скамейку, садился на середину нее, а мы, дети,— по обе стороны от него. Иногда он спрашивал нас, о каком поэте нам рассказать, но выбор мы всегда предоставляли ему. И тогда Иван Иванович преображался и казался нам несказанно прекрасным и непостижимо глубоким. Он читал нам все не в переводах, а в оригинале. На древнегреческом

мы слушали в его чтении Гомера, Эсхила, Софокла, Эврипида, на латинском — Овидия и Лукулла, на итальянском — Данте и Петрарку, на французском — Расина, Бодлера, на английском — Шекспира, Байрона, Шелли, на немецком — Гете, Шиллера, Гейне. Мы ничего не понимали, но нас увлекала его увлеченность и покоряла музыка стиха. Нас поражала его память. Он рассказывал нам, как систематически тренирует ее, ежедневно заучивая стихи, с постепенным увеличением числа запоминаемых строф. Теперь он вбирал в свою изумительную память поэзию Блока. Он жаловался нам, что не может достать в Витебске грамматики испанского языка и вынужден изучать этот язык по найденному им переводу Библии на испанский.

Вспоминается зима 1920—1921 годов. В большом зале губернаторского дома холодно. Иван Иванович, не снимая старой гимназической шинели, ходит по залу, держит в руках том Шекспира, подробно рассказывает нам о его трагедиях и читает из них отрывки. Тогда-то впервые услышал я вдохновенные слова о величии человека, и они запечатлелись в моей памяти:

«Какое образцовое создание человек! Как благороден разумом! Как безграничен способностями! Как значителен и чудесен в образе и в движениях! В делах как подобен ангелу, в понятии — богу! Краса мира! Венец всего живого!» [25, III, 100] *.

Милый Иван Иванович, да ведь Шекспир написал это о вас! Если я понял, что познание есть высшее человеческое счастье, если я ищу в людях и в их творениях прекрасное, то этим я обязан исключительно вам! Как хорошо, что в истоке моего духовного формирования стояли вы — лучисто-светлый юноша, Иван Иванович!

Поезд бежит... Я стою у окна, но почти ничего не вижу. Мысли уходят в воспоминания о немногих прожитых годах. Днем служба, вечером учеба в школе. В вечерней школе для рабочих подростков от учителя Бориса Александровича Фингерта [15] я впервые узнал об утопическом и научном социализме. О каких чистых человеческих

---

* Здесь и далее в квадратных скобках дается ссылка на использованную литературу: первая цифра означает порядковый номер по списку, приведенному в конце книги, вторая — том, третья — страницу. При отсутствии тома страницу означает вторая цифра.

сердцах и умах он рассказывал! О несокрушимом Томазо Кампанелле, лежавшем после пыток на каменном полу тюремной камеры и диктовавшем брату свою книгу «Город солнца», в которой он, измученный, выразил свою мечту о счастье человечества! О Карле Марксе, показавшем труженикам единственный путь к счастью!

Сколько сердечного тепла отдавали нам учителя этой школы, сея в наших сердцах и умах семена разумного, вечного, доброго! Анастасия Яковлевна Кораблева, немало уставшая от преподавания курса истории в школах, все же организовала из учеников старшего класса кружок по изучению работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ведь ей за эту работу не платили! Но она, жертвуя своим единственным выходным днем, собирала нас у себя по воскресеньям и помогала нам изучать эту книгу. Книга вызвала во мне большой интерес к отдаленному прошлому человека. В университете он углубился, и я решил заняться изучением истории каменного века — ведь именно тогда и физически и психически сформировался современный человек — «Краса мира! Венец всего живого!». Мне захотелось постичь, как возникли и развились люди с их поразительной мыслью и способностью к творчеству. Изучение культурно отсталых народов земли, несомненно, должно было дать очень многое для постижения истории формирования человека. Я решил стать этнографом и начать вести самостоятельные этнографические исследования.

Анастасия Яковлевна, видимо, решила, что научные исследования жизни нивхов заслонят во мне человека и я забуду о своем человеческом долге перед этими самыми униженными и забитыми в прошлом людьми. «Им нужно солнце! Сможете ли вы дать им солнце?». А ведь это солнце, дорогая Анастасия Яковлевна, им уже несут. Вы этого не знаете только потому, что не занимаетесь Севером. Едва закончилась гражданская война, едва только рабочий класс России смог приступить к восстановлению страны, как уже Советское правительство встало на защиту малых народов Севера. В 1925 году был учрежден Комитет содействия народностям северных окраин, во главе которого поставлен благороднейший человек Петр Гермогенович Смидович[16]. Этот комитет должен был содействовать планомерному

устройству малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом и административно-юридическом отношениях, а также заботиться об их просвещении, медицинском и санитарном обслуживании. Еще не пришел в себя Дальний Восток от военной разрухи, а уже в прошлом, 1925 году был созван Первый съезд представителей малых народов Севера. Вот она, эта замечательная книжка, лежит передо мной: «Первый туземный съезд ДВО. Хабаровск, 1925». Жаль, что я не могу прочитать вам, Анастасия Яковлевна, речь председателя Дальневосточного Революционного комитета и Комитета содействия народностям северных окраин Я. Б. Гамарника [17].

«Товарищи! Первый Дальневосточный съезд туземцев собрался в дни, когда войска англо-американских империалистов расстреливают на улицах Шанхая и других городов Китая мирные рабочие и студенческие демонстрации. Это показывает, как разрешается национальный вопрос у империалистов.

Наш же съезд говорит, каким образом разрешает национальный вопрос Советская власть, руководимая Коммунистической партией. В то время как империалисты душат, грабят, топят в крови всякое проявление национальных стремлений, мы стараемся помочь отсталым народностям. Перед съездом стоят большие задачи, по ним надо вынести четкие решения. Решения эти будут важными и жизненными потому, что их вынесут сами туземцы. Советская же власть примет все меры к тому, чтобы эти решения были проведены в жизнь.

Три года Советской власти на Дальнем Востоке убедили туземцев, что Советская власть — их друг. Царизм шел к туземцам с водкой, крестом, спаивал, выкачивал пушнину и рыбу. Советская же власть идет на помощь туземцам со школой, больницей и кооперацией. Много уже сделано, но много еще предстоит сделать впереди. Туземцы справятся со стоящими перед ними культурными задачами» [15,3].

Впервые в истории России при Ленинградском университете создан уже факультет народов Севера, куда приезжают первые неграмотные представители этих народов, чтобы ликвидировать свою неграмотность. Я убежден, что рядовые советские и партийные работники донесли уже солнце Октябрьской Революции и до нив-

1-13265

хов. Мне предстоит лишь включиться в эту работу. Этим же солнцем взращен и я. Только благодаря ему я смог жить и учиться в Ленинграде, а теперь поехать к нивхам. Так как же не буду я отдавать им тепло, которое люди щедро давали мне?

21 мая. Поезд оставил позади Европу, перевалил через Урал и идет уже по просторам Азии. В дороге не отхожу от окна — знакомлюсь с новыми для меня местами.

26 мая. В Чите в поезд села молодая женщина с ребенком. Оказывается, она едет к мужу в Александровск на Сахалине. Я обрадовался тому, что еще один человек едет в это отдаленное место.

30 мая. Наконец-то, на шестнадцатые сутки со дня выезда из Ленинграда, поезд прибыл во Владивосток. Я остановился в гостинице в общем номере.

4 июня. Вот уже сутки, как еду на пароходе «Монгугай». Соседом моим по нарам в трюме оказался студент пятого курса Ленинградского Горного института Николай Васильевич Дорофеев. Он геолог, едет на работу в геологическую партию. Приятно было узнать, что вместе со мной на Сахалин едет еще один ленинградец.

6 июня. Мне стыдно пользоваться помощью Николая Васильевича, но он подкармливает меня баклажанными консервами, которыми питается сам. Я не смог сделать достаточных запасов еды на дорогу, так как женщина с ребенком, едущая на Сахалин, попросила меня одолжить ей на проезд до Александровска сорок рублей. Я дал их ей, а у меня самого, после оплаты за гостиницу, осталось двадцать два рубля. Восемнадцать рублей стоил билет в трюме. Рубль я уплатил за доставку моих вещей от гостиницы до парохода. На рубль купил хлеба и кое-какие продукты. Два рубля оставил на возможные расходы, связанные с приездом в Александровск.

7 июня. Днем выхожу на самый нос корабля. Хорошо грудью встречать ветер, смотреть в безбрежные просторы моря и неба. Впереди, кроме них, нет ничего, и кажется, будто ты один среди этого простора. Вечером долго стою на корме и смотрю на завораживающую зеленую фосфоресцирующую воду.

8 июня. Сегодня на палубе неожиданно встретился еще с одним ленинградцем — Неволиным Александром

Никитичем. Он подошел ко мне, когда я стоял у борта парохода. Мы долго молча смотрели на море, а потом стали разговаривать о Сахалине, куда оба ехали. Из разговора с ним я узнал, что ему тридцать четыре года, родился он в деревне. Сельскую школу не закончил из-за ранней смерти отца. Одиннадцатилетним мальчишкой вынужден был уйти в Петербург на заработки. Пристроили его учеником в булочную, где он обучился пекарскому делу. Проработал булочником двенадцать лет. Потом работал пекарем в хлебопекарне Нарвского района Петрограда. Там в 1918 г. он был принят в члены ВКП(б). Затем ушел на гражданскую войну. Теперь едет на Сахалин в распоряжение Сахалинского комитета партии. Приятно было сознавать, что нас уже трое — ленинградцев, едущих работать на Сахалин.

11 июня. Проснулся в 4 часа утра. В трюме душно. Шума моторов не слышно — значит, пароход прибыл уже к берегам Сахалина. Выбравшись на палубу, увидел, что мы стали километрах в двух от берега. В предрассветной сизости Сахалин казался темно-синим. Белые снеговые шапки покрывали головы его хребтов. Кое-где во впадинах гор были видны облака тумана. Сахалин был суров, но очень красив. Так вот каков он — остров моей мечты! Казалось, Сахалин спит и не проснулся еще, как не проснулись многие, ехавшие вместе со мной в трюме и в каютах.

Постепенно стало рассветать. Отчетливее прорезались линии берега. Вправо от парохода стал виден мыс Жонкиер и торчавшие напротив него прямо из моря три скалы, известные под названием «Три брата».

Когда стало совсем светло, от порта отошел маленький катер и направился к пароходу. За катером на длинном канате волочилась небольшая баржа. На нейто в несколько приемов и перевезли на берег пассажиров.

Ступив на берег Сахалина, я стал нажимать на него то одной, то другой ногой — будто ощупывал ногами землю этого острова страданий. И я понял, что это та же самая земля, на которой я родился и вырос. Так нечего же страшиться своей родной земли! Я не уеду с острова до тех пор, пока не выполню намерения, ради которого сюда приехал.

Итак, въезд на Сахалин состоялся.

Николай Васильевич не отпустил меня от себя. Он настоял, чтобы я поехал вместе с ним и остановился в здании александровской школы, которое было предоставлено на летнее время в распоряжение геологического отряда. Мы приехали в школу. Вскоре он представил меня начальнику партии — геологу Петру Игнатьевичу Полевому [18], составителю карты Сахалина. Николай Васильевич рассказал ему, зачем я приехал на Сахалин, и просил его приютить меня на время, пока меня оформят на работу. П. И. Полевой радушно принял меня и отвел в одну из свободных комнат школы, где мне была выделена кровать. Так у меня сразу же по приезде на Сахалин оказался гостеприимный кров.

12 июня. Утром пошел в Сахалинский окружной революционный комитет, который помещался в здании бывшего губернаторского дома. Принял меня секретарь Ревкома А. И. Ильин [19]. Я показал ему телеграмму Шишляникова и направление Университета. Секретарь сказал, что нет смысла представлять меня сейчас Шишлянникову, так как вместе со мной на пароходе прибыл новый председатель Сахалинского ревкома, которому Шишляников сдаст дела. Когда передача будет закончена, он представит меня новому председателю и тогда меня зачислят на работу со дня прибытия на Сахалин. Он попросил меня зайти к нему снова через неделю.

Я вышел от него в невеселом настроении — в кармане у меня оставался всего один рубль. Я рассказал обо всем Николаю Васильевичу. Выяснив, что я даже не знаю фамилии женщины, которой дал деньги, он предложил мне взять документы и пойти с ним в единственную местную столовую, где питались все одинокие работники Ревкома. Он уже побывал в ней. По его плану мы должны были показать заведующему столовой телеграмму Шишляникова и попросить его зачислить меня на питание до оформления на работу.

Все произошло так, как говорил Николай Васильевич. Заведующий столовой оказался отзывчивым человеком и зачислил меня на ежедневное трехразовое питание. Таким образом, благодаря заботам Н. В. Дорофеева я получил кров и пищу. Теперь можно было спокойно ждать дальнейшего развития событий.

Вечером меня отыскал муж женщины с ребенком, вернул мне сорок рублей и поблагодарил за помощь,

оказанную его семье. Это был Петр Иннокентьевич Лапардин[20] — работник финансового отдела Ревкома и, кроме того, корреспондент газеты «Известия». Просил меня зайти к нему в гости.

Стало немного веселее. Теперь, пока меня оформят на работу, я могу подумать о своих предстоящих исследованиях жизни нивхов и, может быть, даже посетить ближайшее нивхское селение. Остаток дня решил посвятить разбору и систематизации большого количества выписок из разных книг, которые должны были мне помочь в моих исследованиях.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С НИВХАМИ. СЛЕДЫ НЕОЛИТА НА САХАЛИНЕ

13 июня. Из литературных источников известно, что первыми обитателями Сахалина были тоньчи, затем их сменили айны, и наконец — нивхи.

Кем были тоньчи неизвестно. Айны еще застали их на Сахалине, вели с ними войны и в конце концов заставили уйти с острова [16, 8—9].

Айны, по мнению Б. О. Пилсудского, пришли с юга. Доказательства этому он находил в их языке, богатом гласными, и в одежде. Он писал, что айнский «халат с открытыми шеей и грудью показывает, что морозы и холодные ветры Сахалина не были знакомы отдаленным предкам айнов. Гиляки передавали мне сохранившееся у них предание, что при первом соприкосновении с айнами гиляки были поражены отсутствием в костюме первых штанов и что эта часть платья была перенята затем племенем волосатых южан у гиляков» [16, 14].

Нивхи пришли на Сахалин с материка. Это доказал Л. Я. Штернберг [27, 17].

Для истории народов, населявших и населяющих Сахалин, чрезвычайно важно, что археологическими раскопками на острове и в низовьях Амура обнаружены не металлические, а каменные — неолитические орудия. Первым исследователем, обнаружившим и описавшим следы неолита на Сахалине, был И. С. Поляков, путешествовавший по острову еще в 1881—1882 годах. «Очевидно, что уже с давних времен, — писал он,— человек населял устье Александровской долины и пользовался

ее естественными произведениями с тем или другим успехом, хотя первобытные обитатели здешнего края, как это было некогда почти повсюду на земном шаре, не знали металлов и заменяли их в домашнем обиходе разного рода каменьями,— одним словом, это были жители каменного века» [19, 18].

Орудия каменного века и черепки глиняной посуды И. С. Поляков обнаружил в ямах — следах бывших жилищ. Из литературы известно, что нивхи называют их «айнскими ямками» [27, 16]. Айны же утверждают, что это следы жилищ тоньчей. Если бы исследователи встретились с последними, то вполне вероятно, что те сообщили бы им, что на Сахалине до них тоже жили какие-то люди.

Поскольку орудия каменного века И. С. Поляков обнаружил в районе устья речки Александровки, я решил пройтись по этим местам в надежде увидеть следы поселений древних аборигенов Сахалина. Выйдя из школы, пошел по направлению к реке. По пути увидел крепко сложенного старика с лицом монгольского типа. На голове его была европейская фетровая шляпа, из-под которой на спину свисала коса. Одет он был в длинный стеганый кафтан маньчжурского покроя, подпоясанный узеньким ремнем. На ногах его была обувь из тюленьей кожи. Сразу же подумал: «Да не нивх ли это?» — и подошел познакомиться.

Действительно, это оказался нивх. Зовут его Плетункой, живет в селении Хои, в пятидесяти километрах к северу от Александровска. В город пришел за покупками: чаем, табаком, сахаром. Рассказал ему, зачем я приехал на Сахалин. Оказалось, Плетунка помогал еще Л. Я. Штернбергу, когда тот проводил свои исследования на Сахалине. Это сблизило нас. Попросил его помочь мне найти следы древних обитателей Сахалина. Он понял, что я хочу увидеть «айнские ямки», но разочаровал меня, сказав, что вряд ли сейчас их можно отыскать в районе реки Александровки — все вокруг распахано под огороды. Но я все же упросил его пойти со мной.

Когда мы приблизились к устью, то в тех местах, где, по указанию И. С. Полякова, должны были находиться следы древних жилищ, увидели огороды. В одном из них работал старик. На мои расспросы, не находили ли местные жители каменных орудий и черепков

глиняной посуды, он ответил, что находили, но это было давно и никем они не собирались.

— Правда, — сказал он, — на днях я нашел какой-то камешек, вроде как бы обработанный. Я его сейчас вам покажу и отдам, если он вам нужен.

Это оказался кремневый наконечник стрелы темно-малинового цвета. Плетунка с интересом схватил его и воскликнул:

— Это *к'у*[21] — стрела. Она из *н"ак* — кремня!

Я был обрадован находкой, поблагодарил старика за подарок и ушел вместе с Плетункой. По дороге спросил его, не слышал ли он от стариков, что нивхи делали горшки из глины и наконечники стрел — из кремня. Он ответил отрицательно.

Придя в Александровск, зашел с Плетункой в ближайший магазин, купил ему в подарок фунт листового маньчжурского табаку, плитку чая, чем он остался весьма доволен.

Когда я расставался с ним, мне пришла в голову мысль спросить его, какие породы камней различают нивхи и как они их называют. Плетунка ответил:

— Всякий камень мы называем *пах"*, а кремень — *н"ак*. Из кремня мы огонь добываем. Других слов для названия камней у нас нет[22].

После этого мы расстались.

Сообщение Плетунки о том, что у нивхов для названия камней есть только два слова: *пах"* — «камень» и *н"ак* — «кремень», показалось мне чрезвычайно интересным. Оно заставило меня задуматься. Значит, предки современных нивхов из всех разновидностей камня выделили и наименовали только один кремень[23]. Это произошло, несомненно, потому, что из него люди с древнейших времен изготовляли орудия. Этот живой факт из современного нивхского языка словно унес меня в глубины древней истории человечества. Ведь в самых ранних стоянках нижнего палеолита обнаружены орудия, изготовленные из кремня! Таковы ручные рубила ашельского типа, скребла и остроконечники мустьерской эпохи. Еще трудно осмыслить в полной мере научную значимость совпадения фактов из области самой древней истории человечества с данными современного нивхского языка. Но оно заставляет задуматься над тем, каким образом нашими древнейшими предками, похо-

дившими на обезьян больше, чем на современных людей, был выбран именно кремень. Перед ними было множество самых различных камней. Как же случилось, что для изготовления орудий они выбрали именно кремень? Кремень не еда — его по запаху и вкусу не обнаружишь! Значит, выбор его — акт рассудочный, а не инстинктивный. Открытие кремня,— возможно, первое открытие, совершенное людьми в природе. Однако вряд ли оно было одномоментным. Ему, вероятно, предшествовало огромное количество случайных проб. Ведь для того, чтобы учесть отличия кремня от других камней,— его твердость, хорошую скалываемость, острый режущий край, который образовывал оббитый кремень и его отщепы,— и выбрать его в качестве основного материала каменных орудий, должно было пройти значительное время оперирования им, которое и подсказало нашим предкам его преимущества. На заре человеческой истории познание природы могло осуществляться только путем осязания, обнюхивания, облизывания, разглядывания, раскусывания, разламывания.

Основоположник хронологической классификации палеолита Г. Мортилье говорил: «Кремень и все другие камни, от которых можно отбивать острые осколки, дают раковистые изломы, т. е. изломы, представляющие выпуклость или вогнутость, неправильно закругленную, подобно внутренней и наружной поверхностям некоторых двустворчатых раковин...» [13, 53]. И далее: «Чтобы получить такой излом, необходим быстрый, сильный и решительный удар — условия, совокупность которых возможна только при ударе намеренном. Таким образом, отбивная раковина является существенным признаком намеренного действия» [13, 53]. Но для намеренного действия нужно предвидение, нужна последовательная цепь логических умозаключений, без которых невозможно изготовление самого простого каменного орудия. Значит, намеренный удар мог нанести только человек, обладавший уже разумом.

Я снова взял найденный наконечник стрелы, стал ощупывать его грани и вспомнил курс доисторической археологии, который слушал в Университете, и практические занятия по этому курсу, проходившие в отделе археологии Музея антропологии и этнографии. Изучая палеолитические орудия в хранилище отдела, я пришел

к выводу, что непрочитанная история человеческой мысли, написанная на гранях каменных орудий, все же может быть прочитана. Разве невозможно с предельной четкостью ответить на вопрос: какие мыслительные процессы протекали в мозгу нашего предка, когда он изготовлял орудие? Можно! Надо только взять такое орудие в руки, ощупать его и подумать над тем, какие мысли должны были предшествовать его изготовлению. Трудясь над изготовлением орудия, наш предок не мог не думать, и взаимосвязь его мыслей и поступков могла быть только такой:

1) прежде всего творец орудия видел цель своего труда — орудие, т. е. думал о необходимости его изготовления еще до того, как приступал к труду над ним;

2) мысля об орудии, он искал и выбирал соответствующей породы камень, преимущественно кремень;

3) обрабатывая найденный кремень, он предвидел уже его назначение.

Л. Нуаре говорил: «Орудие труда не только глубоко связано с разумом, но оно также предполагает функционирование разума...» [14, 183].

Вспомнилось увиденное в Музее антропологии и этнографии «ручное рубило шельского типа из кремня желтоватого цвета» из коллекции № 4452, зарегистрированное под № 10. Оно было массивным, с крупными грубыми отколами и пролежало в земле десятки тысяч, а может быть, и сотни тысяч лет, прежде чем попало в музей.

Взяв его в руки, я прежде всего ощутил, что ископаемые предки стремились пригнать это орудие к руке. Одна сторона орудия плохо укладывалась в мою ладонь, зато другая — удивительно хорошо. Один край этой стороны упирался о мышцу большого пальца, а другой — плотно охватывался остальными пальцами. В одном этом процессе подгонки орудия к руке был выражен разум, выражена мысль исключительной логической силы — ведь на стороне, прилегающей к ладони, я смог насчитать 28 отколов, а на противоположной — 20, хотя, несомненно, их было больше. В каждом откole была видна последовательность, была видна цель, было видно осознание явлений причины и следствия.

Изготовляя его, наши предки должны были пред-

ставлять себе, что: 1) направленный удар камнем о камень отколет от последнего часть его; 2) такое действие заострит края камня; 3) камень с заостренными краями будет иметь бо́льшую разящую силу.

Разве стали бы люди каменного века изготовлять такие орудия, не зная этого? И можно ли подобные операции производить бесцельно? Это можно было делать, лишь видя цель работы.

К изготовлению каменного орудия вполне применимы слова К. Маркса: «Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средств труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда» [3, 191].

Наш гениальный физиолог Иван Михайлович Сеченов утверждал: «Если обратиться с психическим анализом даже к самым зачаточным проявлениям цивилизации в человеческом обществе, то мы встречаем уже человека одаренным всеми теми умственными средствами, которые делают из него наблюдателя, мыслителя, ученого и художника. Трудно думать в самом деле, чтобы на изобретение, например, искусственного способа добывания огня или способа выработки из руд железа, меди и пр. потрачено было менее умственной энергии, чем на любое из новейших технических или научных открытий. Притом психические факторы, работавшие в том и в другом случае, мы не можем не признать за тождественные. Мысль эту можно, я полагаю, скрепить следующим соображением: если бы доисторических изобретателей искусственного огня и приготовления бронзы перенести с детства в XIX столетие, то из них вышли бы знаменитые физики, химики или техники» [22, 229].

В связи с этим я вспомнил данные о средней емкости черепа нынешних и доисторических человеческих рас, приведенные в книге И. Ранке «Человек»: у доисторических северных строителей долменов — 1580 *см*^{3}, доисторических обитателей Кро-Маньона — 1590 (или 1640), пещеры Лом-Мор — 1606, доисторической стоянки Солютре — 1615, а у парижан XII в. — 1532, современных парижан — 1558, современных обитателей Нижней Бретани — 1560, испанских басков — 1584, галлов — 1585, современных овернцев — 1598 [20, 544].

«Таким образом,— заключает И. Ранке,— древние доисторические обитатели Франции по размерам мозга

превосходили нынешних французов. Такое же отношение мы встречаем не только у наших западных соседей, но, по-видимому, повсюду, так что во всяком случае мозг древних не уступал нашему» [20, 544].

Значит, труд ископаемого человека, запечатленный в его каменных орудиях, и останки людей каменного века, которые удалось обнаружить, свидетельствуют, что люди эти были разумны, что им была свойственна логическая мысль — без нее было бы невозможно ни создание орудий, ни постоянное накопление знаний, основанных на трудовом опыте. Значит, «краса мира, венец всего живого» — человек — интеллектуально сформировался уже в самом начале верхнего палеолита. Жизнь и ее формы загадочны, но самое загадочное в ней — люди. В природе нет ничего более сложного, чем человек и его мысль. И в самом деле, в свой крошечный мозг человек вмещает землю, небо, звезды, вселенную и всем им в нем не только не тесно, но он способен вместить в себя еще бездну неведомого. Как возникло и работает это маленькое мыслящее чудо, вбирающее в себя безмерную вселенную?

Все это необходимо уяснить сейчас, перед началом изучения нивхов, изучения одной из весьма древних человеческих культур. И для этого нужно выработать твердые методологические установки.

В свое время Ф. Энгельс писал: «Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. Сделано в этом отношении до сих пор немного, потому что очень немногие люди серьезно этим занимались» [6, 371]. Пути, указанному Ф. Энгельсом, я и намерен следовать, если только у меня хватит для этого умения.

НИВХСКОЕ СЕЛЕНИЕ АРКОВО

14 июня. Ближайшее нивхское селение Арково — в 12 километрах от Александровска. Идти к нему надо берегом моря. Только на Половинке—это большой лог, находящийся на середине пути в Арково,— есть речка, ко-

торую, как мне сказали, переходят вброд. С собой я взял немного продуктов, подарки для нивхов, бумагу, карандаши, некоторые выписки из книг, чтобы легче было вести расспросы, и отправился в путь. Идти по гальке было трудно, у самого края воды по сырому песку — легче. Справа тянулся высокий обрывистый берег, поросший вверху лесом, слева — Татарский пролив. Было раннее утро. Вокруг ни души. Я шел один по острову своей мечты.

Шел и думал. Археологическими раскопками на Сахалине обнаружены явные следы каменного века, но у нивхов орудий этого века никто не видел. Однако в их языке для обозначения камней есть только два слова: *пах"* — «камень» и *н"ак* — «кремень». Это и есть подтверждение того, что нивхи жили в условиях каменного века. Но найду ли я другие доказательства? Как встретят меня нивхи? Захотят ли они беседовать со мной, совершенно неведомым им человеком? С чего начать изучение? С их хозяйством мне будет легче ознакомиться, чем изучить их общественный строй, семейную жизнь, религию. Пожалуй, начать нужно будет с выяснения их представлений о космосе. Эта область далека от их интимной жизни, и тут они могут пойти мне навстречу.

Речка на Половинке оказалась неглубокой. Я перешел ее, немного отдохнул, съел кусок хлеба и пошел дальше. Примерно через час с небольшим добрался до второй речки, где, как мне говорили, и должно находиться селение Арково. Пройдя немного вверх по реке, нашел нивхское жилище. В нем оказались старик, старуха, два мальчика — лет четырнадцати и пяти и девочка лет восьми. Старика звали Чурка, старуху — Рурнет, старшего сына — Заган, младшего — Н"ыудин, девочку — Ягит (рис. 2). Рассказал им, кто я и зачем приехал на Сахалин к нивхам. Оказалось, что Чурка хорошо знал Л. Я. Штернберга и работал с ним. Это сразу же расположило его ко мне. Я передал Чурке фунт листового маньчжурского табаку, фунт рафинада, половину плитки чая, так как от Л. Я. Штернберга знал, что нивхи любят курить и пить крепкий чай. Подарок был принят молчаливо, как знак моего глубокого уважения к хозяевам. Рурнет повесила над очагом чайник и подбросила в огонь дров.

Рис. 2. Летнее жилище Чурки.
Слева направо: Рурнет — жена Чурки; Якук — дочь Рурнет, приемная дочь Чурки; Чурка.

Летнее жилище Чурки не имело ни пола, ни потолка. Первый заменяла земля, второй — крыша из коры. Внутри жилища были три нары — две продольные, идущие вдоль боковых стен, и одна поперечная — вдоль задней стены. В пространстве между нарами расположен квадратный очаг, состоящий из четырех толстых досок, внутри которых насыпан песок. На песке был разложен костер, над которым и висел чайник, повешенный хозяйкой, как только я к ним пришел и отрекомендовался.

В жилище Чурки было потрясающе грязно. По земляному полу ползали разные насекомые, валялись обрывки и обломки всяких вещей. У входа были две полки с грязнейшей посудой. На нарах валялись тюленьи кожи, обрывки одежды, грязные постели, собачья шуба, мешки. Под жерди, поддерживавшие кору крыши, были воткнуты палочки, на которых висели разные вещи, а под кору крыши — несколько ножей, какие-то бумажки.

Пока я рассматривал жилище Чурки, он постелил на поперечную нару старый брезентовый парус и предложил мне расположиться на нем, что я и сделал.

Рис. 3. Нивх Чурка.

Чурка (рис. 3) был общителен и хорошо говорил по-русски. Начали с того, что выяснили, какие еще селения находятся севернее Арково. Он их перечислил: Танги, Хои, Вайды, Трамбаус, Вияхты. На вопрос, почему их селение называется Арково, Чурка ответил, что так его называют русские, а по-нивхски оно называется *Арк"и-в"о* — «Корюшкино селение» от *арк"и* — «корюшка» и *в"о* — «селение». Оказывается, в их реку в изобилии входит корюшка. Ее ловят и вялят на специальных сушилах. Действительно, когда я подходил к жилищу Чурки, то видел сушила с вялящейся на ней рыбой.

Конструкция сушил чрезвычайно проста. Они состояли из четырех примерно трехметровых пар столбов, врытых в землю на одинаковом расстоянии один от другого, на которые параллельно друг другу были уложены продольные перекладины. Между этими столбами, как бы внутри сушила, на других четырех столбах примерно полутораметровой высоты был сделан небольшой помост

для обработки рыбы, представлявший накат из нетолстых бревен. На помосте стояло корыто для икры и лежали доски для разделки рыбы. К помосту было прислонено бревно с зарубками — своеобразная лестница. В стороне от сушил стояли в виде шатра шесты для навешивания и нанизывания юколы.

Лов корюшки недавно кончился, и рыба была нанизана на прутья, связанные попарно. Прутья были перевешаны через шесты, положенные концами на продольные перекладины. Чтобы рыба не сползала, на конец каждого прута, вдоль него, была насажена целая корюшка, а остальные нанизывались на прут головками сквозь жабры. Свежепойманная и нанизанная на прутья корюшка висит на вешалах до тех пор, пока не провялится на воздухе. Потом ее связками складывают в амбар — это еда на зиму. Все это мне рассказал Чурка.

— Неужели нивхи только вялят корюшку? И не солят ее? — невольно спросил я.

Чурка засмеялся:

— Мы готовим юколу так, как готовили ее в старину. Тогда ее только вялили. Тогда соли у нивхов не было. Чтобы достать ее, они жгли деревья, выброшенные морем. Сожгут их, соберут золу и разведут водой из реки. Зола оседала, а вода становилась соленой. Ее и употребляли вместо соли. В старинной деревянной посудине наподобие подноса, из которой ели тюленье мясо, вырезали углубление. В него наливали этот рассол, макали туда мясо и ели.

Что и говорить, способ заготовки рыбы у нивхов очень примитивен!

Когда мы вернулись в жилище, чайник уже вскипел. Рурнет взяла маленький столик и поставила его подле Чурки. Затем она принесла две юколы — пласты вяленой рыбы, положила их на специальную дощечку и разрезала на мелкие куски. Нарезанная юкола была переложена на столик. Рурнет достала две пиалы и стала вытирать их обрывком старого невода. Одну пиалу она натирала особенно тщательно, до блеска, и если какой-либо участочек ее не блестел так, как ей того хотелось, она плевала на него и снова терла неводом. Нетрудно было догадаться, что эта блистательная пиала предназначалась мне. Подле каждой пиалы, поставленной на столик, она положила по куску сахара. Несколько лом-

тиков хлеба были положены на тарелочку, которая тоже была помещена на столик. Когда все это было приготовлено, Чурка взял столик, перенес его ко мне на нару и предложил выпить чаю. Он сел напротив меня и стал наливать в обе пиалы крепкий чай, который был заварен прямо в чайнике.

Чурка пил чай не торопясь. Я старался подражать ему, жевал куски невкусной вяленой рыбы и запивал их небольшими глотками. За чаем попросил у Чурки разрешение задать ему несколько вопросов, на что он ответил согласием.

— Скажи, пожалуйста,— спросил я его,— как нивхи думают, что такое солнце?

— Солнце,— медленно сказал он,— мы называем *к'эн"* и считаем его живым. Место, откуда оно выходит, мы называем *к'эн" марф (марнт* — «подниматься», «всходить»), а место, куда оно заходит, называем *к'эн" кутьф (кутьнт* — «падать»). Редко, но бывает, что солнце начинает умирать. То оно ярко светит, то вдруг на него начинает наползать что-то черное, и посреди дня становится темно и страшно. Тогда нивхи выбегают из домов, вытаскивают железные вещи — топоры, котлы, пилы, чашки, начинают в них стучать и громко кричать: *паг р, паг·р* — красная, красная. Так называют у нас красных сучек (рыжей масти.— *Е. К.*). Тогда мало-помалу чернота отходит от солнца, и оно начинает оживать. На моем веку солнце два раза помирало, и мы два раза спасали его!

— А зачем же в это время зовут собаку?

— На солнце живет красная сучка, которая начинает поедать его, потому оно и помирает. Вот мы и зовем ее к себе. Тогда собака отстает от солнца, перестает его есть, и оно оживает.

И вдруг мне почудилось, будто Чурка на нивхский лад пересказывает легенду из книги Э. Тэйлора о том, что у туземных племен Америки «на северном материке некоторые дикари верили также в огромную солнце пожирающую собаку, а другие пускали стрелы в небо для защиты своих светил от воображаемых врагов, нападавших на них...» [24, 292].

— А что такое луна? — спросил я у Чурки.

— Луну,— сказал он,— мы называем *лён"*. Когда она полная, на ней видна женщина, которая на коромысле

несет в ведрах воду. На луне тоже живет большая злая собака, которая ест ее. Больше ничего о луне мы не знаем.

«Чикитосы южного материка (Америки. — *Е. К.*), — сообщает Э. Тэйлор,— думали, что за Луною гнались по небу огромные собаки, которые хватали и терзали ее, пока свет ее не становился багровым и тусклым от крови, струившейся из ее ран. И тогда индейцы, поднимая страшный вой и плач, стреляли в небо, чтобы отогнать от нее чудовищ» [24, 292].

Таким образом, представления нивхов о солнце и луне не являются исключением — они входят в огромную систему представлений, названных ныне анимистическими.

— А что нивхи думают о молнии и громе?

— Молния,— сказал Чурка,— это птица. Мы ее называем *тьынт*. Изо рта у нее выходит огонь, а когда она машет крыльями — раздается гром.

Когда зима наступает, молнии на дно Татарского пролива чуть севернее Погиби опускаются. Это место называется *н''ыню*. Там вода быстрее замерзает. Молнии там подо льдом живут, ничего не видят, как слепые живут. В это время *палниг''вн''* — горные люди делают длинные развилины, идут к этому месту, продалбливают во льду лунки и смотрят на дно. Увидев птицу-молнию, горный человек своей развилиной ее глаза колет, давит.

Весной, когда лед уходит, птицы-молнии вылетают. Тогда горные люди повсюду от них прячутся. Горные люди в горах, покрытых лесом, живут. Как только молния увидит след горного человека либо его самого, так она летит за ним. Горный человек тогда прячется. Однако он хоть в дерево войдет, хоть в камень войдет, молния все равно быстро его настигает, все дерево изломает, камень изломает. Так молния горного человека преследует, убивает.

Потом, когда зима наступает, горный человек опять молнии мстит. Он опять молнию мучает. Когда лето наступает, молния мстит, горного человека мучает. Так древние нивхи говорили.

Нивхи, ныне родившиеся, тоже вот думают, смотрят: действительно горный человек и молния воюют.

Бывает, что нивх во время грозы по лесу идет и ви-

дит, как горный человек, боясь молнии, прячется. Прячась, горный человек под слоем земли ходит, ее приподнимает. А то в шмеля превращается — в одежду нивха залетает. Нивх, догадавшись, свою одежду снимает, ее вытряхивает. Тогда горный человек опять бежит, прячется, но как бы он ни прятался, молния все равно его увидит и убьет. Где бы горный человек ни спрятался, молния его огнем спалит. Из ее рта выходящий огонь в дерево ударит, дерево загорается, все пылает. Какое бы толстое дерево ни было, молния от вершины прямо до корня его раскалывает. Сильный ветер бывает, дерево закручивает, с корнем выворачивает, валит.

Только тогда горный человек живой остается, когда в гнилое дерево входит. Молния прилетает, в это дерево ударяет. Гнилое дерево в мелкие кусочки разлетается, а горный человек вместе с кусочками дерева выпрыгивает, спасается. Если в лесу во время грозы нивх увидит впереди себя бегущего человека, то это горный человек. Тогда ему надо крикнуть, чтобы он спрятался в трухлявое дерево. Он спрячется туда и спасется.

Бывает, горный человек в пуговицу нивха прячется, а нивх этого не знает. Молния прилетает, в нивха ударяет, нивха убивает, а горный человек вместе с кровью нивха выскакивает, живым остается. Молния считает, что она горного человека убила, и улетает, а он живым остается. Но в пуговицу только маленькие пяти-шестилетние горные люди прячутся — ума не имея, в нивха прячутся, себя спасают.

Дерево, разбитое молнией, нельзя трогать. Человека, убитого молнией, тоже нельзя трогать. Его оставляют лежать там, где он был найден убитым, и лишь ветвями забрасывают.

Когда бушует гроза, в каждом нивхском жилище два вертела берут. Один их край соком ягоды или кровью рыбы обмазывают. Необмазанным краем их перед жилищем в землю втыкают. В дымовом же отверстии стрелу с развилиной укрепляют — она птицу-молнию отпугивает, от жилища ее отгоняет. Там, где белые сучки есть, люди их хватают, крепко держат и им уши кусают. От боли сучки визжат. Тогда гром и молния затихают.

— А если,— продолжал рассказывать Чурка,— нивх птенчика-молнию находит, он вату из своего халата нарывает, теплое гнездышко устраивает и туда птенчика

кладет. Птенчика-молнию всегда маленькая птичка кормит, которую называют *тэт*. Эта птичка *ахмалн"* — тестем птицы-молнии считается, а птица-молния ее *ымг"и* — зятем считается. Внутри клюва птички-молнии очень красно, потому что у нее изо рта огонь выходит, а крылышки, которыми она гром делает, из восьми рядов перьев состоят.

Я слушал Чурку и думал — не мистифицирует ли он меня? Но нет, он говорил серьезно [24]. И тогда я вспомнил, что нечто подобное читал у Э. Тэйлора о представлениях североамериканских индейцев дакота, но не о молнии, а о громе: «Гром, говорят они,— огромная птица, отчего и происходит его быстрота. Старая птица начинает, а затем подхватывают и продолжают греметь бесчисленные молодые птицы, отчего и происходит продолжительность раскатов. Все бедствия, говорят индейцы, производятся молодыми птицами, или громами, которые подобно дурным юношам не слушаются доброго совета. Старая птица, или гром, добра и мудра, не убивает никого и не делает ни малейшего вреда» [24, 321—322].

Да, сходство огромное! Объясняется же оно тем, что одинаковые уровни культуры порождают сходные и даже тождественные представления об окружающем мире. Как писал К. Маркс, мифология «...формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы» [2, 737].

15 июня. Мы сидим с Чуркой на бревне на берегу Татарского пролива у устья реки Арково. С моря в лицо нам дует ветер. Спросил его, как нивхи называют ветер.

— Просто ветер мы называем *ла*. А так каждый ветер свое название имеет: северо-западный (из Николаевска) — *ари,* западный — *тунгур,* юго-западный (из Де Кастри) — *к"он"гор,* северо-восточный — *элвари,* восточный — *тлан"и,* юго-восточный — *лар виланг.*

— А кто делает ветер?

— Мы считаем, что ветры вызывает женщина. Когда она в жилище сидит и что-либо делает, погода тихая. Когда же она на улицу выходит и танцует — ветер поднимается. Если она тихо, недолго танцует — ветер слабый, если она сильнее танцует — ветер сильнее. Если

же она сильно танцует — и ветер сильный. На Амуре один из ветров нивхи называют *ариумгу,* а другой — *к''он''горумгу.* Словом *умгу* они называют женщину.

Когда я молодой был, нивхи ветер убивали, если он был силен и опасен. Делалось это так. Нивх, собиравшийся убить ветер, расщеплял конец стрелы и вставлял в расщеп кусок трута, который затем поджигал. Взяв лук, он в него эту стрелу вкладывал и из жилища с ним выходил. Против ветра он шел, завихрение разыскивал.

В это время сзади него другой нивх шел и будто пытался задержать его, за плечи его хватал, за одежду и упрашивал: «Не убивай, не стреляй!». Нивх, шедший с луком, обязан был молчать. Стрелять можно только против ветра. Увидев завихрение, нивх стрелял в него и говорил: *ихнт* — «убил». Потом он поворачивался и в свое жилище шел — на то место смотреть, куда стрела попадает, нельзя. Брать ее оттуда также запрещалось [25].

Чурка помолчал немного, а потом продолжал свой рассказ:

— Когда на море или на земле *лаврыр* — «смерч» — крутится, надо из ножен нож вытащить и ему его острие показать. Тогда он в другое место уйдет или пропадет.

Я с интересом слушал Чурку. В его рассказах отчетливо видны были попытки древнего человеческого ума объяснить себе явления природы, не доступные еще его пониманию.

— Место, откуда ветер дует,— продолжал говорить Чурка,— называется *лахути* — «ветровое отверстие» (*к'ути* — «дыра», «отверстие». — *Е. К.*) Сказывают, что осенью лебеди сквозь эту дыру в другую вселенную улетают, а весною обратно к нам прилетают. От амурских нивхов слышал, что другая вселенная, куда лебеди улетают, называется *заливливмиф.*

В это время начался прилив.

— А как нивхи объясняют, отчего происходят прилив и отлив?

— Все, что мы с тобой видим вокруг — и небо, и море, и землю, мы называем *курн''.* Все это мы считаем живым. Когда *курн''* в себя вдыхает, тогда он воду в себя тянет. Тогда идет отлив. Когда он обратно выдыхает — идет прилив.

Чурка сказал мне об этом по-нивхски: *курн'' морк''-*

анд; п'э рк"н"дох"тан"а — ч'ах" н"асра, г"уми тан"а — ч'ах" вэура [букв.: «вселенная живая, когда в себя (букв.: «к себе».— *Е. К.*) дышит — вода мелкая, наружу когда выдыхает — вода глубокая»].

Надо обладать огромной, почти невероятной силой воображения, чтобы представить себе вселенную живой, но Чурка говорил то, что думал он сам и что думали его предки.

— Куда же уходит вода во время отлива?

— Видишь ли, говорят, в море есть *толк'ылмыр* — пуп моря (*тол* — «вода», «море», *к'ылмыр* — «пупок». — *Е. К.*). Вот сквозь этот пуп вода и втягивается, а потом сквозь него обратно выходит. Рассказывают, что амурские нивхи ловили на Сахалине соболя. Перезимовав, к себе на Амур на двух лодках поехали. В это время отлив шел. Одна лодка к пупу моря подъехала и пропала. Ее туда вместе с людьми затянуло. Другие, увидев это, обратно вернулись.

Слушая все это, я невольно подумал, что зеленое море сейчас плещется и ласкается у наших ног, и можно думать, что оно ласковое, доброе. Когда же оно вздымает темные валы и опрокидывает их на берег, можно полагать, что оно сердится, что оно недовольно. Да, да, можно думать, можно полагать... Но я-то так думать не в состоянии. Я не могу считать природу живой, как это делает Чурка, и поэтому то, о чем он мне сейчас говорит, проходит мимо моего мозга, мимо моего сердца. Я слышу, отчетливо слышу его речь, силюсь почувствовать его душу, хочу воспринять все окружающее подобно ему — и не могу.

Я подумал было, что надо бы Чурке рассказать, что приливы и отливы объясняются лунным притяжением, но почувствовал, что он еще меньше поймет меня, чем я его. Он, несомненно, подумает обо мне, что я ничего не понимаю и несу ему несусветную чушь.

Чурка и я сидели рядышком на бревне, но он мыслил образами каменного века, а я понятиями, выработанными наукой. Между нашими представлениями пролегали века. Наши мысли протекали в плоскостях различного опыта.

К нам подошли два старика, жившие в селении Арково, нивхи Кавкан и Фондаун. Я решил и у них выяснить, как представляют нивхи строение мира.

— Скажите,— спросил я их,— вот нивхи говорят, что солнце поднимается и солнце падает. Куда же оно вечером падает или заходит и откуда утром восходит?

— Видишь ли,— сказал Чурка,— днем солнце светит живым людям, а ночью оно светит умершим людям, которые живут под землей в деревне, называемой Млыхво. Когда у нас день — в Млыхво ночь, когда у нас ночь, там — день.

Из дальнейших расспросов стариков я выяснил, что древние нивхи представляли вселенную состоящей как бы из трех плоскостей: верхней — неба, называемой ими *тлы* — «небо» или *тлымиф* — «небесная земля», средней, называемой ими *миф* — «земля» или *ыхмиф* — земля *ых,* и нижней — *млых,* или *млыхв"о,* — селения мертвых, находящейся под землей.

— Вот вы говорите,— спросил я нивхов,— что на небе тоже есть земля. Кто же на ней живет?

— На ней живут небесные люди и разные звери,— ответил старик Фондаун.

— Древние люди рассказывали,— продолжал он,— что хороший небесный человек на землю золото кидает. Если нивх это золото найдет, он его спрятать должен и тогда во время охоты ему удача будет. Бывает еще, что небесный человек с неба на землю удочку с крючком бросает. Если нивх за нее шеей зацепится, небесный человек вздергивает его на небо. Однажды нивхи заметили удочку с медным крючком, спущенную с неба. Тогда они рядом с ней нивха посадили, а на него шубу надели. Затем они с него шубу сняли и на крючок ее кинули. Как только она за него зацепилась, так тут же на крючке в небо и поднялась. После этого случая нивхи узнали, что это проделки человека неба. Тот, кто золото с неба кидает, тот хороший человек, а кто удочку — плохой человек, черт.

Слушая эти наивные представления, которые могло породить только воображение рыболова, выуживавшего крючком из реки рыбу, я вспомнил сообщение Л. Я. Штернберга: «Молодой гиляк Ильк рассказывал мне, что *тлынивх* (т. е. «небесный человек».— *Е. К.*) зацепил однажды золотым крючком его отца, который спасся только тем, что ухватился за дерево и таким образом отделался лишь испугом и изорванным халатом» [27, 55].

— Древние люди говорили,— сказал Кавкан,— что когда небесные люди кроят шкуры зверей на обувь и одежду, то обрезки этих шкур на землю падают и опять в зверей превращаются. Если на землю кусочек шкуры чернобурой лисицы упадет, то он чернобурой лисицей станет, если же кусочек шкуры зайца — он зайцем станет. Первая красная (рыжая.— *Е. К.*) собака, говорят, тоже с неба упала.

— Ну а черные и белые собаки тоже с неба упали? — спросил я.

— Нет, — ответил Кавкан, — только красные собаки с неба падают.

Тут в разговор вступил Чурка:

— Белки тоже с неба падают. В один год белки на Сахалине не бывает, а в другой год ее здесь очень много. Откуда она на Сахалин придет? Только с неба упасть может!

Поскольку мы говорили о небе, я решил выяснить и представления нивхов о звездах. Оказалось, что их познания в этой области ничтожны. Общее название звезды у них *уньг"р*. Из неисчислимого же обилия звезд они выделили всего лишь одну звезду, три планеты и три созвездия, для которых имеют особые названия. Полярная звезда — *Тлы н"аур уньг"р* (букв.: «звезда небесного живота»), Юпитер — *Пилан" уньг"р* (букв.: «Большая звезда»), Венера — *Кувр,* Марс — *К'эк" уньг"р* (букв.: «Лисья звезда»); созвездие Ориона (?) — *Тех в"акрынт;* Большая Медведица — *Ньн"аг"рнё* (букв.: «Крысиный амбар»), Малая Медведица — *Тамлан" уньг"р* (букв.: «много звезд»). Про падающие звезды нивхи говорят: *уньг"р ч'манд* — «звезда в гости пошла». Никаких разъяснений по поводу этого выражения Чурка мне не мог дать.

Из сообщений нивхов понял, что о небе и небесных телах у них существуют примитивные представления.

16 июня. Взгляды, подобные тем, с которыми познакомил меня Чурка и другие старики, не новость. О них говорили в Университете на лекциях. Они описаны в специальных исследованиях религиозных представлений так называемых культурно отсталых народов, например у Э. Тэйлора. Но одно дело слушать об этом из уст ученых, читать о них в книгах, другое дело — видеть перед собой людей, которые так представляют мир и расска-

зывают об этом. Первое восприятие чисто умозрительное, но ко второму присоединяются еще восприятия эмоциональные, потому что ты видишь, потому что ты слышишь, потому что ты ощущаешь всем своим естеством людей, которые это говорят.

Человек со всеми его представлениями — историческое явление. Мы с Чуркой существуем в XX веке. Но мое миропонимание обусловлено достижениями науки этого же века. А устами Чурки говорит иной век.

Чтобы правильно понять представления нивхов о природе, необходимо прежде всего знать, какими орудиями воздействовали и воздействуют они на природу.

Учитывая, что на Сахалине были обнаружены следы неолита, я стал расспрашивать Чурку, какие орудия они изготовляют из камня, кости, металла. Но Чурка сказал, что из камня нивхи ничего не изготовляют. Тогда я рассказал ему, как Плетунка мне сообщил о том, что из кремня нивхи добывают огонь.

— Да,— сказал Чурка,— когда я был маленьким, нивхи добывали огонь из кремня. И теперь еще на медвежьем празднике добывают его из кремня. Потом, когда покойника сжигают, огонь тоже из кремня высекают.

Значит, кремень в хозяйстве нивхов уже не используется. А в религиозных обрядах? Там, оказывается, прошлые традиции удерживаются. И вот в каких случаях, как смог вспомнить Чурка.

1. Когда покойника укладывают на костер, на его животе кусочком кремня делают царапину. Это делают *н"аур-к"ранд* (букв.: «долбят живот»)[26]. Железом делать это нельзя.

2. После сожжения покойника на месте сожжения ставят деревянную фигуру и в ее основание втыкают кусочек кремня.

3. Когда делают землянку, в основание столбов втыкают по кусочку кремня.

4. Когда дочь выдают замуж, тесть и зять обмениваются котлами, внутрь которых кладут по кусочку кремня.

Других случаев употребления кремня Чурка вспомнить не мог, но и те, о которых он вспомнил, свидетельствуют, что нивхи еще не в очень давнем прошлом жили в условиях неолита. Особенно примечателен в этом от-

Рис. 4. Древние и современные изделия нивхов из кости и рога.

Вверху слева направо: наконечник остроги (слева видны зазубрины на кости, вверху — щель для вставки железного острия); ножны из рога; развязыватель узлов; костяной пресс для разглаживания швов и выкроек; игольник с двумя деревянными крышками вверху и внизу; поворотный наконечник остроги из кости с железным острием; рукоятка ножа; костяной нож для выдавливания орнамента на бересте; рукоятка ножа. Внизу — наконечник остроги. Все предметы из коллекции ГМЭ (Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград).

ношении обряд «долбления живота». Производимый кусочком кремня, он является неопровержимым доказательством того, что в прошлом для этого употребляли каменный нож. Теперь он вышел у нивхов из употребления, и лишь по традиции на животе делают хотя бы царапину, но только кремнем, а не железом. Кстати, Чурка сказал, что в древности нож у нивхов назывался иначе, а слово *тяк"о* («нож») — новое. Это название, несомненно, пришло к нивхам от маньчжуров — словом *чжоку* они называют железный резак для соломы [9, 996].

Из кости и рога, как Чурка помнит, нивхи на Амуре изготовляли *п'ар* — наконечник для остроги на белуху. Отверстие для ремня просверливали по середине наконечника. Когда он попадал в белуху и соскакивал с древка, то в теле животного поворачивался вокруг своей оси и становился поперек. Удерживаемая ремнем белуха в конце концов доставалась охотникам.

Из оленьего рога делают еще рукоятку для сверла, ручной пресс, которым женщины разглаживают выкройку для обуви, швы. Из кости оленьей голени делают *татьр* — скребок для кожи, футляр для иголок и развязыватель узлов (рис. 4). Кроме того, из костей делают вертлюги для собачьих ошейников. Других вещей, которые изготовлялись бы из кости, Чурка не знает.

Все орудия, по словам Чурки, нивхи изготовляют только из железа. «Из всех заимствований, сделанных гиляками,— пишет Л. Я. Штернберг,— самое серьезное и самое давнее, по-видимому, есть употребление железа. И тем не менее вследствие отдаленности их от центров цивилизации оно привилось у них в очень ограниченной форме. Они не только не умеют обрабатывать руды, но не умеют даже выделывать инструментов. Самое железо у них еще недавно было крайне дорого. В их лодке и нарте нет ни одного железного гвоздя...» [27, 350].

Железо нивхи получали в готовом виде от других народов, стоявших на более высокой ступени развития. С одной стороны, оно проникало к ним из далекой Маньчжурии, с другой — из Японии. Однако с обеих сторон оно попадало к ним главным образом в виде больших подвесных железных котлов, которые они выменивали на собольи шкурки. Котлы использовались в прямом назначении — для варки пищи и как материал для изготовления железных орудий. Их ломали на части и из них изготовляли ножи, наконечники для стрел, острог, рыболовные крючки, вертлюги для собачьих ошейников, наконечники для пешней и тормозов для нарт.

Кроме железа, нивхи знают еще медь, которую называют *паг"ла* (букв: «красное»), или *паг"лав"ат* («красное железо»). Последнее название свидетельствует, что с медью они познакомились позже железа, почему и назвали ее железом. Никаких орудий из меди нивхи не делают. Используют ее иногда для изготовления грузил к рыболовным крючкам.

Кроме этих металлов, нивхи знают еще серебро — *тота* и золото — *айсин"*. Название последнего свидетельствует о том, что нивхи узнали о его существовании от маньчжуров, так как в языке последних золото называется *айсинь* [9, 5].

Непонятно все же, от какого народа впервые нивхи узнали о железе. Из записанных от Чурки слов *в"ат* —

«железо», *в"ань* — «котел», *в"алки* — «цепь», *в"а* — «сабля» ни одно не совпадает с названием этого металла в маньчжурском, японском, китайском, корейском, монгольском языках.

Из сообщения Чурки следовало, что до появления у них металла нивхи могли делать свои орудия только из кремня, для которого они имели особое название, и из кости. Этот важный вывод основан на косвенных данных, но тем не менее его можно признать вполне правдоподобным.

И. С. Поляков, видевший вновь изготовленную нивхскую лодку, обратил внимание на то, что один из железных топоров, при помощи которого ее изготовляли, «был вполне сделан по образцу топоров каменного века; острие его лежало под прямым углом к черню» [19, 56].

Значит, железный топор у нивхов заменил каменный топор, железная стрела — каменную, железный нож — каменный.

Но разве замена каменных орудий железными в состоянии была изменить их представления, выработанные тысячелетиями каменного века? Чтобы отчетливо ответить на этот вопрос, надо ясно представить, что в данном случае произошло в жизни нивхов. Под влиянием соседей произошла всего лишь замена одного материала другим. Однако при этом форма железной стрелы сохранила форму каменной. Каменный век как бы господствовал в железе. Так что же вследствие этого могло произойти в смене их представлений? Абсолютно ничего. Железный наконечник стрелы заменил у нивхов каменный, но заменить их представлений о солнце он не мог. К тому же область мифологических и религиозных представлений чрезвычайно консервативна. Идеологические представления отстают от развития техники. Следовательно, все, что я услышу еще от Чурки и других нивхов об их взглядах на мир,— это почти не тронутое еще ничем мировоззрение людей неолита — каменного века.

Вывод, к которому я пришел, удивил и обрадовал меня. Археологи и палеоантропологи раскапывают безмолвные останки культур и людей, которые ничего не в состоянии им сообщить. Я же — этнограф, буду жить в живой культуре неолита. Надо только за всем внимательно

но наблюдать. Я должен всегда помнить, что у исследователя, который изучает людей, должны быть широко раскрыты глаза, чтобы все видеть, а уши, чтобы слышать; у него должен быть напряжен ум, чтобы все понимать, и открыто сердце, чтобы все чувствовать.

17 июня. Было 7 часов утра, когда я проснулся. Рурнет успела уже разжечь огонь и повесить на очаг чайник. Чурка сидел на краю нары, курил трубку и держал у колен своего маленького сына. В этом грязном, захламленном жилище было как-то удивительно тепло и уютно. Это тепло исходило от Чурки и Рурнет. От их гостеприимства, радушия, предусмотрительности, приветливости. Шутка ли — гость! Его надо принять так, чтобы он ушел довольным и унес с собой не только тепло очага, но и тепло их сердец. Неважно, что Рурнет плевала на пиалу, чтобы натереть ее для меня до блеска. Она не понимала, что это негигиенично. Она от всего сердца хотела поставить гостю блестящую чашку, чтобы гость был доволен. И я пил из этой пиалы, не выражая и тени недовольства, чем мог бы оскорбить этих хороших и добрых людей. Когда я собрался уходить, Чурка встал и вышел со мной за дверь. Так провожают нивхи гостя. Потом вышла и Рурнет. Я пожал им руки и пошел вниз по течению реки к берегу моря.

На берегу не было ни души, как и тогда, когда я шел сюда. Я быстро шел к югу по направлению к Александровску и через два часа достиг порта.

ПОЕЗДКА В НИВХСКОЕ СЕЛЕНИЕ АГНЕВО

18 июня. День сегодня теплый, солнечный. После завтрака пошел бродить по городу, вышел на дорогу к порту и пошел к морю. На берегу увидел костер и сидящих вокруг него людей — трех мужчин в национальной нивхской одежде. Несколько комичный вид, как и Плетунке, придавали им фетровые шляпы, не гармонировавшие с черными длинными косами, свисавшими вдоль спины. Спросил их по-нивхски: «Вы нивхи?». На это получил ответ: «Да, нивхи». Мы рассматривали друг друга с любопытством. Я не решился продолжать разговора на нивхском языке и уже по-русски попросил у них разрешения присесть к их костру, на что они ска-

зали: «Садись». Так состоялось мое знакомство с ними. Сообщил им, зачем я приехал на Сахалин, и спросил, из какого они селения. Сказали, что приехали из Агнево, расположенного южнее Александровска. Я поинтересовался, как далеко находится это селение и какие еще селения расположены к югу от Александровска. Они ответили, что Агнево находится примерно в сорока километрах от Александровска и что южнее его находятся еще два селения — Найнай и Пиляво. Кроме того, немного выше порта по речке Александровке некогда стояло нивхское селение по названию *Руив"о,* т. е. селение, стоящее на берегу речки Руи, которую русские называют Александровкой.

Нивхи оказались общительными. Один из них, старик Форун, сказал, что нивхи рода *Руивн"*, жившие в этой деревне, были очень храбрыми — только им одним удавалось убить *ормиг"ис паин тьхыф* — «медведя, обмазанного глиной». Меня заинтересовало, что это за медведь. Тогда Форун рассказал мне следующее.

У обмазанного глиной медведя шерсти совершенно не было видно. Глина толстым слоем покрывала медведя целиком — и лапы и голову. Восемь поколений назад нивхи рода *Руивн"* в последний раз убили такого медведя. Не всякий член этого рода был способен на это. Убить его могли только шесть братьев, родившиеся от одних отца и матери, при условии, что последние два брата рождались близнецами. Лишь они отваживались идти на такого медведя. В тот год, когда братья собрались сразиться с ним, они рыбы не ловили и юколы не сушили, надеясь на мясо и жир медведя. Это они делали для того, чтобы разозлить медведя, так как он знал, что они пойдут сразиться с ним. В год похода на него братья заготавливали в тайге дрова. Каждый рубил их отдельно и не складывал в поленницы, а устанавливал стоймя. И это называлось у нивхов *те.* Таких *те* заготовили шесть. Когда братья отправились на охоту, то взяли с собой человека из рода зятьев — предпочтительно берут сына сестры отца. Придя на место, каждый брат раскладывал из заготовленной им кучи дров костер. Костры располагались друг за другом: костер самого старшего брата разжигался в месте, наиболее близком к горе, а младших — в месте, наиболее отдаленном от нее. Невдалеке от каждого костра складывались кучи

березовой коры, заготовленной ранее. Еще братья валили деревья и делали из них пешни, а из березовой коры сшивали чуманы (ведерца) для воды.

Вскоре после того, как охотники уходили на охоту, их сестры, оставшиеся в деревне, начинали «музицировать», ударяя палочками по подвешенному бревну, и кричать при этом: «О, сало толщиною в длину голени будем есть! Ох, как приятно!». Это они делали для того, чтобы разозлить медведя, обмазанного глиной, у которого толщина сала была равна длине голени[27], и заставить его пойти сразиться с их братьями. Тогда к братьям начинали прибегать посланцы медведя, обмазанного глиной: утки, всякие птички, лисицы, соболи. Каждого из этих посланцев братья колотили и гнали обратно, говоря: «Своего хозяина пришли!». Звери уходили к медведю, обмазанному глиной, и жаловались на них. Тогда медведь, обмазанный глиной, послал против нивхов злого духа *халофинт*. От его страшного крика люди падали мертвыми. Но и он ничего не мог поделать с этими братьями. Они не пугались его крика, смеялись над ним и вынудили его уйти ни с чем. Лишь тогда отправлялся к ним сам медведь, обмазанный глиной. Он был велик, могуч и страшен. Убить братьев он мог только в том случае, если погасит их костры. Огня он не боялся, так как весь был в глине. Бросаясь на костры, он их гасил, поскольку его броня была непроницаемой для огня. Потушив один костер, он бросался на второй, третий и т. д. В это время зять, взятый братьями, лил медведю в глаза воду, чтобы тот ничего не видел. Лил он ее и на спину, а нивхи разбивали размокшую на медведе глину пешнями. Потом приготовленной корой быстро разжигали потушенные медведем костры. Таким образом, когда медведь тушил последний костер, ему снова приходилось бросаться тушить вновь зажженные костры. Нивхи же в это время продолжали долбить на нем глину и, когда освобождали от нее один кусок кожи, убивали медведя копьем.

В течение трех лет через каждые шесть дней убивали эти братья по одному такому медведю и после этого отдыхали три года. В годы охоты на такого медведя нивхам рода *Руивн*" сопутствовала удача.

Пять поколений назад снова родились такие братья, но они не пошли охотиться на этого медведя.

— Вот с тех пор,— сказал Форун,— удача оставила нивхов рода *Руивн*", и их род стал вымирать. Когда снова родятся такие братья, они обязательно пойдут охотиться на медведя, обмазанного глиной. В древнее время подобные братья рождались через каждые три поколения. Увидеть медведя, обмазанного глиной, никому, кроме них, не удавалось.

Образ медведя, обмазанного глиной, удивил меня. Если бы люди, знавшие бронзу или железо, создавали эту легенду, то они наделили бы этого медведя металлическими когтями и зубами, а возможно, и металлической шкурой. Но, как явствует из легенды, люди, создавшие ее, не в силах были вообразить более крепкий панцирь, чем глиняный. Значит, они не знали еще металла. Следовательно, этот образ мог быть создан людьми, не знавшими металла,— людьми неолита.

— А кто же обмазывал медведя глиной?— спросил я Форуна.— Может быть, он рождался таким?

— Нет,— ответил он,— такой медведь сам ложился в мокрую глину и вываливался в ней. Потом он обсушивался, а затем снова лез в жидкую глину. Так он поступал до тех пор, пока на нем не образовывался глиняный панцирь нужной толщины. На Амуре нивхи из селения Вайды пошли раз охотиться на медведя, обмазанного глиной, так он их всех убил. Только люди рода *Руивн*" могли его убить.

— А есть ли еще люди этого рода на Сахалине?— спросил я Форуна.

— Есть. Они в Агнево, Найнае, Пиляво живут. Я сам и они,— он показал головой в сторону двух других сидящих нивхов,— тоже *Руивн*". Давно какая-то болезнь среди нивхов была. Тогда нивхи рода *Руивн*" из селения Пиляво на две лодки сели, на север уехали и за селением Тамлаво (в Рыбновском районе) поселились. Там еще должны нивхи этого рода жить.

— Вон видишь,— продолжал Форун, показывая в сторону мыса Жонкиер,— там на горе нивхинка рода *Руивн*" окаменела. Древние нивхи нашего рода сказывали, что давным-давно вон там,— он показал мне в сторону моря,— кита выбросило. Когда отлив начался, он лежащим на отмели оказался. Тогда три нивха из рода *Руивн*", братья этой нивхинки, медведя к киту повели, чтобы покормить. В это время из селения Руив"о по

склону горы их сестра шла. Она беременная была, а в руках ребенка несла. Когда она в сторону моря посмотрела и братьев с медведем увидела, то все они окаменели и она сама тоже. Вон видишь, три скалы из моря торчат,— он показал мне на скалы, носящие по-русски название Три брата,— это три нивха. Впереди них ближе к морю длинные камни лежат — это кит. А ближе к берегу перед ними большой камень лежит — это медведь. А вон там,— он показал мне на каменистый склон горы выше мыса Жонкиер, — нивхинка стоит.

Я пытался увидеть этот камень среди других, но это мне не удалось.

В легенде, рассказанной Форуном, скалы, которые видишь первыми во время приближения к порту Александровску, начали жить иной жизнью: живой для нивхов, а для меня — в образах каменного века. От их рассказов веяло этим веком, и я понял, что мне необходимо глубоко погрузиться в него, чтобы постичь мировоззрение и жизнь этих людей.

— Приезжай к нам в Агнево. Мы много еще тебе расскажем,— сказал Форун.

Спросил старика, когда они поедут обратно. Форун сказал, что они уже готовы к отъезду. Тогда я попросил их взять меня с собой, если у них найдется в лодке место. Они согласились.

Сбегав в школу за некоторыми вещами, я вернулся обратно, и вскоре мы уже вышли в море. Это была моя первая поездка по морю вдоль берегов Сахалина.

День был безветренный, солнечный, плыть в лодке было приятно. Две пары весел быстро мчали лодку по направлению к мысу Жонкиер. Вспомнив совет Л. Я. Штернберга [28] изучать топонимику, попросил Форуна называть мне места, мимо которых мы будем проплывать. Захотелось сравнить знания нивхов о небе и о земле.

Форун начал говорить.

— Река Александровка по-нивхски — *Руи*. Что это за слово, мы не знаем. За ней идет *н"айк"икрн"аю* — ручеек, где щенят привязывали; потом *ч'уръён"аю* — ручеек, где есть перекат, водопад; *ухваран"к'шы* — мыс, на нос похожий; *п'алилё н"аю* — распадок, где речка течет, на которой спорили два нивха, кому здесь петли на соболя ставить. Один говорил: «Я буду ставить!» Дру-

гой тоже говорил: «Я буду ставить!» Вот потому так и назвали это место от слова *п'алнт* — «спорить». Дальше идет *х'ойндя* — место, где крыжовник растет; *х'ойндяхшы* — мыс Жонкиер; *х'эмкс* — что это за слово, мы не понимаем; *туг"рваски* — тут шел муж с женой. Жена шла впереди и несла ребенка. Она шла и качалась. Муж спросил: «Почему ты качаешься?». Она ответила: «Не вижу камней». А по дороге были камни. Вот и назвали так это место от слова *туг"ртуг"рнт* — «качаться в стороны».

Когда лодка обогнула мыс Жонкиер и поплыла к югу вдоль берега, я будто увидел иной Сахалин. За этим мысом шли высокие скалистые берега, склоны были покрыты зеленью различного тона — от светло-зеленого до темно-зеленого. Море было так спокойно, что казалось, будто вода налита в какую-то огромную чашу. Да и по цвету оно было как разбавленное молоко. А утки на ней казались черными. В одном месте мы плыли по светло-зеленой волшебно-прозрачной воде. Далеко в глубине было видно каменистое дно, а у темных скал, отвесно опускавшихся в море, вода казалась темно-зеленой. Весь этот чудесный мир был залит ярким солнцем и оттого, что я впервые плыл по морю в лодке вместе с нивхами, на душе было радостно.

Продолжая свой рассказ, Форун показал мне на огромный камень или скалу на берегу:

— Вот видишь этот камень на берегу. Мы его *тяндраф* называем. Он похож на большой зимник, в котором нивхи на Амуре живут. За ним место есть — *Ныркин милкау мыф* — место, где нивх Ныркин голос черта услышал, а еще дальше скалистое место, которое мы называем *наг"ривитыф* — место, где повешена шкура. Об этом месте рассказывают так.

Давным-давно в роде *Руивн"* могучие люди только рождались. Как-то один из рода *Руивн"* трусливым был. Однажды он со стороны мыса Пэсрихшы (Октябрьского мыса.— *Е. К.*), который вон там виден, к ручью студеную воду попить пошел. Попив воды, он какой-то голос услышал. Испугался, спрятался; к своим сородичам придя, сказал: «Голос злого духа (черта.— *Е. К.*) я слышал». Тогда его товарищи, свое оружие взяв, черта искать пошли. И что же... там медведица со своим маленьким детенышем играла. Нивхи ее убили. Потом шкуру

взяли, на склон горы сушить положили. Тогда эта шкура в камень обратилась, чтобы стать преданием о трусе. Это место и называется *наг"ривитыф*. Мы теперь когда там ходим, видим: на склоне горы, правда, будто шкура сушится. Того трусливого нивха имя — Ныркин. По его имени это место и назвали.

Дальше идет, — продолжал Форун, — *пагъюг"ф* — мысочек, который будто осел в море. Потом *пурвысн"и* — маленькая речка, на берег которой разный мусор выносит. Потом *н"этырн"и* — Глухая речка. О названии ее есть такой рассказ.

Шли два нивха. Дошли до речки и стали раздеваться, чтобы ее перейти. Тот, кто перешел речку, был глуховат, а тот, который еще ее не перешел, спросил первого: «Ты что, уже одеваешься?» Первый не расслышал и сказал «А?». Вот потому и назвали эту речку Глухой. Теперь ее называют Каменная речка.

Дальше,— продолжал Форун,— место идет, которое мы называем *хиулаф* — берлога. Давно-давно нивхи рода *Руивн"* след медведя нашли и по нему пошли. Когда они до того мыса дошли, след оборвался. Они поняли, что внизу берлога. Один из них, плохой по своему характеру нивх, сказал, что он спустится вниз к берлоге. Товарищи обвязали его ремнем и спустили вниз. Потом они бросили ремень и ушли — там его оставили.

Придя в селение Руив"о, они жене этого человека сказали, что с ее мужем несчастье приключилось — полез в берлогу и пропал.

Жена того нивха взяла оленя и поехала. Около реки *н"этырн"и* она оленя бросила и он в камень превратился — *тлин"ибих"* — олень-камень. Сама она пошла пешком, но до берлоги у мыса *пэсрихшы* (мыс Октябрьский. — *Е. К.*) не дойдя, она окаменела. Окаменевшие олень и женщина лет семь назад пропали, но берлога еще осталась, ее можно посмотреть.

И вот уже камни, скалы и реки Сахалина начали оживать и жить неведомой мне жизнью. Если из бесчисленного количества звезд нивхи выделили не больше десятка и наименовали их, то на земле каждый приметный объект имеет у них свое обозначение и со многими из них связаны легенды.

Наконец к вечеру мы стали подплывать к селению Агнево. Встретить нас вышло несколько нивхов.

Остановился я в летнем жилище Форуна такого же типа, как и жилище Чурки.

19 июня. В то время как мы с Форуном завтракали, в его жилище стали заходить нивхи, заинтересованные приездом незнакомого человека. Форун, знавший с моих слов, зачем я приехал на Сахалин, рассказал им об этом.

Видя, что нивхи непрочь поговорить со мной, решил использовать их приход для дальнейшего выяснения их географических знаний. Они так хорошо начали раскрываться во время поездки в Агнево, что было бы нелепо прерывать начатую тему.

Из топонимических терминов, записанных от Форуна, нетрудно было выделить названия таких общих географических понятий как река, лог, мыс. Захотелось выяснить, какие другие названия употребляются нивхами для обозначения общих особенностей ландшафта, рельефа. Беседа на эту тему была оживленной и интересной. В результате коллективной помощи нивхов смог установить, что в их языке имеется большое количество слов для обозначения особенностей ландшафта. Классифицировал эти слова на две группы.

В первую группу вошли географические термины, употребляемые нивхами для обозначения особенностей водных бассейнов — моря, реки, озера: *к'эрк"н"* — «море»; *т'ару* — «залив» (так называются заливы на Охотском побережье Сахалина); *т'в"ах* — «пролив»; *н"алу* — «бухта» *ч'у* — «фарватер»; *ту* — «озеро»; *ч'атьф* — «озеро» (в языке нивхов Тыми); *ныы* — крайняя точка в овале озера, противоположная стороне, откуда берет начало устье реки; *и* — «река»; *имы* — «исток реки»; *иамх* — устье реки при ее впадении в озеро или залив (на Охотском побережье); *ишв"ах* — устье реки при ее впадении в море; *плый* — основная река; *мэха* — «приток реки»; *маск"и* — «маленькая речка»; *н"аю* — «ручеек» (также «лог»); *т'айг"ур* — яма в реке, где рыба останавливается на отдых; *ч'ур* — «перекат на реке»; *пур* — «нанос леса на перекате»; *н"аслаф* — «мелкое место в реке»; *вэулаф* — «глубокое место в реке»; *к'"ор* — «крутое дно»; *к'"орн"ард* — «обрывистое дно»; *тор* — «отмель»; *сайриф* — «водное пространство среди морских льдин»; *нен"* — скалы в море с острой вершиной; *мосьр* — круглые скалы в море.

Ко второй группе я отнес географические термины, употребляемые нивхами для обозначения особенностей суши — береговой линии, поверхности земли, гор, леса: *к''омр* — «песчаная коса»; *к'имбг''и, к'ибг''и* — конец косы, расположенный вверх по течению; *амбг''и, абг''и* — конец косы, расположенный вниз по течению; *х'эн''гви* — берег, о который ударяется течение; расположен напротив косы и круто опускается в реку; *х'урк* — часть берега, охваченная изгибом реки; *ыркыр* — «берег с крутым обрывом»; *ч'улриф* — «крутизна берега», «обрывистость берега»; *пан''пь* — горка, спускающаяся к реке крутым обрывом; *к''ормолод* — отвесный спуск горы в реку или в море; *к'шы* — «скалистый мыс на море»; *паг''р* — пологий мыс, выходящий на залив; *мэлг''уф* — сырая часть морского берега, заливаемая приливом; *к''он''г:олар* — берег, поросший травой *к''он''г:он''* и возвышающийся над песчаной частью берега; *пхотуф* — «берег, покрытый лесом»; *пырынг* — «равнина»; *пуир* — «возвышенность»; *пал* — «гора»; *х'ыт* — «склон горы»; *ч'ир* — «пологий холм»; *х'алу* — «сырая поляна»; *пльыф*—«сухая поляна»; *тай* — «марь», «тундра»; *вог''дён''р* — «кочки на тундре»; *пупх* — «песчаные бугорки»; *пхи* — «лес»; *х·уру* — «редкий лес»; *нонг·спуг''лаф* — «чаща из молодых деревьев»; *ч'х''арнег·нег·оф* — «редкий лес»; *ч'хах*—два клинообразных лесных выступа, сближающихся друг с другом на тундре.

Прислушиваясь к разговорам нивхов, которые они вели вокруг меня, пока я записывал и систематизировал эти слова, обратил внимание на то, что они употребляют еще особые слова для обозначения различных направлений движения и мест, расположенных в указанных направлениях. Ознакомившись с ними, понял следующее.

Поскольку север Сахалина нивхи называют *к'эк''р*, юг — *к''ок''р*, восток — *к'эн''марф* (место восхода солнца), запад — *к'эн''кутьф* (место падения солнца), мне раньше казалось, что нивхи подобно нам ориентируются по странам света. Однако сегодня убедился, что термины *к'эк''р* и *к''ок''р* никакого отношения не имеют ни к северу, ни к югу. Основой же ориентации нивхов в пространстве служат реки, на берегах которых они живут. При этом совершенно не важно, текут ли эти реки на север, юг, восток или запад.

Для ознакомления с ориентацией нивхов в пространстве важен учет таких направлений: вверх по течению реки; вниз по течению реки; из леса к берегу реки, с вершины горы к ее основанию, сверху вниз; с водной поверхности (моря, озера, реки) к берегу, а с берега в глубь суши (в лес, к горе); с берега на водную поверхность (моря, озера, залива, реки) и на противоположный берег; вверх над головой, снизу вверх [29].

Материал, записанный сегодня от нивхов, показывает, что они обладают блестящим знанием своей территории. В городах мы привыкли к районам, улицам, номерам домов и номерам квартир, которые дают нам возможность безошибочно найти разыскиваемое место или лицо. Однако в море, прилегающем к берегам Сахалина, в реках, текущих со склонов его гор, в лесах, расположенных на нем, нет ни районов, ни улиц, ни домов, и тем не менее каждый нивх блестяще ориентируется на территории, прилегающей к его селению, на многие десятки километров, потому что каждый приметный пункт на ней имеет свое название, по которому он его безошибочно обнаружит. Больше всего я удивился, когда узнал, что во время охоты на тюленей во льдах охотники могут договориться о встрече лодки с лодкой в определенном месте на море, расположенном на одной линии относительно какого-либо места, находящегося на берегу. Так, например, *абусьпг"ихыты* обозначает встречу лодок в море, на месте, находящемся напротив *абусьп* на берегу. Разве такое обозначение места встречи на море не замечательно?

На основе фактов, собранных сегодня, можно сделать некоторые предварительные выводы.

1. Нивхи плохо знают все то, что отдалено от них. Но то, что близко к ним, что жизненно важно для них, они знают прекрасно. Поэтому неба нивхи не знают, но землю они знают великолепно, и это знание обусловлено потребностями их хозяйственной деятельности — рыболовством, морской охотой, лесной охотой, собирательством.

2. Основой ориентации нивхов в пространстве служат не страны света (учитываемые ими при обозначении ветров), а течения рек. Видимо, нивхи — исконно речные обитатели и на побережье моря вышли относительно недавно. Заселяя Сахалин с севера на юг, они

назвали северное направление на острове *к'эк''р,* словно это было верховье реки, а южное направление они назвали *к''ок''р,* словно двигались с вершины горы к ее основанию.

3. Выделение и обозначение всех мельчайших особенностей ландшафта и рельефа свидетельствует о том, что аналитические способности нивхов абсолютно ни в чем не уступают интеллектуальным способностям цивилизованных народов.

Вечером в жилище Форуна пришло несколько нивхов, заинтересовавшихся беседами со мной. Решил использовать их приход и выяснить, знают ли они что-либо об истории земли.

— Слышал я,— сказал Форун,— что раньше одно море только было. Потом шторм стал, волны большие были. Волны застыли, и так земля стала. В хребтах Мгачи кости кита есть. Я думаю, наверное, вместе с водой они застыли. Кто их туда таскать будет?

— В горах и в верховьях рек иногда раковины находят, которые бывают на берегу моря, — дополнил его Гунач.— А кто их туда таскал?

И сам ответил на свой вопрос:

— Однако все раньше море было!

Значит, нивхи способны к верным наблюдениям и правильным выводам, когда обстоятельства представляют им для этого соответствующие условия.

Вспомним, что нивхи говорили Л. Я. Штернбергу, будто бы Сахалин — это живое существо [27, 49]. Тогда я решил спросить Форуна, что такое Сахалин, и он мне ответил:

— Сахалин — это *н''а* — зверь. Его голова *мифтён''к''р* (букв.: «земли голова».— *Е. К.*) лежит на севере (*к'эк''рэрк''н''* — букв.: «в верхней стороне». — *Е. К.*), а ноги *миф н''атьх* (букв.: «земли ноги».—*Е. К.*)—на юге. Лес на нем — это все равно как его шерсть, а мы, люди, все равно как вши в его шерсти.

Подумав немного, Форун продолжал:

— Бывает, что он начинает шевелиться. Это мы говорим *миф п'эньин''аунт* — земля себя пошевелила. В это время иногда слышен гул — *лын''*. Может быть, ему надоедает лежать, а может быть, потому что людей на Сахалине много стало. Всякую грязь на него льют. Поэтому он отряхивается, все равно как собака.

Так вот как нивхи объясняют землетрясения!

Слушая Форуна, вспомнил Э. Тэйлора: «В Полинезии тонганы говорят, что Мауи держит землю на своем распростертом теле, и когда он ворочается, желая принять более удобное положение, происходит землетрясение, вследствие чего народ кричит и бьет землю палками, чтобы заставить его лежать спокойно» [20, 322].

Было поздно, когда мы закончили беседу. Давно уже пора было спать. Нивхи ушли.

20 июня. Собранные факты не дают мне покоя. Както не могу их осмыслить. С одной стороны, у нивхов выявляются блестящие знания поверхности Земли. С другой стороны, Сахалин — животное, и землетрясения вызываются тем, что оно меняет положение, когда ему надоедает лежать. Как объяснить это несоответствие?

Словно нивхов имел в иду В. Гёте, когда писал: «Природа! Мы ею окружены и объяты ею, неспособные ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть... Мы живем в ее лоне — и чужие для нее. Она неустанно беседует с нами и не выдает нам своей тайны... Всегда она строит и всегда разрушает; и мастерская ее неприступна» [11, 78].

Что же могли постичь в этой мастерской люди, руки которых были вооружены только каменными орудиями? А ведь предки нивхов, передавшие современным нивхам эти представления, обладали только техникой камня!

Опыт и знание находятся в прямой зависимости друг от друга. Объем же опыта и его глубина зависят от уровня техники и обмена народов опытом. Технические достижения людей направляют их интеллектуальные способности в глубь познания природы. Однако техника каменного века положила предел познавательным способностям людей. Их мозг был еще не в состоянии создать вспомогательные средства познания в виде микроскопов, телескопов, биологических, химических и физических лабораторий. Но тем не менее это был мозг, могучий человеческий мозг, который жаждал знания, и в этой жажде он смог вырваться из каменного плена только в область воображения. Тут техника веков камня не могла создать ему преград для фантазии, тут при всем ограниченном опыте интеллектуальные способности людей будто вырвались в безграничность. Мозг людей каменного века при помощи слов тоже вбирал в себя и

землю, и небо, и звезды, и вселенную, и всему этому он дал свое, истинно человеческое объяснение. Ведь только мозг животных ничего не в состоянии объяснить, а люди каменного века все объясняли, и их мифы — это их подлинная гордость.

Казалось бы, люди каменного века, ютившиеся в пещерах, одетые в звериные шкуры, были сами близки к зверям и ничего, кроме куска сырого мяса, не желали. Но в том-то и состоит величайшая загадка человечества, что ему, начиная с первых его шагов на Земле, всегда было нужно еще что-то, кроме еды. Вот и людям каменного века, оказывается, нужно было еще знать: «что?», «как?», «зачем?» и «почему?». Если бы их не интересовало это, они не оставили бы нам своих мифов, в которых отражена их попытка осмыслить сущее.

Но как, каким путем они осмысляли его?

Будто угадывая мои мысли, Форун стал задавать мне вопросы. Его интересовало, верно ли будто в городах дома сделаны из камня и поставлены друг на друга. Сказал ему, что это правда, и вдобавок сообщил, что у нас есть такие большие многоэтажные дома, что в нескольких таких домах могут уместиться все сахалинские и амурские нивхи, число которых, вероятно, не превышает четырех тысяч человек. Форун был удивлен рассказанным, и я стал бояться, как бы мне не потерять его доверия. Не сказал ли я ему этой правдой того, что ему трудно себе представить. К счастью, этого не произошло, и он стал говорить снова.

— Правда ли,— спросил он меня,— что люди в городах ездят на *парквинт'у*?

Я был озадачен его вопросом, так как не мог понять, о чем он меня спрашивает. Я подумал было, что он имеет в виду какие-то сани, так как нивхское слово *т'у* означает «нарта».

— Нет,— сказал Форун.— Когда русские пришли на Сахалин, мы первый раз увидели телегу — *мурн"т'у*, а теперь, говорят, что в городах есть телеги, которые сами ходят, без лошади, — *парквинт'у*.

Тут я понял, что Форун имел в виду автомобиль, и сказал ему, что действительно теперь люди в городах ездят на *парквинт'у*. Но до чего же интересными показались мне слова, которые я услышал от него! При его помощи этимологизировал их.

1) *Т'у* означает «нарта», *мурн"* — «лошадь», *мурнт'у* — «телега» («лошадиная нарта»); 2) *т'у* — «нарта», *парк* — «сам», *винт* — «ходить», *парквинт'у* — автомобиль» (букв.: «самоходящая нарта»).

Я задумался. Вот находка! Ведь эта этимология наглядно указывает на движение познающей человеческой мысли от известного к неизвестному. Нивхам в их опыте была дана «нарта». Но вот в их поле зрения впервые попала телега. Они увидели, что в нее запряжены не собаки, а лошадь, и что при помощи телеги люди передвигаются так же, как они на нартах. Они поняли, что телега у русских выполняет ту же роль, что у них нарта, и поэтому назвали ее «нарта». Отличается же она от их нарты лишь тем, что в нее впрягают лошадь. В связи с этим они и назвали ее — «лошадиная нарта». Отсюда же понятно и движение их мысли, лежащее в основе того, что автомобиль они назвали «самоходящая нарта».

Эти факты подсказывают очень важный вывод. В основе осмысления того, что людям еще не известно из их непосредственного опыта, лежит процесс сравнения с тем, что им уже известно из их опыта. Значит, сравнение предмета с предметом, явления с явлением для нивхов, как и для всех людей, — одно из важнейших средств познания, позволяющее сближать сходное и разграничивать несходное. Но пытаясь на основании своей ограниченной практики постичь то, что им не было дано еще в их опыте, они, с нашей точки зрения, нередко впадали в заблуждение. Ведь автомобиль — это все же не нарта, в которую впрягают собак.

Если современные нивхи и народы, находящиеся на аналогичной с ними ступени культурного развития, допускают ошибочные умозаключения, в основе которых лежит их небольшой опыт, то совершенно естественно, что на более древних ступенях человеческого развития ошибочных умозаключений по поводу всего, что не входило в сферу их непосредственного опыта, было еще больше.

Прорезывающийся разум людей каменного века мог осмыслять природу, лишь двигаясь по пути от известного к неизвестному. Чисто поверхностные признаки близкого неизбежно переносились ими на далекое, неизвестное. Поэтому-то предками нивхов молния была отож-

дествлена с птицей, мечущейся в небе; красный цвет планеты Марс, который они все же отметили, дал им повод сравнить ее с лисой, а на солнце они своим воображением поселили собак, которые пожирают его в момент затмения. И в самом деле, с чего же оно станет «умирать», если бы его не ели собаки, если бы кто-то не стал причинять ему зло? И предки нивхов и предки североамериканских индейцев не оставались безучастными к этому грозному космическому явлению. Они истошно вопили, они стучали разными предметами (а когда появилось железо, то и железом о железо), чтобы отогнать зло от светила, без которого нельзя жить.

На первых порах осмысления явлений природы, находившихся вне непосредственного человеческого опыта, поверхностные аналогии были единственным путем ее постижения. Сахалин во время замлетрясений трясется. Разве это явление не говорит о том, что он живое существо? Разве неживое существо может трястись? Объяснив шевеление Сахалина во время землетрясений явлениями, наблюдаемыми ими у животных, древние нивхи потом определили, где находится его «голова», а где — «хвост». Признание Сахалина колоссальным зверем, с нашей точки зрения, является абсурдом, заблуждением. Но как иначе могли отдаленнейшие предки нивхов, жившие в условиях каменного века, объяснить причину его шевелений? Как?

Заблуждения людей каменного века — это не свойство их интеллекта, а неизбежное временное историческое преходящее явление, возникшее на пути движения человечества вследствие неразвитости его орудий воздействия на природу, недостаточности его опыта.

21 июня. Невероятно трудно проникнуть в историю развития древнейших представлений людей о природе. Изобретение письма произошло недавно — всего пять-шесть тысяч лет назад. Однако до этого в течение сотен тысяч лет жили люди, которые не могли записать свои мысли и рассказать своим потомкам, о чем они думали. Сотни тысяч лет! Как трудно охватить их умом. За это время люди освоили землю. Они заселили Юг и победили Север, усеяв весь земной шар своими костями. За каждой побелевшей от времени костью человека, выкапываемой из земли, скрыты чувства, мысли, радости и страдания. Как же в древнейшие времена люди позна-

вали мир? Какими путями они шли при этом? Известно, что акт ощущения предшествует акту сознания. Если перенести эту истину в план истории, то надо предположить, что мироощущение у древнейших людей должно было предшествовать мироосознанию. Ежедневно и ежеминутно в течение многих тысячелетий наши отдаленные предки видели, что солнце, луна и тучи движутся по небу, что молния сверкает в небе, что почка превращается в лист, икринка — в малька, куколка — в бабочку. Ведь люди все это подмечали, и все это рассказывало им о процессах, протекающих в природе. Что же удивительного в том, что на смену векам ощущения природы пришло и осознание ее в процессах жизни и вечных превращениях? Но если мир осознавался живым, то естественно, что эта жизнь могла представляться людям только в тех формах, которые они наблюдали вокруг себя, — в формах животных, людей, птиц, рыб, пресмыкающихся. Поэтому-то все в мировоззрении людей каменного века оказалось персонифицированным.

Внезапно мысли мои были прерваны — дверь в жилище Форуна отворилась. Какой-то парнишка что-то крикнул Форуну и убежал. Форун вскочил и, бросив на ходу: «Косатки плывут», — побежал на берег. Я следом за ним. На берегу уже были нивхи, нивхинки, и Форун на ходу стал бранить женщин за то, что они вышли на берег.

Косатки плыли вдалеке. Разглядеть их я не мог, но зато видел выбрасываемого из воды огромного дельфина-белуху. Было видно, что белуху будто кто-то подбрасывает и она, перекатываясь через что-то и показывая свое светлое брюхо, исчезает и снова появляется над водой.

Когда косатки проплыли, я спросил Форуна, почему он бранил женщин. Он ответил:

— Когда косатки проплывают, молодым женщинам не надо на них смотреть. Косатки сердятся, смущаются и тогда нивхам ничего не посылают. Если женщины не мешают, нивхи быстро делают *экнау* (букв.: «просящее *инау*».— *Е. К.*), выходят к берегу моря, бросают его в воду и просят: «Пожалуйста, тюленя дай». Тогда косатка ни за что не откажет и непременно выбросит на берег — тюленя ли, дельфина ли, кита ли. Если не це-

лого, то хоть половину или кусок кита, но непременно выбросит.

Если древние нивхи, когда в лодке по морю плыли, косаток видели, они бросали в воду рукоятку ножа, кусочек кремня или трута и просили: «Пожалуйста, тюленя дай!». Тогда косатка прямо около лодки живого тюленя целиком выбрасывала, и нивхи сразу же его гарпуном убивали и себе забирали. Настоящий хозяин косатки — это маленькая косатка. Она человек. Большие косатки, идущие сзади,— это их лодки. Идя сзади, они подбирают все то, что косатки убьют впереди[30].

Интересную легенду о косатках услышал я и от Шызн"ыуна.

— Давным-давно древние люди думали, что косатка — животное. Они ее словом «хозяин» тогда не называли. Но через какое-то время древние нивхи стали говорить, что косатка — это человек. Вот как это случилось.

Однажды один человек по берегу моря шел. Вдруг на берегу людей полно увидел. Все в белую одежду одеты: и рубашки, и трусы, и наколенники, и обувь — все белое. Наблюдая за ними, увидел — люди ему неведомы. Потому к ним шел подкрадываясь. Подойдя поближе, услышал, что они по-нивхски говорят, увидел, что они играют: в длину прыгают, в высоту к поднимаемому вверх ремню прыгают, через веревку, которую вертят, прыгают, борются. Все их игры подобны нивхским играм. Но откуда эти люди? Тогда с берега он к ним спускаться стал. Когда близко подошел, один из них его увидел, к морю быстро побежал и в него зошел. Его товарищи следом за ним побежали. Войдя в море, они нырнули. Потом недалеко от берега вынырнули, в косаток превратясь. Одни лишь косатки во множестве в море вынырнули.

Тогда он к месту их игры пошел. Там одна сабля лежала. Он эту саблю взял.

Косатки то вглубь ныряли, то наружу выскакивали — у них у всех на спине были плавники. Лишь у одной косатки плавника не было. Она то ныряла, то из моря выпрыгивала и неотступно следом за нивхом плыла.

Все косатки в море уплыли, но косатка без плавника не уплывала. Когда этот человек к своему селению

пришел, косатка вместе с ним к нивхскому селению приплыла. Уплывать не хочет. Целых три дня возле селения она находилась. Тогда нивхи стали говорить: «Беда! Мы нивхи в море ходим. Если мы эту саблю возьмем, принесет ли это нам добро? Не лучше ли эту саблю снести в море? Не лучше ли *инау* (ритуальные стружки.— *Е. К.*) сделать и шелк у самого края моря повесить? Если со своим счастьем на примирение пойти, это лишь хорошо будет». Так они говорили.

Тогда они шелковую материю на берег снесли, у самого края моря развесили. *Инау* сделав, море кормили. Саблю в море кинули. После того косатка с брызгами из моря выпрыгнула, а потом уже с плавником на спине в море уплыла.

С того времени до сих пор нивхи их *ызн"* — «хозяевами» называть стали. Их плавник саблей считать стали.

Не так давно косатки кита убили. Тогда нивхи, различные прутья нарубив, с ними к косаткам на лодке поехали. Подъехав к ним, они сначала сказали: «К вам пришли. Специально для того, чтобы с вами поиграть». — «А в море как играть?» — «На лодках давайте состязаться». Вот нивхи друг другу стали кричать: «Сильнее! Сильнее!»,— и так повторяя, гребли. «Ох-ох! Ох-ох!»,— крича, гребли. Тогда косатки тоже вместе с нивхами состязаться стали. К нивхским лодкам подплыли. Нивхи подумали было, что они плавниками лодки ударят, но косатки возле самых лодок боком повернулись и мимо них проплыли. Так косатки вместе с нивхами играли. Потом все играть закончили. Отдыхали.

Тогда нивхи сказали: «А ну-ка, вы большую добычу взяли. Мы этому радуемся. Вот мы вас просить в море выехали». Так сказав, они разные прутья в море кидать стали. Когда много прутьев в море погружаться стало, то множество большущих кусков китового сала из моря на поверхность всплыло и плавать по нему стало.

Тогда нивхи их взяли и свои лодки полностью нагрузили. Потом нивхи опять косаток кормили (букв.: «им прутья кидали».— *Е. К.*). Отсюда нивхи, в свое селение возвратившись, все сало между односельчанами поделив, ели. С предосторожностями, без грубого обращения ели.

Так древние нивхи поняли, что косатки — это морские люди.

Древние люди рассказывали, что небольшие косатки большим косяком плывут. Вместе с ними три большие косатки плывут. Это их лодки (лодки косаток.— *Е. К.*) — так говорят. С маленьким косяком косаток одна ли, две ли большие лодки вместе плывут. Когда они зверя убивают и на куски его режут, то больших косаток заставляют эти куски глотать, а потом их куда-то с собой уводят. Где их селение, нивхи не знают.

Давным-давно такая большая косатка мертвая к берегу пристала. Нивхи ее нашли, разрезали. Ее брюхо пустое, как дупло, было. Ничего, ничего в нем не было. Уголь и пепел лишь там были. Так нивхи узнали, что эта большая косатка — их лодка.

Не так давно, в Луйском заливе (на Охотском берегу Сахалина.— *Е. К.*) одну такую косатку, на берег выброшенную, увидели. Действительно, нутро ее пустое было — уголь и пепел лишь там находились. Тогда старики сказали: «Когда их лодка становится старой и их добычу глотает, сало в ней таять (портиться) начинает. Тогда они свою лодку начинают ненавидеть. Они ее бросают, и ее к берегу приносит» [31].

Какая любопытная легенда! Однако как же случилось, что предки нивхов отождествили морского хищника — косатку с человеком, что они стали представлять мир по образу своему и подобию? Это произошло, конечно, стихийно. Люди, только начинавшие осознавать мир, оказались как бы в центре вселенной и совершенно неизбежно стали наделять ее всеми свойствами, которые были присущи им самим. Люди — это было то известное, из чего они исходили в своих суждениях о неизвестном. Иного пути при первых шагах осмысления природы не было и не могло еще быть. Ничто так легко не объяснялось из аналогии с поведением людей, как поступки животных. Поэтому-то у народов, живущих еще в условиях рыболовно-охотничьего быта, почти все животные наделены человеческими свойствами.

Поскольку старик Форун говорил о том, что косаткам надо бросить *экнау* — «просящее *инау*», Шызн"ыун говорил, что им делают *инау*, я не мог не вспомнить работу Л. Я. Штернберга «Культ инау у племени айну», где Лев Яковлевич этимологизирует айнское слово *инау* как

«язык дерева» и сообщает, что по представлениям айну *инау* выполняет роль посредника между людьми и духами [27, 622]. *Инау* у айнов — заструженные палочки разной формы, которые по их верованиям выполняют различные их поручения. Нивхи заимствовали у айнов их деревянных посредников и включили их в свой религиозный культ. На нивхском языке они называются *нау*. Шызн"ыун говорил, что *инау* для духов гор и *инау* для духов воды значительно отличаются друг от друга. Так, на «груди» *инау*, предназначенного духам гор, делают косые полоски, чтобы медведь шел на человека не напрямик, а сбоку (так легче было сразить), и встреча с ним не была опасна. На «груди» же *инау*, предназначенного духам воды, делают три прямые полоски, чтобы морской зверь шел на охотника прямо. Шызн"ыун говорил также, что на *инау*, посылаемом духам воды, делают из стружек голову.

Вечером разговаривал с Форуном об истории селения Агнево. Он говорит, что между селениями Арково и Пиляво живут нивхи только трех родов: *Арк"ифин"*, *Руивн"* и *Крыусп'ин"*.

Самый древний из них, по словам Форуна, *Руивн"*, так как мужчины других родов брали в нем жен. Следовательно, они пришли позже. Свидетельством того, что род *Руивн"* пришел сюда раньше двух других, служит еще и то, что он владеет очень большим числом речек, на которых древние нивхи ловили соболей[32]. Так, все речки вокруг селения Пиляво — его владения. Этому роду принадлежат также реки Верхний Ормудан, Нижний Ормудан и Мало-Тымовская. Поскольку промысловые владения рода *Руивн"* так велики, Форун считает, что этот род — самый древний в этих местах. Откуда пришел род *Руивн"*, Форун не знает. Род *Арк"ифин"*, пришедший позже двух других, владеет лишь одним притоком реки Агнево, который так и называется *Арк"и фин"и*, т. е. «речка обитателей Арково».

— В древности,— сказал он,— род *Руивн"* состоял в родстве с каким-то родом айнов, но с кем и как, никто не знает. О роде *Руивн"* много чего рассказать можно.

Однажды один нивх из рода *Руивн"* зимой к Руик'шы (мысу Жонкиер. — *Е. К.*) выходил и напротив него рыбу ловил. Как-то он рыбу *ч'аг"лик* поймал — по виду она похожа на камбалу, а по вкусу на калугу. На

лед ее вытащил, с ней сблизился и ее отпустил. Так он с ней каждый раз поступал, когда вылавливал. Однажды весной один нивх по льду бить тюленя отправился. Среди расщелин во льду он в воде рыбу увидел — она человеческого ребенка держала. Эта рыба ребенка подняла и нивху сказала: «Это ребенок такого-то. Пойди и скажи ему, чтобы он его забрал. Держать его я не могу — здесь мокро». Пошел этот нивх и сказал отцу ребенка: «Вот так и так мол, пойди и ребенка возьми». Пошел нивх ребенка взять. Когда он пришел, рыбы уже не было, а ребенок лежал на льду. Он на мысу шалашик выстроил и туда ребенка отнес. Он в нем четыре дня прожил, а потом ребенка домой понес. По дороге тот закричал. Обратно нивх пошел и снова жить в шалаше стал. По ночам, когда он спал, из моря женщина приходила и грудью ребенка кормила. Он в шалашике еще шесть дней прожил и опять ребенка домой понес, но по дороге ребенок снова заплакал. Тогда он его снова обратно отнес и прожил в шалашике еще десять дней. Затем он ребенка в свое селение унес. В селении ребенок заболел и через недолгое время умер. Ребенка на самом мысу похоронили, его могилу инау обставили.

Нивхи рода *Руивн"*рыбу *ч'аг"лик* не едят — нельзя это. Эту рыбу поймав, они ее обратно в воду бросают. Нивхи других родов эту рыбу едят.

В этой легенде грань между человеком и животным миром как бы стерта, поскольку за рыбой может скрываться человек, в данном случае женщина, с которой даже в образе рыбы можно вступать в физическую связь и иметь от нее ребенка.

Какие неожиданные образы могла породить фантазия людей каменного века! Ведь ничего реального за этим плодом воображения не могло и не может быть.

22 июня. За завтраком Форун спросил:

— А о горе Крыуспал тебе кто-нибудь рассказывал?

Я ответил отрицательно. Тогда он рассказал следующее.

— За нивхским селением Найнай, — может, ты когда-либо поедешь туда, — гора Крыуспал есть. Древние нивхи сказывали, что давным-давно она человеком была — мужчиной рода *Крыусп'ин"*. У него две жены ро-

да *Руивн"* было. Они на одной речке жили. У них мальчик был. Он к реке поиграть спустился. В это самое время обе жены *Крыуса* растительную еду готовить пошли. За своим ребенком не наблюдали, а он в реку полез и утонул. Их муж своего ребенка не нашел, потому что тот утонул. Потом, когда жены пришли, они своего мужа за то бранили, что их ребенок утонул. Тогда одна жена, рассердившись, отделилась от него и ушла. К селению Сакран (к югу) ушла. Там поселилась и окаменела. Другая его жена отделилась от него и в сторону нашего селения Агнево пошла. Она пришла к бухте и там поселилась. Там она родила и окаменела. Так своего ребенка в объятиях держа, она стоит. Эта гора называется *Н"алувал*. И действительно, она детеныша будто обнимая стоит. Вместе с ней окаменели ее вещи. Они лежат за речкой *Ах"эн"и* (Башмакина речка). Она совсем недалеко от нас по дороге к *Найнаю* течет. Мы могли бы с тобой туда сходить и посмотреть. Имеется там *в"аульсиф* — место, где сабля лежит, а над ним *трухульсиф* — место, где защитное кольцо сабли лежит, а над ним *темрнирнульсиф* — место, где лежит круглая деревянная чашка. Действительно, на той стороне речки эти камни, друг на друга как бы положенные, вверх поднимаются.

Когда обе жены Крыуса окаменели, он тоже окаменел.

Окаменевшая жена, которая туда [к Сакрану] ушла, на месте, с которого можно было бы мужа видеть, расположилась. И другая окаменевшая жена, которая в нашу сторону пришла, на месте, с которого можно было бы видеть мужа, расположилась. Расстояние между ними не очень далекое — близкое.

Мы вышли с Форуном из жилища и прошлись по селению. Оно находилось на левом берегу реки у самого ее устья. Селение одновременно было обращено к реке и к морю. За ним к югу виднелась огромная гора, покрытая лесом. Удивительно удачно вписалось маленькое селение нивхов в пейзаже на фоне моря, горы, леса, реки.

Спросил у Форуна, что означает слово «Агнево». Он сказал, что по-нивхски селение называется *Арнив"о* по названию реки Арни. Что означает это слово, он не знает.

Мы шли берегом моря. По моей просьбе он стал объяснять, как называются мыс за селением и другие расположенные за ним места.

— *Арник'шы* — мыс реки Арни, — сказал Форун, — *ирмыдьиф* — дорога через гору, *г"эниг"вн"мусьпи* — место причала (для лодок), *г"эниг"вн", лыг"дык* — там сквозная дыра (тоннель) сквозь гору есть, *абусьп* — не знаю, что за слово.

Я прекратил запись топонимических терминов и спросил Форуна, почему берег за мысом называется *г"эниг"вн"мусьпи* — причалом для лодок *г"эниг"вн"*, а не просто *ниг"вн мусьпи* — причалом для лодок нивхов?

— Как ты можешь так спрашивать? — сказал Форун. — *Ниг"вн"* — это мы, нивхи, а *г"эниг"вн"* — это все равно как черт. Он *карабчи* — воровать шибко мастер. Он кругом тут живет. Пойдем, я тебе покажу.

Форун повел меня обратно к реке. Мы прошли по ней немного вверх, и он показал мне на валун, лежавший на той стороне реки.

— Это, — сказал он, — *г"эниг"вн" даф* — жилище *г"эниг"вн"*, а там повыше на реке есть камни, это *г"эниг"вн" к"аргин"* — заездок *г"эниг"вн"*, где он ловит рыбу. Мы тоже там заездок ставим, рыбу ловим. Однажды ночью я там подле нашего заездка сидел и слышал, целую ночь на том берегу люди разговаривали. О чем они говорили, не понимал, на другом языке говорили. Если нивх возле того места, где они живут, рыбачит, обязательно им надо немного рыбы оставить, а то они всю рыбу украдут.

Тут только в моем сознании этимологизировалось слово *г"эниг"вн"* — «берущий человек», от *г"энг* — «брать» и *ниг"вн"* — «человек».

Между тем Форун продолжал рассказывать.

— *Г"эниг"вн"* очень сильные. У них собаки, ружья есть, а зимой они на лыжах ходят. У них дети есть. Слышно было, как они их на той стороне нянчат. Несколько лет назад они отсюда куда-то укочевали. Забрали своих собак и ушли, а в жилище оставили жить одну старуху.

Я смотрел на Форуна широко раскрытыми глазами — с какой неоспоримой убежденностью он говорил мне о живущих вокруг их селения духах. О том же,

что это не его личный домысел, а глубокая вера всех живущих здесь нивхов, говорили топонимические названия: *г"энигвн даф* — «жилище *г"энигвн*», *г"энигвн к"арган* — «заездок *г"энигвн*», *г"энигвн мусьпи* — «причал для лодок *г"энигвн*». Что может более убедительно свидетельствовать об уверенности нивхов в существование духов *г"энигвн*, чем эти названия [33]?

В то время как мы разговаривали, к нам подошел безрукий нивх Гунач из соседнего селения Найнай. Он вступил в наш разговор.

— В море живут *ч'харур*, — сказал он. — В старину наш род *Крыусп'ин* с ними дружно жил. Они к нам приходили, котлы еду варить брали. А потом случилось, что одна молодая нивхинка, которую привез к себе один нивх в жены, по неведению бросила в одного *ч'харур* заячью шкурку, и он умер, потому что заяц для них самый страшный черт. С этого времени они на нас злые и зло нам делают.

Наши нивхи весной в море охотиться на тюленей едут. Бывает, что они во льдах охотников встречают, одетых как нивхи. Эти охотники к нивхам подъезжают, разговоры заводят. «Что вы делаете, где живете, что едите, надеваете?» Им надо только так отвечать: «Зайцев едим, заячью кожу надеваем». Тогда они в сторону уезжают и пропадают куда-то, будто их и не было. Это самые *ч'харур* и есть. Это они пытаются к нивху во время охоты пристать, чтобы потом его убить.

Лет десять назад я и Авган из Пиляво в Найнай шли. В дороге мы заночевали. Был с нами китаец. Если бы не он, *ч'харур* бы нас убили. Он ночью не спал и три раза меня будил: «В море кричит что-то», — говорил он. Я ничего не слышал и подумал, что он выдумывает. Опять уснул, а во сне вижу — все море полно *ч'харур*. Вижу, китаец ружье берет, чтобы в них стрелять. Я прыгнул через костер, отнял у него ружье, чтобы он не стрелял, а то совсем беда будет. Тут проснулся Авган и говорит: «Давай в другое место пойдем спать. Видел я во сне, как человек через огонь прыгнул, а собака, которая с ним была, огонь стала есть». Бросили мы костер и в другое место ушли. Там тоже плохо было спать. Все море было полно *ч'харур*. Бросили мы и то место и пошли в Найнай.

Я всегда ношу с собой кусочек заячьей шкурки, чтобы спастись от них, если они ко мне пристанут.

Своим рассказом Гунач озадачил меня не меньше, чем Форун. Совершенно ясно, что в основе его лежит галлюцинация.

Когда старики излагали мне представление нивхов о солнце, луне, ветре, вселенной, Сахалине, то мир в их понимании представляется живым, дышащим одной с ними жизнью. В рассказах же о *г"эниг"вн"* и *ч'харур* мне пришлось впервые встретиться у нивхов с представлениями совершенно иного свойства.

Ведь солнце, луна, ветер, вселенная, Сахалин существуют! Они реальные объекты окружающей нас действительности, и у нивхов по поводу них существуют свои представления. Это вполне понятно. Но ведь ни *г"эниг"вн"*, ни *ч'харур* в природе не существуют. Ведь они не что иное, как плод воображения людей каменного века, заселивших весь мир призраками, о которых можно сказать словами К. Маркса: «Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом» [3, 82]. Галлюцинации, несомненно, сыграли немалую роль в создании воображением людей каменного века огромного мира духов.

Как возникли в истории человечества эти продукты человеческого мозга? Как случилось, что люди породили своим воображением «целое человечество духов», как его назвал Л. Я. Штернберг [28, 232]. Неужели человечество древнейших эпох не могло обойтись без их создания?

Ответ один. Очевидно, не могло. Очевидно, это заблуждение было неизбежно на пути познания природы, когда за всеми ее явлениями надо было поставить живые человекоподобные существа.

Разве воображение древних славян не населило мир лешими, водяными, русалками, домовыми, чертями, ведьмами и прочими продуктами своего воображения? Разве воображение древних египтян, греков, римлян, индийцев, персов, китайцев не породило своим воображением колоссальный пантеон добрых и злых духов?

Однако понимая закономерность и неизбежность этого заблуждения, чрезвычайно трудно наглядно пред-

ставить себе условия его зарождения и все звенья формирования. Сложность этой проблемы усугубляется еще тем, что люди каменного века не только создали своим воображением «человечество духов», но вступили с ним в определенные, условно выражаясь, дипломатические отношения.

23 июня. Был в Ревкоме. Секретарь Ревкома мне сказал:

— Ну, теперь мы сможем поговорить и о вашей работе на Сахалине. Зайдемте к председателю Ревкома.

Он открыл дверь, пропустил меня вперед, и я увидел в кабинете своего знакомого по пароходу — Александра Никитича Неволина.

— Вот мы с вами снова встретились,— сказал Александр Никитич и, выйдя из-за стола, пошел мне навстречу.

У нас была прекрасная, душевная беседа. Мы говорили о том, что всего лишь год прошел с тех пор, как на Сахалине установилась Советская власть, о том жутком наследии, которое оставили на острове каторга и японская оккупация. Перед нами стояла задача донести новые принципы человеческих взаимоотношений, провозглашенные Коммунистической партией и Советским правительством, до самых отдаленных углов Сахалина. Особенно сложной представлялась нам задача приобщения нивхов к новым формам жизни. Обследованием Ревкома установлено, что в ряде селений нивхи находятся на уровне крайнего обнищания, что у них нет ни ружей, ни охотничьих припасов, ни неводов, что они живут в антисанитарных условиях и поголовно неграмотны.

Из беседы я узнал, что уже в прошлом году на Сахалине на Чайвинском заливе была создана первая туземная школа, в которой обучаются дети эвенков, ороков и якутов, но что нивхи до сих пор еще боятся отдавать своих детей в школу, так как не могут преодолеть своего недоверия к этому нововведению.

Я узнал также, что в этом году Ревком впервые в плановом порядке пытается приучить нивхов к посадке картофеля. Нивхи, живущие в бассейне р. Тыми, каждой весной испытывают голод вследствие нехватки юколы. Поэтому и принято такое решение. Здесь нивхам должны помочь сельсоветы ближайших русских

селений — они могут вспахать землю и посадить картофель.

А. Н. Неволин предложил мне выехать к нивхам р. Тыми, проверить на месте, как проведена эта работа.

Вдруг А. Н. Неволин протянул руку, взял одну из книг, лежавших на столе, и прочитал:

— Сахалин. Сборник статей о прошлом и настоящем. Под общей редакцией губернатора Д. Григорьева. Остров Сахалин. Типография при Канцелярии сахалинского губернатора. 1913 год. Интересно, что писали здесь о нивхах всего лишь тринадцать лет назад. «Отсутствие своего внутреннего управления и отдаленность от администрации ставит гиляков в безвыходное положение. Они не знают, у кого защищать свои права и кто бы их научил, как нужно жить и воспитывать детей, а также отстать от своей лени, беспечности и дикости. Допущение детей гиляков в русские школы, находящиеся в Славо и Тамлово, могут оказать на них благотворное влияние, но специфический запах от этих детей едва ли позволит соединить их с детьми русских крестьян» [21, 50].

А. Н. Неволин повторил как бы про себя:

Они не знают, у кого защищать свои права... Мы, Ревком, Советская власть, будем теперь защищать их права. Мы должны добиться, чтобы нивхи поняли, что мы их друзья, что мы идем к ним с открытым сердцем, с самыми лучшими намерениями, хотим им помочь, что свои права они могут защищать с нашей помощью.

Какая нелепица, чтоб не сказать больше: ведь в этом официальном сборнике, изданном типографией губернатора, пишется, что запах нивхских детей может стать препятствием к их образованию. А Советская власть, как только она пришла на Сахалин, создала для детей местных туземцев школу-интернат. Ваша задача, — обратился он ко мне, — переломить недоверие нивхов к туземной школе на Охотском берегу Сахалина и убедить их посылать туда своих детей.

А. Н. Неволин перевернул страницу и стал читать:

— «Условия экономического быта этого племени становятся с каждым годом все более и более тяжелыми. Гиляки по природным местным условиям должны заниматься главным образом рыбной ловлей и охотой,

служащей им подспорьем. Между тем в настоящее время они крайне стеснены в рыбной ловле. Целые партии рыбопромышленников, рассеявшиеся по морскому берегу Сахалина, не довольствуются отведенными им казною участками, а ловят рыбу на гилякских участках, так как гилякам не известны их границы и им по необходимости приходится уступать, передвигаясь в другие свободные места. В данное же время этих свободных мест нет. Везде появились русские рыбопромышленники, которым гиляки за бесценок должны отдавать свои уловы, так как они от них находятся в экономической зависимости» [21, 51—52].

Мы не можем допустить, чтобы остатки старого эксплуататорского класса в виде рыбопромышленников обманывали и эксплуатировали нивхов. На Сахалине еще есть и торговцы, и кулаки. Если вы встретитесь на месте с какими-либо фактами обмана и эксплуатации нивхов, пресекайте их немедленно и оформляйте для подачи в суд.

— Ну,— сказал он, вставая,— желаю вам удачи. Я знаю, что вы приехали к нам по телеграмме из Ревкома. Так как вы будете проходить здесь свою производственную практику, Ревком удлинит срок вашей командировки для того, чтобы вы имели больше времени для научно-исследовательской работы среди нивхов. Это в дальнейшем будет полезно и для работы органов Советской власти среди них.

На этом наш разговор закончился.

Беседа произвела на меня сильное впечатление. Я невольно противопоставил: губернатор Д. Григорьев и председатель Ревкома — пекарь А. Н. Неволин. Какая пропасть между ними! Это два мира, разделенных Октябрьской революцией...

Из Ревкома иду на кладбище — нужно выполнить поручение Л. Я. Штернберга. Сахалинское кладбище расположено за городом на высоком берегу моря. Пустынно. Одни только надмогильные холмики. Кресты железные, деревянные, стоящие, упавшие, гниющие, полусгнившие. Сколько неведомых мук здесь сокрыто? Ведь тут зарыт ужас Сахалина! И разве не он кричит из надписи «Здесь похоронен прах жены Протопопова Елены, убиенной 21 ноября 1903 г., и детей Александра и Олимпиады. Мир праху вашему, милые детки»? Их

немало здесь лежит «убиенных», и меж могильных холмов становится тяжело ходить. Но где же можно найти могилы Домбровского, Карпенко и других политических ссыльных? Лишь на одном каменном надгробии прочел, что здесь похоронена Антонина Мейснер, урожденная Словик. Мне показалось, что эти фамилии Лев Яковлевич мне как-то называл. Больше я ничего не мог обнаружить.

24 июня. Ранним утром пошел в деревню Ново-Михайловское — она в девяти километрах от Александровска. Мне указали дом С. П. Бугайского, и я, войдя во двор, увидел старого человека, вилами приводящего в порядок сено, сложенное под навесом. Это и был С. П. Бугайский. Передал привет от Льва Яковлевича и рассказал о его поручении. Сказал ему, что нашел могилу с фамилией Мейснер, урожденной Словик. Он тут же ответил, что там же похоронены Домбровский, Карпенко и жены двух политических ссыльных — Шмауса и Вольнова. Попросил его пойти осмотреть эти могилы. Вместе мы отправились на кладбище к могиле Мейснер. На полусгнивших деревянных крестах, стоявших возле этой могилы, надписей не было. Станислав Павлович руками стал раскапывать траву и землю возле крестов и на одной могиле нашел поржавевшую железку с надписью «Анна Васильевна Вольнова». Эта находка убедила меня, что Станислав Павлович нашел могилы своих товарищей. Других надписей он найти не смог. Попросил Станислава Павловича пойти со мной к А. Н. Неволину.

Было уже больше четырех часов дня. Работа в Ревкоме закончилась, и А. Н. Неволин ушел домой. Решили побеспокоить его там, так как вторично Станиславу Павловичу идти из Ново-Михайловского в Александровск было утомительно. Вместе с нами А. Н. Неволин пошел на кладбище и осмотрел предполагаемое место захоронения. Когда мы возвращались, он сказал:

— Я поговорю обо всем с секретарем Окружкома, а вы напишите Штернбергу, что памятник на могилах политических ссыльных на Сахалине будет установлен.

25 июня. Получил документы о зачислении меня инструктором Окружного сахалинского ревкома со дня приезда на Сахалин и командировочное удостоверение. Выезжаю в нивхские селения по р. Тыми.

Глава II

ИЗ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ НИВХОВ

ПОЕЗДКА В НИВХСКОЕ СЕЛЕНИЕ УСКВО

28 июня. От русского селения Ускво к нивхскому селению того же названия дорога шла через густой лес. И когда мы выехали на берег Тыми, я впервые его увидел. Оно было небольшим, но очень колоритным. Сразу чувствовалось, что люди, живущие в нем, всем существом своим связаны с окружающей их богатейшей природой.

Остановился я у старика Самыгина. От него узнал, что на нивхском языке селение Ускво называется *Выскв"о,* от *выскнд* — «бороться» и *в"о* — «селение». Следовательно, русское название — это искаженное нивхское.

Вечером спросил у Самыгина, какой род живет в их селении. Он сказал:

— Один род — *Высквонн"* (т. е. жители селения Выскво. — *Е. К.*).

— Есть ли какие-нибудь предания о нем?

— Есть предание. Нивхи этого рода и змеи, живущие у обрыва *Улбан"нь,* — один род. Это случилось так. Давным-давно один нивх на охоту ушел. В жилище жену оставил. Когда с охоты вернулся, услышал — в жилище разговаривают. Он не вошел, а стал смотреть в отверстие в стене, чтобы узнать, что там делается. Посмотрев, увидел — его жена с неизвестным мужчиной обнимается. Выстрелил он сквозь отверстие стрелой с развилиной на конце. И вдруг мужчины не стало. Вместо него на полу перебитая надвое змея валялась. Он в

жилище вошел и жену убил. Года через два нивхи увидели убитую нивхинку гуляющей по обрыву *Улбан"нь*. Она уже со змеями жить стала. Потом через несколько лет туда же пошли и с детьми ее увидели. Поэтому у нивхов рода *Высквонн"* змея считается человеком. Вот так из-за женщины у рода *Высквонн"* стал один род со змеями. Бывает, когда в наше селение привозят жену, змея заползает в жилище посмотреть на нее. Тогда мы змею выгоняем. Род *Высквонн"* убивать змей не может.

Я слушал, о чем мне с самым серьезным видом говорил Самыгин, но не мог понять истоков таких представлений.

29 июня. Утром пошел осматривать селение. На берегу у самой реки стояли лодки, обращенные носом к воде. На высокой части берега увидел сушильни для юколы с помостами между ними. Повыше, к лесу, находились летние жилища на вывороченных пнях либо просто на земле. За жилищами — амбары на вывороченных пнях. В селении были две пустые клетки для выращивания медведей. В глаза бросалось большое количество ездовых собак, как привязанных под специальными заслонами, так и бегающих свободно.

Увидел нивха, по имени, как я узнал из разговора с ним, Мугдын — он делал лодку-долбленку. Стал расспрашивать его о процессе изготовления лодки. От него узнал следующее.

По Тыми нивхи ездят не в дощатых лодках, как нивхи Татарского побережья, а в долбленых, сделанных из тополя — *муськыр*. Лодка же называется *му*. Следовательно, можно полагать, что тополь был назван по предмету, который из него делают, т. е. по лодке.

Не всякий тополь пригоден для ее изготовления. Маленькая лодка-долбленка по длине — не менее трех маховых саженей, а большая — пять маховых саженей. Отсюда отпиленный ствол без ветвей должен быть не меньше трех маховых саженей для маленькой лодки и пяти — для большой. Поэтому, когда подыскивают тополь для лодки, прежде всего обращают внимание, на каком расстоянии от земли находятся ветви. Но одного этого условия мало. Необходимо еще учесть качество древесины тополя. Нивхи различают несколько видов древесины: с жилами (*т'он"рд*), с трещинами (*ч'х"олг"д*), с древесиной упругой, но ровной и одинаковой на протя-

жении всего ствола (*к"аг"д*). Тополь с такой древесиной может быть использован для изготовления лодки. Четко различаются и другие свойства древесины.

В тополе нивхи различают три древесных слоя: наружный — *к"анс,* следующий за ним — *ыг"с,* сердцевину — *н"ур.* В других деревьях, например в лиственнице, различают лишь два слоя: *тла* — наружный, *н"ур* — сердцевину. При изготовлении лодки выдалбливают два внутренних слоя, стремясь максимально сохранить наружный. Годовые слои древесины называется *ч'ог"р.*

Когда находят тополь, удовлетворяющий необходимым требованиям, определяют его теневую и освещенную солнцем стороны. На теневой стороне древесина мягче, и на ней делают отметку, называемую «рот», чтобы отсюда начать выдалбливание лодки. Затем по ветвям определяют, в какую сторону упадет тополь. На эту сторону заранее кладут два-три бревна, чтобы тополь рухнул на них и оказался лежащим поперек бревен. Когда подрубленный тополь падает, нивхи прежде всего срубают ствол какого-то кустарника, заструживают его и втыкают в середину оставшегося пня тополя. Это называется *муськыр техн" айд* — «тополя душу делать». Следовательно, нивхи считают, что тополь имеет душу, о которой они обязаны позаботиться. Поэтому они и втыкают в его пень ствол кустарника, в котором после того, как дерево свалено, будет обитать его душа. Потом в зависимости от того, какой длины предполагают сделать лодку, нивхи отмеривают нужное количество маховых саженей и отпиливают верхушку тополя. В результате остается огромное бревно, на котором размечают, где будут располагаться борта лодки.

Для изготовления лодки-долбленки нужно произвести десятки операций. Само собой разумеется, что они были выработаны нивхами не сразу, а в течение вековой практики.

При изготовлении лодки нивхи преследуют две цели: во-первых, чтобы она легко и быстро двигалась, во-вторых, чтобы была устойчивой.

Первая цель достигается тем, что корму они делают на стороне вершины дерева, а нос — на стороне комля. Подобным расположением носа и кормы нивхи сразу же добиваются трех преимуществ. Во-первых, их лодка продвигается вперед наиболее широкой и тяжелой частью.

Так как ствол у вершины уже, чем у комля, нивх сравнительно легко проводит широкий нос лодки через препятствие (на реке, например, через перекат, а в море среди льдин); если же нос проведен, то узкая корма и подавно преодолевает препятствие. Во-вторых, при таком расположении носа и кормы лодка легко скользит по поверхности воды — широкий нос не погружается глубоко в воду, а узкая корма не создает препятствия для движения лодки. В-третьих, создается лучшая обтекаемость лодки — волокна наружного слоя древесины располагаются как бы по ходу воды и не задираются во время движения лодки, что происходило бы, если нос был сделан на стороне верхушки, а корма на стороне комля.

Устойчивость придается долбленой лодке двумя способами.

Первый из них состоит в том, что окружность ствола по наружной поверхности дна лодки немного стесывается; более плоское дно, естественно, делает лодку не такой верткой, какой она была бы при совершенно круглом дне. Второй способ заключается в том, что дно лодки делается толще ее бортов. Это позволяет сосредоточить центр тяжести на ее дне. Примечательно, что толщина дна и соотношение этой толщины с толщиной бортов определяются на ощупь. Нивх, изготавливающий лодку, прикладывает одновременно ладони к внутренней и наружной сторонам дна или борта лодки, определяя таким образом их толщину. Так же определяется равномерность толщины различных частей лодки — дна и бортов.

Когда все это выяснилось, я был удивлен теми познаниями, которые нивхи приобрели в области динамики полой древесины, плывущей в воде. Все это, конечно, было найдено ими в процессе изготовления, путем практики, подсказывавшей интеллекту, в каком направлении должно быть произведено то или иное улучшение. «Мышление и деятельность, деятельность и мышление — вот итог всей мудрости. Оба должны неустанно двигаться в жизни взад и вперед, как выдыхание и вдыхание. Кто делает для себя законом испытывать деятельность мышлением, мышление — деятельностью, тот не может заблуждаться, а если заблудится, то скоро вернется на верную дорогу»,— говорит В. Гёте [11, 391]. В овладении

тайнами природы человечество, в том числе и нивхи, продвигалось только этим путем.

Мугдын показал мне три топора, которыми нивхи пользуются при изготовлении лодки. *Матьин"к* — топор, которым выдалбливают лодку. Его лопасть с лезвием расположена поперек по отношению к топорищу. *Тэугин"к* — топор, которым обрабатывают изнутри борта лодки. У него два изогнутых топорища. Когда обрабатывают один борт, лопасть с лезвием надевают на топорище с изгибом и закрепляют его палочкой, просунутой вверху в отверстие топорища, чтобы лопасть не соскочила с него. При обработке второго борта лопасть снимают с топорища и надевают на другое, имеющее изгиб, противоположный изгибу первого топорища. Третий топор — *пандю* — секирообразный. Им, насколько это оказывается возможным, выкалывают внутреннее пространство лодки и обтесывают ее дно. Откуда проник к нивхам этот секирообразный топор, Мугдын не мог мне объяснить.

Топорище топора *матьин"к* — это сук, вырубленный из дерева вместе с куском ствола. Последний выравнивался и превращался в ложе для лопасти топора. Под нее, чтобы она не скользила по дереву, подкладывается кусок бересты, лопасть привязывается к ложу ремнем, который входит в выемку, сделанную с задней стороны ложа. Когда берешь этот топор в руки, то видишь, что лезвие его, лежащее поперек ручки, образует по отношению к ней острый угол. Такой топор очень удобен для выкалывания внутреннего пространства лодки. Л. Шренк справедливо сопоставляет долбильный топор нивхов с такими же топорами с острова Отаити и Адмиралтейских островов, отмечая при этом, что «и тот и другой принадлежат еще к каменному периоду, так как у одного каменное лезвие, а у другого из раковины морской улитки» [26, II, 197]. Значит, долбильный нивхский топор — изобретение людей каменного века. Таким образом, прекрасное знание нивхами древесины, весь опыт по изготовлению лодки-долбленки и понимание особенностей ее скольжения по воде были постигнуты их предками еще в этом веке.

После того как нивхи намечают на бревне борта лодки, они приступают к выкалыванию его сердцевины, чтобы получить внутреннюю полость лодки. Оно произ-

водится по теневой стороне ствола, где была сделана пометка, носящая название «рот». Для этого примерно через каждые пятьдесят сантиметров делают на бревне поперечные зарубки, а затем вырубают куски древесины. Выкалывают полость лодки в двух направлениях: сначала от носа к корме, а затем, когда доходят до середины бревна, в обратном направлении — от кормы к носу. После этого производят опкуривание бревна. Затем повертывают бревно, лежащее на поперечных бревнах, рычагами, в качестве которых используют толстые жерди, и обкалывают нос и корму будущей лодки, обтесывают дно. Потом опять повертывают заготовку лодки внутренней полостью кверху и продолжают выкалывать ее бока простым топором. Дно лодки внутри обрабатывают долбильным топором. Затем обрабатывают борта лодки: сначала один ее борт изнутри топором с изогнутыми топорищами, потом другой борт тем же топором,— только меняют топорище. После этого повертывают лодку вверх дном, обрабатывают сначала нос (вытесывают на нем выступы в виде боковых крыльев), а затем — корму.

Когда эта работа закончена, зовут друзей, рубят тонкие деревья, счищают с них кору и делают из них накат, по которому заготовку лодки перетаскивают к реке. Чтобы ее легче было волочить, внутри нее — в носовую и кормовую части — вставляют два поперечных распора. По реке лодку сплавляют к жилищу. Там ее вытаскивают повыше на берег, устанавливают на поперечные перекладины и дают ей подсохнуть. После этого ее наружную часть обрабатывают строгальным ножом (*иг"дяк"о*). Затем продолжают обрабатывать изнутри борта лодки топором с изогнутыми топорищами.

Изнутри дно лодки обрабатывают также топором. Когда все готово, срубают стволы кустарников и изготовляют распоры для лодки. Их устанавливают в лодке крест-накрест: один край распора упирается в изгиб, образуемый дном и бортом лодки, другой — в верх противоположного борта. При этом следят, чтобы борта лодки были разведены равномерно. Если один борт выгнется больше другого, лодка будет крениться в сторону выгиба и утратит необходимую ей устойчивость. При подсыхании лодки распоры ослабевают, и тогда под их внутренние концы подкладывают деревяшки. Нивхи знают,

что если в заготовке лодки древесина окажется неодинаковой, то высыхание лодки будет происходить неодинаково и она треснет. По окончании разведения бортов лодки из лиственницы изготавливают длинные накладки на верхние края бортов.

Из лиственницы же изготавливают гвозди, которыми прибивают накладки. Сначала гвозди, чтобы они подсохли, подвешиваются в жилище подле очага к верхней продольной перекладине, а верхние края бортов лодки, чтобы гвозди хорошо в них вколачивались, распаривают. После этого на край бортов накладывают лиственничные планки, заранее подогнанные к ним, и просверливают их. Затем обмакивают концы лиственничных гвоздей в тюлений жир и вколачивают их в отверстия, проходящие сквозь планку в борт лодки. Потом из лиственницы делают верхние поперечные распорки для бортов и устанавливают их так, чтобы края бортов удерживались на одинаковом расстоянии. Укладывают в корму специальную дощечку — скамеечку для рулевого. Из лиственницы изготавливают шест и вытесывают рулевое весло, делают черпак для вычерпывания воды из лодки. Из нее же изготавливают и гребные весла. Однако нивхи Тыми редко пользуются ими — они с детства приучаются плыть на лодке, отталкиваясь шестом. Чтобы стоять в такой лодке-долбленке (рис. 5) да еще усиленно работать в ней шестом, нужно обладать врожденным чувством балансировки и большой силой.

30 июня. Сижу в летнике Мугдына вместе с хозяином за столиком на наре. Пьем чай, едим юколу и беседуем. При свете костра, горящего на очаге, веду свои записи. Продолжаю наш разговор о том, как нивхи используют в быту дерево.

Любое растущее дерево, палку, дрова нивхи называют одним словом *ч'х"ар,* кустарники — *н"акс,* траву — *ч'н"ыр,* мох — *в"ах",* камыш — *тиф,* ягоды — *алр.*

Береза с белой корой у них — *хивс,* с менее белой корой — *кэзгур,* ольха — *хэун"и,* верба (?) — *тлон"и,* рябина — *мэзлан",* вяз — *харсх"ар,* дуб — *ёнин"ан,* лиственница — *к"ой,* ель — *т'уськ,* пихта — *н"арн"и,* тополь — *муськыр,* осина — *к"аньч'х"ар,* клен — *нистан.*

Кроме того, различаются старые и молодые деревья. Так, молодой тополь (с гладкой корой) — *пикуй,* молодая лиственница — *пшон"р,* молодая ель — *пшун",* моло-

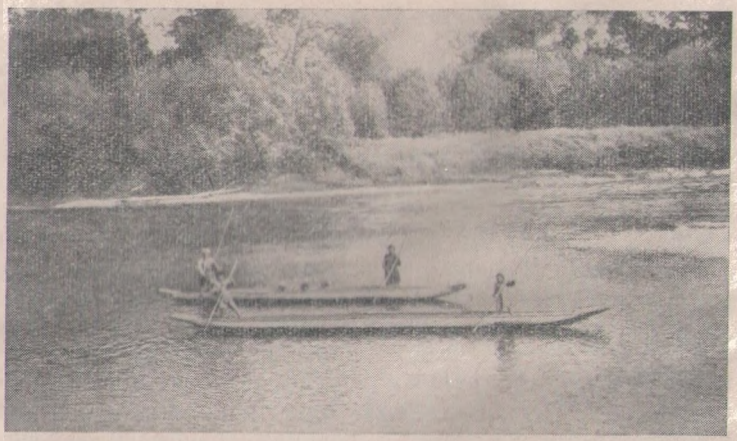


Рис. 5. Лодки нивхов Тыми, выдолбленные из тополя.

дая рябина (растущая несколькими стволами и многими прутьями) — *мэзла-н"акс,* молодая ольха (растущая кустарником) — *хэун"и н"акс,* старый тополь — *муськыр,* старая лиственница — *к"ой;* старая ель — *т'уськ,* старая рябина (имеющая один ствол) — *мэзлан",* старая ольха (имеющая один ствол) — *хэун"и.*

Корень по-нивхски называется *мирлих;* основание дерева с корнями — *ос;* середина ствола — *вихл;* верхушка ели — *н"он"рр;* кора ели, лиственницы — *огм;* кора березы, береста — *хиф;* сук — *тер;* лист — *тёмр*

По моей просьбе Мугдын рассказал, какие породы деревьев используются для изготовления различных предметов. Лодки-долбленки, например, делают из тополя, шесты для лодок — из тальника и лиственницы; весла — из лиственницы; полозья нарт — из темной березы; ножки нарт — из темной березы; дуги в нарте — из черемухи; верхние продольные планки в нарте — из черемухи; настил в нарте — из ели; тормоз нарты — из темной березы; лыжи зимние *(энь)* — из ели; лыжи весенние *(лак")* — из лиственницы[34]; древки острог *(матл, ч'эвл, тла)* — из лиственницы; лук — из рябины (и из стволов какого-то кустарника *п'эр,* растущего на склонах гор на Татарском побережье Сахалина, к югу от Александровска); древко стрелы с железным наконечником — из бе-

резы; стрела с тупым наконечником (на зайца, птицу) — из березы; стрелы, употребляемые на медвежьем празднике, — из лиственницы; рукоятки ножей — из клена, наплыва на березе; глубокие корыта (*кэть*), в которые складывают икру или тюленье сало для прокисания, — из тополя; корыта для кормления собак — из тополя; корыта для изготовления студня — из тополя и вербы; песты для растирания студня — из черемухи; посуда для еды разная — из ольхи, осины, березы; ложки — из ольхи и березы; палочки для еды — из шиповника; столики для еды — из тополя; трубки курительные — из наплыва на березе.

Такое знание древесины различных деревьев — это уже элементы подлинного знания природы, из которого развивается наука. По-видимому, предки нивхов не хуже знали свойства кремня и других камней, из которых они готовили каменные орудия. Приходится сожалеть, что эта область знаний полностью утрачена. Мы не в состоянии сейчас установить, как определяли свойства камней люди каменного века. Ведь от знания свойств кремня и других камней до знания свойства древесины различных деревьев пролегает непрерывная линия постижения природы.

1 июля. Утром, сидя с Самыгином за столиком, угощаю его белыми сухарями, сахаром, а сам время от времени беру кусочки нарезанной юколы, разжевываю ее и запиваю чаем, чтобы он не подумал, что я гнушаюсь его едой, поставленной на столик. Чай нивхи готовят по-своему. Когда чайник вскипает, они бросают в него накрошенный кирпичный чай, снова подвешивают чайник над огнем и дают ему вскипеть.

На мои расспросы о местах, расположенных вокруг их селения, Самыгин ответил, что выше их селения есть место, называемое *К"амышк улан"* — «возвышенность *К"амышк*». О ней старики рассказывали следующее.

«Жители рода *Высквонн"* очень часто охотились на медведя. У них сестра была, которую *К"амышк* звали. Однажды она вместе со своими братьями пошла медведя искать. Вот медведя увидели. Из лука в него выстрелили, попали, но медведь ушел. Они следом за ним пошли. Тогда их сестра в собаку оборотилась и за медведем побежала. Ее братья ей кричали: „Вернись!", но их сестра к медведю побежала, стала его теребить, его

остановила. Ее братья подошли, медведя убили. Потом в селение его притащили, там его наладили (т. е. съели, оказав ему необходимые почести.— *Е. К.*). Опять на медведя охотиться собрались. Старший брат [орокскую] доху из вытертой оленьей шкуры надел, с младшим братом пошел. Их сестра с ними пошла. Медведя увидели. Их сестра опять в собаку превратилась, к медведю побежала, теребить его стала. Старший брат ей кричал: „Вернись!", потом за ней пошел, дал медведю себя свалить, чтобы младший брат на нем медведя убил. Так жили. Потом осень настала. Братья на соболя охотиться ушли, петли на него ставили. Когда обратно вернулись, их сестры не было. Неизвестно, куда она ушла. Потом в лесу ее след увидели. По нему пошли. Долго по следу шли. Потом [вместо следов двух ее ног] одна нога медведя [была], одна нога человеческая [была]. Оттуда этот след в каменное отверстие горы вошел. Ничего иного нигде не было».

Я записал эту легенду, но, как и в предании о змее, не воспринял миропонимания нивхов. Ведь в основе таких легенд лежит не действительность, а воображение и, вероятно, сны, галлюцинации.

Днем, воспользовавшись тем, что Самыгин свободен, решил продолжить изучение области труда у нивхов. Интересно, как они определяют свойства материалов, употребляемых ими? Если Мугдын, рассуждал я, знает свойство прямой, витой, упругой и неупругой древесины, то, вероятно, в языке нивхов должны существовать и обозначения тех абстрактных свойств предметов, которые выражаются в русском языке качественными прилагательными. Спросил об этом Самыгина. Вот какие названия он привел: длинный *(кылд)* — короткий *(пак"д)*; прямой *(макырд)* — кривой *(пэрк"ард)*; твердый *(кафкавуд)* — мягкий *(х'амуд)*; острый *(т'уньд)* — тупой *(маймайд)*; большой *(пилд)* — маленький *(мытькыд)*; высокий *(улд)* — низкий *(х·ышкд)*; глубокий *(вэуд)* — мелкий *(н"азд)*; широкий *(вэшд)* — узкий *(носкд)*; толстый *(тод)* — тонкий *(носкд)*.

В качестве синонимов к слову *кафкавуд* — «твердый» Самыгин назвал мне слова *вэск" ард* [1) «твердый», 2) «сильный»] и *тяк"ад* («крепкий»). О слове же *тод* — «толстый» он мне сообщил, что его можно употребить лишь применительно к человеку, дереву, любому цилин-

дрическому предмету. Если же говорят о доске, т. е. плоском предмете, употребляют слово *виркырд*.

— А как нивхи обозначают понятие «равный» по толщине, если у них есть различные слова для обозначения качества «толстый»? — задал я вопрос Самыгину.

Оказалось, что единого абстрактного понятия «равный» в языке нивхов нет, но что почти для каждого конкретного качественного равенства у них есть отдельные слова: равный, одинаковый по толщине (цилиндрической) — *ролкид*; равный по толщине (цилиндрической и плоскостной) — *рагад;* равный по ширине — *в"эшкид;* равный по высоте — *в"улкид*; равный по концу — *вакад;* равный по длине — *н"акад;* равный по величине — *н"асид;* равный по количеству — *н"арод;* равный по количеству (*нин ишн харо-худ* — «мы убили равное количество с ними») — *харо;* равный по количеству — *вашод;* равный по росту (о человеке, животном, рыбе) — *н"ануд;* равный по форме (*турн"* — «форма») — *рурн"ыд;* равный по силе (*тьин"*) — *вайнауд;* неодинаковый по силе — *вайрэрд;* равный (при указании на предмет, в отношении которого утверждается то или иное равенство) — *н"ах"ад* не полностью равный, но подобный, похожий (о предмете) — *вотьид;* не полностью равный, но подобный (о предметах, о качествах, по отношению к которым выражают свое уважение) — *варад.*

Над этими словами придется еще немало поработать, чтобы в отдельных случаях определить объем выражаемого ими понятия равенства, но уже теперь поражаешься дифференцированности и точности понятий, употребляемых нивхами в процессах, связанных с их непосредственным трудом. Уже при изучении топонимики нивхов и их географических понятий я удивился конкретности их представлений, касающихся той природной среды, в которой они живут, занимаются рыболовством, охотой и морским промыслом. Теперь я убеждаюсь, что такая же конкретная точность существует у них и для обозначения качеств и той части природы, в частности растительного мира — деревьев, которые они освоили своим трудом.

Беседы с нивхами показывают, что они великолепно знают, что значит твердое, легкое, крепкое, гнилое, прямое, кривое, тупое, острое, холодное, горячее, белое, черное, равное, неравное и т. д. Для всех этих и других признаков в языке нивхов есть соответствующие обозначе-

ния. Трудовой опыт нивхов и язык нивхов показывают, что их мышление верно отражает мир, что их представления о свойствах и признаках предметов соответствуют действительности.

К. Маркс говорил: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [1, 1—2].

Что же показывает трудовая практика нивхов? Да то, что нивхи, например, никогда не станут делать лодку-долбленку из лиственницы. Они употребят только тополь, да еще не всякий, а только тот, древесина которого подходит для этого.

Следовательно, их мозг, их познавательный аппарат замечательно постигает природу. Но почему же они тогда не понимают, что косатка — не человек? Почему Шызн"ыун со страстностью рассказывал мне о том, как нивхи узнали, что она человек? Почему старик Форун сообщил мне, что рыба *ч'аг"лик* родила от человека и поэтому нивхи рода *Руивн"* не едят эту рыбу? Почему Самыгин говорил мне, что женщина их рода жила со змеей-мужчиной и ушла жить к змеям? Ведь теперь для нас сказка о царевне-лягушке — это только сказка, но для них она еще выглядела бы действительностью.

Значит, что-то в окружающей их природе они познали правильно, но чего-то они еще не постигли, что-то в ней осталось им непонятным.

Вспомнились слова В. И. Ленина: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания является знание,* каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [7, 102]. Если начать анализировать с этой точки зрения представление нивхов о мире и расчленить его на две части, отнеся к первой то, что они действительно знают, где их понятия отражают природу верно, а ко второй — то, чего они еще не знают, где их понятия и представления отражают природу неверно, то получит-

ся следующее. Их правильные представления о природе ограничены той областью, которую они постигли непосредственным опытом, например блестящее знание ландшафта, свойств дерева. А неправильные относятся к тем явлениям, которые не вошли еще в сферу их непосредственного опыта, как, например, молния, затмение солнца, ветер, явления зачатия и т. д. Здесь познание природы взято еще не опытом, но подменено воображением, фантазией.

Знания людей, как и их незнания, исторически обусловлены. Следовательно, при изучении представлений нивхов надо прежде всего занять верную исходную позицию и попытаться приурочить их мировоззрение к определенному историческому периоду. Я думаю, мы можем считать, что оно, как и мировоззрение очень многих народностей, не вышедших еще из условий охотничьего быта, порождено каменным веком, без разделения его на палеолит и неолит, поскольку еще невозможно сказать, что в этом мировоззрении порождено первым или вторым его периодами.

Однако при изучении мышления людей каменного века надо прежде всего исходить из изучения их труда. Надо всегда помнить, что в этом веке люди заложили мощный фундамент всей современной культуры. Ведь именно в каменном веке (а не в каком-либо ином) люди стали добывать огонь, создали топор, скребок, нож, сверло, копье, лук, иглу, нитки, узел, плетение, жилище, одежду, обувь, плот, лодку, мотыгу, приручили собаку и, возможно, других животных, культивировали некоторые злаки. Ведь в каменном веке сложились и языки, на которых мы сейчас говорим. Значит, люди этого длительнейшего периода истории имели верные представления об определенных областях природы — иначе они не могли бы выстоять в борьбе за свое существование!

Неверные же представления людей каменного века выражены в их мифологии и религиозных представлениях. Следовательно, если я буду исходить в своих суждениях о мышлении людей каменного века только из их мифологии и религиозных представлений, то неизбежно приду к ошибочным представлениям о природе их мышления, что уже произошло с рядом исследователей так называемого первобытного мышления. Природа мышления у всех людей одинакова. Нет особого первобытного

мышления и особого современного мышления, но зато существует первобытное мировоззрение, основывающееся на воображении, и современное научное мировоззрение, основывающееся на точных опытных знаниях.

Такой подход к процессу мышления нивхов, с одной стороны, и их мировоззрению — с другой, я считаю будет верным!

ПОЕЗДКА В НИВХСКОЕ СЕЛЕНИЕ СЛАВО

3 июля. Название селения Славо образовано от искаженного нивхского *Глав"о* (букв.: «нерестовое селение» от *глад* — «нереститься», *глаф* — «место, где нерестится рыба»).

Остановился я в Славо у Муфчика, в его жилище, построенном на вывороченных пнях. Он и его жена молоды. Видимо, она хорошая хозяйка, так как в жилище чисто. Они оба одеты в чистую одежду, украшенную вышивками. Косы у обоих аккуратно заплетены. В жилище легко дышится — воздух проникает в него даже сквозь пол.

Л. Шренк писал, что нивхи, «которые еще сохраняют свои первобытные жилища и постройки, до известной степени могут быть приравнены — зимой к жителям пещер или троглодитам, а летом к людям свайного периода. В этом отношении они стоят на точке, которая на европейской почве принадлежит к далекому прошлому, ко временам доисторическим» [26, II 50]. Ну что ж, если это так, то мне предстоит сейчас ознакомиться с доисторическим первобытным свайным жилищем.

Я выпил чаю, которым меня угостили хозяева, и вышел осмотреть жилище. Муфчик вышел вместе со мной — он объяснял мне процесс постройки. Жилища и амбары на вывороченных пнях строятся одинаково (рис. 6). Только жилище больше по размеру и разделено на две половины — переднюю и заднюю. Передняя половина используется в качестве кладовой для самых различных предметов. В нее складывают небольшой запас юколы, используемый в течение нескольких дней, подвешивают на продольную перекладину пузырь с тюленьим жиром. Так же лежат некоторое количество различной

Рис. 6. Летнее жилище нивхов на вывороченных пнях. Два передних столба врыты в землю. На бревне с зарубками — нивхинка в национальном костюме. Справа под крышей висит юкола, прислонены шесты для сушки юколы. Селение Славо.

берестяной и деревянной посуды, котел, тюленьи кожи, различные вещи. На продольной перекладине висят ружье, иногда обувь, одежда.

Во второй, задней половине живут люди. Примечательно, что в этом жилище нет ни единой железной скрепы, ни единого железного гвоздя. Конструкция его несомненно уходит в неолит. В постройке жилища, как летнего, так и зимнего, нивху помогают его сородичи, а также зятья. В общих чертах процесс постройки может быть описан так.

1. Прежде всего нивхи выбирают ели одинаковой толщины. Затем, отступя сантиметров на 75 от ствола, откапывают корни и обрубают их. Свалив ели (вместе с обрубленными корнями), нивхи распиливают их ствол примерно на расстоянии полутора метров от корня. После этого пни с корнями очищают от коры. Для устройства жилища выбирают ровное место, расположенное вблизи реки. Пни устанавливают попарно двумя рядами. Для летнего жилища нужно пять-шесть пар пней.

Чтобы они стояли ровно на одной линии и на одинаковой высоте от земли, под корни подсыпают землю. Пни перед столбами имеют то преимущество, что не гниют и не дают осадки. В редких случаях наряду с пнями в землю вкапывают и столбы.

Жилища, летние и зимние, строят так, чтобы вход и вся их передняя часть освещались солнцем, а задняя находилась в тени.

2. На срез каждого пня накладывают хорошо обработанный деревянный выгнутый щиток. Будучи положен вогнутой стороной на срез, он создает непреодолимый барьер для проникновения в жилище крыс и мышей.

3. На каждую пару пней со щитками накладывают по одному поперечному тонкому бревну, задние и передние концы которого выступают за пределы щитков. В этих бревнах вырублены небольшие выемки, которыми они накладываются на щитки.

4. Поверх поперечных бревен точно над срезами пней накладывают два длинных продольных бревна, служащих основанием для пола. Во всех местах соприкосновения этих бревен с другими бревнами на первых делают небольшие затесы, чтобы они не скатывались друг с друга.

5. Поверх продольных бревен настилают пол, образуемый накатом из хорошо обработанных тонких стволов деревьев или из подогнанных друг к другу плах.

6. Поверх пола накладывают два длинных продольных бревна, располагающихся над нижними, продольными бревнами. Таким образом поперечный накат, образующий пол, оказывается зажатым между двумя длинными продольными бревнами.

7. Возведение постройки на образовавшейся площадке начинается с присоединения к верхним длинным продольным бревнам трех поперечных бревен. Соединяются они друг с другом посредством вырубок, сделанных в обоих бревнах. Первое поперечное бревно кладется не меньше чем на метр от переднего края наката. Таким образом, перед входом в первое отделение жилища образуется небольшая площадка. Второе бревно укрепляется на заднем конце площадки, а третье — посередине, разделяя площадку на две половины.

8. В жилище устраивают две двери. Одна из них ведет в переднюю половину, другая — во вторую, являю-

щуюся жильем. Двери возводятся на втором поперечном бревне, накладываемом на первое.

9. На верхние концы косяков дверей, устанавливаемых на втором бревне снизу, накладывают верхнее поперечное бревно. Концы косяков укрепляются в выемках, сделанных в обоих бревнах — нижнем и верхнем.

10. Посередине верхнего бревна, лежащего на косяках дверей, делают выруб, в который укрепляют нижний конец столбика, служащий опорой для матицы. В верхнем конце такого столбика сделана овальная выемка, на которую накладывают один из концов матицы. Устанавливают три таких столбика — по столбику на каждом верхнем бревне поперечной стены.

11. После наложения матицы на столбики для ее укрепления устанавливают две пары жердей. Одну пару устанавливают в начале жилища, а другую — в конце. Верхними концами жерди входят в отверстия, вырубленные в матице, нижними концами — в отверстия, вырубленные в углах во втором верхнем бревне боковой стены. Будучи поставлены под углом, жерди прочно удерживают матицу и не позволяют ей колебаться из стороны в сторону.

12. Стены складываются из нетолстых, хорошо оструганных бревен; углы стен состыковываются посредством прямоугольных вырезок, вырубленных не в самом конце бревен, а с небольшим отступом от него. В поперечных стенах, где имеются двери, концы бревен, примыкающие к последним, вставляются в пазы, сделанные в косяках. Стены передней половины жилища могут быть сделаны также из плах, устанавливаемых перпендикулярно в пазы, вытесанные для них в нижнем и верхнем бревнах.

В каждой стене делают по два «стреловых» отверстия *(к'ухути)*, назначение которых было, по-видимому, оборонительное. Всего в каждом жилище — восемь таких отверстий.

13. После возведения стен и установки матицы сооружают двускатную крышу. Опора для нее делается из жердей, очищенных от коры. Чтобы они не скатывались вниз, в их верхних концах вырубают выемки, не позволяющие им соскальзывать с матицы, на которую их накладывают. Нижними концами их накладывают на верхнее бревно боковой стены. С каждой стороны крыши кладут одинаковое количество жердей.

14. На жерди настилают листы березовой коры, которые укрепляют при помощи следующих жердей: а) жердей из молодой ели с кусками корня в конце, выполняющими роль крюков (эти жерди накладывают поверх коры таким образом, чтобы крюки, обращенные вверх, находились внизу крыши; б) продольных жердей, укладываемых в крюки первых жердей; в) жердей, придавливающих кору (их концы упираются в продольные жерди и поэтому не сползают вниз). Этими жердями придавливают кору по всей крыше. Двускатная крыша одновременно служит и потолком.

15. Поднимаются в жилище по бревну с зарубками, выполняющему функции лестницы. На ночь это бревно втаскивают на площадку, чтобы по нему не проникли в жилище крысы и мыши.

16. После возведения постройки приступают к устройству жилья.

Прежде всего в жилой половине жилища, в самой его середине, между нарами устраивают очаг. Его квадратную раму делают из четырех хорошо вытесанных досок. В середину рамы насыпают сухую глину (*орми*), а чтобы она не просыпалась сквозь щели наката, их закрывают.

Вдоль всего летнего жилища в верхней его части проходят две длинные продольные жерди (*т'ови*). Они укреплены в специальных отверстиях, вырубленных для них в верхних бревнах поперечных стен, и идут параллельно друг другу по обе стороны очага. Их назначение состоит в том, чтобы на них что-нибудь подвешивать. В жилой половине помещения, например, над самым очагом на них кладут несколько поперечных палок. На одну из них навешивают железный крюк или небольшой очищенный от коры кусок ствола кустарника с суком, выполняющим роль крюка. На крюк подвешивают котел или чайник, под которыми разводят огонь. В нежилой половине на продольные жерди вешают пузыри с жиром, ружья и другие вещи.

Несколько отступя от дверей, вдоль боковых стен из хорошо вытесанных досок устраивают две боковые нары (*ивыф*), а у задней стены — одну поперечную (*понаг'н''*). Нары делают ровными и гладкими. Их ширина соответствует росту взрослого человека, чтобы поперек них можно было лежать. На нарах у стен лежат по-

душки, постели. Днем на нарах сидят, едят, а ночью спят. Нивхи укладываются спать ногами к стене, а головой к огню, видимо, потому, что огонь по их представлениям отгоняет от людей злых духов. Когда человек умирает, его кладут в обратную сторону — ногами к огню, а головой к стене.

Итак, жилище закончено. Нивхи проявили в его постройке и технические знания, и мастерство. Казалось бы, ничего больше в нем не надо делать, но нивхи думают и поступают иначе. При вселении в жилище нивхи дополняют свои разумные практические действия рядом религиозно-магических обрядов.

1. Из крапивы сплетают длинную нить, которой производят религиозно-магический обряд обвязывания жилища — *нё зихнд*. Обвязывание производится внутри жилой части, по жердям, образующим внутренний настил крыши. Нитку подводят под одну из жердей, и обвязывают ее. Затем несколько жердей пропускают, а следующую за ними обвязывают. Так делают до тех пор, пока не обвяжут таким образом все жерди настила с одной стороны крыши. После этого нитку переводят под жердями на другую сторону крыши и там обвязывают остальные жерди таким же образом. Так доходят до начала обвязки и соединяют нити вместе. Обвязывание производится в направлении с восхода на заход солнца.

2. Женщины в жилище занимаются приготовлением студня.

3. На восьми тонких стволах тальника, равных по длине руке и ширине груди, настругивают длинные белоснежные *инау* и втыкают их внутри жилища в верхнюю часть стен: по три *инау* на боковые стены и по одному *инау* — на переднюю и заднюю.

4. Срубают три молоденькие ели и украшают их, делая небольшие срезы коры на стволах. В жилище их втыкают по одной линии у задней доски очага, обращенной к задней поперечной паре. Затем опять делают *инау* и навешивают их на ветви елочек. Об этом обряде нивхи говорят: «*Инау* настрогали, на молодые елочки повесили». Интересно, что при этом употребляют глагол *яг"д*, которым обозначают также процесс пришивания медных украшений на женские платья. Следовательно, елочки в этом случае рассматриваются как живые существа.

5. Затем приступают к кормлению огня. В очаге вырывают ямку и кладут в нее немного студня. В этом случае нивхи говорят, что они кладут его на «дно очага». Затем на очаг кладут свежие ветви елей и зажигают их. Из ветки ели и *инау* делают подобие корытца, в которое кладут студень, корнеплоды сараны, высушенный стебель пу́чки, связанный узлом, табак. Корытце ставят на огонь, на котором все сгорает. При этом к огню обращаются с просьбой охранять живущих в жилище от болезней, сделать так, чтобы все в жилище было благополучно.

6. Вершинки елочек обмазывают студнем.

После совершения этого обряда все ложатся спать.

7. Ночью старейший в жилище ждет, когда все на нарах, особенно молодежь, заснут. Тогда он встает и сжигает на очаге три украшенные елочки, чтобы от них не осталось и следа. Древний обычай требует, чтобы подростки и юноши не видели обряда сжигания елочек. Когда же утром молодежь просыпается и спрашивает, куда они девались, старейший отвечает: «Они, видно, улетели сквозь дымовое отверстие».

В передней половине жилища, выполняющей роль кладовой, никаких религиозно-магических обрядов не совершают.

Изучение процесса постройки летнего жилища на вывороченных пнях показывает, что у нивхов имеется огромный запас знаний и навыков, передаваемых ими из поколения в поколение. Построить такое жилище чрезвычайно сложно. Нивхи не имеют ватерпаса, уровней, отвесов, но тем не менее эти жилища гармоничны, поставлены удивительно ровно, устойчиво — им не страшен никакой ветер.

5 июля. Теперь я знаю, как устроен летник и как он строится. Попросил Муфчика показать мне нивхскую землянку, которую Л. Шренк приравнивает к жилищам троглодитов, и рассказать, как она строится. Муфчик повел меня в зимнее селение нивхов, и когда мы пришли туда, я смог, наконец, очень хорошо рассмотреть его.

Все нивхи живут в селениях двух типов — летних и зимних. Свои летние селения они строят на берегах рек, где занимаются рыболовством, а зимние — в лесу, в местах, хорошо защищенных от ветра.

Первое впечатление от осмотра землянки *(то)* таково.

Это большая квадратная яма глубиной примерно в метр. Яма перекрыта крышей из жердей, поставленных на землю под косым углом. Вверху жерди образуют отверстие, сквозь которое проходит дым от очага, устроенного в землянке.

В общих чертах процесс постройки землянки выглядит так.

На участке, предназначенном для постройки землянки, женщины срезают траву. Мужчины же в это время валят в лесу молодые ели и лиственницы, из которых готовят жерди для покрытия землянки. Затем жерди притаскивают к месту постройки и складывают в стороне от «строительной площадки». Траву, срезанную женщинами, они убирают и также складывают неподалеку от жердей.

После этого мужчины готовят четыре балки. Две из них равны двум маховым саженям (примерно 3,5 *м*), а две — трем маховым саженям без длины одной руки (примерно 4,7 *м*). Кроме балок, готовят четыре столба. Их обязательно изготовляют из ели. На стволах елей, на стороне, обращенной к восходу солнца, предварительно делают топором небольшие зарубки.

Балки и столбы перетаскивают к месту постройки землянки. Прежде чем начать выкапывать яму, на площадке, где предполагают строить, укладывают балки. Сначала кладут короткие балки, потом на концы их кладут длинные балки. На концах балок делают выемки, чтобы балки плотно улеглись друг на друга. Кроме того, еще две небольшие балки кладут поверх коротких балок. Чтобы они не скатывались, на концах длинных балок также делают специальные зарубки. Такое расположение балок помогает определить размеры ямы, которую предстоит выкопать. Края ямы должны отстоять от уложенных балок не менее, чем на рост человека. Для этого при помощи палки определяют высоту роста взрослого человека, потом эту высоту отмечают на земле, отмеряя ее от балок. Таким образом определяется ширина будущих нар. После этого начинают копать. Землю долбят деревянными пешнями, а затем отбрасывают ее в стороны от землянки деревянными же лопатами.

Прежде всего копают землю с той стороны будущей землянки, где будет устроена задняя поперечная нара, затем — с передней стороны, где будет дверь. Потом

уже выкапывают землю по тем сторонам землянки, где будут находиться боковые нары. Поперечная нара и дверь располагаются параллельно длинным балкам, а боковые нары — параллельно коротким. Участок же земли, ограниченный балками, пока оставляют невыкопанным.

После этого выкапывают ямы для четырех опорных столбов. В концах столбов, устанавливаемых в ямы, делают топором расщеп, в который втыкают кусочек красного кремня. На дно ям кладут еще две-три колючки боярки. Эти действия, несомненно, имеют религиозно-магическое значение. Их цель, вероятно, состоит в том, чтобы помешать злым духам проникнуть сквозь землю в столбы землянок.

При установке опорных столбов обращают внимание на зарубки и располагают их таким образом, чтобы зарубка на переднем левом столбе была обращена к зарубке на заднем правом столбе, а зарубка на переднем правом столбе была обращена к зарубке на заднем левом столбе. Столбы устанавливают на одинаковой высоте, засыпают их землей, которую плотно утрамбовывают. Поверх каждого столба кладут кусок бересты, а затем сверху укладывают балки по длине землянки. Поверх них кладут балки по ширине землянки, а потом уже укладывают дополнительные балки.

После этого выбрасывают землю, оставшуюся между столбами. Оставляют лишь немного земли для очага. Затем в место будущего очага втыкают топор топорищем в землю, чтобы острие его было обращено к двери. Это должно устрашить злого духа, если он попытается забраться в землянку.

После установки столбов и возведения на них квадратной рамы из балок приступают к устройству крыши. Назначение балок — служить опорой для жердей крыши. Жерди устанавливают таким образом. Нижний конец жерди втыкают в землю примерно на расстоянии одного метра от края ямы, а верхний конец накладывают на балку. Когда жерди установлены так по всем четырем сторонам землянки, они образуют вверху квадратное отверстие, которое служит для выхода дыма. При приближении нижних концов жердей к углам ямы их верхние концы начинают скрещиваться. Чтобы они плотно примыкали друг к другу, эти концы подрезают.

Так образуются четыре ската крыши, но углы землянки остаются еще не покрытыми. Их также закрывают жердями, которые по мере приближения к земле укорачивают.

В передней стороне землянки делают дверь, устройство которой довольно сложно. Прежде всего устанавливают длинную поперечную раму, в пазах которой помещают подвижную дверь. К двери приделывают ручку в виде перпендикулярной палочки — при ее помощи дверь отодвигают в сторону. Дверь движется по раме свободно, открывая вход в землянку. В землянку ведут две-три ступени.

Уложенные на балки жерди образуют четырехгранную пирамиду со срезанной вершиной.

После этого на жерди накладывают много сухой травы, на которую набрасывают сухую глину и песок, лежащий по сторонам землянки. Трава мешает глине и песку просыпаться в землянку, а отсыревшая глина и покрывающий ее зимой снег не позволяют ветру проникнуть в нее.

В дымовое отверстие вставляют квадратную рамку из четырех дощечек примерно в две пяди высотой, которая служит как бы трубой землянки. Дощечки скрепляют между собой при помощи пазов.

Перед дверью зимника обязательно сооружают достаточно просторный крытый вход, тесно пристраивая его к землянке, чтобы двери не заносило снегом (рис. 7). Для устройства входа в землю на одинаковом расстоянии друг от друга вкапывают четыре столба, в верхних концах которых вырублены развилины. На столбы накладывают четыре поперечные балки. На балки настилают жерди. Жерди приставляют к балкам и по сторонам крытого входа, оставляя лишь место для прохода человека. Затем на жерди накладывают траву, которую сверху придавливают другими жердями. Снег никогда не проникает сквозь такое укрытие. Дверь зимника под ним остается сухой и легко отодвигается по раме в сторону как снаружи, так и изнутри землянки.

Немало работы предстоит нивхам и внутри землянки, где надо соорудить нары и очаг. В землянке, как и в летнике, устраивают три нары: заднюю — поперечную и две боковые. Последние соединяются с поперечной нарой. Между передней стенкой землянки и краями боко-

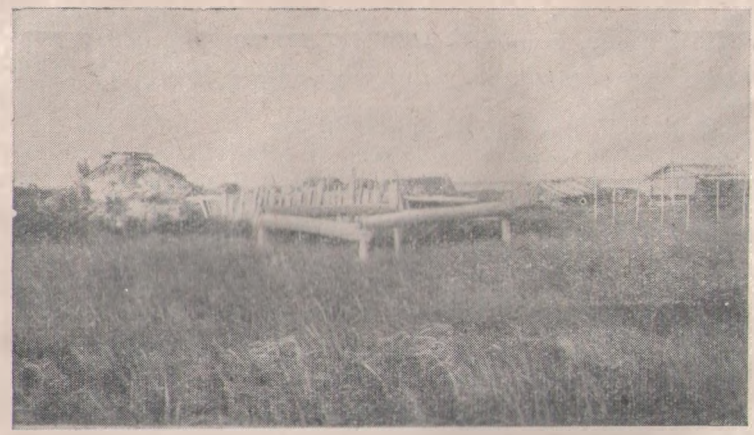


Рис. 7. Наружный вид землянки нивхов. Слева видна крыша землянки с дымовым отверстием. Справа от землянки — крытый коридор, закрывающий вход в нее от снега. Из коллекции ГМЭ.

вых нар оставляют свободное место. Нары устраивают из длинных гладко вытесанных толстых лиственничных досок, которые плотно подгоняют друг к другу. Укладывают их на опоры — врытые под каждой нарой три пары столбиков, на которые положены три поперечные перекладины.

Для очага из хорошо вытесанных досок изготовляют квадратную раму. Ее ставят посередине зимника на то место, где для него была оставлена часть земли. Землю измельчают и равномерно распределяют внутри рамы. Затем до верха в раму насыпают сухую глину.

Пониже верхних балок к столбам прикрепляют еще четыре поперечные перекладины из хорошо вытесанных толстых жердей. С каждой стороны прикрепляется одна жердь. Они называются *т'ови* и служат для поддерживания трех поперечных жердей, располагаемых над очагом. На одной из жердей укрепляют крюк, на который подвешивают котел для варки пищи, чайник. На жерди кладут для просушки рукавицы, обувь, а также замерзшую рыбу и оленье мясо для оттаивания.

На этом строительство землянки заканчивается. После этого нивхи приступают к выполнению религиозно-

магических обрядов, которые, по их мнению, должны помочь охранить жилище и домочадцев от злых духов.

В связи с этим нивхи совершают следующие действия.

1. Убивают собаку. Ее голову обычно зарывают под порог, но некоторые нивхи вешают ее над дверью снаружи или внутри землянки. Голова собаки должна охранять землянку от злых духов.

2. На четырех опорных столбах, там, где на солнечной стороне ствола были сделаны предварительные зарубки, вырезают изображения лица, глаз, носа, губ. Кроме того, ниже делают «пупок». Это духи, называемые нивхами *кок*. На опорных столбах, стоящих возле задней поперечной нары, вырезают изображение духа мужчины, а на противоположных столбах, т. е. стоящих у двери,— изображение духа женщины. В этом порядке расположения мужских и женских духов отражены общественные отношения между полами у нивхов: мужчины располагаются ближе к задней стороне землянки, а женщины — ближе к двери.

3. Выполняют религиозно-магический обряд обвязывания зимника *(то зихнд)*. Длинной нитью, ссученной из волокон крапивы, слева направо обвязывают четыре поперечные перекладины *(т'ови)*, расположенные ниже балок. Когда конец обвязываемой нити доходит до ее начала, их связывают вместе.

Левая и правая стороны в жилище определяются от входа: левая сторона — влево от него, правая — вправо.

4. Втыкают между балками и крышей землянки *инау*. С этой целью мужчины срезают четыре ствола тальника. Вечером их очищают от коры, и на одной из сторон застругивают длинные *инау*. Затем в верху стволов делают изображения двух *арн"а* — «самцов животных» (*ар* — «самец», *н"а* — «зверь, животное») и изображения двух *аньгн"а* — «самок животных» (*аньх"* — «самка»). При изображении самцов конический заостренный верх палочки закругляют, а при изготовлении самок его заостряют двумя косыми срезами, идущими сверху вниз. Затем эти символические изображения животных втыкают между настилом крыши и балками: изображение самца — напротив двери над самой серединой задней балки землянки, там, где находится задняя нара, самки — напротив самца, над самой серединой противопо-

ложной балки, расположенной напротив двери землянки. Так же над самой серединой боковых балок втыкают и два остальных изображения. «Головы» их должны располагаться друг против друга, а их белые стружки свисают из-под крыши, словно украшение.

5. Ставят елочки в очаг. Предварительно мужчины срубают три молодые елочки, украшают их боковыми стесами и тогда втыкают по одной линии в очаг у доски, обращенной к задней паре. Затем изготавливают небольшие *инау* и навешивают их на ветки елочек. После этого берут сушеные корнеплоды сараны и обертывают их сушеными стеблями пучки. Так делают три сверточка, называемые нивхами «изображениями медведей» (*тьхыф ч'н"ай*). На каждой елочке привязывают по одному такому изображению медведя.

6. Производят кормление огня. Для этого берут веточку ели, на нее кладут *инау*, а сверху — студень. Поверх него кладут маленькую петлю, сделанную из сушеного стебля пучки. («Это делают для того,— сказал мне Сарат, — чтобы хозяин огня помог нивхам в охоте на соболей при помощи петель».) Затем кладут сушеные корнеплоды сараны, табак. Потом производят «кормление огня» (*т'уг"р ард*): веточку ели и *инау* вместе с положенными на них угощениями кладут на огонь. В то время как пламя охватывает угощения и, следовательно, огонь принимает их, ему говорят: «Не допускай, чтобы дети (т. е. нивхи, кормящие огонь.— *Е. К.*) болели, сделай так, чтобы мы хорошо жили» (*эх"лгунах т'а к"он"гшая, нинах ургур хунвгшая*). В другой раз я слышал несколько иную молитву: «Сделай так, чтобы живот не болел, все по-хорошему только чтобы жили, и большие (взрослые) люди и дети» (*т'а н"аур к"он"гра, сик урлаф паркр хунвгра, пиланивг"дого эх"лдого*) [35].

7. Производят сложный религиозный обряд над очагом.

Прежде всего в очаге раскапывают место, находящееся в середине очага, поближе к задней раме. Оно называется *эврф*. В него кладут веточку ели, *инау*, а сверху—студень. Затем все это засыпают песком. Этот обряд именуют *к"ласинд* — «дно класть».

Потом студень кладут в *пшыуэспф* — место, куда во время медвежьего праздника втыкают елочку, носящую специальное название *пшыу*. Затем студнем слева на-

право обмазывают углы очага. В таком же направлении мажут и раму очага, середину каждой ее доски.

8. Берут кусок студня и бросают его наружу сквозь левый угол дымового отверстия, потом по куску студня слева направо бросают наружу сквозь три остальных угла дымового отверстия.

9. Кормят студнем всех духов, которые, по представлениям нивхов, должны поселиться во вновь построенной землянке и, естественно, охранять ее.

Прежде всего плоской ложкой берут по кусочку студня и бросают его на каждое из четырех воткнутых под крышу поверх опорных балок *инау*, изображающих самцов и самок животных.

После этого таким же образом по куску студня бросают в каждый из четырех верхних углов, образуемых соединением четырех балок, лежащих на опорных столбах. Это действие называется у нивхов «склеиванием балок».

Затем «кормят» духов четырех опорных столбов — *кок*. В данном случае каждому духу рукой «прямо губы мажут» студнем.

Потом студень бросают в порог, а после этого — в стену над дверью, где, по религиозным представлениям нивхов, живет сучка (*кэлг"элн"аньх" ард* — «сучку, валяющуюся на спине», кормят).

На этом заканчиваются религиозно-магические обряды, которые должны обеспечить полный покой, здоровье, удачу и счастье обитателям землянки.

Студень, предназначенный для кормления огня, разрешается есть только мужчинам, мальчикам и старухам. В связи с этим он и делится между ними. Молодым женщинам и девочкам этот студень есть запрещено. Религиозными нормами нивхов это признается грехом. Поэтому им дают есть лишь студень, называемый *ч'мыйхкилмос*. Он получается таким образом. Растирая кожи в большом корыте, женщина поднимает пестик и смотрит, как полученная жижа стекает с него в специально подставленную чашку. Этот-то студень в чашке, когда он застывает, и разрешается есть молодым женщинам и девочкам.

Все, что осталось неиспользованным при изготовлении студня, — воду, в которой размачивали рыбьи кожи, рыбью чешую и все обрезки—дают съесть священной со-

баке (*т'уг·ртоньин"г:анн"*). Ей же скармливают все, что остается от жертвоприношений хозяину огня.

В этих религиозных обрядах обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Нивхи принимают меры, чтобы в землянку не забрались злые духи, для устрашения которых в строющееся жилище втыкают даже топор, лезвие которого угрожающе смотрит на дверь. Злые духи, конечно, в этом случае не посмеют полезть в землянку, ну а для добрых духов, которые по представлениям нивхов поселятся в ней, они не пожалеют ничего. Они даже руками помажут им студнем губы, лишь бы они там жили.

Таким образом, анимистические представления нивхов невероятно усложняют их жизнь. Им приходится вступать в сложнейшие дипломатические отношения с миром вымышленных ими же духов. Одних надо опасаться и принимать против них меры, чтобы они не чинили зла, а с другими, которые по их верованиям будут им помогать, надо жить в дружбе и кормить их. Однако проникнуть в этот сложный строй представлений, заполненный духами, органически ощутить его, как-то очень трудно.

4 июля. Вселение в новое жилище сопряжено с обрядом кормления огня. Поэтому необходимо подробнее ознакомиться с представлениями нивхов об огне.

Слово «огонь» — *т'уг"р* имеет четыре значения. Первое — это «огонь», его первичное и основное значение. Второе — «костер». Третье — «очаг в жилище», летнем и зимнем. Четвертое — главный признак принадлежности человека к тому или иному роду. *Т'уг"рняк"р* — «один костер», «один огонь» означает одновременно и «один род». Нетрудно понять, что этот признак родства, являющийся у нивхов самым важным, служит одновременно и доказательством того, что он самый древний. Охотники каменного века, собиравшиеся вокруг костра, ощущали на себе его ласку, его бодрящее тепло, которое придавало им душевную и физическую силу. Возле огня они грелись, и он избавлял их от болезней, которыми они заболевали во время стужи. Он охранял их от лютых зверей. Он светил им непроглядной ночью. Один костер, вокруг которого собирались древние охотники, мужчины, женщины, старики, дети, объединял людей. Вероятно, в таком вот объединении вокруг костра впервые и стали

осознаваться узы взаимной человеческой близости, узы родства, а огонь, по-видимому, воспринимался как живое существо, охранявшее собиравшихся вокруг него людей, считавших себя его детьми. Ведь недаром нивхи при жертвоприношениях огню просят его «присматривать за своими детьми», т. е. за ними, нивхами. Нет ничего удивительного в том, что уважение к огню, почитание огня, оберегание огня своего рода пришло от далеких предков. Не случайно при разделении рода члены рода ломали пополам кусок кремня, из которого высекали родовой огонь — ныне священный огонь во время устройства медвежьего праздника.

Вполне вероятно, что в древности словосочетание *т'уг"рняк"р* — «один костер» было единственным обозначением принадлежности нивхов к определенной социальной группе.

Различные пережитки в быту нивхов свидетельствуют о том, что первоначально нивхи добывали огонь посредством деревянного сверла. Еще в конце прошлого и в начале этого столетия они поджигали им погребальный костер, символизируя этим передачу своего родича родовому огню. Поэтому когда умирает чужеродец, приехавший в гости из другого селения, то его не сжигают на родовом костре чужеродных ему людей, а выносят из жилища и срочно вызывают его сородичей, чтобы те сожгли его на своем родовом костре. Очевидно, после того, как добывали огонь деревянным сверлом, его стали получать, высекая из кремня. Когда нивхи стали получать от своих соседей железо, добывание огня облегчилось, и каждый нивх в специальной сумочке, подвязанной к поясу, носил кресало — кусочек специально обработанного железа, которым высекали огонь из кремня, кусочек кремня и кусочек березового трута. Когда нивхи получили от русских спички, они вытеснили кресало, и древние способы добывания огня сохранились только в религиозных ритуалах.

Огонь у нивхов делится на обычный и священный. Первый разжигается на домашнем очаге. В нем нивхи различают следующие части: *понахт'уг"р* — часть очага, обращенная к задней поперечной наре; *ан"т'уг"р* — часть очага, обращенная к двери; *эврф* — центр очага, где раскладывают костер и некогда закапывали угли, чтобы огонь сохранялся в них до утра; *пшыу эсьп дёньх* —

левый угол в задней части очага. В него во время медвежьего праздника сквозь дымовое отверстие в крыше втыкают основание *пшыу* — елочки, очищенной от коры.

Каждая часть очага имеет свое назначение. Так, вареные головы промысловых животных — соболей, выдр, лис, белок укладывают лишь на доске, положенной на раму очага в задней его части. (На поперечную же заднюю нару класть их нельзя. Туда помещают лишь головы медведей. Ему, самому могучему зверю северных лесов, оказывается наибольший почет.)

В первые дни пребывания среди нивхов я, не предполагая ничего худого, хотел почистить о песок очага свой нож. Но едва я коснулся его ножом, как нивх испугал меня своим криком: *«Уяхра!»* — «грех!». Оказалось, что, по представлению нивхов, в середине очага живут старик и старуха огня. Старик огня живет в стороне, обращенной к задней паре, а старуха — в стороне, обращенной к двери. Это якобы видел провидец. В древности, если нивху нужно было воткнуть в домашний очаг вертел со свежей рыбой, то он втыкал его не по середине очага, где живут старик и старуха огня, а с краю, у самой его рамы. При этом нивх предупреждал: «Остерегись, как бы глаза не уколоть» *(«нях" ч'эвинын"ра»)*.

Искони огонь, несомненно, был общим достоянием того коллектива, который группировался вокруг него. С развитием же трудовых навыков, разделением труда, выделением отдельных хозяйств, постройкой для них отдельных жилищ разделился по семьям и общий огонь рода. Несмотря на это, огонь каждого жилища огражден рядом запретов — табу. Например, если человек в жилище прикуривает трубку от огня очага, то он не имеет права выйти из него с недокуренной трубкой и унести, таким образом, огонь очага. Он должен докурить трубку в жилище и только тогда может уйти. Если же человек, в особенности чужеродец, нарушил это табу, то с него потребуют искупительную собаку, которую хозяин жилища принесет в жертву хозяину огня.

Когда горящие дрова на очаге начинают издавать подобие писка, нивхи считают, что огонь просит есть. Тогда безразлично кто — либо хозяин дома, либо кто-нибудь из его гостей — должен сразу же бросить в огонь сушеный стебель пучки, табак либо корнеплод сараны. Если же под руками у нивхов нет ничего, то

огню говорят: «У меня ничего нет, не проси (*ньи рундзин" х"аврдра, т'а экья*)», и тогда хозяин огня перестает якобы надоедать нивхам своими просьбами [26].

Огонь ни при каких случаях не разрешается заливать водой; он должен догореть и погаснуть сам.

Если в жилище находится больной, необходимо следить за находящимся на очаге котлом, чайником, чтобы на огонь не попала даже капля воды.

Нивхи Тыми говорили мне, что на огне домашнего очага нельзя жарить ни свежую, ни соленую рыбу. Нивхи же Охотского побережья Сахалина говорили, что они жарят рыбу на огне домашнего очага.

Категорически запрещается заниматься кузнечеством на домашнем очаге. Для этого огонь разводят где-либо снаружи.

Два раза в году, весной и осенью, при переезде из летников в зимники и из зимников в летники, очаг обновляют. С него снимают верхний слой глины и насыпают новый. Старую глину с очага, как и золу, высыпают снаружи жилища только в определенное место.

Весной перед уходом в море на промысел тюленей и осенью перед уходом в лес на охоту нивхи Луньского залива совершают обряд кормления огня. Перед началом весенней охоты на тюленя они идут к морю, пробивают во льду лунку, бросают в нее куски студня и инау из прутьев тальника со стилизованными изображениями самцов и самок зверей. Нивхи опускают их под лед, закрывают лунку и втыкают возле нее один прутик, который называется *аг"ур*—«заслон». Этот магический обряд совершают с той целью, чтобы тюлень в море не видел охотника, т. е. находился как бы за заслоном, когда охотник будет охотиться на него. Затем в жилище кормят огонь и выезжают в море на промысел.

Об очень интересном поверье рассказал мне старик Мурмур. По его словам, когда человек перед выходом на охоту спит, хозяин огня отправляется на промысел тюленей. Если хозяин огня убьет тюленя для охотника, то тогда нивх выезжает на охоту и убивает тюленя. Если же хозяин огня тюленя не убивает, то и охотник его не добудет. На мой вопрос: «Как же хозяин огня убивает тюленя?» Мурмур ответил: «Это его фарт». В дальнейшем я слышал об этом и от других нивхов.

Что такое поверье действительно существует, свиде-

тельствует такой факт. Когда нивхинки селения Куль выбрасывают в море головы тюленей, они берут с берега камни по числу выброшенных тюленьих голов, приносят их в жилище и кладут на очаг. Эти камни называются *ускис* — «плата». За что, спрашивается, надо платить очагу? Ответ на этот вопрос дает сообщение Мурмура.

Если один и тот же медведь близко подходит к селению или жилью, то полагают, что хозяин огня якобы держит его на привязи для нивхов.

Огонь в жилище кормят также при рождении и смерти человека. При кормлении огня после смерти человека предварительно снимают старую глину и насыпают новую. Когда чужеродцы приезжают за своим умершим сородичем, то они производят кормление огня в том жилище, где умер их сородич, и просят огонь, чтобы он не причинял им зла.

Священный огонь нивхов разжигается кресалом, которое хранится в медвежьем амбаре каждого рода. Каждый род имеет свой священный огонь — *уиг''лан т'уг''р*, которым можно пользоваться только при приготовлении для еды медведя, убитого на охоте, либо на медвежьем празднике. В обыденное время этим огнем пользоваться не разрешается. Нельзя давать его и чужеродцам. Священный огонь — великая святыня каждого рода.

Огонь у нивхов обожествлен. Они осознают свою зависимость от него, обращаются к нему с просьбами об охране их от болезней и «кормят» его, периодически принося ему жертву.

ПОЕЗДКА В НИВХСКИЕ СЕЛЕНИЯ ЧИРИВО, ПЛИВО, НАУКХОМРВО, ПОТОВО

6 июля. Из селения Славо спускаюсь с нивхами вниз по течению реки Тыми. Лодку несет течением, а Очи направляет ее движение рулевым веслом. На небольшом плоту, невдалеке от нас, плывет Муфчик.

Гортанным голосом Муфчик выводит непонятную мне песню. Я вникаю в нее, стремясь понять, о чем он так странно поет, но ничего не могу разобрать, кроме слов *лотя* — «русский» и *мумка* — «лодочка».

Вдруг Муфчик как бы зачмокал. Он произносил

звук «тьтьт», втягивая в себя воздух. Спросил его, зачем он так делает. Ответил:

— А ты посмотри, вон там белка!

Действительно, на одной из елочек сидела белка.

Тогда я снова спросил его, зачем же он все-таки чмокает.

— Это,— сказал он,— так белка кричит.

До этого я не представлял, что в нивхском языке есть звукоподражание, и, естественно, спросил его:

— А как кричат другие звери и птицы?

Муфчик и Очи, вступивший в разговор, сообщили мне, что другие животные и птицы кричат так: заяц — *тороророо;* лиса — *хухъа, хав", хав",* бурундук — *пэтьх пэтьх пэтьх;* крыса — *н"этьх н"этьх;* медведь — *ф, ф* (когда почует человека и убегает), *оъоъ*[37] (когда он ранен в легкие или печень); *г·оъг·оъ* (когда он ранен в спину); филин — *хуъ хуъ;* утка (*мавр*) — *аъл, аът;* гагара — *н"аг вакун"аг ваку;* орел — *к"ак"ак"а; кэкэ, а? а?;* ворона (*вэс*) — *к"ах, к"ах;* ворона перелетная (*к"арн"*) — *к"арр к"арр;* чайка (*тятьр*) — *к"айир к"айир, к"айи; к"эйк"эй*; чайка (*кех*) — *кех, кех;* куропатка—*потвотвот, ак"рэрл;* кулик (*тьыкрыурыу*) — *тьыкрыурыу;* кулик — *тён"гургур тён"гургур;* кулик (*крун"и*) — *ти:в"ити:в"и;* лебедь (*кыкык*) — *кы кы кы;* гусь — *к"алк"алк"ал;* сова (*теузеу*) — *техтех;* кукушка (*пук*) — *пуку;* черный дятел — *кэн"*; змея — *псыпсь.*

Звукоподражания, произнесенные на лодке среди тайги, неожиданно показались мне наделенными смыслом, о котором раньше я никогда не думал. Вероятно, издревле ими люди обозначали различных животных и узнавали, о ком идет речь. Мало того, по некоторым из этих звуков животные и были названы. Ведь у нивхов названия некоторых птиц (чаек, куликов, лебедя, гуся, кукушки, совы) в сущности и даны по этим подражаниям.

Поскольку нивхи — исконные рыболовы, я поинтересовался, нет ли в их языке специальных обозначений для шумов, издаваемых рыбами. Оказывается, у них для этого имеются разные слова, употребление которых зависит от того, видит ли говорящий всплеск рыбы или слышит его. Так, например, при всплесках видимых употребляются такие слова: *псар псарх·ад* — «плеснула мелкая рыба», *псари:х·ад* — «плеснули мелкие рыбы; *пуйх·ад* —

«плеснула крупная рыба», *пуйих·ад* — плеснули крупные рыбы».

При всплесках же невидимых, но слышимых говорят: *п'озх''* — «звук плеска одной рыбы [раздался]»; *п'озх''х·ад* — одна рыба плеснула»; *п'озг·и:х·ад* — «одновременно раздался звук плеска многих рыб», т. е. звуки «кипения» от изобилия рыб, сгрудившихся в одном месте. Для характеристики звуков, издаваемых рыбой при нересте, когда она выбивает в дне реки лунку для метания икры, употребляют такие слова: *кург''ург''ур* — звук, производимый одной рыбой, выбивающей лунку для нереста; *кург''и:дг''ун* — звуки, производимые многими рыбами, выбивающими лунки для нереста. Эти слова обозначают звуки, производимые рыбами в естественных условиях. Иными словами, обозначаются шумы, образуемые пойманными рыбами. При этом различаются шумы, производимые пойманными рыбами в воде, и шумы, производимые ими, когда они вытащены из воды и брошены в лодку, например: *к''озгъёд* — звук, издаваемый рыбой, попавшей в сеть; *пуйвуй* — звук, издаваемый крупной рыбой, попавшейся на крючок; *т'у:* — звуки, производимые рыбами, попавшими в невод, подтащенный к берегу; *пэтх пэтх* — звук, издаваемый рыбой, вытащенной уже из воды и бьющейся на берегу или в лодке; *пэтгъёд* — звук, издаваемый рыбой, длительно бьющейся на берегу или в лодке; *пэтг и:дхун* — звуки, издаваемые многими рыбами, выброшенными из невода на берег или в лодку.

Из сообщений нивхов можно было понять, что ими различаются три количественные градации звуков: звук однократный, звук, длительно и равномерно производимый одним живым существом (суфф. *-ё-*), и звуки, производимые многими живыми существами (суфф. *-и-*, *-ри*). Заинтересовавшись этим обстоятельством, узнал, что в других случаях обозначение звука, производимого одним и многими живыми существами, выражается не грамматическими, а лексическими средствами. Так, когда один комар гудит, говорят *немх пэн''х·ад* — «комар гудит», но *немх х·у х·ад* — «комары гудят».

Видя мой интерес к словам, обозначающим звуки, Муфчик и Очи рассказали мне еще и о звуках, производимых птицами. *Хэу* — звук, производимый хищной птицей, стремглав несущейся на распростертых крыльях к

своей жертве; *хиухиу* — звуки, издаваемые при взмахах крыльями летящей птицы. *П'атх п'атх* — (1) звуки, производимые уткой при взлете, когда она ударяет крыльями по воде, чтобы взлететь; (2) звуки, производимые крыльями раненой птицы, бьющейся о землю. *Пырр* — звук, издаваемый крыльями рябчика или куропатки при взлете. *Х'урр* — звук, раздающийся при взлете стаи уток. *Тыш* — образное слово, изображающее падение камнем подстреленной птицы. *Т'иф* — звук удара подбитой птицы о землю; *ч'аф* — звук удара подбитой птицы о воду.

О звуках, производимых медведем, нивхи говорят так: *н"утрн"утр* — рычание медведя; *чалфчалф* — звук, который раздается, когда медведь идет по мелкой воде; *тутух'ад* — когда он идет по глубокой воде; *т'у х'ад* — звук падения медведя при прыжке в воду; *тухм* — звук, получающийся при ловле медведем рыбы лапами; *к"фаф к"фаф* — образное слово, обозначающее беззвучное падение медведя, подстреленного насмерть.

Я был удивлен тем, что нивхи так тонко разбираются в звуках, слышимых ими в природе. Под влиянием разговоров с ними все окружающее показалось мне заполненным звуками, которых я до этого не подмечал, не слышал.

Лодка двигалась не спеша, сквозь зеленые стены, под ослепительно голубым небом. Тымь несла ее вниз, журчала на перекатах и будто говорила: «Посмотри на меня — какая я красивая! Небо любуется мной, отражаясь во мне. Я вбираю в себя весь глядящий в меня мир! Видишь высоченный Х"амбан"нь (Стреляный обрыв)? Там древние нивхи останавливали свои лодки и состязались в стрельбе из луков! Сейчас я пронесу тебя мимо него. Вот луг, полный цветов сараны, — мы его тоже минуем. Там в меня смотрятся тальники! Хочешь, ухватись за них, задержи свою лодку и помечтай!».

Мир казался прекрасной рекой, огромным зеленым лесом, принимавшим меня с радостью, и я — человек — впервые ощутил себя частичкой этой великолепной природы, собратом деревьев, листвы.

Леса сменялись лугами, тальник стоял густыми зарослями, огромные лиственницы и ели подступали к самому берегу. Но вдруг лес отбежал от реки и открыл небольшую поляну, на которой стояло селение нивхов.

Вот так, именно так сотни тысяч лет жили люди сре-

ди зелени, внутри природы, которая их сотворила и от которой им никуда не уйти!

Селение, окруженное лесом, было сказочно красиво. А над селением, над лесом на очень высоком, тонком срубленном стволе лиственницы, прикрепленном к леднику, реял красный флаг.

Я и думать не мог, что среди глухого леса, на дикой реке над селением нивхов увижу красный флаг. Он не висел, а именно реял, и чудилось, что это символ чего-то светлого, что пришло в их жизнь.

Очи причалил к берегу напротив летника на столбах, над которыми развевался красный флаг.

— Тут,— сказал он мне,— живет Пимка.— Он председатель сельсовета.

Пока я вытаскивал вещи на берег, из летника вышел нивх. Увидев, что мы выгружаем вещи, он спустился к нам. Это и был Пимка — крепко сбитый, ширококостный и широкоскулый человек, среднего роста, с косой, опускавшейся вдоль спины.

Когда Очи объяснил ему, кто я и зачем приехал, Пимка взял мои вещи и предложил остановиться у него.

За чаем он рассказал, что весной этого года его посылали в Хабаровск на Первый Краевой съезд советов, где присутствовал П. Г. Смидович. Он был польщен тем, что П. Г. Смидович здоровался с ним за руку. Пимка не усидел за столиком и стал показывать книги, которые ему подарили в Хабаровске. Но больше всего его радовала личная печать «геляк Пимка», которая для него как для неграмотного была изготовлена в Хабаровске. Тут же он подышал на нее и оттиснул на книге.

Вечером к Пимке стали заходить нивхи, чтобы повидать меня и услышать какие-нибудь новости. Когда пришло несколько пожилых нивхов, мне пришла в голову шальная мысль. Нивхи — любители сказок. А что если я им прочитаю сказку на нивхском языке? Ведь у меня с собой труд Л. Я. Штернберга «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора», изданный Академией наук в 1907 году. Я раскрыл книгу, выбрал знакомый текст и сказал нивхам, что сейчас прочитаю им на нивхском языке сказку. Я подумал, что им никогда в голову не могло прийти, что приехавшее к ним административное лицо, можно сказать, начальник, станет им на их родном языке читать сказки. Я стал читать. Разуме-

ется, я произносил их слова не совсем так, как они, но это были их слова. Вскоре послышался подбадривающий возглас *«Х'нь!»*, означавший, что меня слушают и поддерживают. Я же старался изо всех сил. Когда я закончил сказку, то понял, что не думая ни о какой победе, я что-то победил, что-то преодолел. Как-то сразу почувствовал, что между мною и нивхами протянулась какая-то душевная симпатия, что отныне я им близок, словно человек их народа.

РЫБОЛОВСТВО

7 июля. Необходимо составить представление о годовом кругообороте хозяйственной деятельности нивхов, записать нивхские названия месяцев и установить, что делают нивхи в течение каждого из них. Вот что мне рассказал старик Флорун.

Тло лён" («месяц тло») — декабрь. В это время все уже замерзает: реки, озера. Ездят уже на нартах.

Клу лён" («месяц *клу*») — январь. Самый холодный месяц. Мужчины в прежнее время на соболя самострелы ставили. Начинают готовиться к медвежьему празднику.

Ч'амн"лён" («месяц орла») — февраль. Мужчины в прежнее время продолжали еще охотиться на соболя. Устраивают медвежий праздник. Ездят в гости.

К"ар лён" («месяц вороны») — март. Мужчины до середины месяца продолжают еще охотиться на соболя. Женщины сучат из крапивных волокон нити.

Тшат лён" («месяц трясогузки») — апрель. Мужчины на лыжах по насту охотятся за диким оленем. Долбят лодки. Женщины вяжут сети.

Питул лён" («месяц *питул*») — май. Мужчины начинают ловить тайменя (по местному: *гоя*). В старину в это время ставили на медведя самострелы; теперь охотятся на него с ружьем. Продолжают делать лодки. Женщины выкапывают прошлогодние клубни растения *н"орк"*.

Маск"со лён" («месяц красноперки») — июнь. Мужчины ловят красноперку заездками, сетью. Ловят медвежат. Ловят в норах лисят. Заканчивают изготовление лодок. Женщины собирают пучку и сушат ее.

Ныкш ч'эу лён" («месяц сушения растений *ныкш, пиркур, аг с»*) — июль. Мужчины убирают в амбар вяле-

ную красноперку. Ловят лисят. Женщины собирают и сушат растения, похожие на лопухи. Некоторые из них местные жители называют пучкой.

Тэн"ивота лён" («месят изготовления юколы из горбуши»)—август. Мужчины ловят горбушу. Женщины изготовляют из нее юколу. Собирают ягоды.

Ч'ошаг"р лён" («междурыбный месяц») — падает на часть августа и часть сентября. Женщины собирают ягоды.

Лахивота лён" («месяц изготовления юколы из кеты»)— сентябрь. Мужчины ловят кету. Женщины изготовляют из нее юколу. Заготавливают особую тонкую мягкую сухую траву *(киус)*, которой выстилают внутри обувь. Собирают ягоды.

Н"арг"у лён" («месяц петлевой охоты на соболя») — октябрь. В прежнее время мужчины в этом месяце ставили на соболя петли. Теперь отыскивают берлоги медведей, а женщины рвут крапиву для изготовления ниток и сетей.

Мухитьи лён" («месяц поднятия лодок»)— ноябрь. Лодки поднимают высоко на берег, опрокидывают вверх дном и ставят на толстые бревна, чтобы их не завалил и не раздавил снег. В мае лодки переворачивают и опускают на воду.

Этот рассказ не исчерпывает, конечно, всех занятий нивхов в бассейне р. Тыми в течение каждого месяца, но он все же дает возможность ощутить своеобразие их быта.

8 июля. Нахожусь в селении Пливо. Нивхское название *Плыыфв"о,* что дословно означает — «селение, находящееся на поляне» (*плыыф* — «поляна»). Сижу в жилище слепого старика Пигзуна, живущего с двумя взрослыми сыновьями — Пыргином и Талкином. Пыргин женат.

Талкин, словно ученый-ихтиолог, перечислил мне названия пород всех ходовых рыб по мере их прихода в реку: *х'ой* — «таймень», *тшан"и* — «чебак», *маск"со* — «красноперка» (идет все лето из залива), *темран"* — «красноперка», *панинонк"* — «каменка», *пани* — «зубатка», *тэн"и* — «горбуша», *к"андё* — «кумжа», *лахи* — «кета», *нялх"* — «красная кета», *лёймын"* — «форель».

В качестве местных он назвал следующих рыб: *ч'атьфп'ид* — «щука», *ытьхсо* — «карась», *т'ох"д*—«амур-

чик» (маленький), *пуски* — «амурчик» (большой, похож на красноперку), *т'афк''ур* — «голян» (маленькая рыбка в озерах).

Если народы, живущие охотой на лесного зверя, великолепно знают их повадки, то нивхи — рыболовы, имеют вполне достаточный объем знаний о рыбах. Так, они знают время захода в реку и ухода из нее различных пород рыбы, расположение фарватера реки, по которому движется рыба, и даже мест, где ходовая рыба останавливается для отдыха и сна. Нивхи точно знают, что за перекатами располагаются глубокие ямы, где останавливается рыба. Останавливается она также в устьях некоторых речек, впадающих в Тымь, где имеются глубокие ямы.

Жизнь нивхов бассейна Тыми целиком зависит от ходовых рыб, особенно от горбуши и кеты, из которых изготовляют юколу на всю зиму для себя и собак. Все ходовые рыбы заходят в реку для метания икры и уплывают обратно. Горбуша же и кета, зайдя в Тымь для метания икры, не уходят, а погибают в ней. Это создает особенно благоприятные условия для ее лова.

Что касается местных рыб, то они не имеют большого значения в хозяйственной деятельности нивхов р. Тыми. Лишь весной, когда ощущается недостаток в еде, они ловят ее на озерах.

9 июля. Нахожусь в Наукхомрво. Нивхское название селения образовано от слов *н''аук* — «икра», *к''омр* — «коса», «песок», *в''о* — «селение». Следовательно, название *«Н''аукх''омрв''о»* буквально означает: «Селение, в котором на косе сушат икру».

Сижу в летнике пожилого нивха Нан''уна, называемого русскими Наумка. В гостях у него Шызн''ыун. Мы встретились с радостью. Оказывается среди нивхов всех селений быстро разнеслась молва о том, что я могу рассказывать нивхские сказки и в разговорах между собой они уже величают меня *н''астунтяньги,* т. е. «начальник сказок» или «сказочный начальник» (*н''астунд* — «сказка», *тяньги* — начальник». Я снова прочитал им одну из нивхских сказок, опубликованных Л. Я. Штернбергом, чем очень расположил к себе мужчин и женщин, находившихся в это время в жилище.

В ответ я попросил кого-нибудь из них рассказать мне сказку или предание о том, почему и как приходит

к нивхам рыба. Тогда хозяин жилища Нан"ун попросил Шызн"ыуна рассказать мне об этом, и вот что он рассказал:

— Давным-давно нивхи жили. И рыбы много было, и тюленя много было. Так долго жили. Нивхи еды много имели, всего для себя в достатке было. После того как так долго жили, в одном году и рыбы не стало, и тюленя не стало. Нивхи с голоду помирать стали. И горé (горным духам.— *Е. К.*) жертву принесли и воде (водным духам.— *Е. К.*) жертву принесли. После этого лишь рыбы немного появилось, тюленя немного появилось. Тогда нивхи лишь немного юколы насушили. В эту зиму у нивхов случаев голодной смерти много было. Тогда нивхов мало стало. Когда весна настала, нивхи к морю спустились, со льдины на льдину переходя, тюленя били. После того как долго так делали, один человек на берег не успел спрыгнуть, на льдине находясь, поплыл в море. Никуда-никуда пристать не может. Потом туман поднялся, стемнело. Его льдина остановилась. Посмотрел — к земле пристал. Тогда со льдины на берег сошел. Когда землю оглядел, куда попал — не знает. Туман убрался, огляделся — неведомая земля. На суше жилище одно стояло, амбар один стоял. Этот амбар на одном столбе лишь стоял. Из жилища один человек вышел, нашего товарища (т. е. нивха, приплывшего к нему.— *Е. К.*) увидел, чуть улыбнулся, к нашему товарищу спустился: «Дальний гость пришел что ли? Почему войти не желаешь?».

Тогда наш товарищ вместе с ним поднялся. Когда в жилище вошел — в нем старик один, старуха одна были, этого человека жена была. Тогда наш товарищ в глубь жилища пошел, на поперечную нару сел. Эти люди еду приготовили — разную рыбу, разных животных подносили, его кормили. Наш товарищ, на льдине находясь, долго плыл, от недомогания ли, тяжелой усталости ли, но поев, спать захотел, повалившись, уснул. Потом, когда проснулся, увидел: жена хозяина жилища под нарой рукой шарит-шарит, кету одну достала, по голове ее ударила, убила, подняла, варила. Опять под нарой рукой шарила-шарила — одного молодого сивуча извлекла, за хвост его держа. Кулаком ударив, убила его, сварила. Потом нашего товарища кормила. Наш товарищ подумал: «Ый-ый! Что за люди? Из-под нары, из места, где

отсутствует море, и живых рыб и живых зверей, извлекая, убивают, едят!».

Когда он есть окончил, молодой человек (хозяин жилища, встретивший его.— *Е. К.*) ему сказал: «Ну я тебя к себе привел. Вы нивхи, рыбу ли, тюленя ли убивая, мучаете их. Поэтому, когда вам рыбы мало посылаю, вы от голода умираете. Для того чтобы это показать тебе и рассказать тебе, я тебя к себе привел. Давай вместе выйдем, в амбар поднимемся». Вот вместе вышли, в амбар поднялись. Когда вошли — в нем ящики находились, к одному ящику подошли. Поглядел — малюсенький ящик. Когда же во внутрь посмотрел — в большом пространстве воды рыбы [находятся]. С одним раздавленным глазом рыбы есть, слепые рыбы есть, с вырезанными кусками рыбы есть, с истрепанными хвостами рыбы есть, с зияющими отверстиями от уколов ножей рыбы есть, с водянистыми пузырями под кожей рыбы есть. Тогда этот человек сказал: «Смотри, вы рыбу когда убиваете, мучаете ее, куски из нее вырезаете, веселясь, ножами колете, выбрасываете, в берестяное корыто для мусора кладете. Смотри на рыбу, которую вы мучали! А ну-ка, вот на ту рыбу посмотри: чей это нож для чистки рыбы?». Когда посмотрел — нож его матери для чистки рыбы в одну рыбу воткнутый торчит. «А ну-ка, а вот в той чей это нож для разрезания рыбы?» Когда посмотрел — это нож его жены. Повсюду много ножей в рыбу воткнутые торчат. «А вот эти-то? И зачем я тебе говорить буду? Погляди! Вы вот так рыбу мучаете! Потому в прошлом году вы рыбы на берег не вытащили. Вы поэтому болеете. Некоторые даже умирают. С этого времени и впредь рыбу не мучайте. Рыба тоже одинаково (с людьми. — *Е. К.*) боль понимает, смерть понимает. Ты теперь, ведь, сам видел?». Что тут наш товарищ мог возразить? Подумав, сказал: «Я-то сам собой никого не мучил. Но хотя это и так, нивхам теперь-то всем скажу, постараюсь, чтобы они с рыбой осторожно обращались». Снова к одному ящику подошли. Посмотрел, внутри него — тюлени. Разные нивхские орудия — и ножи для разрезания рыбы, и мужские ножи — все в их глаза воткнутые торчат. Везде колотые дыры в них зияют. Тюлени от боли дышать даже не могут, ослепшие тюлени есть. Тогда наш товарищ, на тюленей посмотрев, едва слезу не уронил, их жалеючи. «Смотри, смотри! Вот так

нивхи тюленей мучают. Поэтому, тюленей жалея, не много посылаем их вам. Вы поэтому голодом болеете. С этого времени и впредь никого-никого не мучайте». Потом из амбара выйдя, спустились.

Наш товарищ как вернуться к себе домой совсем не знает. Тогда его хозяин сказал: «Твои думы я знаю. Об этом не думай. До половины месяца еще живи, ешь, потом тебя отправлю». Когда он так сказал, наш товарищ спокойно жил.

Потом через несколько дней вместе вышли. Когда повыше по берегу поднялись, там нивхами сделанные *инау* находились. Каждым нивхом сделанное *инау* отдельно воткнутое стояло. Им изготовленные *инау* тоже здесь находились. Тогда его хозяин о сделанном им *инау* спросил: «А вот это-то ты узнаешь?» Тогда наш товарищ им сделанное *инау,* конечно узнал: «Да, знаю, мной сделанное *инау*» — «Смотри! Вы *инау* изготовляете, в воду кидаете, я все собираю, радуюсь, благодарю — вот так. Эти деревья в нашем море не растут. *Инау,* изготавливаемые вами для нас, даже в сравнении с большими драгоценностями стоят дороже — вот так». Так он сказал.

Потом они вместе спустились, повсюду ходили, друг с другом беседовали. О разных законах все говорили.

Потом, когда вечер настал, в жилище вошли, ели. Когда спать собрались, хозяин жилища сказал: «Теперь вот поспишь, а потом завтра, когда встанешь, в дальнее место тебя увезу». Наш товарищ ответил: «Ты сам лишь решай, к чему я возражать буду — ты ведь хозяин». Так поговорили, потом уснули.

На следующее утро встали, вместе пошли. Долго шли. Когда куда-то подальше пришли — селение большое было, людей много было. Тогда его хозяин сказал: «В [это] нивхское селение тебя не поведу. На то место давай посмотрим. Я тоже к ним идти не хочу». Так, здесь находясь, смотрели. Отсюда и нивхских женщин, и мужчин, и детей выходящими видели. Знакомых людей, утонувших людей, выходящими видел. После этого отсюда обратно пошли, в свое жилище пришли. Его хозяин сказал: «Смотри, нивхи когда тонут, все на морскую землю [*толмифтох*"—букв.: «водную землю»], придя, живут, а потом, когда [соответствующий] год приходит, возвращаются [в селение мертвых], на сухую землю

уходят. Вот так происходит. Когда нивх утонет, вы сильно горюете. Так что не горюйте. Они вину совершили и потому утонули. Их отцы, их матери в отношении воды (имеется в виду — духов воды.—*Е. К.*) вину совершили, поэтому их дети тонут — вот так происходит. С этого времени впредь не обижайте воду (море) — вот так поступайте».

Когда спать собрались, хозяин сказал: «Сегодня тебя снаружи спать уложу». Из жилища вышли. Хозяин жилища, один лист морской капусты опустив, постелил: «На него ляг, спи!» Тогда наш товарищ на лист морской капусты лег, уснул.

Когда проснулся, встал. Посмотрел, лист морской капусты, на котором он спал, так и лежит. Потом голову поднял. Когда огляделся [то увидел], что возле своего жилища спал. Удивился: «Каким образом я прибыл?». На лист морской капусты поглядел: «Неужели при помощи этого одного листа морской капусты я домой прибыл?» — так подумал.

Потом к своему жилищу пошел. Когда вошел, его жена волосы совсем расплела. Когда он вошел, его жена от радости заплакала, встала, своего мужа обняла: «Я-то считала, что с тобой что-нибудь случилось, а ты живой воротился, да?» — «За что же меня умертвлять будут?» — так своей жене сказал.

Потом людей собрал. Теперь наш товарищ новости рассказывал. Как он на льдине уплыл, к какому месту прибыл, как в Тайги"анду пришел. Тайги"анд что ему говорил, как в амбар его водил, как ему рыбу показывал, тюленей показывал, ножи показывал — обо всем им рассказал.

Потом большое *инау* сделали, в воду его спустили. Свои дары каждый отдельно держал, в воду опустил.

С тех пор до этого времени с рыбой осторожно обращаются, с тюленями осторожно обращаются. С того времени и рыбы и тюленей всегда много было. Нивхи богато жили — вот как жили. Это предание все.

Когда Шызн"ыун закончил рассказывать, я вдруг почувствовал, что мне стало открываться мировоззрение нивхов. Я стал воспринимать его как что-то органически близкое. Оказывается, для того чтобы понять нивха-анимиста, необходимо почувствовать природу так, как он ее чувствует. Ведь анимизм — это мировоззрение, свя-

занное с особым мироощущением. В отличие от нас анимист-нивх словно органически, всем своим естеством, всеми клетками своего тела ощущает мир живым. При всем его невежестве он как бы говорит нам, утратившим ощущение жизни мира: «Все в природе живо — и рыбы и тюлени, от добычи которых зависит наша жизнь. Так не мучайте, люди, живого, ведь оно душу имеет. „Рыба тоже боль понимает, смерть понимает". Так будьте же человечны, люди, будьте же деликатны с пойманным живым существом: не колите рыбе глаза, не тычьте ее в бок ножом, ведь она „боль понимает", ведь у нее душа есть, которая возвратится к хозяину, унеся с собой все следы ваших обид и издевательств. Неужели вы, люди, думаете, что природа бездушна и издевательства вам пройдут даром? Нет, в природе все имеет душу. В природе за всем стоят живые существа, которые хотят жить с вами в дружбе и получать от вас прекрасные бесценные дары в виде заструженных палочек! Так будьте же умны! Не ожесточайте ничего и никого в природе. В ней все живое — и она постоит за себя и отомстит вам за издевательства».

Видимо, таков должен быть настрой души и чувств нивха-анимиста!

«С этого времени и впредь никого-никого не мучайте»,— говорит дух-хозяин моря нивху. В этих словах нивхской легенды заключен, по-моему, весь смысл поведения анимиста в отношении всего живого, чего до сих пор не удавалось должным образом понять.

Между тем все объясняется, по-видимому, так.

Мир контактов анимиста значительно шире нашего. Если, например, взять человека, обладающего современным естественно-научным мировоззрением, то его контакты определяются реальными людьми. Анимист же, считая весь мир живым, населенным не только зримыми людьми, животными, птицами, рыбами и насекомыми, но и незримыми духами, вступает с ними в дипломатические отношения, стремясь жить с ними в дружбе и никого не обижать, не мучить, потому что за издевательство над живым придет возмездие. Если попытаться подойти с этой точки зрения к первобытным народам, которым было свойственно анимистическое мировоззрение, то, вероятно, отпадут многие ненужные термины, которыми засорена наука о первобытной религии, в ча-

стности «пралогическое мышление», «мистическое мышление», «преклонение перед сверхъестественным» и даже такой распространенный термин, как «культ», наполнится иным содержанием. Без всякого различия этот термин применяют к культу животных, например, в Египте и у первобытных народов. Между тем в основе культа египтян лежало обожествление животных, а в первобытном обществе — очеловечивание их, но не обожествление и не преклонение перед ними. То же было и у нивхов.

Даже в отношении хозяина моря, от которого, по представлениям нивхов, зависит их существование, не выявляется и малейших элементов преклонения. В легенде, рассказанной Шызн"ыуном, нет даже намека на религиозное почитание этого духа. Вместо этого выступают элементы установления с ним дружественных связей и обменного дарения. Нивхи посылают духу-хозяину моря *инау*, которые, по его словам, стоят дороже даже самых больших драгоценностей, а он взамен посылает им рыбу и тюленей, требуя от нивхов только одного — чтобы они их не мучили.

И действительно, ни один нивх не станет убивать ненужное ему живое существо, а тем более мучить его.

10 июля. Благодаря внимательному отношению нивхов к моим вопросам удалось представить себе постепенную смену способов рыбной ловли по Тыми в течение того периода, когда река не покрыта льдом. У нивхов бассейна Тыми существуют следующие способы лова различных видов ходовой рыбы: *полволд, мран", тавъяшпд* — тайменя; *к"арг·ан", маск"сохэзд* — красноперки и каменки; *кырд, кшыд, муравут мытуд* — горбуши и кеты; *лашнюд* — любой крупной рыбы.

К весне запасы юколы, заготовленной предыдущей осенью у нивхов Тыми, часто истощаются и ощущается недостаток в пище. Некоторые из нивхов отправляются в это время ловить рыбу на озера. Отношение к рыбе у них в это время настороженное. Щука в сущности называется у них описательно: *ч'атьфп'ид* — в озере находящаяся (*ч'атьф* — «озеро», *-п'ид*—«находиться где-либо»). Если нивх весной поймает щуку, то добивая ее палкой по голове, обращается к ней с такими словами: *П'эсг·о, нён"аръя, тяйзай нях хиулад мун"гъя!* — «О, п'эсг·о, пожалей меня, еще и еще меня удачливым сделай!».

Поведение нивха в этом случае, как и во множестве аналогичных, складывается из двух моментов. К первому относятся его практические и совершенно разумные действия, связанные с непосредственным ловом щуки, а ко второму — дополнительные, магическо-обрядовые действия, обусловленные его анимистическим мировоззрением. Тут он дает понять щуке, что вынужден был ее убить, просит ее пожалеть его и дать ему удачу в дальнейшем.

Анимистическое мировоззрение чрезвычайно осложняет и без того напряженную и трудную жизнь современных первобытных народов. Это мне стало особенно понятным, когда нивхи рассказали мне о первом весеннем лове рыбы.

Словосочетание *ч'о н"анг"ы* означает «ловить рыбу, искать рыбу». Оно употребляется в отношении любого лова рыбы. Но ранней весной во время первого лова, когда нивхи голодают, его употреблять нельзя. Вместо него пользуются глаголом *полволд,* который означает «многократно падать», «падать-падать» от *полд* — «упасть» (один раз). Нетрудно заметить, что древние нивхи засекречивали этот лов рыбы. Характер засекреченности их действий выступил для меня особенно наглядно, когда я узнал, что в это время запретны и другие слова. Например, вместо слова *ч'о* — «рыба» надо сказать *нантк;* вместо *к"андё* («кумжа») — *шафтам* («многопятнистая»); вместо *лёймын"* («форель») — *паглав"ат* («медь» — букв.: «красное железо»); вместо *тшан"и* («чубак») — *томк"*; вместо *маск"со* («красноперка») — *лаг"нт;* вместо *ч'атьфп'ид* («щука») — *куньку;* вместо *ытьхсо* («карась») — *хайм* («старый»); вместо *пилд* («большой») — *куплад, купулад;* вместо *ч'о пилдай* («о, рыба большая») — *нантк купудай;* вместо *пила ч'о* («большая рыба») — *купла нантк;* вместо *неньк"* («немного») — *ньильк";* вместо *ихнт* («убить») — *тятнт;* вместо *ч'о-худ* («рыбу убить») — *нантк тятнт;* вместо *ч'о-хэнда* («давайте сварим рыбу») — *нантк-ракунда;* вместо *шанд* («жарить») — *залзалнт* («когда жарят кумжу») или *г'ошпнт* («когда жарят форель»).

Этот условный язык, по представлениям нивхов, должен скрыть их действия от самой рыбы и, вероятно, от каких-либо духов, которые, — кто их ведает, — могут повредить рыбной ловле. А нивхи и их дети голодны.

Значит, надо проявить максимальную осторожность в отношении рыб. Надо затаиться, чтобы рыба не проведала о намерениях нивхов, так как от этого зависит весь исход лова.

К первому весеннему лову рыбы нивхи селений Тыми начинают готовиться еще в апреле. В месяце *тшат лён"* (апреле), когда наст становится крепким, они перетаскивают на партах вверх по реке две лодки и невод. Дотащив их до нужного места, останавливаются там, ставят шалаш, заготавливают дров для костра, приготавливают невод. Дождавшись, когда река вскроется и очистится ото льда, рыболовы сразу же спускают в нее лодки. Все запасы пищи, взятые ими из дома, должны быть к этому моменту съедены — таково требование обычая. Если что-либо из еды, взятой ими с собой, уцелеет или будет оставлено, их постигнет неудача. Понять это требование, узаконенное религиозной традицией, нетрудно. Если духи, да и сама рыба, от которых зависит удача нивхов, проведают, что у нивхов есть еда, они не будут стараться снабдить их ею. В противном же случае и духи и рыба, конечно, постараются дать голодным людям пищу, и рыба сама пойдет в невод.

Невод в это время часто тащут двумя лодками. В одной лодке держат береговой конец невода, с другой лодки невод сбрасывают и подводят свободный конец его к удобному месту на берегу, где и вытаскивают. Так спускаясь на лодках вниз по реке от одного переката до другого, нивхи несколько раз забрасывают невод и вытаскивают добычу на берег. Таким образом они доплывают до своего селения, где пойманной ими рыбой питаются все. Так происходит первый весенний коллективный лов рыбы.

Когда наступает весеннее половодье, ловить неводом рыбу становится труднее. Тогда некоторые нивхи переходят к индивидуальному лову тайменя. Имеется два способа индивидуального лова этой рыбы: *мран"готьд* и *тавъяшпд*[38].

Приспособление для лова тайменя *мран"* устанавливается следующим образом.

Основа всей конструкции — ствол черемухи, который я условно буду называть в дальнейшем «столбом». В верхней части «столба» — крепкий сук. «Столб» называют *г"ун"хаг"мыр* — «воткнутая развилина» (от *г"уд*—

«втыкать» и *х'аг"мыр* — «развилина»). Нивх, стоя на берегу, втыкает (под углом) «столб» в дно реки примерно на расстоянии полутора маховых саженей (2,5 *м*) так, чтобы сук находился над водой. Воткнув «столб», он захватывает его по суку «багром» — *т'аф*. Последний образован двумя стволами черемухи, на свободных концах которых имеется по суку — они выполняют в данном случае роль крюков. Вершинная часть этих двух стволов черемухи крепко связывается друг с другом прутьями. Одним концом «багра», т. е. крюком, нивх зацепляет «столб». «Багор» он удерживает одной рукой, а другой берет черемуховый ствол с развилиной на конце, называемый *н"аски* — «хребет»,—и подхватывает им «столб» у сука. Приподняв «столб», нивх отталкивает его на середину реки. Однако закрепляет этот «столб» он не перпендикулярно ко дну, а с небольшим наклоном в сторону берега.

Установив «столб» и положив конец развилины на берег, нивх отводит второй свободный конец «багра» вверх по течению и закрепляет его колом. В результате один «крюк» «багра» оказывается зацепленным за «столб», а второй — за кол, вбитый в берег. «Столб» таким образом закрепляется настолько, что противостоит течению. После этого нивх укрепляет «хребет». Его конец с развилиной лежит на суку «столба», а другой — на берегу перпендикулярно к береговой полосе. Вот этот-то конец «хребта» и прижимают к земле куском ствола с развилиной, которая втыкается в берег, или прикрепляют к вбитому в берег колу. Теперь нивх берет *утыр* — шест с развилиной — и втыкает его развилиной в дно реки у основания «столба». Другой его конец он кладет на берег возле конца «хребта» и крепит его при помощи кола. Затем нивх укладывает *н"атьхзитьивд* — «упор для ног» (*н"атьх* — «нога», *зитьивд* — «топтать»), по которому он будет ходить. С этой целью выбирают изогнутый ствол примерно в 20 *см* диаметром, обтесывают его вогнутую сторону, чтобы на ней прочно стояли ноги, и укладывают на сооружение следующим образом. Один конец ствола кладут на конец «багра», выступающий над рекой за «столб», а другой — на берег возле самого «хребта». Затем нивх укрепляет конец «багра», выступающий за «столб», — он доходит до него по упору для ног, надевает на его конец кольцо, сплетенное из прутьев, и привязы-

вает его веревками к верхнему концу «столба». Сила тяжести, лежащая на этом выступе, сосредоточивается теперь не только на суку, где лежит «багор», но и на верхнем конце «столба», к которому привязан конец «багра».

Такое распределение силы тяжести крайне необходимо, так как рыболов, поймавший тайменя крюком, стоит на упоре для ног и ведет борьбу иногда с очень большой рыбиной, которую постепенно выволакивает на берег. После упора для ног нивх устраивает *ишпн ч'х"ар* — «место для сидения» (*ишпд* — «сидеть на чем-либо», *ч'х"ар* — «дерево»). С этой целью он берет три равные жерди и кладет их одним концом на конец «багра», выступающий за «столб», а другим — на берег. Теперь у него есть удобное сидение и упор для ног. Остается только поставить изгородь, которая удерживала бы на несколько мгновений тайменя перед заграждением. С этой целью нивх почти под прямым углом крепко втыкает в дно реки колья. Нижний их конец воткнут в дно, средняя часть опирается об *угыр*, а верхний конец прислонен к «хребту». Кроме того, колья прижимаются еще к «хребту» течением реки.

Теперь уже можно ловить тайменя. Надо лишь сесть на это сооружение, поставить ноги на упор, взять в руки остроту, погрузить ее в реку и передвигать вдоль изгороди.

Все это сооружение возводится из жердей с сучками. В нем нет ни одного железного гвоздя, ни единой скрепы. На нем лежит печать изобретения — индивидуального или коллективного, я не знаю, но гениального изобретения людей каменного века, так как для его устройства не требуется железа. Если пользование лодкой-долбленкой постепенно в течение веков подсказывало людям пути ее усовершенствования, то это сооружение необходимо было сразу же придумать, изобрести.

Не менее гениальна и острога *матл*, при помощи которой нивхи вылавливают тайменей. Древко остроги и насаженный на нее крюк вызывают восхищение. Длина древка равна примерно трем маховым саженям (т. е. 5 *м*). Оно изготавливается из верхнего слоя лиственницы. Отыскивается лиственница с ровной древесиной. Ее валят и отпиливают ствол нужной длины. При помощи топора и клиньев его раскалывают на длинные тонкие пла-

хи. От их верхнего слоя откалывают длинные полосы, идущие на изготовление древок острог. Приходится удивляться, как с помощью строгального ножа *(иг"дяк"о)* удается выстрогать древко такой изумительно ровной и точной формы. Ширина древка — примерно 4 *см*. В сечении оно имеет форму овала, заостренного с одной стороны. Это помогает передвигать острогу в воде. В нижней части остроги на передней ее стороне сделан срез, а посередине его желобок, обвязанный в несколько оборотов ремешком. В желобок вставляется изогнутый железный рыболовный крюк *(ч'осыпыр, марих)*. На внутренней стороне крюка имеется небольшая выпуклость с отверстием, сквозь которое крюк при помощи длинного ремешка прикрепляется к древку остроги. Крюк вставляется в желобок острием к рыболову, так как он должен вонзиться в тайменя снизу вверх.

Хорошо усевшись на сидении и поставив ноги на упор, рыболов берет в руки острогу и приступает к ловле тайменя. Он водит острогой вблизи заграждения из кольев. Таймень, наткнувшись на заграждение, на мгновение задерживается и плывет вдоль него на середину реки. Как только происходит встреча тайменя с древком остроги, рыболов мгновенно поднимает ее вверх. Остро отточенный крюк одновременно впивается в тайменя и выскакивает из желобка наподобие поворотного наконечника. Рыба остается на крюке, привязанном ремешком к древку. Если бы крюк был намертво прикреплен к остроге, таймень сорвался бы с крюка, либо сломал бы древко. Очутившись же на эластичном ремешке, таймень не может ни сорваться с крюка, ни сломать древко, ни порвать ремня, как бы ни была велика его сила. Рыболов становится на ножной упор сооружения, прочно удерживает тайменя и в конце концов, несмотря на сопротивление последнего, вытаскивает его на берег. Там несколькими ударами деревянной колотушки по голове он его убивает.

Но этим действия нивха не ограничиваются. Ведь таймень — это хищник и имеет, по представлениям нивха, душу. Поэтому нивх, выражаясь его же словами, *куплан"нантк тятн"а нау-ваг"д яшд*, т. е. «большую рыбу (т. е. тайменя. — *Е. К.*), когда [нивх] убьет, [он] *инау* строгает, его (т. е. тайменя. — *Е. К.*) кормит». При этом мне объяснили, что *инау* вкладывают рыбе в рот. При-

мечательно, что, говоря о таймене, нивх употребляет условные, а не прямые, запретные, слова.

Но и этим дело еще не заканчивается. Когда тайменя разрезают, то у него вырезают желчь и вместе с *инау*, которым его «кормили», бросают в реку. Этот обряд называется *г'ойруд*. Когда тайменя съедят, то кость его нижней челюсти кладут в амбар либо подвешивают в жилище к продольной перекладине. Осенью, когда кончится лов тайменя, ее можно «потерять». До этого ее нельзя выбрасывать, так как таймень, как мне сказал один нивх, «серчать будет» и, следовательно, не будет больше попадаться на острогу нивха. Нижнюю челюсть и хвостовую часть тайменя едят обычно сырыми.

Когда таймень приходит в протоки Тыми на нерест, нивхи идут туда вслед за ним и добывают его там при помощи остроги *ч'эвл*.

Острога *ч'эвл* отличается от остроги *матл* формой древка и расположением крюка. Если древко остроги *матл* приспособлено для того, чтобы оно легче передвигалось в воде, то древко остроги *ч'эвл* устроено таким образом, чтобы оно легче входило в воду. В разрезе оно имеет круглую форму, а в длину примерно три маховых сажени (т. е. не менее 5 *м*). Изготавливают его из наружного слоя лиственницы, как и древко остроги *матл*. С помощью изогнутого строгального ножа нивхи остругивают круглое древко остроги с такой тщательностью, что кажется, будто оно сделано на токарном станке.

Крюк на остроге *ч'эвл* такой же, как и на остроге *матл*, но он обращен острием вниз, т. е. от рыболова (на остроге *матл* он обращен острием вверх, т. е. к рыболову). На внутренней стороне крюка есть небольшое выпуклое отверстие, сквозь которое продет ремешок. Одним концом он привязан к крюку, а другим — к древку остроги. Тупым концом крюк вставляют в желобок, вырезанный в конце древка. Охотник держит острогу так, что крюк обращен всегда кверху. Когда крюк вонзается в рыбу, он выскакивает из желобка, наподобие поворотного наконечника, а рыба с вонзенным в нее крюком повисает на ремешке, привязанном к древку. Какому народу принадлежит изобретение гениальных соскакивающих — поворотных наконечников, трудно сказать. Они известны эскимосам и алеутам, не знавшим железа и изготавли-

вавших их поэтому из кости иногда с каменными наконечниками. Следовательно, они были созданы людьми еще в неолите.

12 июля. У нивхов существует много способов лова рыбы, описание которых может составить книгу. Оставляя это дело на будущее, опишу способы заготовки рыбы.

Основные виды рыбы, которые нивхи заготавливают на зиму, — кета и горбуша. Подсобную роль играют породы мелких рыб, из которых изготовляют юколу. Заготавливают рыбу посредством вяления. В связи с этим возле каждого летнего жилища стоят сушила. Без них представить себе летнее селение нивхов невозможно. В селениях Тыми узнал одну дополнительную деталь, касающуюся вяления. Имеются два вида жердей: *музьр* — для сушки юколы из горбуши и кеты на еду людям и *хускияс* — для сушки корма для собак. Первые тоньше, вторые значительно толще и длиннее. Кроме жердей, стоящих возле сушил стоймя в виде шатра, имеется еще и длинная развилина *в"ашк"ам,* при помощи которой укладывают жерди с юколой на сушила.

Всю работу по очистке рыбы и изготовлению из нее юколы делают женщины. Очистка и разрезание рыбы на пласты производится ими при помощи специального ножа, имеющего длинное узкое лезвие с чуть загнутым концом. Режут рыбу на специальной доске. Во время работы женщины обычно надевают на себя передник.

С первого взгляда на висящую юколу может создаться впечатление, что процесс изготовления ее весьма несложен. Между тем при всей его несложности у нивхов выработалась специальная техника обработки рыбы для сушки.

Нивхи говорят, что в жаркие дни пласты рыбы плохо вялятся, и поэтому одну кету разрезают на семь тонких пластов: шесть из них предназначаются людям, а седьмой — собакам.

Направление среза пласта — от головы к хвосту. Каждый пласт имеет свое наименование. Первый наружный пласт называется *мандьирма* (от *мандь* — «рыбья кожа» и *ма* — «юкола»). При его срезании почти полностью удаляется вся кожа с одной боковины рыбы. Небольшой ее кусочек оставляют лишь у хвоста, для того чтобы он был срезан со вторым пластом юколы. Второй пласт юколы — *макрма (макырд* — «прямой») срезается

с кусочком кожи у хвоста, нужного для поддержания юколы при ее подвешивании. Третий пласт рыбы, совершенно чистый от кожи, называется *пыкима*.

Когда одна боковина рыбы обработана указанным способом, ее переворачивают на другую сторону и срезают с нее те же три пласта.

В результате подобной обработки остается костный хребет рыбы с неотделенной от него головой. Голову, не отрезая ее от хребта, разрезают на две половины. Эти пласты предназначаются для кормления собак. На Тыми они называются *машк*, на Татарском побережье — *ыс*, а на Амуре — *харк*".

Чтобы нанизать на жерди сырые пласты горбуши или кеты, предназначенные для еды людям, в хвостовой части рыбы делают по одному прорезу. На каждую жердь нанизывают строго определенное количество пластов только одной разновидности. Это позволяет в дальнейшем связывать юколу одного вида в связки и подсчитывать их.

В юколе, предназначенной на корм собакам, делают два прореза по обеим сторонам хребта у самого хвоста. Сквозь них продевают лыко, связывают им две юколы, которые теперь удобно перевешивать через жердь и сушить таким образом вместе.

Таковы способы изготовления юколы из кеты.

Юкола из горбуши изготовляется аналогичным образом, но из нее получается меньшее количество пластов.

Женщина не только чистит и разрезает рыбу на пласты, но и нанизывает их. Мужчина лишь поднимает жерди с юколой на сушила.

Очень крупная юкола изготовляется иногда из целого тайменя. Тайменя разрезают вдоль брюха до спины, но спинка остается целой. Затем рыбу разворачивают и из нее удаляют костяк и голову. Развернутая таким образом рыба, говорили мне нивхи, похожа на доску. Называется она *ч'амс*.

В прохладные дни рыба лучше вялится. Тогда ее режут на более толстые пласты, и с каждой боковины срезают не по три, а по два пласта (без *пыкима*). Первый пласт можно дорезать до хвоста, но не отделять его от рыбы. Затем режут второй пласт, который отделяют от рыбы полностью вместе с первым. Получаются два пласта рыбы, соединенные кожей у хвоста. Этот вид юколы

называется *н"акиравма*. Его легко и удобно накладывать на жердь.

В более холодные дни с кетой поступают иначе. Пласты рыбы не отделяются от нее. Первый пласт режется от головы к хвосту. Этой разрезанной частью рыба накладывается потом на жердь для сушки корма. Второй пласт, отрезанный от хвоста к голове, свисает вниз. Свисает также вниз и рассеченная вдоль голова рыбы. Такая юкола называется *лирк"ам*.

Если рыба рассекается только пополам от головы до хвоста и навешивается прямо на жердь для сушки корма с разрезанной пополам головой, то такая юкола называется *п'ытма* (букв.: «расколотая юкола», от *фытуд* — «раскалывать», «расщеплять» и *п'ытд* — «треснуть»).

Рыболовное хозяйство нивхов очень организованно. Ими учитывается даже количество заготовленной юколы [39].

Как я понял из бесед с нивхами, только весенний лов рыбы сопровождается рядом религиозных предосторожностей. В летнее же и осеннее время они не требуются, но все же с рыбой необходимо обращаться осторожно. «Нельзя — говорил мне Чурка, — колоть и резать живую рыбу ножом. Это очень большой грех. Надо прежде ударить рыбу колотушкой по голове, а потом резать. Когда мы ударяем рыбу по голове, то прогоняем ее душу — *техн"*, а если режем ее живой, то ее душа уходит к *тайг н"анду* и жалуется на нас. Мы рыбу, хотя съедаем, но ее душа не умирает. Нонче рыбу убьешь, она домой идет, а на другой год снова приходит. Почему рыба всегда в одно место ходит? Это потому, что она тут была. Потому рыба и на другой год приходит сюда метать икру».

Если ход рыбы был малый, то нивхи доискиваются причины этого. Они, в частности, могут объяснить это тем, что женщина во время месячных или после родов переехала через реку, не приняв при этом необходимых предосторожностей. Могло это произойти и вследствие того, что устье реки, по их мнению, засорилось. Тогда они производят религиозно-магический обряд, называемый *т'в"ах" паг"ваг"д* — «налаживание устья, пролива».

В устье р. Арково он совершается так. Старик раздевается догола. В руку он берет переднюю лапу россомахи (либо коготь россомахи) и входит в реку. Если река

неглубокая, он заходит на середину реки и скребет ее дно когтями россомахи по направлению течения реки — сверху вниз. Если же дно глубокое, то он заходит в воду сначала с одного берега и скребет дно реки около него, а затем переправляется через реку на лодке, входит в реку с другого берега и снова скребет дно. Это он якобы счищает лапой россомахи грязь со дна устья. Другой старик в это время делает *инау,* которыми первый старик «моет воду», проводя ими по воде по направлению течения реки. Затем он скоблит над водой серебро и медь, — как бы делает «новое дно» реки. Потом из бузины изготовляют *инау* с символическими изображениями зверей — самца и самки. Такие инау втыкают в устье реки, чтобы воды вынесла их в море и отлив унес с собой[40].

Рыба снабжала нивхов не только едой, но и кожей для одежды и обуви. До ознакомления с тканями, которые они получили от народов с более высокой культурой, нивхи изготовляли одежду и обувь из кожи рыбы, тюленя и собак. Форма одежды тогда тоже была иная. Верхняя одежда из рыбьей и тюленьей кожи была спереди не сплошной, а имела небольшой разрез вверху. Поэтому ее надевали через голову, а разрез на груди завязывали тесемками. Одежду шили из двух тюленьих шкур — шерстью наружу и внутрь. Головки обуви изготавливали из кожи тайменя, а голенища к ним — из кожи кеты. Халаты на Амуре шили из кожи сазана.

Нивхинки любят украшать свою одежду орнаментом *(таг"р)* преимущественно таких разновидностей: *н"ашк"*—отдельная спираль; *шун"ашк* — спирали следуют одна за другой; *шавн"ашк* — из центра одной спирали выходит параллельно ей другая спираль; *виль* — орнамент, образованный одной непрерывной извилистой линией; *пэтарр* — кайма из длинных цветных полосок, нашиваемых на края одежды (ворот, полы, концы рукавов и наколенников). Так как нивхи употребляют украшения для одежды, то у них естественно имеются слова для обозначения цветов: *паг д* — «красный», *н"ыюр-паг·д* — «темно-красный», *т'ыйыд* — «синий», *х'июуд* — «темно-синий», *к"онуд* — «белый (о тканях), *ч'ан"д* — «белый» (о собаке), *тлэулад* — «белый» (об олене, горностае), *к"алгалыд*— «белый», «светлый» (о бумаге), *пиуд* — «черный» (о тканях), *ыг"рд* — «черный» (о соба-

ке), *вулвулыд* — «черный», «темный» и др. Примечательно, что в нивхском языке нет слов для обозначения абстрактных понятий «белый» и «черный», но есть отдельные слова, которыми обозначаются конкретные носители этих цветов.

СОБИРАНИЕ СЪЕДОБНЫХ РАСТЕНИЙ, КОРНЕПЛОДОВ И ЯГОД

15 июля. Взгляды людей на человеческие отношения, их представления о мире, их вкусы определяются историческими условиями. Определенная форма натурального хозяйства и развитие технических навыков определили и отношение нивхов к окружающей природе. История того, как люди научились использовать те или иные естественные ресурсы природы для обогащения и улучшения пищи, один из важнейших вопросов истории любого общества, в том числе и нивхского.

Для обозначения общего понятия «вкус» нивхи употребляют слово *амран*". Правда, слово это заимствовано ими из языков окружающих народов. Поэтому можно полагать, что до этого заимствования в их языке не было такого общего понятия. Кроме того, у них есть еще слова для обозначения таких вкусовых ощущений, как: *хʻорд* — «вкусный», *нёньид* — «сладкий», *вак"вак"д* — «кислый», *хʻапд* — «соленый», *х"ад* — «прогорклый» (о тюленьем жире), *ваг·д* — «прокисший». О пище заплесневелой говорят *пʻондалд*, как и о любом предмете, покрывшемся плесенью.

Приведенных слов вполне достаточно для того, чтобы сказать, что у нивхов те же вкусовые ощущения, что и у всех людей, потому что все мы имеем единую анатомию и физиологию. Тем не менее привычка к разным видам пищи у разных народов различна. При случае я ем вместе с нивхами собачье мясо, но к тюленьему жиру и пище, приготовленной с ним, привыкнуть не могу.

Для удобства описания растительной пищи нивхов можно разделить ее на следующие виды: корнеплоды; растения, употребляемые в свежем виде; растения, употребляемые в вареном виде; орехи; ягоды; желуди.

Корнеплоды. Из корнеплодов нивхи употребляют *к"арк"* — клубни сараны, *н"орк"* и *тьирх* — клубни ка-

ких-то растений, *тукс* — длинные сладкие корни какого-то растения [41].

Клубни сараны нивхи употребляют в пищу повсеместно. Выкапывают их копалкой, сделанной из палки с сучком. Собирают их в сентябре. Женщины подсушивают сарану, складывают в большие плоскодонные корыта из бересты и хранят в амбарах в продолжение зимы. Из сараны готовят следующие блюда.

К"арк"холанд. Варят сарану, кедровые орехи и горох. Отдельно варят юколу. Когда все сварится, сливают воду. Юколу крошат на мелкие кусочки и смешивают с сараной, кедровыми орехами и горохом. Добавляют тюлений жир. Можно прибавить к этому блюду корнеплоды *тьирх.* Все это перемешивают и едят.

К"арк"мос. Варят сарану. Воду сливают, а сарану растирают в корыте деревянным пестом. Подливают тюлений жир и снова растирают. Затем берут белую глину — *мами,* заранее разведенную водой. Когда глина осаждается на дно, остается белая, как молоко, по словам нивхов, вода, которую подливают в смесь, и все снова растирают. В полученную смесь добавляют ягоды и перемешивают с ней. Это блюдо не застывает, как студень *мос,* приготовленный из вареной рыбьей кожи (см. стр. 182—183).

Сарану употребляют в пищу и в печеном виде. Пекут ее в золе костра.

Сарану широко употребляют для жертвоприношений.

В недавнем прошлом у каждого нивхского рода были свои поляны — *к"арк"халу,* где произрастало это растение и где только данный род мог выкапывать его корнеплоды. Многие роды сохранили права собственности на эти поляны до настоящего времени.

Корнеплоды растения *тьирх,* по сообщению Палгук, добываются так. Весной отмечают место, где растет это растение, а осенью его выкапывают. Корнеплоды очищают от земли, потом немного варят, затем нанизывают на крапивную нитку и сушат. Нитки с мелкими корнеплодами *тьирх,* величиной не больше двух-трех горошин, я не раз видел у нивхов. *Тьирх* примешивают к некоторым видам пищи, употребляемым нивхами в растертом виде. Им угощают даже медведя в клетке. Его употребляют также для жертвоприношений духам и для приготовления угощений на медвежьем празднике. Для этого корне-

плоды отваривают, смешивают с ягодами и студнем *мос*. Употребляют их в пищу и в печеном виде. Пекут их в золе.

Корнеплоды растения *н"орк"* собираются весной после того, как они перезимуют. Их очищают, нанизывают на крапивную нитку и немного сушат на солнце, чтобы они были слаще. Корнеплоды отваривают, смешивают с ягодой и студнем *мос*. Из них также готовят студень. Употребляют их и в печеном виде — выпекают в золе.

Впервые о корнях растения *тукс* я услышал на Тыми, куда его изредка привозят в качестве лакомства с северо-западного побережья Сахалина. Увидеть сухие, тонкие корни этого растения и испробовать их мне удалось лишь в селении К'ек"рво на Охотском побережье Сахалина. В районе селения растение с этими корнями также не произрастает. Его корни привезли сюда с противоположного берега Сахалина. Нивхи из селения К'ек"рво мне говорили, что на противоположном берегу в селении Вискво женщины вырывают корни этого растения в «междурыбном месяце». Когда я был на Амуре в селении Чарбах, то узнал о его заготовке следующее.

Растение *тукс* имеет длинные корни. Весной выкапывают его прошлогодние корни, имеющие сладковатый вкус. Выкапывают якобы руками. Корни у растения длинные с ответвлениями, которые обкапывают и обламывают. Корень уходит под землю часто на длину всей руки до плеча. В этом случае откапывание продолжается специальной копалкой. Нижние части корня наиболее вкусные, и до них стараются докопаться. Если до конца корня добраться не удается, его обламывают.

Корни связывают пучками. Затем в песчаном месте выкапывают ямы примерно 75 *см* глубиной. Пучки корня укладывают друг подле друга. Второй слой укладывают сверху поперек нижнего, третий поперек второго и т. д. Когда корни таким образом уложены, их засыпают землей.

Осенью, по окончании лова кеты, их снова откапывают. Пролежав лето в земле, они, по словам нивхов, становятся вкуснее.

Едят корни зимой вместе с сухой икрой.

Из этих корней на Амуре приготовляют блюдо, называемое *туксчалр*. Корни отваривают и измельчают. Затем отваривают корнеплоды сараны и кедровые орехи.

Все это смешивают и в смесь добавляют тюлений жир, ягоды. Снова перемешивают, после чего употребляют в пищу.

Орн"охт (селение Куль) — растет возле маленьких озер, болот. В пищу пригодны только корни прошлогоднего растения, пробывшие зиму в почве под снегом. Свежие корни этого растения в пищу не употребляют. Прошлогодние корни промывают в воде и употребляют в пищу сырыми вместе с сушеной икрой. Листья этого растения употребляются иногда вместо чая.

Плим (селение Варки). Корни растения употребляют в пищу как осенние, так и прошлогодние, пролежавшие зиму под снегом. Корни промывают в холодной воде, добавляют в студень.

Растения, употребляемые в пищу в свежем виде. *Тан"вн"* — черемша (у материковых нивхов она называется *х·аг"и*). Черемшу крошат и едят вместе с юколой, сырой и вареной рыбой или вареным тюленьим мясом.

Однажды я видел, как жена Плетунки готовила ему еду. Она срезала ножом боковину свежей кумжи. Плетунка вытащил из нее какую-то жилку, которую, как он мне сказал, нельзя есть в сыром виде. Затем его жена мелко-мелко искрошила рыбу на доске. Потом она также мелко накрошила черемшу, перемешала с рыбой и подала Плетунке. При помощи китайских палочек он быстро расправился с этой смесью.

Кроме того, черемшу мелко крошат и подают отдельно в виде приправы к любой рыбной или мясной пище. В таком виде нивхи часто подавали ее и мне.

Из юколы и черемши готовят блюдо, называемое *як"ма*. Юколу размачивают и мелко-мелко нарезают. Затем крошат черемшу, смешивают с юколой, добавляют тюлений жир, соль и употребляют в пищу.

В свежем виде употребляют еще и стебли растений *ныкр, пиркур и аг·с*.

Как-то я шел с нивхами в селение Пливо. По пути они увидели растение *пиркур*, похожее на гигантский лопух. Вытащив ножи, они срубили стебель у основания, отсекли вершинку с листьями, содрали верхний корковый слой и стали его есть. Очищенный ствол растений был зеленого цвета и просвечивал на солнце. Глядя, как нивхи едят это растение, решил его отведать и я, но есть не мог.

Нивхи Тыми выделяют один летний месяц, который они называют *ныкш ч'эу лён* — «месяц сушения растения *ныкр*». Он соответствует примерно июлю. Этот месяц назван так не случайно. В течение него нивхинки сушат стебли растений *ныкр, пиркур, аг'с*. Первые два растут на суше, а третье — на берегах мелких рек среди камней. Едят эти растения и в свежем и в сушеном виде. Нивхи мне говорили, что *пиркур* и *ныкр* — это одно растение, но что первое — молодое, а второе — более взрослое. Говорили мне, что имеются две или три разновидности *аг'с*. По-русски же все эти растения будто бы называются пучкой.

Ни одно жертвоприношение духам гор, моря и огня не обходится без принесения им в дар стеблей пучки. В сущности эти стебли сушат для того, чтобы главным образом приносить их в дар духам, так как в еде нивхов они занимают ничтожное место.

Растения, употребляемые в пищу в вареном виде. В вареном виде употребляют значительно большее число растений. Суп, изготовляемый из них на Тыми и Охотском побережье Сахалина, называют *вэук*, на Татарском побережье — *пышк*, а на материке — *парву*.

Все съедобные растения, употребляемые для супов, нивхи приготовляют примерно одинаково. Предварительно растение отмывают от песка. Затем его размельчают и кладут варить в котел. Туда же добавляют сарану или корнеплоды *тьирх*. Когда все это сварится, в котел кладут свежую или сухую икру. Сухую икру дробят, а свежую растирают таким образом: в левую руку берут конец «мешочка» со свежей икрой, а правой, начиная со свободного нижнего конца, разминают ложкой икринку за икринкой, пока не разомнут всю икру. Затем снова варят вместе с икрой до готовности.

Привожу некоторые названия таких супов.

Ч'фуг"вэук — суп из растения *ч'фух*. Используют стебель и листья растения до его цветения. У основания стебель красный, в связи с чем этот суп называют еще *осваг'ладвэук* (букв.: «суп из красного корня»). Стебель срезают поближе к корню. Употребляют его в пищу примерно во время хода горбуши.

К"оврвэук — суп из растения *к"овр*. Для приготовления супа пригодно только молодое растение *к"овр*, а старое растение — *вашпи* не годится.

В Чайво мне рассказали еще об изготовлении еды из таких растений, лишайников и мхов.

Н"ог·лвзук (букв.: «пахнущий суп»). Летом, во время заготовки, с растения снимают кожицу, зимой его долго варят в котле. Потом сливают воду и промывают в чистой воде. Затем разминают руками и выносят на мороз. В замороженном виде разрезают на мелкие куски. Добавляют икру, кедровые орешки и снова варят, после чего употребляют в пищу.

Ч'х"ар н"аврки (букв.: «древесная шерсть») — черный жесткий лишайник на лиственнице. Чтобы сделать его пригодным в пищу, его варят целый день. Когда сваренный лишайник остывает, его мнут руками и разрывают. Потом кладут в него икру, рыбу и снова варят. Иногда добавляют и кедровые орехи.

Лырлырк — мох, который варят и употребляют в пищу.

Кэн"зё — растение. Его отваривают, воду сливают, затем несколько раз промывают в холодной воде и разминают руками; потом режут, добавляют икру и снова варят, после чего употребляют в пищу.

Мру — растение. Его кладут в котел, наливают немного воды, прикрывают листьями лопуха (либо подходящей посудой из бересты) и варят на небольшом огне. При варке котел изредка покачивают палкой. Перед промыслом тюленей, говорили мне нивхи Охотского побережья Сахалина, это растение не едят: считают, что если поешь его, не добудешь тюленей.

Нивхи Тыми рассказывали мне об употреблении в пищу растения *ч'хыфк"азр*. По виду нивхи сравнивали его с кочанами капусты, которые они видели в русской деревне.

Особо следует отметить растения, семена которых идут в пищу.

Х·искыр — растет на Лунском заливе. Растение с большим количеством семян. Семена отваривают, растирают пестиком в корыте, добавляя тюлений жир, икру. Потом прибавляют сарану, ягоду сиксу и едят. Блюдо называется *х·искыр мос*.

Ч'ых — растение, имеющее, по словам нивхов селения Куль, много семян. Семена варят, а потом растирают в корыте, добавляют тюлений жир, икру и снова растирают. Когда заканчивают растирание, получившуюся

смесь перемешивают с ягодами сиксы. Блюдо это называется *ч'ыг"мос*. Самая вкусная часть этого растения, по словам нивхов, корень. Называют его *отх"*. Из корня этого растения также готовят еду, растирая его в корыте пестиком.

Как на Сахалине, так и на материке нивхи называли мне еще ряд растений, употребляемых ими в пищу в вареном виде.

Совершенно особо следует упомянуть растения, употребляемые для «кормления» убитых зверей.

В селении Чайво мне неоднократно приходилось наблюдать употребление травы *к"он"г:он"* при совершении различных религиозных обрядов. В одном аналогичном случае мне пришлось наблюдать также употребление травы *н"унн"ун*.

В селении Куль для «кормления» убитого тюленя употребляют два вида растений — *музн"исн"ыр* и *пискыр*. Первое представляет собой траву, а второе — не известное мне растение. Когда убивают тюленя, то траву и корень растения *пискыр* кладут ему в рот, а стебель — возле него на лед. Убитого тюленя увозят в селение, а трава и корень так и остаются у него во рту, а стебель — на льду.

Повсеместно, как на Сахалине, так и на материке, для жертвоприношений духам гор, отчасти моря, нивхи употребляют *ах"с (аг:с, а:с)* — пучку и *к"арк"* — сарану.

Орехи кедрового стланика употребляются нивхами повсеместно в качестве добавления к пище. Их едят и отдельно.

В Чайво мне пришлось видеть, как Курчук ел кедровые орехи и сухую икру, запивая их чаем. Орехи он ел целиком, не выплевывая шелухи. Он с удовольствием и с громким хрустом разгрызал их и проглатывал, как он мне сказал: «Икра кампания», т. е. вместе с икрой.

Кстати, о чае. Нивхи очень любят чай и пьют его в любое время в большом количестве: утром, днем, вечером, при приходе гостей. Между тем нивх Кельм из селения Чайво рассказывал мне, что когда он был маленьким, в его селении чая еще не знали. Каждый день нивхи готовили еду из лишайника лиственницы или из растения *н"ог:лвэук* и запивали все холодной водой. Когда надо было работать и варить еду было некогда, нивхи ели юколу, смачивая ее в тюленьем жире. Насы-

тившись, запивали все холодной водой и приступали к работе. Чай пришел к ним кирпичный. Варили его так густо, что донышка не было видно. Варили в котлах, так как не было еще чайников. Пили его из березовых чашек.

Ягоды. Немалое место в пищевом рационе нивхов занимают ягоды. На Охотском берегу Сахалина нивхи Набильского и Лунского заливов октябрь называют *ышкыт-фе лён"* — месяцем собирания ягод. В Набильском и Лунском заливах нивхи называют ягоду *ышкыт*, повсеместно же ее называют *алс, алш.*

Нивхи Тыми употребляют в пищу бруснику *(маг"ралс)*, голубику *(ч'ари)*, сиксу *(ыг"ых)*, морошку *(н"орн"эг'лад)*, костянику *(к"ак"ф)*, черную смородину *(х'оин"и)*, чернику *(ч'ымг"и)*, малину *(кэлг'ам)*, клюкву *(там)*, черемуху *(к"ап)*, рябину *(мэзлан")*, шиповник *(кмирн"*, или *теви)*. Нивхи говорят, что последнее растение встречается на морском берегу. Оно напоминает шиповник, только ниже его и ягоды его крупнее.

Ягоды употребляются нивхами в их естественном виде и идут на приготовление блюд.

Т'омр — готовится из отварной свежей рыбы или отварной юколы, которую затем измельчают. Рыбу смешивают с ягодой и употребляют в пищу. Можно добавлять в эту еду и тюлений жир. Слышал я и об употреблении с ягодами отварной и растертой печени молодого сивуча.

Мос — студень из сваренных кож кеты, растертых с тюленьим жиром и водой. Образующаяся жижа густо засыпается ягодами, после чего ее ставят в холодное место, где она застывает. Подробнее изготовление этого блюда будет описано в медвежьем празднике нивхов.

Муви — толкуша из брусники. Это густая ягодная масса, растертая с икрой и жиром. Ее приготовляют так. Ягоды насыпают в котел, наливают немного воды и варят. Отдельно варят сарану. Когда они сварятся, их кладут в корыто, добавляют икру и хорошенько растирают деревянным пестиком. Затем наливают немного тюленьего жира и снова растирают, после чего употребляют в пищу.

Жертвоприношения воде, лесу, огню, земле, а главное, медвежий праздник не обходятся без этих блюд, особенно без студня *мос*. Последнее блюдо в обычные дни нередко готовится в виде лакомства для медведя, чтобы доставить ему удовольствие, а во время праздника — для

гостей и даже для собак. Это дает некоторое представление о том количестве ягод, которое нужно заготовить на зиму для этого праздника.

Чаще всего в жилищах нивхов я видел бруснику и голубику. Эти ягоды насыпаются ими в большие, низкие, плоскодонные посудины из бересты и помещаются в амбар. Брусника, реже другие виды ягод, заготавливаются нивхами на зиму. В амбарах она замерзает и, когда необходимо ее использовать, заносится в жилище для оттаивания.

Употребляют и морошку. В Чайво мне говорили, что ее едят только летом, так как осенью на ней вырастает пушок, и она портится. Для заготовки на зиму ее насыпают в высушенный тюлений желудок и заливают тюленьим жиром. Таким же способом заготавливали черемуху и, видимо, другие скоропортящиеся ягоды.

Желуди употребляются в пищу нивхами некоторых селений на Амуре, о чем мне рассказал Ыгиска из Чарбаха.

Нивхи, живущие в прибрежных районах, занимаются также морским собирательством. В селении Агнево на морском берегу собирают следующие виды растительной и животной пищи.

Путь — морская капуста.

Пулксо (букв.: «круглая рыба») — животный организм. Он круглый, не имеет ни головы, ни костей. Во время отлива его выкапывают дощечкой из песка, куда он зарывается. Его варят, режут на мелкие части, смешивают с тюленьим жиром и едят.

В"эх — длинный мягкий морской организм, напоминающий по форме и цвету большую морковь. Его разрезают, вычищают внутренности, а затем опускают в кипящую воду. В котле его варят недолго. Потом вынимают, режут на мелкие куски, смешивают с тюленьим жиром и едят.

Кэр — какой-то морской организм, напоминающий по форме половину яблока, разрезанного вдоль. На нижней его стороне — длинная выемка. Его варят целиком. После варки с него снимают чешую, а мякоть режут, смешивают с рыбьим жиром и едят.

Пупк — ракушки разных сортов. Среди них нивхи мне назвали следующие съедобные ракушки: *мог·ми, к"ок"вэлк, кэг·вупк* и *тамкваран"х·атх* (букв. «скорлупа,

подобная руке»). Эти ракушки варят, после чего снимают с них раковины. Затем их режут на мелкие куски, смешивают с тюленьим жиром и едят.

Как сахалинские, так и амурские нивхи, живущие в прибрежных районах, собирают для еды яйца чаек и других морских птиц. При заготовке яиц на зиму их отваривают, очищают от скорлупы, складывают в тюленьи желудки, заливают тюленьим жиром и завязывают.

Ознакомление с тем, что́ из окружающей флоры нивхи используют для приготовления пищи, показывает, что им известно большое число съедобных растений, корнеплодов, корней, орехов, ягод.

Ягоды и корнеплоды собирают и заготавливают главным образом в различной посуде из бересты. Изготовление такой посуды — дело женщин. Они сшивают ее корнями тальника, придавая швам вид различных орнаментов.

ОХОТА НА ЛЕСНОГО ЗВЕРЯ

1 августа. Из беседы с многими нивхами понял, что охота на лесного зверя в их жизни в настоящее время не имеет того значения, какое имела прежде. В соответствии с анимистическим мировоззрением нивхов в отношении каждого животного у них существует особая, если так можно выразиться, религиозная дипломатическая тактика. Вот что я смог выяснить об охоте на лесного зверя у нивхов Тыми.

Ранней весной нивхи охотились на оленя. Это время, когда снег днем на солнце оттаивает, а ночью замерзает. Образующийся наст помогает охотнику. Отправляясь на оленя, охотник надевал лыжи, не подклеенные мехом, так как в это время года, когда уже не было глубокого снега, лучше было передвигаться на лыжах-голицах, сделанных из лиственницы. Обнаружив след оленя, охотник пускал по нему собаку, а сам бежал за ними на лыжах.

Собака настигала оленя и преследовала его. Убегая от нее, олень проваливался в снег и ранил ноги о края наста. В конце концов он останавливался, и тогда охотник, настигнув оленя, вонзал в него нож.

Ружей, как объяснил мне Очи, в то время не было. Из лука оленя не убивали, так как, пока охотник снимет

лук, вложит в него стрелу и прицелится, олень снова побежит. Поэтому проще оказывалось быстро подкатиться к нему на лыжах и воткнуть в него нож.

Когда с оленя снимали шкуру, его тушу членили по суставам; костей его, как и костей любых зверей, не ломали. Со сваренных ног обязательно снимали копыта. По поверью, если этого не сделать, то при следующей охоте олень якобы быстро убежит от охотника.

Глаза оленя необходимо было разрезать и вынуть из них хрусталики — если этого не сделать, глаза охотника, по представлениям нивхов, заболят. Хрусталики глаз оленя берегут и потом вместе со всеми его костями уносят в тайгу и прячут в дупло.

Охота на лису начиналась еще летом. В месяц, когда сушатся растения, нивхи начинали вылавливать в лисьих норах лисят. Занимались этим ловом только те нивхи, которые считались владельцами лисьих нор. Нивх, обнаруживший нору первым, становился ее собственником. От него она переходила в наследство по мужской линии от отца к сыну, к внуку и т. д.

Придя к своей норе, охотник определяет, живет ли в ней лиса или она ушла из нее и сделала нору в другом месте. Если перед норой имеются кости мелких животных, птиц или рыбьи кости, значит, лиса на месте.

Владелец норы никогда не убивает лисицу, так как иначе он лишится добычи. Задача его состоит в том, чтобы выловить лисят, находящихся в норе, а матку оставить живой. Ведь она еще не раз принесет ему лисят, которых он выловит.

Для вылова лисят вокруг отверстия норы из коры выстраивают подобие клетки. Возле отверстия приделывают дверцу, соединенную с веревочкой крючка, конец которой привязывают к дереву. На крючок надевают приманку. Когда голодный лисенок выходит из норы и хватает ее, дверца закрывает вход в нору. Охотник легко ловит лисенка и осторожно извлекает из его пасти крючок. Так он вылавливает всех лисят и уносит их.

В селении он строит клетку на столбах, наподобие того, как строят амбары на пнях. Пол, стены и крыша клетки складываются из хорошо подогнанных нетолстых бревен. К одной из стен прикрепляют посудину для воды. Кормят лисят рыбой, главным образом рыбьими жабрами. Так их растят до поздней осени, пока они не станут

большими и шерсть их не приобретет хороший красный цвет. Тогда их убивают.

Для убиения выкормленных лисят делают лук и стрелы с тупыми наконечниками. В землю врывают два столбика. Лисицу привязывают между ними. Затем ее в последний раз кормят. Когда она поест, охотник убивает ее из лука, выстрелив ей в голову тупой стрелой. Перебив таким образом выращенных лис, их освежевывают, натягивают шкуры на распялки и сушат [42].

С наступлением зимы на лис охотятся с самострелом, а также при помощи развилины.

Если лук представляет собой гениальное изобретение человека для поражения добычи, то самострел — это дальнейшее усовершенствование лука. Его назначение сводится к тому, чтобы зверь сам застрелил себя вложенной в самострел стрелой. Чтобы достичь этого, охотник пристраивает лук к специальному ложу, в ложбинку которого вкладывается стрела. К натянутой тетиве лука пристраивают маленький деревянный крючок, к которому привязывают конский волос или ниточку. Последнюю протягивают через тропу, по которой должно пройти животное, и привязывают к палочке. Задев ниточку, животное срывает крючок с тетивы. Стрела вылетает из самострела и пронзает животное. На каждый вид животного имеются разные самострелы и специальные прицельные дощечки для их настораживания. Самым большим был самострел на медведя.

О звероловных приспособлениях нивхов Л. Я. Штернберг писал: «Охотник по профессии он весь свой ум, всю свою изобретательность, весь гений человеческий вложил в это звероловное искусство. Смотрите, как гениальны его ловушки и западни...» [27, 51].

Самострел ставят на лисьей тропе или на отлогом спуске, в самом низу которого лиса прячет про запас дохлую рыбу. В последнем случае самострел настораживают подальше от лисьего тайника, чтобы она не заметила ловушку, а палочку с ниткой втыкают в снег не рукой, а при помощи длинной палки или древка остроги, чтобы лиса не почуяла запаха человека.

Ловушку на лису ставят на отлогом месте. Для изготовления его отыскивают развилину, ответвления которой образуют очень узкую щель. Края развилины заостряют, причем один ее край делают высоким, другой —

низким. На высокий край навешивают приманку. Когда лиса подскакивает, чтобы достать ее, она попадает лапой в щель развилины. Пытясь вытянуть ее, она еще сильнее застревает лапой в заостренной щели развилины. Увидев попавшуюся лису, охотник хватает ее за задние лапы и тянет их к себе. Потом он берет их в левую руку, а правую ведет по брюху лисы к ее голове, берет ее за горло и душит.

Если охотник набредет на след лисы зимой, он преследует ее на лыжах. Случается, что, устав бежать по глубокому снегу, лиса прячется в дупло. В этом случае охотник прежде всего затыкает дупло, чтобы она не выскочила из него. Потом он прорубает в дереве несколько отверстий и смотрит, как лиса расположилась в дупле. Сквозь одно из отверстий он хватает ее за задние лапы. Одной рукой он тянет ее к себе, а другой подбирается к ее горлу и душит.

При продаже шкуры лисы в соответствии с религиозной традицией с краев ее пасти срезают кольцеобразную тонкую полоску кожи вместе с кончиком носа, называемую *ньсых*.

Выдру добывали при помощи самострела. Увидев след выдры, охотник настораживал на нее соответствующий самострел. Когда она убита, «охотник убитую самострелом выдру берет, ее шею обвязывает, в селение уносит. Там вешалку из деревца с сучками делает. На вешалке изображение самца делает, затесы для украшения делает, на заднюю нару втыкает, выдру вешает. Сушеную сарану, сушеные стебли пучки за повязку на шее выдры засовывает.

Чтобы выдру освежевать, пивх с вешалки ее снимает, все, что засунуто за повязку на ее шее, вынимает; повязку с шеи снимает. Прежде шкуру с выдры с головы к хвосту снимали. Теперь ее шкуру с хвоста к голове снимают. Внизу вдоль лап выдры разрез делают, шкуру снимают. Шкуру кладут и ждут чтобы она немного начала тухнуть, — тогда легче шкуру на распялку натягивать.

Глаза выдры в футляр укладывают. Для его изготовления кусок ствола тальника отрезают. Не снимая с него коры, его застругивают. Стружек не отрезают. Его сердцевину выламывают, туда глаза кладут. Потом наструганные стружки на месте укладывают. (Глаза выд-

ры оказываются как бы захороненными в футляре из дерева.)

Тушку выдры на части разрезают, в амбар складывают. Как шкура выдры начинает тухнуть, ее на распялку натягивают». Для ее растягивания требуются большие усилия.

В недавнем прошлом самым важным периодом в охотничьем промысле у нивхов была охота на соболей. Это время называется у них *н''арг''лён''* — месяцем петлевой охоты (на соболей); начинается оно примерно с середины октября.

Еще до ухода нивхов на петлевую охоту, жены охотников сплетали из волокон крапивы крепкие веревочки, играющие важную роль при установке петель, и шили для мужей обувь на время охоты. Мужья в это же время делали из конского волоса петли *(потьи)*, а из дерева изготовляли специальные крючки *(тьимрых)*, к которым привязывали веревочки, сплетенные их женами.

Когда приготовления заканчивались, охотник увязывал орудия лова в отдельную котомку, которую укладывал на заплечные носилки. Туда же он клал еду. Все это он привязывал к носилкам, надевал их при помощи лямок на плечи и уходил в тайгу.

Когда муж уходил на охоту, жена должна была придерживаться ряда правил. Так, она не должна была срезать крапиву для ниток и траву для обуви. Если она будет делать это, то соболь, попав в петлю, якобы перегрызет ее и добыча пропадет. Поэтому такая работа ей в это время запрещена.

Поднявшись в лес, охотник уходил ставить петли на соболя к той речке, которая была его неотъемлемой собственностью. Речки для лова соболя передавались по наследству от деда к отцу, от отца к сыну и т. д. Никто не имел права ставить петли на чужой, не принадлежащей ему речке [43].

Придя на место, он строил охотничий шалаш. Делали его так. Срубали деревья и при помощи топора и клиньев раскалывали их на плахи. Из двух стволов делали столбы, в верхних концах которых вырубали углубления. Столбы врывали в землю, а в углубления укладывали матицу. С обеих сторон к матице прислоняли расколотые плахи, устанавливая стены шалаша. Вверху оставляли место для выхода дыма. Заднюю и переднюю стороны

шалаша также обставляли плахами, оставляя в передней части место для двери. Дверь шалаша делали из ели. Потом обкладывали шалаш сухой травой и засыпали землей. В шалаше делали очаг и три пары: заднюю из веток ели, а боковые из веток пихты. Из трех молодых деревцев делали три вешалки и втыкали их на задней, лучшей наре. Еще три такие же вешалки втыкали снаружи за задней стеной шалаша.

Вот как рассказывали сами нивхи:

«Вечером охотник устраивал кормление духов гор *(ч'аунд айнд)*. Студень делал, толкушу из сараны делал, рис варил. Потом все это из шалаша выносил, к дереву шел. На дереве затесы делал. У основания дерева и студень, и толкушу, и рис клал. Потом просил: «Эта гора, добычу постарайся [мне дать], меня пожалей» *(тун"бал ог'аш ихмыр нён"аръя)*. Остатки от кормления гор в шалаш заносил, на заднюю пару ставил. Маленькую ветку ели отрезав, в шалаш вносил. Потом огонь разжигал. Из дров, которые не трещат, огонь разжигал. Когда огонь разгорался, брал ветку ели, студень на нее клал, толкушу из сараны, рис — все это на огонь ставил, огонь кормил. Потом из сушеных стеблей пучки петли делал, много петель делал, в огонь их кидал, огонь ими кормил, просил: «Мои петли очень добычливыми петлями пусть станут; горы, меня пожалев, все эти петли наденьте [на соболей. — *Е. К.*]. Так горы меня пожалейте» *(ньиркуркун ихмын х'иулан" х'иркур мувэ, палах нён"аргн"тун" х'иркуркун сик йиркувэ, х'ан палах нён"аргвэ)*».

В молениях нивха духам гор отчетливо выявляется его религиозное отношение к ним, выразившееся в осознании им зависимости от этих духов, порожденных его же воображением.

На следующий день утром охотник брал петли и поднимался вверх по речке. Петли на соболя ставят на стволах деревьев, поваленных так, чтобы они легли через речку, по которым соболь перебегал с одного берега на другой. Чтобы поставить петлю, нужно предварительно перегородить бревно палочками. Для этого поперек бревна топором делали щели. В среднюю щель вставляли короткую толстую палочку, называемую *мг"ыку*. В боковые щели вставляли длинные прутья, называемые *вазн"и*. Затем охотник брал прут и в середине его делал

расщеп, в который вставлял коротенький прутик, называемый *таг"айрн"акс*. В верхней части прутьев, вставленных в бревно, он делал надрезы, в которые горизонтально закладывал этот прутик. При этом вертикальный прутик *таг"айрн"акс* должен был располагаться напротив коротенькой палочки *мг"ыку*. Между ними должно было оставаться пространство, достаточное для того, чтобы поместить петлю. Охотник вставлял петлю в расщепы, сделанные на концах этих палочек, и расправлял ее. После этого он втыкал в берег у самого края воды крепкую гибкую ветвь *(ч'ак"выл)*. К ней он привязывал веревочку, сплетенную женой, к другому концу которой был привязан крючок *(тыимрых)*. Затем при помощи специальной длинной палки с сучком *(потых"анд)* он пригибал ветвь *(ч'ак"выл)* к сделанному заграждению, зацеплял крючок за нижнюю часть палочки *мг"ыку*, в которой для последнего вырезалось специальное ложе, и крепко привязывал конец петли к концу ветви *(ч'ак"выл)*. После этого установка петли на соболя считалась законченной. Путь ему был преграждён. Среди поставленного заграждения соболю оставляли отверстие, в котором находилась петля. Пытаясь перейти на другой берег реки, соболь неизбежно попадал головой в петлю. При этом легкое заграждение разрушалось. Крючок соскакивал с поваленной им палочки *мг"ыку*, ветвь с силой выпрямлялась, затягивала петлю на шее зверька и сбрасывала его с бревна. Так он и повисал в этой петле над рекой.

Петли ставили в определенном порядке — с низовьев реки к верховьям. Их установка длилась несколько дней. После этого охотник шел к дереву, украшал его зарубками и вешал на него палку с сучком *(потых"анд)*, при помощи которой устанавливались петли. Затем он производил кормление гор — бросал в их направлении сушеные стебли лопуха, сушеную сарану и просил: «Эта гора (т. е. духи гор. — *Е. К.*), меня пожалей, меня удачливым человеком всегда делай!» *(Тун"бал нён"аръя нях х'ицула ниг"вн" мун"гшая!)*. По окончании жертвоприношения охотник уходил в свой шалаш и ложился спать.

«На следующее утро петли смотреть шел с верховьев реки к устью. Соболя, попавшего в петлю, брал. На его шее завязку делал. К своему поясу привязывал. К шалашу приносил, на вешалку за шалашом вешал. Потом в шалаш входил, разжигал огонь, ел. Потом дрова колол,

в шалаш их заносил. За водой ходил, в шалаш приносил. Когда все наготавливал, тогда за шалаш шел, своих соболей брал, в шалаш вносил, на вешалки, воткнутые в заднюю нару, их вешал. Там их шкуры сушил».

Когда шкурки соболей высохали, охотник сучил для них специальные привязи из крапивных волокон. В конце каждой из них он завязывал петлю.

Потом он снимал соболей с вешалки, отвязывал с их шеи завязки и клал соболей на мужскую юбочку из тюленьей кожи. Обычную юбку из тюленьей кожи нивхи называют *к"оск"ан"*, но эту — *вэск"р.* Ее берут только на соболиную охоту. Для других целей ею пользоваться нельзя. Она передается по наследству от отца к сыну и т. д.

Когда соболи лежат на юбке, охотник прокалывает их носовую перегородку ножом, который употребляется только для этой цели. Он хранится вместе с юбкой из тюленьей кожи. Потом сквозь дырочку, сделанную в носовой перегородке, охотник продевал крапивную нитку, конец ее просовывал в петлю и затягивал ее на носу соболя. Эта завязка называется *ньсыг"пукр.* После этого охотник срезал *ньсых* — края губ и кончик носа соболя вместе с шиткой.

— Это у нас такой закон, — сказал мне Очи, — с медведя, соболя, выдры, лисы мы обязательно срезаем *ньсых* — края губ и кусочек носа, если их шкуры продаем.

Срезав края губ у соболей, охотник снимал с них шкуры. Затем он вытаскивал глаза и проглатывал их. Если соболь в жилище или в шалаше лежит еще целый, постороннему заходить в гости запрещалось.

Когда шкурка снята с головы хотя бы до шеи и глаза соболя проглочены, тогда постороннему зайти позволяют. Считается, что если посторонний войдет в охотничий шалаш в то время, когда глаза соболя еще не проглочены, то соболь в следующий раз не захочет войти в петлю. Шкуры, снятые с соболей, охотник натягивал на распялки и сушил их.

В старину соболя ловили еще и при помощи ловушек, устраиваемых в дупле, специально вырубленном для этой цели в стволе дерева. Такая ловушка называлась *х'а* и встречалась в двух разновидностях: *тафа* и *руспих'а.*

До окончания охоты есть мясо зверей нельзя. Это можно было делать только после окончания охотничьего сезона.

Когда это время наступало, производили смену глины в очагах в летних жилищах. Старую глину с очага снимали и выносили из жилища, а новую вносили, насыпали и равномерно распределяли ее по очагу.

После этого женщины приготовляли студень.

Затем в большом подвесном котле варили мясо добытых зверей. Когда оно было готово, поперек задней части очага клали доску. После этого головы соболей, и белок, и выдр, и лисиц вытаскивали из котла и укладывали на эту доску. Примечательно, что голову медведя помещают на заднюю нару. Однако мелкие звери сознанием охотника воспринимаются как нечто меньшее по рангу и поэтому их помещают не на заднюю нару, как медведя, но вблизи нее — на заднюю часть очага. Нетрудно представить себе, какая торжественная обстановка должна была царить в это время в жилищах нивхов. Головы ценных зверей, обеспечивающих жизнь нивхов, находятся как бы в гостях в жилище охотника-нивха. Как же их не принять в этом случае должным образом и не угостить! И вот нивхи несут к ним и студень, и сарану, и пучку и кладут их возле каждой головы. Этот обряд называют *н"азонк"рмутнд* — «укладыванием головы зверя на подушку». Затем нивхи заворачивают сарану в пучку, перевязывают сверток и кладут его в пасть каждой головы.

Итак, подле сваренных и безглазых голов лежат угощения, а в пастях их торчат сверточки сараны и пучки. Ну можно ли при таком деликатном обращении думать о том, что звери обидятся на нивхов? Вне всякого сомнения, они должны, по анимистическим представлениям нивхов, уйти от них очень довольными и рассказать в лесу своим друзьям, как хорошо с ними нивхи обошлись!

После этого чужеродки, т. е. сестры охотников, и хозяйки жилищ — жены охотников делят между собой мясо зверей и едят его. Когда чужеродки (сестры и другие женщины) съедят мясо, то они сараной и пучкой обвязывают обглоданные кости, как своего рода благодарность за угощение. Хозяйки жилищ принимают от них эти кости. Объеденные нижние челюсти они присоединяют к объеденным головам и «кормят» их, т. е. всовы-

вают в их рты немного студня, сараны и пучки. Чужеродки возвращаются в свои жилища. Хозяйки свои котлы, поварешки, черпаки, берестяную посуду вычищают и относят в амбар.

Все кости промысловых зверей, добытых осенью и зимой, собирают и хранят до весны. Весной, когда тает снег, жены охотников приготовляют студень, варят рис. Потом охотники уносят кости в лес и ищут там дуплистое дерево, в котором продалбливают отверстие. Затем они настругивают обыкновенные стружки и *инау*. Простые стружки вставляют в носовые отверстия черепов, а *инау* — в их скуловые отверстия. Потом они в последний раз кормят головы зверей, обмазывая их черепа студнем и рисовой кашей. Затем их вместе с другими костями опускают в дупло. После этого туда бросают куски студня и рисовой каши и наставляют головы и кости зверей словами: «Своих отцов, своих матерей, своих братьев и сестер позовите, все вместе едите!» *(п'ытхунлё, п'ымкхунлё, п'рувгунлё, азвэ, роньхарн" иньвэ)*. После произнесенного напутствия дыру в дуплистом дереве затыкают.

Все, что остается от принесенного угощения, — и студень и рис — съедают вместе мальчики и взрослые мужчины.

Потом все возвращаются в свое селение.

«Поклоняясь животному, первобытный человек сразу (а не постепенно) усматривает в нем антропоморфное существо, существо по образу и подобию своему», — писал Л. Я. Штернберг [27, 193]. Между тем у нивхов во всех их отношениях к промысловым животным — соболям, выдрам, лисам, оленям — невозможно обнаружить никаких элементов преклонения. Будучи анимистами, нивхи стремятся не оскорбить добытое ими животное и сделать все, чтобы оно не обижалось на них. Поэтому-то они с почетом провожают их, складывают их кости вместе с черепами в дупло дерева, обмазывают их в последний раз такой превосходной и дорогой едой, как рисовая каша, и просят их съесть угощения вместе со своими сородичами. После такого превосходного приема, они, по мнению нивхов, конечно, возвратятся к ним. Для возрождения же их все части их скелета хоронят в дереве.

Нивхи никогда не станут без особой нужды убивать какое бы то ни было живое существо либо дразнить его.

Они рассказывают, что постоять за себя может даже синица.

— Однажды охотник, — рассказывают нивхи, — шел по лесу и увидел синичку. Он стал ее дразнить. Тогда синичка напала на него. Он стал ее бить, но каждое перышко превращалось в новую синичку, и они с умноженной силой кидались на него, так что он едва спасся от них.

Разве не понятен нравоучительный смысл этой сказки, которую нивхи называют *т'ылн"гунд* — «преданием»? Не тронь ничего живого, не обижай ничего живого — даже синичку, потому что и она может постоять за себя! С другой стороны, у нивхов есть сказка об охотнике и муравьях.

«Раз охотник шел берегом реки. Вдруг он увидел плывущую коряжину с муравьями. Он вытащил ее на берег и ушел. Однако муравьи его не забыли. Однажды он шел по лесу, нес с собой мелкую буду, а она понемногу высыпалась из дырочки в мешочке. Когда пришла пора есть, то у него не оказалось еды. Тогда-то муравьи пришли ему на помощь: они собрали крупинки и принесли их ему».

Отсюда вывод: помогай всему живому!

У нивхов есть предания и о том, как нивх помог тигру, попавшему в беду, и тигр отблагодарил его, и о том, как нивх помог медведю, и тот отдал ему в благодарность свою сестру в жены, потому что медведи, по представлениям нивхов, тоже люди.

Охотник-анимист как бы говорит: «Все живое в природе живет подобно людям. Люди не любят, когда им делают зло, и мстят за причиненное зло. Следовательно, надо быть деликатным и вежливым со всем живым миром и всячески выказывать свое уважение к живому, даже если ты вынужден его умертвить. Живи с живым в мире!» Эта философия несложна, но, не постигнув ее, трудно понять мотивы поступков древних охотников по отношению к животным.

ОХОТА НА МОРСКОГО ЗВЕРЯ

5 августа. Нивхи, живущие по Тыми, получают продукты морского промысла, тюленьи шкуры и тюлений жир от нивхов Охотского и Татарского побережий Са-

халина. Взамен они снабжают их волокнами гигантской крапивы. Нивхам Охотского побережья они сплавляют также заготовки лодок из тополя. Этот обмен продуктами осуществляется в форме обменного дарения. Нивх, который нуждается, например, в тюленьей шкуре, может послать знакомому нивху Охотского побережья волокна крапивы или собаку, а тот уже догадывается, что человек, пославший ему дар, в чем-то нуждается. От соседей либо из намеков пославшего он узнает, что тому нужно, и посылает ему соответствующий предмет.

Все нивхи, живущие на побережьях, занимаются охотой на тюленей и белух[44]. Опишу один из наиболее интересных способов охоты на тюленей при помощи плавающей остроги *тла*. Этот вид охоты начинается на заливах Охотского побережья Сахалина как только они освобождаются ото льда. Поразительно умение нивхов определять породу тюленя по одной форме его головы, показывающейся над водой. Голова сивуча, по их словам, тупая, а у других тюленей — острая. О молодом сивуче один нивх сказал, что он выскакивает из воды и «как бочка стоит», разглядывая интересующий его предмет, а старый сивуч так не поступает и ведет себя беспокойно, когда заметит людей. Нивхи говорят, что тюлень породы *к"ад* спит, высунув голову из воды. Они знают, каким криком можно вызвать любопытство тюленей и подманить к себе. Так, молодого сивуча *(амсп)* нивхи подманивают криком «урурруру», а большого — звуком «уъ», произносимым через нос. Маленького тюленя породы *маськ"н"а* подманивают криком «пу, пу».

Один нивх мне при этом сказал, что можно им кричать и *по*, потому что «они неграмотные — все равно слушают». При подманивании тюленя *к"ад* издают низкий ревущий крик *гаъп*, причем первый звук издается не полостью рта, а грубым трением воздуха о гортанные связки. Кроме того, для возбуждения любопытства тюленя свистят, если это старый сивуч, либо ударяют рукой или веслом о борт лодки, если это тюлень помоложе. Сперва молодой тюлень ныряет, но затем высовывает голову из воды, чтобы удовлетворить любопытство. Этого-то и добивается охотник, который кружит на своей лодке вблизи места, где появился тюлень. В конце концов последний попадает на острие его плавающей остроги.

Плавающая острога *тла* состоит из четырех частей: рукоятки, направляющего приспособления, железного наконечника и длинного тонкого ремня.

Рукоятка плавающей остроги равна примерно двадцати маховым саженям (примерно 35 *м*). Она состыковывается из четырех-пяти палок. Каждая из них должна быть около четырех маховых саженей (7 *м*.). Форма палок круглая. Они гибки, тонки и обтесаны удивительно ровно. На концах палок имеются срезы, сделанные под очень острым углом. Поверхности срезов подогнаны очень точно. Когда палки соединяются друг с другом плоскостями этих срезов, кажется, что они части одной палки, разрезанной пополам. Места соединения палок умело и крепко перевязываются тонкими ремешками. Так составляется тонкая и гибкая рукоятка остроги. Материалом для нее служит только наружный слой лиственницы. Длина рукоятки остроги Кельма, которую я описываю, равна примерно 35 *м*.

Самая важная часть остроги — *лах*, т. е. ее направляющее приспособление. Его задний конец называется *лумнин*", средняя часть — *лах*, а передняя — *ногс*. Длина направляющего приспособления остроги Кельма равна пяти пядям (примерно 95 *см*), а самая широкая его часть не превышает одной пяди. Нижняя сторона направляющего приспособления выстрогана таким образом, что вдоль ее центра проходит небольшой ровный киль. От киля к наружным сторонам внутренняя часть дерева выбрана так, что киль слегка выдается над краями нижней стороны направляющего приспособления. Верхняя сторона направляющего приспособления гладкая, чуть-чуть покатая в обе стороны. В центре верхней задней части приспособления сделана ложбинка, по обеим ее сторонам — две пары отверстий, направленных к центру приспособления под углом. Они не сквозные, но каждая пара отверстий все-таки соединяется друг с другом внутри приспособления. В ложбинку вкладывают хорошо пригнанный к ней конец древка остроги, который крепко привязывают к приспособлению орлиными перьями. Для этой цели берут только наружную часть пера, так как внутренняя, обращенная к телу орла, ломка. Технический гений нивхов отыскал в окружающей его природе такой материал, который не подвергается размоканию. В конце прикрепленного таким способом куска

древка остроги сделан косой срез, к которому прикрепляется вся состыкованная рукоятка.

Передняя часть приспособления чуть-чуть шире задней и имеет довольно крутое закругление, переходящее в длинное, выдвинутое вперед острие. Последнее приподнято немного вверх, а затем идет как бы параллельно верхней стороне приспособления. Направляющее приспособление изготавливается из ели, а выступающее вперед острие — из березы. Чтобы вставить это острие, в центре передней части приспособления под очень острым углом вырезают щель, куда входит точно пригнанная к этому месту березовая вставка. В направляющем приспособлении остроги Кельма это острие было подогнано к приспособлению с удивительной тщательностью.

Для изобретения направляющего приспособления нужен был гениальный ум. Примечательным кажется мне то, что в лодках нивхов нет киля, а для направляющего приспособления они его изобрели. Находясь на воде, приспособление чуть-чуть колеблется и кажется живым. Мизгун говорил, что сделать направляющее приспособление очень трудно: у некоторых оно получается так, что идет под воду и им невозможно бить тюленя, но если оно сделано хорошо, то держится на воде и подвижно, как рыба.

На березовый конец направляющего приспособления надевают железный, поворотный наконечник. В отличие от стрелы он имеет сбоку еще один выступ в виде небольшого крюка. Этот выступ расположен в другой плоскости, чем режущая плоскость стрелы. Когда направляющее приспособление приближается к тюленю, его продвигают вперед и вонзают в тюленя. Вонзившись, наконечник вместе с выступом погружается в его тело. Животное рванувшись, могло бы сорваться с наконечника и убежать, но выступ, идущий в иной плоскости, чем режущие грани стрелы, задерживается под кожей либо в мышцах подобно крюку и не дает возможности освободиться животному от этой железки. Однако разум морских охотников учел, что раненое животное может нырнуть и скрыться в водных просторах моря, где охотнику на утлой лодчонке не угнаться за ним. Следовательно, надо сделать так, чтобы животное не уплыло и не унесло с собой драгоценное орудие. Тогда охотники создали новое усовершенствование: они сделали нижнюю часть

наконечника в виде овала и тем самым получили возможность надеть его на древко. Кроме того, они сделали там же, в нижней части наконечника, отверстие, сквозь которое продели конец тонкого длинного ремня и завязали его. Теперь уже зверь от охотников уйти не мог. Рванувшись после удара, он срывал с древка наконечник и погружался в пучину. Но далеко уйти ему не удавалось, потому что конец длинного ремня находится в лодке охотника.

Для того чтобы плавающей острогой можно было управлять, к носовой части лодки прикрепляются два крыла. В конце одного из них сделано отверстие, в которое вставляется свободно вращающаяся в нем деревянная вилочка. На эту вилочку укладывают рукоятку остроги. Другую вилочку, более крупных размеров, укрепляют на той же стороне лодки посередине борта. Охотник выезжает в залив. Передняя часть остроги покоится на вилочках, а задняя плывет по воде за лодкой. Словно змея извивается за ним его гениальное творение. Он выезжает на фарватер и продвигает половину рукоятки вперед. Теперь уже лопаточка и хвост остроги находятся в воде. Середина ее покоится на крыле и борту лодки, изящно спустившись с обеих сторон в воду. Охотник старается двигаться по заливу без лишнего шума — он весь напряжен и ждет. Наконец, где-то над водой показывается точка — голова тюленя.

Нивхи хорошо знают любопытство этого животного. Как только оно появляется над водой, рулевой ударяет веслом о борт лодки и издает крик. Я часто слышал, как несется по заливу крик охотника. Привлеченный криком или стуком тюлень на мгновение задерживается и смотрит в сторону охотника, не видя незаметного и быстро приближающегося к нему приспособления со смертоносным железным наконечником. Быстрым и сильным движением рук охотник продвигает направляющее приспособление вперед и вонзает острие в тюленя. Чаще всего животное несколько раз уходит от охотника, ныряет в воду, но в конце концов попадает на его острогу.

Когда острога попадает в тюленя, он мгновенно ныряет в воду, унося с собой вонзенное в его тело железное острие, прикрепленное к ремню. Но как бы он теперь ни рвался, ему не сорваться с длинного ремня. Охотник под-

тягивает тюленя на ремне к себе и ударом деревянного молота разбивает ему голову.

Деревянный молот, которым убивают тюленя, очень интересен. Он короток и сделан из одного куска дерева. Ручка его тонка. На ударном конце его, выдающемся над молотом, вырезана голова животного — тюленя или рыбы. Деревянному молоту в конце ручки придается кругловатая форма. Удар молота проламывает кости черепа.

Управлять плавающей острогой не просто. Этому искусству надо учиться. Мизгун говорил мне, что если тюлень нырнет в двух маховых саженях от его остроги, он быстро погружает плывущее приспособление боком в воду и под водой уже вонзает в туловище тюленя наконечник. Изредка встречаются охотники, говорил он мне, которые под водой попадают в животное наконечником и в том случае, когда оно ныряет на расстоянии трех маховых саженей от наконечника остроги, но он, Мизгун, таким умением не обладает.

Изучив замечательную плавающую острогу нивхов, видя, с какой ловкостью они с ней обращаются, нетрудно понять, что добыча тюленя обусловливается, с одной стороны, качеством орудия, а с другой — мастерством охотника.

Однако нивхи придерживаются в этих вопросах иного взгляда. Однажды я сидел в жилище Моклея. Через некоторое время он вернулся с охоты на заливе, не добыв ни одного тюленя. Он был расстроен. Потом он высказал мне причину своей неудачи: «Ни один нерпа близко моя лодка не ходи. Однако нерпа сердится». Таким образом, свою неудачу Моклей объяснял тем, что тюлень на него сердится и не хочет пойти на смертоносное острие его остроги.

Весной, когда залив очищается ото льда и нивх впервые выезжает со своей гениальной острогой охотиться на залив, он бросает в его воду стебель пучки, сарану, горох, табак, а потом просит тюленя: «А! Моему табаку подобно вынырни! Пожалей меня! Глаз не имея, у кончика моего весла вынырни! *(А, ньрамх потьир пуя! нён"аръя! няхняхтьи к"авыгарр кикраг"ух пуя)*. Другие же нивхи просят тюленя по-иному: «Подобно моему табаку хорошо плавая (хорошо держась на поверхности воды), напротив (посередине) носа лодки вынырни!».

Сравнивая гениальную остроту нивха и его беспомощные обращения к тюленю, можно прийти в замешательство. С одной стороны, мы видим человека, обладающего замечательным разумом, человека, который прекрасно знает и учитывает свойства различных пород деревьев — лиственницы, ели, березы, который предпочел орлиное перо всем другим материалам для прикрепления приспособления к древку, который создал прекрасное комбинированное орудие, свидетельствующее о большом, о мыслящем уме. С другой стороны, мы видим, что он, с нашей точки зрения, совершает нелепости — бросает тюленю табак и просит его: «Пожалуйста, поплавай на поверхности воды, вроде листка или крошек табака, чтобы мне было ловчее воткнуть в тебя острие своего замечательного орудия».

Первое время я приходил в замешательство от подобного поведения нивхов, пока в конце концов не понял, что эти поступки с точки зрения их анимистического миропонимания вполне логичны. Гениальная острога — это одно. Мир же животных, за которыми он охотится, — это другое. Для анимиста тюлень такое же живое существо, как он сам. Как же в этом случае не попросить тюленя о том, чтобы он проявил сочувствие к охотнику и добровольно пошел на его острогу? С точки зрения анимиста эта дополнительная просьба не только не унижает его охотничьего мастерства, но лишь усиливает его позиции в благополучном исходе промысла.

Добыв тюленя, нивх обращается с ним, как и с любым живым существом, соблюдая определенные, узаконенные религиозной традицией правила.

Если тюлень добыт во льдах моря во время весенней охоты, охотник прежде всего разрезает его глаза, вынимает хрусталики и оставляет их на льдине. Там же оставляет желчь тюленя. Ее не кладут просто на льдину, но предварительно помещают в футляр из стружек, настругапных из прутьев тальника, которые охотник берет с собой в море. Если же тюлень добыт летом, то хрусталики кладут в специальную чашку *т'ын"синирн"* — «чашка для складывания хрусталиков глаз».

Голову тюленя отделяют от туловища вместе с двумя шейными позвонками, а шкуру освежевывают только до глаз. Начиная от глаз, шкуру с морды тюленя не снимают.

Когда тюленя привозят в жилище, его голову обрабатывает жена либо мать охотника. Прежде всего она вырезает из нее горло вместе с языком. Затем принимается за череп. Если он не разбит, она разбивает его деревянной колотушкой и извлекает мозг, который едят сырым. Чтобы нижняя челюсть не отвалилась, ее привязывают к верхней травой *к"он"г:он"*, растущей на берегу. Такая перевязка называется *п"ала"ур*. Затем голову варят.

Когда голова тюленя сварится, у него выщипывают усы и складывают их отдельно или в чашку с хрусталиками. Мясо с головы тюленя дают объесть сестрам и дочерям, которые считаются у нивхов чужеродками.

Когда мясо с голов съедено, нижнюю челюсть привязывают к черепу той же травой. Затем мужчины выстругивают из тальника специальные стружки — *ухрусьпр,* которые втыкают в носовые отверстия тюленя. Затем берут бруснику и ее соком окрашивают стружки в красный цвет. Потом в пустые глазницы вставляют корнеплоды сараны. Теперь голова готова к погружению в море. Опускать головы в море можно только после того, как все охотники закончат охоту на тюленя.

Если тюлень был добыт не во время весенней охоты, то череп вместе с хрусталиками глаз, желчью, грудиной *(луврн"аньг"ф)* и выщипанными усами опускают с берега в море. Если около берега уже установился лед, во льду продалбливают лунку и опускают туда голову.

Этот обряд погружения головы в море называется *г ойруд.* На материке в селении Куль он совершается женщинами. При погружении ими голов тюленей в море я присутствовал. По количеству опущенных голов с берега брали по камешку, уносили в жилище и клали на очаг, словно плату духу — хозяину огня за помощь в охоте.

Первого тюленя, особенно первого сивуча, добытого весной, ни один нивх не съест в своей семье. Он должен поделиться им не только со своими сородичами, но и со всеми жителями селения. Себе охотник оставляет только те части животного, которые по религиозному обычаю требуется опустить в море. Все остальное он варит и делит между всеми семьями. Затем дети либо жена разносят кусочки угощений. Этот прекрасный обычай называется *ан"стунд.* Хозяйка семьи, куда принесли угощение, молчаливо берет чашку, перекладывает в свою посудину

принесенное, а взамен него кладет палочку, корнеплод сараны или стебель сушеной пучки. Это она *ускрайд* — «плату делает». Точно так же поступают с убитой собакой. Нельзя не поделиться с соседями такой вкусной едой, так как односельчанин может от этого, по представлениям нивхов, даже заболеть, как нельзя выпустить из жилища гостя, предварительно не накормив его и не угостив своим табаком.

СОБАКОВОДСТВО У НИВХОВ

10 августа. Нет ни одного жилища нивхов, возле которого не были бы привязаны к шестам собаки. Они неотъемлемый атрибут их жизни. Представить нивхов без собак невозможно.

Собака — единственное средство передвижения нивхов в зимнее время. В этом состоит ее важнейшее назначение в их жизни. Остальные ее функции развились на этой основе.

Хозяйственное значение собак огромно. В зимнее время на них возят дрова, ездят из зимних селений в летние за юколой, жиром и другими продуктами, хранящимися в амбарах. На Татарском побережье Сахалина собак впрягают даже в лодку. Потяг привязывают к носовой части лодки, к борту, обращенному к берегу. Собаки бегут по берегу, у самого края воды. Регулирование движением лодки зависит от рулевого.

Нивхи стараются не допустить смерти собаки от старости. Когда собака становится непригодной для работы, ее откармливают и убивают. Мясо съедают, а шкуру используют для одежды.

Собаки — одно из наиболее распространенных средств обмена между нивхами. За собак можно выменять лодку, тюленьи шкуры, жир, серебро, шелк, служащие для выплаты калыма. По количеству имеющихся у нивха нартовых собак можно часто определить, богат ли хозяин этих собак или нет. Богатый нивх может иметь две упряжки нартовых собак, а бедняк не имеет даже одной полной упряжки. Для нее ведь надо иметь не меньше девяти собак. Когда нивху, не имеющему полной упряжки, надо куда-нибудь ехать, он одалживает у других недостающее ему количество собак, возмещая потом эту помощь точно такой же услугой.

Общественная жизнь нивхов в зимнее время возможна только с помощью собачьего транспорта. В это время они преодолевают большие пространства, ездят друг к другу в гости. Большую роль в общественной жизни нивхов играли состязания на собаках, устраиваемые в зимнее время между представителями различных родов. Не далее как 40—45 лет назад на Охотском побережье Сахалина эти состязания проходили даже на отрезке в 60 верст (65 *км*) между селениями Чайво и Ныйво. Одновременно из Чайво выезжало несколько празднично украшенных нарт. Путь их лежал через Лярво, Тыгсыч, Так"рво до Ныйво. Доехав до условленного места, нивхи поворачивали назад и мчались обратно. Побежденного они встречали с прутьями в руках и били его собак, чем повергали его в большое смущение.

На состязаниях собак, происходящих во время медвежьего праздника, всегда присутствует большое количество нивхов не только из селения, где происходят эти состязания, но и из соседних селений.

Собака — единственное средство уплаты штрафа за нарушение религиозных установлений. Нивх, совершивший какое-либо религиозное нарушение по отношению к другому нивху, обязан дать последнему *ч'ох"к"анн"* (букв.: «кровавая собака»). Пострадавший убивает ее и тем самым, по его представлению, отводит грозящее ему несчастье.

В качестве примеров, когда человек человеку обязан дать искупительную собаку, нивхи приводили такие возможные случаи.

Если сестра переступит через протянутую ногу брата или заденет полой своей одежды его лицо, что может случиться, когда она проходит мимо спящего на наре брата, или попадет в него плевком, то во всех этих и подобных случаях она обязана дать брату искупительную собаку, которую она, как чужеродка, должна взять в чужом роде.

Если зять плюнет, выругает, ударит по лицу, помочится на ногу или одежду или переступит через ногу тестя, то он обязан дать тестю искупительную собаку.

Если присутствующий на медвежьем празднике нивх, чужеродец или родственник, поломает священный нож, которым режут мясо медведя, порвет ремень, попортит посуду, употребляемую на медвежьем празднике, или

нечаянно кольнет ножом жилище, в котором происходит праздник, и т. д., т. е. нарушит табу, тогда он дает искупительную собаку хозяину медвежьего праздника. Убиением этой собаки хозяин предотвращает возможность дурных последствий.

При входе в чужое жилище нельзя падать. Если же гость споткнется и упадет, он обязан дать хозяину дома искупительную собаку. Собаку удушают на одной из балок жилища, а голову ее вместе с лапками вешают над дверью или на задней стене.

Если передовая собака въезжающего на нарте в селение нивха вбежит в сени чужого жилища, он обязан дать его хозяину искупительную собаку. Если кто-нибудь порвет потяг или переступит через него, то хозяину этой упряжки также необходимо дать искупительную собаку.

Если нивх испортит очаг в чужом жилище, он обязан дать хозяину его искупительную собаку, которую тот убивает, посвятив хозяину очага.

Если нарушено какое-либо табу, касающееся духов воды, то приносят в жертву искупительную собаку, посвященную им. Если же нарушено табу, касающееся духов гор, — то собаку, посвященную духам гор. В обоих случаях чисто человеческие взаимоотношения перенесены нивхами в область отношений с духами.

Роль собаки во взаимном дарении у нивхов полностью объясняет ее функцию в религиозных жертвоприношениях. Если нивх дарит другому нивху собаку и ждет за это какого-то ответного дара, то точно так же он дарит ее горному человеку-духу или водному человеку-духу. Хотя они и являются плодом его воображения, он глубоко уверен в их существовании и, подарив кому-либо из них собаку, он, естественно, ждет, что каждый из них, подобно тому, как это делают нивхи, ответит на его дар каким-либо другим даром: пришлет соболей, выдр, медведей, тюленей, рыбу и т. д. «Гиляк, — писал Л. Я. Штернберг, — всегда приносит каждому богу в жертву лишь то, чего этот бог сам не имеет, а хозяин тайги имеет сколько угодно медведей. Ему нужны собаки, рыбы, табак, сахар, ремни, стрелы — их и дает ему гиляк», [27, 70]. Взамен этого в силу принципа обменного дарения он хочет получить все ему необходимое от духов леса и воды моря.

Каждый нивх содержит три священные собаки: соба-

ку, посвященную духам гор, собаку, посвященную духам воды, и собаку, посвященную хозяину огня. Сущность посвящения собаки духам гор или воды состоит в следующем. Нивхские роды и отдельные их члены систематически производят кормление духов гор, воды и огня. Для этих кормлений приготовляется студень. Все, из чего он изготовляется, принадлежит духам, для которых его делают. Поэтому остатки от его приготовления в виде рыбьей чешуи, обрезков кожи, отвара и прочего отдаются соответствующим собакам на съедение. Так, если кормят духов воды, то эти остатки скармливаются собаке, посвященной воде. Если кормят духов гор, то они скармливаются собаке, посвященной горам. Если же кормят хозяина огня, то их отдают собаке, посвященной огню. Нивх, выкармливающий медведя, содержит собаку, посвященную медведю. Ей он скармливает остатки еды, которая приготовляется зверю. Когда медведя убивают на медвежьем празднике, то потом убивают и собаку, которая вместе с ним ела. Собаки, посвященные тем или иным духам, ничем не выделяются от прочих собак. Их запрягают в нарту наравне с другими нартовыми собаками. Когда же они состарятся, их принесут в жертву соответствующему духу. Последний, по представлениям нивхов, довольствуется душой собаки, а ее мясо и шкуру нивх берет себе.

Нивхи в своем воображении связывают собак не только с духами, но и с реальными людьми. С каждым человеком считается связанной собака, шерстью которой ему обвязывали лучезапястные суставы при его рождении. Связанной с человеком считается и собака, которой скармливают его молочные зубы. Остается как-то связанной с человеком и собака, в которой, по представлениям нивхов, после смерти временно живет его душа. Роль собаки в религиозной жизни нивхов огромна.

Первая собака, по одному преданию, упала на землю с неба. По другому преданию, собаки живут будто бы в отдельном загробном мире. В фольклоре лохматая сучка дает советы нивхам, как им следует поступать в трудных случаях.

Собака — первое животное, приручение человеком. Это событие произошло еще в эпоху палеолита. Возможно, что к этому времени относится приручение собаки и предками нивхов. Значит, это было много-много тысяче-

летий назад. Только тем, что она была приручена ими в очень далекие от нас времена, можно, вероятно, объяснить то, что собака, по представлениям нивхов, обитает на солнце и на луне, что она является лучшим вместилищем для души человека после его смерти, что ей отдают на съедение молочные зубы человека, что голова собаки охраняет то жилище, в котором она висит, что дух собаки живет вместе с людьми в зимнике и оберегает его, что кровь собаки очищает брата от менструальной крови сестры. Везде и всюду в жизни нивхов собака охраняет человека от бед, от зла, и даже шерсть ее, повязанная на ручки и ножки младенца, охраняет его от беды и т. д., и т. п. Собака словно заполнила всю жизнь нивхов.

Таким образом, если исследовать роль собаки в жизни нивхов, то можно составить большую книгу [45].

СИСТЕМА СЧЕТА

20 августа. У нивхов существует исключительно интересная система предметного конкретного счета. У них нет слова для обозначения абстрактного понятия «равный», но есть ряд слов для обозначения конкретных равенств. Нет у них и числительных для счисления абстрактных количеств, но зато есть примерно тридцать разрядов числительных для обозначения конкретных количеств [46]. По этой причине ни один нивх не может вспомнить и перечислить всех разрядов количественных числительных, имеющихся в его языке. Когда я просил перечислить их, чаще всего приводились числительные *няк"р — «один», мек"р — «два»* и т. д., поскольку при их помощи можно сосчитать наибольшее количество предметов. Сами нивхи могли вспомнить еще три-четыре других разряда для счета тех или иных предметов и на этом останавливались. Когда же я называл предмет, они немедленно приводили разряд числительных, с помощью которого можно было сосчитать все предметы данного вида. Система конкретного предметного счета у нивхов так тесно переплетена с их бытом, что выявить ее оказалось возможным только в результате соответствующего этнографического исследования. Изучая различные предметы и явления жизни нивхов, я неожиданно узнавал, что для счета этих предметов и явлений имеются специаль-

ные разряды числительных. Чтобы разобраться в том, как считают нивхи, стал, наконец, называть им предмет за предметом и выяснять, к каким разрядам числительных каждый из них относится. В результате выявилась любопытнейшая картина.

Для удобства разряды нивхских количественных числительных объединены мной в следующие смысловые группы.

I. Количественные числительные для счета предметов разной формы:

1) мелких круглых предметов (наконечников стрел, пуль, дробинок, зубов, корнеплодов сараны, кедровых орехов, ягод, икринок, яиц, пальцев, кулаков, камешков, звезд, монет, пуговиц, бусинок, мячиков, медных украшений для обшивки женских платьев, кисетов, бутылок, тюленьих желудков, капель воды, топоров и др.) — *ник* («один»), *мик* («два»), *тех* («три»), *ных* («четыре»), *т'ох* («пять») [47];

2) длинных предметов (деревьев, кустарников, корней, стеблей растений, трав, юколы из внутренних частей рыбы, морской капусты, тропинки, дороги, ребер, кишок, волос, ниток, спичек и др.) — *нех* («один»), *мех* («два»), *тех* («три»), *ных* («четыре»), *т'ох* («пять»);

3) плоских тонких предметов (листов маньчжурского табака, листов бумаги, листов коры для крыши, листов кровельного железа, листов фанеры, листьев деревьев, растений, одеял, парусов, циновок, рубашек и др.) — *ньрах* («один»), *мерах* («два»), *тьрах* («три»), *нрых* («четыре»), *т'орах* («пять»);

4) парных предметов (глаз, ушей, щек, рук, ног, лыж, весел, берестяных ведер для воды, тормозных палок для старинной нарты, инструмента для свивания веревок, нарты, следов ног, рукавиц, штанов, наколенников, обуви, рукавов, нарукавников, наушников, серег, сторон реки, пары юкол, полученных из пластов снятых с кожей с боковых сторон одной рыбы, ластов тюленя. Некоторые из перечисленных предметов являются как бы усовершенствованным продолжением и развитием отдельных сторон деятельности рук и ног) — *ньваск"* («один»), *мевск"* («два»), *тьфаск"* («три»), *нвыск"* («четыре»), *т'оваск"* («пять»).

II. Количественные числительные для счета живых существ, семейств, поколений:

1) людей, горных людей-духов, водных людей-духов — *ненн"* («один»), *менн"* («два»), *тяк"р* («три»), *ныри"* («четыре»), *т'орн"* («пять»);

2) семейств — *ньишн"к* («один»), *мишн"к* («два»), *тешн"к* («три»), *ныщн"к* («четыре»), *т'ошн"к* («пять»);

3) поколений — *несьвах* («один»), *месьвах* («два»), *тесьвах* («три»), *нысьвах* («четыре»), *т'осьвах* («пять»);

4) животных, рыб, птиц, пресмыкающихся, земноводных, насекомых, злых духов — *нян* («один»), *мар* («два»), *тяк"р* («три»), *нур* («четыре»), *т'ор* («пять»). Десятки живых существ обозначаются числительными — *мх"он"* («десять»), *мех* («двадцать»), но десятки рыб — *мех"ос* («десять»), *мехс* («двадцать»).

III. Количественные числительные для счета некоторых орудий лова рыбы и тюленей:

1) сетей — *нео* («один»), *мео* («два»), *тео* («три»), *ныу* («четыре»), *т'оу* («пять»);

2) неводов — *ньвор* («один»), *мевор* («два»), *тьфор* («три»), *нвыр* («четыре»), *т'офр* («пять»);

3) неводных полос — *нешк"и* («один»), *мешк"и* («два»), *тешк"и* («три»), *ныщк"и* («четыре»), *т'ошк"и* («пять»);

4) ячей в неводе, сетке — *ниу* («один»), *миу* («два»), *теу* («три»), *ныу* («четыре»), *т'оу* («пять»);

5) палок, из которых делаются древки плавающей остроги (А. д.) — *ньла* («один»), *мел* («два»), *тьла* («три»), *нлы* («четыре»), *т'ола* («пять»);

6) снастей на тюленя (А. д.) — *ньфат* («один»), *мефат* («два»), *тьфат* («три»), *нфыт* («четыре»), *т'офат* («пять»);

7) мест (например, для установки петель на соболя): *нявр* («один»), *мевр* («два»), *тявр* («три»), *нывр* («четыре»), *т'овр* («пять»).

IV. Количественные числительные для счета заготовленной рыбы и жердей для ее заготовки:

1) связок юколы для людей — *няр* («один»), *мер* («два»), *тяр* («три»), *ныр* («четыре»), *т'ор* («пять»);

2) связок корюшки для людей — *ньн"ак"* («один»), *мен"ак"* («два»), *тьн"ак"* («три»), *нурн"ак"* («четыре»), *т'орн"ак* («пять»).

3) связок корма для собак (А. д.) — *ньхуви* («один»), *миг"ви* («два»), *тьхови* («три»), *нуг"ви* («четыре»), *т'уг"ви* («пять»).

4) жердей для сушки юколы — *неск* («один»), *меск* («два»), *теск* («три»), *ныск* («четыре»), *т'оск* («пять»).

V. Количественные числительные для счета средств передвижения:

1) лодок — *ним* («один»), *мим* («два»), *тем* («три»), *ным* («четыре»), *т'ом* («пять»);

2) нарт — *ниш* («один»), *миш* («два»), *теш* («три»), *ныш* («четыре»), *т'ош* («пять»).

VI. Количественные числительные для счета разных материалов:

1) досок — *неть* («один»), *меть* («два»), *теть* («три»), *ныть* («четыре»), *т'оть* («пять»);

2) прядей для веревок — *ньлай* («один»), *мелай* («два»), *тьлай* («три»);

3) связок травы для обуви (А. д.) — *нярвс* («один»), *мервс* («два»), *тярвс* («три»), *ныpвс* («четыре»), *т'орвс* («пять»).

VII. Количественные числительные для счета мер:

1) маховых саженей — *ня* («один»), *ме* («два»), *тя* («три»), *ны* («четыре»), *т'оа* («пять»).

2) пядей — *ньма* («один»), *мема* («два»), *тьма* («три»), *нмы* («четыре»), *т'ома* («пять»);

3) толщина сала медведей и тюленей (а также длины) — *ниух* («один»), *миух* («два»), *теух* («три»), *ныух* («четыре»), *ч'алмвазьр* («одна ладонь»);

4) дневок в пути — *них* («один»), *мих* («два»), *тех* («три»), *ных* («четыре»), *т'ох* («пять»).

Нетрудно заметить, что в группе числительных для счета предметов разной формы отражена попытка человека провести классификацию предметного мира. К какому же времени может быть отнесена эта любопытная классификация? Наличие топора в группе мелких круглых предметов подсказывает нам, что речь идет не о современном железном топоре, а об овальном топоре каменного века. Значит, классификация предметов по чисто внешнему признаку — форме, которая прослеживается в нивхских числительных, представляет, вероятно, одну из древнейших классификаций, созданных людьми каменного века.

Таким образом, и в нивхских числительных обнаруживаются элементы, свидетельствующие, что культура нивхов восходит к неолиту. Каким же образом создавалась такая классификация?

Для ответа на этот вопрос необходимо произвести хотя бы самый простой морфологический анализ нивхских числительных. Они имеют единые корни, но различные окончания. Выделяются корни: 1) *нь-, не-, ня-, ни-;* 2) *м-, ме-, ми-;* 3) *ть-, те-, тя-;* 4) *н-, ны-, ну-;* 5) *т'о-*. Что касается окончаний числительных, то здесь важно отметить следующее: некоторые из них восходят к самостоятельным словам, например: *а* — «маховая сажень», *ма* — «пядь», *ар* — «связка юколы», *хуви* — «связка корма». Следовательно, числительные, с помощью которых исчисляются эти предметы, образовались из сложения корней с полнозначными существительными. Они как бы похожи на русские существительные типа «одностволка» (о ружье), «двухрядка» (о гармони).

Чрезвычайно интересно, что в разряде для счета лодок суффикс *м* образовался от слова *му* — «лодка», полностью сохранившегося в форме *мх"ому* — «десять лодок». Значит, *ним* означает — «одна лодка», а *му ним* — буквально «лодка — одна-лодка». Но эти же числительные употребляются для счета больших котлов с четырьмя ушками (*мланыкрв"ань ним* — «один котел»; букв. «котел—одна-лодка»), следовательно, это древние нивхи взяли для счета котлов и лодок одни и те же числительные потому, что и те и другие полые внутри. Таким образом, основанием для отнесения котла как бы к разряду лодок является чисто внешний признак формы предмета.

Теперь можно подойти к тому, чтобы понять, как образовались в языке нивхов числительные для счета предметов разной формы. Это самые интересные числительные в системе счета нивхов.

Поскольку окончание некоторых количественных числительных образовалось от полнозначных имен существительных, можно допустить, что в числительном для счета мелких круглых предметов конечное *-к* образовалось от названия орудия *к'ы* — «топор». Если это предположение правильно, то словосочетание *к'ы ник* — «один топор» можно этимологизировать как топор — «один топор», а словосочетание *уньг"р ник* — «одна звезда», как «звезда — один-топор». Эта странная, казалось бы, этимологизация дает очень много для понимания того, как осмысляли люди каменного века окружавший их мир, не входящий в сферу их непосредственного опыта. Эти люди

видели, например, звезду, но понять, что это такое, они не могли. Поэтому они на основании поверхностных признаков могли сравнить ее с чем-то таким, что им было известно из их непосредственной практики. Звезда, естественно, представлялась им круглой и поэтому они сопоставили ее с круглыми предметами, с которыми они встречались в повседневной трудовой деятельности. А ими могли быть: ягода, глаз, топор, имевший овальную форму. Вот на основе таких чисто внешних ассоциаций и классифицировались предметы по форме.

Однако далеко еще не все ясно в истории образования этой системы счета. Так, неясно, почему некоторые предметы, находящиеся в индивидуальном пользовании человека, сочетаются не с числительным *няк"р* — «один», а с числительным для счета людей — *ненн"*. К таким предметам относятся: комплект одежды одного человека *(ненн" хэнт)*; материал, идущий на одежду одного человека *(ненн" хэр)*; пара рукавиц одного человека *(ненн" фар)*; пара обуви одного человека *(ненн" ифр)*; пара наушников одного человека *(ненн" млайр)*; пара нарукавников одного человека *(ненн" торпмбар)*; пара лыж одного человека *(ненн" шур)*; пара весел одного человека *(ненн" ихэр)*; комплект орудий, которыми пользуется только один человек, — копье, лук, стрелы, острога, ружье, сеть — *(ненн" ахахр)*; посуда, которой пользуется один человек, — чашка, ложка, китайские палочки для еды *(ненн" рыр)*.

Счет широко используется в быту нивхов. Ими учитывается количество связок юколы, складываемых в амбарах, число юкол, из которых составляется каждая связка, стоимость мехов и драгоценностей для выплаты калыма и многое другое. Широко используются числительные для счета мер при изготовлении обуви, одежды, лодок, жилищ. Примечательно, что ширина пальцев используется и как мера толщины и как мера длины. В первом случае при измерении толщины сала у тюленя или медведя, во втором — в качестве дополнительной меры к пяди при определении размеров выкройки головок для обуви.

В русском языке учитывается одна пядь, определяемая расстоянием между концами первого и второго пальцев. Нивхи же различают три пяди: *кылма* — длинная пядь, определяемая расстоянием между концами первого

и третьего пальцев (19 *см*); *пак"ма* — между концами первого и второго пальцев (17 *см*); *к"овр* — между концом первого пальца и концом первой фаланги второго пальца — 13 *см* (вторая и третья фаланги второго пальца при этом подгибаются). Ширина современных лыж нивхов равна малой пяди — *пак"ма*, а ширина древних лыж нивхов — *к"овр* — самой малой пяди. При изготовлении головки обуви женщина может отмерить по коже самую малую пядь и добавить еще ширину пальца. В этом случае длина или ширина определяются как «самая малая пядь и ширина одного пальца».

При необходимости измерения крупных длинных предметов — лодок, жилищ, ремней — употребляют маховые сажени. Если надо указать меру, превышающую маховую сажень, то тогда используются такие обозначения: *няфур торпн"т'у финд* — «одна маховая сажень с лишком, доходящим до лучезапястного сустава (т. е. две сажени без кисти. — *Е. К.*)»; *няфур томхт'у финд* — «одна маховая сажень с лишком, доходящим до локтевого сустава (т. е. две сажени без длины предплечья. — *Е. К.*)»; *няфур пазр п'оле·дур п'инд* — «одна маховая сажень с лишком, доходящим до бицепса (т. е. две сажени без длины руки до бицепса. — *Е. К.*)»; *няфур пазри н"аг" ризёхти финд* — «одна сажень с лишком, доходящим до плечевого сустава (т. е. две сажени без длины руки до плеча. — *Е. К.*)»; *няфур кузьаканд* — «одна сажень с лишком, доходящим до подмышки (т. е. две сажени без длины руки до подмышки. — *Е. К.*)»; *няфур н"арг"р х·ыта финд* — «одна сажень с лишком, доходящим до половины груди (т. е. полторы сажени. — *Е. К.*)»; *няфу* обозначает одну сажень с лишком.

Знакомясь с мерами длины и толщины у нивхов, еще раз убеждаешься в справедливости установленного наукой факта, что человек впервые стал производить измерения — как и впервые считать — при помощи своего собственного тела [23, 316].

Систему счета нивхов необходимо изучить с исчерпывающей полнотой. Трудно утверждать, что известны все разряды количественных числительных в их языке. Для полноты выявления нужно было бы объездить все селения нивхов и опросить буквально всех — и не только мужчин, но и женщин, на плечах которых лежит огромная забота по хозяйству.

Исчерпывающее изучение нивхских числительных интересно в плане исследования истории счета, проблем истории познания, а также выяснения некоторых религиозных представлений.

Обилие конкретных предметных разрядов количественных числительных послужило препятствием для развития абстрактного порядкового счета. Правда, в сахалинском диалекте, несмотря на обилие количественных числительных, элементы порядкового счета уже начали развиваться. В амурском же — пока еще нет. Когда амурский нивх хочет сказать, например, первое жилище, то он говорит *к'эк"рыхп' идыф* — «жилище, находящееся в верхнем конце селения (по течению реки. — *Е. К.*)» или *ак"рыхп' идыф* — «жилище, находящееся в нижнем конце селения (по течению реки. — *Е. К.*)». Если же он хочет сказать «второе» или «третье жилище», то сначала указывает, в каком конце селения расположено крайнее жилище, а затем уже перечисляет по очереди следующие за ним жилища, пока не дойдет до нужного. Таким образом для того чтобы указать третье жилище, он должен сказать: *к'эк"рыхп' идыф тьый эрк"п' идыф, тьый эрк"п' идыф* — «жилище, находящееся в верхнем конце селения, еще следующее за ним жилище, еще следующее за ним жилище». Таким образом, чтобы назвать только одно отвлеченное понятие «третий» нивх громоздит слово на слово, т. е. выражает это понятие описательным способом.

Отсутствием порядковых числительных у нивхов объясняется также и то, что первая, вторая, третья и т. д. пары весел в лодке, так же, как и первая, вторая, третья и т. п. пары собак в упряжке обозначаются особыми словами.

Нивхи, особенно амурские, довольно давно занимаются торговлей. Тем более кажется странным, что в их языке не развился еще абстрактный — количественный и порядковый счет. По-видимому, древняя числовая система их языка мешает такому развитию. Наибольшей тенденцией к развитию в абстрактную систему счета обладает разряд числительных для счета разных вещей — *няк"р, мек"р* и т. д.

В связи с описанием числительных нельзя не рассказать об интересной мнемонической игре нивхов, связанной со счетом. Она называется *сисит лэрдь* (А. д.) — «рас-

кладывая играть». О ней мне рассказывали Хурьюн и Мытк.

Для игры надо иметь 55 палочек или спичек. Играют двое. В процессе игры палочки раскладываются на плоскости по воображаемым отходящим от центра ее пяти линиям. Центр соответствует как бы середине ладони, а отходящие от нее линии — пяти пальцам с тремя сгибами суставов и концом пальца (первому пальцу, т. е. большому, в игре также приписывается три сгиба). Раскладывание палочек идет от центра к периферии — от центра ладони к концу пальца. Палочки по линиям располагаются в таком арифметическом порядке 5, 4, 3, 2, 1, причем число пять одно — общее для всех пяти ответвлений, а один — это конец пальца. В результате этого и получается сумма 55. Убирают палочки также от центра к периферии.

По условиям игры один раскладывает палочки, а другой сидит к нему спиной и отвечает на его вопросы.

Поскольку раскладывание производится постепенно по пяти линиям, отвечающий должен все время держать их в уме.

При первом заходе раскладывающий задает вопрос: «Куда положил?». На это партнер отвечает: 1. «В пятое место (т. е. в место, общее для всех пяти линий. — *Е. К.*) положил». 2. «В четвертое место положил». 3. «В третье место положил». 4. «Во второе место положил». 5. «В конец положил». Так он отвечает пять раз, пока не уложены палочки по пяти линиям.

При втором заходе раскладывающий снова спрашивает: «Куда положил?». И получает ответ: 1. «В пятое место не положил (так как там уже есть пять палочек.— *Е. К.*)». 2. «В четвертое место положил». 3. «В третье место положил». 4. «Во второе место положил». 5. «В конец не положил (так как там полагается быть всего лишь одной палочке, а она там уже есть. — *Е. К.*)».

Один и тот же вопрос следует непрерывно, а отвечающий должен держать в памяти пять заходов раскладывающего, о которых последний ничего не говорит ему.

В третьем заходе он отвечает: 1. «В пятое место не положил». 2. «В четвертое положил». 3. «В третье положил». 4. «Во второе не положил (так как там должны быть две палочки, а они уже там имеются. — *Е. К.*)». 5. «В конец не положил».

В четвертом заходе отвечающий говорит: 1. «В пятое место не положил». 2. «В четвертое положил». 3. «В третье не положил (так как там должны быть три палочки, а они уже там имеются. — *Е. К.*)». 4. «Во второе не положил». 5. «В конец не положил».

После четвертого захода все 55 палочек оказываются положенными на место. Далее раскладывающий начинает отнимать палочки и в связи с этим задает другой вопрос: «Откуда взял?» Теперь уже он получает ответ: 1. «Из пятого взял». 2. «Из четвертого взял». 3. «Из третьего взял». 4. «Из второго взял». 5. «С конца взял». При втором заходе следуют ответы: 1. «Из пятого не взял (так как там после первого захода по пяти ответвлениям уже палочек не осталось. — *Е. К.*)». 2. «Из четвертого взял». 3. «Из третьего взял». 4. «Из второго взял». 5. «С конца не взял (так как там ничего не осталось. — *Е. К.*)». При третьем заходе отвечающий говорит: 1. «Из пятого не взял». 2. «Из четвертого взял». 3. «Из третьего взял». 4. «Из второго не взял». 5. «Из первого не взял». При четвертом заходе следуют ответы: 1. «Из пятого не взял». 2. «Из четвертого взял». 3. «Из третьего не взял». 4. «Из второго не взял». 5. «С конца не взял». Теперь уже все палочки оказываются убранными. Если отвечая на 110 вопросов, отвечающий ни разу не собьется, он считается выигравшим.

Хурьюн и Мытк сказали, что игра может вестись и без палочек, если их нет. В таком случае спрашивающий тычет пальцем в ладонь и задает вопросы отвечающему, который в это время тоже смотрит на свою ладонь. Этот способ игры, по словам нивхов, требует от обоих играющих очень большого внимания, иначе можно сбиться в вопросах и ответах. Палочки, конечно, облегчают игру.

Нас всех поражает способность выдающихся шахматистов играть с противником, не глядя на шахматную доску. Во время всей игры он удерживает в памяти меняющуюся ситуацию фигур на шахматной доске.

Умение шахматиста вести партию, не глядя на доску, справедливо рассматривается как доказательство его исключительной памяти и высокого интеллекта. Но разве описанная игра, несомненно восходящая к неолиту, не требует того же от играющих нивхов?

Глава III

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ НИВХОВ

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК[48]

3 февраля 1927 года. Через три дня у Паркызина начинается медвежий праздник.

Говоря об этом празднике, нивхи употребляют словосочетание *тыхыф-наг"наг"нт* или *тыхыф-лисьлизьнт*, которые не соответствуют принятому в научной литературе названию «медвежий праздник» [24, 59]. Слово *тыхыф* означает «медведь», *наг"наг"нт*—«лечить», «поправить», «наладить», *лисьлизьнт* — «поправить», «наладить». Следовательно, название праздника у нивхов буквально означает: «медведя наладить» (рис. 8).

Надо быть все время на празднике — ничего не упустить и постараться понять, почему нивхи так называют его.

— Скажи, — обратился я к Флоруну, — почему Паркызин устраивает медвежий праздник?

— Видишь, — сказал он, — у Паркызина сын был — Тамайка. Он умер. Страдал Паркызин по сыну. Весной в лесу Паркызин медвежонка поймал, в клетку его посадил, кормить стал. Целых три года кормил. Теперь праздник будет.

Флорун остановился на мгновение, а потом прибавил:

— Если горе у нивхов есть: сынок умирает или дочка умирает — сердце по ним болит. Тогда мы маленького медведя берем; кормим его; потом праздник устраиваем; гостей зовем; вроде как поминки делаем. Тогда сердце не так болит.

Об этом же говорили нивхи и Л. Я. Штернбергу [28, 60].

Рис. 8. Эпизод из медвежьего праздника нивхов Тыми, устраиваемого в связи с каждым убитым в лесу медведем. Отрезанная голова медведя, лежащая на помосте, украшена специальной повязкой. Слева— священный огонь, на котором жарится медвежье мясо на длинных вертелах, воткнутых у огня в землю. Из коллекции ГМЭ.

Однако возникает вопрос: почему же воспитание звереныша-медвежонка может утолить тоску отца по его умершему ребенку? За этим, видимо, у нивхов должны скрываться какие-то особые представления о медведе.

Тогда я спросил Флоруна:

— А кто такой медведь? Как нивхи считают?

— К старику Воронке из Усть-Агнево вчера приехал Шызн"ыун. Ты его знаешь. Попроси его. Он тебе лучше меня расскажет.

Я отправился к Воронке. Хозяин и гость пили чай. Воронка и мне налил чаю. За чаем разговорились, и я попросил Шызн"ыуна рассказать мне какое-либо предание, в котором бы объяснялось, кто такие медведи. Он согласился и рассказал мне предание.

«Давным-давно осенью один нивх на зверя охотиться пошел. Долго шел. Вдруг сильный ветер поднялся, непогода началась. Ничего не видно... Сбившись с пути; он шел наугад. Запасы пищи, взятые им с собой, иссякли. Голодный он бродил где попало. Так бедствуя, след медведя увидел. По следу пошел. «Хоть его увидел бы, убил бы, поел бы», — так думал. Следом за ним долго шел.

К берлоге пришел. Уже без сил до нее дошел. Отдохнул, копье сунул в берлогу, кольнул, посмотрел, копье до медведя не достало, рукоятка копья короткая. Каким образом медведя извлечь, когда и кольнуть-то его не в состоянии? Молоденькую лиственницу свалил, всунул ее в берлогу, посмотрел, все еще до медведя не достает. Так, бедствуя, подумал: «Как бы ни было, а умирать придется». В берлогу вошел, пошел. Вот удивительно, вход в берлогу преширокий. Все-таки шел, долго шел, наконец на светлое место вышел.

Потом людское жилище увидел, вошел, люди к нашему товарищу [нивху] хорошо отнеслись, нашего товарища накормили. Наш товарищ куда пойдет? В беде оказавшись, здесь остался жить. Долго поживши, подумал, что здесь одно лишь жилище. Людей в нем много.

Однажды хозяева жилища сказали: «Сегодня вон тем [медвежьим] селениям низовские селения [т. е. нивхи. — *Е. К.*] еду делать будут. Вот другие роды часто еду получают, а мы-то когда еду видим? Наши товарищи-то [нивхи] нас не кормят, людей у них мало. Вот у тех родов-то людей много, потому их кормят».

Через какое-то время из жилищ, которые нашему товарищу не видны были, угощения — *ан''стунд* принесли: и холодец, и толкушу, и рис, и табак — все принесли. В жилище, в котором наш товарищ находился, обрадовались. Угощения в свою посуду переложили. Плату дали — *ускрайта*. Женщина, принесшая угощения, ушла. Вот теперь эти люди и студень и толкушу бережно, как сладость, ели. Так жил. Вдруг эти люди сказали: «Наши сородичи сегодня кормить нас будут!». Очень обрадовались. Посуду, в которую кладут угощения, приготовили, помыли [почистили] и деревянные корыта и берестяные корыта приготовленными держали. Вот они в переднюю часть жилища, к двери, побежали и деревянные корыта и берестяные корыта там поставили. Наш товарищ сквозь отверстие двери (вдруг свое селение) увидел: его сородичи *инау* готовят. Каждый нивх отдельно *инау* готовит. Собак убивают. Горных людей-духов собираются кормить. Наш товарищ видит, что его друзья немного горным людям-духам еды дают, но [влетая] сквозь двери разная пища шлепается в деревянные и в берестяные корыта и заполняет их. Смотрит он — шесть больших деревянных корыт студнем наполнены, восемь больших бе-

рестяных корыт толкушей наполнены, девять чашек рисовой кашей наполнены. Люди [этого жилища] с радостью присланные им угощения на пары понесли. Наш товарищ селения не видя, думал — селение небольшое.

А между тем угощения для других жилищ во много посудин положили: «Вот это ближнему роду понесем, то другому роду понесем», — так говоря делили. На восемь родов в отдельные посудины угощения положили. Тогда наш товарищ подумал: «Ого! Это селение много родов имеет!» А хозяева жилища, угощения разложив, нашего товарища ими не кормили, сами ели. Ему сказали: «Наш-то закон одного рода. Твои друзья-сородичи, когда нас кормят, мы тебя их едой кормить не можем — это грех будет. Нас горных людей [духов] девять родов полных, вас в низовской земле живущих людей [нивхов] тоже девять родов полных. Вот мы вашего рода». Вот так они ему сказали. После этого наш товарищ зачем бы стал желать эту еду [посланную его сородичами]? Здесь живя, [и так] разного рода мясо ел досыта. Так он продолжал жить, ни о чем не думая. Сколько-то дней миновало. Весна началась. Тогда хозяева жилища сказали: «Наши товарищи [из низовской земли] к нам в гости придут [охотиться]. Послезавтра придут. Кто [из вас] спустится вниз вместе со своими товарищами?» Тогда один [из этих людей] сказал: «Мой младший брат никогда со своими товарищами в гости не спускался. Долго жить будет, от старости умрет что ли? Теперь-то пусть он в гости сходит!». Тогда его младший брат [наотрез] отказался: «Ничего себе, концом эдакого копья в середину моего живота войдут, вертеть [там] будут — мало что ли болеть будет? Я не могу, не хочу!». Тогда и женщины и мужчины бранили его, гвалт подняли, но он ничего не говоря сидел. Не добранив (т. е. не проняв. — *Е. К.*), оставили его в покое.

Так сидели. Хозяева жилища сказали: «Вот наши товарищи [из низовской земли] приближаются, к нам в гости идут». Тогда [они] в отверстие берлоги посмотрели. Наших товарищей нашего рода пять человек шли, своего зятя [шестым] в качестве чужеродца взяв, шли. Когда наш товарищ [на них] посмотрел, своих друзей узнал. Некоторые из них [храбро] шли — вонзаясь в землю ногами, некоторые же [трусливо] шли, носками обуви по земле ступая. Наш товарищ задумался: «Почему люди

этого жилища своему младшему брату так сказали: «Вместе со своими товарищами спустись к ним в гости», а младший брат отказался. Вдруг [из числа этих людей] жена старшего брата младшему брату своего мужа повелительно сказала: «Хоть теперь вместе со своими товарищами в гости пойди! Ой, какой трус!». Так сказав, побранила его. Отцы и их жены — *ытьхкун мамхун* — трусом его называя, тоже бранили. Тогда он на нару поднялся, глаза закрыв, лег. Жена его старшего брата сказала: «Когда [мы] в гости [к нивхам] спускаемся, угощения приносим, тогда ты любишь жрать, а сам-то в гости спуститься не желаешь. Теперь, когда я спущусь, еду если принесу, вот сладко жрать-то будешь!». Младший брат молчал. Тогда эта женщина сказала: «Я со своими товарищами вместе в гости пойду!». Она одну шкуру взяла, насунула ее на себя — тогда вот медведем стала. Спустилась к выходу, по верхнему краю берлоги ударила и обратно вернулась [не вышла из берлоги].

Наш товарищ видит, его друзья [нивхи], копья взяв, приготовились. Тогда медведь вышел. Чужеродец (т. е. зять. — *Е. К.*) кольнул, но плохо уколол, копье сломал. Тогда его товарищи сбоку медведя укололи. Те, которые [трусливо] на носках шли, в плохое место укололи — свои копья сломали. Те, которые в землю погружаясь [храбро] шли, эти в самые хорошие места кололи. Но этот медведь крепкий [оказался], смерти не поддавался. Тогда изнутри берлоги ее муж сказал: «Ладно [хватит, мол], своих товарищей [нивхов] покалечишь». Тогда его жена, свалившись, упала. Тогда [нивхи] ее убили. Вот сразу же ее разрезали, поджарили, ели.

Наш товарищ подумал: «На нас похожие люди — лишь теперь я уразумел. Как их убивают, я увидел, как их мясо едят, я увидел». Наш товарищ подумал: «Вот таким образом мясо людей, похожих на нас, мы едим. Не знали [мы], что медведь — это человек. Не думали мы, что медведь тоже человек — *тыхыван ниг"вды*. Лишь теперь я это понял. Если когда-либо я назад ворочусь, то это все расскажу. К своим товарищам выйдя, с ними вместе спустился бы, но еще немного поживу здесь — обычаи горных людей узнать хочу. Вот летом [я в свое селение] возвращусь». Так думал он и тихо сидел. Потом нивхи медведицу разрезали. Каждый на плечи котомку с мясом положил. Когда они встали, то «О!-о!-о!» за-

кричали. Потом спустились [с горы к себе вниз, в селение].

Через четыре дня та женщина [медведица] с четырьмя собаками на поводу с большой котомкой [за плечами] поднялась [в гору к берлоге]. Когда она поднялась, ее друзья обрадовались, котомку развязали, в ней разная еда была. Наш товарищ на собак посмотрел, их узнал — две собаки его старшего брата были, его собака одна была, его младшего брата собака одна была.

Потом угощения выделили, по другим родам их разнесли. Потом сами угощения ели, но нашего товарища ими не кормили. Еду, посланную нивхами вместе с медведем, есть ему было нельзя.

Вот так он жил.

Весна наступила. Тогда эти люди опять сказали: «Наши товарищи [нивхи] нам еду готовят». Тогда опять и деревянные и берестяные корыта у входа в жилище поставили. Снова, как это было прежде, [нивхи] приготовленную еду в деревянные и в берестяные корыта, подчерпывая, бросали. Когда деревянные и берестяные корыта наполнились, эти люди их взяли, на нары поставили.

Одна собака его старшего брата, с белоснежными *инау* на шее, впереди шла. Другая собака его отца — черная с белой шеей и белой полоской на черной голове — за ней шла. На ее шее тоже были *инау*. Эти люди вышли, собак [за ошейники из стружек] взяли, на место привязали, оставили.

Вдруг та, в гости ходившая женщина, нашему товарищу сказала: «Ну, ты, конечно, полагаешь, что пришел к нам, заблудившись в лесу? Это мы с тобой пошутили, запутали тебя, чтобы к себе привести, чтобы наши законы [обычаи] тебе объяснить! А ты испугался, что сам заблудился!» Так та женщина ему сказала.

Эта женщина в течение целой [прошедшей] зимы с нашим товарищем шутила, о разных разностях с ним разговаривала. Мужчины же его своим братом считали, стеснялись его — *эрх" ланьнт,* не разговаривали с ним.

Затем эта женщина нашему товарищу сказала: «Ты, конечно, думаешь, что уж раз мы медведи, раз мы горные люди, то мы иные люди. Иными нас все же не считай. Вот эти — твои старшие братья, а я — твоя жена *(тынтхун — ч'акихун, ньи — ч'аньг·и),* поэтому-то я с

тобой и шучу, с тобой разговариваю. Теперь ты законы [обычаи] горных людей знаешь. Вот в свое селение спустишься, нивхам всем расскажешь. Преданием твой рассказ станет. Это я тебя взяла, притащила, эту зиму тебя содержала», — так она сказала ему, смеялась. «Теперь ты завтра возвратишься домой. Свою тайгу ты, конечно, знаешь. Зачем тебе в дорогу еду с собой давать? Сам идя, зверя добудешь, поешь — спустишься [в низовскую землю]», — так эта женщина ему сказала. «Ну, вместе выйдем. К себе теперь возвратись!» — женщина сказала. Когда вместе вышли, она спросила: «Ну, эту гору ты знаешь?». Когда он посмотрел, узнал: «Да, я знаю» — сказал. — «Глянь-ка! На известных даже тебе местах и то ты все же заблудился», — так она сказала, над ним посмеялась.

Когда наш товарищ посмотрел [увидел], — это гора, находившаяся вблизи их селения. Тогда наш товарищ женщине сказал: «Благодарю. Закон своих горных людей я теперь хорошо знаю. Я заблудился, но какая у меня может быть обида?». Так сказав, вниз спустился.

Ночь одну лишь в пути переночевал. На следующий день в свое селение спустился. Его товарищи обрадовались. Что он пропал думали, а он живой пришел — ликовали. Люди селения все собрались. Наш товарищ, к ним обратясь, обо всем рассказал.

Вот с того времени до сих пор люди знают: «Медведь — это горный человек (*тыхыф — пал нигʺвнʺ*). Каждый род [горных людей] отдельно живет. Наш род [горных людей] отдельно живет. Ваши — другие роды [горных людей] тоже отдельно живут». Так он всем говорил.

Потом добычливым человеком он стал — [медведи] из двух родов к нему в гости приходили (*кʺалнʺ мекрух эрхʺчʻмата*). А в наш, род недобычливый, из одного только рода к нам в гости [медведи] спускаются. Когда из одного рода [медведи] спускаются, то изредка их добываем. К нему же из двух родов спускались, поэтому он всегда их добывал.

Это все древние нивхи как предание рассказывали».

Я поблагодарил Шызнʺыуна и спросил, от кого он слышал предание. Он ответил, что от старика Явраина.

Трудно переоценить научное значение этого предания. Оно позволяет понять подлинные представления нивхов о медведях. На основании предания можно сде-

лать ряд чрезвычайно важных выводов, объясняющих поведение нивхов по отношению к медведям.

1. Медведи, по представлениям древних нивхов, — это люди. Шкура — это всего лишь их одежда. Ведь и люди каменного века тоже одевались в шкуры. Значит, нет ничего удивительного в том, что они усматривали в шкуре медведя его одежду.

2. Медведи-люди живут родами, как и нивхи-люди. Каждый род медведей-людей, по преданию, обитает в одном большом жилище. Однако в современных условиях члены каждого нивхского рода живут уже в отдельных индивидуальных жилищах, а не в общем родовом коллективном жилище. Возможно, в предании хранится память о древнем типе общих больших жилищ, ныне исчезнувших из быта нивхов.

3. Роды медведей-людей, по преданию, находятся в тесном кровном родстве с родами нивхов. Среди медведей-людей оказываются даже старшие братья и жены нивха, попавшего к ним в гости.

4. Воображаемое родство медведей-людей и нивхов представляется последним настолько реальным, что медведь, убитый ими на охоте, рисуется их воображению сородичем, добровольно спустившимся к ним с гор в гости. Это представление очень многое объясняет в церемониях обращения с медведем, которые освящены вековой традицией нивхов.

5. Медведи-люди и нивхи-люди, находящиеся в кровном родстве, состоят, как об этом можно судить по преданию, в отношениях обменного дарения. Медведи-люди посылают нивхам своего медведя, а нивхи в ответ посылают с ним различные дары и систематически два раза в год кормят их изысканными блюдами, совершая жертвоприношения.

6. Но если медведь — человек, то медвежонок — человечек. Очевидно, здесь кроется причина того, почему воспитание медвежонка способно утолить тоску нивха по умершему ребенку.

4 февраля. Утром ко мне зашел Очи проведать меня и побеседовать. Вот что рассказал мне Очи о том, как и когда ловят нивхи медвежат, чтобы потом вырастить их в клетках.

— Медвежат обычно весной ловят. Когда весной охотиться на медведя идут и в лесу след медвежонка с

медведицей увидят, по их следам идут. Медведица, услышав, что за ней идут, рычать начинает. Но это она не сердится, а незлобиво рычит. Их увидев, нивх кричать начинает, и медвежонок со страху на дерево влезает. А нивху только это и надо! Тогда он к дереву подбегает, с себя верхнюю одежину снимает и ее к стволу привязывает, а возле дерева костер раскладывает, которым медведицу отпугивает и ей приблизиться к медвежонку не дает. Медвежонок же на дереве сидит, вниз не спускается, так как боится одежды, привязанной к стволу. Нивх убивать медведицу и не собирается — он знает, что она умышленно ему медвежонка привела. Ее необходимо оставить живой, чтобы она снова медвежат родила и снова привела их к этому же нивху. Ее как бы своей сучкой считают — *п'и аньх''-кэт итнд.*

Отогнав медведицу от медвежонка, нивх срезает тонкий ствол какого-либо деревца с развилиной. В концах развилины он делает расщепы, а в них вставляет петлю, изготовленную из его ременного пояса. Затем он влезает на дерево, набрасывает петлю на медвежонка и затягивает ее на нем. Однако на ремне нивх специальный узелок делает, чтобы петля не затянулась на медвежонке полностью и не сделала ему больно. Интересно, что петлю, набрасываемую на медвежонка, нивхи именуют *зир н''акс,* т. е. «прут с кисточкой». Словом *зир* называют красивые кисточки, которые надевают на головы собак, когда хотят украсить нартовую упряжку. Видимо, таким наименованием нивх показывает горным людям, что он к детенышу не применяет никакой грубости, что он всего лишь надевает ему на голову красивую кисточку, а не, упаси боже, грубую петлю. Когда это «украшение» накинуто на медвежонка, нивх заставляет последнего спуститься по стволу ниже себя и сам сползает с дерева следом за ним, удерживая в то же время медвежонка на петле. Когда нивх оказывается уже на земле, он прежде всего опутывает звереныша и привязывает его к дереву. Затем, отдохнув, нарезает еловые ветки, кладет их на спину и живот медвежонка и обвязывает его вместе с ветками ремнем. Если этого не сделать, то можно что-нибудь при переноске повредить медвежонку. После этого нивх делает из ремня лямки, взваливает медвежонка на спину и несет домой. Дойдя с ним до реки, нивх срезает тонкий ствол черемухи или тальника и втыкает его

в берег у самой воды. Эта воткнутая палочка называется *х'аюр*. Ее втыкают также в берег реки, когда убивают в лесу медведя, доносят его до реки и увозят затем на лодке.

Когда нивх приносит медвежонка в селение, все жители радуются. Медвежонка вносят в жилище и помещают на почетной паре. Там в пару втыкают столбики, и привязывают его к ним. На пару для этого стелят ветки ели. Затем женщины мелко-мелко крошат юколу и смешивают ее с тюленьим жиром. Этим медвежонка кормят в первый день. На следующий день для него готовят специальный студень, в который вместо ягод кладут корнеплоды сараны. О кормлении медвежонка этим студнем говорят: *я-н''азл-авг·ынд* — «его пятки клеят». Здесь обращает внимание интересная аналогия. Когда девочку отдают замуж в другой род, тоже готовят специальный студень, который называют *н''азл авг·ы мос* — «студень для склеивания пяток». Трудно объяснить происхождение этого названия, но проводимая аналогия очень важна, так как она показывает, что к медвежонку нивхи относятся как к ребенку, отданному в другой род.

После того как медвежонка накормят «студнем для склеивания пяток», ему дают есть уже все что угодно.

Затем для медвежонка готовят вместительную клетку, в которой его будут держать в зависимости от пола три или четыре года, т. е. пока он не вырастет во взрослого медведя.

Клетка для медведя — это вместительный сруб, сложенный из бревен внахлест. Пол и крышу этой своеобразной клетки также складывают из бревен. В передней стене клетки, ближе к левой ее стороне, между двумя бревнами делают квадратное отверстие, сквозь которое кормят медведя, вдвигая в отверстие длинное узкое корыто с едой. На крышу клетки вдоль двух ее боковых стен кладут по длинной поперечной перекладине, причем концы перекладин выступают за пределы сруба. На передних их концах вырезают изображения медвежьих голов. Кроме того, в выступающих концах перекладин просверливают отверстия, в которые вставляют по елочке, очищенной от нижних ветвей. Сначала вставляют елочку в передний конец перекладины, т. е. ближе к отверстию для кормления медведя, затем — в задний конец. После этого в таком же порядке вставляют елочки во вторую

перекладину. На стволах елочек делают по три ряда зарубок, причем в каждом ряду затесывают по три зарубки. На ветви каждой елочки навешивают белоснежные *инау* — лишь в одном месте их окрашивают красным соком брусники. Пол в клетке выстилают лапником.

Только после того как клетка приготовлена и украшена указанным образом, в нее помещают медвежонка.

Когда я все это узнал, мне захотелось понять, с какими мыслями, с какими чувствами в течение трех лет ходит к медведю человек и что он ощущает при этом? И я пошел к Паркызину. Ему было 45 лет, как он сам мне говорил. Принадлежал он к роду *Урмыквонн"*. Кроме него, к этому роду принадлежали еще старик Нём — примерно 75 лет, старик Пыхтанка — 70 лет, Омх — 40 лет, Кимчик — 30 лет, Х·ыдьи"ян — 25 лет.

Узкой тропинкой, протоптанной по берегу р. Тыми, я подошел к землянке Паркызина. Подле клетки никого не было. Я заглянул в нее и увидел большого бурого медведя, встретиться с которым на воле мне не хотелось бы. Возможно, оттого, что медведь увидел незнакомое лицо, он со злым сопением ринулся к отверстию. От неожиданности я отскочил назад.

Через несколько минут из землянки вышел Паркызин. Хорошо, что он не видел, как я испугался его медведя в клетке! Паркызин шел к клетке с котелком в руке — нес медведю рисовую кашу, смешанную с тюленьим жиром. Он взял узкое медвежье корыто, лежавшее на клетке, и плоской деревянной ложкой переложил в него еду. Потом он вдвинул корыто в клетку сквозь проделанное для него отверстие. Слышно было, что медведь стал есть принесенную ему пищу.

Кормил медведя сам Паркызин. Ляфкук, его жена, могла только готовить еду для медведя — женщине запрещается подходить к медведю. Чтобы кормить медведя в течение трех лет, Паркызину приходилось каждое лето заготавливать большое количество юколы, рыбы и ягод. Кроме того, он старался раздобыть у нивхов Татарского и Охотского побережий острова побольше тюленьего жира. Часть же денег, вырученных от продажи пушнины, он тратил на покупку риса для медведя. Основная тяжесть в выкармливании медведя лежала на нем. Сородичи его иногда приносили медведю студень в виде угощения, но это не носило характера постоянной помо-

щи. Вот когда наступило время устройства медвежьего праздника, тогда все взрослые члены его рода пришли ему на помощь! Одному Паркызину было бы не под силу осуществить такую грандиозную подготовку к празднику. Надо было сделать много *инау*, приготовить площадку для собачьих бегов, площадку для убиения медведя, нарубить деревьев для украшения площадок и сделать еще многое. Без помощи сородичей и особенно стариков, хорошо знающих религиозные традиции рода, здесь никак не обойтись. Да и жене Паркызина тоже помогали жены его сородичей — ведь для гостей нужно было приготовить очень много студня (*мос*), толкуши (*муви*) и даже специального студня для собак своих гостей.

Когда я понял, сколько терпения, труда и денег надо затратить Паркызину, чтобы вырастить медведя, у меня невольно вырвался вопрос:

— Для чего, с какой целью нивхи производят такие затраты?

Видимо, мой вопрос был задан чересчур прямо, потому что Паркызин на этот раз уклонился от ответа. Он лишь сказал:

— У нас закон такой!

Немногим больше узнал я от Сарата.

— Горные люди, — сказал он мне, — жалеют нивха, у которого умер ребенок. Поэтому они и посылают ему своего медвежонка — пусть нивх вырастит его как своего ребенка.

Сарат говорит искренне — он глубоко верит в то, о чем рассказывает. Мне понятна его вера, но мне хочется еще и понять душевное состояние нивха, в котором он выкармливает зверя в течение трех или четырех лет.

Позднее, сидя в землянке у Очи, я вспомнил предание, рассказанное Шызн"ыуном. Оно вызывает много раздумий. В нем отчетливо выступает древнее представление нивхов о медведе, как о человеке, находящемся в родственных отношениях с определенным родом нивхов. Несомненно в этом древнем представлении кроется объяснение того, почему нивх, выкормивший в клетке медведя, как об этом писали уже в литературе [28, 61], не может убить его сам. По этой же причине нивх, нашедший в берлоге медведя, тоже не может убить его сам, поскольку такой медведь также представляется ему родст-

венником, но предоставляет это своему зятю-чужеродцу. Ведь по преданию к нивхам во время их охоты с гор спускаются только медведи-сородичи!

— Видишь, — объяснял мне обычаи нивхов Очи, — я могу выкормить медведя, но убить его я не могу. Такой у нас закон. Никто из моего рода тоже убить его не может — это наш медведь. Для этого мы людей другого рода зовем — из рода зятя *(ымг"и)*, или тестя *(ахмалн")*, или просто приятеля *(хэрниг"вн")*. Вот Паркызин для этого своего зятя — нивха Промуна из Чайво, женатого на его дочери, позвал. Но Промун тоже убить медведя Паркызина не может, потому что тот растил его по своему сыну Тамайке. Поэтому Промун взял себе в помощь нивха Ныркина, совсем чужого рода *Усквонн"*. Он его *п'рамк мунгуинынд* — «своей рукой сделал». Так у нас называют человека, которого берут с собой на праздник, чтобы он медведя убил.

Будешь на празднике, увидишь — Паркызин все мясо и сало медведя Промуну и Ныркину отдаст. Паркызину не только убить своего медведя нельзя, есть его тоже нельзя. И никто из его рода есть медведя не может. Однако мясо и сало медведя даром не отдаются. Промун, хоть через десять лет, должен будет отдать мясо и сало медведя Паркызину. Промун потом поймает или купит медвежонка и вырастит его. Тогда он позовет в качестве *н"арк"* своего тестя Паркызина, чтобы тоже дать ему медвежьего мяса и сала. Однако Паркызин не может убить медведя своего зятя Промуна. Вот тогда он тоже возьмет себе кого-либо для того, чтобы тот человек убил медведя его зятя.

Промун уже приехал к нам из Чайво и поселился у Омха, чтобы не мешать работать хозяину праздника. А Ныркин, которого он пригласил убить медведя, это наш Тымовский нивх, который живет в крайней нижней деревне — Потово. Ты, наверное, видел его и знаешь.

Когда *н"арк"* приезжает на праздник медведя убить и его мясо и сало забрать, он обязательно с собой привозит: студень в качестве гостинца *(азмыр кэ мос)*, которым кормит зверя в первый день посещения хозяина медведя; топор и два котла, которыми он обменивается с хозяином праздника; лук и деревянные стрелы с утолщенными наконечниками для предварительной стрельбы; стрелы с железными наконечниками для убиения медве-

дя; стрелу с железным наконечником — *ч'малар к'у* (она хозяину праздника вместе с головой медведя отдается); ремни — *ч'малар тнох,* необходимые для того, чтобы обвязывать ими крупные кости медведя, возвращаемые хозяину праздника; стебли сушеной пучки, которые кладут на голову, и другие части медведя, когда их хозяину праздника возвращают.

— Вот побудешь на празднике, увидишь, так я тебе все объяснил или нет.

И тут я вспомнил, что запрет убиения и употребления в пищу мяса выкормленного медведя напоминает аналогичные запреты, бытующие у аборигенов Австралии. Очевидно, немало черт древнейшей истории человечества хранят еще в своем быту нивхи.

5 февраля. Следующий день посвящен подготовке земляпки Паркызина к празднику. С разрешения Паркызина я пришел к нему с утра, чтобы увидеть все, что в ней будет сделано.

Оказывается, еще вчера Ляфкук сняла с юколы кожу и замочила ее для студня. Когда я пришел, она уже извлекала из котла кожу, которая мокла ночь, большой плоской ложкой. Кожа каждой рыбки была свернута и перевязана травинкой. Ляфкук клала такой сверточек на доску для приготовления пищи, положенную поперек корыта для студня, развязывала его и обрабатывала каждый отдельно. Длинным узким ножом для изготовления юколы Ляфкук счищала с кожицы остатки рыбы и чешуи. Неровные края кожи она обрезала. Коже рыбы был придан вид ровной полоски. Все отрезанные кусочки кожи, чешую и жидкость Ляфкук слила в отдельную посудину. Потом Ляфкук налила в корыто чистую воду. Смочив каждую кожицу в чистой воде, она вынимала ее из корыта и, взяв за концы, сильно растягивала руками. Остатки чешуи от этого приподнимались на кожице и их легко было счистить ножом. Очищенную от чешуи кожицу она снова смочила и вынула из корыта. Захватив один конец ее зубами, а другой — левой рукой, Ляфкук сильно растянула кожицу и на весу, от зубов к руке, провела ножом вдоль обеих ее сторон, в последний раз очищая таким образом кожицу от всего лишнего. Потом ловким и быстрым движением ножа от нижней губы к верхней она отрезала кожицу у самого рта. В зубах ее остался краешек кожи, который она положила в ту же

посудину, куда уже ранее сложила различные остатки и обрезки.

Когда все кожицы были очищены, Ляфкук аккуратно сложила их по нескольку штук, свернула и перевязала травинкой. В подвесной котел она налила воду, положила туда свернутые кожицы и стала их варить. Когда вода вскипела, Ляфкук сняла котел, поставила его у края очага и большой деревянной плоской ложкой вынула свернутые кожицы и положила их в корыто. Развязав травинки, Ляфкук приступила к растиранию кож и приготовлению студня — *мос*. Студень приготавливается из четырех компонентов: кожи кеты (реже горбуши), тюленьего жира, воды и ягод, а иногда и кедровых орехов. Растирала Ляфкук кожи пестом в большом специальном корыте, называемом *мосайн"ох"*. Пест — это перпендикулярный сучок, отделенный от дерева вместе с куском ствола, которому при обработке придается плоская округлая форма. Он очень тщательно обрабатывается ножом, чтобы его было удобно и легко держать в руке.

Усевшись на край нары, Ляфкук уперла один конец корыта в раму очага, а другой — себе в живот. В правую руку она взяла пест, а левой налила в корыто по кружке горячей воды из котла, в котором варилась кожа, и жидкого тюленьего жира. Затем стала растирать кожицы, жир и воду пестом, пока все это не смешалось вместе. Видимо, благодаря клею, содержащемуся в кожицах, из жира, воды и кожи образуется однородная сероватая эмульсия. Постепенно Ляфкук добавляла в нее по кружке воды и тюленьего жира, непрерывно растирая добавленное с прежней массой. Долго и упорно растирала она эту сероватую жижу. Наконец, когда в жидкости перестали попадаться кусочки кожи и с поверхности ее исчезла беловатая пена, Ляфкук прекратила растирание.

В образовавшуюся жижу Ляфкук стала бросать горстями ягоды голубики. Броски были сильные, потому что ягоды должны были достигнуть дна корыта. Ягоды не размешиваются в этой жидкости, а остаются в ней во взвешенном состоянии. Постояв некоторое время, жидкость вместе с насыпанными в нее ягодами превратилась в довольно плотную желеподобную массу. Это и был студень — *мос*.

Студень, приготовленный Ляфкук, предназначался для кормления огня, которое должно было состояться

вечером. В связи с этим все остатки, полученные в процессе приготовления студня и слитые в одну посудину, дали вылакать белой собаке, введенной в землянку. Это была собака, которая «ест вместе с огнем» и считается посвященной ему *(т'уг"ртоньн"гани")*.

После изготовления студня Ляфкук взяла волокна крапивы и начала ссучивать нитку. Делала она это довольно долго, а получив нить, свернула ее в небольшой клубочек и положила в сторонке.

Вместе с Ляфкук над подготовкой зимника к празднику трудился и Паркызин. Еще рано утром он и его младший брат Х'ыдьн"ян пошли в лес и срубили тонкую, стройную, высокую, молодую елочку. Они очистили ее, за исключением верхушки, от коры и ветвей, вдвоем донесли ее до землянки, где с помощью других нивхов вставили сквозь дымовое отверстие в землянку таким образом, что нижний край елочки попал в задний левый угол очага. В результате этого крона находилась высоко над дверью и, как и дверь, была обращена в сторону восхода солнца. Эта елочка называется *пшыц*.

После этого оба брата снова пошли в лес, где срезали четыре тонких ствола тальника, три молоденькие елочки и принесли их к зимнику.

Из стволов тальника длиной в полтора метра Паркызин сделал четыре *инау:* из них два символизировали самцов зверей *(арн"а)* и два — самок *(аньгн"а)*. Их воткнули между крышей и балками, лежащими на столбах, — по одному *инау* под каждую балку, но так, чтобы мужская и женская фигуры находились друг против друга. Затем Паркызин выстрогал четыре таких же *инау* и воткнул их по четырем углам зимника. Потом он выстрогал еще четыре маленьких *инау* и повесил их напротив середины передней балки, обращенной ко входу в зимник.

После этого Паркызин взял крапивную нить, сплетенную Ляфкук, и произвел магическое обвязывание зимника в направлении с восхода солнца на заход. Он завязал нить на нижней левой поперечной перекладине *(т'ови)* у конца, обращенного к двери, обвернул перекладину несколькими оборотами нити в направлении к задней стене зимника и протянул нить на заднюю поперечную перекладину, оттуда на правую продольную, а затем на переднюю поперечную перекладину. Доведя нить до левой

продольной перекладины, Паркызин связал оба конца нити вместе.

Вечером Паркызин принес в землянку сухую глину. Он снял с очага верхний слой старой глины, вынес ее наружу и высыпал в определенное место, куда он и ранее выносил такую же глину. Взамен старой глины он насыпал на очаг новую и аккуратно разровнял ее. Вдоль заднего края очага он воткнул в глину три молоденькие елочки, украшенные тремя рядами затесов — по три затеса в каждом ряду. Потом из сушеных стеблей пу́чки и корнеплодов сараны он сделал три сверточка, называемых изображениями медведей *(тьхыф ч'н"ай)*, и привязал их к елочкам.

Зимник Паркызина и без того опрятный, просторный и чистый, украшенный белоснежными стружками и зелеными елочками, приобрел уютный и нарядный вид.

Затем в зимнике собрались все домочадцы: Паркызин, его младшие братья Х'ыдьн"ян и Х'акин, жена Ляфкук, державшая в руках маленького сына, которого звали Тлогбайш.

Глава семьи — Паркызин зажег на очаге огонь из свежих веток ели. На небольшую веточку ели, которую он держал в руке, Паркызин положил белоснежное *инау,* поверх него кусочек студня — *мос,* затем стебель сухой пу́чки, связанный узлом, и несколько корнеплодов сараны. Все это он аккуратно положил на огонь и произнес: «На своих детей посматривай!» *(п'эх"лгун-ншыншыя)*.

Огонь охватил принесенные дары. Ветки зеленой ели, лежавшие на огне, то тут, то там вспыхивали ярким пламенем. Блики озаряли то стены, то углы зимника. Чувствовалось, что его обитатели довольны, даже рады — ведь впереди еще предстоял такой замечательный праздник и нужно, очень нужно было, чтобы дух — «хозяин огня» — тоже был доволен и оберегал живущих.

Я знал, что ночью, когда все крепко уснут, Паркызин в соответствии с древней религиозной традицией нивхов сожжет на очаге молоденькие елочки, а утром сообщит, что ночью они вылетели сквозь дымовое отверстие.

6 февраля. Сегодня начался медвежий праздник. Он открывается бегами собак.

Площадка для этих состязаний была устроена на льду р. Тыми. Паркызин и его сородичи немало потрудились, чтобы устроить ее как следует. На довольно боль-

шое расстояние она была очищена от снега и расширена. В дальнем конце площадки глубоко в снег воткнута молоденькая елочка, очищенная от коры и ветвей, за исключением верхушки. Это старт. Финиш расположили ближе к землянке. Таким образом, собаки должны были бежать как бы с реки по направлению к землянке хозяина медвежьего праздника.

Сородичи Паркызина, желавшие, чтобы их собаки участвовали в бегах, приводили их к площадке и приносили с собой молоденькую елочку, которую втыкали глубоко в снег и привязывали к ней свою собаку. Елочки были воткнуты по одной линии невдалеке от площадки. Всего было приведено одиннадцать нартовых собак.

Ранним утром из всех четырех соседних селений — Чириво, Пливо, Наукхомрво и Потово — к землянке Паркызина направились нивхи. Все спешили к площадке, на которой должны были состояться собачьи бега.

Нивхи, собаки которых принимали участие в состязаниях, отвязали их от елочек, повели в землянку Паркызина и сели вместе с ними на нары. Паркызин бросил на огонь еловые ветки. Они вспыхнули, и по землянке распространился смолистый запах. Это совершался религиозно-магический обряд обдымления собак.

— Такой дым, если собака понюхает, это хорошо, — сказал мне старик Нём.

Когда брошенный на огонь лапник сгорел, нивхи вывели собак и пошли с ними к площадке, где опять привязали их к елочкам.

Затем на площадку притащили современную нивхскую нарту и потяг. В упряжку впрягли всех собак. На нарту сел взрослый нивх и поехал вдоль площадки к старту. Там его уже ожидали молодые нивхи, которые схватили собак и повернули всю нартовую упряжку в обратную сторону, т. е. к финишу. После этого свободным длинным концом потяга они привязали нарту и упряжку к елочке легко распускающейся петлей. Затем они побежали вдоль площадки от старта к финишу, призывая за собой собак. Там они остановились, чтобы снова схватить потяг с собаками, когда те добегут до финиша.

Нивх, сидевший на нарте, удерживал ее тормозом, воткнутым между ее копыльями. Он крикнул собакам: «Та! Та!» — и те еще сильнее натянули потяг. В это вре-

мя на площадку была выпущена собака, называемая нивхами *к"ах*. Она бежит в одиночку от старта к финишу. К ее ошейнику на длинном ремне привязывают лисий хвост или что-нибудь подобное, чтобы раздразнить собак, стоящих у стартовой елочки. Выпущенная собака волокла за собой по площадке *толп* — налобник из беличьих хвостов. Увидев впереди бегущую собаку и волочащийся по площадке темный меховой предмет, собаки стали неистово рваться вперед.

В этот момент нивх, стоявший возле стартовой елочки, потянул конец распускающей петли, а седок ослабил тормоз, позволив собакам слегка потянуть нарту. Затем он выхватил тормоз и собаки помчали нарту вдоль площадки словно перышко.

Непередаваемо красивое зрелище представляли собой эти бега. На белоснежной поверхности реки, окаймленной с обеих сторон высокими деревьями, вдоль всей площадки двумя цепочками расположились нивхи. Ради такого торжественного праздника они нарядились в свои лучшие одежды. Тут были новые халаты красного, синего и даже желтого цвета и черные старые халаты у тех, у кого не было новой одежды. Все это — на фоне белого снега.

Расположившись вдоль площадки, зрители обращали внимание на ремни, которыми собаки были привязаны к потягу. Если ремешок был туго натянут — это значит, что собака тянет нарту сильно и бежит вровень с лучшими собаками упряжки. Если же ремешок хоть немножко обвисает — значит, собака отстает от лучших собак упряжки. По окончании пробега таких собак, как слабых, выпрягали и к состязаниям больше не допускали.

Когда собаки добежали до финиша, ездок стал притормаживать нарту, а нивхи, поджидавшие собак, упали на длинный свободный конец потяга, волочившийся за ней. Тяжестью своих тел они остановили собак. Затем нивхи стали выпрягать своих собак. Слабых увели, а сильных оставили и привязали к елочкам.

Старик Нём сказал мне, что души всех собак, участвующих в бегах, пойдут к горным людям — духам. Это объяснило мне, почему в состязаниях участвуют лишь собаки сородичей: в соответствии с преданием, рассказанным Шызн"ыуном, они пойдут к горным духам своего рода. Слова *пал, палрох*" были главными на мед-

вежьем празднике. Это и понятно — ведь ради горных людей он и устраивался.

На площадке для собачьих бегов находились одни лишь мужчины. Мне объяснили, что женщинам ходить на площадку для состязаний собак и на площадку для убиения медведя воспрещается. Их роль на празднике сводится лишь к тому, что они где-то в стороне играют и танцуют. И действительно, во время собачьих бегов слышны были ритмичные удары по бревну. Я пошел по направлению звуков.

Недалеко от землянки Паркызина я увидел подвешенный на двух молодых елочках, воткнутых в снег под косым углом, на двух ремнях, музыкальный ударный инструмент нивхов *тятян ч'х"ар* (от *занд* — «бить» и *ч'х"ар* — «дерево»). Это кусок сухого елового ствола, очищенного от коры. На одном его конце вырезана стилизованная голова медведя — рот, глаза. Рот обмазан красным соком брусники: «Мы его живым считаем», — сказал мне один из нивхов. За головой небольшое углубление (видимо, шея), на которое наподобие ошейника надето белоснежное инау, заканчивающееся внизу нежной древесной бахромой, окрашенной в одном месте красным соком брусники.

Четыре нивхинки стояли по обе стороны бревна. В руках они держали по две палочки. У одной они были покороче, у остальных — подлиннее. Та, что держала в руках более короткие палочки, произносила слова песенок *(туг"с пызнд)*, ритм которых она выстукивала на бревне. Эта женщина выполняла как бы роль дирижера. Она ударяла то одной, то двумя палочками, то один раз, то несколько раз, то сильнее, то слабее, то ближе к концу бревна, то ближе к его середине. Иногда же она ударяла не по бревну, а палочкой о палочку. В результате создавался характерный ритм, свойственный определенной песне. По этому ритму нивхи узнают, какая песня исполняется. Роль остальных женщин, как я мог увидеть, сводилась лишь к тому, чтобы через короткие равные промежутки одновременно наносить по бревну сильные удары.

Но вот бега закончились, и через некоторое время к Паркызину пришли в гости *н"арк"и* — Промун и Ныркин. Они подъехали к землянке на собачьей упряжке Промуна.

Когда они вошли в землянку, им был подан столик с лучшими угощениями: студнем, рисовой кашей, чаем, сахаром, белым хлебом. После угощения гости выкурили по трубке табаку, и Промун вышел из землянки. Следом за ним вышел Паркызин. Оказывается, Промун привез с собой в чашке из Чайво студень для медведя. Вместе они отправились к клетке. Промун переложил студень в узкое корыто, всунул его в клетку и накормил медведя.

Сейчас вечереет. Землянки, засыпанные снегом, кажутся снежными буграми. Из них выплывают сизые струйки дыма. Из некоторых землянок выходят нивхи. Они становятся на широкие лыжи с подклеенной внизу кожей тюленя и, взяв в руку лыжную палку, спускаются по узкой лыжне к реке. Бесшумно скользят они к другому берегу скованной льдом Тыми—туда, где живет Паркызин. К нему-то они и едут, так как там вечером состоятся игры. Дойдя до землянки, нивхи снимают лыжи и втыкают их стоймя в снег. Затем они входят в низкие сени, отодвигают в сторону дверь и входят в землянку.

В землянке Паркызина не по-обычному уютно, не по-обычному светло. На одном из столбов землянки висит маленькая керосиновая лампа. На древнем очаге горит огонь. На боковых и задней нарах много нивхов, сородичей Паркызина и гости — *н"арк"и*. Некоторые из присутствующих сидят, поджав под себя ноги, вокруг маленьких столиков, пьют чай из фарфоровых пиал, натертых хозяйкой обрывком старого невода до блеска, и закусывают юколой, иногда обмакивая ее в чашку с тюленьим жиром.

Нивхи, уже отпившие чай, покуривают трубки и вызывают юношей на игры: «А ну такой-то и такой-то поборитесь!» Не без учета моего присутствия в землянке прозвучала сказанная кем-то по-русски фраза: «Попов! Поп! Как делиска? Ну-ка, берис бороться!»

Маленький нивхинёнок, по прозвищу Попка, снимает стеганый халат, выходит на арену борьбы — на свободное место к двери — и с гордым видом произносит:

— Х'аламах, а ну-ка мол, выходите-ка кто-нибудь!

Никто не вышел на его вызов. Попка сел на землю. Он сидел до тех пор, пока наконец не нашелся еще один желающий бороться. Попка поднялся. Как он, так и его противник поправили свои пояса. Потом они приблизи-

лись, схватились и взяли друг друга за пояса. Мальчики боролись упорно и долго. Нивхи внимательно наблюдали за их борьбой и подбадривали словами то одного, то другого. После долгой борьбы Понка был положен, а нивх Пимка, радуясь победе своего сына, смеясь, сказал по-русски: «Ну, нас так не подгадит» После этой пары вышла бороться другая, неравная по росту. После недолгой борьбы, меньшой положил большого, чем дал повод к веселью, смеху и дружеским шуткам над побежденным.

После этой игры играли в *тык"ард*. Обычно эту игру устраивают на улице. Но в землянке Паркызина было много места, и молодежь решила устроить ее там. Двое мальчиков, стоя на значительном расстоянии друг от друга, держали за концы слабо натянутый тюлений ремень и вертели его. Ремень быстро пролетал на расстоянии 15—20 *см* от пола. Задача играющих состояла в том, чтобы не задевать ремня во время подскакиваний ни руками, ни ногами, ни туловищем. Перепрыгивать же через ремень можно было только стоя на четвереньках. Ремень вертелся быстро. Каждый раз, как только он опускался, надо было так подскочить, чтобы он пролетел под человеком, ничуть его не задев. Прыжки следовали один за другим очень быстро; они делались грудью вперед и получалось впечатление, что человек наскакивает на что-то грудью. Только немногим удавалось долго попрыгать так над ремнем — рано или поздно ремень задевал прыгающего, и он выбывал из игры. Во время такого прыганья нивхи иногда кричали: *«Тьхыф поя! Тьхыф поя!»*—«Медведя схвати! Медведя схвати!». Игра эта несомненно носила учебный характер. Прыгая через ремень, молодежь тем самым обучалась прыгать грудью на голову медведя, когда его извлекают из клетки. Нивхи сызмальства обучаются этому серьезному делу.

Следующей была игра *ч'ах"танд* — «питье воды». Она состояла в том, чтобы, сидя на коротком чурбане на корточках, напиться воды из чашки, поставленной невдалеке от него. В этой игре принимали участие исключительно мальчишки. Ребятишки притащили на заднюю нару короткий чурбан, налили в чашку воды и поставили ее невдалеке от него. Первым попытался так напиться маленький сын Паркызина. Усевшись на корточках на чурбане, он пропустил руки между ногами и ухватился ру-

ками за края чурбана. Затем он стал наклоняться туловищем к чашке и... слетел с чурбана.

Самым ловким оказался один мальчик лет 14—15. Он сел на корточки на чурбан, пропустил руки между ногами, обхватил ими чурбан и, опираясь только на руки, поднял ноги и вытянул их в стороны. Затем он стал нагибаться туловищем к чашке, все время держась на руках. Глотнув из чашки воду, он также, стоя на руках, опустил вытянутые ноги на чурбан и гордо слез с нары на пол.

Затем дети играли в *пэзнт*. Игра заключалась в следующем. Расставив широко ноги, надо было, сгибая колени, выгибаться назад. Кто ниже всех опускал голову и плечи, тот чувствовал себя героем. Позади сгибающегося непременно кто-нибудь становился и поставленной на землю ладонью измерял, кто на сколько пальцев не дотянулся до земли.

Затем стали играть юноши. Они начали соревноваться в прыжках в высоту. Эта игра называется *н"астох"мард* (букв.: «подниматься к ремню»). В передней части землянки двое юношей, став на небольшом расстоянии друг от друга, растянули между собой тонкий тюлений ремень. Сначала они его подняли на уровень пояса и ждали, кто выйдет прыгать.

После первого удачного прыжка ремень поднимается до груди, потом до шеи, до рта, до глаз, до бровей, до края волос над лбом. Затем ремень поднимается на уровень макушки. Если прыгун берет и эту высоту, то на голову кладут палец и поднимают ремень уже на эту высоту. Далее высоту прибавляют на один палец до тех пор, пока ремень не будет поднят на высоту головы и ладони, поставленной на нее ребром. Это — предельная, высота, выше которой ремень уже не поднимают.

Задача прыгающего состояла не в том, чтобы перепрыгнуть через ремень, а лишь в том, чтобы допрыгнуть до ремня и коснуться его носками обуви. Для этого, как я понял, требовалось не только высоко подскочить, но и суметь высоко выбросить вперед ноги. При этом ноги обязательно должны быть сомкнуты. Юноши, принимавшие участие в этих соревнованиях, особого блеска в прыжках в высоту не показали.

Наконец вперед вышел молодой стройный нивх Кимчик с очень красивым лицом, аккуратно причесанный, с хорошей черной косой. Юноши подняли ремень на высо-

ту его пояса. Кимчик подскочил и носками обеих ног коснулся ремня. После этого он сам поднял ремень до уровня груди и велел его так держать. Отойдя немного подальше от ремня, он подпрыгнул и кончиком обуви задел ремень. Потом Кимчик поднял ремень до шеи, отошел чуть-чуть дальше, прыгнул и тоже задел ремень. Тогда он сел на нару и стал снимать обувь. Спрыгнув с нее босым на землю, Кимчик подошел к ремню, поднял его и взял в зубы. Отойдя в сторону от ремня, он покачал головой и, смеясь, сказал: «Однако силы нету, не достану!» — взмахнул руками, подпрыгнул и достал. В землянке было тихо, все молчали и наблюдали, что будет дальше. Кимчик снова взял ремень и велел держать его на уровне глаз. Прыгнул и тоже достал! Уже первничая, Кимчик еще раз подошел к ребятам, державшим ремень, и положил его себе на макушку. Юноши держали теперь ремень на полувытянутых руках. От волнения на щеках Кимчика выступили красные пятна. Он отошел на этот раз дальше обыкновенного, коротким и сильным движением отвел руки назад, подскочил и задел носками ремень. Шепот одобрения пронесся среди нивхов.

С большим вниманием и сочувствием относились присутствовавшие в землянке старики и пожилые мужчины к играм детей и молодежи. Только тогда, когда игры закончились, все разошлись по своим землянкам.

Когда гости ушли, Паркызин вместе со своим младшим братом Хъдьн"яном занялся работой. Еще днем они успели принести в землянку стволы различных кустарников и заранее положили их так, чтобы они оттаяли и обсохли.

Из стволов тальника Паркызин настрогал восемь пышных длинных *инау*. Они имели не менее полутора метров в длину и были очень красивы.

Хъдьн"ян из стволов тальника сделал одно изображение самца-зверя и два изображения самок. Еще три таких же изображения он сделал из стволов ольхи. Изображения самцов отличались от изображения самок тем, что «головы» первых имели коническую форму, а «головы» вторых были сделаны двумя косыми срезами. На боковой стороне каждого звериного изображения были выстроганы еще *инау*.

Все это подготавливалось для украшения площадки, на которой завтра будут убивать медведя.

7 февраля. Сегодня с утра нивхи из соседних селений снова потянулись к землянке Паркызина, чтобы посмотреть на собачьи бега.

Собак снова ввели в землянку, и хозяин совершил обряд обдымления собак. Затем собак вывели и запрягли в нарту. В бегах участвовало сегодня всего лишь семь собак. Четыре собаки были признаны слабыми и выбыли из состязаний. Неожиданно для меня на нарту посадили мальчика лет восьми. Когда собаки рванули нарту вслед за пущенной впереди собакой, волочившей по снегу лисий хвост, петлю, которой была привязана нарта, распустил взрослый нивх. Собаки быстро промчали нарту от старта до финиша, где несколько юношей, упав на задний конец потяга, задержали собак.

Когда я спросил старика Нёма, почему сегодня на нарту посадили ребенка, он ответил, что с каждым разом груз на нарте необходимо уменьшать, но причину этого он объяснить мне не мог.

Еще до собачьих бегов Паркызин с несколькими сородичами ушли в лес. Там они нашли две одинаковые высокие стройные и тонкие молодые елочки. Срубили их. Кроме того, они срубили большое количество небольших молоденьких елочек, такое же количество стволов тальника и ольхи. Все это они принесли к месту — *н''аню* — своего рода, где должен был быть убит медведь.

Каждый род имеет свое родовое *н''аню,* на котором убивают медведя, выкормленного в клетке. Важнейшая его часть — толстое дерево — *ч'вэ.* Им может быть дерево любой породы. Возле самого дерева устроен высокий помост, называемый *лэзн''.* Поодаль от него находится *тён''к''р хунё* — амбар, в котором хранятся головы медведей, убитых членами рода как на медвежьем празднике, так и в лесу, а также вся утварь, относящаяся к данному празднику.

Площадка для убиения медведя, согласно вековой традиции, была устроена таким образом, что дерево *ч'вэ* располагалось в дальнем ее конце по самой середине площадки, ширина которой достигала десяти метров, а длина — тридцати. Вот эту-то площадку и надлежало нивхам украсить *инау,* заготовленными вчера, и деревьями.

Одни нивхи готовили *к''арг ан''* — столбы, к которым будет привязан медведь перед убиением, другие готови-

Смеш площадка.

2 раза.

ли *в"ата* (молоденькие елочки, стволы ольхи и тальника), которые должны были быть воткнуты в снег вдоль обеих сторон площадки.

Столбы, к которым привязывают медведя, изготовляются из двух стройных высоких елочек. От основания до небольшой пушистой специально оставленной верхушки каждую елочку очищают от коры и сучьев. Вблизи верхушки оставляют только четыре сучка, причем каждый из них нивхи именуют *тот* — «рука». Сучки также очищают от коры. На каждом дереве «руки» должны располагаться симметрично — два сука вверху и два внизу. К концу каждой «руки» нивхи привязали по длинному белоснежному *инау*, заготовленному Паркызиным еще накануне. Затем они взяли бруснику и соком ее окрасили середину *инау*. Тогда только деревья были водружены по обе стороны от дерева *ч'вэ*, отступя от него метра на три к передней стороне площадки. У основания каждого столба были воткнуты в снег *инау*, изображающие зверей-самцов и зверей-самок, которые также были сделаны еще накануне. Изображения зверей-самцов разместили вокруг одного столба, а зверей-самок — вокруг другого.

После этого нивхи украсили тонкие стволы приготовленных накануне елочек затесами. Настрогав сравнительно небольшие *инау*, они привязали их к верхушкам елочек и окрасили посередине соком брусники. В верхней же части каждого ствола тальника нивхи строгали стружки, но не отрезали их от него, а оставляли на нем. Оказывается, это они делали им *аф* — «бороды».

Учитывая, что навешивание *инау* на елочки обозначается словом *яхд*, т. е. тем же словом, каким обозначается подшивание медных украшений к женским платьям, а стружки на стволе тальника именуются *аф*, можно полагать, что в представлении древних нивхов елочки и тальник — *в"ата* — олицетворяли какие-то мужские и какие-то женские существа.

Когда изготовление *в"ата* было закончено, их поочередно — ствол тальника, за ним ствол елочки и т. д. — воткнули вдоль обеих сторон площадки. В стороне от конца площадки в снег были воткнуты две широкие еловые плахи *(н"аньгалмр)*.

Пока взрослые мужчины украшали площадку для убиения медведя, женщины выстукивали на бревне разные мелодии, а молодежь на площадке, расчищенной на

берегу р. Тыми, невдалеке от землянки Паркызина, играла в игру, называемую *тутх лэк"рд* (*тутх* — это кольцо, свернутое из ствола тальника или другого кустарника).

По правилам игры нужно либо, бросив кольцо, поймать его палкой, либо, бросив палку, попасть ею в кольцо. В первом случае применяются два способа: *кинх винд* (брошенное поверху кольцо просто ловят палкой) и *эспынд* (брошенное кольцо ловят палкой и немедленно втыкают ее в снег вместе с кольцом). Во втором случае также применяются два способа: *куркурунд* (брошенная палка должна попасть в кольцо и воткнуться в снег) и *к"ахгунт* (брошенная палка должна попасть в кольцо, но не воткнуться при этом в снег, а лишь придавить кольцо).

Играющие разделяются на две группы, которые выстраиваются в одну линейку, но на определенном расстоянии друг от друга. Кольцо, по правилам, бросают вдоль линейки. Группа, не поймавшая кольцо или не попавшая в него, теряет игрока — *к"ак"*. Он переходит в противоположную группу и становится в конец линейки. Если в дальнейшем этот игрок поймает кольцо или попадет в него палкой, он возвращается в свою группу.

Кольцо обычно бросают девять раз. На десятый раз, называемый *мхон"д,* играющие договариваются, каким способом будет поймано кольцо. Если группа поймает кольцо согласно уговору, она считается выигравшей. Если же нет, то игра начинается сначала.

Выигравшей считается та группа, которая заберет часть игроков противоположной группы и не возвратит их.

После полудня в игре приняли участие хозяин медвежьего праздника и его гость. Одну группу играющих возглавил Паркызин, другую — Промун, гость Паркызина. Игра происходила очень оживленно с переменным успехом. Наиболее сильной оказалась все-таки группа Паркызина.

Вечером в землянке Паркызина продолжались оживленные игры. Новой для меня была «игра в прыжки», но не в высоту, а в длину. Эта игра называется *тэгн"унд.* Так как в передней части землянки Паркызина, там, где не было нар и огневища, было свободно, молодежь отмерила на полу немалое расстояние и очертила его с двух сторон. Условия игры были таковы. Перед первой

чертой, обозначающей начало участка, становились обеими ногами. Без разбега надо прыгнуть до середины отмеренного расстояния и замереть на одной ноге. Затем, стоя на одной ноге, надо прыгнуть дальше и удержаться уже на обеих ногах. Если игравший не допрыгивал до черты, он считался проигравшим, если перепрыгивал — выигравшим. При этом отмеряли, насколько он прыгнул дальше черты. Мне говорили, что бывают прыгуны, которые так сильно выбрасывают ноги вперед, что падают на спину. В этом случае их прыжок замеряют по тому месту, где оказались их ноги.

В землянке много народу. Сквозь дымовое отверстие видно вызвездившееся небо. Слышны удары нивхинок по бревну — они выстукивают ритм песни:

Нятат вэсо зиг"ртьиг"рур т'ырила,
кылан" — ч'ан" — шивр ма шивр,
г'олок"оло т'ырила —

Вороны подскакивая подглядывают,
На длинное бревно сушила севши,
Юколу увидев, искоса глазами поводя,
поглядывают.

Вышел из землянки. У бревна в сумраке видные темные призрачные фигуры, поднимающие и опускающие руки. Надрывные звуки рвутся в безбрежное ночное небо, в глубину леса, внутрь землянок, засыпанных снегом, в людские сердца. Они будят думы и надежды, радость и печаль. Шепчет что-то нивхинка, дирижирующая игрой. От сгустившейся темноты фигуры женщин становятся еще призрачней. Загадочной кажется стоящая невдалеке пожилая женщина. Она представляется призраком далекого прошлого.

Я стою рядом с этим прошлым, но в действительности нахожусь очень далеко от него — все это чуждо и потому недосягаемо. Это иной, чрезвычайно интересный мир, но я чужой в нем, чужой.

8 февраля. Ко мне зашел в гости Шызн"ыун. Завтра он уезжает домой, в Усть-Агнево, и зашел проститься. Я вскипятил чайник, поставил на столик кружки, сахар, хлеб, соленую рыбу — все, чем я располагал. Мы попили чаю, поели.

Вдруг Шызн"ыун меня спросил:

— А ты слышал, как женщины на празднике песню о Мыкрфин"е выстукивали?

— Нет, — ответил я, — не слышал.

— Хочешь я тебе на прощанье об этой песне расскажу?

— Конечно, хочу, — ответил я.

— Тогда пиши! — сказал он мне. И Шызи"ыун, похаживая по полу летника, с подлинным артистическим вдохновением рассказал мне на родном ему нивхском языке легенду.

«Древние люди орудий не имели. Вот нивх по имени Мыкрфин" руками лишь разных зверей убивал, нивхов кормил — и морских зверей руками убивал, и лесных зверей руками убивал. Поэтому нивхи голода не знали. На него одного надеялись. Его лишь своим счастьем (богом) считали.

Таким образом долго жил. Потом в лес пошел. Три года отсутствовал. Его мертвым уже считали. Вдруг он пришел. Придя весть сообщил.

— Я в лес когда пошел, заблудился. Долго по лесу крутился. Зима уже приближаться стала, а я все еще никуда прийти не могу. Вот погибаю уже. Вдруг один звериный след увидел. Соболя след. Подумал: «Хоть по этому следу пойду. Может, его убью, может, поем». Так следом за ним пошел. Долго шел. Десять дней за ним шел. Потом от голода обессилел. Как десять шагов сделаю, так отдыхаю. Так, выбившись из сил, чуть-чуть уснул. Уснувши сон увидел. Женщина одна прекрасная и молодая, ко мне обратясь, сказала: «О, бедный человек! Ты долго страдаешь. Я тебе свой след показала. Поэтому за моим следом иди. Когда ты ко мне приближаться станешь, то следов много будет. Смотри, моего следа не потеряй. След, по которому ты теперь идешь, хорошо рассмотри, только по нему иди. Когда ты ко мне придешь, еды много будет. Одну зиму-то тебя кормить буду, тебя оживлю. Потом, когда лето настанет, узнав, где твое селение, уйдешь».

Потом он проснулся. О том, что видел, подумав, опять за этим следом пошел. В то время как шел, следов много показалось. Путаться стал, но, хорошо рассмотрев их, тот след узнал, за ним пошел. Немного пройдя, увидел — из одного жилища по самой середине горы дым клубами выходил. Обрадовался. О своем сновидении подумал. Когда к этому жилищу пошел, то до жилища дойдя, сел, подумал: «Зайти ли, не заходить ли?.

Тогда из жилища женщина, увиденная им во сне, вышла, сказала ему: «О, Мыкрфин", зачем дошедши сел. Быстрее войди! Уже до погибели почти дошел! Зачем стесняешься?».

Тогда Мыкрфин" поднялся, вошел. Там всякой еды посреди почетной пары полным-полно стояло. Тогда Мыкрфин" пошел, на пару сел. Эта женщина ему сказала: «Ешь!». Когда Мыкрфин" поглядел, то мясо различных зверей, сваренное во множестве, лежало. Мыкрфин стал есть. Немного поев, спать захотел. Лицом на еду склонившись, уснул. Когда проснулся, то стал себя чувствовать лучше. Опять поел. Теперь уже хорошо стал себя чувствовать. Потом, закончив есть, сказал: «Благодарю, премного благодарю. Вот о гибели своей уже думал, но по счастью к тебе пришел». Эта женщина ему сказала: «Ты по счастью ко мне не пришел. Это я, жалеючи тебя, к себе привела». Тогда он сказал: «Благодарю! Если я когда-либо, каким-либо счастьем до своего селения дойду, то я тебя отблагодарю». Тогда эта женщина сказала: «За что? Тебя жалеючи спасла. К чему благодарить?». Мыкрфин" спросил: «Как я своего селения достигну?». Тогда эта женщина сказала: «Ты этой зимой разве достигнешь своего селения? Поживи! Перезимуй! Летом возвратишься». Тогда Мыкрфин" остался.

Когда середина зимы пришла, эта женщина ему сказала: «Ты, ведь, жены не имея, живешь, да?». — «Да». «Почему же, жены не имея, живешь?».—«Плохо я живу, разве какая-либо женщина за меня пойдет?». Тогда эта женщина сказала: «О! О том, что ты плохо живешь, я и сама знаю. Ты лишь один-единственный нивхов поддерживающий человек! И морских зверей, и морскую рыбу, и лесных зверей всех убиваешь, нивхов кормишь. Я действительно это знаю. Ты добрый человек. Плохих [бедных], хороших [в достатке живущих] всех, жалея, оживляешь. Ты лишь сам о себе говоришь, что ты плохой [бедный]. А я-то думаю, что ты всех лучше. Ты, принижая себя, о себе говоришь. Уж я-то знаю! Теперь ты ко мне пришел. Я мужа не имею. Ты жены не имеешь Если только я тебе не противна, возьми меня! Давай будем вместе и жить и мучиться» (это она говорит, унижая себя. — *Пояснение Шызн"ыуна).* Тогда Мыкрфин" сказал: «Ты, возможно, обманываешь меня. Если ты без обмана мне говорила, я, вероятно, жить буду». Тогда эта женщи-

на сказала: «Зачем я тебя обманывать стану?» Вот так они вместе жить стали.

Миновало три года. Тогда его жена сказала: «О, ты! Почему в свое селение сходить не хочешь? Хоть немного своих товарищей увидишь. Им обо всем расскажешь, чтобы они спокойны были. Два года со своими товарищами поживи, зверей убивая, их корми. После этого ко мне приди! Теперь у нас обоих ребенок скоро будет» (это она ему намекает, что забеременела от него. — *Пояснение Шызн"ыуна)*. Тогда Мыкрфин" сказал: «Действительно, я по своим товарищам соскучился». Его жена сказала: «Я-то знаю. Поэтому тебя посылаю к ним. Ты когда уйдешь, когда два года среди них проживешь, ты живой, с полным телом ко мне не возвратишься. Медведь тебя убьет. Тогда ты по-настоящему [окончательно] ко мне придешь. С того момента ты уже обратно не возвратишься. Если медведь тебя не убьет, то хотя ты и вернешься ко мне, но о своих товарищах все скучать будешь, пойти к ним хотеть будешь. Так вот, чтобы этого больше не случилось, надо чтобы медведь тебя умертвил».

Тогда Мыкрфин" в свое селение ушел. Его товарищи думали, что он умер, но он живой возвратился. Потом Мыкрфин" им обо всем рассказал: о том, как он заблудился, о том, что ему та женщина говорила, на сколько лет его отпустила (букв.: «на сколько лет мерку сделала». — *Е. К.*). Его товарищи еще пуще обрадовались.

Вот Мыкрфин" два полных года среди товарищей жил. Зверя убивая, их кормил. Рыбу убивая, их кормил. Однажды осенью он в лес пошел. Никакого оружия с собой не нес. Лишь с одними голыми руками пошел. Тогда к нему чрезвычайно большая медведица подошла. Они сразились. Мыкрфин" медведицу убил, сам умер.

Тогда товарищи его взяли, поправили, как медведя его наладили, похоронили. Этого медведя тоже похоронили в одно место, вместе с ним положив.

С тех пор до этих дней, когда нивхи медведя убивают, то постукивают по бревну. Женщины, разные слова говоря, по бревну постукивают. Но чтобы Мыкрфин"а нивхи никогда не забыли, они его имя произносят и прежде всего, по бревну палочками постукивая, говорят:

Мыкрфин", сондок"о
п'ын"п'ын" сондок"о».

Я был потрясен красотой этой легенды. К сожалению, смысл песни остался неясным: значение слова *сондок"о* выяснить не удалось, а слово *п'ын"п'ын"* сопоставляется с корнем галгола *п'ын"д* — «раздуваться».

— Это его жена, в медведицу обратившись, забрала к себе, — пояснил Шызи"ыун.

Когда мы с ним прощались, он мне сказал:

— Снова приезжай к нам в Усть-Агнево. Там я тебе много сказок и преданий расскажу, если захочешь.

9 февраля. Бега собак сегодня утром еще продолжались. Но бежали уже только четыре собаки. После религиозно-магического окуривания собак смолистым дымом ели их вывели на площадку. Новым в сегодняшнем соревновании было то, что вместо нарты к потягу привязали шкуру с головы медведя. В шкуру было завернуто белоснежное *инау*, и в нем, вероятно, по представлениям нивхов, должна была помещаться душа зверя.

В связи с этим обрядом невольно вспомнилось вчерашнее сообщение Нёма, что души собак, участвующих в бегах, пойдут к горным людям. Возможно, что некогда с этим обрядом связывалось еще представление о том, что души собак, участвовавших в празднике, сами повезут медведя к горным людям.

Когда собаки добежали до финиша со шкурой с медвежьей головы, юноши задержали их. Затем одну собаку, оказавшуюся слабой, увели. Оставшихся трех собак повели к старту. Одну из них пустили впереди с рукавицей, которую она волочила по снегу, а двух остальных — вслед за нею. Одна из них немного вырвалась вперед и оказалась победительницей. Это была собака Омха.

После собачьих бегов нивхи собрались вокруг медведя. Предстояла серьезная задача — извлечь из клетки медведя.

Два нивха держали на шестах две подвижные веревочные петли. Свободные концы петель были смотаны — их держали в руках нивхи. Нужно было набросить петли на грудь медведя. Для этого требовалось надеть петли ему на голову и протащить сквозь них его передние лапы. Нивхи работали сосредоточенно, слаженно, без лишних разговоров.

Прежде всего они сняли с потолка первое бревно. Тогда образовалась достаточная щель, сквозь которую мож-

но было действовать. В щель просунули шест с петлей, попытались надеть ее через голову и лапы зверя на его грудь. Медведь бегал по клетке, несколько раз сбрасывал с шеста петлю, но в конце концов она была накинута ему на шею, а затем при помощи шестов ее продели под его передние лапы и затянули на его туловище.

Когда это было сделано, свободный конец петли просунули, помогая себе шестом, сквозь заднюю стенку клетки. Группа нивхов схватила веревку и подтянула на этой петле медведя к задней стенке. Подтянутый к стене и прижатый к ней, он не мог свободно двигаться по клетке, и вторую петлю надеть на него было сравнительно легко. Теперь на туловище зверя были уже две петли. Конец одной из них, выведенный за переднюю стенку клетки, держала одна группа нивхов, а конец второй петли, находившийся за задней стенкой, держала другая группа.

С потолка сняли еще несколько бревен. Образовалась достаточная щель, сквозь которую медведя можно было извлечь из клетки. Нивхи, стоявшие у щели, потихоньку подтаскивали к ней медведя, а группа нивхов, находившаяся позади клетки, удерживала его на веревке, притормаживая его продвижение вперед.

Вблизи клетки стояли нивхи с шестами, на концах которых были надеты легко затягивающиеся петли. Как только над клеткой показалась морда медведя, ему протянули палку с привязанной петлей на конце. Он схватил ее зубами, и в тот же миг подвижной петлей нивхи затянули ему пасть. Когда же медведь попытался положить на стенку клетки передние лапы, то на них — сначала на одну, а затем на другую — были наброшены легко затягивающиеся петли. Концы петель были в руках у нивхов, и лапы зверя, таким образом, могли быть в любой момент остановлены, если бы он пожелал пустить их в ход.

Медведя продолжали извлекать из клетки. Когда он оказался на земле, произошло нечто для меня неожиданное. Кимчик мгновенно прыгнул, выбросив назад и кверху ноги, и грудью, в которой в данный момент сосредоточивалась вся тяжесть его тела, рухнул на голову зверя и крепко обхватил его шею руками. С такой же быстротой на спину Кимчика упал Омх и, просунув руки под туловище Кимчика, схватил медведя за уши. Изо всех

сил потянув их к себе, он прижимал голову медведя к груди Кимчика. Схваченный за шею, за уши и придавленный тяжестью двух тел, медведь на мгновение был деморализован, и этого было достаточно нивхам, чтобы овладеть зверем и привести его в беспомощное состояние. Я не успел разглядеть, когда и как под брюхо медведя крест на крест, наподобие буквы Х, были подложены четыре кола — два с одной и два с другой стороны. Четыре нивха с силой прижимали колья друг к другу. Под медведя была подведена толстая жердь, к которой и привязали его лапы. Два человеческих тела давили голову медведя вниз и сжимали ее. Могучий зверь был жалок и бессилен перед нивхами.

Вокруг медведя копошились нивхи. Оказывается, это нападение на него было совершено для того, чтобы надеть ошейник с вертлюгом *(мах"т)*, к которому с обеих сторон прикреплена железная цепь. К ее концам тоже были привязаны крепкие ременные веревки.

Одновременно с этим на туловище медведя необходимо было надеть два крепких ременных пояса. Один требовалось затянуть сразу же за передними лапами, а второй — перед задними. Оба ремня к тому же пропускались на спине сквозь сдвоенную ременную петлю — *оли*, напоминающую по форме восьмерку. Назначение ременных поясов состояло в том, чтобы не позволить медведю стащить с шеи ошейник. Для этого ошейник крепко притягивался ремнями к первому поясу через петлю *оли*, а последняя была скреплена со вторым поясом. В этих условиях стащить ошейник с шеи лапами было невозможно.

Когда пояса и ошейник были надеты на медведя, нивхи отпрянули от него. Зверь оказался на цепи, которую за длинные ременные веревки, привязанные к ней, держали две группы нивхов. Однако веревки были для зверя недосягаемы, он мог захватить лапами только цепь.

Нивх Очи, маленький, славный, умный Очи, которому я многим обязан в познании жизни нивхов, рассказал мне, что в пору его детства хозяин медведя (т. е. нивх, выкормивший его) добивался того, чтобы медведь укусил его и на всю жизнь оставил ему память о себе и о ребенке, взамен которого нивх его выкармливал. Чтобы заставить медведя укусить хозяина, тот брал маленькую палочку, подходил вплотную к зверю, только что извле-

ченному из клетки, и начинал гладить его. Если медведь, которого нивх выкормил, не хотел кусать, он тыкал его палочкой и в конце концов добивался, чтобы медведь, разозлившись, укусил его. Но в то же мгновение нивхи, стоявшие с двух сторон, совали в пасть зверя палки и не давали ему глубоко вонзать зубы в тело хозяина. Очи рассказывал, что он сам в детстве видел, как медведь, разозленный таким образом нивхом Моткой, укусил его в грудь.

Медведя в последний раз повели погулять по воле. Нивхи, стоявшие первыми от него, взяли в руки по палке, чтобы поддразнивать ими зверя. Ведомый на цепи, он покорно шел туда, куда шли нивхи.

Видимо, его вели так, чтобы он унес память о тех местах, где жил. С ним спустились на реку, поводили его по льду Тыми, а затем повели к проруби, из которой берут воду, и обвели его вокруг нее. Несомненно, это обведение носило характер религиозного обряда. Затем медведя повели к площадке для собачьих бегов и провели его от старта к финишу, т. е. по направлению к землянке Паркызина. Потом с ним поднялись на берег, довели до клетки и привязали между столбами. Там медведь отдыхал некоторое время один.

Вскоре из землянки вышли Паркызин и Нём. Они подошли к медведю, взяли по маленькой елочке, очищенной от нижних ветвей, и верхушкой ее осторожно стали наметать и набрасывать на него рыхлый снег. Потом легкими движениями верхушек елочек они стали сметать его. Это означало, что они мыли зверя. Медведь стоял спокойно и не сопротивлялся.

Бережно обмыв зверя, нивхи отвязали его от столбов и повели к землянке Паркызина. В это время из нее все вышли. Даже щенят выносят из жилища, когда вокруг него обводят медведя: оно должно быть в этот момент совершенно пустым.

В сени пустой землянки вошел Нём. Медведя повели вокруг нее по ходу движения солнца, т. е. с востока на запад. Как только медведь поравнялся со входом в землянку, Нём высунулся из нее. В руках у него была молоденькая елочка, очищенная от веток, за исключением верхушки. Этой верхушкой он погладил медведя по спине, а затем резким ударом о бок медведя сломал верхушку елочки.

Медведя обвели вокруг земляника три раза, и Нём каждый раз гладил его новой елочкой и затем ломал ее о бок зверя. Так были сломаны три деревца. Каждый удар деревцем символизировал удар копьем. Обряд обведения медведя вокруг жилища называется *таф таг авыд* — «окружать жилище».

После совершения обряда Паркызин мне сказал, что отныне его жилище «шибко большой *уиг"нд* — табу». Это *пал'раф* — горное жилище, принадлежащее как бы горным людям. В таком жилище сажать на заднюю нару чужеродца нельзя. В нем ничего нельзя ломать, ничего нельзя портить. Каждая порча искупается принесением собаки в жертву горным людям-духам.

Нивх Керкер с Луньского залива, бывший в это время на Тыми, сказал мне, что нивхи, живущие на Луньском заливе, в день последнего извлечения из клетки медведя надевают на него «штаны» *(тыхыф в"ар кизд)*, т. е. обе задние ляжки обвязываются ремнями, прикрепляемыми затем к заднему поясу. В разговоре с Керкером, очень умным и приятным нивхом, выяснилось, между прочим, что он смог бы нарисовать весь медвежий праздник.

Я дал ему две тетради в клетку и карандаш, с интересом ожидая, что из этого выйдет.

После совершения обряда нивхи повели медведя на берег реки, поводили его немного по ней, перешли с ним через реку, поднялись на противоположный берег и повели дальше, пока не пришли к месту, на котором представители рода *Урмыквонн"* убивают своих медведей.

Медведя привели к входу на площадку. Только сейчас я обратил внимание на то, какой изящный вид был у нее. Высокие стройные елочки, очищенные от коры, с длинными белоснежными *инау*, висевшими у самых верхушек, были нарядны и красивы. Две линии деревьев — *в"ата*, воткнутых по обеим сторонам площадки, расположившейся среди вековых лиственниц и елей, придавали ей характер игрушечной аллейки.

И тут я понял, что разворачивалось передо мной.

На далекой-далекой окраине Азиатского континента один из загадочнейших народов этого материка — нивхи—готовились к расставанию со зверем, который, словно человек, прожил среди них три года, а теперь, по их представлениям, душа его освободится и он уйдет нако-

нец к своим сородичам. Все сделали нивхи для того, чтобы он остался доволен тем временем, когда он был у них в гостях, когда они, отказывая себе в лучшей пище, отдавали ее ему. Теперь же они устроят ему такие великолепные проводы, которых он никогда не забудет. Медведь, по их мыслям, должен был оценить их заботы и оправдать их упования.

Нивхи вошли с медведем на площадку и повели его к толстому дереву *ч'ве*, возле которого его должны убить. Там они привязали его к столбам (*к"арг'ан"*), обратив мордой к выходу с площадки. Левый столб от медведя считается у нивхов передним (*нуг"ин" к"арг"ан"*) и наиболее важным.

Вскоре после того как медведя привели на площадку, по следам его лап привезли нарту, нагруженную корытами со студнем. Ее подвезли поближе к зверю. Корыта сняли с нарты и полукругом поставили их перед медведем. Вблизи него находились Нём и Паркызин, а присутствующие стояли поодаль за корытами.

Паркызин вытащил набедренный нож и вырезал им из каждого корыта по куску студня. Он складывал их в огромную ложку — только ее ручка была длиной около двух метров. Когда ложка была наполнена, старик Нём опустился на одно колено и подвинул ее к морде медведя. Тот с удовольствием съел поднесенное ему лакомство. Когда медведь насытился, корыта снова поставили на нарту и оттащили ее в сторону, к воткнутым в снег деревцам.

После этого все с площадки ушли в землянку Паркызина. Ушел и сам Паркызин. Возле медведя остались только старики Нём и Пыхтанка. Меня тоже попросили уйти в землянку, но я ушел лишь с площадки, чтобы никого не расстраивать, и стал подальше в стороне от нее, чтобы видеть происходящее. Пыхтанка тоже отошел в сторону от медведя.

Тогда Нём взял маленькую елочку, подошел с ней поближе к медведю и стал наметать снег на спину и бока зверя, а потом сметать. По его спокойным движениям нетрудно было догадаться, что он делал это с любовью, что он в последний раз обмывал это животное, как-то связывающееся в его сознании с Тамайкой — его внуком. Тут я услышал, что Нём нараспев что-то говорит медведю. Позже Пыхтанка сказал мне, что Нём го-

ворил медведю: «По аллее из елочек и тальника иди! Дурных мыслей не имея с гладкими (?) мыслями иди!» (*«пщун"гин куин"игин тяг·ар ург вия! т'а ыкилан" к"ог·ол ивр, к"ог·арр вия!»*).

Старый Нём просил гостя-медведя не питать к нивхам дурных мыслей и относиться к ним благожелательно!

После прощального напутствия медведю Нём и Пыхтанка направились к землянке Паркызина. Они категорически потребовали, чтобы я ушел вместе с ними, так как никто не должен в это время оставаться на площадке, кроме медведя.

В землянке было много нивхов. Там ждали прихода стариков. Ни одного человека из участников праздника не было в это время снаружи — все собрались сюда. Среди леса на площадке находился один лишь медведь.

Все оставались в землянке не больше двух-трех минут. Потом дверь открыли и, не торопясь, стали выходить из нее наружу в таком порядке: первыми вышли *н"арк"и* — Промун и Ныркин, за ними Нём, Пыхтанка и Паркызин. Следом за ними стали выходить и остальные нивхи.

Однако как только Нём вышел из землянки, он ускорил шаги и опередил *н"арк"ов*. Теперь он, по обычаю предков, возглавлял процессию.

Нивхи шли друг за другом, гуськом, по следам медведя той дорогой, которой его вели на площадку. Нём нес в руках деревянный лук и деревянную стрелу, Промун, шедший следом за ним, — два деревянных лука и стрелы — деревянные и с железным наконечником, Ныркин — котелок и топор, Паркызин, шедший за ним, — тоже котелок и топор. Остальные нивхи шли, ничего не неся с собой.

Глядя на это торжественное шествие, на деревянные луки и деревянные стрелы, можно было бы подумать, что взрослые нивхи идут забавляться. Однако это была не забава! Это было, пожалуй, самое крупное религиозное священнодействие из всех совершаемых этим народом.

Нивхи не спешили, шли медленно и серьезно, не сбиваясь со следов медведя.

Когда процессия дошла до входа на площадку, она остановилась. Нём взял стоявший в стороне ствол тальника. В верхней его части была застружена «борода».

Он воткнул этот ствол в снег по самой середине входа на площадку. Затем Промун у одной стороны аллеи поставил свой котелок и воткнул топор топорищем в снег, обратив его лезвие в сторону медведя. У противоположной стороны аллеи поставил свой котелок и воткнул в снег топор Паркызин, также обратив его лезвием в сторону медведя.

Здесь, у входа на площадку, нивхи остановились. Отсюда должна была начаться стрельба деревянными стрелами, именуемая *кшыунд*.

Нём поднял лук и вложил в него свою единственную деревянную стрелу. Он слегка натянул тетиву и выпустил стрелу вверх. Стрела взлетела невысоко и упала на площадку невдалеке от нивхов. Это, сказали мне они, он «дорогу делает» для *н"арк"ов,* которые будут стрелять после него.

Следующим стрелял Промун. Он взял свой лук, стрелы с деревянными утолщенными наконечниками, стал у входа в середине площадки и начал стрелять. Полет стрел был виден отчетливо. Они плавно летели вдоль прекрасной аллеи и падали на снег. Чаще они не долетали до медведя, но иногда перелетали даже через него. Это было красивое зрелище.

После Промуна стрелял Ныркин.

Все присутствующие стояли позади них. Находиться впереди стрелявших не разрешалось.

Когда Ныркин закончил стрельбу, Нём вытащил из снега воткнутый в него ствол тальника, дошел с ним до середины аллеи и воткнул его в центре площадки. Отсюда снова началась стрельба деревянными стрелами. Первым стрелял Промун, вторым — Ныркин. Нём уже больше не стрелял.

Когда стрельба закончилась, Нём в третий раз пошел к медведю. Теперь за ним шел только один Ныркин. Все остальные продвинулись за ними немного вперед и словно по команде уселись на снег площадки полукругом.

Нём взял тоненькую елочку, очищенную от коры и нижних веток, и стал слева от медведя возле левого столба. Верхушкой елочки он стал слегка ударять по морде зверя. Медведю, видимо, это не очень понравилось. Он стал ловить верхушку елочки пастью, а Нём, продолжая дразнить зверя, поставил медведя таким образом, что его правый бок оказался повернутым к Ныр-

кину. У нивхов некоторых родов на медвежьем празднике в медведя стреляют из лука только в правый бок.

Ныркин только этого и ждал. Выдвинув вперед левую ногу, он крепко уперся пяткой в снег, откинул немного назад туловище, поднял лук, вложил в него стрелу с железным наконечником и, с силой натянув тетиву, спустил ее. Стрела вырвалась из лука и насквозь пробила грудь медведя, пройдя ее немного наискосок, сверху вниз.

Сильный рев раненого зверя огласил лес. Мгновенно изогнувшись, медведь схватил лапой стрелу и сломал ее. Пасть его наполнилась кровавой пеной. Злыми глазами смотрел он на нивхов и тяжело дышал. Из левой половины груди зверя, оттуда, где вышел наружу конец железной стрелы, ручьем хлынула кровь. Она текла с такой силой, что брызги ее разлетались вокруг по снегу. Ныркин, а вместе с ним и другие нивхи молчаливо ждали, но медведь не думал падать. Он крепко держался на лапах и тоже, по-видимому, чего-то ждал.

Ждать медведю пришлось недолго. Снова Нём стал дразнить его елочкой, снова зверь повернулся правым боком к нивхам, снова поднял лук свой Ныркин, снова вырвалась из лука стрела и вонзилась в грудь медведя чуть выше первой стрелы.

Снова раздался рев смертельно раненного зверя. Тяжело дыша, он быстро повернулся мордой к Ныркину. Он будто недоумевал, что нужно от него сидящим напротив нивхам, стоящему напротив его морды Ныркину. За что они причиняют ему такую страшную боль? Он не пытался сломать древко второй стрелы. На это у него уже не было сил. Глаза его стали укоряюще печальными. Кровь хлынула из пасти, лапы подогнулись и он рухнул на снег мордой к сидящим.

Видно было, что грудь его еще тяжело вздымалась. Тогда Пыхтанка вскочил с места, подбежал к медведю, упал животом на его голову, сильно придавил ее вниз и руками стал нагребать снег на его ноздри — чтобы медведь быстрее задохнулся. «Это, — сказали мне нивхи, — позволено делать только хозяевам медведя — Паркызину и его сородичам».

Когда медведь перестал дышать, Паркызин подбежал к Ныркину и закричал:

— Ты зачем нашего медведя убил?

Ныркин ответил:

— Хоть я и убил вашего медведя, но не боюсь вас.

— Раз так, — сказал Паркызин, — давай бороться!

Паркызин и Ныркин схватились друг с другом якобы для того, чтобы серьезно бороться, и Паркызин позволил Ныркину быстро свалить себя на снег. Нетрудно было понять, что это всего лишь инсценировка борьбы, которая должна была обмануть медведя и показать ему, что Паркызин не имеет никакого отношения к его убиению, что он этого и не желал.

Позже я узнал, что Паркызин был недоволен тем, что Ныркин не сумел с первого выстрела умертвить медведя, а доставил ему лишние мучения, всадив в него вторую стрелу.

Нивхи сидели спокойно на снегу в ожидании того, что будет дальше.

После борьбы Нём отвязал веревки, которыми медведь был привязан к столбам. К медведю подошли Паркызин, Кимчик, Промун и Ныркин. Они крепко ухватились за цепи и поволокли убитого медведя к левому столбу, возле которого раньше стоял Нём и дразнил медведя. Три раза протащили они тушу медведя вокруг столба, двигаясь с ним с востока на запад, т. е. по движению солнца. Потом они поволокли медведя на прежнее место и положили его мордой к сидящим. В других местах в этом случае медведя укладывают мордой к левому столбу и правым боком к сидящим. Передние лапы медведя были вытянуты вперед, а морда уложена на них, т. е. его положили так, будто он лег отдохнуть. Затем Нём взял ремень, сделал на одном его конце петлю, сквозь которую продел другой конец ремня. Образовавшуюся большую подвижную петлю он надел на шею медведя и слегка затянул ее сзади. Свободный конец петли он привязал к молоденькой елочке, воткнутой возле левого столба. Эта привязь называется *ларе*". Ею привязывают к дереву медведя, убитого и во время медвежьего праздника и в тайге. Она, несомненно, должна показать, что медведь уже пришел к нивхам, что он ими уже привязан и душа его будет теперь присутствовать среди них, чтобы видеть, какие почести ему воздаются.

Нивхи продолжали сидеть на снегу полукругом. Сидел среди них и я, ожидая, что будет дальше. Нас окружал лес. А перед нами лежал убитый медведь.

Паркызин пошел к нарте, на которой стояли корыта со студнем, от которых в последний раз дали отведать медведю по куску. Взял одно из них и перенес его ближе к сидящим. Потом проделал то же с другим корытом. Набедренным ножом он разрезал студень на куски и стал обносить студнем сидящих нивхов. Каждый брал по одному, по два куска студня и съедал их тут же. В сущности это означало, что нивхи ели с медведем из одной посуды. Поев, нивхи поднялись и ушли.

На площадке остались Нём, Пыхтанка и Паркызин, Очи и я.

День клонился к вечеру. Мороз окреп. Держать карандаш в пальцах было трудно, но я не мог отказаться от того, чтобы увидеть, как старики будут разделывать тушу медведя. Ведь по преданию, рассказанному Шызн"ыпом, медведь — это человек! Однако то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Я и думать не мог, что в этом процессе раскроются не только важные данные для выяснения представлений древних нивхов о медведе как о человеке, но и выявятся еще ценнейшие сведения для восстановления форм общественного быта их предков. Религиозный ритуал консервативен, поэтому он способен удерживать в себе в виде пережитков такие формы представлений и жизни, которые давно уже пройдены народом.

Прежде всего надо отметить, что процесс свежевания любого зверя называется у нивхов *изнд,* но когда говорят о свежевании медведя, то произносить этого слова нельзя. Вместо него говорят *лаз'нд.*

Разрезали медведя специальными ножами, хранившимися в колчане, который в свою очередь сохранялся в родовом медвежьем амбаре.

Нивхи отвязали от елочки ремень, которым медведь был к ней привязан, но с шеи ременную петлю не сняли. Они смотали ее свободный конец и, перевязав поперек, закрепили сзади на шее. Этот моточек ремня они называют *пол*, т. е. так же, как и человеческую косу, сложенную таким же образом и завязанную. Так в самом начале процесса свежевания медведя выявился факт, свидетельствующий, что медведь, по представлениям древних нивхов, — действительно человек.

После этого с шеи медведя сняли ошейник вместе с цепями и повесили его, растянув между столбами. Затем

медведя повернули на спину и приступили к его свежеванию. Очи взялся объяснять мне происходящее.

Раздвигая пальцами шерсть на шкуре медведя, Нём сделал на ней продольный разрез от края нижней губы до отверстия прямой кишки. В трех местах он оставил на шкуре три тоненькие полосочки неразрезанными. Их называют *уг"р* — «пуговицы». Разрезать их ножами нельзя. Нём подвел под каждую полоску палец, потянул ее к себе и с возгласом «х·у!» перервал. Очи пояснил мне, что при свежевании медведицы таких полосок оставляют четыре. И разрывают их с возгласом «экмыкрох», но объяснить значение возгласов он не мог.

Кроме этих трех «пуговиц», на шкуре медведя оставляют еще одну полоску, которая называется *валс* — пояс. Ее тоже не перерезают ножом, но разрывают пальцем. Очи мне сказал, что, по сообщениям стариков, медведь носит на этом поясе *млы,* т. е. маленькую сумочку, в которой нивхи до знакомства со спичками носили трут, красный кремень и железное кресало для высекания огня.

Так религиозный ритуал сохранил в виде пережитков чрезвычайно ценные факты, свидетельствующие о том, что шкура медведя — это всего лишь одежда горного человека, поскольку на ней имеются и «пуговицы» и «пояс».

От центрального разреза, проходившего вдоль всего медведя, Нём провел еще поперечные разрезы. Они шли к передним и задним лапам медведя, а затем вдоль лап и примерно на два сантиметра не доходили до подошв. После этого Нём и Пыхтанка повернули медведя на бок и освежевали его до середины спины. Потом они повернули его на другой бок и освежевали вторую половину туши. С головы шкура не была снята. С лап шкуру сняли, но вокруг подошв были оставлены полоски шкуры вместе с когтями. Эти круговые полоски называются *ис* и снимать их вместе с освежеванием всей шкуры нельзя.

Когда туша медведя была освежевана до головы, медведя повернули на брюхо, вытянули вперед его передние лапы и положили на них голову, придав ему такую позу, в какой обычно медведь отдыхает. Эту позу нивхи называют *иврыунд.*

Теперь старики снова накрыли медведя шкурой, и приготовились к обряду.

Нём стал у головы медведя, а Пыхтанка у его ног. Вдруг Пыхтанка зарычал по-медвежьи, приподнял сзади шкуру и, три раза ударив ею по спине медведя, перебросил Нёму. Тот тоже зарычал по-медвежьи, подхватил шкуру зверя и перебросил ее Пыхтанке, который тоже ее подхватил. Затем Пыхтанка снова накрыл медведя шкурой, и снова, три раза ударив ею по спине зверя, перебросил ее к голове, Нёму. Эту процедуру они повторяли трижды, не переставая при этом рычать по-медвежьи. По словам Очи, если бы это была туша медведицы, шкуру перебрасывали бы четыре раза. Объяснить же мне сущность этого обряда, идущего из глубины веков, Очи не мог.

После обряда старики завернули шкуру за голову и вырезали между лопатками медведя пласт жира, называемый *х'ымн''н''ох''* — «колчаночное сало» (от *х'ымн''* — «колчан» и *н''ох''* — «сало»). Затем старики вместе с колчаночным жиром и шкурой отрезали голову медведя от туши.

Шкуру медведя сложили шерстью наружу и скатали ее с заду наперед таким образом, что голова медведя оказалась лежащей на ней сверху. Затем нивхи принесли свежую еловую плаху (*н''аньа-алмр*), стоявшую в конце площадки для убиения медведя, и положили на нее медвежью шкуру таким образом, что голова медведя приняла как бы естественное положение: она была обращена мордой в сторону присутствующих и будто смотрела на них.

После этого ноздри медведя заткнули маленькими обломками еловых веточек, чтобы он не чувствовал запаха людей, которые будут разделывать его тушу. Если этого не сделать, то при охоте в лесу он, ожив, может якобы учуять запах человека, членившего его тушу, и тогда может произойти беда.

Лежавшая на снегу обезглавленная туша медведя, покрытая белым салом, действительно была очень похожа на тело человека.

Пока происходило свежевание зверя, Кимчик привез на нарте различную деревянную посуду, употребляемую исключительно на медвежьих праздниках. Тут было много удивительно красивых чаш — *ньхыр,* оставшихся от проводимых ранее медвежьих праздников.

Оказывается, для сердца каждого медведя, убитого в

лесу либо на медвежьем празднике, изготовляется из березы новая чаша *ньхыр*, которая затем хранится в медвежьем амбаре и употребляется на последующих медвежьих праздниках. На чаше для сердца медведя, убитого на медвежьем празднике, вырезают медведя с цепью на шее, а на чаше для сердца медведя, убитого в лесу, — медведя без цепи. Ручки этих замечательных чаш покрыты удивительной резьбой. И для изготовления их нужно обладать высоким мастерством и безупречным вкусом. Паркызин для сердца своего медведя сам вырезал великолепную чашу из высушенного им куска березы. На ручке ее он изобразил медведя, привязанного цепями.

Когда голова и шкура медведя были уложены на доску, старики приступили к отделению пластов сала. Кроме названного уже «колчаночного сала», они срезали еще пласты сала с лопаток и частично с передней части груди. Эти пласты называются *н"аг"рин"ох"*. Затем были срезаны пласты сала со средней части туловища. Они называются *хоньен"аун"ох"*. Потом срезали пласты сала с задней части медведя, называемые *эурн"ох"*, и наконец куски сала с пахов задних и передних лап. Эти части считаются самыми жирными.

Пласты и куски жира, срезанные с левой стороны медведя, были повешены на сучки табуированного ствола *(уиг"лан" так"и)*, воткнутого в снег слева от головы медведя, а пласты и куски жира, срезанные с правой стороны медведя, были повешены на такой же ствол, воткнутый в снег справа.

Потом старики сделали маленький разрез сбоку с левой стороны грудной клетки и протолкнули туда небольшую палочку с развилиной *(утыр)*.

Затем были отделены передние и задние лапы медведя. Примечательно, что кровеносные сосуды, идущие от туловища к лапам, перерывались пальцами. При каждом разрыве сосуда старики произносили слово *вэк"*, значения которого они объяснить мне не могли. Перерезать сосуды в этих местах ножом запрещается. Только после того как сосуды были перерваны, лапы были отделены от туловища ножом. Передняя и задняя лапы с левой стороны были положены на доску слева от головы медведя, а лапы с правой стороны — на доску справа: передние лапы спереди, а задние — сзади.

Потом приступили к вскрытию грудной полости мед-

ведя. Прежде всего была вырезана грудина. У всех животных ее называют *н''арг''рн''аньг''ф* — «грудная кость», но у медведя ее именуют *ч'ойир н''аньг''ф.* Вычленение ее из грудной клетки медведя не просто и сопровождается следующим строгим ритуалом. Сперва Нём отрезал три верхних ребра примерно на расстоянии пяти пальцев от обеих сторон грудины; три следующих ребра он отделил с обеих сторон подле самой грудины; три нижних ребра он отрезал примерно на расстоянии ручной четверти от грудины. Затем он отделил грудину и вынул ее.

После этого Нём приступил к извлечению внутренних органов грудной клетки. Вот тут-то я и понял назначение палочки с развилкой, просунутой в грудную полость. Старик нашел ее в полости, подсунул под аорту, навернул ее на развилку, потянул к себе и с усилием перервал. Таким же способом им были разорваны и легочные артерии. Перерезать их ножом запрещал *мролвтор* — «древний закон». Я глядел на то, как Нём выделил (в сущности вырвал) сердце из груди медведя, и подумал: «К каким неведомым глубинам каменного века нисходит этот обычай, освященный религиозным ритуалом? Быть может, человеку отдаленных веков камня сердце представлялось живым существом, и поэтому сердечные сосуды и те места в артериях, где чувствуются удары сердца, древние нивхи назвали *н''иф пукр* — «сердечная привязь» (*н''иф* — «сердце», *пукр*—«привязь»), словно сердце это нечто вроде собаки или лодки, которые могут убежать или уплыть, и их надо поэтому привязать ремнем».

Сердце называют *н''иф,* но сердце медведя называть этим обычным словом запрещено. Его именуют *нонг аунд.*

Вырванное сердце было положено в новую чашу, изготовленную Паркызиным, и поставлено позади головы медведя.

Затем было извлечено горло. У всех зверей оно называется *к''орк''р,* но у медведя *ауролаф* (от *ауронд* — «громко кричать», как говорят о реве медведя, когда его ранят). После этого были извлечены легкие, печень, селезенка, почки. Все эти органы были положены в старые посудины *ньхыр* и поставлены за головой медведя. Потом стали извлекать органы брюшной полости: желудок, кишки, жир, облегающий кишки.

Когда все внутренние органы были извлечены, старики отделили грудную клетку от брюшной полости.

Все это производилось в высшей степени деликатно и только ножами. Топору тут места не было. Ни одну медвежью кость нельзя было повредить или сломать. Ножами были отделены и ребра от позвонков.

Все части туши раскладывались так, чтобы по возможности сохранить естественное расположение наружных и внутренних органов медведя.

Приглядываясь к тому, в каком строгом порядке, регламентированном древней религиозной традицией, старики членили медведя, я случайно заметил, что на рукоятках одних ножей надеты кусочки кожи с шерстью, а на рукоятках других ножей их нет. Я спросил у них, чем это объясняется. Они сказали мне, что на рукоятки ножей надевается только кожа с половых органов медведя, что такие ножи называются *уиг"лан"дек"о* — «табуированными ножами». Ножи без кусочков кожи — простые ножи. На мой вопрос, чем обусловлено такое деление, я услышал следующее.

Медвежье мясо и сало делятся на *уиг"лаф* — табуированные части (места) и не на табуированные части. Первые режут табуированными ножами, вторые — простыми. Табуированные части мяса и сала разрешается есть одним только мужчинам, нетабуированные — женщинам. Женщины никоим образом не могут есть табуированные части медвежьего мяса и сала. Мужчинам же разрешается есть и нетабуированные части. Табуированные части называются еще *азмть иньф* — «места мужской еды», нетабуированные же части именуются *шан"к" иньф* — «места женской еды».

К *азмть иньф* относятся: голова — *тён"к"р;* нижняя челюсть — *ити;* язык — *х'ильх;* горло — *ауролаф (к"орк"р);* трахея — *н"аг·орк"ур;* место, называемое *н"иф ватьн"аф* (букв.: «место прижатия сердца»). Сюда относятся: три верхних ребра; их могут есть мужчины якобы потому, что эти ребра прежде всего участвуют в нападении медведя на врагов; грудина — *ч'ойир (н"аньг"ыф);* два первых шейных позвонка (атлант и эпистрофей) — *мах"т;* сердце — *нонг аунд (н"иф);* легкие — *х'аваф;* печень — *тивр (н"ах);* селезенка — *к"айрк"айр;* диафрагма — *ваг·ск"ор;* соски — *мызьг"рур (мыньг"рур);* самые крупные мышцы лап — *умлан"дур*

и самые крупные сухожилия лап — *умлан"дон"р;* прямая кишка — *оск"и к'выр;* «колчаночное сало» — *х·ымн"ох";* сало над лопатками — *н"аг"рин"ох";* сальник — *ч'алрн"ох"* (букв.: «сало нагрудника» — *ч'алр);* сало возле селезенки — *к"айрк"айрн"ох".*

К *шан"к" иньф* — относятся: три длинных ребра — *кылы н"айрым тех;* три коротких ребра — *пак"ла н"айрым тех;* свободные ребра — *нуг"н"айрым* (букв.: «иглистые ребра»); позвонки — *н"аспи;* лопатки — *н"аг"ри;* тазовые кости — *пыйг"н",* мясо поясничной части (дают сестрам, которые считаются у нивхов *энх"арг* — «чужеродками») — *н"амть;* задняя часть — *эур;* мясо вокруг хвоста и хвостик (очень вкусная еда, дают сестрам) — *т'ытрн"аки;* ступни и все мясо лап без *умлан"дур,* которое едят мужчины, — *н"аскывр (н"азл);* желудок — *тяви (х·иг"р);* кишки — *к'выр;* почки — *к"арк"н"ылх;* сало с задних частей медведя — *эурн"ох"* и со средней части — *х·оньг·н"аун"ох".*

Однако это еще не все, что я узнал. Медвежье мясо и сало делятся не только на табуированную мужскую еду и нетабуированную женскую еду, но и на еду, которую могут есть только старики мужчины и которую категорически воспрещается есть юношам и мальчикам. Так, например, мясо с головы, язык и сердце могут есть только старики, но юношам и мальчикам это мясо есть запрещено. Им нельзя есть и лапы медведя, которые за исключением некоторых кусков съедают женщины.

Когда я узнал об этих пищевых запретах, освященных религиозными табу, то не мог не вспомнить аборигенов Австралии. Их исследователи отмечали, что когда они убивали медведя, то делили его так. Охотник, убивший его, брал себе ребра левой стороны. Отцу он отдавал правую заднюю ногу, матери — левую заднюю ногу, старшему брату — правую переднюю ногу, младшему брату — левую переднюю ногу, старшей сестре — спинной хребет, младшей сестре — печень, брату отца — ребра правой стороны, брату матери — кусок бока, молодым людям стойбища — голову [24, 264—265]. Религиозный ритуал свежевания и разделки медведя у нивхов сохранил в виде пережитков такие явления, которые свидетельствуют о том, что в очень далеком прошлом у них существовала половозрастная организация, подобная той, которая обнаруживается еще у австралийцев.

По возможности стремясь сохранить естественное расположение частей разделенного медведя, нивхи прежде всего положили на нарту голову медведя со шкурой, а за ней по порядку остальные священные части его туши.

Несмотря на то что уже стемнело, они осторожно везли нарту к землянке Паркызина по тому пути, по которому вели медведя к площадке для его убиения.

Нарту подтащили к землянке, но не к двери, а к дымовому отверстию. Оказывается, медведя можно вносить в землянку только через дымовое отверстие! Это обстоятельство, удерживаемое религиозным ритуалом, идет от того времени, когда нивхи жили еще в таких землянках, где дымовое отверстие служило одновременно и входом в них [28, 17]. Ведь в таких землянках на севере еще в недавнее время жили эскимосы, чукчи и коряки.

Из землянки неслось веселое постукивание по бревну — оказывается, его уже тоже перенесли туда.

Когда я вошел в землянку, то в левом углу от входа увидел подвешенное бревно. Голова медведя, изображенная на бревне, с повязанным на «шее» белоснежным *инау* была обращена к входу и словно приветствовала меня. Пол был чисто выметен. На столбе висела керосиновая лампа. Она освещала землянку и заднюю нару, которая была уже приготовлена для медведя. Я не заметил, когда это произошло, но нивхи успели перетащить с площадки елочные плахи, которые были положены посредине задней пары, и оба табуированных ствола с сучками — своеобразные вешалки, которые были воткнуты по обеим сторонам плах примерно на расстоянии полутора метров друг от друга. Кроме того, вся задняя пара была устлана свежими зелеными ветками ели. Землянка была готова к приему гостя.

Старик Нём стоял возле елочки, воткнутой в очаг, и держал в руках коротенькую палочку.

Я сел на левую боковую нару и ждал, что будет дальше.

Гулко и мерно раздавались ритмичные удары, под которые исполнялась песенка:

Поян" лэрн"г:о, поян"лэрн"г:о
т'уг"р х"ог"нг:о, т'уг"р х"ог"нг:о

Быстро играем, быстро играем
Вокруг огня, вокруг огня.

Сквозь дымовое отверстие на ремне спустили колчан вместе с ножами, которыми свежевали медведя и разделывали его тушу. Нём принял колчан и положил его поперек задних нар, посередине между табуированными стволами с сучками.

Вдруг сквозь дымовое отверстие в землянку просунулась морда медведя. Она как будто разглядывала присутствующих. Тогда Нём поднял палочку и стал по три раза медленно постукивать ею по стволу елочки и протяжно нараспев спрашивать медведя:

т'аунд яундн"э::?
Кто [тебе] еду варил?
Кто [тебе] еду варил?
Кто [тебе] еду варил?

А медвежья голова в ответ на его вопросы стала передвигаться по квадрату дымового отверстия и рычать. То Кимчик, невидимый для находившихся в землянке, держал в руках голову медведя вместе с подвернутой под нее шкурой, передвигал ее и рычал по-медвежьи. В ответ на три вопроса три раза раздалось рычание.

И дрожь пробежала у меня по телу, и холодок прошел по моей голове, и глаза мои узрели людей века камня, и уши мои услышали разговор моих отцов, моих дедов и моих прадедов со зверем.

А Нём снова стал стучать по лиственнице и трижды вопрошать:

Ниспайн яундлы?
Не Ниспайн ли [тебе] еду варил?

А медведь в ответ опять стал рычать.

Нивхинки сильно и ритмично ударяли при этом по бревну, медведь приветливо рычал, показывая, что он-то знает, он понимает, кто ему еду варил, кто его салом кормил, кто его поил. И он рычал, рычал и рычал.

И вдруг гость-медведь задом вниз и головой вверх, словно по стволу дерева, стал спускаться вниз по елочке в землянку. Это Кимчик на ремне спускал вниз по стволу свернутую шкуру с головой медведя. Старик Нём задержал медведя, три раза стукнул по его шкуре палочкой и спросил:

т'аунд яундн"э::?
А кто [тебе] еду варил?

И ответил за медведя:

Ниспайн яундра
Ниспайн [тебе] еду варил.

После этого Нём отвязал ремень от медведя, понес его к задней наре и аккуратно положил его шкуру на нару, а голову на колчан, обратив ее мордой к присутствующим. Гость был принят радушно.

Нивхинки безостановочно выстукивали ритмы различных песенок. Это они приветствовали спустившегося к ним по елочке дорогого гостя — медведя.

Низ'г"ыф тён" к"р хотукэ
Голова моего медведя поворачивается (?).

Нём снова подошел к елочке, воткнутой сквозь дымовое отверстие, и в это мгновение по ней на ремне в той же позе, вниз ногами и вверх головой, спустился маленький мальчик. Нём задержал его, легко стукнул три раза палочкой и спросил словно медведя:

т'аунд яундн"э::?
Кто [тебе] еду варил?

А затем ответил:

Ниспайн яундра —
Ниспайн [тебе] еду варил.

Затем он еще три раза легко шлепнул мальчика и опустил его на пол землянки.

После этого сквозь дымовое отверстие на ремне стали спускать остальные части медвежьей туши. Прежде всего опустили лапы — передние и задние. Левую переднюю лапу положили слева от головы, правую переднюю лапу — справа от головы. Это, как мне объяснили потом, делают для того, чтобы медвежья голова как бы покоилась для отдыха на передних лапах (*иврыунд*). Соответственно переднюю заднюю левую лапу положили сзади слева, а заднюю правую лапу — сзади справа. Затем на ремне стали опускать табуированные части, положенные еще при разрезании медведя в отдельные чаши — *ньхыр*. Это были сердце, которое было помещено сразу же за головой, грудная кость, легкие, мясо, обрезанное вокруг сосков, и другие табуированные части. Затем были опущены задние части.

Когда все табуированные части были поставлены в чашах и корытах на нару, Паркызин взял пару юкол, сарану, пучку, табак, корнеплоды *тырх*, сушеную икру,

сделал из всего этого одну связку и привязал к ней лямки. Этот сверток, называемый *н"атр*, медведь наденет на себя за лямки и унесет с собой к горным людям, подобно тому как в предании убитая медведица возвращается обратно и приносит котомку, полную гостинцев.

Нетабуированные части сала, которые едят женщины, и кишки не были внесены в землянку. Они были оставлены на площадке для убиения медведя и положены на помост — *лэзи"*, который стоял возле дерева *ч'вэ*.

Позднее я спросил у Флоруна, зачем медведю сообщают имя Ниспайна, который якобы кормил медведя, в то время как нивха с таким именем ни в роде Паркызина, ни у других нивхов по Тыми нет.

— У нас такой закон, — сказал Флорун, — когда медведя в жилище вносят, когда его голову принимают, ему говорят, что такой-то старик тебя кормил, и называют имя старика из рода, который умер три поколения назад. А когда у хозяина праздника родится сын, то ему дают то имя, которое сообщили медведю.

Итак, цель устройства медвежьего праздника понемногу проясняется. У нивха умер сын. Нивх выкармливает медведя — горного человека-духа и сообщает ему на празднике имя нивха, который его якобы кормил. Когда же у нивха снова родится сын, он наречет его этим именем. Медведь, конечно, запомнит своего благодетеля, будет охранять его, не допустит до гибели, а заодно и его сородичей, принимавших участие в его выкармливании и торжественных проводах.

10 февраля. С утра ушел к Паркызину. На очаге землянки пылал огонь. В левом углу женщины отстукивали на бревне свои ритмы. На поперечной паре за головой медведя сидели Нём, Пыхтанка, Паркызин.

Я подошел поближе и увидел, что они берут из чаш табуированные части мяса и сала, режут их табуированными ножами на тонкие полосы и в таком виде кладут обратно.

Резали табуированные части медвежьей туши не на доске для крошения мяса и рыбы *(х'ах"тунд)* и не в какой-либо посудине, а на *энх"* — старых, потемневших от крови и жира причудливо сплетенных стволах молодых деревцев или кустарников, два ствола которых росли из одного корня и уродливо переплелись. На некоторых концах таких древесных переплетений были вырезаны

головы медведей и надеты куски кожи с их половых органов.

Игра на бревне, причудливые сплетения кусков дерева, священные ножи, которыми резали части медвежьего мяса и сала, — весь этот древний ритуал должен был отводить от дорогого гостя — медведя всякие мысли о том, что с ним обращаются дурно.

А женщины отстукивали ритм песенки:

кэзихор в"ай фин" х'агнонхо
патитули х'агнонхо
пын" пын" х"агнонхо
Под березой птенец рябчика.
Едва показывается птенец рябчика.
Приподнимается, приподнимается птенец рябчика.

А старики и Паркызин медленно и важно резали и резали части медвежьей туши. Они отделяли мышцу от мышцы, ребро от ребра, позвонок от позвонка, сустав от сустава и складывали их в берестяные корыта. Ни одна медвежья кость не могла быть переломана или повреждена.

Руки, вымазанные в крови и жире медведя, старики вытирали тонкими, нежными стружками *(тях)*, специально приготовленными из тальника для этой цели. Использованные стружки складывались в одно место. Их унесут потом к месту убиения медведя. «Это тоже пойдет *палрох"* — к горным людям», — сказал мне Нём.

Оставшаяся на лапах шкура *(ис)* была с большой осторожностью снята с них и повешена на табуированные стволы с сучками, стоящие по сторонам головы медведя. Не приведи господь нечаянно перерезать эту кожицу! Существует поверье, что у нивха, перерезавшего ее, зимой в тайге могут лопнуть ремни и он окажется в очень бедственном положении.

По обеим сторонам головы медведя на табуированных стволах с сучьями висели следующие его части: когти с кожей, срезанной с лап, коленные чашечки, желчь, подоженная в специальный футлярчик *(х'ай запн"ар)*.

Все табуированные части медвежьего сала и мяса можно поджаривать только на табуированном костре, находящемся на площадке для убиения медведя. Поэтому все части медвежьей туши, которые нужно было жарить, были вытащены в чашках наружу на ремне сквозь

дымовое отверстие. Этим делом все время занимался Кимчик. Чаши положили на нарту и повезли по протоpенному уже медведем пути на площадку.

Я шел следом за нартами по извилистому пути на реку, через реку, на берег и дальше на площадку, где был убит медведь. Невольно приходили на ум мысли о страшной силе религиозных заблуждений, владеющих людьми. Великий разум человека казался жалким перед химерами, созданными его воображением. Вместо того чтобы пройти на площадку прямой линией, нивхи шли длинной извилистой дорогой, лишь бы следовать по тому пути, по которому шел убитый ими медведь. Я убежден, что если бы кто-либо из них нарушил этот обычай, он заболел бы от одного только страха перед воображаемой местью медведя и незримых горных людей.

Табуированный костер находился за легкой изгородью, сложенной из тонких жердочек. Оказывается, при каждом вновь убитом медведе на изгородь накладывается новый квадрат из четырех новых жердочек. Когда такая изгородь становится высокой, ее перекладывают, но не выбрасывают эти своеобразные венцы, а уплотняют их.

Огонь на костре был зажжен родовым кресалом, взятым из родового медвежьего амбара. В старину, по словам нивхов, огонь для этого костра добывали с помощью не кресала, а деревянного огнива.

Вертел, на котором поджаривают медвежье мясо, называется *оч'эвл,* в то время как обычный вертел называется *луквыр.* Кроме того, медвежий вертел украшен затесами.

На верхний конец вертела нанизывали кусок мяса или сала. Нижний его конец втыкали в снег, а серединой он лежал на изгороди. Таким образом, жарившиеся куски сала и мяса висели высоко над огнем и их можно было то отдалять от него, то приближать к нему. Паркызин воткнул вокруг костра больше десятка таких вертелов и следил за ними. Поджарившиеся кусочки он отодвигал от огня подальше, а не поджарившиеся подвигал ближе к нему. Когда кусочек мяса или сала поджаривался, он снимал его с вертела и клал в соответствующую чашу. В поджаривании табуированных частей туши сохранился древний способ приготовления пищи.

В это время в землянке разрезались простые, нетабу-

ированные части медвежьего мяса и сала. Они разрезались простыми ножами, также хранившимися в колчане, лежавшем в медвежьем амбаре, но на их рукоятке не были надеты куски кожи с половых органов медведя. Разрезанные части складывались в берестяные корыта.

Вскоре нетабуированные части медвежьего мяса и сала также были вынесены из землянки сквозь дымовое отверстие. Их положили на нарты и увезли на священную площадку. В стороне от нее разложили костер. С двух сторон его в снег воткнули две рогульки, на которые положили поперечную перекладину. На последнюю навесили большой железный котел, в котором поочередно варили различные нетабуированные части медвежьей туши.

В котел с варящимся мясом Паркызин положил маленькую веточку зеленой ели для вкуса. Варить медвежье мясо с солью запрещается обычаем. Запрет этот объясняется тем, что с солью нивхи познакомились сравнительно недавно, а правила приготовления в пищу частей медвежьей туши несут на себе печать тысячелетий. Религиозная же традиция крайне консервативна и не допускает нововведений.

Поджаривалось табуированное медвежье мясо и сало на вертелах довольно долго. Время уже перевалило далеко за полдень, когда эта работа закончилась. Поджаренные части, уложенные в чаши, увезли к землянке и опустили в нее сквозь дымовое отверстие. Там чаши снова были водворены на заднюю пару позади медвежьей головы.

Медвежье мясо также варили долго. Надо было, чтобы оно хорошо проварилось, чтобы оно потом легко отставало от костей. Мясо различных частей туши и органов медведя варили отдельно. Отвар, остававшийся от мяса, а потом от сала, выливали в дуплистый пень, находившийся подле площадки. В него издавна выливали такие отвары.

Было уже темно, когда нарту с вареными нетабуированными частями медвежьей туши везли к землянке. Внесли в нее все это тем же путем, которым и вынесли,— сквозь дымовое отверстие.

А из землянки неслись своеобразные звуки нивхской музыки. Они вырывались из ее дымового отверстия и разносились по лесу. Им надлежало дойти до слуха гор-

ных людей — духов, чтобы те ведали, с каким теплом, с какой радостью принимают люди своего горного человека у себя в гостях.

Я вошел в землянку. После пребывания на холоде в ней показалось особенно уютно.

Ляфкук приготовила еду и положила ее на столик. Паркызин пригласил меня поесть с ним. Когда я ел юколу и запивал ее чаем, произошло нечто неожиданное для меня.

Сквозь отодвинувшуюся дверь в землянку ворвались два сцепившихся друг с другом мальчика. Они крепко обхватили спины друг друга и так низко наклонили при этом головы, что разглядеть их лица было невозможно. Одеты они были в ватные халаты, тюленьи юбки и меховые шапки. Они боролись ожесточенно, но побороть друг друга не могли. Глядя на них, нивхи шутили: «Горные мальчики пришли, что ли?». Борющиеся мальчики обошли вокруг огневища (мне пришлось даже убрать ноги на нары, чтобы не мешать им) и, так же борясь, вышли из землянки.

Нивхинки в это время выстукивали на бревне ритм песенки: *«пал эх"лгун пал эх"лгун, лэрд, тяттят лэрд"* — горные детишки играют, постукивая о бревно, играют».

Вдруг в землянку вкатилась другая пара борющихся мальчиков. Они боролись еще ожесточеннее. Случалось, что один другого даже приподнимал над землей, но свалить никак не мог. Вглядевшись в этих мальчуганов внимательнее, я вдруг понял, что боролись не двое. Это был один человек. И тогда нивхи раскрыли мне секрет этой игры.

Эта игра была замечательна.

В связи с объяснением этой игры Очи сообщил мне любопытную вещь. Во время борьбы на медвежьих праздниках иногда бывает, что самые сильные нивхи не могут одолеть самого слабого, и он выходит победителем в борьбе со всеми. Про такого нивха говорят, что ему горные люди помогают, что он *палк'ыскис к'ынд* — «горным счастьем [удачей] силен». Очи мне сказал:

— У нас предание есть. Вот в обыкновенное время человек с другими борется, и все его побеждают. Валят на землю — совсем у него силы нет. И все люди над ним смеются. А во время медвежьих праздников бывает, что медведя зло забирает, зачем это над бедным человеком

смеются, это плохо. И медведь ему силу дает. Тогда слабый человек бороться идет, сильным становится, валит противника. Тогда другой с ним борется, а он еще сильнее становится и опять валит этого противника. «Это ему *пал* [гора, горные люди] помогают», — говорим мы!

11 февраля. Сегодня с утра старики приступили к последней части приготовления в пищу убитого медведя — освежеванию его головы, чтобы потом изжарить ее. Это, по-видимому, один из ответственнейших моментов приготовления медведя в пищу.

Старики отдали распоряжение женщинам усиленней играть и петь, чтобы доставить приятное горным людям. Ведь древние люди сказывали, что, когда свежуют голову медведя, а женщины сильно и радостно выстукивают ритмы на бревне, горные люди радуются. И женщины старались. Они выстукивали ритм песенки:

низг"ыф тён"к"р х· иг" ох· иг" ох· ар т'ырила
ойлгор ойлгор хар т'ырила
п'сой"к"р лэк"ур лэк"ур т'ырила
Головка моего медведя, повертываясь, на стороны
в сторону, смотрит,
Туловищем, в стороны поворачиваясь, смотрит,
Своей головой, играя, смотрит.

Мне и раньше нивхи говорили, что под ритмы, выстукиваемые на бревне, нивхинки не только исполняют песенки, но и танцуют. К сожалению, мне ни разу не удалось увидеть их танца, так как я постоянно находился подле мужчин. Но сегодня, наконец, я увидел этот танец, и он поразил меня до глубины души.

Одна из нивхинок поднялась с нижнего края нары и подошла к женщинам, играющим на бревне. В руках ее был какой-то сверток. Когда она его развернула и стала что-то надевать на себя, я увидел, что это *выскыл* — халат, сделанный из рыбьей кожи, удивительно красиво орнаментированный. Она надела его, взяла в руки по пучку связанной сухой травы и повернулась спиной к медведю. На спине ее халата был узор такой красоты, от которого даже взыскательные к украшениям европеянки пришли бы в восторг.

Расставив на ширину плеч ноги, она подняла руки с пучками травы к плечам и начала производить своим телом странные движения. Как я мог заметить, она приподнимала пятку одной ноги и пальцы другой, произво-

дя в это же время движение плечами в одну сторону, а тазом в другую. Сменив положение пятки и пальцев ног, она передвигала таз и плечи в противоположные стороны. Я видел, что руки с плечами и таз движутся у нее в разных направлениях, но смысла этих странных извивов тела не понимал. К счастью, нивх Крайбин из Трамбауса, бывший в это время на Тыми, сказал мне, что в женском танце, который называется *тьиг"ынд,* изображаются телодвижения медведя — как он резвится, похаживая на задних лапах в лесу, как играет, как мечется в клетке. Нивхинки, провожая его, воспроизводят его игру, чтобы он весело шел назад и весело приходил навстречу к выходящему на охоту нивху. Исполнять этот танец, как сказал мне Крайбин, можно только в халате из кожи сазана. В халате из материи его исполнять нельзя. В старину женщины при его исполнении надевали на голову венок из *инау,* а в руки брали *к"орг ор* — погремушки, сделанные из полых кусочков дерева, оклеенных рыбьей кожей, с камушками внутри.

Раз религиозный ритуал нивхов требует, чтобы этот танец, иммитирующий движения зверя, исполнялся в халате из рыбьей кожи, значит, он был создан предками нивхов еще в то время, когда они не знали ткани. Когда же это было? Конечно, это был неолит. Но как глубоко в эпоху неолита уходит история возникновения этих обрядов? Ведь никто, никто не в состоянии дать ответа на этот вопрос!

Пока женщины увеселяли гостя-медведя музыкой, песнями и танцами, старики делали свое дело. Они сняли с головы медведя белоснежный венок из стружек *инау* и повесили его на ствол с сучками. Туда же повесили и другие украшения, снятые с его морды. Колчан, вынутый из-под его головы, повесили тоже сюда.

Сначала старики срезали вокруг пасти медведя полоску кожи с края его губ и носа. Эта полоска была снята в виде одного кольца и повешена на сучок табуированного ствола. Затем внизу от края шеи вдоль нижней челюсти был произведен продольный разрез, где старики снова обнаружили пару «пуговиц», оставили соответствующие полоски и «расстегнули» их, перервав пальцами. После этого свежевание головы производилось так осторожно и тщательно, что при снятии шкуры даже ушные хрящики были сохранены на голове.

Когда голова была полностью освежевана, из нее осторожно вырезали глаза. Для глаз из куска ствола тальника был изготовлен специальный футляр. Кору с тальника в этом случае не снимают. Его обструживают кругом, а затем выламывают сердцевину. В образовавшееся пространство кладут глаза, выпрямляют стружки, кору и завязывают их вверху. Футляр с глазами понесли на табуированный ствол с сучками.

Затем вырезали язык и осторожно отделили нижнюю челюсть.

Когда шкура с головы медведя была снята, ее свернули, перевязали ремнями, и Кимчик извлек ее сквозь дымовое отверстие наружу. Там в свернутом виде ее привязали к елочке *ч'вэ* чуть ли не у самой кроны, чтобы она висела высоко над землянкой и в стороне от дымового отверстия. Но снять шкуру с головы медведя — это лишь первый этап подготовки ее к жарению. Предстояло еще оплести ее свежей тальниковой корой. Делалось это для того, чтобы мясо на голове не сгорело.

Нивхи оплели тальниковой корой череп, нижнюю челюсть, грудину (*ч'ойир*), два первых шейных позвонка (*мах"т*). Но этого мало — они сплели еще для каждой из этих частей специальные тальниковые кольца, сквозь которые эти части могли быть надеты на жердь и повешены над костром.

Когда оплетение головы было закончено, ее положили в чашу и вместе с нижней челюстью, грудной костью и позвонками вынесли из землянки сквозь дымовое отверстие и увезли на площадку для убиения медведя к табуированному огню.

В это время женщины громко выстукивали ритм, а одна из них танцевала. Когда же голова была вынесена, они прервали игру, вытащили бревно из землянки, повесили его снаружи на прежнем месте на воткнутых в снег елочках и продолжали играть. Они играли без передышки все время, пока на площадке жарилась голова медведя. Там, надетая на жердь сквозь тальниковое кольцо вместе с нижней челюстью, грудиной и позвонками, висела она над костром под непрерывным наблюдением Паркызина.

День был холодный. Я спросил у Паркызина, почему он не наденет шубу. Он ответил мне, что не может этого сделать, потому что ее раньше надевала его жена, а

ведь многое, с чем соприкасались женщины, запрещается употреблять во время медвежьего праздника.

После того как голова медведя изжарилась, Паркызин снял ее, при помощи специальной заструженной полоски извлек сквозь черепное отверстие мозг медведя и сжег его весь на табунированном огне.

Когда голова, нижняя челюсть, грудина, атлант и эпистрофей изжарились, их так же, т. е. через дымовое отверстие, опустили в землянку.

А звуки нивхской музыки разносились по лесу и достигали гор. Они должны были, по мнению нивхов, вызывать у горных людей чувство радости за ту глубокую благодарность, которую питают к ним нивхи. Конечно, у горных людей должна же быть совесть — должны же они за такое добро отплатить добром и нивхам!

12 февраля. Сегодня наступил тот день праздника, который называется у нивхов *н"арк" х-упд* — «усаживанием *н"арк"ов*». В этот день им передают все изжаренное и сваренное сало и мясо медведя.

Промун и Ныркин вошли в землянку. Им предоставили левую боковую нару. Промун, как старший, сел выше, т. е. ближе к почетной наре, а Ныркин, как младший, сел ниже, ближе к двери.

Паркызин поставил перед гостями маленький столик. Сначала им подали специально приготовленный для них студень, называемый *н"аск"ур мос*. Когда они поели студня, им дали еще по кружке чая с сахаром. После чаепития столик был убран.

Паркызин поставил перед каждым из своих гостей большое плоскодонное корыто из бересты и рядом постлал свежие зеленые веточки ели.

После этого он подошел к почетной наре, уставленной священными чашами, деревянными и берестяными корытами, наполненными частями медвежьего мяса и сала. Прежде всего он взял священную чашу с головой медведя. Голова была прикреплена к чаше обвязкой из тальниковой коры. Затем он взял большой пласт медвежьего сала, положил его на медвежью голову, а рядом с ней — священный нож. Все это он поднес к Промуну и поставил перед ним на еловые ветки, обратив голову мордой к гостю. Промун взял священный нож и очень осторожно снял с головы сало и положил его в корыто. Затем он взял стрелу с железным наконечником и про-

дел ее под тальниковую завязку, острием по направлению к морде медведя. Стрелу называют *к'у,* но эта стрела именуется *ч'малар к'у.* После этого Промун вынул из-за пазухи сушеные стебли пучки, сложил один из них вдвое и просунул под тальниковую обвязку рядом со стрелой. Потом он передал чашу с головой Ныркину. Ныркин также продел под тальниковую обвязку стрелу с железным наконечником по направлению к морде медведя и просунул туда же сушеный стебель пучки, сложенный вдвое. Затем он взял ремень и привязал им обе стрелы к тальниковой обвязке. Ремень называется *тнох,* но в данном случае его именуют *ч'малар тнох,* поскольку им обвязывают части медведя. Значения слова «чмалар» мне объяснить не могли. Ремни *ч'малар тнох,* по словам нивхов, можно брать с собой, когда идут в лес охотиться на медведя.

Привязав стрелы, Ныркин передал голову Паркызину. Тот взял ее и отнес на почетную нару. Затем Паркызин взял другую чашу, в которой лежала нижняя челюсть медведя, покрыл челюсть куском сала и поставил чашу перед Промуном. Последний переложил сало в берестяное корыто. Потом он отрезал священным ножом маленький кусочек мяса от челюсти и съел его. Рядом с челюстью он положил стебель пучки, священный нож и передал чашу Ныркину. Последний тоже отрезал от челюсти маленький кусочек мяса и съел его. Возле челюсти он положил небольшой ремень. Чашу вместе со священным ножом он передал Паркызину, который поставил ее на почетную нару.

После этого Паркызин взял большой кусок медвежьего сала и подошел с ним к Промуну. Последний открыл рот. Паркызин вложил в его рот конец сала и с силой стал заталкивать его туда. Промун побагровел от натуги. Тогда Паркызин захватил пятерней своей левой руки возле самых губ Промуна торчащий из его рта кусок сала и отрезал его возле наружного края своей руки. Когда Паркызин ее отнял, изо рта Промуна торчал большой кусок сала, который по старинному обычаю он обязан был съесть, не вынимая изо рта. Но Промун вытащил из своего рта кусище сала и стал его есть, так как иначе его и нельзя было прожевать. То же самое проделал Паркызин и с Ныркином. Этот обычай называется *н"ох"тукнкунд*—«откусывание сала». Кусок же сала, ко-

торый заталкивается в рот, называется *тейнаун"ох"*. Внешне это выглядело так: «На, гость, ешь — я для тебя ничего не жалею!»

Иногда, как сказали мне нивхи, в середину куска сала вкладывают другой кусок сала. Заталкивание в рот такого двойного куска сала называется *н"урруспнд*. В старину нивхи кормили своего *н"арк"а* еще рисом, густо смешанным с медвежьим жиром. От такого обильного насыщения жирной пищей и сала, которое он обязан был съесть, его нередко начинало тошнить.

Когда гости хотя и с трудом съели вареное сало, передача приготовленной туши медведя возобновилась.

Паркызин взял с почетной нары чашу с грудиной *(ч'ойир)*, положил на нее кусок сала, табуированный нож и поставил перед Промуном. Затем он поставил перед ним чашу с двумя первыми шейными позвонками — атлантом и эпистрофеем, на которые также положил кусок сала. Промун переложил к себе в корыто куски сала. Затем он аккуратно очистил от кусочков мяса грудину и позвонки, от одного из позвонков отрезал кусочек мяса и съел его. Затем каждую кость в отдельности он перевязал стеблем пучки и возвратил чаши с костями и ножом Паркызину. Ныркину он этих чаш не передавал.

После этого Паркызин стал передавать *н"арк"ам* чаши с табуированными частями медвежьего мяса, которые были разрезаны на мелкие куски. Так друг за другом были переданы чаши с разрезанными языком, сердцем, легкими, салом-нагрудником *(ч'алр)*, печенью, желудком. Содержимое каждой чаши гости перекладывали в большие берестяные корыта, выстланные внизу зелеными ветками ели, а пустые чаши снова возвращали хозяину.

Когда были переданы все табуированные части медвежьей туши, гостям подали пять шейных позвонков вместе с табуированными ножами. Осторожно они счищали с них мясо, так как эти позвонки тоже табуированы. Снятое мясо они положили в свои посудины, а кости передали хозяину.

После этого гостям были переданы лапы, которые они тщательно расчленили, очистили от мяса все косточки и тоже возвратили хозяину.

Затем последовала передача нетабуированных частей медвежьей туши. Тут друг за другом передавались

остальные позвонки, потом ребра, лопатки, тазовые кости и бедренные кости. Гости тщательно очищали от мяса кость за костью и возвращали их хозяину, обвязывая некоторые из них ремнями. Ни одну кость гость не может оставить у себя. Если это нечаянно произойдет, то он обязан возвратить кость хозяину вместе с искупительной собакой, которую тот принесет в жертву горным людям и откупится таким образом от беды, которую горные люди могут им обоим за это принести.

Снятие мяса с костей медведя называется *яврknд*. Эту работу с соблюдением необходимой осторожности производят сами *н"арк"и*. Что касается табуированных частей мяса и сала медведя, то они разрезаются на мелкие куски членами рода хозяина медведя, чтобы *н"арк"и* у себя в жилище не смели резать его нетабуированными ножами. Если это произойдет, их всех ожидает месть медведя. Нетабуированные части мяса и сала разрезаются на мелкие части также хозяевами медведя, так как в соответствии с религиозным ритуалом есть этого зверя надо с большой осторожностью. Так, воспрещается рвать его мясо зубами и обгладывать его кости зубами. С таким могучим зверем надо обращаться деликатно, чтобы он не отомстил за грубое обращение с ним.

Работа Паркызина во время передачи мяса и сала медведя сводилась только к тому, чтобы передавать гостям чашки и другие посудины, наполненные мясом, салом, и костями, а потом принимать от них пустые посудины и очищенные от мяса кости.

Промун и Ныркин с исключительной осторожностью обращались с медвежьим мясом и салом. Табуированные части мяса и сала они положили порознь в отдельные посудины и накрыли каждую стружками *(тях)*. Нетабуированные же части мяса и сала они тоже положили порознь в разные посудины.

Процедура передачи медвежьего мяса и сала продолжалась до полудня. Когда она закончилась, перед гостями снова поставили столик. На него снова положили студень, кашу, сваренную из муки, тюлений жир, кедровые орешки и чай.

Пока гости ели, молодежь принесла в землянку замороженные студень *мос* и толкушу *муви*. Этих угощений было много. Они тоже были переданы гостям. Кроме того, гостям был передан студень для кормления собак, ко-

торый изготовляется без ягод. Это было дано на тот случай, если у гостей не хватит в пути еды для собак.

Промун пил еще чай, а Ныркин вышел из землянки и направился к нартам, чтобы приготовить их к укладыванию частей медведя. Затем он вернулся в землянку и начал выносить корыта с медвежьим мясом и салом.

Каждый раз, когда он выходил с таким корытом из землянки, молодежь, стоявшая у выхода, зелеными ветками ели слегка била его по спине, видимо, для того, чтобы показать горным людям, что они отдают посланного им медведя не по доброй воле, что у них его забирают силой.

Когда Промун собрался уходить, Паркызин поставил у порога за дверями землянки небольшой котелок. Выходя из нее, Промун взял котелок Паркызина, унес его и положил в свою нарту. Таким образом, Паркызин и Промун обменялись своими домашними котлами. Затем Промун ушел на площадку для убиения медведя, взял оттуда котелок и топор Паркызина, принес их и также положил в свою нарту.

Запрягая собак в нарту, оба гостя оставили Паркызину по паре своих ездовых собак.

— Что это за *н"арк"*, — разъяснял мне этот поступок Омх, — если он не оставит хозяину праздника собак?

Промун сел на свою нарту, а Ныркин — на свою.

— Та! Та! — закричали они.

Собаки встрепенулись и натянули потяги.

В это мгновение Паркызин и его младший брат Х·ыдьн"ян подбежали к нартам и легко ударили по спине уезжающих, видимо с той же целью: показать горным людям-духам, что они не виноваты в том, что от них увозят медведя.

Гости выхватили тормоза, а собаки легко и быстро помчали нарты вниз по Тыми: Промуна на Охотское побережье Сахалина, а Ныркина в соседнее по Тыми селение.

Паркызин смотрел им вслед. Три года с любовью и нежностью растил он в память о своем Тамайке этого медведя. Сколько денег, забот, хлопот и всяческого труда затратил он, пока его вырастил, но зато горные духи не забудут его и оградят от зла.

Паркызин пошел на площадку для убиения медведя, взял оттуда котел и топор Промуна и принес их в свою

землянку. Так произошел второй обмен котлами на медвежьем празднике.

У Паркызина от медведя, которого он растил три года, остались лишь обглоданные кости. Об этих-то остатках ему и надлежало теперь позаботиться.

На небольшой территории, относившейся к *н"аню* рода *Урмыквонн"*, т. е. месту, где они совершали многие церемонии, связанные с дикими и домашними медведями, которых они когда-либо убивали, находилась большая деревянная клетка наподобие медвежьей. Там хранились кости всех медведей, убитых членами этого рода.

Сюда и отнес Паркызин кости своего медведя. Он снял несколько бревен с крыши клетки. Внутри покоились побелевшие и частично позеленевшие от многих лет лежания кости медведей. Аккуратно, не бросая их, сложил он туда кости своего зверя, его глаза в деревянном футляре, желчь в таком же футляре и снова закрыл клетку бревнами.

Но это было еще не все. Остался череп медведя. Его в клетку с костями помещать запрещено. Для черепов медведей у нивхов имеется специальное хранилище — *тыхыф тён"к"р хунё* («амбар, в котором хранятся головы медведей»). Сюда и надлежало поместить голову медведя. Но для этого ее надо было еще соответствующим образом приготовить.

Паркызин взял короткий ствол тальника и очистил его от коры. Затем примерно на расстоянии двух с половиной ручных четвертей от одного его конца он стал настругивать крупные деревянные стружки. Он доводил стружку почти до самого конца ствола, но не отрезал ее от него. Когда таким образом он обстрогал вокруг весь ствол тальника и стружек набралось уже достаточно, Паркызин обломил этот ствол у основания стружек. Получилось белоснежное ложе из *инау*, в которое он и уложил голову своего медведя.

Однако до этого он положил в основание инау несколько корнеплодов сараны и сухой стебель пучки. Затем он приложил нижнюю челюсть медведя к его черепу и обмазал костную часть морды зверя студнем. Только после этого Паркызин вложил череп медведя в ложе из стружек, уткнув его морду в основание инау. Свободные же концы *инау* — белоснежные стружки — он собрал на затылочной части черепа и перевязал.

Медведь мог быть доволен. Его череп покоился в прекрасном белоснежном ложе из стружек. Мало того — ему были положены для еды сарана и пучка, а морда вымазана вкуснейшим студнем — *н''аск''ур мос,* специально приготовленным для этого случая.

Взяв череп медведя, уложенный в стружки, и прихватив с собой корыто со студнем, корнеплоды сараны и стебли пучки, Паркызин отправился к медвежьему амбару, чтобы оставить там голову.

Амбарчик стоял в лесу на четырех столбах из пней. Мы поднялись в него по бревну с зарубками. Когда я вошел туда, то понял, что это святыня рода, таящая в себе следы всех взаимоотношений нивхского рода с *пал* — родом горных людей-медведей. Вдоль стен амбарчика были устроены простые полки, на которых лежали черепа медведей, убитых членами рода *Урмыкв''онн''* — они покоились в таких же ложах из *инау,* как и приготовленное Паркызиным для головы его медведя. Они уже побелели от долгих лет лежания здесь. На многих черепах *инау* истлели, но следы засохшего студня, которым их обмазывали, еще сохранились. Тут же на стенах висели края рта с кончиком носа, срезанные с медведей, и медвежьи когти с кусками кожи, срезанными с окружности лап. Здесь же хранилась вся утварь, употребляемая на медвежьем празднике: корыта для изготовления студня, корыта для кормления душ близнецов и душ нивхов, задранных медведями, чаши для сердца медведя, котлы, цепь с ошейником для медведя, родовое кресало, которым разжигают табуированный огонь на медвежьем празднике.

Паркызин взял череп своего медведя и бережно положил его на свободное место возле других черепов. После этого он взял корыто со студнем, обмазал им переднюю часть вновь положенного черепа. Затем он немножко помазал студнем все черепа, находившиеся в амбаре. Этот обряд кормления черепов медведей носит у нивхов название *тён''к''р авнд.*

После этого мы вышли из амбара и Паркызин направился к дереву *ч'ве.* Повернувшись в сторону гор, Паркызин воскликнул: «Чух!» — и бросил по направлению к горам немного студня, несколько корнеплодов сараны, сушеный стебель пучки. Затем он сказал: «Глаз не имея, отверстия ушей не имея, отверстия носа не имея, вот так

посередине моего пути меня жди!» (*Нын"ахтьин" к"аврра, ялахути зин" к"аврра ухкути зин"к"аврра хар ньзиф хъаты фир нын"армар хая!*). Так в соответствии с вековой традицией своего народа он просил медведя ждать его на тропе, по которой он пойдет. Этот обряд кормления духов гор называется у нивхов *палрох" ч'аунд*.

Покормив горных людей, Паркызин ушел к себе в землянку.

13 февраля. Сегодня будут убивать собак, предназначенных горным людям. Нивх Сарат так мне объяснил сущность предстоящего:

— Видишь ли, горный человек нам медведя посылает, а мы ему собак посылаем. Собака, которую мы убиваем горным людям, это очень большой *уиг"нд* — табу! Когда едят вареное мясо этих собак, его рвать зубами нельзя, его перерезать ножом, когда держишь в зубах, тоже нельзя. Так только мясо простых собак есть можно. Мясо собак, принесенных в жертву горным людям, надо хорошо сварить, аккуратно снять с костей, разрезать на мелкие куски на доске и только потом есть, как и мясо медведя.

Это подтвердили потом все старики.

Ляфкук с раннего утра занялась приготовлением студня, так как собак перед принесением их в жертву необходимо покормить студнем. Паркызин уже ушел в лес. Там он срубил две молоденькие елочки, три тонких ствола ольхи и три тонких ствола тальника. Елочки, за исключением верхушек, были очищены от сучьев. На их стволах он сделал по три ряда затесов — по три затеса в каждом ряду. Из одного ствола тальника он сделал изображение самца-зверя, а из двух стволов тальника — изображения самок-зверей. Такие же изображения он сделал и на трех стволах ольхи. Очевидно, по представлениям древних нивхов, одному тальниковому самцу должны были соответствовать две тальниковые жены, а одному ольховому самцу — две ольховые жены. К каждому звериному изображению он привязал сверточки, символизировавшие медведей. Они были сделаны из сушеной пу́чки и сушеной сараны.

Заготовленные ритуальные деревья Паркызин вместе с сородичами унес на ритуальную площадку для убиения медведя. Там их и поставили, причем на зеленые верхушки елочек были повешены белоснежные *инау*,

окрашенные в одном месте соком брусники. Вокруг елочек глубоко в снег были воткнуты символические изображения зверей — самцов и самок. Для убиения собак, таким образом, были приготовлены почти такие же столбы, как и для убиения медведя.

Нивхи настружили довольно длинные тонкие белоснежные *инау* и в нескольких местах окрасили их соком брусники. Это они приготовили ритуальные ошейники для собак.

Наконец на площадку для убиения медведя привели семь собак. На их шеи надели ритуальные ошейники из белоснежных *инау*. За эти ошейники, как объяснил мне Сарат, горные люди ловят посылаемых им собак. Потом на шею собак надели подвижные ременные петли и привязали их у основания лиственниц, окруженных изображениями зверей. Из стружек *инау* сделали подобие посудин. В их середину положили студень. Собак повернули так, чтобы их головы были обращены в сторону гор, к горным людям-духам, у которых отныне они будут жить и которым будут служить. Животным дали съесть студень, положенный в *инау*. Когда они его проглотили, Паркызин сказал, обращаясь к ним:

уруун палах п'эсмун п'хэнгэ, х·анон х·онаих" ай,
пхын понк" нан: п'понк"хуну млазин" к"аврн" а,
нин-дьывыты-фин, нинах, п'нонк"хун г"энгнавэ!

Хорошо горным людям понравившись, позвольте
[им] себя взять;
Потом, когда настанет весна,
обратно возвращаться будете, детенышей иметь будете
со своими детенышами [возвратитесь]
Ушей не имея, носа не имея, посреди нашего пути,
позвольте нам своих детенышей взять.

Так наивно с нашей точки зрения, но искренне и чистосердечно обращались нивхи к горным людям через своих собак с просьбой помочь им.

После этого на собаку, которую рассматривали как передовика, накинули подвижную петлю. Свободный конец ее завязали у основания елочек. Паркызин, Х·ыдьн"ян, Омх и Пыхтанка взяли собаку за лапы, подняли ее и потянули каждый к себе. Нём же воткнул ей под хвост конец палки, обернутый травой, чтобы из нее не извергались испражнения. Теперь уже пятеро с боль-

шой силой тянули собаку каждый к себе. Минут через десять она была уже мертва. Ее вынули из петли и положили брюхом на снег. Передние лапы вытянули вперед и положили на них ее голову *(иврыунд)*, обратив ее в сторону гор, куда ей и предназначено пойти. Таким же образом задушили и положили на снег остальных собак. После этого собак свежевали в том порядке, в каком их душили. Отрезанные головы и лапы положили на снег, обратив их мордами к горам. Мясо собак варили также в том порядке, в каком их убили, и не смешивали их мясо в одном котле. Все эти предосторожности объяснялись тем, что собаки предназначались горным людям-духам.

Отвар от мяса собак был слит возле пня, в который сливали отвар от мяса медведя.

Сваренное мясо было снято с костей, разрезано на досках на мелкие куски и разделено между сородичами. Только сородичи могут есть мясо этих собак.

Головы собак, их лапы и кости были положены в амбар, в котором хранились кости медведей.

Женщины помыли котлы, в которых варилось нетабуированное мясо медведя и мясо собак, помыли берестяные и деревянные корыта, в которых они растирали студень, и вытерли их стружками. Мужчины привели в порядок чаши и другую табуированную посуду, к которым женщины прикасаться не могут. Вся эта утварь была унесена и сложена в амбар, где хранились медвежьи головы.

Ударный музыкальный инструмент был отвязан и вместе с елочками, на которых он висел, отнесен на родовую площадку для убиения медведя и поставлен около помоста *(лэзн'')*.

Цепи с ошейниками остались висеть на площадке. Их не сняли. Паркызин сказал мне, что когда *н''арк''и* возвратят ему табуированную посуду, в которой они увезли табуированные части медвежьей туши, тогда он снимет эти цепи и вместе с посудой положит их в медвежий амбар. Тогда же он отвяжет медвежью шкуру с елочки *пшыц*, вытащит деревце и поставит его на площадке вместе со всеми ритуальными деревцами, украшавшими праздник.

На этом медвежий праздник, устроенный Паркызиным, закончился.

Вечером ко мне пришел Керкер и принес двенадцать

рисунков медвежьего праздника. Я был потрясен тем, что он сделал. Он как бы развернул все изображаемое в плоскости. Никто не мог подсказать ему такого решения, а ведь оно перекликается с художественным видением древних народов. Я поблагодарил Керкера и сказал ему, что, когда эти рисунки будут опубликованы, ему будут благодарны тысячи людей, которые их увидят и ознакомятся по ним с жизнью его народа (рис. 9 и 10).

Керкер ушел. Завтра на лыжах он уйдет к себе домой, на Луньский залив.

14 февраля. Сегодня я вспомнил, что некоторые черты культа медведя у нивхов находят поразительную аналогию с культом медведя у маньси (вогулов) и хантэ (остяков).

Когда маньси или ханты убьют медведя, «празднества продолжаются не менее трех дней, если убитый — молодой медведь, четырех — если самка, и пяти — если самец» [8, 74].

Когда укладывают мевежью шкуру, «ее кладут... подложивши предварительно три, если самец, и две, если самка, деревянных перекладины» [8, 75].

«Если убитый медведь самец, то иногда поют до пяти песен, при самке — до четырех».

Когда медведя убивают и начинают снимать шкуру, «предварительно на грудь и брюхо медведя кладут пять или четыре (если убитая самка) поперечные палочки, означающие застежки... верхней одежды...; разрезавши эти палочки, как бы развязав застежки, сдирают кожу со всего тела, за исключением головы и передних лап, где оставляют ее с конца пальцев до кистевых сгибов» [8, 76].

Женщины варят «себе медвежий зад, предоставляемый в их распоряжение; мужчины же в поле готовят себе голову, сердце и лапы» [8, 77].

В культе медведя у народов Севера можно найти много общих черт. Однако совпадение таких деталей, как нечетный счет для самцов, а четный — для самок, как разрывание пуговиц на шкуре медведя, возможно, не случайно.

Неизвестно, откуда пришли нивхи в низовья Амура. Кто знает, может быть, совпадение таких деталей в культе медведя поможет когда-либо установить их древнюю прародину?

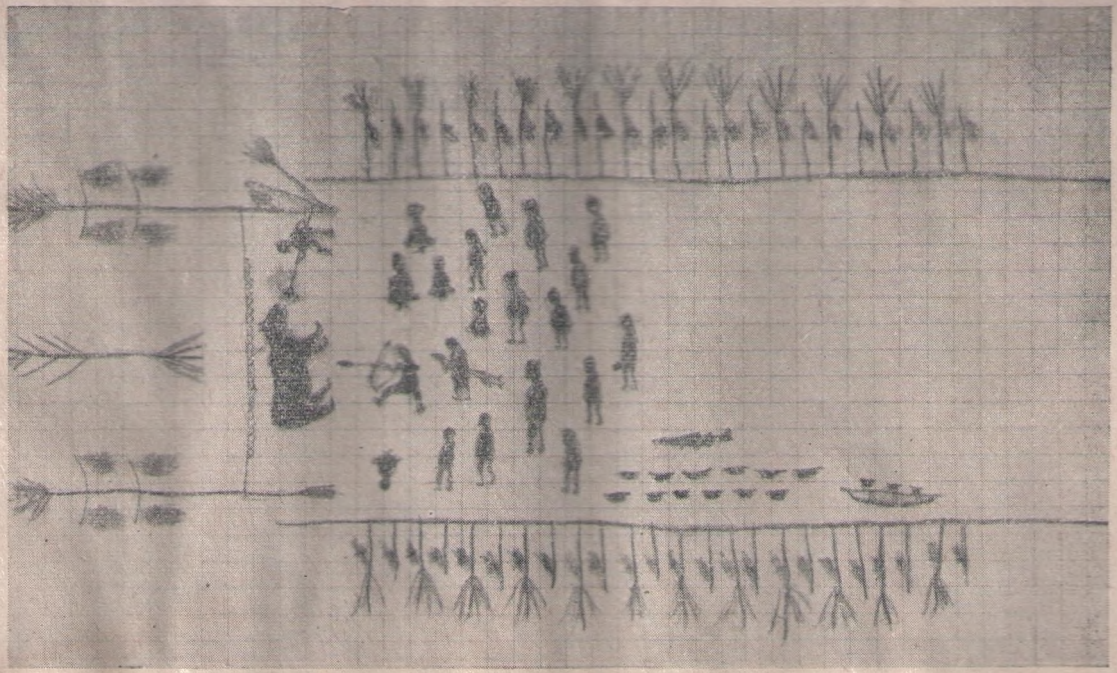


Рис. 9. Нивх убивает из лука медведя во время медвежьего праздника. Рисунок нивха Керкера.

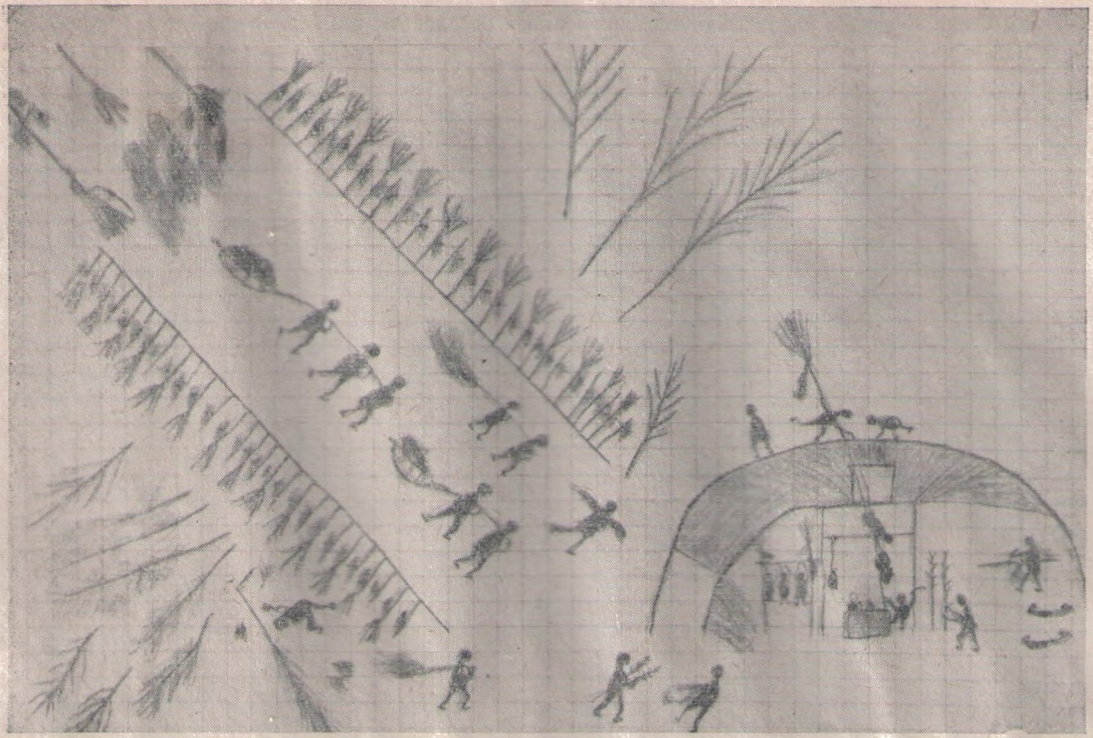


Рис. 10. Медвежью голову привозят в селение и опускают внутрь землянки сквозь дымовое отверстие. Рисунок нивха Керкера.

О ПЕРЕЖИТКАХ ДРЕВНЕЙ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА, О РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА МЕЖДУ ПОЛАМИ И О ТАБУ

26 февраля. Наблюдения во время медвежьего праздника у нивхов показали мне, что в нем, как в фокусе, отражена чуть ли не вся их общественная жизнь. И прежде всего в нем отчетливо выявляются внутриродовые и межродовые взаимоотношения, существующие у нивхов. Кроме того, медвежий праздник примечателен тем, что в его религиозном ритуале сохранились явные следы половозрастного деления того нивхского общества, которое, быть может, предшествовало его нынешней родовой организации.

Возрастные отношения в человеческом обществе, вероятно, являются одними из самых древних отношений, возникших среди людей. Однако там, где в древних людских обществах возникало какое-либо разделение между людьми, могли затаиваться элементы противоречий, которые медленно и постепенно способствовали разрушению одних форм общественных отношений и возникновению на их месте других.

Следы пережитков древней половозрастной организации у нивхов, как мы уже говорили, отчетливо видны в религиозном ритуале их медвежьего праздника. Так, например, нивхи утверждают, что кормить ребенка сердцем и языком медведя нельзя, юноше есть лапы медведя нельзя. Это древнее табу нивхов.

Но почему же ребенку нельзя давать есть язык, когда это — самое нежное мясо? Конечно, мы можем наделить этот запрет каким-нибудь неясным нам мистическим смыслом. Однако гораздо важнее распутать опутывающую его мистическую паутину.

Кому же разрешается по древним нивхским обычаям есть язык и сердце медведя? Оказывается, только старикам.

Ну, а почему юноше нельзя есть лапы медведя?

Кыйдык, со слов стариков, которые и сами мне это подтвердили, объяснял так: «Молодые люди, когда лапы поедят, в лес идут. Когда охотятся, медведя видят, когда колют его [копьями, то в] лапы его только колют. Поэтому запрещается есть [им лапы медведя]».

Кому же разрешают амурские нивхи есть эти лапы?

Глубоким старухам — они, мол, на охоту не ходят, ну и пусть их едят.

Возникшие в древнем охотничьем обществе каменного века древние обычаи уцелели и в новых экономических условиях, когда продукты рыболовства стали основной пищей. Боязнь внести новшества в религиозные обряды, опутанные сетью устрашающих запретов, способствовала тому, что эти древнейшие установления каменного века были донесены религиозной традицией до наших дней. Современные старики всего лишь механически продолжают религиозную традицию, не всегда уже понимая ее смысл.

Между тем, если немного вдуматься в запреты на употребление различных частей медвежьей туши для молодежи и женщин, то невозможно не понять, что в них отражено древнее деление пищи на доли. Недаром эти доли до сих пор еще называются у нивхов *азмть иньф* — места, которые едят мужчины, и *шан"к" иньф* — места, которые едят женщины.

Древние охотники каменного века, используя устрашающие религиозные запреты, лишили молодежь и женщин, не участвовавших в охотничьем промысле, права употреблять определенные части медвежьей туши и закрепили их за собой.

Чтобы правильно понять сущность этих запретов, необходимо освободить их от мистической шелухи и разобраться, кому разрешено то, что другим данным табу запрещено. Тогда мы безошибочно увидим за табу вызвавшие его к жизни социальные противоречия, увидим древнюю борьбу людей за доли мяса, борьбу, завуалированную религиозной мистикой.

В первом томе «Капитала» К. Маркс писал, что в «пределах семьи — а с дальнейшим развитием в пределах рода — естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве...» [3, 364].

Старики в каменном веке не в состоянии были равняться с молодыми в добыче пищи. Последние в силу чисто естественных причин обладали огромным преимуществом перед первыми, которое выражалось в физической силе, быстроте и ловкости. Однако старики обладали другим преимуществом: опытом — всеми знаниями, которыми владели в древнейших обществах люди. На

этой чисто естественной почве, которая сосредоточивала у одних физическую силу, а у других опыт — интеллектуальную силу, и возникли древнейшие противоречия. Чтобы не погибнуть старики должны были подчинить себе молодых охотников. Самой великой силой был страх, было подавление психики всевозможнейшими устрашениями, запретами.

Древнейшие охотничьи запреты на употребление медвежьего мяса и сала открывают перед нами картину деления древнего общества нивхов не только по возрасту, но и по полу.

Если попытаться мысленно представить себе древнюю человеческую орду в каменном веке, то разве могли в ней на равных основаниях участвовать в охоте мужчины и женщины? Мужчина всегда был подвижен, быстр, ловок. Ну, а женщина с беспомощным младенцем на руках, либо беременная женщина, либо женщина с месячными? Разве физически они были равносильны в преследовании зверя? Конечно, нет! Поэтому-то постепенно «на чисто физиологической почве», как указывал К. Маркс, и возникло первое и самое древнее разделение труда между полами.

В связи с этим необходимо проследить то разделение труда между мужчинами и женщинами, которое сложилось у нивхов в результате многих веков развития их общества.

Из наблюдений над жизнью нивхов и на основании бесед с ними можно примерно так очертить сферы труда мужчин и женщин.

Мужчины ловят рыбу, охотятся на тюленя, на сухопутного зверя; свежуют морского и лесного зверя; натягивают кожу на раму для сушки; разрезают тюленьи шкуры на ремни; изготовляют упряжку для собак; обрабатывают тюленью шкуру, срезая с нее ножом мездру; варят сети и невод в растворе золы; вешают на сушила рыбу, подготовленную женщинами; изготавливают все орудия промыслов: лук, стрелы, копья, ловушки, петли, самострелы, остроги, крючки, гарпуны; занимаются кузнечным делом (имеются в виду главным образом единичные кузнецы); строят летние и зимние жилища, амбары, сушила для юколы, помещения для собак; изготовляют лодки, нарты, лыжи; изготовляют всю деревянную посуду: корыта, песты, ложки, чашки, плоские блюда, доски

для приготовления еды, китайские палочки для еды и пр. Мужчины также валят деревья, пилят их на чурки, раскалывают и складывают дрова, вернее — ставят их наподобие шалаша; ездят на собаках и кормят их в пути; готовят для себя еду, когда находятся на охоте; сдирают кору с деревьев.

Женщины собирают ягоды, съедобные корнеплоды, корни и растения; изготовляют юколу; отделяют сало от тюленьих шкур; обрабатывают тюленью шкуру; собирают крапиву, очищают ее и сучат из нее нитки для шитья и для изготовления неводов и сетей; вяжут неводы и сети; кроят и шьют одежду; кроят и шьют обувь; делают посуду из бересты; гребут на веслах, если едут вместе с мужем в лодке (муж в это время сидит за рулем); готовят пищу; разжигают огонь на домашнем очаге (это могут делать жены, но не сестры и дочери); иногда собирают сучья для очага и колют дрова, если их не расколол муж; приносят воду с реки или из колодца; варят собакам еду и кормят их; сдирают бересту для посуды; воспитывают маленьких детей.

Этот перечень работ, производимых мужчинами и женщинами у нивхов, показывает, что на мужчинах лежит добыча основных продуктов питания — рыбы и тюленя. Женщины же должны заботиться о доме и домашнем быте — готовить пищу, кормить собак, шить одежду и обувь.

Любопытно отметить в связи с этим следующее. Женщины никоим образом не допускаются к разделке продуктов лесной охоты, особенно к разделке медведя, потому что это сфера не их труда. Правда, шить что-либо из лисьих и других шкур они могут.

Женщины частично допускаются к разделке продуктов морской охоты, т. е. они могут отделять сало от шкуры тюленя, а также варить тюленье мясо и тюленьи головы.

Полностью на женщинах лежит разделка продуктов рыболовства. Только женщины занимаются собирательством.

Различная степень участия женщин в разделке продуктов тех или иных промыслов, надо полагать, не случайна. Она, по-видимому, отражает различные периоды истории нивхов, истории разновременного овладения ими этими промыслами.

Разграничение общества нивхов по полу и возрасту подчеркивается даже способом причесывания волос.

У новорожденных никогда не обрезают волосы. Вообще у нивхов, как правило, не принято обрезать их. Когда волосы на голове ребенка отрастают, их связывают на лбу в пучочек, называемый *пол*. Иногда я видел, что матери навязывают девочкам на этот пучочек лоскуточки материи с пуговичками. Когда волосы становятся достаточно длинными и их можно зачесать назад, их также собирают в пучочек и перевязывают тесемками уже на затылке. Такой пучочек на затылке также называют *пол*. Когда волосы отрастают еще больше, их заплетают в косу, но ее затем складывают вдвое, втрое и обертывают кусочком материи, обшитым по краям, который потом несколько раз обвязывают тесемкой.

С появлением вторичных половых признаков юноша и девушка заплетают волосы в одну косу. Мужчина в течение всей жизни носит одну косу, женщина же после замужества — две косы. После рождения первого ребенка, как мне говорили на Амуре, женщина начинает носить на волосах специальную накладку, иногда расшитую бисером. У амурских нивхов она называется *ёзгумк*. Под косы у затылка в этом случае кладут специальную подкладку, к которой прикрепляют верхнюю накладку. Кроме того, в качестве украшений женщины носят серьги. Мне говорили, что в старину некоторые мужчины носили серьгу в одном ухе. Когда женщина состарится, она укладывает сплетенную вдвое косу на голове.

Причесывают косы себе и мужчинам только женщины. Матери причесывают дочерей, сыновей, мужей и себя. Сестра не может причесать своего брата. Жена старшего брата на Сахалине может причесать своего мужа и младшего брата мужа, но жена младшего брата, как правило, не может причесать старшего. Это объясняется нормами физических отношений у нивхов. Только в том случае, если в жилище некому, кроме нее, причесать его, ей позволено это сделать. На Сахалине мне не раз приходилось видеть, как причесывают волосы.

Прежде всего косу расплетают, затем волосы расчесывают деревянным гребнем. При этом их разделяют на две половины очень ровным пробором, проходящим по середине головы от лба до затылка. После этого человек, которому расчесали волосы, сам начинает мыть их. Он

берет в руку концы волос, свешивающихся с одной половины головы, и, набрав в рот воды, понемногу смачивает их водой изо рта. Затем концами мокрых волос он моет всю половину головы, начиная от пробора. Моет, обильно смачивая волосы изо рта водой. Волосы не разлохмачивают при мытье, потому что все время концами намоченных волос равномерно трут волосы на половине головы. Грязная вода с волос стекает в подставленную чашку. Вымыв волосы одной половины головы, их снова тщательно расчесывают гребнем и выбирают насекомых. Волосы, вычесанные и вымытые на одной половине головы, очень искусно сворачивают над ухом в торчащий жгут. Затем приступают к такому же способу мытья другой половины головы. Закрутив таким образом волосы в два жгута, им дают некоторое время просохнуть. Затем их распускают, и тогда уже непременно причесывает голову другой человек.

Чтобы не спутать пробор, волосы ровно зачесывают назад. Затем их заплетают в косу: мужчинам в одну, женщинам — в две. Конец мужской косы, чтобы он не расплетался, заплетают в маленькую тонкую косичку. Женщины же, сплетя волосы каждой половины головы в отдельную косу, продевают сквозь одно внутреннее сплетение каждой косы у самого затылка тесемку и связывают ее. Таким образом две косы оказываются связанными вместе. Затем женщина приводит в порядок концы кос. Однажды я видел, как женщина, перебросив обе косы на лоб, натянула их, ровно сложила, затем положила на концы кос три пальца и два раза накрутила на них концы кос. Потом она вынула пальцы, вложила в образовавшуюся петлю какой-то комочек, кажется из волос, и аккуратно перевязала образовавшийся сверточек тесемкой. В другой раз я видел, как концы кос были накручены на маленькую деревяшечку и перевязаны вместе с ней тесемкой. Этот способ завязки концов кос называется *узн"ылд.*

Наличие различных способов причесывания волос показывает, что разграничения общества по полу и возрасту четко подчеркиваются нивхами.

Естественно возникшее разделение труда между полами, подобно разделению по возрасту, несомненно служило источником противоречий. Специфические противоречия первобытного общества недостаточно исследованы

специалистами. Между тем без изучения их нельзя понять истинных причин развития такого общества.

Существенную помощь в раскрытии противоречий первобытного общества оказывают табу — запреты. Очень многие запреты представляют выражение борьбы различных человеческих групп за существование. Это подтверждается запретами на употребление в пищу медвежьего мяса у нивхов.

Итак, запреты на употребление в пищу медвежьего мяса у нивхов открывают два вида противоречий в их древнем обществе:

1) между старшими и младшими поколениями;

2) между мужским и женским полом.

Было бы, конечно, наивно сопоставлять эти противоречия с напряженным и открытым характером классовых противоречий в современном капиталистическом обществе. Противоречия, вскрываемые в первобытном обществе, были завуалированы, действовали замедленно. Но они существовали, иначе древнее человеческое общество не имело бы стимулов для внутреннего развития.

Уже с первых моментов возникновения людского общества воспитание его членов, видимо, состояло в том, чтобы приучить их к психологическому торможению, которое позволяло им совершать одни поступки и не позволяло совершать другие. Поэтому всякое общественное нововведение в древнейшем человеческом обществе могло быть упрочено только посредством запрета — табу.

Когда у древнейших охотничьих обществ каменного века появилась необходимость в осуществлении великого разделения труда между людьми по полу, в распоряжении стариков, руководящей силы общества того времени, не было никакого аппарата принуждения, кроме страшной подавляющей силы религиозных запретов. Теперь их смысла ввиду глубочайшей древности установления никто уже не понимает, почему они и обросли у всех охотничьих народов всевозможнейшими осмыслениями, которые только по недоумению могут приравниваться к их истинному научному истолкованию.

В основе всех запретов, всех «нельзя» у нивхов лежит страх перед какими-то неведомыми несчастьями, которые неминуемо обрушатся на человека после нарушения табу. Страх сам по себе есть естественное, природное явление, но страх, овладевающий человеком после

нарушения табу, — явление искусственное, созданное людьми для того, чтобы урегулировать отношения между различными человеческими группами древнего общества, с одной стороны, и отношения людей к окружающим объектам и явлениям природы — с другой.

Табу по-нивхски — *уиг"нд, уиг"д.*

Жителю современного города трудно представить, какой огромной силой обладает в нивхском обществе это слово. Оно подавляет своей мощью психику и жизнь каждого нивха и каждой нивхинки со дня рождения до дня смерти, опутывая их поступки всевозможнейшими «нельзя». Эти табу, эти «нельзя» превращают человека в раба страха.

Уже с раннего детства мальчики и девочки при помощи запретов приучаются к издревле установившемуся разделению труда между полами. Так, например, мальчикам запрещается играть с орудиями труда женщин, а девочкам — с орудиями труда мужчин.

Старик Флорун рассказывал, что, когда он был маленьким, старики не позволяли мальчикам играть коромыслом, кроильным ножом и кроильной дощечкой, т. е. орудиями труда женщин. Они не позволяли мальчику класть на плечо коромысло, не позволяли мальчикам бить друг друга коромыслом по ногам, объясняя, что кого ударят им, тот будет плохо ходить по лесу во время охоты, когда вырастет большим. Девочке же запрещалось играть луком, стрелой или копьем, потому что тогда эти орудия не принесут якобы удачи.

Взрослые женщины также отдаляются от охотничьих орудий мужчин посредством запретов. Так, например: женщине запрещается переступать через лук, копье, ремни и рыболовные снасти, через ружье (если она переступит через него, говорят нивхи, оно будет давать промахи); через нартовую веревку, к которой привязываются собаки (если она переступит через нее, то веревка, по словам нивхов, лопнет в то время, когда собаки будут в пути); через сгибаемые полозья нарты (если она переступит через них, то они лопнут).

Таким образом, религиозные запреты под мистическим страхом несчастий запрещали женщинам и мужчинам не только заниматься трудом друг друга, но даже прикасаться к орудиям труда друг друга.

В Чайво мне говорили, что такие женские вещи, как

иголка с ниткой, наперсток, гребешок и кроильная доска, нельзя передавать через протянутую мужскую ногу. Если в тесном жилище не представляется иной возможности для передачи их, то остается один только выход — эти вещи просовывают под мужскую ногу.

Точно так же надо поступить, если на пути находится не мужская нога, а корыто с тюленьим мясом. Иглу, наперсток, гребешок и кроильную доску можно передавать только под крайним выступом корыта, но не поверх корыта.

Во время ловли тюленей в Чайво запрещают вносить и выносить через дверь жилища наперсток и гребешок. Если есть в этом надобность, то женщина передает их только через *к'ухути* — отверстия для стрел, имеющиеся в стенах каждого жилища. Во время ловли тюленей женщине в Чайво запрещается даже проходить мимо двери с наперстком и гребешком, так как тут через дверь пролегает «тюленья дорога», т. е. путь, через который вносят в жилище добытое животное. Женщина должна сначала передать в отверстие для стрел гребешок и наперсток, обойти жилище вокруг, а затем войти в него. Если же она перейдет через путь подле двери с этими вещами, то якобы «тюлень рассердится» и не пойдет на острогу нивха, не даст ему себя убить.

Запреты, регулирующие жизнь мужчин и женщин у нивхов, создавались, конечно, не одновременно, но в течение многих веков. Они представляют непрерывную цепь, в которой каждое звено имеет свою историю. Наиболее древними следует считать пищевые запреты, дошедшие до нашего времени в медвежьем празднике.

Медведь — самый сильный и самый опасный зверь для древних людей, обитавших в северных частях Азии. Охота на него — дело мужчин, но не женщин. Поэтому-то женщины у нивхов отдаляются не только от орудий промысла на медведя, но и от него самого.

Женщинам у нивхов запрещается подходить к медведю, воспитываемому в клетке. Им запрещается ходить на площадку для убиения медведя и даже издали смотреть на это убиение. Запрещается подходить к амбару, где находятся головы медведей, и входить в него. Женщина не имеет права прикасаться к ножам, которыми режут тушу медведя, и к табуированной посуде, в которую складывают запретные для них части его мяса. Ей

запрещается прикасаться к табуированному очагу, на котором варят табуированные части медвежьего мяса, запрещается заходить на площадку для собачьих бегов во время медвежьего праздника. Женщина не может даже ехать на нарте вместе с мясом медведя. Везти на нарте с праздника медвежье мясо вместе с женщиной — великий грех. Наконец, ей запрещено участвовать в религиозном обряде кормления горных людей-духов и т. д., и т. п. Она не допускается и ни к каким жертвоприношениям. Женщины могут принимать участие только при сожжении покойника и установке домика для него, но и то не наравне с мужчинами, ибо сжигать труп они не имеют права.

Приведенные факты достаточно убедительно свидетельствуют, что положение мужчин и женщин в роде нивхов неравноправно — женщины от общественной жизни рода отстранены. Мужчины в нивхском патриархальном роде — главенствующий элемент, женщины — подчиненный и униженный. «Мальчика, сына, — говорил мне Пнидин,—мы считаем выше, девочку, дочку—ниже».

Взрослая мужская часть рода решает его важнейшие дела. В недавнем прошлом к ним относились вопросы кровной мести и выкупа, вопросы увода женщин силой из чужого рода в свой, вопросы брака, вопросы, связанные с медвежьим праздником, и многие другие.

Мужская часть рода выступает как единое целое, как род, во время медвежьего праздника, кормления медвежьих черепов, жертвоприношений горам и морю. Такую функцию мужской части рода в указанных случаях мне приходилось наблюдать самому.

Женская часть рода в решении его общественных и религиозных дел никакого участия не принимает. Женщины неравноправны не только в роде, но и в жилище, где им отведены худшие места.

Подчиненное и униженное положение женщины у нивхов усугубляется еще тем, что женщина воспринимается как что-то, если можно так выразиться, нечистое. «Если мой сынишка либо моя дочка, — говорил Пнидин, — намочат на дрова, то после сына топить дровами огонь можно, а после дочки — нельзя». Пнидин осмыслял этот запрет тем, что дочка *энх"арг* — «чужеродка». «Если мальчик случайно испражнится в жилище, — говорил старик Козин, — то девочку можно заставить

убрать за ним, но если это случится с девочкой, то заставить мальчика убрать за ней нельзя».

Флорун рассказывал мне, что когда он был маленьким, то взял однажды женскую обувь и стал ею играть. Старики отняли ее у него, сказав, что играть этим нельзя, потому что, если мальчик будет брать в руки женскую обувь либо женские наголенники, ему может стать худо.

Представление о том, что женщина «нечиста», возникло, вероятно, в связи с месячными. Охотники каменного века великолепно знали, что кровь появляется только вследствие ранения колющим, режущим либо царапающим орудием. Беспричинное же, с их точки зрения, появление крови у женщин не могло не пугать их воображение. Оно вселяло страх, так как им было неизвестно, что же ранит женщину. Женщин в это время избегали и опасались.

При месячных нивхинка спит отдельно от мужа. Мужчине запрещается физическая близость с ней не только в этот период, но и перед уходом на охоту, даже если женщина вполне здорова. «Если мужчина сблизится с женщиной перед уходом на промысел соболя или белки, он ничего не убьет», — говорил мне Сарат.

О наступлении месячных женщины говорят иносказательно: «Гость, надевший красный халат, ко мне пришел». У них существует своя гигиена в это время. Не имея к своим услугам даров цивилизации, они наскабливают (но не строгают) мягкие стружки с какого-то кустарника, называемого *ток"с* (А. д.), которые прячут после использования в местах, недоступных для мужчин, так как считается, что их кровь, являющаяся в действительности основой существования человечества всех времен, нечиста и опасна для квинтэссенции человечества — мужчин.

Чтобы мужчины не наступили на выделения женщин, в каждом селении либо возле каждого жилища отводится отдельное место для туалета женщин, называемое на Сахалине *офти*, а на Амуре *умгух упф* (букв.: «место сидения, [присаживания], женщин» и отдельное место для туалета мужчин. Места эти не отгорожены и не закрыты. Женщины либо мужчины присаживаются на открытом месте, прикрывая свою обнаженность нижней частью халата. Поэтому-то пола халата женщины считается особенно грязной. Если навстречу сидящему или сидящей идет человек, то к нему поворачиваются спиной.

Загрязнения территории селений не происходит, так как собаки съедают человеческие экскременты. Вероятно, поэтому нивхи выделяют для каждого человека собаку, которой вместе с едой дают съесть его молочные зубы, а после смерти человека выделяют особую собаку, в которой, по их представлениям, временно живет душа умершего.

Осмысление табу, которое дается нивхами, не может, конечно, приниматься за их истинное научное объяснение.

Если вдуматься в названные выше запреты, то в них можно разглядеть две основные линии: женщинам (главным образом только им) запрещается соприкасаться с охотничьими орудиями мужчин, а также с предметами медвежьего культа, имеющими, по представлениям нивхов, непосредственное отношение к вопросам удачи в лесной охоте. Мужчинам же воспрещается вступать в физические связи с женщинами перед охотой, а также соприкасаться с некоторыми орудиями их труда, с некоторыми частями их одежды. В основе всех этих запретов в конечном счете лежит то же самое стремление увековечить разделение труда между полами. Такое разделение труда у нивхов совершенно отчетливо разграничивает их общество на две части — мужскую и женскую.

Мужская часть наиболее активна. Осенью мужчины уходили из селения и поднимались к верховьям речек для ловли зубатки. С наступлением зимы в недавнем прошлом они шли на ловлю соболя. В середине зимы какая-то часть из них, преодолевая значительные пространства, уезжала в гости. Весной, с отходом льдов от берегов моря, мужчины отправлялись во льды промышлять тюленей. Таким образом, деятельность охотников-мужчин была неразрывно связана с необходимостью более или менее часто удаляться от своего жилища и селения.

Женская часть рода менее активна. Женщины никуда не удаляются от жилища и селения за исключением нечастых однодневных отлучек в летнее время для сбора ягод, корнеплодов, кореньев и растений. Женская часть рода неразрывно связана с селением.

Но и отправившись на охоту в лес или в море, мужчины-нивхи притесняют посредством табу своих женщин, остающихся в селении.

Перед уходом на охоту, как мы уже говорили, физическое сближение с женщиной запрещается. У нивхов Амура, живущих выше Николаевска, когда мужчины уходят на охоту, остающимся в селении женщинам запрещается шить и расчесывать волосы гребнем. Старухам, женщинам и детям селения по вечерам полагается собираться в одном жилище, веселиться и играть в разные игры.

Особенно много запретов налагается на женщин, когда мужчины начинают охотиться в море на тюленей. Связанный с опасностями пребывания на льдинах, этот промысел предъявляет определенные требования и к остающимся на берегу. Так, необходимо, чтобы жены, пока их мужья находятся в море, поддерживали на очаге огонь, не давая ему угаснуть. Сами же они должны тепло одеваться. Поддерживание огня объясняется, вероятно, верованием, что хозяин огня помогает охотникам на промысле.

Поскольку охотники находятся в море и прыгают с льдины на льдину, чтобы острогой попасть в тюленя, женщины должны очень осторожно обращаться с посудой. Если они поломают что-либо: чашку, раковинку, камень, то льдина, на которой находится их муж, отец или брат, может якобы треснуть и охотник утонет.

Если женщина выстирает что-либо и повесит это высушить, то в этом случае, говорят нивхи, тюлень может находиться в пяти шагах от охотника, но он его не убьет, хотя и будет в него стрелять. «В белье только попадешь», — говорят нивхи.

«Беременной женщине, когда в море лед приходит, смотреть [на льдину, находящуюся] напротив [нее], запрещается. Древние старики сказывают, что это грех, чтобы льдин не рассердить. Если [она на льдину прямо] напротив посмотрит, льдины опять прийти не пожелают. Женщине, у которой умер ребенок, тоже на льдины напрямик [напротив] запрещают смотреть. Если эти женщины посмотрят, льдины, рассердившись, прийти не захотят».

Я привожу этот, близкий к подлиннику перевод отрывка из рассказа Очи, чтобы читатели почувствовали мироощущение людей, обладающих анимистическим миропредставлением: «Льдины, рассердившись, прийти не захотят». Это говорил не психически больной человек, а человек не только вполне нормальный, но и чрезвычайно

умный, только ощущающий природу иначе, чем мы, — ему все в ней представлялось живым.

Имеются также запреты, требующие от женщин строгости в отношении их этического поведения. Если они их не будут соблюдать, то тюлени (а также соболи) якобы выдадут их поступки и сообщат охотникам обо всем, что творится в селении и жилище.

Описанные запреты ориентированы главным образом на женщин. Можно, конечно, толковать их по-всякому, но основное назначение их выступает весьма отчетливо: ими стремятся урегулировать посредством психического устрашения поведение женщин, остающихся в селении, когда мужчины-охотники находятся вдалеке от него.

Мне кажется, что такие запреты могли возникнуть еще среди бродячих охотничьих групп, много десятков тысяч лет назад. Когда первобытная орда наталкивалась на зверя, молодые и пожилые охотники старались его окружить и убить. Оставшимся позади женщинам и детям запрещалось работать и шуметь, чтобы не мешать охоте. В иных социальных условиях, когда появились жилища и селения, запрет этот утратил свой смысл, но он сохранился подобно многим установлениям древнейших форм первобытного общества, имевшим характер табу. Сохранилось табу, но вызвавшие его к жизни условия исчезли, чем и объясняются их переосмысления и трудность научного объяснения. Запрет шитья и расчесывания волос для женщин во время охоты мужчин мог возникнуть поздно, когда люди впервые ознакомились с иглой и гребнем. Требование же, чтобы женщины веселились и играли, когда мужчины уходят на охоту, могло возникнуть в условиях широко развитых анимистических представлений для того, чтобы обмануть зверей: раз в селении веселятся, значит, охотники там и зверям нечего бояться нападения. Таков возможный смысл этого требования, которое, по представлениям древних людей, могло облегчить им промысел.

Половозрастные различия очень четко выявляются и в нивхском языке. Древнее деление общества нивхов на две половины — мужскую и женскую—отразилось в первую очередь в собственных именах. Так, абсолютно преобладающее большинство мужских имен оканчивается на *-н, -ун, -кун, -гун,* а абсолютное большинство женских собственных имен оканчивается на *-к, -ук, -кук, -гук.*

Если сопоставить большое число собственных мужских и женских имен, записанных в разных местах обитания нивхов, то в единичных случаях можно обнаружить мужские и женские имена, образованные от одного корня, но различающиеся друг от друга одним из указанных суффиксов, например: Авлин — имя мужчины, Авлик — имя женщины (*авлинт* — «не хватает», «не достает»).

Суффикс *-н,* которым оканчиваются мужские имена, вероятно, образован от начального согласного имени существительного *ниг"вн"* (С. д.), *нивх* (А. д.) — «человек». Суффикс же *-к*, которым оканчиваются женские имена, вероятно, образован от уменьшительного суффикса «к» и имеет уничижительное значение. Видимо, в самих собственных именах отражена главенствующая роль мужчин в нивхском роде по сравнению с женщинами.

У сахалинских нивхов некоторые женские имена оканчиваются также суффиксом *-т, -ит: Кшун"ит* (ср.: *кшун"и* — кулик), *Урн"ит* (ср.: *урн"д* — голодный) и др.

У некоторых мужчин имена имеют женское окончание на *-к*. Причины этого я не выяснил.

Разделение труда по полу и деление общества на две половины — мужскую и женскую не специфически нивхское явление.

Оно было всеобщим у народов земли. У некоторых народов оно нашло даже отражение в языке — в явлении, известном под названием грамматического рода. Чтобы возвеличить себя, мужчины стали приписывать мужские свойства наиболее важным явлениям природы, женские — менее важным, а детские — маловажным. Так возник грамматический род, пережиточно существующий в очень многих языках, в том числе и в русском. Например, дуб, клен, ясень относятся к мужскому роду несомненно потому, что обладают самой крепкой и прочной древесиной, чего нельзя сказать об осине, относимой к женскому роду.

Порабощение женского пола мужским ведет свое начало от каменного века. Особенно сильно оно проявилось при патриархате. Нельзя не видеть, что большое число табу, которое существует у нивхов для женщин, ставят ее в унизительное положение. Ф. Энгельс считал даже возможным утверждать, что «первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским» [4, 68].

СТРУКТУРА РОДА, РОДОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПО ЛИНИИ ПЕРЕДАЧИ СЕСТЕР ИЗ РОДА В РОД И ПЕРЕЖИТКИ ГРУППОВОГО БРАКА

15 марта. Медвежий праздник с исключительной наглядностью выявил пережитки древней половозрастной организации у нивхов. От него я пошел к изучению у них разделения труда между полами и уразумению природы некоторых табу, закрепивших это разделение на века. Теперь надо продолжить изучение их общественной организации. Ведь медвежий праздник устраивал один род — род тестя, а мясо и сало медведя забирал себе другой род — род зятя.

Попытаемся теперь разобраться в структуре их рода и понять, какие принципы лежат у нивхов в основе взаимоотношений рода тестя и рода зятя.

Начну эту работу с установления состава родов у нивхов Тыми и с изучения их терминологии родства, как это сделал в свое время Л. Я. Штернберг, тем более что он почему-то не дал полного описания этих терминов.

В бассейне реки Тыми в селениях Чириво, Пливо, Наукхомрво и Потово живут представители семи нивхских родов: *Урмыквонн"*, *Гаврк"рвонн"*, *Н"анювонн"*, *Пльыфвонн"*, *Сак"вонн"*, *Рувн"*, *Вияхтывонн"*. Каждый из двух последних родов представлен только одним переселенцем с Татарского побережья.

Так как у нивхов почти на все имеется какое-то объяснение, я решил спросить их, как, по их мнению, образовались первые нивхские общественные объединения, именуемые ими *к"'алн"* — род.

Вот что рассказали мне об этом старик Хайтвин и Очи.

— У нивхов, — сказали они мне, — такое предание есть. В очень давние времена было наводнение и в нем потонула земля. Откуда-то плыл по воде *г·овых* — кусок торфянистого берега. На нем было двое людей — брат и сестра. Плывший кусок торфа застрял на мели, и вокруг него образовалась земля.

Брат и сестра стали жить, как муж и жена. У них родилась дочь. Когда она стала взрослой, умерла ее мать. Тогда отец стал жить с дочерью, как с женой. От их брака родился мальчик. Когда он вырос, то ушел от отца и поселился в другом месте. Через некоторое время у его

отца родилась девочка. Когда она выросла, брат взял ее в жены и стал жить с ней, как с женой. Потом в той и другой семье родились дети — мальчик и девочка. Девочка была взята в жены мальчику.

Так, по представлениям нивхов, возникли на земле первые роды — *к'"алн"*: первый род тестя — *ахмалн"* и первый род зятя — *ымг"и"*.

Л. Я. Штернберг в своих лекциях по эволюции социальной культуры приводил примерно такую картину развития древнейших форм человеческого общества.

Один из важнейших элементов очеловечения древнейших людей состоял в том, что от чисто стадной животной физической близости между особями различных полов они перешли к запрещению сближения между близкими родственниками. Ведь тогда в древнейшем человеческом стаде, которое условно можно называть ордой, наши животные предки не могли еще различать и понимать, кто отец, кто мать, кто сын, кто дочь, кто брат, кто сестра, кто внук, кто внучка. Лишь очень медленно вместе с пробуждением чисто человеческого сознания стали осмысляться эти отношения.

За древней, стадной формой животного сближения между особями различных полов, называемой в науке промискуитетом, последовал запрет физического сближения между восходящими и нисходящими поколениями.

Этот запрет представляет величайший шаг по пути очеловечения древнейших людей. Для того чтобы представить великое значение этого шага, надо понять, что животные не в состоянии были установить такой запрет. Его могли установить только люди. Но как выглядели тогда люди? Почему и как они ввели этот запрет, имеющий всеобщий человеческий характер? Предполагается, будто люди каменного века стали замечать, что половые связи между близкими родственниками ведут к ухудшению потомства. И они постепенно начали вводить запрет за запретом, упорядочивая человеческие взаимоотношения в этой области. Однако наука не может еще объяснить причину этих запретов.

Величайший запрет физического сближения между родственниками разных поколений привел к созданию первой формы узаконенного брака и семьи в древнейшем человеческом обществе. Такая семья по предложению

американского исследователя древних форм человеческого общества Льюиса Моргана была названа кровнородственной [12, 385] [51]. Об этой семье мы находим у Ф. Энгельса такое высказывание: «Здесь брачные группы разделены по поколениям: все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и их дети... Братья и сестры — родные, двоюродные, троюродные и более далеких степеней родства — все считаются между собой братьями и сестрами и *уже в силу этого* мужьями и женами друг друга...» [4, 42]. «Если первый шаг вперед в организации семьи,— продолжает Ф. Энгельс, — состоял в том, чтобы исключить половую связь между родителями и детьми, то второй состоял в исключении ее для сестер и братьев...» [4, 43]. «Таким или подобным путем из кровнородственной семьи произошла форма семьи, названная Морганом пуналуальной. По гавайскому обычаю известное число сестер, единоутробных или более дальних степеней родства (двоюродных, троюродных и т. д.), было общими женами своих общих мужей, из числа которых, однако, исключались их братья...» [4, 43—44]. «Равным образом ряд братьев, единоутробных или более дальних степеней родства, состоял в общем браке с известным числом женщин, но только *не* своих сестер...» [4, 44]. «Непосредственно из пуналуальной семьи, — говорит Ф. Энгельс, — по-видимому, возник в громадном большинстве случаев институт *рода*» [4, 45].

Таким образом, мифологическое предание нивхов об имевшейся некогда физической близости между братьями и сестрами соответствует, как можно видеть, тому положению, которое описано в науке. Братья и сестры всех степеней родства некогда действительно были мужьями и женами. Запрет браков между родственниками одного поколения породил экзогамию. Раз в своей древней эндогамной орде нельзя было вступать в брак, то братьям либо сестрам надо было уходить из своей орды в другую — к другим женам, другим мужьям. Так древняя эндогамная орда распалась, вышла из своей социальной замкнутости и вступила в родственные отношения с другой ордой. Конечно, это были уже не орды, а первые древнейшие общественные образования, поскольку в них отношения между людьми были уже упорядочены какими-то запретами.

Древнее общество строилось на узах кровного родства. Их невозможно было разорвать, потому что иных форм человеческих связей тогда еще не существовало. Общественные же отношения невозможно выдумать, они возникают под влиянием исторического развития и им диктуются. Следовательно, новая форма брака должна была возникнуть в старом общественном русле. И действительно, хотя браки между братьями и сестрами всех степеней родства были запрещены, но они были разрешены между их детьми, — и только между детьми братьев и сестер, но не между детьми брата и брата или детьми сестры и сестры.

Это универсальное явление, свойственное многим народам, стоящим на уровне охотничьего быта, Л. Я. Штернберг в своих лекциях по эволюции социальной культуры объяснял тем, что в каждом новом общественном установлении древние люди стремились сохранить старую традицию.

Братья стали отдавать своих дочерей замуж сыновьям сестер, а сестры отдавали своих дочерей замуж сыновьям братьев. Так возник перекрестный кузенный брак, свойственный многим народам, стоящим на уровне охотничьей культуры.

Дальнейшие запреты в этой области привели к исключению из брачных отношений сыновей брата и дочерей сестры, но сохранили брачные отношения между дочерьми брата и сыновьями сестры. Дочери брата уходили в тот род, где находилась его сестра. В связи с этим дочери его сестры уходили в другой род — в тот род, куда уходила сестра ее мужа. Там они выходили замуж за сыновей сестры ее мужа. Так возник в истории человечества односторонний кузенный брак.

Этой-то формой брака и порожден нивхский род. Следовательно, нивхская форма общества представляет закономерное звено в истории развития общественных форм всего человечества. Мало того, благодаря некоторым пережиткам, которые в ней сохранились, она представляет без преувеличения огромный научный интерес для изучения истории общества.

Исследуя общественные отношения у нивхов, нужно никогда не упускать из виду, что это иные отношения, чем те, в которых мы выросли. Чтобы проникнуть в них, надо так себя настроить, чтобы казаться нивхам челове-

ком их среды. Тогда они будут делиться со мной, как со своим человеком, очень многим. Иначе никогда не проникнуть в неведомые глубины истории каменного века.

В результате нескольких дней работы по переписи родов, семейств и записи терминов родства я пришел к выводу, подтверждающему наблюдения Л. Я. Штернберга. «В роде, — писал он, — есть только четыре степени родства: дед и бабка *(атк* и *ытик)*, отцы и матери *(ытк* и *ымк)*, братья и сестры *(руэр)* и дети *(ола)*» [27, 253]. И далее: «Все братья (всех степеней родства) отца какого-нибудь гиляка — суть его отцы *(ытк)*, их отцы — его деды *(ате)*, их дети — его братья *(руэр)*, их внуки — его дети *(ола)* и взаимно. Вот эта-то огромная семья дедов, отцов, детей братьев и сестер и составляет род гиляка» [27, 353].

В этом сообщении имеются явные опечатки: не *руэр*, а *руф*, не *ате*, а *атк*. Приходится сожалеть, что Лев Яковлевич не указал селения, где были записаны им эти термины родства. Вероятно, они были им зафиксированы на западном побережье Сахалина в селении Вияхты, где он начал свои исследования нивхов. В селениях Тыми бытуют несколько иные термины. Однако все это мелочи! Важно, что материалы, собранные мною почти через сорок лет, подтверждают его выводы в области структуры нивхского рода, классификационной системы родства и пережитков группового брака.

Для более отчетливого описания структуры нивхского рода — *к'"алн"* я бы подразделил его на четыре возрастных слоя: поколение дедушек и бабушек, поколение отцов и матерей, поколение моих братьев и сестер, поколение детей и внуков.

У нивхов существует отчетливое представление о поколениях и их смене, что выражено в специальном разряде числительных для их счета (см. стр. 161).

Термины родства, при помощи которых обозначаются отношения между поколениями в нивхском роде, могут быть представлены следующим образом:

Мой род

В своем роде я (мужчина) называю

мужчин — женщин

в поколении дедушек и бабушек

аткытьх — отца отца

атьмам — 1) мать отца
2) жену старшего брата

в поколении отца

ытк (эр) — отца	*ымк (ишн)* — мать
атк — старшего брата отца	*пилкымк* — 1) старшую сестру матери 2) жену старшего брата отца
пилнив"вн" — младшего брата отца	*матькымк, иншнаньх"* — 1) младшую сестру матери 2) жену младшего брата отца

в моем поколении

тувн" — братьев	*тивн"* — сестер
акан — старшего брата	*нанк", нанх"* — старшую сестру; (также старших и младших сестер отца)
атьик, аск" — младшего брата	*атьик, аск"* — младшую сестру
	аньг·и — 1) свою жену 2) жену старшего брата
	ёх" — 1) жену младшего брата 2) жену сына

в поколении детей и внуков

эх"лн", эх"лан" — ребенок	*эх"лн", эх"лан"* — ребенок

При первом взгляде на эту таблицу видно, что для младших по возрасту братьев и сестер существует один термин *атьик*, или *аск"*, не обозначающий их пола. То же самое происходит и по отношению к детям и внукам. Слово *эх"лн", эх"лан"* означает просто «ребенок». Если хотят обозначить его пол, то говорят *азмыть эх"лн"* — «мальчик» (букв.: «мужчина-ребенок») или *шан"к"-эх"лн"* — «девочка» (букв.: «женщина-ребенок»).

В старших возрастах ввиду их руководящей роли в нивхском обществе пол везде различается.

Интересен корень *ат-* для обозначения мужчин старше моего отца, т. е. деда и старшего брата отца, и корень *ать-*, который встречается в терминах *атьмам* — «бабушка» и *атьик* — «младший брат», «младшая сестра». Поскольку он есть в термине, которым обозначают младших братьев и младших сестер, можно полагать, что в слове *атьмам* — «бабушка» он имел какое-то значение, умаляющее или принижающее бабушку — как представительницу женского пола. Что касается суффикса *-к*, встречающегося в терминах родства, то он, вероятно,

имеет уменьшительно-ласкательное значение, поскольку в нивхском языке имеется тождественный суффикс с указанным значением.

Так как возрастные отношения имеют большое значение в нивхском роде, они отражены в терминах родства двух поколений: поколении моих отцов и матерей и в моем поколении.

Поколение моих отцов и матерей

мужчины	женщины
ытк — отец	*ымк* — мать
атк — старший брат отца	*пилкымк* — старшая сестра матери (букв.: «большая мать»)
пилниг"вн" — младший брат отца (букв.: «большой человек»)	*матькымк* — младшая сестра матери (букв.: «меньшая мать»).

Жена младшего брата отца называется *матькымк* — «меньшая мать» («меньшенькая мать») и может называться *ишнаньх"*. Первая часть этого сложного слова *ишн-*, возможно, образована от соответствующего местоимения *ишн* — «они», «их» (трудно предположить, чтобы она была произведена от слова *ишн* — «мать»), а вторая часть слова, т. е. *аньх"*, означает «самка». Таким образом, это слово этимологизируется как «их самка», заключая в себе явный элемент уважения, выраженный местоимением третьего лица во множественном числе.

В моем поколении приняты следующие термины:

Мое поколение

тувн" — братья	*тувн"* — сестры
акан — старший брат	*нанк" нанх"* — старшая сестра
атьик, аск" — младший брат	*атьик, аск"* — младшая сестра

В притяжательной форме старшего брата называют *ньаки* — «мой старший брат», а младшего брата и младшую сестру *ньатьик,* или *ньаск"* — «мой младший брат», «моя младшая сестра». Брат может называть сестру *ранр,* но сестра сестру называть так не может.

Сестра может называть брата *к'иун",* но брат брата называть так не может; *ньхиун"* — «мой брат» — говорит сестра о своем брате. Следовательно, терминами *к'иун"* — «брат» и *ранр* — «сестра» в каждом поколении (*тувн"*) обозначаются мужская и женская его половины — братья и сестры. Они как бы проводят разделения по

полу внутри каждого поколения братьев и сестер. В связи с этим посторонние могут спросить мужчину: *ч'ранркун янку?* («Твои сестры где?»), или женщину: *ч'хиун"гун янку?* («Твои братья где?»).

Говоря о сестре, сам брат либо посторонний человек, чтобы подчеркнуть свое особое уважение к сестре, употребляет личные местоимения с особым суффиксом *-эо-*. Так, можно сказать просто *ньранр* — «моя сестра» и с особым подчеркиванием *ньэоранр* — «моя сестра», *йэоранр* — «его сестра» и т. д.

Нельзя не отметить, что в языке нивхов существуют специальные средства для выражения уважения к человеку. Можно сказать просто: *ян"* (С. д.), *иф* (А. д.) — «он», но если хотят высказать в разговоре свое уважение к третьему лицу, о котором идет речь, то тогда употребляют особые местоимения *авн"* (С. д.), *ыф* (А. д.).

Можно сказать просто *ч'и* — «ты», *ч'ат* — «ты-то», но можно употребить выражение *ч'атын"гра* — «а вот ты-то», придающее речи особую экспрессивно-эмоциональную подчеркнутость.

Точно так же в определительных местоимениях употребляют слова *тымтьинт* — «такой» (о ближнем предмете), *хымтьинт* — «такой» (о более дальнем предмете), но, когда хотят высказать по отношению к нему свой восторг, свое восхищение, говорят *тымрант, хымрант.*

Я привожу эти примеры, чтобы показать, что употребление особых местоименных форм при разговоре о сестре не случайность, а часть целой системы средств, при помощи которых люди у нивхов выражают свое уважение друг к другу.

Термины родства у нивхов, как это впервые было установлено Л. Я. Штернбергом, не индивидуальные, а классификационные. Ими обозначается не один человек, а класс людей. Так, термин *тувн"* охватывает целое поколение братьев и сестер, связанных близким и дальним кровным родством. Терминами *к'иун"* — «брат» и *ранр* — «сестра» охватываются все единоутробные и неединоутробные братья и сестры по данному роду. Термином *акан* — «старший брат» обозначается не только «мой родной брат, родившийся от моих родителей», но все сыновья братьев моего отца по роду, которые старше меня, и т. д. и т. п. Поэтому термины родов встречаются у нивхов в формах множественного числа: *ныткхун* —

«мои отцы», *ньымкхун* — «мои матери» и т. д., что впервые отметил Л. Я. Штернберг.

Интересно, что для обозначения единоутробных братьев имеется еще дополнительное слово *ускр*, которое можно перевести как «истинный», «настоящий», *ускр тувн"* — «единоутробный брат». Для обозначения же неединоутробных братьев по роду, т. е. сыновей братьев отца по роду, имеется особое слово *торон" (торон" дувн"* — «брат по роду»). Эти слова говорят о том, что нивхи отчетливо различают степени близкого и более дальнего родства, но практически они все относят себя к классу *тувн"* — братьев.

Чтобы понять природу нивхского рода, важнее всего уяснить отношения, сложившиеся между каждым поколением родственников, обозначаемым термином *тувн"*.

Тувн"
(поколение моих братьев и моих сестер)

тувн" (С. д.), *руф* (А. д.). — «братья» (всех степеней родства по роду) Братья составляют основу рода—*к'"алн"* (С. д.), *к'"ал* (А. д.).	*тувн"* (С. д.), *руф* (А. д.) — «сестры» (всех степеней родства по роду). Сестры, хотя они и родились в данном роде, подлежат обязательному удалению из него и с момента своего рождения именуются *энх"арн"к, энх"арг,* т. е. чужеродками

Деление нивхского рода на две половины — братьев, образующих остов рода, и их сестер, родившихся в данном роде, но тем не менее относимых к чужеродкам, свойственно всем родам, как сахалинским, так и амурским.

Отнесение сестер к категории чужеродцев объясняется тем, что нивхский род, как это установил еще Л. Я. Штернберг, строго экзогамен и браки внутри него категорически воспрещены. Таким образом, мужчины в роде образуют незыблемую его половину, а женщины — текучую. Они из рода уходят, и вместо них в род приходят другие женщины, которые становятся женами поколения братьев. Следовательно, женщины представляют переменный элемент рода, как это впервые отметил Л. Я. Штернберг [27, 355], а мужчины — постоянный.

В нашем обществе не существует запретов на раз-

говоры между братьями и сестрами, шутки и игры их друг с другом. У нивхов же имеется специальный термин *ланьнт* — «стесняться друг друга», «избегать друг друга». Этим обычаем взаимного избегания друг друга в первую очередь характеризуются отношения между братьями и сестрами, между братьями, между старшими братьями и женами младших братьев, между отцами и женами сыновей и др. Л. Я. Штернберг определял эти запреты как психические. Но это не психические, а социальные запреты, препятствующие близкому общению определенных категорий родственников.

Воспитание братьев и сестер уже с раннего детства преследует одну цель — отдалить их друг от друга, разобщить их. С детства сестре внушают, что на очаге жилища, в котором она родилась, ей нельзя зажигать огня, так как это не ее огонь, а огонь брата. Ей разрешается лишь занести дрова в жилище и подложить их в горящий огонь, но не больше.

В тесном жилище нивхов установлены как бы зоны, в пределах которых сестра может ходить и за пределы которых ей заходить запрещено. Так, с детства сестре внушается, что от двери она может проходить в глубь жилища не дальше заднего края очага. Дальнейшее же продвижение ее к поперечной наре категорически запрещено.

Места на нарах в жилищах нивхов строго распределены между братьями и сестрами. Худшими в жилище, особенно в землянке, считаются места, расположенные около двери. Находящиеся вблизи двери края нар называются *ан"ивф* или *аув"аг с*. Вот на них-то и располагаются сестры и дочери. Сыновья же помещаются подальше от дверей, на поперечной наре — самом лучшем месте в жилище, либо на боковых нарах, но возле поперечной. К этому порядку расположения на нарах сестер и братьев приучают с раннего детства.

Этот порядок соблюдается и на ложе супругов. Жена лежит на краю постели, обращенном к двери, а муж — на краю постели, обращенном к задней стене жилища. Хозяин жилища вместе с женой помещается на левой наре подальше от дверей. Там же располагаются и старики.

Если в гости приезжает мужчина, то его помещают на лучшую поперечную нару. Если же в гости приедут зять

с женой или тесть с женой, то их обоих помещают на нижнем крае продольной нары, т. е. на плохом месте, поскольку женщина может помещаться только там.

Если в жилище происходил медвежий праздник и на поперечной наре находилась голова медведя, то гостя на эту нару уже не помещали, так как она считалась священной.

С самого малого возраста сестре внушают, что она — чужеродка, что ее подлинное жилище не там, где она родилась, а там, где растет ее будущий муж и где она будет хозяйкой.

Брат и сестра у нивхов не могут смотреть в глаза друг другу. Их взор, когда они находятся в жилище, всегда обращен вниз, к полу. Это называется у них *к"отрд* — «сидеть с наклоненной вниз головой».

Возможно потому, что брат брату, брат сестре, сестра брату, старший брат жене младшего брата и наоборот не могут смотреть друг другу в глаза, у нивхов выработались особые обозначения для различных взглядов: *к"олох·ад*—смотреть искоса в одну сторону, не поворачивая в ту же сторону голову (обычно нивхинки наблюдают так за братьями либо посторонними мужчинами, находящимися в жилище); *к"олок"олох·ад* — смотреть, поводя глазами из стороны в сторону, не поворачивая при этом голову в стороны; *тому:х·ад* — взглянуть и отвести голову в сторону (*мин-нщы-х·арор тому: х·ад* — «на нас взглянула, а потому голову в сторону отвела»); *томромад* — посмотреть и отвести в сторону голову, потому что смотреть неприятно (*к"алы х·ар индыфкэ томромад* — «широко раскрытыми глазами посмотрела, его разглядела, отвернулась»); *к"алыд* — «широко открыть глаза»; *млон" вух·ар т'ырд* — «смотрит сквозь закрытые веки» (*млон"вуд* — «закрыть глаза», ср.: *лог"их·ад* — «чуть приоткрыть глаза»); *к"алах·адь* (А. д.) — «смотреть злобными глазами»; *к"али:х·иг"их* (А. д.) — «злобно взглянуть и отвернуть голову в сторону». Нет нужды описывать здесь все слова, которыми нивхи обозначают положения глаз, так как и приведенные показывают, что глазам, как и рукам, у них нельзя давать воли, что сдержанность и торможение эмоций представляет характерную черту воспитания личности у нивхов.

Братьям и сестрам у нивхов разговаривать друг с другом запрещено. «Брат и сестра, — говорил мне Ыги-

ска, — с детства приучаются к тому, что будут жить отдельно, что нужно стесняться друг друга и не привыкать друг к другу».

С детского возраста братья и сестры нивхов приучаются к запретам. Женщины приучают к ним девочек, мужчины — мальчиков.

Перечисляю известные мне запреты, регулирующие отношения брата к сестре.

Брату категорически запрещается: близко подходить к сестре; смотреть сестре в глаза; класть голову на колени сестры для туалета головы; курить вместе с сестрой одну трубку; шутить с сестрой; есть одновременно вместе с сестрой с одного столика; принимать пищу непосредственно из рук сестры (пищу, приготовленную сестрой, передает брату отец либо мать; если же их нет дома, сестра приготовит пищу, положит ее на столик, молча поставит на нару и отойдет в сторону; только тогда брат подойдет к столику, перенесет его на свое место и станет есть); называть сестру по имени; вести с сестрой прямой разговор. «Если я с сестрой заговорю, — сказал мне Сарат, — то я должен дать искупительную собаку». «Брат сестре, — говорят нивхи, — если совесть имеет, даже слово не говорит! Смотреть на сестру не годится!»

Брат сестре может сказать что-нибудь только косвенно. «Если я возвращусь с охоты, — говорил мне Кимчик, — и обувь моя изорвалась, а в жилище никого, кроме сестры, нет, то я не имею права сказать ей: «Почини мне обувь». Не обращаясь к сестре, сниму обувь, поставлю ее и скажу: «Обувь изорвалась, — надо бы ее починить» — и отойду в сторону. Только тогда сестра подойдет, возьмет обувь, уйдет на свое место и станет ее чинить».

Если брату нужна трава (*киус*), заменяющая в обуви нивхов наши чулки и портянки, то, не обращаясь ни к кому, он спросит: «Трава [*киус*] где лежит?» — на что сестра может, например, ему ответить: «Трава [*киус*] снаружи жилища, однако, лежит». Брат молча выйдет, сам возьмет траву и выстелит ею низ обуви.

Если, обращаясь друг к другу, брат или сестра все же употребят личное местоимение, то они обязаны сказать друг к другу *ч'ин* — «вы», а не *ч'и* — «ты».

Запрет прямых разговоров между братьями и сестра-

ми, установленный когда-то в отдаленных от нас веках, преследовал, конечно, одну цель — предотвратить возможность их физического сближения, которое сотни тысяч лет назад было возможным, о чем свидетельствует и предание нивхов, приведенное выше.

Если брат и сестра встречаются на дороге, то сестра отворачивается от него в сторону и даст ему пройти.

У нивхов считается, что месячные выделения сестры смертельно опасны для брата. Если менструальная кровь сестры каким-либо образом попадет на брата, он якобы погибнет от болезни, которая его иссушит. Чтобы спасти от смерти брата, сестра обязана дать ему искупительную собаку, которую она должна взять из чужого рода. Он обязан ее задушить и, не снимая с нее шкуры, разрезать ее грудь. Затем ему надлежит совершить специальный обряд, который и отвратит от него неминуемую гибель. «Если сестра, — говорил мне Сарат, — переступит через ногу брата, либо заденет брата полой, либо нечаянно плюнет на него, то она должна дать ему искупительную собаку, которую она достанет ему для этого в чужом роде».

Если сестра допускала какой-либо грех в отношении добычи брата, говорили мне нивхи Лунъского залива, ее выводили на косу залива, на самое узкое место косы этого залива. Там она обязана была разнять полы своего халата так, чтобы брат мог прострелить их луком, не задев ее, после чего грех считался снятым.

Не надо искать в этих поступках нечто мистическое. Основа их социальная. Их цель отдалить сестру от брата из всех сфер его труда. Всеми доступными средствами древние нивхи разделяли братьев и сестер.

Нивхи мне говорили, что *к'"алн"* — род образуют братья, а сестры это *энх"арг* — «чужеродки». Однако почему так называют сестер? Ведь если их считают чужеродками, то, казалось бы, следовало их называть термином *энан" к'"алн"* — «чужой род», «другой род», от *энант* — «чужой», «другой». Но их именуют *эн-х"ар-н"к* (букв.: «чужой ствол»). Часть этого слова *-х"ар-* обозначает «ствол», что подтверждается такими примерами: *ч'х"ар х"арх"арр панднт* — «дерево несколькими стволами растет» (из одного корня). Следовательно, древним названием нивхского рода следует, по-видимому, считать слово *-х"ар-* — «ствол», так как слово *к'"алн"* не нивх-

ское. Оно проникло к ним от соседних тунгусо-маньчжурских народностей — ульчей, нанайцев, где род называется *хала*. Только проникло оно к ним, вероятно, не в результате механического заимствования, а вследствие органического проникновения представителей окружающих народов в среду нивхов. Еще Л. Я. Штернберг установил, что в большом количестве нивхских родов имеются принятые в их состав представители тунгусо-маньчжурских народов. Нелепо было бы думать, что принятые в род чужеродцы сразу же забывали свою культуру и не вносили в среду нивхов элементов своей культуры. Они же, вероятно, способствовали упрочению своего наименования для рода, в связи с чем древнее нивхское название рода утратилось.

Разделительные запреты распространяются не только на сестер и братьев, но и на братьев. Братья не должны не только смотреть в глаза друг другу, но и разговаривать друг с другом.

Когда одному брату надо сказать что-либо другому, он делает это через своих родителей или через свою жену, особенно когда старший брат должен сказать что-нибудь младшему. Если же они одни в жилище, то старший брат скажет, например, младшему так: «Сегодня-то рыбу бы половить хорошо было бы». Младший брат сразу же понимает, что сказанное относится к нему. Он встает и приготавливается к выходу. Старший брат выходит первым из жилища и идет впереди, а младший брат идет позади него. Так братья спускаются к берегу, молча снимают с сушил невод и кладут его в лодку. Затем они кладут туда шесты, рулевые весла, черпак для вычерпывания воды. Потом едут на места, где можно забрасывать невод. Там они ловят рыбу. Старший брат, если это необходимо, делает все указания в безличной, условно-сослагательной форме. Когда же приближается вечер, он говорит: «Воротиться бы хорошо». Младший брат понимает, что надо собираться обратно, и они уезжают в свое селение. Если братья живут не на Тыми, где лодка-долбленка передвигается с помощью шестов, и они оба должны одинаково работать ими, а на побережьях Сахалина или на материке, где лодка передвигается с помощью весел, то младший брат садится за весла и гребет, а старший — на корму к рулевому веслу.

Ыписка говорил мне: «Младший брат подчиняется

старшему. Если старший брат скажет: „Я поеду туда-то, надо собрать собак в упряжку", — то я, младший, обязан пойти и сделать это.

Однажды старший брат послал меня наколоть дров. Самый старший брат не велел мне ходить и сказал, зачем меня посылают, когда он не посылал меня. Тогда средний брат пошел и сам наколол дров. Старший брат заставляет младшего работать, и младший не имеет права отказаться».

Когда братья уходят на охоту и живут в охотничьем шалаше, молчание становится им тягостным, и тогда они разговаривают друг с другом несколько больше, обращаясь один к другому с уважением, употребляя при этом личные местоимения множественного числа, а также другие слова в формах множественного числа. Например:

Старший брат: *пат ныи тлаи"и — зифтох вих"ай, уридхун* — «Завтра, если я пойду на место, где след оленя видел, хорошо [вам] будет». (В последнем слове имеется суффикс множественного числа *-хун.)*

Младший брат: *т'аных идыдг" унара?* — «Где [в каком месте] видели [вы]?» (В последнем слове имеется суффикс множественного числа *-г"ун-.)* Тогда старший брат называет место, где он видел эти следы.

Брат брату не может сказать *вия*! — «Иди!», но должен сказать *вивэ!* — «Идите!»

Братья, особенно старший к младшему, относятся бережно. Если в охотничьем шалаше находятся два брата, то один отправляется на охоту, а другой остается на месте и занимается хозяйством: колет дрова, следит за огнем, готовит пищу. Остающийся может охотиться вблизи охотничьего шалаша, но далеко от него он не отходит. На следующий день роли их меняются: оставшийся идет на охоту, а охотившийся остается в шалаше.

Таким образом, обычай *ланьнд* у нивхов резко отделяет братьев от сестер в роде и устанавливает определенные нормы поведения между братьями и сестрами, с одной стороны, и между старшими и младшими братьями — с другой.

Мужчины старшего поколения жен своих сыновей по роду называют *ёх"* и легкомысленно обращаться с ними не могут.

Сестры подлежат безоговорочному удалению из рода. Род, в который они уходят, называется у нивхов родом *ымг"и* — зятя. Следовательно, род зятя — это род сестер моего рода. В указанный род уходят не только мои сестры, но до них уходили еще и сестры моих отцов и моих дедов, а также дочери всех женатых мужчин данного рода.

В роде, в который ушла сестра отца, моя сестра, моя дочь, я (мужчина) называю:

Мужчин	Женщин
старшего поколения	
н"афк"ытьх — отца мужа моей сестры, моей дочери, мужа сестры отца	*нанк", нанх"мам* — мать мужа моей сестры (букв.: «старшая сестра», «старшая сестра-мать»)
моего поколения	
ымг"и, н"афк" — мужа сестры *ымг"и* — мужа дочери	*ранр (нанк"* или *атьик)* — сестру (т. е. жену моего зятя)
поколения детей и внуков	
ымг"и эх"лн" — сына сестры	*олол* — дочь сестры отца (если она старше меня) *нен"* — 1) дочь сестры отца (если она моложе меня) 2) дочь моей сестры 3) дочь дочери

Дочери моей сестры носят специальные названия: *олол* и *нен"*. Причем *олол* как старшая дочь может оказаться дочерью сестры моего отца. Женщины класса *олол* и *нен"* абсолютно запретны для моих сыновей. Родившись в роде зятя, дочери моей сестры запретны и для всех мужчин в своем роде. В связи с этим они подлежат удалению из своего рода в другой — третий от меня род. В мой род они вернуться не могут, так как это будет кровосмесительством.

Итак, мои сестры по роду всех степеней родства из моего рода уходят, так как в нивхском роде, как, впрочем, и у других народов на этой же ступени развития, никто из членов рода не может брать жену внутри рода. Но откуда же в таком случае оставшимся мужчинам-братьям по роду взять себе жен? Для этого должен существовать какой-то другой, посторонний род. И он, конечно, существует.

Родом, из которого в мой род для меня и моих братьев по роду приходят жены, является род моего тестя — *ахмалн''*, или *ахмалк*. С родом моей жены, в первую очередь с братом моей жены, у меня устанавливаются дружественные отношения. Однако из этого же рода в мой род пришла и моя мать и придет жена моего сына.

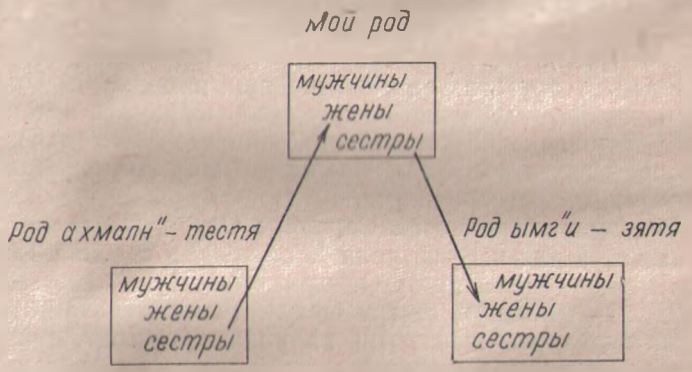
В роде своих тестей я (мужчина) называю:

Мужчин	Женщин
в поколении дедушек и бабушек	
аткытьх — отца моей матери	*атьмам* — мать моей матери
атк (эрр) — брата моей матери (старшего)	*пилкымк* — сестру моей матери (старшую)
атк — брата моей матери (младшего)	*матькымк* — сестру моей матери (младшую)
в поколении отцов и матерей	
аткытьх, эррытьх — отца моей жены	*атьмам, исимам* — мать моей жены
в моем поколении	
ахмалн'', ахмалк, н''афк'' — брата моей жены	*атьк, иси* — жену брата моей жены
	аньси — сестру моей жены

Над классификационными терминами родства у ирокезов впервые задумался американский ученый Льюис Морган [12, 402], раскрывший историю развития древнего человеческого общества. Его исследования высоко оценили основоположники марксизма. Изучению систем родства для восстановления древних форм человеческого общества огромное значение придавал Ф. Энгельс. По этому поводу он писал: «В то время как семья продолжает развиваться, система родства окостеневает, и пока последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки. Но с такой же достоверностью, с какой Кювье по найденной около Парижа сумчатой кости скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, — с такой же достоверностью можем мы по исторически дошедшей до нас системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи». [4, 36].

Лев Яковлевич Штернберг, изучавший книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», тоже задумался над классификационными терминами родства у нивхов, когда он впервые столкнулся с ними в нивхском селении Вияхты, куда он был сослан под наблюдение военного кордона.

Изучив нивхские термины родства и установив строгую экзогамию в их роде, он пришел к выводу, что в результате передачи своих женщин из рода в род у нивхов некогда должна была существовать трехсторонняя родовая связь. И действительно, факты, собранные мною, полностью подтвердили его построение, которое можно изобразить так:



В чистом виде эта трехсторонняя родовая связь у нивхов при Л. Я. Штернберге не существовала, но ее очень нетрудно было восстановить по нивхской системе родства и по соответствующим ей еще отношениям. Ведь и сейчас еще, через тридцать с лишним лет после исследований Л. Я. Штернберга, эта трехсторонняя связь не только отчетливо восстанавливается, но и живет еще в сознании нивхов, осознается ими.

Особенно показательны для установления этой трехродовой связи термины, которыми внутри рода именуют друг друга жены.

У сахалинских нивхов моя жена называет мою мать *нанк"*, т. е. «старшая сестра»; моя мать называет мою жену *атьик, аск"*, т. е. «младшая сестра».

Точно так же называют жены друг друга и в роде амурских нивхов. Об этом говорят, например, ответы на вопросы, полученные от нивхинки Сюгук из Пуира. Она называет:

своего мужа — *ньутку* — «мой муж»
отца мужа — *атак* — «отец»
мать мужа — *нанак* — «старшая сестра»
старшего брата мужа — *утку* — «муж»
младшего брата мужа — *утку* — «муж»
жену старшего брата мужа — *нанак* — «старшая сестра»
жену младшего брата мужа — *атьик* — «младшая сестра»
жену сына — *атьик* — «младшая сестра»

Как могло случиться, что моя мать и моя жена именуют друг друга не свекровью и невесткой, как у нас, а старшей сестрой и младшей сестрой? Это могло получиться только в результате того, что они обе пришли в мой род из другого рода, откуда они, как сестры, должны были быть удалены. Иному объяснению это интереснейшее явление из современной нивхской системы родства не поддается. К тому же этот вывод подтверждается реальными отношениями.

В селении Чнриво на Сахалине Оргук, жена Пимки, была взята для него из рода *К"ойвонн"* в селении Такрво. Типан — сын Пимки. Он взял ему оттуда же в жены Ан"гук — младшую сестру Оргук. Таким образом, отец и сын оказались женатыми на родных сестрах, причем мать Типана была старшей сестрой его жены Ан"гук.

В селении Куль, на материке, дочь Тавьюна называет его сестру Тяскик *нанак* — «старшая сестра». Нетрудно понять причину такого необычного для нас наименования. Ведь сестра Тавьюна уйдет в род зятя. Когда же она родит сына, то будет сватать за него как раз дочь своего брата Тавьюна. Перейдя в род зятя, она будет звать мать мужа *нанак* — «старшая сестра», подобно тому, как на Сахалине Ан"гук называет Оргук.

Классификационная система родства, царящая в роде нивхов, столь сильна, что когда Флорун 20 марта 1927 года привез своему сыну Н"авгуну в жены Ёг-от, дочь Самыгина из рода *Высквонн",* то она сразу же стала называть Оргук, жену Пимки, *нанк*" — «старшая сестра», Ан"гук, жену Типана, *аск*" — «младшая сестра», хотя они пришли к мужьям рода *Ч'аврк"рвонн"* из раз-

ных родов. Чистота браков стала нарушаться, но традиционная номенклатура родства заставила их называть друг друга сестрами, будто бы они действительно пришли из одного рода, хотя в действительности это было не так. Подобных примеров вполне достаточно, чтобы объяснить отношения, существующие между женами внутри рода нивхов. Они доказывают, что поколение сестер из одного рода действительно переходило в качестве жен для поколения братьев в другой род.

Впервые эти явления были установлены замечательным исследователем социального строя нивхов Л. Я. Штернбергом. Через тридцать с лишним лет после него я могу подтвердить точность его наблюдений. Так, он писал: «Родственная номенклатура, по которой я, мужчина, называю сестер своего тестя матерями (*ымк*), а мой отец их своими женами, в то время как моя жена и жены моих братьев, родных агнатных, зовут друг друга сестрами, может выработаться только при таких условиях, когда *все* мои сородичи берут себе жен исключительно *из одного общего рода* и притом так, что каждое поколение братьев всех степеней родства берет себе в жены соответствующее поколение женщин — сестер всех степеней родства. Тогда, действительно, сестры тестя будут женами моего отца и его братьев, и, следовательно, моими матерями, а моя жена и жены моих братьев будут друг для друга сестрами» [27, 36].

Пожилые нивхи Рын"ызлын и добрый слепой Умн — зятья Эльтуна, у которого я их и встретил, с искренней сердечностью объясняли мне отношения, существующие у них между родами. Они мне сказали: «У нас несколько сотен лет считается родня — как всегда был тесть, так им и остался, так им и будет».

Изучение классификационной системы родства у нивхов и соответствующих им реальных отношений вводят нас в мир очень древних родственных отношений — отношений иных, чем те, в которых мы живем.

Примечательно, что словом *ымк* я называю свою родную мать, словом *пилкымк* — «большая мать» я называю жену старшего брата отца (*атк*), а словом *маткымк* — «маленькая мать» — жену младшего брата отца (*пилниг"вн"*). Иначе говоря, я их всех называю матерями — *ымк*. Слова же *пилк-* от *пиланд* — «большой» и *матьк-* от *маткнд* — «маленький» оттеняют их стар-

ший и младший возрасты, поскольку возрастные различия в нивхском роде чрезвычайно важны.

Как же могло случиться, что жен братьев моего отца я называю не тетками, как в наших семьях, а матерями? Разве они меня родили? Ведь родила меня моя мама! Так почему же я их тоже называю мамами?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дают пережитки группового брака, впервые открытые у нивхов Львом Яковлевичем Штернбергом. К сожалению, он привел лишь один факт, подтверждающий его важные наблюдения, ограничившись главным образом теоретическими выводами из нивхской системы родства и общим описанием реальных отношений между полами, которые он у них наблюдал.

Свои наблюдения Л. Я. Штернберг еще в 1891 году изложил в работе «Сахалинские гиляки», которая была отправлена в Общество изучения естествознания, антропологии и этнографии, где о ней было сделано специальное сообщение. Отчет об этом сообщении 14 октября 1892 г. был опубликован в «Русских ведомостях» [5, 364]. Примечательно, что Ф. Энгельс прочитал его, перевел на немецкий язык и вместе со своими высказываниями опубликовал в 1893 г. «За последнее время, — писал Ф. Энгельс, — у некоторых рационалистских этнографов вошло в моду отрицать существование группового брака; в связи с этим представляет интерес нижеследующий отчет, который я перевожу из московской газеты «Russkija Vjedomosti» («Русские ведомости») от 14 октября 1892 г. старого стиля. В нем не только определенно устанавливается наличие действующего с полной силой обычая группового брака, то есть права группы мужчин и группы женщин вступать между собой в половые отношения, но и такой его формы, которая тесно примыкает к пуналуальному браку у гавайцев, то есть к наиболее развитой и классической ступени группового брака. В то время как типичная пуналуальная семья состоит из ряда братьев (единоутробных или более отдаленных степеней родства), которые находятся в брачных отношениях с рядом единоутробных или находящихся в более отдаленных степенях родства сестер, — в данном случае, на острове Сахалин, мы видим, что мужчина состоит в брачных отношениях со всеми женами своих братьев и со всеми сестрами своей жены, иначе

говоря, если рассматривать это явление с женской стороны, его жена имеет право вступать в половые связи с братьями мужа и с мужьями своих сестер. Отличие от типичной формы пуналуального брака состоит, следовательно, только в том, что братья мужа и мужья сестер — это не обязательно одни и те же лица.

Следует далее заметить, что и здесь подтверждается то, что я писал в «Происхождении семьи», 4 издание, стр. 28—29, а именно, что групповой брак выглядит отнюдь не так, как его рисует себе привыкшая к публичным домам фантазия нашего филистера; что лица, состоящие в групповом браке, вовсе не ведут открыто той развратной жизни, которую наш филистер практикует в тайне; напротив, эта форма брака, по крайней мере, как это видно из всех встречающихся еще теперь примеров, на практике отличается от непрочного парного брака или от многоженства только тем, что ряд случаев половых связей, которые при других условиях строго караются, здесь дозволены обычаем. То обстоятельство, что фактическое использование этих прав постепенно становится отмирающим явлением, доказывает только, что сама эта форма брака находится в стадии отмирания. И это подтверждается также и редкостью ее распространения.

В остальном все это описание интересно еще тем, что оно лишний раз показывает, как сходны, даже тождественны в своих основных чертах общественные институты первобытных народов, находящихся на почти одинаковой ступени развития. То, что рассказано об этих монголоидах с Сахалина, в большей своей части вполне можно отнести к дравидийским племенам Индии, к жителям островов Тихого океана времен их открытия, к американским краснокожим» [5, 364—365].

Итак, Ф. Энгельс говорит об исключительной редкости следов существования группового брака, в наличии которого он видит важные данные для подтверждения материалистических взглядов на историю развития человеческого общества. Следовательно, моя задача состоит в том, чтобы наиболее важные факты, подтверждающие наличие пережитков группового брака, зафиксировать для науки.

Вывод о существовавших у нивхов пережитков группового брака может быть безошибочно сделан из анализа их системы родства.

Однако лучше всего вместо теоретических выкладок я запишу наиболее показательные факты, обнаруженные при посемейной переписи терминов родства, которую я в эти дни производил среди нивхов. Один из таких интересных случаев я зафиксировал в роде *Пльыфвонн"* в семье Прихтуна:

1) Прихтун — старший брат, холост, 27 лет;
2) Кырк — младший брат, женат, 23 лет;
3) Гаулин — младший брат, холост, 15 лет;
4) Пулытых — сын старшего брата отца, холост, 10 лет;
5) Пэньгук (?) — старшая жена Кырка, 21 год;
6) Чфаргук — младшая жена Кырка, 12 лет;
7) мать Прихтуна, Кырка и Гаулина.

Как же члены этой семьи называют друг друга?

Прихтун, Кырк и Гаулин называют свою мать — *ымк*;

Пулытых называет их мать — *пилкымк,* так как она старше его матери;

Прихтун называет жен Кырка Пэньгук (?) и Чфаргук — *ёх"*;

Кырк называет Пэньгук (?) и Чфаргук — *аньги*;

Гаулин называет Пэньгук (?) и Чфаргук — *аньги*;

Пулытых называет Пэньгук (?) и Чфаргук — *аньги;*

жены Кырка называют его мать *ньнанхмам* — «моя старшая сестра-старуха»;

мать Кырка называет жен Кырка *ньаск"хун* — «мои младшие сестры».

Этот случай интересен тем, что не только Гаулин — родной младший брат Кырка, но и Пулытых — сын брата его отца, еще ребенок, называет обеих жен Кырка *аньги* — «жена». Одной этой посемейной переписи вполне достаточно, чтобы подтвердить сообщения Л. Я. Штернберга о наличии у нивхов пережитков группового брака. Однако в современном быту нивхов бассейна р. Тыми таких фактов много.

Нивх Шызн"ыун мне говорил: если младший брат молодой, а жена старшего брата работает, то старший брат может сказать младшему: *п'аньги ровэ!* — «своей жене помогите»; *п'аньги уг"рун вин ч'х"ар т'апрвэ* — «со своей женой вместе сходите, дрова принесите» и т. д. При этом он не скажет младшему брату *ньаньги ровэ!*— «моей жене помогите», а только *п'аньги* — «своей жене».

Слова Шызн"ыуна показывают, что старший брат действительно считает свою жену и женой младшего брата.

Наиболее древним из родов селений Чириво, Пливо, Наухомрво и Потово является род *Урмыквонн*".

Флорун по-нивхски рассказал мне историю этого рода. Вот перевод его рассказа:

«Очень давно род *Урмыквонн*" жил в селении, находившемся в том месте, где теперь расположена пристань русской деревни Адатымово. Сначала в этом селении было только одно жилище и один амбар. Потом в нем стали появляться и вырастать дети. Когда они возмужали, жен для них стали брать из Ныйво (с Охотского побережья Сахалина). Так род нивхов, живший в Ныйво, стал родом тестя, а род *Урмыквонн*" стал родом зятя (*хундг"ун сик Ныйвох аньги г"энд, хана Ныйвонн*" — *сик ахмалн*", *хана Урмыквонн*" — *сик ымг"и* — «Они все из Ныйво жен брали, тогда род *Ныйвонн*" — весь тесть, тогда род *Урмыквонн*" — весь зять»). Потом родители — отцы и матери рода *Урмыквонн*" — умерли. Их потомки росли и размножались. Однажды по какой-то причине двое из них рассердились друг на друга. Тогда один из них ушел со своей женой и построил себе жилище на речке *Ч'аврк"р-и*. Отделившийся пошел на охоту, медведя убил. Свое *н"аню* — место для жертвоприношений горным людям-духам сделал. Потом древнее кресало рода *Урмыквонн*" переломили надвое. Так образовался род *Ч'аврк"рвонн*". Мужчины рода *Ч'аврк"рвонн*" тоже в Ныйво ездили — там жен брали. У них дети рождались, еще дети рождались, они все взрослыми людьми стали. Так род *Урмыквонн*" и род *Ч'аврк"рвонн*" в двух селениях стали жить.

Как-то случилось, что один из рода *Урмыквонн*" жены не имел (видимо, в роде тестей не было уже для него сестры или дочери, которую ему могли бы отдать. — *Е. К.*). Он рассердился и ушел к орокам в устье р. Тыми. Ороки его к себе приняли. Там он женился на орокской женщине. У него дети родились, выросли, взрослыми стали. Дети тоже на орокских женщинах женились. Потом их отец умер. Они нивхский язык забыли, на орокском языке стали разговаривать. Так среди ороков образовались сородичи нивхского рода *Урмыквонн*"».

Несмотря на то что роды *Урмыквонн*" и *Ч'аврк"рвонн*" разделились, одно и то же поколение братьев в

этих двух родах, по словам Флоруна, до сих пор еще называют друг друга *тувн*".

Пока Флорун не рассказал мне это предание, я не вполне понимал, почему мужчины этих родов относят некоторых женщин, находящихся в противоположных родах, к классу *аньги*, т. е. женщин, с которыми им разрешено физическое общение.

Эти случаи вскрылись при переписи следующих семейств.

Род *Урмыквонн*" состоит из пяти семейств. Их главы (располагаю их по степени старшинства): 1) Нём, 2) Пыхтанка, 3) Паркызин, 4) Кимчик, 5) Омх.

У старика Нёма четыре сына (располагаю по степени старшинства): Паркызин, Х'ыдьн"ян, Х'акин, Доверин.

Пыхтанка — глава семьи, Путытьк — его жена, Матять (замужем в селении Тыки на западном побережье Сахалина), Могук, Зандук — их дочери.

Паркызин — глава семьи, Ляфкук — его жена, Тлогбайн — их маленький сын. Вместе с Паркызином живут его младшие братья — Х'ыдьн"ян, Хакин и Доверин.

Кимчик — живет один. Имел жену, которая давно умерла. У жены Кимчика было пять сестер.

Теперь надо записать некоторые термины, которыми они друг друга называют.

Паркызин называет Пыхтанку *пилниг"вн*", так как последний моложе его отца Нёма. Жену Пыхтанки — Путытьк он называет *матькымк*, т. е. «маленькая мать». Матять старше Паркызина, и он называет ее *нанк*" — «старшая сестра». Могук и Зандук моложе его. Каждую из них он называет *ньаск*" — «моя младшая сестра». Дочь Матять он называет *нен*". Кимчика он называет *ньаск*" — «мой младший брат». Если бы у Кимчика была жена, то он называл бы ее *ёх*".

Жена, обращаясь к мужу, называет его *ньытьх* — «мой муж» (*ытьх* — муж, старик); звательная форма — *ытьг"а!*. Существует еще термин *пу* — «муж». Но жена называет мужа *ньытьх*, а не *ньву*. Посторонние же, беседуя о ней и ее муже, могут сказать *йаву* — «ее муж». Муж обращается к жене со словом *мам* — звательная форма *мама!* (реже *ньаньха!*).

Однажды, находясь в землянке Паркызина, я слышал, как Х'акин — его младший брат, который сидел в это время на поперечной наре, сказал, обращаясь к Ляф-

кук — жене Паркызина: *ньаньха тамх тана* («Жена, табак дай!»).

Записывая термины родства в семье Очи, я спросил его, как жена называет младшего брата мужа, и он ничтоже сумняшеся спокойно ответил мне: *ньытьх,* — как нечто само собой разумеющееся.

Род *Ч'аврк"рвонн"* состоит из шести семейств. Их главы: 1) Флорун, 2) Лэгзайн, 3) Обрей, 4) Пимка, 5) Пларгин, 6) Ририрн.

Флорун — глава семьи (имел жену Оргук, которая теперь является женой Пимки — его младшего брата по роду). Н"авгун — его сын. Ёгот — жена Н"авгуна.

Пимка — глава семьи. Оргук — его жена. Типан (от русского Степан) — их сын. Ан"гук — жена Типана.

В роде *Ч'аврк"рвонн"* имеется неженатый нивх Фырн"ан.

Флорун и Фырн"ан имеют одного отца Лимунытьха, но у них разные матери. Флорун говорит о Фырн"ане: *ньаск"* — «мой младший брат», а последний о Флоруне — *ньаки* — «мой старший брат». Фырн"ан называет Н"авгуна — сына Флоруна — *эх"ли",* а его жену — *ёх".*

Обрей и Фырн"ан происходят от одной матери, но от разных отцов. Обрей называет Фырн"ана *ньаск",* а последний Обрея — *ньаки.*

Отцом Пимки является Тугытьх — родной брат Лимунытьха. Пимка приходится Фырн"ану старшим братом, а последний Пимке — младшим.

Меня заинтересовало, что скажет Фырн"ан, если я спрошу его, кем ему приходятся жены Пимки и Обрея? Он ответил — *аньги,* относя их к классу своих жен. Когда я умышленно попытался выразить свое удивление по поводу того, что жен Пимки и Обрея он называет женами, то он возмутился и сказал мне: «Еще как говори? Свой брат жена как говори?»

Таким образом, отношение младших братьев по роду к женам старших братьев по роду, как к женам, является еще и теперь (т. е. в 1927 году. — *Прим. ред.*) непреложной нормой в нивхских родах, живущих по р. Тыми.

Но самым интересным представляются мне отношения, существующие между мужчинами и женщинами рассматриваемых родов — *Урмыквонн"* и *Ч'аврк"рвонн".*

Жены Пимки и Типана — сестры умершей жены Кимчика, иначе говоря отец и сын женаты на сестрах.

Пимка старше Кимчика. Поэтому Оргук — жена Пимки приходится Кимчику *аньги* — «женой», а Ан"гук — жена Типана приходится ему *ёх"* — невесткой. Об этом мне сказал сам Кимчик.

Н"авгун — сын Флорупа называет Пимку *пилниг"вн"*, а жену Пимки — Оргук он называет *ымк*, так как она действительно его мать, которая его родила.

Н"авгун называет Обрея *пилниг"вн"*, а его жену *матькымк* — «маленькая мать».

Н"авгун называет Пларгина *акан* — «старший брат», а его жену *аньги* — «жена».

Примечательно, что в роде *Урмыквонн"* он называет нивхов: Паркызина и Кимчика *акан* — «старший брат», а Ляфкук — жену Паркызина он считает *аньги* — «женой».

Только тем, что нивхи обоих родов приходятся друг другу *тувн"* — «братьями», можно объяснить, почему Ляфкук, жена Паркызина, относится Н"авгуном к классу его *аньги* — «жен». Поэтому же Кимчик жену Типана, сына Пимки, относит к классу *ёх"* — невесток, запретных для него женщин. Если бы сестры его жены Оргук и Ан"гук вышли замуж в чужой для него род, то они обе были бы его потенциальными *аньги* — «женами».

Теперь надо записать случаи открытого сожительства родных братьев и братьев по роду с женами друг друга, которые мне удалось в эти дни выявить.

Самый интересный случай открытого сожительства двух братьев с одной женой обнаружился в селении Пливо.

Старик Пигзун из рода *Ильыфвонн"* имеет двух сыновей Пыргина и Талкина (последний ходит ко мне учиться русскому языку). Пыргин — старший, Талкин — младший брат. У Пыргина есть жена Лаурик. Так как Талкин младше Пыргина, то Лаурик приходится ему женой — *аньги*. Примечательно в этом случае только то, что связь Талкина с Лаурик совершенно открытая и никем из нивхов не осуждается. Они едят все втроем за одним столиком и втроем ложатся спать в одну постель (*к"ох"-ар, сикм тхур няк"рт к"ота, х·ат к"'ондг"ун* — «когда спят, все вместе, на одной постели находясь, спят, так спят»). «Пыргин ложится по одну сторону Лаурик, Талкин — по другую, а она между ними. Когда ребенок ро-

дился, то Пыргин „мой ребенок" — так говорит, и Талкин „мой ребенок" — так говорит. Так живут. Изредка они сердятся друг на друга, но таким вот образом, в одном жилище находясь, вместе живут».

Желая знать мнение других нивхов об этом открытом случае сожительства двух братьев с одной женой, я спросил Офчаина из рода *Пльыфвонн"*:

— Скажи, у Талкина жена есть?

Тогда он ответил буквально так:

— Зачем Талкин баба? Пыргин баба есть. С один баба два брата жить можно.

От нивхов р. Тыми узнал, что на западном побережье Сахалина в селении Вияхты жил старик Ярин. У него была жена. У младшего же его брата Рокуна жены не было. Оба брата жили вместе с одной женой в одном жилище, как Пыргин и Талкин.

Л. Я. Штернберг сообщает, что во время его пребывания на Сахалине он неоднократно наблюдал случаи регулярного сожительства братьев с общей женой, причем между братьями царило полное согласие. «Мой первый учитель гиляцкого языка, — сообщает Л. Я. Штернберг, — гиляк селения Тангиво, Гибелька, самый богатый и самый уважаемый гиляк на всем Сахалине, жил постоянно в одной юрте со своим младшим братом Плеуном, и ни для кого не были тайной отношения между этим последним и женой старшего брата» [27, 34].

Право нивха на женщину класса *аньги* сохраняется и тогда, когда она живет от него и на очень далеком расстоянии. Так, в Потово живет нивх Ваклик из рода *Сак"вонн"*. Его жена — Тлын"рик. Кроме Ваклика к роду *Сак"вонн"* принадлежат: К"авазк *(акан)* — живет в Масклаво, Кэркэр (*атьик*) — живет там же, Чулкин (*атьик*) — живет в Хои. Поскольку Кэркэр и Чулкин младше Ваклика, жена последнего приходится им *аньги* — «женой».

Когда Кэркэр приходил с Охотского побережья на Тымь, переваливая при этом через хребет, то он, не таясь, жил с женой Ваклика, о чем знал последний и все нивхи селений Тыми. Предосудительным это никем не считалось, так как это — общественная норма, установленная веками. Это морально, это обычай, это закон. *«Аньги г"эн"ы, п'аки аньгихир паньгирох" юрута, п'аск" аньги ёх"рох"юрута»* — «Когда жену берут, то жену своего

старшего брата своей женой считают, а жену младшего брата *ёх"* считают», — говорят нивхи.

Свое право на жен старших братьев младшие братья осуществляют обычно, когда первые куда-либо отлучаются — на охоту, рыбную ловлю или уезжают в гости. В случае длительной отлучки младший брат подходит ночью к постели жены старшего брата и просит ее допустить его к нему. Сначала она немного капризничает, но потом допускает. Летом им легче встречаться при сборе ягод. Случается, что младшие братья подстерегают жен старших братьев и ночью на улице, когда те выходят из жилища по какой-либо надобности.

Право младшего брата на жену старшего брата выражается еще и в том, что после смерти последнего первый наследует его имущество и жену, которая в этом случае становится уже его законной женой.

Примером того, как младшие братья наследуют жену старшего брата может служить следующий случай, рассказанный мне нивхом Курой из рода *Высквонн*". Матытых был старшим братом, Акунытых — средним, а Самыгин — младшим. У Матытыха была жена Тенют. От их брака родились два брата Кура и Н"отьк". Когда умер Матытых, его жену Тенют унаследовал Акунытых. От брака Акунытыха и Тенют родились две сестры Ёгот и Н"галик. После смерти Акунытыха его жену унаследовал Самыгин. От этого брака родилась девочка Плургук. Хотя Самыгин приходился Куре *пилниг"вн"*—«младшим братом отца», так как был моложе его отца Матытыха, но когда Самыгин женился на матери Куры, Тенют, то Кура стал называть его *ытк* — «отец». Унаследовав дочерей старших братьев, Самыгин отдал Ёгот в жены Н"авгуну — сыну Флоруна, а Н"галик пропил — отдал ее за водку одному корейцу. Кура с сожалением сказал о сестре: «Эй, шибко плохо она живет, шибко бедная. Старик ее напрасно отдал. Кореец его водкой мало-мало поил, вот он и отдал ее ему». Дополнительных пояснений к этому случаю, показывающему, что младший брат наследует не только имущество умершего старшего брата, но и его жену, детей и распоряжается дочерьми умершего по своему усмотрению, не требуется.

Сегодня я разыскивал факты, которые наиболее отчетливо характеризовали бы отношения мужчин из рода зятя к женщинам класса *аньги* в роде тестя.

Наиболее интересным представляется мне рассказ нивха Сарата, принадлежащего к роду *Амгвонн*".

«Мой тесть — старик Чурка из Арк"ифин"к"'али" (сел. Арково), так как его родная сестра Вунит — моя мать. Чурку я называю *атк*. Его жену Рурнет я называю *атьк*. Их старшего сына Загана называю *н"афк"*, их младшего сына Н"ыудьина тоже называю *н"афк"*.

У Чурки и Рурнет две дочери. Старшая Яскук — дочь Рурнет, приемная дочь Чурки. Младшая дочь Ягит — родная дочь Чурки.

Так как дочери и сестры в роде считаются *энх"арг* — чужеродками и подлежат удалению в род зятя, то откровенный рассказ Сарата при всей его необычности с нашей точки зрения не вызвал у меня такого уж большого удивления.

«С Яскук я баловался и жил с ней, когда мне было шестнадцать лет. В присутствии Чурки и Рурнет я ложился спать с Яскук в одну постель. Они мне ни слова не говорили против — это мой закон, мое право. Потом Яскук выдали замуж за Ранглуна. После этого я с ней уже не жил, неинтересно было. Но если я захочу и она меня к себе допустит, и сейчас я имею на это право.

Ее младшая сестра Ягит тоже приходится мне *аньги* — «женой», но она еще маленькая. Когда она вырастет, я могу с ней жить. Если она пойдет в мой род замуж за старшего брата, то я тоже могу с ней жить, так как она будет приходиться мне *аньги*. Если же она выйдет замуж за младшего брата, то я уже ни шутить, ни жить с ней не могу, так как она в этом случае приходится мне *ёх*".

Когда я приезжал к Чурке и вся его семья находилась в жилище, я в присутствии Чурки и Загана разговаривал с Яскук, шутил с ней, смеялся. Они же не имели права мне даже слова сказать против — это мой закон.

Если бы не Ранглун, а я взял бы Яскук в жены, а потом один приехал бы к Чурке в гости, то мог бы лечь спать с Ягит — младшей сестрой Яскук, если бы она была постарше. Чурка и Рурнет это видели бы, но они ни слова не могли бы мне сказать против — это мой закон. Раз она незамужняя, то я могу лечь с ней спать, и они не могут мне ни слова против сказать, потому что это не их дело, раз она согласна.

Если бы Яскук взял в жены нивх из чужого рода, то

я ее *аньги* уже не считаю — ее в чужой род взяли. Но если я приеду к ее мужу в гости, а он куда-нибудь отлучится, я могу жить с Яскук, если она меня к себе допустит.

В роде Чурки есть еще два старика Кавкан и Фондаун. Я их называю *атк*. У Кавкана есть две дочери: старшая Сулгук и младшая Разгет. Они считаются моими *аньги*. Если они согласны, могу жить с ними.

У Фондауна есть сестры Товлик и Пличук. Они мне приходятся *аньги*. Они обе горбатые. Пличук — жена Чалтина. По закону я могу жить с ними».

Более отчетливого объяснения отношений, которые существуют у нивхов к женщинам класса *аньги*, находящихся в роде тестя, мне кажется, невозможно и получить. Но поскольку этнограф не должен ограничиваться одним сообщением, а должен проверять их другими, я решил расспросить об этом Очи. И вот что я записал от него:

«Если зять приедет в гости к тестю и тесть отсутствует, с женою тестя он не разговаривает. С матерью и отцом своего тестя он также не должен прямо разговаривать — лишь намеками и то ограниченно.

Если же при этом в жилище находится сестра его жены, обычно младшая, с ней он разговаривает прямо и совершенно свободно обо всем. От нее он узнает, куда уехал тесть и скоро ли вернется. С младшей сестрой своей жены он как со своей женой разговаривает и смеется. Это хорошо, позволительно *(п'аньг·и аск"рох" п'аньг·и варанкр хэрр к"лаира, эхн"авра х·ымтьид урд)*. Когда же наступает ночь, зять идет к младшей сестре своей жены и спит с ней, это закон хороший *(ырк п'аньг·и аск"рох" вир йайхунд, х'унд тор урд)*. Если тесть это слышит, не сердится. Раз она не свой товарищ, не его рода, он не сердится. Если же ее старший брат это слышать будет, он будет стыдиться и сестре своей ничего не захочет сказать. Сестре своей брат ничего не может сказать, если она допустит к себе мужа старшей сестры. Если же так поступит его дочь, он может выразить ей свое осуждение».

Категорически запретны для физического сближения женщины категории *ёх"* — жены младших братьев и жены сыновей. О случае такого нарушения мной записана сказочка от Феонтыка.

«Трое нивхов братьев было, — рассказывал он. — Самый старший жену имел. В другом жилище неродной младший брат их отца по роду, старик, жил. Вот трое братьев петли на соболя ставить ушли. Петли долго ставили. Дней шесть уже в лесу были. Тогда старик — младший брат их отца по роду — вышел, глядел, как невестка — *ёх"* (запретная для него женщина, жена одного из охотников, ушедших в лес петли ставить. — *Е. К.*) собак водой поила. Ночью, когда все уснули, этот старик куртку из рыбьей кожи надел, к своей невестке пошел. В сени жилища войдя, застучал. В жилище войдя, прямо к своей невестке пошел: «Эй, *ёх*"! *Ёх*"! Спишь ли? Проспись, своего деда — *атк х·аймн"ар* — к себе пусти!» — «Не хочу, тебя боюсь!» — «Ёх"! Ну, пожалуйста, своего деда к себе спать пусти!» — «Нет, грех это, стыдно». — «Ёх"! Ну все равно, будто еду у тебя прошу, так прошу тебя». Старик забрался к своей невестке и долго с ней спал.

Вдруг снаружи что-то застучало. «Ну, старик, — сказала женщина, — быстро встань, в угол у дверей спрячься». Женщина набросила на него разные вещи, оставила его и легла на свое место.

Вот трое братьев в сени вошли, звук копий, которые они положили на место, послышался. В жилище вошли. Младший брат к поперечной наре поднялся, лег на нее, а двое старших братьев чай греть стали.

Вдруг старик, спрятанный в углу: «Офы, офы» — закашлял. Тогда он из-под набросенных на него вещей вылез, встал у дверей и сказал: «Молодежь, я завтра к вам воевать приду. Сегодня немного повремените». Он ушел, уснул.

Утром воевать пришел. Воевали. Копьем его укололи, убили. Старший брат за косу свою жену вытащил, бил ее, убил. Потеряли ее.

Долго жил.

Его жена, в кукушку превратясь, к своему жилищу прилетела, на вершину дерева села, запела: «Теперь кто же тебе нарукавники вышивает? Кто же тебе хорошим стежком одежду шьет?» Кукушка хвостом виляла, так пела.

Это человек подумал: «Зачем понапрасну свою жену убил, потерял ее. Ох, как жаль!»».

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОДАМИ ТЕСТЕЙ И ЗЯТЬЕВ И СПОСОБАХ ПРИОБРЕТЕНИЯ ЖЕН

О ДРЕВНЕЙ ФОРМЕ БРАКА СЫНА СЕСТРЫ С ДОЧЕРЬЮ БРАТА

5 мая. Отношения между родами тестя и зятя — двухсторонние. Прежде всего они выступают как отношения мужчин обоих родов, поскольку они составляют остов каждого рода. С другой стороны, они выступают как отношения братьев, остающихся в отцовском роде, и сестер, уходящих из отцовского рода в род своих мужей. Эти-то отношения, как уже указывалось, являются главной причиной образования этих родов и основой развития всех исторических отношений между ними.

Уйдя в род мужа, сестра не порывает связей с родом брата и лелеет надежду снова вступить с ним в родственные отношения, т. е. женить своего сына на дочери брата, которая по нивхской терминологии родства приходится ей младшей сестрой.

Впервые этот обычай обнаружил у нивхов и описал Л. Я. Штернберг. Однако и теперь (через тридцать пять лет после посещения нивхов Л. Я. Штернбергом) он признается еще нивхами единственно правильной формой брака.

Нивх Очи, живущий в центре Сахалина, на Тыми, мне говорил: «Моя сестра сына [мужского ребенка] родила, а я девочку [женского ребенка] имею. Моя сестра моего ребенка [т. е. мою дочь] взять хочет для своего ребенка [т. е. для своего сына в жены]. Ко мне приезжает, своего ребенка [т. е. дочь] ей отдаю».

Нивх Кыйдык, живущий вдалеке от Очи на материке, в селении Вайда, расположенном на берегу Амура, говорил мне то же самое: «Мы сватаем за сына дочь брата жены. Если у брата жены родится девочка и он согласен отдать свою новорожденную дочь за моего сына — сына своей сестры, то моя жена, приходящаяся новорожденной ее старшей сестрой, выдергивает у себя волос, растущий у самой середины лба, сплетает его с шелковой ниткой и перевязывает лучезапястный сустав своей новорожденной — младшей сестры [своим счастьем, чтобы без болезней выросла, ее обвязывает]. Затем моя жена сшивает для новорожденной рубашечку, в которую

одевает ее. Потом мы даем ей еще в качестве *н''ить* (это древнее слово, означающее что-то вроде пожелания счастья, здоровья. — *Е. К.*) чашечку. Когда новорожденная подрастет, и мы сможем уже взять ее к себе, тогда я, зять, и брат моей жены, тесть, обменяемся настоящими котлами и совершаем при этом обряд топтания котлов (*н''итьхирудь*)».

По сообщению Кыйдыка, в старину девочку у тестя можно было взять, как только она кончала сосать грудь. У себя в жилище будущих супругов родители воспитывали вместе.

Древняя форма брака сына сестры с дочерью брата первоначально, вероятно, не сопровождалась ни отработкой, ни уплатой за жену. Но в результате длительного развития общества нивхов, возникновения торговли, образования имущественного неравенства, появления в богатых хозяйствах рабов возникли способы приобретения жен посредством либо калыма, либо длительной отработки. Отработка у тестя за жену приобретала формы жестокой эксплуатации зятя. В уплату за жену тестю иногда отдавали первую новорожденную дочь. Мне сообщили о двух таких случаях. Известен случай, когда сын отрабатывал у тестя за жену отца, т. е. за свою мать. Имеется у нивхов и многоженство.

Здесь будут описаны только два способа приобретения жен — путем сватанья жены в чреве беременной и путем похищения.

О СВАТАНЬЕ НЕ РОДИВШЕЙСЯ ЕЩЕ ЖЕНЫ В ЧРЕВЕ БЕРЕМЕННОЙ

10 мая. Исключительно интересен обряд сватанья несуществующей жены в чреве беременной женщины, о котором я слышал от нивхов Сахалина и Амура. У амурских нивхов такой обряд сватовства называется *умгут'ыг''дь*.

Если беременная женщина находится в отдаленном селении, то отец едет туда сватать для сына плод, находящийся в ее чреве. По рассказу Очи, это происходит так.

Приехав в нужное ему селение, нивх останавливается возле жилища, где живут интересующие его люди, и входит к ним на правах гостя. Будучи принят как таковой, приезжий не приступает к делу сразу же и не вы-

дает, зачем он приехал. Вечером же, когда у хозяев жилища закончены все дневные дела, он приступает к делу и говорит мужу беременной: «Я к тебе в гости приехал, чтобы ты меня пожалел. Для своего сына того, кто товарищем бы ему стал, я искать пришел. По этой причине я к тебе в гости приехал. Моя теща (просящий уже называет в рассказе Очи жену совершенно чужого ему человека термином *ньиси* — «моя теща», точнее «мать жены моего сына». — *Е. К.*), когда на улице находиться будет (деликатная форма обозначения родов. — *Е. К.*) и не вашей родни если родится (букв.: «если не вашего рода будет». Так приезжий дает понять, что уговор будет в силе, если родится девочка, которая уже с момента рождения не принадлежит роду, в котором родилась. — *Е. К.*), то я своими волосами ее лучезапястные суставы перевязать думаю. Вот за этим я к тебе приехал». Тогда муж женщины, к которому была обращена эта осторожная речь, отвечает, если он согласен: «Пожалеть-то я тебя пожалею. Уж раз ты на такое большое расстояние [девочку] искать для себя приехал, то что же я тебе скажу? Так возможно будет [что девочка родится], тогда своей родней [ее] сделаешь. После того как новости услышишь, что ребенок появился, если хоть один день живая будет, ее лучезапястные суставы обвяжи. Может быть, своим счастьем жизнь ей дашь. После этого что же я тебе еще скажу? Поэтому я говорить закончил».

Так, по рассказам Очи, происходит разговор между мужем беременной женщины и отцом мальчика, для которого он приехал сватать несуществующую еще жену.

Самый потрясающий момент этого сватовства состоит в том, что проблематичный зять с разрешения проблематичного тестя обвязывает ниткой живот беременной женщины. Для этого из волокон крапивы, принесенных им с собой, и двух-трех волос, вырванных из своей головы у самого лба, он ссучивает длинную нить. Затем четырьмя нитями (число четыре у нивхов всегда связано с женщиной) он обвязывает чрево беременной. Это делается во имя поиска счастья *(к'ыс н"анг"нд)*. Авось повезет искателю жены для сына и на его счастье родится девочка.

Если муж беременной согласен, то будущий зять может приехать к нему помочь установить родильный шалаш.

Когда настает время родов, женщина уходит рожать в шалаш. Об этом периоде в жизни женщины нивхи говорят условно: «женщина на улице находится» (*шан"к" кутли финд*). И вот наконец родится девочка. Об этом дают знать нивху, который приезжал ее сватать, когда она еще была в чреве матери. (Если же родится мальчик, то надежды сватающего остаются неосуществившимися.)

Нивх берет собаку и вместе с ней спешит в селение, где живет его будущий тесть. Приехав на место, он входит в жилище, беседует с будущим тестем на разные темы, угощается подносимой ему пищей. Когда приходит ночь, все ложатся и засыпают.

Рано утром будущий зять встает, идет в лес, сострогивает там несколько стружек с растущего (но не сваленного) дерева и приносит их в жилище. Затем из приведенных с собой волокон крапивы и шерсти, которую надергивает у своей собаки, он ссучивает нить. Обматывает ею принесенные стружки. Идет к девочке и сначала обвязывает ниткой лучезапястный сустав на ее левой ручке, а потом лучезапястный сустав на ее правой ручке. После этого он обвязывает голеностопный сустав на ее левой ножке, а затем на правой. Этот обряд магического кругового обвязывания носит название *зихнд*. Закончив его, нивх передает матери ребенка стружки, обвязанные крапивной ниткой, а она обвязывает крапивной нитью его левый лучезапястный сустав.

Когда нивх собирается уезжать, хозяин жилища ставит за дверь, у самого порога, котел, в который кладет кусочек красного кремня. Этот обряд обмена котлами носит у нивхов название *н"ить*. Выходя из жилища, нивх забирает с собой котел с кремнем, а свою собаку оставляет у будущего тестя и без нее возвращается в свое селение.

После этого он живет в своем селении, пока не нарождается новый месяц. Тогда он, по сообщению Очи, опять едет в селение будущего тестя и снова производит обряд магического обвязывания лучезапястных и голеностопных суставов девочки. При каждом новолунии он приезжает только затем, чтобы совершить этот магический обряд, который должен, по мысли нивхов, предохранить девочку от болезней, дать ей возможность вырасти здоровой и стать женой его мальчика.

Проходит несколько лет, и девочка подрастает у своих родителей. Тогда нивх отправляется в селение тестя, чтобы увезти ее в свое жилище. Приехав, он говорит: «Теперь-то за своей *ёх* — женой сына приехал, мы вместе со своей *ёх* — женой сына возвратиться обратно предполагаем». Тогда его тесть — *ахмалн"* говорит: «Теперь-то вы сами думайте. Раз она ваш товарищ, то зачем я долго вашего товарища задерживать [содержать] буду».

Вечером мать этой девочки делает студень. Этот студень носит у нивхов особое название: *п'эх"лн" н"азл авг·уины мос* — «студень для смазывания пяток своего ребенка (дочери)». Хотя в настоящее время пятки ребенку не смазывают, но название студня свидетельствует, что некогда такой обряд нивхами производился.

На следующее утро готовят все для отъезда. Зять приносит котел, ставит его у порога внутри жилища и кладет в него кремень. Его тесть на свою дочь надевает приданое: шелковый халат, лисью шубу. Потом родители заставляют свою дочь наступить (букв. «топтать») на котел, стоящий у порога. Отец и мать невесты выходят из жилища проводить дочь. Мать обязательно дает ей сучку. Затем нивх увозит девочку вместе с приданым в свое селение к сыну.

Прибыв в селение, молодая жена, по обычаю нивхов, готовит студень для кормления огня в жилище мужа, а также духов гор и моря того рода, в который она перешла. Но она лишь готовит студень, а кормление соответствующих стихий производит не она, а муж либо отец мужа. Когда кормят огонь, на очаге меняют глину. После этого приобщения к родовым и домашним духам мужа жена вступает в жилище в свои права. К обычаям в жилище и в роде мужа жену приучает мать мужа.

В селении Пилаво был такой обычай. Если в том роде, куда прибывала молодая жена, умирало много людей, особенно молодых жен, то самая старая женщина в жилище старалась незаметно для молодых подсунуть под их постель кусок железа, — чтобы они жили долго как железо, чтобы не боялись ни болезни, ни смерти, как не боится их железо. Это безусловно уже позднейшее осмысление древнего обычая, истинная природа которого восходит к каменному веку, — духов зла железо устрашало больше, чем камень.

Проходит некоторое время, и тесть, обычно зимой, на собаках, едет в гости в селение своего зятя. Погостив у него, он собирается уезжать обратно. Тогда зять дает тестю разные драгоценности, с которыми тот и возвращается в свое селение.

Так заканчивается обряд сватанья жены в чреве матери.

О ПОХИЩЕНИИ ЖЕНЩИН И ВОЕННЫХ СТОЛКНОВЕНИЯХ МЕЖДУ РОДАМИ ИЗ-ЗА ПОХИЩЕННЫХ

Женитьба сына сестры на дочери ее брата — норма брака, установленная в быту нивхов испокон веков. С появлением калыма эта норма стала нарушаться. Брат — родной либо неродной — вместо того, чтобы отдать дочь в тот род, куда ушла его сестра, стал отдавать ее членам посторонних родов. Это было нарушением древнего обычая, и род исконных зятьев восставал против такого нарушения. Зятья с оружием в руках отбивали принадлежащих им по закону женщин и уводили их к себе. Обычай насильственного увода женщин носит у нивхов название *ёх"под* (С. д.), *ех"подь* (А. д.) — «взятие *ёх"*». В данном случае с этим словом связывается, видимо, значение «невеста», отличное от значения «жена сына», «жена младшего брата».

Обычай взятия невесты силой осуществляется нивхами в тех случаях, если:

1) тесть отказывается отдать дочь в род своего зятя, несмотря на упрашивания (сначала просит отец юноши, потом мать);

2) тесть нарушает слово, данное зятю, и отдает дочь лицу другого рода;

3) жену умершего сородича увлекает или похищает чужеродец.

Во всех этих случаях оскорбленный отец, сын или брат собирает всех мужчин своего рода, а также рода своих зятьев и идет силой забирать невесту или женщину. Если предприятие это удается провести без пролития крови и оно заканчивается примирением и выкупом, то тестю платят двойной выкуп — половину составляет калым, а половину — плата за примирение. В этом случае все члены рода помогают своему сородичу уплатить полагающееся.

Мне известно несколько случаев похищения женщин.

Ляфкук — жена Паркызина родилась в селении Танги у нивха Медуна, младшего брата Гибельки, о котором писал Л. Я. Штернберг.

Когда Паркызин был юношей, его отец Нём поехал в Танги и договорился с Медуном, что Ляфкук станет женой Паркызина.

Однако Медун изменил свое решение и выдал ее замуж за старика Сеуса, приехавшего свататься к ней с материка из селения Мы. Сеус увез Ляфкук в Мы. Там они и жили.

Через два года, зимой, старик Сеус вместе со своей женой Ляфкук поехал на собаках в гости на Сахалин к нивхам селения Славо.

Паркызин в это время жил в Чнриво и услышал о том, что его бывшая нареченная прибыла в Славо. Тогда сородичи решили ему помочь. Шесть человек вместе с Паркызином на трех нартах поехали в Славо как будто в гости. Там они ожидали момента, когда смогут похитить Ляфкук. Когда такой момент настал, они ее схватили, связали и увезли в русское селение Ады-тымы.

Сеус же был один. Он ничего не смог предпринять, чтобы отбить похищенную. Так ему пришлось одному вернуться на материк в свое селение. С тех пор Ляфкук стала женой Паркызина.

В данном случае Ляфкук была похищена Паркызином, потому что тесть нарушил слово.

Нивх Плюйка, живший в селении Лярво, на Охотском побережье Сахалина, с группой нивхов пересек Сахалин и, перебравшись на противоположное—Татарское побережье острова, похитил из селения Танги женщину и увез ее к себе. Каковы были причины этого дерзкого похищения, я, к сожалению, не выяснил.

Похищение женщины не всегда заканчивается мирно. Иногда оно ведет к серьезным столкновениям между нивхскими родами. Такой случай произошел, например, у нивхов селений Куль, Пад и Маго из-за нивхинки Равн''ук. Эта история, случившаяся в начале нашего столетия, записана мной на нивхском языке от сказителя Кыйдыка.

«В селении Маго жил нивх Ёкран. У него была сестра Равн''ук. Эта женщина сначала дружила с мужчиной из селения Куль. Когда настало время вступить в брак,

отец Равн''ук отказался выдать свою дочь за него вследствие его бедности. В селении Пад жил богатый нивх Хуйгун. Он посватался к Равн''ук, и отец за богатый калым отдал ее ему. Хуйгун увез Равн''ук к себе в Пад.

Когда нивх из Куля снова пришел в Маго за женой, то ее уже там не оказалось. Тогда он возвратился в Куль, собрал своих сородичей и зятьев и все они зимой на собаках отправились в Пад, чтобы отнять жену своего сородича и тестя. Они приехали в Пад, но Хуйгуна там не было. Были только старики — его отцы и матери. Нивхи забрали Равн''ук и увезли ее, но когда они проезжали через Маго, отец задержал дочь. Все нивхи возвратились в Куль, но с ней остался ее прежний возлюбленный. Жили они дружно, так как хорошо относились друг к другу, а с Хуйгуном она жила плохо.

Когда настало лето, нивхи из Пада спустились на лодках в Маго, похитили Равн''ук и увезли ее к себе.

Тогда нивх из Куля отправился снова в свое селение, собрал своих сородичей и зятьев и отправился вместе с ними в селение Пад отнимать свою жену. Они приехали на Амур на лодках, собрали еще людей и отправились за Равн''ук по Амуру. Не лишне указать, что от Куля до Пада надо проплыть на лодках не меньше трехсот километров. Они приехали ночью, поднялись к жилищу, разрезали ножами окна и ворвались внутрь. Часть ворвавшихся схватила и удерживала мужчин, другая часть удерживала женщин. Нивх же с помощью друзей увел Равн''ук, поместил ее в лодку и увез вниз по Амуру. Часть нивхов оставалась в жилище удерживать людей. Когда лодка с Равн''ук уехала далеко, они отпустили людей и на лодках спустились вниз в Маго. Там остались жить кульский нивх и Равн''ук.

Когда река стала замерзать, до них дошла новость, что нивхи с верховьев собираются воевать с ними. Тогда тести увели возлюбленного Равн''ук и спрятали его куда-то. А его жену Равн''ук оставили одну. Как только они, бывало, услышат лай собак, так прячут Равн''ук в ящик. Когда она уставала там лежать, они вынимали ее из ящика. Вот так жили.

Однажды с верховьев спустилось вниз множество нарт. Равн''ук опять спрятали в ящик. Прибывшие нивхи в жилище вошли, искали ее, но не нашли. Тогда они по жилищам пошли, искали ее, но ее нигде не было. Потом

кто-то из жителей селения сказал им, где она. Узнав об этом, они возвратились в жилище, открыли ящик, взяли Равн''ук и увезли ее. Перед тем как увезти ее, они связали ей ноги и за ноги ремнем привязали к задку нарты. Так они ее за нартой по снегу волокли. Недалеко отъехав, подняли, усадили ее в нарту и увезли с собой.

Так жили. Вскоре ее отцы услышали, что их дочь болеет (от того, что ее в наказание за бегство волокли собаками за нартой). Много сородичей собралось. Отправились за ней. Ее отец все то, что ему за дочь уплатили, с собой повез. Когда приехали на место, его дочь оказалась больной. Тогда ее отец все то, что получил за нее, обратно роду мужа возвратить хотел, но те не взяли. Ее муж, Хуйгун, свою жену вместе с ними отпустил потому, что сделал ее больной. Если она умрет, он спустится вниз, взять ее труп, увезет к себе, и там похоронит.

Потом, когда ее в Маго привезли, ее отцы по роду решили спуститься с ней вниз по течению в Николаевск, и у священника обвенчать с нивхом (любившим ее. — *Е. К.*). Когда они собрались ее везти, то в лодку большую калугу положили. Свою дочь за калугой положили и привязали. Так, спрятав ее, в Николаевск вниз по течению спустились. Они ее внутри лодки спрятали, чтобы люди, увидев ее, попусту не болтали, а то верховские нивхи узнали бы и снова за ней вниз по течению, может быть, спустились бы. Вот так они в Николаевск и прибыли. У священника их окрестили и обвенчали. Отец Равн''ук сам к себе в Маго уехал, а дочь его с новым мужем вдвоем в Николаевске осталась. Года два они там жили. Она все в больнице лечилась. Потом вверх поднялись, поселились в Маго, хорошо, спокойно, без шума жили».

Из этого сообщения можно видеть, что родители у нивхов не оставались безучастными к судьбе дочери, если в семействе зятя ее притесняли.

Когда возник у амурских нивхов жестокий обычай наказания убежавшей жены тем, что ее за ноги привязывали к задку нарты, трудно сказать, но об этом зверском обычае я слышал от многих нивхов. Нивхи говорили, что когда девять собак с огромной скоростью мчат ее за нартой по снегу, одежда ее заворачивается вверх через голову и она волочится по снегу, нередко заледенелому, голым телом, и разбивается в кровь. Мне гово-

рили, что после такой экзекуции женщина по пять-шесть суток лежала без чувств, а иногда после такого зверства и умирала.

Нивха Токскуна Дэхаль из селения Мхыль возмущало бесчеловечное отношение нивхов к женщинам, о котором он слышал от стариков. Узнав, что я занимаюсь изучением быта нивхов, он сам пришел ко мне и попросил, чтобы я записал то, чем он хочет со мной поделиться.

Ниже приводятся переводы двух его рассказов.

«Зять женщину в жены берет. Так живут. У этой женщины отец есть, мать есть, брат есть, старшая сестра есть, младшая сестра есть. Так она замужем живет, а потом ее муж, ревнуя [ее] к другому мужчине, бьет ее. Она хорошо котел вымоет — плохо скажет. Потом свою жену бьет. Так она живет, а потом у своих мужей больше жить не в состоянии. Тогда она начинает думать. Думает, как бы к своим отцам, своим матерям убежать. Вот она тайком убегает, пешком идет. Тогда ее муж собак запрягает, по следу ее догоняет. Догнав, ремнем ее ноги обвязывает, сзади нарты привязывает. Потом ногами вперед, головой назад за нартой собаками ее волочит. Проволочив ее некоторое время, он, когда устанет, нарту останавливает, в нарту ее усаживает. Потом ее муж ей говорит: «Ты еще если убежишь, я тебя убью. Мы теперь назад когда приедем, хорошо будем жить. Если ты плохо будешь себя вести, то я тебя, убив, выброшу». Так живут. Потом эта женщина своему мужу говорит: «Мои матери, мои отцы, мои старшие братья, мои младшие братья и сестры, как они живут, узнать хотела бы. В гости съездить думаю». Тогда ее муж говорит: «Ты, если в гости поедешь, у своего отца останешься, от меня уйдешь». Тогда эта женщина говорит: «Я зачем у своего отца оставаться буду? Мы теперь хорошо живем».

Вот вместе со своим мужем, вдвоем, на собаках в гости едут. Вот в гости приехали. Его жена своим матерям, своим отцам говорит: «Я, мучаясь, живу. Как же быть? Я не ваше дитя, что ли? Я, мучаясь, живу. Вы как думаете поступить? Вы меня не жалеете, что ли?». Тогда ее отцы, ее матери свою дочь спрашивают: «Ты что, обратно возвратиться не хочешь?» Тогда она говорит: «Вы, если меня заставите уехать, я перед вами себя убью. Чем так, мучаясь, жить, убить себя, похоронить лучше». Тогда тесть-старик (т. е. ее отец), рассердившись, своего зятя

бьет. Своего зятя поколотив, выгоняет. Тогда их зять обратно домой к себе уезжает. В свое селение приехав, своих сородичей собирает, своим сородичам говорит: «Я свою жену очень жалею [потерять]. Вы как думаете поступить? Разве мне не поможете?» Тогда его сородичи говорят: «Ты свою жену, если будешь жалеть, беречь (имеется в виду, что он будет хорошо ее содержать, хорошо одевать, кормить хорошей едой, не изводить тяжелой работой. Вот так содержать будет. — *Объяснение Токскуна Дэхаль*), то тогда мы своего зятя, самого дорогого [жалеющего] зятя возьмем и в качестве посла (*хи*) пошлем его для переговоров с ними (т. е. и с родом тестей, которые задержали у себя жену их сородича. — *Е. К.*). Пусть наше сообщение им передаст. Если они не согласятся, мы ее силой заберем». Тогда они своего зятя берут, своему зятю говорят: «Мы что скажем, к ним пойди, им все скажи». Тогда их зять идет, их тестям все говорит. После того как он им все скажет, обратно к своим тестям возвращается.

Тогда его речь услышав, те тести тоже своего зятя берут, ему говорят: «Пойди, им скажи, мы уже согласились ее другому человеку отдать». Этот зять идет, им все говорит.

Тогда сородичи собираются, новости обсуждают. Новости обсудив, говорят: «Они если согласились ее другим людям отдать, мы как свою женщину бросим? Пойдем силой ее отнимем».

Вот идут свою женщину силой отнять. Все копья несут, луки несут, стрелы несут. В то время, когда так идут, друг другу говорят: «Если каким-либо образом одного из наших товарищей убьют, то свою слабость отбросив, всем [там] стараться надо [чтобы этого не случилось], а если случится, то отомстить, и стрелы, и копья все наготове держать». Вот так идут, силой женщину собираются отнять.

Отец этой женщины и люди, которым он согласился свою дочь отдать, тоже здесь (т. е. у тестя — *Е. К.*) находятся.

Вот пришедшие, свою женщину схватив, тащат ее. Тогда те, которым эта женщина вновь отдана, все приходят, за ноги женщину хватают. Тогда сородичи прежнего мужа женщину за голову хватают. Вот так стараются друг у друга ее силой вырвать *(ёх" васк" мдьг"у)*.

Тогда отец этой женщины выходит и говорит: «Чем так ее силой друг у друга отнимать, между собой ее положите и убейте». Вот так когда ее отец говорит, одни ее тянут, другие эту женщину кулаками бьют. Сородичи ее прежнего мужа и сородичи ее нового мужа тянут ее—кто ее силой отнимет. (Представители этих двух враждебных родов между собой в это время не дерутся. Они стараются только вырвать женщину из чужих рук. Рассказчик мне говорил, что когда двадцать-тридцать человек так тянут ее в разные стороны, то женщине вытягивали шею, суставы, разрывали сухожилия, отчего она погибала и никому не доставалась. Если из ста женщин, которых так тянули, одна живой оставалась, она могла считать себя счастливой. В селении Тэбахе лет тридцать назад умерла одна старуха, которую враждующие стороны вырывали друг у друга. — *Е. К.*) Вот сородичи ее прежнего мужа сильнее оказались, свою женщину отняв, обратно с собой увезли.

После этого сородичи нового мужа собираются вместе, новости обсуждают: «Как мы поступать будем? Наш род в сравнении с их родом слабее что ли? Мы все вместе давайте мстить пойдем». Мстить идя, говорят: «Сородичей прежнего мужа всех давайте убьем!» Идя мстить, бедные люди простую одежду надевают, богатые люди панцирь на себя, на голову, надевают. Вот так воюют. Когда воевать закончат, роды по отдельности сходятся, новости обсуждают: «У нас уже много людей умерло из-за одной женщины. Давайте род собрав, опять новости обсудим. Не известно, они нам платить будут ли, мы им платить будем ли. В котором роде больше людей умерло, тому роду за них платить надо будет, если они за большее число убитых людей платить не пожелают, снова воевать будем». Вот так роды новости обсуждали. Когда тому роду, в котором больше людей убили, все заплатят, опять друг к другу ходят, в гости ездят, друг с другом очень хорошо живут. Вот так живут».

А вот второй рассказ.

«Люди, жившие в давние времена, рассказывали. [Случалось, что] зять с женою своих тестей (т. е. зять и тещa) полюбят друг друга (см. выше случай с Яскук и Кифкуном. — *Е. К.*). На улице ли, в лесу ли, вечером под амбаром ли, под лабазом ли постоянно друг друга любя, друг с другом новости обсуждают.

Так живут, пока ее муж как-либо об этом не узнает. Когда узнает, очень стыдится.

Тогда он своего зятя к себе зовет, кормит. Когда кормить окончит, ножом ли, копьем ли, уколов, убивает (перед тем как убить зятя, его накормить нужно).

Когда он его убьет, сородичи убитого собираются, новости обсуждают: «Как мы поступать будем? Своего товарища, напрасно умершего, просто потеряем что ли? Давайте в отместку за своего товарища где-либо, как-либо их сородича убьем!»

Когда они в том роде убьют человека, сородичи того убитого человека род собирают, новости обсуждают: «Давайте найдем такого человека, который древний нивхский закон хорошо знает, хорошо умеет говорить, этому человеку новости расскажем: «Наши товарищи их товарища убили. Он (убитый) сколько денег стоит?» Как он скажет, сколько убитый стоит, столько мы и заплатим. Давайте из своих зятьев хорошего зятя возьмем, послом его сделав, пошлем. Мы в оплату за своего убитого товарища какие шелка брать будем? Хорошенько обдумав, скажите. Если они платить не пожелают, мстить пойдем.

Когда мстить пойдем, никто чтобы не страшился. Свою слабость отбросив, воевать будем. Мы зачем рода своих зятьев бояться будем? Они все от нас родившиеся люди. Так, когда к ним мстить пойдем, старайтесь копьем в небо тыкать. Давайте *тахть* поднимать будем. Когда мы в их селение придем, то детей своих сестер, девочек, не убивайте. Они чужие, их другие люди возьмут. Но детей своих сестер — мальчиков всех убьем. Если мы их не убьем, то, когда они вырастут, за своих отцов мстить будут. Вы детей своих сестер, мальчиков, если любите [жалеете], подняв, поцелуйте, поцеловав, убейте.

(Пиидин говорил, что по древним обычаям тестей, поцеловав младенца — сына своего зятя, бросали его вверх и принимали на острие копий. Таков был обычай древних нивхов.

Если сестра с сыном находились в это время в гостях у брата, то брат не убивал ее сына у себя в жилище, но обрезал с его одежды воротник. Считалось, что ее сын после этого вскоре должен будет умереть. После этого, говорил Ыгиска, брат уходил к зятьям воевать с ними. — *Е. К.*).

Их, когда убивать будете, своих сестер схватите [держите], наших сестер, живущих в их роде, всех собрав, держите. (Мстители из рода тестей всех своих сестер из рода зятьев уводили с собой после того, как убивали их сыновей. — *Е. К.*)».

После этого роды снова отдельно собираются, новости обсуждают. Каждый род друг к другу посла посылает, новости обсуждает. Когда согласятся, все уплатят, их тести своих сестер обратно им возвращают».

Данные, содержащиеся в этих рассказах, частично подтверждают и дополняют сообщения Л. Я. Штернберга о межродовых отношениях у нивхов. Интересно, что в качестве межродовых послов, по этим сообщениям, каждый род высылал не членов своего рода, как об этом можно предполагать по данным Л. Я. Штернберга, но только представителей нейтрального рода своих зятьев, которые называются у нивхов *хин"* (С. д.) и *хи* (А. д.) — «посол».

Нивхи при всей их внешней сдержанности очень вспыльчивы.

Обычай кровной мести угас у нивхов с приходом в их край русских. Кельм мне сказал: «У нас нивхи и теперь бы друг друга убивали, но боятся, что за это в темный дом (тюрьму. — *Е. К.*) посадят».

Сознание своей родовой спаянности еще настолько сильно живет у нивхов, что один из них мне как-то сказал: «За свой род, беда! — пропадать можно», т. е. за своих сородичей жизнь сложить можно.

За все время моего пребывания среди нивхов я никогда не видел, чтобы они дрались. Однако нивхи мне говорили, что у них между мужчинами бывают дуэли, при которых употреблялись специальные дуэльные дубинки, называемые *мон"дён"дяр* (С. д.) или *мон"дяс* (А. д.). По длине они были почти равны человеческому росту и с одной стороны заострены.

Если женатый нивх узнавал, что с его женой заигрывает или живет посторонний мужчина, то он вызывал его на дуэль при помощи дубинок. Нивхи мне говорили, что руками у них не дерутся.

При дуэли соблюдались строгие правила. Противники становились друг против друга. Правую ногу они отставляли назад, а носки левой ноги упирали друг в друга. Передвижение ног во время дуэли не допускалось.

Они должны были быть недвижимы. Двигались только горсы и руки, державшие в руках дубинку.

Дуэлянтов окружали мужчины и женщины, строго следившие за ходом дуэли.

Фехтование дубинками требует большого искусства, которому мальчики обучались с детства.

При дуэли разрешается нанести только один удар, обычно в голову, после чего дуэль прекращается. Удар, говорят, иногда был столь силен, что противник падал без сознания и долго болел.

После первого удара оба противника бросают палки. Победитель сам перевязывает рану побежденному — таково правило дуэли. Для перевязки используется пережженная собачья кожа, которую заранее сжигают старики, вата, белая материя. В древности, конечно, ни ваты, ни материи не было.

Перевязка раны считается примирением между противниками. После этого все присутствующие вместе с побежденным идут в жилище победителя угощаться чаем. Так заканчивается дуэль.

О РАЗРУШЕНИИ ДРЕВНИХ НОРМ БРАКА У НИВХОВ

15 мая. Связь, установленная Л. Я. Штернбергом, между тремя родами — моим родом, родом, из которого мой род берет жен, и родом, в который мой род отдает сестер, — подтверждается нивхами. Но утверждение его, что через три поколения кровь женщины, вышедшей из рода тестя, может снова вернуться в свой род, т. е. правнук брата может жениться на правнучке сестры, еще нужно проверить.

Флорун на мой вопрос об этом категорически возразил:

— У нас говорят так: если женщина из рода выйдет, потом ее кровь все равно обратно в свой род вернется, но только не скоро.

— Как же это получается? — спросил я.

Он ответил мне так:

— Мы отдаем сестру в род зятя. У сестры родятся девочки и они тоже уходят в другой род зятя. Так они обходят весь Сахалин и возвращаются обратно.

Спросил об этом же старика Нан"уна, но он ответил то же самое, что Флорун. Таким образом, среди нивхов

р. Тыми схема Л. Я. Штернберга не находит подтверждения. Очевидно, он обосновал ее на данных, обнаруженных им где-то в другом месте.

Вечером зашел к старику Хайтвину. У него сидел Очи. Спросил их обоих о возможности возвращения крови женщины в свой род через четыре поколения. Они тоже категорически отвергли такую возможность. При этом Очи сказал мне по-нивхски:

— У нас говорят так: «Кровь [женщины] повсюду ходит, кружится, потом обратно приходит, в свой дом приходит.

— Как же это случается? — спросил я их.

— А так. Мы больше берем жен из Ныйво, Такрво, Чайво (т. е. с Охотского побережья Сахалина. — *Е. К.*). От нас, с Тыми, берут жен в Танги, Вияхты (на Татарское побережье Сахалина). С Танги и Вияхты жен берут в Тамлаво, Вискво (т. е. на северо-западное побережье Сахалина). Из Тамлаво жен берут в Кекрво, Чайво (т. е. с западного на восточное побережье Сахалина), а потом мы от них на Тымь берем.

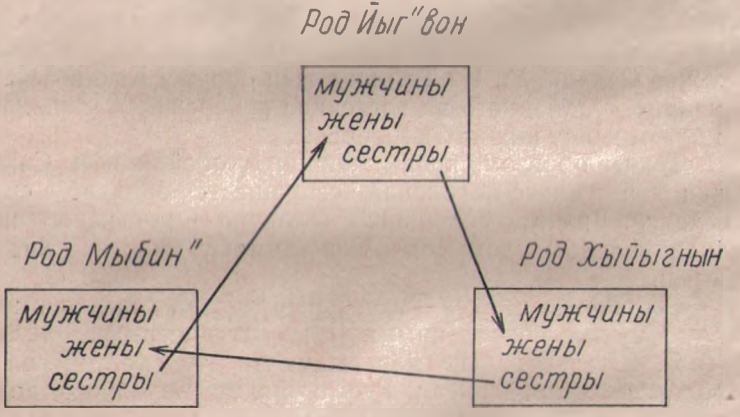
Таким образом, кровь женщины, обойдя весь Сахалин, через много поколений возвращается обратно в свое селение. Значит, сообщение Флоруна — это не его индивидуальный домысел. Так думают многие нивхи Тыми.

Сообщение нивхов Тыми как будто расходится с наблюдениями, приведенными Л. Я. Штернбергом. Однако Л. Я. Штернберг не мог выдумать ту систему связи родов, о которой писал. Где-то факты подобного рода на территории обитания нивхов он должен был наблюдать. К сожалению, он никогда и нигде не указывает пунктов своих наблюдений. Ведь нивхи, живущие небольшими по численности группами, расселены на огромной территории и не представляют собой единой массы. Не только соседние селения могут отличаться друг от друга какими-либо особенностями, но даже в одном селении у нивхов разных родов могут быть какие-то особенности в совершении тех или иных религиозных обрядов. Поэтому надо точно указывать, где и от кого записаны данные сведения.

Находясь у материковых нивхов в селениях Хузи, Мы, Варки, я встретился с такими фактами, которые свидетельствовали, что через три поколения правнук женщины

мог жениться на ее правнучке. Внешне это выглядит так: мой тесть может взять в жены дочь моего зятя. Так, например, в селении Хузи живет нивх Пельмин из рода Йыг"вон. Он взял себе жену в роде *Мыбин"* у нивха Ёмрина. Своих же женщин род Йыг"вон отдавал роду *Хыйыгнын"*.

По брачным нормам, существующим у нивхов р. Тыми, род *Мыбин"* никоим образом не может взять женщин для своих сыновей у рода *Хыйыгнын"*. Между тем в Хузи нивх Таман из рода *Мыбин"* взял у Ёмрина из рода *Хыйыгнын"* дочь Тивн"ык, а нивх Керан из рода *Мыбин"* взял в роде *Хыйыгнын"* у нивха Зепкуна дочь Халк. Так образовалась замкнутая трехродовая связь [27, 42]:



Несомненно, факты такого рода и послужили основой для построений Л. Я. Штернберга о наличии у нивхов замкнутой трехродовой связи. Между тем эти факты не следовало обобщать и приписывать их всем нивхским родам на территории обитания этого народа. Такие факты представляются мне результатом разложения древней родовой системы нивхов (на что повлиял и недостаток среди них женщин), но не их нормой [52].

Дальнейшее разрушение древних брачных отношений у амурских нивхов привело к вопиющему нарушению. Род зятя брал жену в роде тестя, а род тестя брал жену в роде зятя. Так, в селении Куль нивх Тавьюн из рода

Тынаунун" взял в жены женщину из рода *Кэзон*". Старик же Норп из рода *Кэзон*" взял в жены женщину из рода *Тынаунун*". Когда при переписи родов мне пришлось встретиться с этим фактом и я спросил у нивхов, как же так получилось, они мне ответили, что это нарушение древнего закона — «апраг (от *апак* — «тесть», *раг* — «взять») тут перемешались».

Нивх Ксюгин из Варки говорил мне, что сестра его отца из их рода *Тыкфин*" вышла замуж в род *Кэгнн*", где родила Хора. Сестру же Хора взял себе в жены Ворбайн — нивх из их же рода *Тыкфин*". Сообщая мне об этом факте, Ксюгин сказал с осуждением: «Совсем не хорошо на него смотреть!».

Следовательно, сами нивхи относятся с осуждением к таким нарушениям своих древних брачных норм. Наиболее древние социальные отношения сохранились еще у сахалинских нивхов в бассейне р. Тыми и на Охотском побережье, а у материковых нивхов они разрушились.

ЛЮБОВЬ И ЕЕ ТРАГИЧЕСКИЙ ИСХОД

30 июня. 1927 г. Судьба нивхинки трагична. У нее нет никаких прав ни в том роде, где она появилась на свет, ни в том, куда ее продали замуж. Ее тяжелая судьба отражена в песне, известной нивхинкам Амура. Говорят, что автором ее был нивх Рын"ызлын из Вайды. Я записал ее в этом селении от Нормук. Проверил и перевел со сказителем Кыйдыком. Вот ее перевод.

«Дочь бедного нивха; когда я маленькой была, когда себя еще не могла носить, когда завязок на обуви не знала еще как завязать, богатый человек меня взял, к себе увез.

Когда привез, в правый угол жилища меня поместил, на постель из веток черемухи меня положил, куском старой собачьей шубы мне дал укрыться. С одним только скореженным халатом из рыбьей кожи обнималась, в головки обуви, отпоротые от голенищ, обувалась.

В то время когда люди едят, за краем нижней нары находясь, у печки греюсь, своей еды жду. Мою еду с нары по полу мне швыряют. Схватив смотрю... на дне старой круглой чашки четыре обрезка с хвостовой части юколы лежат, три обрезка с боку юколы лежат. Жилки

с хвостовой части юколы содрав, вместе с кусочками юколы связала, своей матери посылку пошлю.

Когда зимой снег глубокий, конуру сучки откапываю, сучке еду ношу. В одной руке палку держу [иду]. Когда собака приближается, в глубокий снег проваливаюсь. Лишь свой плач своей песней считаю. Лишь свой плач своей радостью считаю. И днем и ночью свои слезы ем — вот так я мучаюсь. О, мои мучения услышьте!

Вот сейчас, рассердившись, пойду, жилки, с юколы собрав, сплету, петлю сделаю, к растущему дереву привяжу себя — повесившейся, болтающейся [над землей] сделаю. Ветер, ударив, [меня] раскачает, петля оборвется, [упаду], заплаткой на земле стану».

Если бы не существовало таких страданий, они не были бы отражены в песне. К счастью, страдания не подавляют людей, а вызывают в их душе протест и стремление преодолеть эти страдания. В родовой жизни нивхов индивидуальному выбору любимого или любимой не было места. Жена покупалась мужу без его согласия, и мужем становился тот, кому женщина была запродана. Таков был порядок, установленный испокон веков. Однако все-таки и здесь прорывалось чувство возвышенной любви.

На берегу Татарского пролива за нивхским селением Найнай есть мыс, называемый К'ызьохти, т. е. «Обух топора». Он расположен сразу же за местом, где, по преданию, окаменевшая жена горы Крыуспал сложила свои драгоценности. Вот какое предание рассказал мне об этом месте сказитель Шызн''ыун.

«Давным-давно один нивх и его сестра по роду (они родились от разных родителей. — *Е. К.*) друг друга полюбили. По древнему закону нивхов — это грех. Если бы об этом узнали, их бы убили. Поэтому они на вершине этого мыса землянку выкопали, колодец выкопали, еды на два года запасли. Потом он свое оружие и все орудия туда перенес. Ночью его сестра тайком туда прибежала. Там они жили.

Нивхи об этом узнали и к ним пошли, чтобы их убить. Когда они на мыс поднимались, он чурбаки сбрасывал, их убивал. Когда чурбак летел, он кричал: «Чурбак, ударь! Чурбак, ударь!» Так вот, чурбаки кидая, многих людей побил. Нивхи не в состоянии были ничего сделать и ушли.

Через некоторое время ночью нивхи к ним подкрадываться стали. Он это почуял, чурбаки стал сбрасывать, их побил. Так нивхи опять не в состоянии были ничего с ними сделать и бросили их.

Нивхи долго жили, а потом надумали: на соседнюю гору, находящуюся за мысом К'ызьохти, пошли, спрятались, ждали. Когда нивх с сестрой вышли из жилища, они из луков в них стрелять начали, но достать не могли. Потом у них стрелы кончились. Так, бедствуя, ничего не сумев сделать, ушли.

Сколько-то лет прошло. Вина их пропала. Тогда одного старика к ним послали. Он пошел, нивху сказал: «Вина вся пропала. Зачем, здесь находясь, живешь? Теперь-то воротись», — так сказал. Нивх согласился. Они обратно вернулись, жили.

Рассказ ли это, предание ли это, но мы, теперешние нивхи, на этом мысу сидим, тюленей караулим. Из этого колодца воду пьем. Поэтому мы думаем: наверно, это правда была. Если бы один только это увидел, за ложь можно было бы принять. Теперь же много людей туда ходит, видят и выкопанный колодец, и место, где была землянка».

Таково предание о героическом поступке влюбленных, память о которых хранит мыс «Обух топора».

Известен мне еще один отважный поступок влюбленных.

Яскук, дочь Чурки из Арково, была выдана замуж за нивха Ранглуна, жившего в Ыркыре на Тыми. Он был старше ее на двадцать лет. Там она жила с ним десять лет. Детей у них не было. В селении Потово жил молодой нивх Кифкун из рода *Высквонн"* Ранглун приходился Кифкуну тестем, а Яскук приходилась ему тещей. По родовым нормам физическое общение им было запрещено. Кифкун и Яскук полюбили друг друга. Они решили бежать к ее отцу.

Зимой они выбрали момент, подходящий для побега. Кифкун надел лыжи. Яскук стала позади него на его же лыжи, и они бежали до нивхского селения Славо. Оттуда пешком они дошли по проселочной дороге до Арково.

Если учесть, что влюбленным пришлось бежать на одной паре лыж, то замысел их нельзя не признать чрезвычайно дерзким. Яскук стала позади Кифкуна на лы-

жи, положила руки на его плечи и одновременно вместе с ним передвигала ноги. Бежать таким образом было, конечно, нелегко. За убежавшей парой были посланы в погоню нивхи, но они их не смогли догнать. Яскук и Кифкун пришли к Чурке и остались жить у него.

Память нивхов чаще всего хранит воспоминания о случаях любви, имевшей трагический исход. О них складывались песни, которые жили в памяти народа. Одну из них я записал от Киурык — нивхинки из селения Мого на Амуре. В этой песне рассказывается о юноше Ингуне, который умер от тоски по возлюбленной Лингук, и о девушке Лингук, которая повесилась над могильным домиком Ингуна. Эта трагедия произошла потому, что они любили друг друга, но родители Лингук не хотели ее выдать замуж за Ингуна и решили продать ее другому. В песне Ингун называет Лингук старшей сестрой, а она его — младшим братом. Возможно, брак им был воспрещен и потому, что они относились к одному роду.

Вот перевод этой песни:

Ингун

«О Лингук, старшая сестра,
о тебе одной думаю,
Встать не могу (Ингун лежит уже в постели,
умирая с тоски по Лингук. —
Объяснение исполнительницы.)
И днем и ночью спать не могу, есть не могу,
О тебе одной только думаю.
Поднявшись пошел,
один-два раза шагнул,
сердце заболело.
Ыйй-ый, старшая сестра,
о тебе думаю и все,
Ну что же делать?
Один-два раза шагнул —
повсюду в грязи вывалялся (потому что
у Ингуна уже не было сил ходить. —
Объяснение исполнительницы.)
На берег спустившись, сел.
Так вниз по реке смотрю,
вверх по реке смотрю.
Смотреть плохо.
Лингук, старшая сестра,
о тебе только думаю,
Что же поделаешь!
В свой дом поднялся.
— Мама! мама!
за Лингук пошли.

Лодку в шесть гребцов [шестигребку] пошли!
Мама! Лингук приехала (это ему мерещится. —
Объяснение исполнительницы.)
На наш берег Лингук поднялась.
Лингук вошла.
Старшая сестра! Старшая сестра!
Встать уже не могу,
о тебе одной думая,
Ты-то так обо мне разве думаешь?
Я есть даже не могу,
о тебе одной думаю».

Лингук

«О братишка меньшой!
я тоже о тебе думала,
[но] прийти не могла.
Ты хотя раньше меня умрешь,
свой левый мизинец отрезав,
дам тебе [попрошу тебя] унести [с собой].
Под левую подмышку зажав,
дам тебе унести.
Я тоже после тебя умру.
Я всегда-всегда в тоске живу.
Хоть что бы не делать
вслед за тобой уйду,
вслед за тобой уйду.
Жильной ниткой от юколы себя убью,
над твоим могильным домиком повешусь.
Когда я, поднявшись, повешусь,
наша старшая сестра (т. е. мать Ингуна. —
Объяснение исполнительницы.)
вместо нас пусть живет.
Я теперь же убью себя [повешусь]».

И Лингук повесилась.

Кыйдык рассказал мне о самоубийстве влюбленных, которых он знал, будучи ребенком. Это произошло в селении Вайды. Нивхинка Понтик была замужем за нивхом Токсиным из рода *Х·ирлён"*. У них был ребенок. Но вот нивх Пэргун из рода *Кэгнн"* полюбил Понтик, а она полюбила его. Они встречались тайком. Первым их любовь заметил Токсин и стал выслеживать их. Тогда они ушли из селения. Их искали, но не нашли. И лишь спустя несколько лет обнаружили их полуистлевшие трупы — Понтик и Пэргун вместе повесились. Сожгли их тоже вместе.

О подобных случаях рассказывали мне и другие нивхи. Тыхта, например, на мой вопрос о том, были ли у них случаи, чтобы когда-либо и как-либо молодые люди из-за любви кончали с собой, ответил:

— Да, такие случаи были. В 1920 году, когда я был еще маленьким, такое удивительное событие я сам своими глазами видел. Это случилось в селении Кальм, где я в то время жил.

В этом селении Кальм жили любимые мною моя теща (по роду) и мой тесть (по роду). Ее звали Г''ырук, а его — Янгун.

Янгун не был простым человеком. Никто не добывал столько лесных зверей, рыбы, птицы, сколько он. Куда бы он ни пошел — с пустыми руками в свое селение обратно не возвращался.

Однажды мы с ним на зайцев охотиться пошли. Вместе залегли, зайцев подстерегая. В это время другие нивхи, зайцев пугая, к нам их гнали. Я к себе трех зайцев подпустил, выстрелил, ни единого не убил. Он, четырех зайцев к себе подпустив, выстрелил — всех четырех убил. Будь это птица, будь это по земле идущее животное, его ружье, как говорится, ни разу промаха не дало.

Однажды мы вместе с ним на озеро Маатя рыбу ловить пошли. Мы по озеру поехали, сети поставили, а потом, вечером, на берег поднявшись, огонь зажгли, баловались. Потом мы с ним поспорили. Он сказал, что меня с котлом за водой пошлет, а сам уток промышлять пойдет. Котел еще вскипеть не успеет, как он, уток уже убив, вернется. Так он сказал. Я же, что он не убьет, сказал. Так мы поспорили.

Я с котлом за водой пошел, принес, котел повесил. Он за утками охотиться пошел.

Тогда, чтоб котел быстрее вскипел, я большой костер разложил. Как я ни старался, чтобы огонь сильнее пылал, котел еще не успел вскипеть, а он уже семь уток принес.

О том, как он из ружья прекрасно стрелял, я лишь теперь понимать начинаю.

Однажды весной нивхи очень голодали. Тогда мы вместе с ним рыбу ловить на лед спустились. Рыбу поймали, но когда обратно пошли, погода испортилась, град пошел, ветер поднялся. Мы, Амур пересекая, шли. Когда до его середины дошли, я очень устал, проголодался, ногами больше двигать уже не мог. Тогда он, свой ремень отвязав, к моему ремню его привязал и, на плечо положив, меня за собой с большим трудом до места Тиука

дотащил. Там, в пустое жилище войдя, отдыхали. Когда мы так отдыхали, он на меня взглянул, пожалел, к берегу спустился, кусочек льда, отломав, принес, разломал и меня им кормил.

Вот почему я о нем помню, вот почему я тебе о его жизни расскажу.

Еще о своей теще расскажу. О том, как она меня, любя и жалея, растила, я до сих пор забыть не могу. Когда моя обувь из рыбьей кожи рвалась, она ее чинила. Когда одежда моя рвалась, ее зашивала. Когда мои косы спутывались, их расчесывала. Когда мне есть не хватало, она обо мне заботилась, обо мне думала.

Она ко мне очень хорошо относилась. Подобно ей ни одна женщина селения, ни один мужчина селения ко мне не относились. Она была очень большой мастерицей. И работать хорошо успевала и мастерски шить успевала. Такая она была... Такие женщины вблизи нашего селения были редки.

То, как они оба умерли раньше своей [естественной] смерти, до сих пор еще в моем уме лежа живет.

Янгун был не одинок. Их было трое *руф* [*тувн"* (С. д.), *руф* (А. д.)]: два брата и сестра. Все они жили в одном доме. Жену Янгуна звали Хытик.

У них было еще шесть близких *руф*. Одного из них звали Тьивык, а жену его Капускин, другого, помоложе, — Пыгин, а его жену — Г"ырук.

Янгуна родня и Пыгина родня — все одного рода были. Звался этот род *Тапк"ал*.

Теперь правдиво поведаю тебе о любви Г"ырук и Янгуна. Никто, подобно мне, об их любви не знает. Я с Янгуном в одном жилище жил. Хотя я в то время маленьким был и не имел много ума, я до сих пор забыть не могу, как любили они друг друга.

Вечером, когда я лошадей водой поил, — их видел; утром встав, когда выходил, — их видел, когда по ягоды шел, — их видел; когда за дровами на остров ехал, — там их видел. Так много раз я их видел.

Однажды вечером я по дороге, которой едут за дровами, птичку преследуя, поднялся, как вдруг их сидящими на корне дерева и разговаривающими увидел. Когда я к ним подошел, они меня позвали, между собой посадили, мои руки в свои взяли и рассказали о своей любви, как от всех людей убегая, ходят. Потом, когда окончили,

мне запретили рассказывать об этом кому бы то ни было. Сказав так, меня обратно послали.

Однажды мы с Янгуном в амбаре были. В это время Г''ырук, придя, вошла. Здесь тоже долго они разговаривали. Потом Г''ырук вышла, домой пошла.

С тех пор повсюду много раз их видел.

В доме брата Пыгина, Тьивыка, его жена — шаманка Капускин часто пела. На шаманское пение Янгун часто ходил. Когда он приходил, всегда на конце боковой нары у двери садился. Г''ырук с мужем на поперечной наре сидели. Г''ырук, на поперечной наре находясь, всегда, в сторону боковой нары повернувшись, ребенка грудью кормила. Тогда я, на противоположной стороне возле очага находясь, дыхание затая, людей не видя, за ними наблюдал. Тогда они глазами как разговаривали, руками как разговаривали, головами как разговаривали — все хорошо видел.

Однажды мы на тундру Кук на одной лодке за морошкой поехали. В то время, когда мы за ягодой ехали, Янгун на носу лодки лежал; я за веслами у носа сидел, греб; Г''ырук, посередине кормы сидя, ребенка грудью кормила. Еще много других людей с нами ехало. В этот день солнце пекло, ветра не было. Тогда Янгун, на носу находясь, запел:

«Эх, горе! Хоть так и скажу, но кто посмотрит на меня?..
Громким голосом заплакал бы, но уж взрослым стал...
Эй! — так крикнул бы, но в какой дали эхом отклинется?..
Одну слезинку свою уронил бы, но как гром загремит, боюсь...
Ребенка как бы не испугала...
Глубоко вздохнул бы, но что вихрь нагрянет,
лодку завертит, боюсь...
Едва сдерживаюсь, пошевелился бы, но нос лодки
поломать боюсь...
Капелькой обернувшись, концом весла донесенный,
к тебе прыгнул бы, но ребенка замочить боюсь...
Морской рыбой обернувшись, в твои сети вошел бы,
но сети не имеешь...
Полетев, на твою грудь прыгнул бы, — но крыльев не имею...»

Так к причалу тундры Кук подъехав, пристали. Дети, женщины — все на берег вышли. Некоторые чумашки из бересты вытаскивали, некоторые дрова собирать ушли. Потом огонь разожгли и, чай согрев, пили. Когда пить чай окончили, все вместе на тундру пошли. На тундру

придя, все по разным местам разошлись. Ягоды собирали. Ягоды собирая, на опушке редкого лесочка голос поющего человека услышал. Когда этот голос услышал, чумашку, в которую собирал ягоды, опустил, поставил и, хорошо усевшись, слушал. То сидя слушал, то встав слушал, но кто пел, я не понимал. Потом, на землю опустившись, ухо к земле приложив, слушал. Тогда голос узнал Янгуна. Но о чем он пел, я понять не мог.

Так, долго сидя, слушал, вверх голову подняв, в вершину дерева вглядываясь, слушал. Его голос, как древесных листьев шевеление, — иной раз так думал; как [звук] ягод, перекатывающихся в накренившемся берестяном корытце, — иной раз так думал.

Потом все друг друга звали [аукали], вместе к лодке спустились, обратно домой возвращаясь.

До того времени о любви женщины и мужчины я еще не знал.

В 1921 году мы вместе с отцом уехали в селение Куль. Когда в селение Куль приехали, то с осени до половины зимы еще не дожили, как из своей деревни о страшном большом событии услыхали. Эту весть услышав, стали ждать ухода льда. Едва дождавшись, в свое селение обратно уехали.

В свою деревню обратно возвратясь, я на берег вышел. Кто же встречать меня спустится, я не знал. Тогда на берег поднявшись, вверх посмотрел. Долго стоял. Стерпеть не смог и громким голосом заплакал.

Потом к жилищу поднялся. Когда вошел, место, на котором Янгун жил, совсем пусто было. Вечером этого дня звуков варгана не было слышно, звука его шагов не было слышно. Вечером этого дня я не спал. Так в тот вечер я никого не расспрашивал о том, как свою жизнь он потерял.

На другой день утром я расспрашивал людей. Тогда, он как свою жизнь потерял, я хорошо узнал.

Вот из-за чего они свою жизнь потеряли.

Об их любви жители селения все знали. Потом эту весть Капускин — жена Тьивыка, брата Пыгина, узнала. Когда Капускин об этом узнала, она схватила Г"ырук—жену младшего брата своего мужа—и била ее. Потом по-всякому ее оскорбляла. Еще к Янгуну пошла, била его, оскорбляла. При этом Янгун [своей] рукой даже не пошевелил. Потом Капускин обратно пошла,

схватила Г"ырук за волосы, притащила ее и била ее голову о колени Янгуна, о край нары била, говорила, чтобы Янгун взял теперь Г"ырук. Говорила, что они совокупляются, как собаки. Потом Капускин бросила Г"ырук и ушла домой.

Когда она ушла, Г"ырук вышла за нею и вернулась домой. Когда Г"ырук ушла, Янгун все время выходил из дому и заходил обратно.

Этой ночью они встретились за амбаром Пухтына. Совещались. О чем разговаривая совещались, никто не знает. Потом каждый воротился к своему месту.

Обратно придя, Г"ырук этой же ночью по дороге, которой возят дрова, в сторону леса поднялась. Поднимаясь, оставила дорогу и пошла по направлению к колену реки, в сторону восхода солнца. Когда она пришла к колену реки, у края реки удивительно толстую ольху нашла; на этой ольхе на стороне восхода солнца удивительно толстый, руке подобный, сук рос. Г"ырук платок с головы сняла, к этому дереву привязав петлей, себя убила — удавилась.

Этой ночью, когда едва рассветать стало, Янгун два раза вокруг селения обошел, разыскивая следы Г"ырук. При третьем обходе селения след, которым Г"ырук поднялась в лес, увидел. Потом Янгун обратно вернулся домой, оделся, ружье взяв, вышел. Выйдя, по дороге, на которой возят дрова, вверх поднимался.

Тогда его старшая сестра Катьк, за ним выйдя, крикнула Янгуну: «О младший брат, ты куда пошел?»

Тогда Янгун, ружье опустив, прицелился, свою старшую сестру прогнал. Катьк, возвратившись, в дом вошла. Войдя, опять вместе с другими нивхами вышла, его преследуя, в гору поднимались. Когда они поднялись, Янгун опять ружьем прицелился и сказал, что он не желает, чтобы кто-либо к нему приблизился. Тогда все нивхи, будучи не в состоянии приблизиться к нему, обратно спустились.

Янгун по дороге, по которой возят дрова, поднялся. Поднимаясь по этой дороге, он увидел след Г"ырук, оставившей дорогу и направившейся к восходу солнца. Тогда он оставил ружье у края дороги, прислонил его к молодой лиственнице, и по следу Г"ырук пошел.

Когда он спустился к колену реки, то на удивительно толстой ольхе, на суку, направленном в сторону восхода

солнца, привязанную Г''ырук, удавившую себя петлей, увидел.

Тогда Янгун снял шапку, на снег ее положил. Рукавицы сняв, на шапку положил. Пояс отвязал, возле шапки и рукавиц положил, табак покурив, кисет возле шапки и рукавиц положил. Пуговицы одежды расстегнул. Потом шею обвязал, чуть выше того места, где Г''ырук удавилась, себя привязал, удавив петлей.

Ранним утром все люди селения в лес поднялись, их искали. Во время поисков у края реки на суку толстой ольхи их рядом висящими увидели...

Когда их нашли, большие люди селения [старики] совещались. Вместе их сжечь решили. Так их вместе вдвоем и сожгли».

У Тыхты дрожал голос, когда он помогал мне переводить свой рассказ. Я тоже был взволнован и не стал задавать ему никаких вопросов.

Жаль, что эта прекрасная любовь до сих пор не воспета.

6 декабря 1927 года. Я приехал на собаках в селение К'ек''рво — самое северное селение нивхов на Охотском побережье Сахалина. Нивх Хайкайк, у которого я поселился, сказал мне, что в их селении находится сказитель, у которого я могу записать какие-либо предания. Он сказал, что имя сказителя Феук.

Недолго думая, я взял с собой заплечную сумку, в которой всегда у меня лежал дневник, и пошел искать Феука. Нивхи указали мне на небольшое жилище, полузанесенное снегом. Вошел в него. Жилище было невелико. Там была одна только нара, на наре сидел нивх, а в углу что-то делала женщина.

Я сел на нару и начал разговаривать с Феуком на самые разнообразные темы, не говоря о главном, зачем я к нему пришел. В данном случае я поступал точно так, как поступают нивхи, когда они приходят друг к другу по какому-либо делу. Жена Феука стала готовить угощение. Она занесла с улицы мороженую красноперку, ободрала с нее кожу, расколола ее вдоль хребта, положила на столик и подала мужу.

Феук предложил мне отведать с ним строганины. Я взял нож, начал строгать рыбу и вдруг услышал, что он, делавший то же самое, что и я, что-то сказал по-нивхски. Я спросил его:

— Что ты сказал?

— А я, — сказал он мне с предельной детской наивностью, — просил красноперку, чтобы она мне не делала зла, потому что у меня болит нога. Если я не попрошу ее об этом и съем ее, то нога у меня еще сильнее будет болеть.

— Как же ты ее об этом просил?

— А так! О красноперка! [Я] тебя очень хочу, [я] тебя есть буду! Сделай так, чтобы нога не болела! (*темран"а! ч'аг нифкэ ч'инидра, н"атьх к'"онгуиныи"гра*).

Записав его заклинание, я искоса стал наблюдать за тем, как готовит для меня пиалу жена Феука. Если Рурнет, жена Чурки, поплевывая на пиалу, оттирала ее кусочком невода, чтоб она лучше блестела, то жена Феука натирала ее до блеска полой своего ватного халата.

За чаем я сказал Феуку, что слышал, будто он знает различные предания нивхов, и просил его рассказать мне их. Феук согласился. Когда мы кончили пить чай, Феук сказал, что расскажет мне *алхтунд,* который он знает. Я очень обрадовался, потому что никто из нивхов не делился еще со мной этим видом нивхского народного творчества. Видимо, так происходило потому, что эти произведения наиболее редки. Название *алхтунд* образовано от *алг"* ~ *алх,* т. е. корня глагола *ялг"д* — «открывать что-либо».

Таким образом *алхтунд* означает «раскрытие чего-то», т. е. раскрытие внутренних душевных переживаний, связанных с любовью мужчины и женщины.

Вот как выглядит *алхтунд,* рассказанный Феуком:

«Нивх один [был],
Его отец жил. Его мать жила.
В другом доме старшая сестра жила.
«Отец! К прекрасной женщине пойду я», — [сказал он].
Вот на другой день утром встал, оделся.
Красный халат вниз надел,
Юбочку из пятнистого тюленя *к"анд* поверх надел,
Плисовый халат, на пуговицы не застегивая, надел.
«Нарукавники с узором навязать что ли? Жарко!
За пояс заткнув, понесу.
Старшая сестра мне обувь сделала
Эту обувь надену пойду».
Табак цигаркой свернув, закурил.
В сени вышел.
С полки, что в сенях, древко копья в качестве посоха взял,

Вот пошел.
По линии стыка сухого берега и берега, обнаженного отливом, шел.
Долго шел. Отдохнул.
Отдохнув, встал, пошел.
Долго шел.
Селение показалось.
Две женщины на одном лабазе сидели, рыбу чистили.
Напрямик пошел.
Напротив их лабаза напрямик на берег поднялся.
Подруга его женщины [ему] сказала:
«Приятель, мой нож плохо режет.
Мой нож, взяв, наточи».
[Нож], наточив, отдал.
«О нет, приятель!
Скверно точил, оказывается».
Снова точил, точил.
Все-таки плохо режет.
«О приятель, жаль рыбу».
Подруга его женщине сказала:
«Окончив, поднимись, чай согрей, гостя напои».
Вот слезла, поднялась, вошла.
Гость человек думает:
«О эта женщина, воду в рот набравши, выйдя, руки вымоет ли?»
Эта женщина вышла, руки вымыла, вошла.
«Табаку не положив, не покуривши, чайник наполнив, согреет ли? Как поступит?» [Гость, наблюдая за ней, думает].
Тогда, табаку не положив, не покуривши, чайник наполнила, греть, оказывается поставила.
«Чайник согрев, гостю скоро пищу приготовит ли?
О эта женщина какова?»
Табак [в трубку] положив, закурила, юколу накрошила.
Чайник согрев, сняла.
Столик принесла,
Возле своего старшего брата поставила.
Чайник принесла,
Возле своего старшего брата поставила.
«Ну, приятель, подальше к стене подвинься, чаю попьем.
В твоем селении новости есть ли?»
«Нет, новостей не имеется».
Потом стемнело, уснули.
Гость на задней наре находился.
Чужеродная женщина на боковой наре находилась.
Долго спали.
Гость думает:
«Теперь, вероятно, все крепко уснули, однако.
Эх, хотя и стыдно, но что поделаешь?
Раз думал, пришел, поэтому пойду».
Халат взяв, на плечи набросил.
Вот пошел.
Одной рукой за край нары держался.
Другой рукой за раму очага держался.

Дрожа шел.
К ней близко когда подошел, дрожал.
Наброшенный на плечи халат и то вздрагивал.
К подушке подойдя, руку положил.
Подушка и та задрожала от его дрожи.
«Проснись!
Хоть и стыдно, но что поделаешь!
О тебе думая, пришел. Правду говорю.
Проснись! Спишь ли?
Правда, что не чувствуя, спишь?»
Женщина думает:
«Этот человек с жестокого мороза пришел, что ли,
что весь дрожит?
Ближе к огню подойди, согрей себя!
Бедняжка! Глядя на тебя, жаль тебя становится. Правда».
Мужчина сказал:
«Проснись! Спишь ли?
Сжалившись надо мной, табаком меня угости».
Женщина ответила: «Ай! Не хочется. Спать хочу».
«Погоди! Сегодняшний день единственный для сна, что ли?»
«Не хочется! С тех пор как от кожи матери оторвалась,
все еще человеческой кожи не знала.
От тебя-то теперь какова человеческая кожа, знать не хочу.
Раз не знаю и знать не хочу».
«Меня жалеючи, к себе пусти.
Хотя и лето, а холодно».
«А мне-то нет.
Коль не хочу, то не хочу.
Надоело. К своему месту пойди, спи».
Потом эта женщина встала.
Рассердившись, с шумом раскидала все.
Спустилась, вышла из жилища.
Мужчина на свою пару поднялся, лег, уснул.
Потом жена его тестя встала, вышла.
Молодая женщина в это время на женском отхожем
месте находилась.
Жена тестя сказала:
«Приятельница, ты что, выйдя, тут пребываешь?
Твой старший брат человека, взяв, привел!
Ты понимаешь ли?
А ну, войдем!
Многие женщины в другие селения свои кости
уносят, теряют их даже.
Тебе одной, что ли, такая судьба предстоит?
Войдем!»
Вошла, уснула.
Гость думает:
«Эх, слезу. Раз от стыда уже освободился,
опять встану, пойду.
Проснись, все еще спишь ли?
Теперь меня к себе пусти, сжалься надо мной».
«Нет, старший брат вблизи лежит. В какую сторону
повернуться?
Мне стыдно. На двор вместе выйдем».

Вместе на двор вышли.
Под кустом бузины, находясь, легли.
Когда заря поднялась, в жилище вошли, уснули.
Утром встали, чай пили.
«Тесть, пока я сам домой пойду.
Долго, если три дня пробуду.
Потом за ней приеду».
«Ты сам решай! Твоего ума дело».
Вот вышел, обратно пошел.
В этот же вечер блевать стал кровью. Злого духа,
извлекающего кровь, увидел.
Потом тесть говорит:
«Ох-ох! Каков он.
Долго, если через три дня приду, — так говорил.
Почему же прошло четыре дня?» [А его все нет].
Потом [стало видно, что] три человека вместе приближаются.
«Один-то — он как будто бы, двое-то — другие;
вместе приближаются, однако», — его тесть сказал.
Прямо пришли. К этому жилищу поднялись, вошли.
«Гости, в вашем селении новости есть ли?»
«Да, новости есть».
«Что за новости? О болезни новости, вероятно».
«Да, о болезни новости».
«Тот, который к тебе приходил,
Отсюда уйди, вечером злого духа, извлекающего кровь, увидел
Вчера его душа оторвалась».
Тогда его чужеродная женщина [сестра тестя]
свои косы расплела,
Вышла к кусту бузины, под которым они лежали,
пошла и заплакала.
Эта нивхинка так говорила:
«Злого духа товарищ — это я. Сама о том знаю.
Даже одного целого дня я за ним не ухаживала.
Убила его, съела его... ый-ый горе...», — плакала.
Потом спустилась, в свое жилище вошла, оделась.
«С гостями вместе пойду. Своими глазами только
его сожжение посмотрю».
Вот пошли. Вместе с гостями долго шла.
В селение когда пришла, спросила:
«Моего свекра, моей старшей сестры матери жилище где?»
«Вот оно».
Поднялась, в сени вошла, потом громким голосом
заплакала, с плачем вошла.
«О старшая сестра-мать! Вот я пришла. Такова уж моя
судьба, что в веселый дом войдя, плачу.
Сегодня, вынеся, похороните ли его?
Его хранимые вещи, если есть, вынеся, вместе с ним
похороните.
Собаку, если есть, выведя, ударив, убив, потеряйте.
Шелковый халат один [не из лучших] мне позвольте надеть.
Мне дозвольте пойти, своими глазами лишь только дайте
посмотреть, [как его похоронят]».
Не пожелали дать.
Один шелковый халат взяв, надела.

Со своим мертвым человеком вместе вышла из жилища,
смотрела.
Неся, шли, костер обнесли, подняли, на костер
положили, дровами окружили.
Огонь со стороны головы зажгли, со стороны ног зажгли.
Пламя сильно разгорелось.
Эта женщина тогда потихоньку встала, спустилась
к костру, вокруг его обошла, посмотрела...
Вдруг, на горящий костер прыгнув, взошла,
сама себя сожгла.
Удержать ее пытались...
Палками ее к себе подтащить пытались...
Потом останков ее даже не осталось.
Беда такова».

Когда Феук закончил перевод этого *алхтунд* на русский язык, я вспомнил вдруг бессмертные слова из «Песни песней»: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою, ибо крепка как смерть любовь...»

К'ек''рво находится на краю света. Это самое северное селение нивхов, расположенное на сахалинском берегу Охотского моря, за которым простирается уже только океан. Заброшенное, полунищее село. И вдруг здесь, на краю земли, я встречаюсь с образом самой чистой, самой возвышенной любви. Нивхинка бросается к нивху в костер, чтоб живой сгореть вместе с ним, быть с ним неразлучной хотя бы в загробном мире. Не удалась любовь на земле, так, может быть, там, в другом мире, она будет с ним счастлива.

Нивхи — народ, культура которого создана неолитом. Значит, нетленные образы высочайшей любви созданы людьми еще в каменном веке. В этом веке человек уже полностью сформировался и в интеллектуальном, и в эмоциональном отношениях. Так почему же так называемый цивилизованный мир презирает народы, подобные нивхам, называет их дикарями, считает их первобытными, неполноценными, уничтожает их, стирает с лица земли? В своем пустом мещанском самодовольстве этот мир отказывает в праве на человеческое достоинство тем, кто является подлинными людьми, не желая даже заглянуть в их мысли, в их душу. Он готов унизить все, даже человеческое прошлое, лишь бы в своих собственных глазах выглядеть великим.

Я гляжу в нежные, подернутые какой-то поэтической поволокой глаза Феука, который только что поделился со

мной этой замечательной поэмой. Я смотрю на него и думаю: где и когда, в какие времена родилось прекрасное, чисто человеческое чувство любви? Когда глаза одной, голос одной, руки одной, душа одной стали единственно любимыми? И нет иной, кроме нее одной!

Теперь, после встречи с Феуком, я знаю, что это чувство существовало уже в далекие-далекие времена камня. Тогда «он» и «она» были одеты еще в звериные шкуры, но теперь я знаю, что, когда слово «люблю» было впервые произнесено этими людьми, это было, возможно, первое прекрасное, истинно человеческое слово.

5 апреля 1928 года. Любовь не всегда бывает взаимной, и человек издавна изыскивает пути к тому, как бы «приворожить» к себе другое существо, которое не отвечает ему взаимностью.

У нивхов существует поверье, что вызвать любовь женщины или мужчины можно перьями или мозгом кукушки.

Очи говорил, что если мужчина хочет заставить женщину полюбить его либо, наоборот, женщина стремится вызвать к себе любовь мужчины, то они должны зашить в левую подмышку одежды того человека, любви которого они домогаются, перо кукушки. Естественно, лицо противоположного пола не должно знать об этом. Таким образом, верят нивхи, можно добиться любви. Однако бывает, что перо не приносит желаемого результата: женщина не в состоянии полюбить человека, который добивался ее благосклонности. Тогда перо кукушки оказывает на нее вредное действие. Она заболевает, начинает якобы куковать наподобие кукушки и умирает. Нивхи уверены, что душа женщины через четыре поколения, а по некоторым сообщениям — вскоре после смерти, превращается в кукушку.

Интересно, что на материке, в селении Куль, далеко от центра Сахалина, где живет Очи, молодой нивх Кулун рассказал мне, что женщину можно приворожить при помощи мозга кукушки. Для этого кукушку убивают, вынимают ее мозг, а птицу зарывают в землю и рядом с ней кладут табак. Мозг кукушки сушат в течение года. Затем его измельчают и подмешивают к пище либо к табаку. Женщине, которую хотят приворожить, дают

либо поесть этой пищи, либо покурить такого табаку. После этого она якобы обязательно полюбит мужчину, давшего ей мозг кукушки. Если же при этом мужчина, накормивший женщину мозгом кукушки, уедет в море охотиться на тюленей, то она будет говорить о том, что он ее любит, что ее сердце по нему болит. Если же он уедет надолго, она начинает кричать, как шаман, говорить о том, что такой-то накормил ее мозгом кукушки, что она умрет, если он не приедет. Когда же нивх возвращается и говорит ей, что будет с ней жить, болезнь ее проходит, и она становится нормальной.

Наряду со стремлением приворожить к себе женщину у нивхов проявляются и низменные желания убить женщину, не отвечающую домогательствам мужчины. Н"урзин говорил мне, что если жена старшего брата по роду не отвечает на домогательства младшего брата по роду, то он, если он человек злой, может ее убить. Для осуществления своего жестокого замысла он должен достать хотя бы один волос с ее макушки *(к'ызг"уф)* и хотя бы нитку с одежды, находящейся напротив ее сердца. Заполучив столь важные части, связанные с ее естеством, он изготовляет из травы человеческую фигурку, обматывает ее волосами и ниткой, добытыми у женщины, которую он хочет извести, и стреляет в эту фигурку из лука. Этого вполне достаточно, чтобы погубить женщину, смерти которой он хочет. «Теперь вместо лука в такую фигуру, — говорил мне Н"урзин, — можно выстрелить из ружья». Нетрудно заметить, что этот магический способ расправы с женщиной, которая не уступала мужчине, уходит корнями в века камня. Уже там низменные чувства к женщине настолько овладевали мужчиной, что он стремился извести ее на расстоянии религиозно-магическими средствами.

Н"урзин говорил, что если жена преисполняется ненавистью к своему мужу, то она подмешивает в его еду свою менструальную кровь. После этого муж якобы теряет аппетит, начинает сохнуть и погибает.

Старик Купук мне рассказывал, что в старину некоторые жены варварски оскопляли своих мужей, которых ненавидели. Подтверждение его рассказа в дальнейшем я нашел в двух топонимических преданиях.

Таким образом, любовь и ненависть между особями противоположных полов у нивхов выражается и в высо-

чайших формах любви, и в самых низменных проявлениях ненависти.

21 июня. В полдень на берегу за селением Найнай раздался выстрел. Нивхи не обратили на него внимания, так как в их охотничьем быту он естествен: где-то убили тюленя, подстрелили птицу. Однако через некоторое время стало видно, что из-за мыса вьется дымок. Ребята заинтересовались — кто мог за мысом разложить костер? Но когда они побежали туда, нашли мертвого Уткина. Нажав палочкой на курок берданки, дуло которой он прислонил к своему сердцу, Уткин убил себя. От выстрела на нем стала тлеть одежда. Этот дым и увидели нивхи.

Старик Явраин, которого русские звали Ибрагимка, хорошо знал Уткина. Он рассказал мне о нем следующее.

Раньше Уткин жил на Тыми в селении Славо, а потом женился и переехал жить в селение Агнево. Там родилось у него трое детей — двое сыновей и дочь. Жили они с женой дружно, но потом она заболела и умерла.

К югу от Агнево в соседнем селении Найнай жил старик Кудюк. Его жена и братья давно умерли. От одного из его братьев осталась дочь. По обычаям рода она приходилась Кудюку дочерью. Взял ее Кудюк и стал воспитывать. Вскоре она сделалась его единственной радостью. Услышал Кудюк про горе Уткина, позвал его к себе и отдал ему в жены эту девушку. Уткин слыл добрым человеком. Никто никогда от него не слышал плохого слова. Был он хорошим охотником и прекрасным мастером. Среди нивхов Татарского побережья не было более искусного резчика по дереву, чем Уткин. Самые красивые узоры на деревянных корытах, плоских деревянных тарелках, лучшие резные посудины для сердца медведя, ложки, древки тормозов для нарт, рельефные резные изображения на досках для украшения носовой части лодок выходили из рук Уткина. Стало быть, не пустому человеку отдал Кудюк дочь своего брата! Отдавая, он просил Уткина беречь ее и не обижать. Счастье как будто снова улыбнулось Уткину. Год прожил он со своей молодой женой. Но вот настали роды, и она, родив девочку, умерла. Старик Кудюк не перенес ее смерти и застрелился.

Случилось это осенью. Море было неспокойное. И нужно же было, чтобы во время одного из штормов

утонула дочь Уткина вместе с мужем-китайцем. Еще пуще загрустил Уткин. Девочку, рожденную его женой, взяла к себе старуха, жена Явраина, и попыталась вырастить ее, но через четыре месяца девочка умерла. «Ну, — сказал Уткин, — не быть мне живым!» Нивхи следили за ним и никуда не отпускали его одного, старались отвлечь его от мрачных мыслей.

Прошла зима, настала весна, и Уткин как будто забыл свое горе. Летом, когда пошла горбуша, нивхи наловили рыбы и поехали продавать ее в Александровск. Уехали и те, кто больше других следили за Уткиным, а он вскоре после их отъезда пошел с ружьем на берег якобы поохотиться и покончил с собой.

Привязав Уткина к длинному шесту, нивхи на плечах понесли его к кладбищу.

Самоубийцу нельзя вносить в жилище. Нивхи сделали из шестов два треножника и положили на них концы шеста, к которому был привязан Уткин. Когда его отвязали, шесты разломали. Тело Уткина обернули в шелковую материю и опустили на жерди в яму, выложенную досками в виде гроба. Лицо самоубийцы было обращено на юг. Своеобразный гроб закрыли досками и сверху положили бревно, красиво орнаментированное. «Это *му* — лодка», — сказали мне нивхи. По сторонам погребения были воткнуты четыре дощечки в форме сабель — весла.

Затем в землю воткнули деревянное изображение покойника — *к"ак"*. В середине его было сделано отверстие, сквозь которое просунули острогу с наконечником гарпуна.

В ту сторону могилы, где находилась голова самоубийцы, в землю воткнули ствол с сучками, на которые повесили кружку, петли для лова соболей. В головах, в край лодки, вбили поворотный наконечник остроги на тюленя, поворотный крюк рыболовной остроги и орудия других промыслов — словом, то, что нужно будет страдальцу Уткину в селении мертвых.

Я смотрел, с какой заботливостью нивхи провожали своего товарища. Во всех их действиях ощущалась вера в то, что раз Уткин будет теперь жить в другом месте, так надо, чтобы он в последний раз почувствовал теплоту человеческих сердец, которые оберегали его и всячески стремились к тому, чтобы он жил среди них, чтобы

он унес с собой эту теплоту, раз уж он не пожелал жить и ушел в страну мертвых.

Ушел! Ушел от такого дня, залитого сверкающим солнцем, как сегодняшний. Высокие, обрывистые горы, покрытые лесом, зеленели и грелись в его тепле. А море, море! Какое оно было сегодня ровное, нежное, ласковое — не то голубое, не то синее, не то зеленое. И от обуявшей меня внутренней боли захотелось закричать в это сияющее небо. Вот убил себя человек, которого многие, считающие себя «цивилизованными людьми», именовали «дикарем», «варваром», «неполноценным существом». Один из тех, кого в отдаленных уголках земли обрекают на уничтожение и вымирание. А что дало тебе право, человек с белой кожей, уничтожать людей только потому, что у них иная кожа, иной язык, иные привычки? Ты даже не захотел заглянуть в души этих людей. Тебе нужно было золото, и во имя его погибли ацтеки, инки, сотни прекраснейших народов обеих Америк! Чингисхану нужны были новые территории и богатства, и во имя этих разбойничьих замыслов с лица земли были стерты города с высочайшей культурой, были уничтожены люди — создатели этой культуры.

Кто дал вам право, люди, презирать себе подобных, потому что один народ малочислен, а другой — велик числом? Потому, что один живет в жилище из снега, а другой — в жилищах из мрамора?

Когда, наконец, низменные инстинкты, гнездящиеся в человеке со времен его дочеловеческого состояния, заменятся разумом — тем, что сделало человека человеком, и человек станет видеть в других самого себя — человека, какой бы он ни был кожи, на каком языке ни говорил бы, в какие одежды или рубища он ни был одет!

Бедный страдалец Уткин, не пожелавший больше нести бремя жизни, прими и мою скорбь о тебе вместе со скорбью провожающих тебя нивхов.

26 июля. Сегодня, придя в Сахалинский ревком, нашел у себя на столе пакет, склеенный из грязной бумаги. На нем неграмотной рукой была написана моя фамилия. Стал спрашивать, кто принес его. Ответили, что он лежал на столе до того, как все пришли на работу. Отыскал уборщицу. Она сообщила, что какой-то нивх утром принес его и сказал: «Отдай нашему началь-

нику. Это у меня в амбаре лежало. Я забыл об этих бумагах, а теперь нашел. Может, ему нужно будет?» Я пытался узнать, кто был этот нивх, но она сказала, что не догадалась спросить того об этом.

Я разорвал пакет. В нем лежало несколько тетрадных листков. На них очень скверной транскрипцией было что-то записано на нивхском языке. Из русского перевода, приложенного к записи, я понял, что это любовная песнь.

Благодаря переводу я стал немного разбираться в тексте, но все же мне это было очень трудно. Времени на восстановление текста почти не оставалось. Надо было уже собираться к отъезду. Тем не менее я вышел из Ревкома и пошел на базар, надеясь встретить какого-либо нивха. Действительно, я встретил двух нивхов, которых попросил помочь мне разобраться в нивхском тексте. Тут же на базаре, устроившись за одним из прилавков, мы восстановили текст и сделали более точный его перевод.

Когда работа была закончена, стало понятно, что эту любовную песнь какая-то нивхинка продиктовала какому-то русскому, по-видимому, политическому ссыльному, уезжавшему с Сахалина. Нивхи не ездят на подводах, следовательно, речь могла идти только о русском. Песнь волнует своей непосредственностью, чистотой своих чувств.

«Живя в Кезирово, в верховьях и низовьях реки
Лишь о тебе разговоры слышала.
К причалу спустившись, вдаль взглянула.
Лишь одна вода видна.
Как заяц, посереди острова живу.
Шум от твоей телеги по земле разносится.
Колокольчиков звук только и слышала,
Когда к вершинам осин поднимаясь,
он [среди них гудел].
По пути, хоженному тобой, иду.
Разыскивая место твоего пребывания, сюда вошла.
Пустота лишь одна.
В пустоте сидела.
Ый-ый! Тоска.
Когда глаз много,
Ты-то тогда разве вспомнишь обо мне?
Когда разговоров много,
Разве ты тогда вспомнишь обо мне?
Твое изображение лишь вместо тебя берегу.
Под горло свое положив, вместо тебя берегу.

Ты-то так обо мне разве думаешь,
[что я о тебе так думаю]?
Когда засыпаю, и тогда о тебе вспоминаю.
О тебе лишь расспрашиваю.
И вечером и утром через Арковскую гору
Новости о тебе лишь слышу:
«Завтра придет, послезавтра придет».
Новости о тебе только слышу.
Там вдалеке хотя бы увидеть тебя хотела.
[Вот] пришел.
Вверх и вниз по реке, минуя меня, ездишь.
Когда я о твое известие услышала,
Моя левая слеза, капнув, упала.
Правое подколено, обессилев, согнулось.
Естественно, если я, отощав [от тоски по тебе],
Заболела, разве колено не подогнется?
Через тундру Нозбро место твоего пребывания
пойду искать.
Когда до середины тундры дошла,
Правое подколено, ослабев, подогнулось.
[Тогда] отдохнула.
А ум-то думает: быстрее идти надо.
Ведь он-то по этой дороге один день идет,
А я, несколько суток почуя, пойду.
Сил нет.
Правая рука посоха держать не может,
Рука бессильно опускается,
Сжать посоха не могу.
Когда я по дороге, пройденной тобой, шла,
Телеги мне навстречу приближались.
«Он», — подумала.
Когда подъехали, посмотрела... другой.
Сил нет.
Сегодня я в свою деревню спустилась.
На место, по которому ты часто ходил, посмотрела:
Правая слеза на твое сидение [место, на котором
ты сидел], капнув, упала,
Подобно капле дождя.
Ый-ый! Тоска.
С нежностью о тебе думая, сюда спустилась.
Когда на ту сторону реки перешла,
[Напротив верхней речки] телеги приближались.
Ладонь к глазам приспонив, всматривалась:
«Мираж» поднимается (видимо, от застилаемых
слезами глаз. — *Е. К.*).
Когда напротив Белого камня [телегу] увидела,
Мысль радостная [промелькнула].
Будто мать родную высматриваю.
Ты-то разве думаешь, что я тебя ищу?
Когда многих видишь, меня забываешь.
А я, когда сплю, только тогда забываю.
О тебе лишь одном думаю.
Как только уходишь от меня,
Так и забываешь меня.

Лишь когда видишь меня, тогда вспоминаешь.
Когда голодная была, для себя просила,
об этом тоже забыл.
Когда глаз [будет] много,
Разве ты обо мне вспомнишь?
Мое изображение вместо меня береги.
По земным пространствам [по этой земле] когда поедешь,
Обязательно вместо меня береги.
Когда, взгрустнув, обо мне подумаешь,
На мое изображение взгляни.
[И] ум свой успокоив, живи».

Времени на выяснение истории этой песни, того, кем она сложена и кому посвящена, уже не остается.

Если я когда-нибудь снова вернусь на Сахалин, то попытаюсь разыскать следы нивха, принесшего мне эти листки. Они пожелтели от времени, они ветхи, им много-много лет. Удастся ли мне когда-нибудь восстановить историю этой любви нивхинки к русскому?

Глава IV

ИЗ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НИВХОВ

5 июля 1927 года. Необычайно интересны бытующие у нивхов мифы о происхождении земли, животных, людей, а также их представления о душе. У нивхов Сахалина и Амура распространена, например, легенда о множественности солнц и лун. Л. Я. Штернберг опубликовал легенду о двух солнцах и двух лунах. Я записал легенду о трех солнцах и трех лунах.

Вот что мне рассказал об этом сказитель Тугут, живший с женой и детьми в устье р. Оси, впадающей в Чайвинский залив.

«Прежде солнце одно, луна одна были. Людей много, рыбы много, тюленей много, китов большущих в море много было.

Деревьев на горах и на земле много было.

Потом ветер сильный подул. Целый год буран был. Снег падал. Потом смоляной дождь лил.

Затем небо прояснилось. Тогда три солнца взошли, три луны взошли.

В ясную погоду три солнца поднялись, все сожгли. Эта земля вся изломалась, сгорела вся. Люди погибли. Море только было.

Море все кипело. Тюлени и рыба умерли.
Людей нет, рыбы нет.
Потом из моря гора родилась.
Потом из моря земля родилась.
Под кочкой две синицы жили.

Когда погода ясная была, там находясь, от голода мучились. Когда погода плохая была, выходили, пищу искали.

Одна речка была.

Вот ветер подул, погода плохая стала. Синицы вышли. Синица — старший брат к устью реки пошел. Синица — младший брат к истоку поднялся.

Младший брат долго поднимался. Ель одна оказалась. На верх ее сел. Возле реки маленькое озеро было. К этому озеру спустился. Маленьких червяков множество. Одного съел — вкусно. Досыта наелся. Вот червячков натаскал, лапами захватил, в рот забрал, в свое жилище потом понес.

Погода проясняться стала. Тогда Синица-младший спрятался. Синица-старший ничего не нашел, своего младшего брата искал. Потом увидел. Синица-младший своего старшего брата накормил.

В свое жилище пошли. Погода хорошая стала. Здесь, под кочкой находясь, ели.

Синица — младший брат своему старшему брату говорит: «Еды много. Когда погода испортится, вместе пойдем». (Они не выходили, потому что при хорошей погоде было очень жарко. — *Е. К.*)

Вот погода испортилась. «Ну, пойдем». К месту еды пошли. Старший на верхушку ели сел. Младший ниже сел. Так сидели. «Ну, будем есть». Старший брат сказал: «Погоди! У (этого) старого места еды хозяев что ли нету? Сегодня придут».

Тогда сверху, со стороны верховьев реки, звезде подобно красная птица спустилась — Золотая птичка одна прилетела. Еще белая одна спустилась — Серебряная птичка одна прилетела.

Синица-младший и Синица-старший по другую сторону реки сидели. Старший сказал: «Ну, спустимся, кушать будем». Младший ответил: «Это хозяева пришли».

Золотая птичка сказала: «Вы пищу хозяев ведь едите» — и вверх улетела.

Серебряная птичка сказала: «С вселенной воевать пойду» — и к небу улетела.

Тогда старший брат спустился, червячков ел, насытился. Насытился до того, что раздулся. Младший брат сказал: «Ты, к месту чужой еды придя, ешь. Ну, уходи!» Синица — старший брат взлетел, поднялся.

Синица — младший брат на верху ели сидел. Посидел, потом тоже к небу поднялся. Долго вверх летел.

Вот сверху упало что-то: Синица — старший брат, уставши, упал. «Ты что, кончил?» — младший спросил. «Да», — ответил старший.

С неба опять белое что-то падало. Синица — младший брат спросил: «Серебряная птичка, ты что, кончила?» — «Да».

Синица — младший брат вверх летел. Золотая птичка, в небо поднявшись, села. Синица-младший сказал: «Опять пойдем». Потом подошел, толкнул ее — перья только полетели.

Золотая птичка, медведем став, пошла. Синица-младший по следу медведя пешком пошел. К речке одной пришел. Медведь, здесь находясь, спал.

«Ну, опять пойдем», — Синица-младший сказал. Подошел, толкнул — шерсть только полетела. Ищет, нет медведя. В маленькую речку заглянул... форель одна в ней плыла. Синица-младший в воду вошел, форелью стал, следом за ней к верховью речки поплыл.

К дереву одному приплыл. Форель одна под ним, в воде находясь, пребывала. Младший сказал: «Ну, пойдем». Подошел, толкнул — чешуя только полетела.

Ищет — нет форели. Видит человеческий след по песку на берег поднимается. Синица-младший по этому следу пешком поднялся. Поднимаясь, жилище одно на столбах увидел. В жилище вошел. Очень богатое жилище.

Синица — младший брат хорошим человеком стал, Золотая птичка хорошей женщиной стала.

Синица-младший сказал: «Ну, опять пойдем». «Я куда пойду? Я в свое жилище пришла». «Если идти не хочешь, я тебя возьму». «Нет, (пока) эти солнца живы, месяцы живы, я не пойду. Я хозяина имею», — Золотая птичка-женщина сказала.

Четыре ночи тут спала. Утром, вставши, сказала: «Я к своему хозяину пойду».

Эта женщина вот ушла. Куда-то сходила, потом вернулась: «Хозяин тебя зовет, иди!» Синица-младший пошел. В большое жилище вошел. Большой старик в нем один находился.

Большой старик спросил:

«Ты жену взять пришел?». «Да», — Синица-младший

ответил. Старик сказал: «Выйди, большое дерево свалив, разруби».

Тогда Синица-младший дерево срубил, порубил. Потом воду набрал, в большой котел налил. Затем огонь под котлом разложил.

Вода закипела. Этот старик железной лопатой огонь пошевелил. Синица-младший в огонь дрова подложил. Тогда старик лопатой Синицу-младшего подхватил, в котел бросил. Все закипело: и одежда и мясо. Потом вода выкипела.

Старик из котла все кости взял, белым шелком обвернул, *«пфу»* так сделав, бросил. Тогда Синица-младший, в железного человека превратившись, неподалеку отойдя, встал.

Старик за жилище пошел. Оленя с шерстью, росшей в обратную сторону, крылья имевшего, подобно птице, ему дал.

«Эта вселенная изломалась, люди все погибли, рыба вся погибла, по земле ходящие звери все погибли».

Потом старик костяной лук один и стрелы ему дал.

Двумя стрелами два солнца убей. Солнце одно оставь жить. Этими двумя две луны убей, луну одну оставь жить. Тогда человек появится, рыба появится, земной зверь появится».

Синица — младший брат на оленя сел, поехал. Долго ехал.

Солнце одно взошло. Стрелой одной выстрелил. Небольшое солнце вот умерло. Еще одному солнцу дал подняться, опять выстрелил, убил. Два солнца убил. Теперь к лунам поехал, две луны убил.

Синица — младший брат назад поехал. Темно. Долго ехал. К старику возвратился.

Вот старик толстую лиственницу одну свалил, порубил. Воду принес, полный котел налил. Под котлом огонь разложил. Вода вскипела. Тогда солнца и луны убившего человека лопатой в котел бросил.

Вода вся выкипела. Старик из котла кости взял, в шелковую материю завернул, *«пфу»* так сделал, тогда Синица-младший в хорошего человека обратился, человеческая кожа на нем стала.

Тогда старик сказал: «Теперь люди народятся, птицы, тюлени и рыба народятся. Теперь пойди, Золотую птичку-женщину в жены возьми. Богато живи!»

Синица — младший брат и Золотая птичка поженились. Они людей родили. Синица — старший брат и Серебряная птичка тоже поженились. Они тоже людей родили».

А вот другая легенда, рассказанная Тугутом.

«Когда земля сделалась, Тайгн"анд на олене приехал, реки делать приехал. Тайгн"анд в горы верхом на олене поехал, речки делать поехал. Прутом оленя бил. Олень сюда ходил, туда ходил, извивы [реки] делал. Потом прутом землю бил, маленькие притоки делал. Тайгн"анд в гору поднялся, песок за пазуху положил. Вот возвратился, из-за пазухи песок в море высыпал. Тогда кета пришла, к песку [в верховьях реки] пошла. Так Тайгн"анд ее в реку привел. Когда кета пришла, люди ели, медведь ел, лиса ела, разные маленькие птички — все ели, все плодиться стали.

На реке Лярво камень есть. Его называют Тайгн"анд-тлан" и — олень Тайгн"анда. Это, наверно, от тяжелой работы его олень там упал.

К югу от Лунского залива, между реками Мать"и и Пилен"и, есть две маленькие речушки. Между ними есть углубление, которое называется Тайгн"анд-сарг'уф — место отдыха Тайгн"анда. Там видно, где лежала его голова, а где — ноги. Голова его лежала по направлению к югу — Ногам земли, а ноги к северу — Голове земли».

Первые собаки, белки, по рассказам стариков, упали на землю с неба.

О происхождении людей старик Пигзун рассказывал следующее. Первые люди произошли от деревьев. Нивхи родились от сока, капавшего из лиственниц. Оттого и лица у них темные, как кора лиственницы. Ороки родились от капавшего сока березы, а айны — от сока ели.

Чурка и Плетунка подтвердили мне правильность этого рассказа.

На Охотском побережье Сахалина и на Лиманском побережье материка мне рассказывали о мифических карликах. На Сахалине их называли *т'аг"рнявапк* (от *т'аг"р* — «бурундук»), потому что из одной шкурки бурундука для них выходила шуба. На материке их называли *нёньн"ых*. Если на берег Сахалина выбрасывало кита, они привязывали его к колышку веревкой, сплетенной из травы *к"он"г:он"*. Когда карлики тянули кита по суше, то пели песни. Если же кита относило отливом

в море, они горько плакали. Карлики на Лиманском побережье были, по рассказам нивхов, столь могучи, что своими заплечными носилочками могли убить медведя.

Живые существа, по представлениям нивхов и народов, стоящих на одинаковой с ними ступени культурного развития, имеют две сущности — тело и душу. К вере в душу люди пришли на основании неправильного истолкования сновидений, поскольку во сне единая материальная сущность человека как бы раздваивается на тело и его двойника, видимого во сне.

Существование у человека двойника — души, называемой нивхами *техн",* настолько бесспорно для них, что на Сахалине и материке я встречался с одними и теми же представлениями о ней.

Колка Наёнка говорил: «Вот я с тобой сижу здесь в Ныйво и разговариваю, а моя душа может в это время в другое селение уйти. Если ее увидит нивх, который меня знает, то он возьмет любую палку, понесет ее в жилище и скажет: *Колка прыя! п'рафто винатэ!* — «Колка приди! В свое жилище войдем!» Это он сделает так для того, чтобы спасти мою душу».

Чуть не за тысячу километров от мест, где живет Колка, на Амуре, я слышал об этом же от Кыйдыка. По его словам, душа как бы предчувствует смерть человека и бродит в поисках средств, которые бы спасли его. Поэтому случается иногда такое: «Ночью человек спит в жилище, но другие его обитатели вдруг слышат голос этого человека на улице. Это означает, что душа его бродит вне жилища. Чтобы помочь спящему, надо немедленно выйти на улицу, взять щепку, окликнуть душу по имени спящего и сказать ей: *яг"р уркри, уркри ныи"дьи"а? уг"рут тывг"нытэ!* — «Зачем ночью бродишь? Вместе в жилище войдем!»». После этого входят в жилище, вносят в него щепку, которую тихонько кладут под голову спящего. Считается, что вместе с ней в жилище вносят его душу.

От спасения мифической души человека зависит, по представлению нивхов, жизнь ее носителя. Щепку либо палку в этом случае берут, конечно, не случайно — достаточно вспомнить рассказ о происхождении нивхов от деревьев.

Нивх может испугаться своей души. Иногда в лесу во время охоты он может услышать шорох позади себя. Он

испуганно оглядывается, но никого не обнаруживает. В этом случае говорят, что он *п'сехн"-клунд* — «своей души испугался».

Нивхи убеждены в существовании души так же, как мы убеждены в том, что за данной минутой, ушедшей на прочтение этой строки, последует другая минута и другая строка. В двадцатых числах ноября 1927 года, когда я находился в Чайво, мне рассказывали, что несколько дней назад в Тямгво у нивха Огзана умерла жена. Она лежала уже на наре с перевязанными коленями. Через сутки она якобы ожила, поднялась, оперлась спиной о стену и сказала мужу: «Пойдем со мной в селение мертвых. Я туда уже ходила, отца и мать видела. Они там богато, хорошо живут. Юколы много имеют. Пойдем со мной». Муж ей ответил: «Зачем я с тобой пойду? Мне тут хорошо». После этого жена снова умерла. Через несколько дней 1 декабря 1927 года меня увидел старик Моклей и спросил: «Ты слыхал? Наш гиляк недавно в Млыхво ходил?». Он спрашивал меня об этом как человека, который убежден в существовании души и селения мертвых, как он сам.

Некоторые части тела также имеют свои души. Однажды я присутствовал при том, как Тан, сын Моклея, чистил ружье. Одним глазом он ничего не видит, так как однажды испортил его, разряжая ружье. Я выразил сожаление по поводу того, что он теперь одноглазый.

— Ничего, — сказал Тан, — товарищ из больного глаза к своему товарищу в здоровый глаз кочевай (т. е. перешел. — *Е. К.*). Теперь один глаз как два смотрят.

Под «товарищем» он подразумевал душу глаза — отражение человека в зрачке.

Можно предполагать, что душа, по представлениям древних нивхов, помещалась у человека на голове, в волосах макушки. Хуган из Ныйво мне говорил, что когда у ребят выстригают волосы, то на макушке обязательно оставляют несколько волосинок, которые называют *техн"-к'у-н"амх* — «волосы, в которых душа находится».

В одном предании, записанном в Чайво, говорится, что нивхи «срéзали волосы на макушке» у врага. Придя к себе в селение, он скончался. Это единственное предание, в котором мне встретилось указание на то, что в очень-очень отдаленные времена нивхам, возможно, было известно скальпирование.

Как человек, так и его душа, по представлениям нивхов, не находятся в безопасности в окружающем мире. Как человеку угрожают опасности в виде зверей, птиц, гадов, насекомых, так и его душе угрожают всевозможные злые духи, которые охотятся за ней и не прочь ощутить ее вкус на своих зубах. Эти злые духи называются у нивхов *милк,* или *кинр* (С. д.) и *кинс* (А. д.).

Нельзя не отметить в древних представлениях нивхов две примечательные вещи. Слова, обозначающие лесных людей-духов *(палниг"вн")* и морских людей-духов *(тол ниг"вн")*, сочетаются в фольклорных сказаниях с категорией числительных для счета людей — *н'энн", мэнн"* и т. д. Слова же *милк, кинр,* обозначающие злых духов, сочетаются в таких же сказаниях с категорией числительных для счета животных — *н'ан, мар* и т. д. Следовательно, в глубокой древности мир благосклонных духов имел в воображении нивхов человекоподобный характер, а мир злых духов ассоциировался в их воображении с миром угрожавших им зверей и имел поэтому звероподобный характер. Правда, в современном фольклоре духи уже выступают как люди.

В связи с тем что нивхи жили в условиях родового строя, каждый род имел не только родовые угодья, родовые площадки для убиения медведей, родовые кладбища и т. д., но и родовых духов — как благосклонных, так и злых. К благосклонным относятся духи гор — *пал ниг"вн"* и духи воды или моря — *тол ниг"вн".* Примечательно, что весь религиозный ритуал нивхов направлен на установление доброжелательных отношений между ними и этими благосклонными духами, от которых, по представлениям нивхов, и зависит удача во всех промыслах — рыболовстве, охоте на тюленей, охоте на лесных зверей.

Что касается злых духов, то мне ни разу не довелось видеть, как нивхи приносили им какие-либо жертвоприношения. Эти духи, по представлениям нивхов, были хоть и опасной, но относительно мелкой нечистью, которой надо просто остерегаться и не иметь с ней дела. Представления нивхов о злых духах, видимо, менее детализованы, чем представления о горных людях-духах и морских людях-духах.

21 мая. Селение К'ек"рво. Говорю сказителю Феуку, что, идя к нему, увидел на священном медвежьем помо-

сте нивхов рода *Ахрвонн*" дохлую крысу. Феук сразу же сказал:

— Х-ы! Однако *кинр* — черт — сделал.

Спросил его:

— А где здесь живет *кинр* — черт?

Находившийся в это время у Феука в гостях старик Аньханьх ответил:

— Тут старая деревня Х·онтк"в"о есть — там черт живет.

— А что, нивхи боятся туда ходить?

Аньханьх ответил:

— Я так не боюсь, черт своих сородичей [свой *к'"алн"*] не пугает.

— Как не пугает? — возразил Феук. — Меня не пугал, а брата и Валина гонял!

Феук и Аньханьх не разыгрывали для меня спектакль. Этот случайно возникший разговор отражает мир представлений, которыми живут нивхи Охотского побережья Сахалина. Подобных разговоров я слышал множество. Этот же я привожу лишь для того, чтобы подчеркнуть убежденность нивхов в том, что каждый род имеет не только своих добрых, но и злых духов.

Представления о добрых и злых родовых духах у нивхов впервые отметил Л. Я. Штернберг [27,93].

Кроме злых духов, именуемых нивхами *милк, кинр,* или *кинс,* по их представлениям, есть еще злые духи, именуемые *вэгр.* Они могут быть лесными и морскими. Амурские нивхи считают, что есть еще разряд злых духов, называемых *сывркг,* которые водятся в горах, море и на небе. Встречаются еще и *уньрк* (С. д.) — людоеды.

До изучения жизни нивхов я предполагал, что чем ниже уровень хозяйственного и общественного развития народа, тем проще его жизнь. Однако теперь я убедился в том, что и хозяйственная, и общественная, и духовная жизнь нивхов чрезвычайно сложна. Огромная доля усложнения этой жизни обусловлена их анимистическими представлениями, от которых они не в состоянии пока еще избавиться. Эти представления опутывают всю жизнь каждого нивха и каждой нивхинки от рождения до самой смерти.

Особенно сильно усложняют жизнь нивхов их представления о душе. С момента рождения человека и даже после его смерти нивхи постоянно заботятся о его душе.

Судьбы душ умерших людей, по их представлениям, не одинаковы. В связи с этим и с заботами о душе существует множество обрядов.

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА И УХОД ЗА НИМ

20 июля. Нивхи очень любят своих детей, но вследствие незнания истинных причин зарождения плода, его роста, рождения, болезней и смерти младенца они прибегают к огромному количеству всевозможных средств, чтобы помочь ему родиться и спасти его от гибели.

По представлениям нивхов, женщина может зачать при условии, что в чрево ее вселится душа. Одно физическое сближение особей для этого считалось недостаточным. Вероятно, поэтому беременность женщины у нивхов нередко связывается со сновидениями. Так, нивхинка верит, что если в сновидении взяла ложку, кольцо или серьги, то у нее родится девочка. Если же ей снится, что она взяла лук, колчан для стрел или палочки для еды, то родится мальчик. Старуха из селения Хои, расположенного на берегу Татарского пролива, говорила мне, что если во сне женщина на берегу моря поднимет морской организм *в"эх,* напоминающий по форме отцовский орган, это означает, что у нее будет мальчик. Если же она поднимет там морской организм *кэр,* напоминающий материнский орган, у нее будет девочка. Точно так же в селении К'ек"рво на Охотском берегу Сахалина считалось, что если женщина во сне берет что-то в лесу, на берегу моря, реки, значит, душа младенца приходит к женщине соответственно со стороны гор или моря.

Чурка серьезно уверял меня, что если женщине во время беременности либо до нее приснится, будто она взяла птичку, то ребенок скоро умрет, так как душа младенца в этом случае может далеко улететь и ребенок умрет.

Все эти сообщения сходятся в одном — души детей женщина получает во сне.

Вселение души в чрево женщины представляется нивхам чем-то весьма реальным. Ведь и о человеке, лишившемся рассудка, они говорят *милк-рэгнд,* или *кинртэгнд* — «злой дух вселился». Значит, вселение беса в человека рассматривается в данном случае как причина его тяжелой болезни.

Возможно потому, что причина беременности женщины была не вполне ясна, беременная женщина у нивхов признавалась опасной для всего, что связано с мужским охотничьим промыслом. Так, беременной женщине во время весенней охоты на нерпу запрещалось выходить на берег моря и смотреть прямо на плывущие в море льдины. Нивхи говорили, что «лед рассердится и морские льдины снова прийти не захотят». Поразительно, что морские льдины в нивхских преданиях рассматриваются как живые существа, одаренные волей.

На нивхов, у которых были беременны жены, также падают некоторые запреты. Так, во время ловли рыбы способом *лэрд* на р. Оси, впадающей в Чайвинский залив, таким нивхам запрещают ходить по льду реки, на которой происходит ловля рыбы.

Поняв, что она беременна, женщина сразу же принимает ряд мер, чтобы сохранить плод и облегчить роды. Во время беременности она выполняет все домашние работы, в том числе и тяжелые — колет дрова, носит воду. Эти работы, по представлениям нивхов, не опасны для нее. От работ же, опасных для плода, она воздерживается. Таковыми, по мнению нивхов, являются плетение невода, шитье одежды и обуви, в особенности если изготовленные вещи будут отданы на сторону. В это время женщина не употребляет соль, некоторые виды рыб: форель, красноперку, красную рыбу, а также рыбу, выметавшую икру, рыбу соленую и копченую.

Если убита беременная самка тюленя, то требуется выяснить, когда она родила бы детеныша. Если до предполагаемых родов беременной женщины, то она может есть мясо убитого животного, но если после, — не может.

В основе этих запретов лежат, конечно, запреты религиозного порядка. Соль, соленая, а также копченая рыба — сравнительно новое явление в быту нивхов. Религиозные же запреты связаны с древними обычаями. Естественно, что в такой исключительно важный для жизни женщины период ей запрещалось употреблять эти новые, чужеродные в быту нивхов виды пищи.

Что послужило причиной запретов на употребление в пищу того или иного вида рыбы, сказать трудно.

Беременной женщине рекомендовалось рано утром выйти за селение, расстегнуть одежду и обнажить живот,

чтобы первые лучи солнца упали на него. При этом никому не следует видеть, что она это делает.

Муж беременной также обязан заботиться о благополучном исходе родов жены. По представлениям нивхов, его неосмотрительные действия могут даже привести к несчастьям. Поэтому он обязан месяца за два до родов жены воздерживаться от связывания нарты, плотного сколачивания предметов, ковки железа. Особенно нежелательно и опасно в это время связывать предметы узлом.

В селении Танги при мне погружали в море большой ставной невод. В качестве якорей на дно моря спускали мешки с песком. Три нивха не насыпали в мешки песок и не завязывали их, потому что их жены были беременны.

Нивхи глубоко уверены в правильности этих представлений. Так, Курчук рассказал мне, что за два дня до рождения своей дочери он нес на спине мешок с мукой, который прикрепил веревкой к плечам. Родившаяся девочка была обмотана пуповиной точно так же, как он обмотал себя веревкой. А у Пнаргуна родился мертвый ребенок (он был задушен обмотавшейся вокруг шеи пуповиной) якобы потому, что в начале лунного месяца, в котором должна была родить его жена, он задушил нескольких щенят, недавно появившихся на свет.

В дни, близкие к родам, говорили некоторые нивхи, даже запрягание собак в нарту может оказать дурное влияние на исход родов. Если поездка неотложна, то отец будущего ребенка должен попросить кого-нибудь из посторонних надеть ошейник на собак.

Все это, видимо, объясняется тем, что плод в утробе матери, по представлениям нивхов, привязан пуповиной. Не случайно выкидыш по-нивхски называется *рырунт* — «отвязать», «отвязался»; *шан"к"рырунт* — «женщина выкинула» (букв.: «женщина его отвязала»).

Родить в жилище женщине запрещалось. Ведь роды связаны с выделением крови, а перед менструальной и родильной кровью женщины у мужчин-нивхов существует мистический страх. Поэтому при приближении родов муж устраивал невдалеке от жилища шалаш, который покрывал еловыми ветвями. «Сбитый из жердей, — писал Б. О. Пилсудский, — покрытый в два ската старым корьем и травою, низкий, устланный сухою травою, балаган напоминает скорее нашу собачью конуру, чем приемный

покой для имеющего прийти на свет нового жильца, радостно поджидаемого его родными» [17, 2].

Родильный шалаш называется *лан"раф*. Кыйдык говорил, что слово *лан"* означает пар, идущий от новорожденного. Однако я не уверен, что это объяснение верно, так как словом *лан"и* называют ребенка, рожденного от кровосмесительства. Вторая часть этого сложного слова *раф* образована от *таф* («жилище»).

В середине шалаша кладут железный топор: «Он черта отбросит, чтобы черт в родильный шалаш не вошел». Когда люди, жившие в условиях каменного века, впервые ознакомились с железом, сокрушавшим любого зверя, они, естественно, использовали его также для устрашения злых духов. Старуха Тюйк говорила, что на Амуре родильный шалаш для роженицы не устраивался. Для нее делали заслон, закрывавший женщину только с одной стороны. Из ее объяснений я понял, что такой заслон ничем не отличался от заслона, который устраивается для собак. Проходить возле заслона во время родов никто не должен, иначе ребенок в чреве роженицы якобы поднимется вверх. Зимой перед заслоном, чтобы жена не замерзла, муж разводил костер и все время поддерживал в нем огонь. Вместе с роженицей под заслоном находилась старуха, которая сразу же клала новорожденного себе за пазуху и согревала его своим телом. Если рождался мальчик, роженица находилась под заслоном трое суток, если девочка — четверо. Лишь в случаях исключительной непогоды роженицу после рождения ребенка брали в жилище и помещали на полу на худшем месте — между нижним краем нар и дверью. Видимо, старуха не всегда находилась с роженицей, так как Кыйдык рассказывал, что зимой новорожденный замерзал, если мать не успевала сразу же завернуть его или плохо завертывала. «Ребенок, застынув, умирал», — говорили нивхи [*о:ла лиг"рр мудь* от *о:ла* — «дитя», *лиг"рдь* — «застывать» (о студне), *мудь* — «умереть»].

Когда беременная собирается уходить в родильный шалаш, то, говорят нивхи, «что она ранее (т. е. до своей беременности. — *Е. К.*) сшила, что позже сшила, она распарывает. Если женщина этого не сделает, она мучиться будет, ребенка родить не сможет. Женщина свои косы полностью расплетает. Ее муж тоже свои косы расплетает».

Муж, совершенно правильно сообщает Б. О. Пилсудский, «развязывает на себе все: волосы, сплетенные в косы, пояс, ремешки у обуви, нарукавники. Развязать также необходимо и все, что могло быть в доме в это время завязанным на узел или привязанным к чему-либо; на дворе муж вынимает топор, если он забит в колоду, нож, если он воткнут в стену. Отвязывается лодка, если она привязана к дереву, разряжаются ружья, самострелы. Муж, распоясанный, как бы слабый слоняется из угла в угол или лежит на нарах, ничего не делая, обдумывая лишь, не надо ли еще что-либо развязать или вынуть, так как боли жены при родах и продолжительность их зависят от забывчивости мужа и невнимательности его с этой именно стороны» [17, 5]. Муж развязывает части нарты, если он ее связал во время беременности жены, разнимает крепко закрытые коробки, туесы.

Однако действия мужа не ограничиваются тем, что он только развязывает и разнимает различные вещи. Он, как мне неоднократно говорили нивхи, должен пойти к родильному шалашу жены и сказать ей: «Связанные и положенные тобою вещи я все развязал. То, что мною ранее сделано, я разломал (разобрал на части), то, что мною позже сделано, я тоже разломал (разобрал на части), гвозди все повытаскивал».

Старуха Тюйк говорила мне, что на Амуре нивхинка рожает стоя на коленях и опираясь локтями и предплечьями о землю. Голову она кладет на предплечья, лежащие на земле. Стонать и кричать роженица не смеет.

На Сахалине, устраивая родильный шалаш, делают там некоторое возвышение, на которое женщина может опереться руками и головой во время родов. Об этом рассказывали мне и нивхинки. Они только прибавляли, что, если женщина закричит, ребенок в животе вместо того, чтобы пойти вниз, поднимется вверх и ей тогда придется больше мучиться при родах.

Вместе с роженицей в шалаш входила старуха. Старуха перевязывала живот беременной (видимо, для того, чтобы ей легче было родить). После этого роженица-нивхинка снимала с себя верхнюю одежду и стоически переносила процесс рождения человека.

Если роды проходят трудно, то в шалаш к роженице входит женщина и, сделав рассерженное лицо, неожи-

дано ударяет ее полой халата по лицу. Затем она выходит из шалаша, так и не сказав роженице ни слова. После этого роды, по мнению нивхов, проходят благополучно.

Старуха все время наблюдает за роженицей. Когда последняя родит, она помогает ей перевязать и отрезать пуповину. Пуповину отрезают специальным ножичком *к'ырвалдяк"о,* который употребляется только для этой цели. Ничего иного им резать нельзя. Каждая женщина имеет свой ножичек. Остаток пуповины, чтобы она не ушла в чрево, привязывают к бедру роженицы.

Детское место у нивхов называется *эх"лн" иньд* — «еда ребенка». Когда оно отойдет, старуха завертывает его в траву и натыкает на жердь. После того как у ребенка отпадет пупок, жердь с детским местом уносят в тайгу и втыкают около дерева с развилкой так, чтобы она не упала и звери не съели детское место.

Когда детское место отходит, старуха бросает в костер камень и ждет, чтобы он раскалился. Затем она берет ствол тальника и соскабливает (но не состругивает) с него тоненькую стружку. Наскоблив достаточное количество стружки, она кладет на нее раскаленный камень, который сверху также покрывает стружкой. На эту стружку и садится родившая женщина, а дым от тлеющей стружки окуривает ее.

Старик Плетунка из селения Хои говорил мне, что у них очищение женщины производится на ветвях пихты, а не на стружках тальника, причем зеленые ветки пихты бросают не на раскаленный камень, а на кучу горячих углей. Старуха же Тюйк сообщила, что на Амуре нивхинок после родов не окуривают.

Во время моего пребывания в селении Чайво у старика Моклея родился сын. Он велел своей жене откусить у младенца левый мизинец и проглотить его. У Моклея умерло много детей и этой крайней мерой от хотел уберечь новорожденного от смерти, но жена отказалась выполнить его требование. Тогда Моклей убил собаку, отрезал ей голову и повесил на родильный шалаш жены. Потом он взял кишки собаки и обмотал ими сверху шалаш, в котором находились его жена и новорожденный. Кто же лучше собаки предохранит его младенца от злых духов? В связи с поведением Моклея я вспомнил, что однажды, когда я сидел в летнике Чурки, его жена Рур-

нет, обнимая руками свою девочку Ягит, стоявшую между ее коленями, вдруг спросила меня:

— Ты кого больше жалеешь (т. е. любишь. — *Е. К.*) — парнишку или девчонку?

У меня еще не было ни того, ни другого, и я ответил ей, что, кем бы ни был ребенок, его одинаково любишь.

— А я больше парнишку жалею, — сказала Рурнет. — Девчонка быстро уходит к другим людям и ее потом один-два раза увидишь, а парнишка всегда со мной, всегда его жалеешь.

Потом она спросила меня:

— Скажи, ты понимаешь, зачем так надо делать? У меня много парнишек помирало. Потом Заган родился. Чурка и старики велели мне откусить мизинец на его левой руке и проглотить. Страшно было! Очень страшно! Но я сделала так, чтобы парнишка был живой. Теперь Заган живой! Потом Н"ыудин родился, и он тоже живой. Скажи, ты понимаешь, зачем так надо делать? Я не понимаю, только такой у нас закон.

Бедная Рурнет, она в упор смотрела на меня, как бы спрашивая, что я думаю о поступке, который ее заставили совершить вопреки ее чувству матери! Легко ли матери решиться откусить кусок плоти своего младенца, даже во имя его спасения? Вот жена Моклея отказалась это сделать. И разве Рурнет легко было это сделать?

Какой же смысл мог иметь этот страшный обычай, продиктованный человеколюбием?

Чурка объяснил мне, что в левом мизинце младенца живет душа. Откусывая левый мизинец новорожденного, нивхи хотели показать злым духам — врагам людей, что ребенок уже съеден, что его уже не существует. Тогда злые духи оставят его в покое, и рожденное в муках дитя будет жить.

Когда роженица может уже выйти из шалаша, отец или мать берут ребенка и несут в жилище. Однако при этом они стараются запутать следы так, чтобы злой дух, охотящийся за душой ребенка, был сбит с толку.

У нивхов, живущих на Тыми, как мне рассказал Очи, существует такой обычай.

Отец вносит ребенка в жилище. Если родился мальчик, то заранее у внутренней стороны порога отец ставит котел и кладет в него кремень. Когда отец вносит маль-

чика в жилище, он заставляет его ножкой или обеими ногами наступить на котел. Затем отец кладет сына на лопату, заранее положенную им подле нары. На младенца он кладет и мусор с пола, и траву, которую носил уже в обуви в качестве стельки. После этого *нен*" — дочь его сестры (переступить через ребенка может также дочь неединоутробного брата) три раза переступает через лежащего на лопате мальчика. Потом отец проталкивает лопату вместе с лежащим на ней ребенком под нары до самой стены. Там, у стены, он вытаскивает ребенка из-под нар и укладывает его на них.

Моклей в Чайво поступил иначе. Он прорыл под нижним бревном задней стены жилища большое отверстие и просунул сквозь него наружу деревянную лопату. Жена Моклея, выйдя из родильного шалаша, отнесла ребенка за жилище, положила его на лопату, а Моклей втащил его на лопате в помещение. После этого он дотащил ребенка на лопате до порога и положил его возле него. Затем в жилище вошла *нен*" и переступила одновременно через порог и ребенка. Потом Моклей положил ребенка на нары, и лишь затем уже в жилище вошла мать ребенка.

Понять рассуждения и действия этих заботливых родителей не так уж сложно. Болезнь ребенка и его смерть вызываются, по представлениям нивхов, злыми духами, которые гонятся за беззащитной душой младенца. Значит, надо обмануть злых духов, которые будут стеречь его у входа в жилище. А для этого нужно внести ребенка в жилище сквозь дыру, а не через дверь. Мать же войдет в жилище без ребенка. Тогда злые духи будут сбиты с толку: ребенка нет — значит, не за кем охотиться. Набрасывание мусора и выношенной травы на новорожденного преследует ту же цель — злой дух убедится, что это не ребенок, а всякий мусор и отстанет от дитяти и его родителей. Переступание чужеродки через ребенка символизирует, по-видимому, акт рождения — ребенок на мгновение оказывается между ее ногами. Увидев это, злой дух отстанет от ребенка, потому что посчитает, что ребенок принадлежит чужому роду, где он вредить не в силах.

Если у родителей умирало много детей, то отец иногда производил обряд обдымления ребенка. Для этого вблизи жилища он раскладывает небольшой костер, на

который набрасывает ветки свежей ели. Завернутого ребенка он держит над дымом еловых веток и говорит, обращаясь к огню: «За своим ребенком хорошо наблюдай, чтобы он никогда не болел, хорошо рос. Поглядывай, чтобы у него вины не было». Нивх, сообщивший об обряде, так пояснил эти слова.

— Огню говорят, чтобы он наблюдал за своим ребенком, потому что наши дети — все равно огня дети. Чтобы вины не было, говорят потому, что раз человек болеет, значит, он в чем-то провинился. Просто так человек болеть не будет.

Смысла обряда обдымления, идущего из глубокой древности, этот нивх уже не понимал. Между тем в глубокой древности дымом отгоняли злых духов, как отгоняли им диких зверей.

Интересный обряд обмана духов был записан мной от старухи Тюйк. Она рассказала, что в древнее время на Амуре, перед тем как внести новорожденного в жилище, брали три или четыре длинных ствола тальника, раскалывали их пополам, а в середину расщепа вставляли распорку; затем расколотый ствол втыкали в землю. После этого отец протаскивал младенца сквозь расщеп, по другую сторону которого его принимал посторонний нивх. Потом из расщепа вытаскивали распорку, и прут смыкался. Так закрывали дорогу злому духу. Затем ребенка сквозь второй расщет просовывал посторонний нивх, а принимал его отец. Из расщепа снова выбрасывали распорку, и второй прут смыкался. Затем отец снова протаскивал ребенка сквозь третий расщеп и опять выбрасывал распорку. Таким образом, злому духу три или четыре раза преграждали дорогу к младенцу. После этого ребенка клали на лопату и тащили его на ней вокруг жилища. Дотащив ребенка до двери, его на лопате просовывали в жилище через небольшое оконце, которое есть во всех больших жилищах маньчжурского типа. Потом ребенка клали у порога, и через порог и ребенка переступала *мэрг* — дочь сестры отца. Все это проделали с новорожденной дочерью Тюйк отец и тесть Кыйдыка (сказителя, от которого я записывал предания).

Каждому ребенку, вскоре после того как он родится, делают *зихнд,* т. е. обвязывают лучезапястные и голеностопные суставы ниткой, ссученной из волокон крапивы, шерсти собаки и волос старика и старухи. На каждый

сустав мальчика навязывают по три нитки, а на каждый сустав девочки — по четыре. Сначала обвязывают левый лучезапястный сустав, затем — правый. После этого обвязывают левый голеностопный сустав, потом — правый. Шерсть собаки, конечно, должна отпугивать от ребенка злых духов, как сама собака, а волосы старика или старухи должны передать ему долголетие.

Обвязывать ручки и ножки ребенка должен совершенно здоровый человек. Если родители больны, то они просят сделать это кого-либо другого. Человек, производящий этот обряд, иногда дает ребенку рыболовный крючок с привязанной к нему веревкой в три (если это мальчик) или в четыре (если это девочка) метра длины. Этот дар называется *тишын*". Родители ребенка отдают ему взамен другой рыболовный крючок. Считается, что крючок, отданный младенцу, является как бы стражем ребенка, — средством, оберегающим ребенка от злого духа. Его также навешивают над колыбелью, предварительно сделав на веревке несколько узлов.

Собака, шерстью которой обвязывали ручки и ножки ребенка, считается как-то магически связанной с ребенком. Такую собаку нельзя бить, потому что если она после этого заболеет, это может отразиться на здоровье ребенка. Видимо, этой собаке дают съесть выделения ребенка. Ей же скармливают его молочные зубы. Если этой собаки уже нет, то тогда используют другую собаку. Теперь уже она будет считаться магически связанной с человеком. Ее также нельзя бить. Не должна через нее переступать и женщина с месячными.

Когда такая собака состарится, ее душат, причем в процедуре этой обязательно должен принимать участие человек, молочные зубы которого она съела. Мясо убитой собаки не могут употреблять в еду сестра этого человека и брат женщины, зубы которой были скормлены собаке. Если человек умирает до того, как такая собака состарится, ее убивают на его похоронах, чтобы она вместе с ним ушла в загробный мир.

Нивх Могуч из селения Чарбаха на Амуре говорил мне, что в их селении новорожденному ребенку обвязывают только мизинец левой ручки и мизинец левой ножки. Он же рассказал мне, что если у родителей часто умирают младенцы, то при рождении нового ребенка отец приглашает своего зятя либо какого-либо мужчину из рода

зятьев, у которого дети выживают. Приглашенный высватывает себе новорожденного независимо от пола ребенка. Родители делают вид, что согласны его отдать ему, после чего он производит обряд магического обвязывания пальцев на ручке и ножке ребенка. С этого момента злой дух, охотящийся за душой младенца, не может причинить ему вреда, так как ребенок считается принадлежащим другому роду.

Таким образом, магический обряд кругового обвязывания, по представлению нивхов, выполнял функцию защиты обвязываемого предмета от злых духов. Потому нивхи и обвязывают не только суставы ребенка, но и живот беременной женщины (когда сватают ее плод), летнее жилище, зимнее жилище, лодку.

У новорожденного не только обвязывают суставы, но и прокалывают мочки ушей. Считается, что проколы делаются для серег. Но это — позднее переосмысление обряда, смысл и природа которого теперь уже забыты нивхами.

Безусловно обряд этот возник очень давно, и смысл его был иным. Курчук рассказал мне, что когда он родился (а до этого у его матери умерло несколько сыновей), ему в одном ухе прокололи много дырок, чтобы спасти его. Потом эти дырки заросли. Кельм же рассказал мне, что в древности мужчины-нивхи носили в одном ухе серьгу. Если в ухе не сделать отверстия для серьги, то душа человека может навсегда погибнуть после смерти.

Есть предание, по которому возле входа в селение мертвых сидит старуха и просматривает уши умерших. От нее идут две дороги. Если у умершего есть серьга или отверстие для серьги, старуха пропускает его в селение мертвых по хорошей дороге, а если такого отверстия нет, она прокалывает ухо души своим шилом и направляет ее по плохой дороге, где душа и погибает.

После того как новорожденного ребенка внесут в жилище, его кладут в специальное корытце из бересты (рис. 13), которое выстилают заячьими и щенячьими шкурками. В такие же шкурки и заворачивают ребенка, чтобы ему было там тепло лежать.

Решающий момент в судьбе ребенка — отпадение пупка. Когда пупок засыхает и готов к отпадению, старуха, по словам Очи, подкладывает под него палочку и

Рис. 13. Детская колыбель с приспособлением для ее подвешивания. Слева направо: колыбель из бересты, в которую ребенка укладывают на ночь. В колыбели лежит старинное богато орнаментированное приспособление для подвешивания колыбели. Накладка из бересты на половой орган ребенка. Простое не орнаментированное приспособление для подвешивания колыбели. Коробочка из бересты для выделений ребенка, подвешиваемая под колыбель. Из коллекций ГМЭ.

отрезает маленьким ножичком. После этого о ребенке говорят, что он «большим человеком стал» (*х'ан"а янк"ан пила ниг"вн" муфут итнд*).

Пупок ребенка прячут в специальное *инау*, сделанное из тонкого ствола тальника, в самую середину стружек. Края стружек *инау* обвязывают, и получается, что пупок, как в футляр, спрятан внутрь дерева. В верхней части этого застроженного ствола вырезают фигурку человека. В одном из жилищ тымовских нивхов мне пришлось видеть *инау* с запрятанным внутри него пупком, но несколько иного типа. Фигурка человека была сделана из отдельного куска дерева и воткнута в *инау*. От описанного выше это *инау* отличалось тем, что стружки его были отогнуты в обратную сторону и им была придана причудливая форма гриба, повернутого шляпкой вниз. *Инау* с пупком подвешивается над колыбелью или в стороне от нее, но непременно в том жилище, где находится

ребенок. Когда ребенок подрастает, ему дают этот пупок, чтобы он бросил его где-нибудь в лесу. Бросать пупок в воду не разрешается.

Если ребенок родится в плодном пузыре, то пузырь разрезают, высушивают и прячут в *инау*, которое подвешивают возле колыбели ребенка. Когда ребенок подрастет, он может взять это *инау* с плодным пузырем и подобно пупку «потерять», как выражаются нивхи, в лесу.

Имя дается ребенку уже в жилище, причем после отпадения пупка. Если же родители боятся, что злой дух наречет его раньше, то имя ему могут дать и в родильном шалаше. Чурка мне говорил, что если имя ребенку дает злой дух, ребенок умирает.

На Сахалине нивху даются два имени: *ускр к"а* — истинное имя и *лэрун к"а* — «шуточное имя». Так, истинное имя Очи — *Ятькун* (от *ять-нд* — «сдвинуть вниз по течению лодку»), а «шуточное» — Очи. Истинное имя моего проводника — Кельм (от *кэльм-анд* — «перешагнуть»), а шуточное Симаин, почему его по-русски называют Семен. Употреблять истинное имя человека избегают.

Старик Чурка мне говорил, что если объездить весь Сахалин, то нивхов с одинаковыми именами, как, например, у русских, не найдешь. Если два человека будут носить одно и то же имя, это очень плохо. Чурка вспомнил, что в Луньском заливе жил нивх Кайкан. Потом с Амура из селения Каки туда приехал еще один нивх, которого тоже звали Кайкан. Вскоре якобы оба они умерли. Чурка был абсолютно уверен в том, что умерли они из-за того, что носили одинаковые имена.

По словам Чурки, имя можно выдумать, но все же чаще детям стараются давать имена сородичей, умерших три-четыре поколения назад. Мальчику можно взять имя и из рода тестя, но из рода зятя нельзя. Девочкам же, по словам Чурки, дают только имена, бытующие в том роде, в котором она родилась.

Матери до отпадения пупка у ребенка запрещается зажигать огонь на очаге своего жилища, а отцу и всем живущим в этом жилище — работать. Моклей, например, когда у него родился сын, сказал мне, что теперь он не должен работать ни в жилище, ни вне его три дня, а если бы у него родилась дочь, то — четыре. Нарушать это табу категорически запрещается. И это не единствен-

ный запрет. Тан, сын Моклея, при мне переселился в это время в жилище Курчука вместе с женой. Он притащил с собой и сырые шкуры выкормленных и задушенных им лисиц. Оказывается, сушить эти шкуры в жилище, где находится новорожденный, нельзя. Тан сказал мне, что он приготовил зимнее жилище для собак, но теперь ему придется его оставить и после отпадения пупка у сына Моклея, брата Тана, выкопать новое.

Когда пупок ребенка отпадет, его мать готовит студень для кормления очага, а отец совершает вечером обряд кормления, во время которого просит огонь даровать ребенку и домочадцам благополучие. После обряда мать ребенка может на домашнем очаге разжигать огонь и готовить пищу.

Когда обряд кормления огня завершен, производится еще обряд кормления духов — горных и морских людей для того, чтобы они благосклонно относились к новому члену рода.

После этих жертвоприношений для новорожденного изготовляют колыбель (см. рис. 13) из той части дерева, на которую падает первый луч утреннего солнца. В половине ствола дерева, примерно 75 *см* длиной, выдалбливают овальную полость. Верхний конец колыбели, где лежит головка ребенка, — конической формы, и в нем нет никакого специального устройства. Нижний конец заканчивается сиденьем с отходящей от него вниз дугой, вырезанной из того же куска дерева, что и вся колыбель. В самом низу сиденья прорезано небольшое сквозное отверстие. Ребенка помещают в колыбель в сидячем положении, причем ягодички его покоятся на сиденье таким образом, что отверстие в колыбели приходится напротив его анального отверстия. Вся колыбель выстилается щенячьими и заячьими шкурками, в которые заворачивают младенца. Только в том месте, где его ягодички примыкают к отверстию, насыпают труху. Половой орган младенца, мальчика или девочки, покрывается изготовленной из бересты накладкой, называемой *вэтк*". Верхняя ее часть укладывается на животик, суженная часть входит в складки между бедрами и промежностью, а нижний конец спускается к отверстию. Таким образом, выделения ребенка проходят сквозь прорезанное в низу колыбели отверстие. Под отверстием привязывают аккуратно сделанную берестяную коробочку. В коробочку

кладут сухие деревянные гнилушки — на них и стекают выделения. Выделения непременно выливаются в одно место. Если новорожденный — мальчик, то отец срубает через несколько дней после его рождения елочку, навязывает на нее *инау* и втыкает ее в стороне от места туалета женщин, чтобы случайно на выделения мальчика не попала менструальная кровь. Нивхи считают, что если это произойдет, у мальчика глаза помутнеют от крови. Ни рубить, ни ломать эту елочку нельзя. Она стоит обычно до тех пор, пока сама не подгниет и не упадет. Выделения ребенка, находящегося с матерью в тайге, также несут домой и выливают в месте, отмеченном елкой. Правда, иногда их оставляют в лесу, но в этом случае возле них кладут кусочек материи, оторванный от одежды отца или матери: он должен, по объяснению Загана, сторожить выделения ребенка от злого духа.

На ночь мать кладет ребенка в плоскую колыбель из бересты, которую ставит подле себя на нару. В эту колыбель насыпают сухую труху от гнилого дерева, и она вбирает в себя все выделения ребенка за ночь (см. рис. 13).

Для подвешивания колыбели изготавливается специальная планка, которую при помощи ремней прикрепляют к жердям крыши. Длинный ремень обоими концами прикрепляют к обеим сторонам верхней части колыбели. Потом образовавшуюся петлю перебрасывают через планку и подводят под нижнюю дугу. Таким образом, колыбель повисает на ремнях и ей можно придавать любое положение — горизонтальное, наклонное, вертикальное.

Перед тем как уложить ребенка в колыбель, берут несколько маленьких кусочков чаги, употребляемой нивхами как трут, раскладывают их внутри пустой колыбели и зажигают: по убеждению нивхов, дым от трута должен выкурить злого духа, который мог найти в колыбели укромное место и там спрятаться. Если колыбель предназначена для мальчика, в ней размещают три кусочка трута, если для девочки — четыре.

Младенец лежит в колыбели запеленутый и привязанный к ней ремнями. Когда ребенок подрастает, его ручки освобождают и он может ими свободно двигать, играть. Чтобы накормить ребенка, мать снимает петлю с нижней дуги колыбели, кладет колыбель с ребенком к себе на колени либо берет ее на руки и кормит дитя.

Младенцев нивхинки моют своим грудным молоком.

Однажды я открыл дверь в жилище. В нем была лишь одна молодая мать, на коленях которой лежало тельце маленького и беспомощного человечка. Одной рукой она сцеживала на ребенка из груди молоко, а другой, в которой был кусочек белого мха, осторожно протирала каждую складочку на его тельце. Позже я видел, как и Ляфкук мыла грудным молоком своего новорожденного сына. Она сцеживала молоко на тельце ребенка и протирала его. Иногда же она смачивала молоком тряпочку и протирала ею каждую складочку на тельце. Волосы на головке она протирала отдельной тряпочкой.

У нивхов считается, что свойства некоторых животных могут передаваться младенцу. Для этого нужно накормить ребенка какой-нибудь частью тела животного или птицы. Так, по поверью, если накормить ребенка глазом птицы скопы *(ч'фэн''р)*, то и глаза ребенка приобретут особую зоркость, и т. д. Но все это надо делать, пока ребенок еще в колыбели. Ни он, ни кто-либо другой не должны знать об этом.

Для ребенка, как рассказал мне Кыйдык, из березы вырезывают двух человечков, сросшихся спиной. Называется такой идольчик *сайка*. Его обматывают кусочком невода, в который потом втыкают прутик. Если ребенок испугается или заплачет, *сайку* бранят и бьют этим прутиком (видимо, потому, что он не следит за младенцем). Когда едят, возле *сайки* кладут кусочек пищи. В селении Лянгр мне говорили, что *сайку* можно сделать из сухой травы.

Когда ребенку шьют первую одежду, к подошвам первой пары обуви пришивают по пуговице. На мой вопрос: «Зачем?» — Очи ответил:

— Мы думаем, что пуговицы пришивают для того, чтобы ребенок в селение мертвых не провалился. Но верно ли мы думаем, не знаю.

К той паре обуви, в которой ребенок начинает ходить, пуговицы к подошвам не пришивают, так как они мешали бы ему двигаться.

На верхушке первой шапочки, которую надевают на голову ребенка, нашивают металлические деньги, чтобы, как говорят нивхи, «прикрыть место нахождения его души» *(язехн''-хуф-ашкунд)*. Макушка называется *т'адм* и считается местом обитания души. Срезать на макушке волосы нельзя.

Любовь нивхов к детям выражается не только в их заботе о них, но также и в том, что для разговоров с детьми употребляются особые слова. Многие из них оканчиваются суффиксом *к* или *к"* со значением уменьшительности и ласкательности.

БОЛЕЗНИ И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НИМИ

31 июля. Болезни нивхи чаще всего объясняют кознями злых духов. Особенно сильно пакостят эти духи младенцам, имеющим маленькие, слабенькие души. Старуха Тюйк рассказывала, что в старину часто болевшего младенца клали в большой котел и накрывали другим таким же котлом, чтобы оградить его от злых духов. Тогда якобы было слышно, как преследующий ребенка злой дух ударялся о котел и раздавался *«ч'эх!»* — звук удара о металл.

Когда у нивхов родится ребенок, первая и важнейшая забота родителей — не допустить до него злых духов, которые стремятся причинить новорожденному массу неприятностей. И нивх делает все, что он только способен в этом отношении сделать.

Прежде всего он изготовляет *милкаун"ыр* — стражей от злых духов (*милк* — «злой дух», «черт»; *яун"ынд* — «сторожить кого-либо»). Это маленький деревянный лучек с тетивой, маленькая стрела, наподобие железной, маленькая деревянная стрела с развилиной, маленькая стрела с тупым наконечником, маленький топорик, деревянный обруч, кусочек невода либо деревянный обруч с привязанным к нему неводом и другие опасные для злых духов орудия (рис. 14).

Когда я спросил о назначении этих вещей, мне объяснили: если черт полезет к ребенку, он натолкнется на стрелу, уколется о нее и, отскочив, попадет в невод, в котором запутается. Тогда уж он больше не полезет к младенцу.

Я видел над колыбелью ребенка железное копье с коротеньким древком, железную стрелу, привязанную к колыбели. Наконечники копья и стрелы были обернуты берестой.

Тюйк говорила, что у амурских нивхов над колыбельками новорожденных девочек вешают вырезанные из бе-

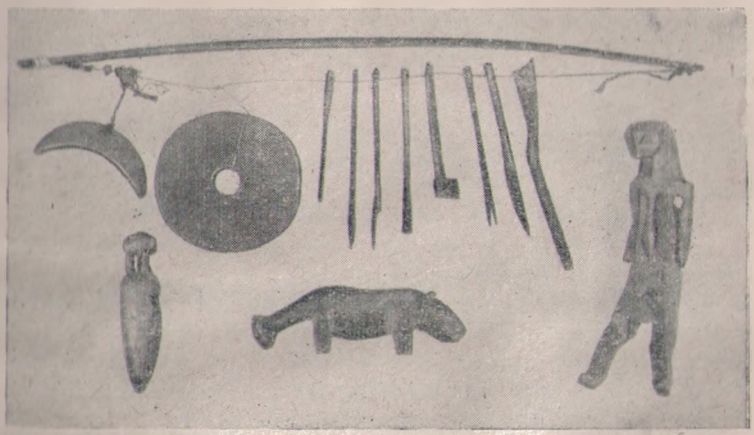


Рис. 14. Миниатюрный лучек с надетыми на его тетиву миниатюрными орудиями и оружием, которые, по представлениям нивхов, должны охранять ребенка от козней злых духов, и три амулета, изготовленные по указанию шамана: левый от болезни сердца; средний — от болезни шеи; правый — от болезни спины. Из коллекции ГМЭ.

ресты изображения солнца и луны. Для новорожденных мальчиков из бересты вырезали *вумгу* — его жену. На ней делали даже изображения серег. Вешали *вумгу* над колыбелью рядом с подвесками — оберегами.

Когда ребенок заболевает, его лечат средствами или народной медицины, или религиозно-магическими. Например, если у ребенка появляется кашель, берут кору осины, скоблят ее ножом и натирают наскобленным спину, грудь и голову младенца. В некоторых случаях ребенка моют водой, настоенной на коре, ветвях или кусочке ствола какого-нибудь дерева или кустарника — дуба, рябины, багульника, ели.

Если ребенок часто болеет, то во время новолуния берут прут тальника, наскабливают с него стружки, варят их и обмывают ими ребенка. Затем берут колесо, сделанное из прута тальника, надевают на голову ребенка, спускают вниз по туловищу и снимают с ног. Считается, что после этого ребенок должен выздороветь.

Если ребенок плачет, когда отец уходит из дому, мать заворачивает его в одежду отца и ребенок, как полагают

нивхи, должен перестать плакать. Если же нет лишней одежды, мать старается незаметно оторвать кусочек материи от одежды отца и пришивает его к одежде ребенка.

В старину на Амуре, по сообщению старухи Тюйк, если у женщины часто умирали дети, новорожденному сшивали рубашку из разных рыбьих кож: спину делали из кожи сома, одну полу — из кожи рыбы амурчика *(кых)*, а вторую — из кожи крупной рыбы симы *(пани)*.

Если у ребенка болят половые органы, то к ним привязывают морские ракушки.

Ну, а если принятые меры не помогают? Тогда нивхи совершают то, что они именуют *к'ыс н"анг"нд* — «поисками счастья», т. е. обращаются поочередно к духам гор, духам воды и пр. Сколько раз я видел эти беспомощные поиски счастья!

Может быть, рассуждают нивхи, горным духам что-нибудь надо от нас? В этом случае совершается жертвоприношение горным духам. Если же могучим духам ничего не надо, то они, быть может, в благодарность за жертвоприношение помогут больному и прогонят злых духов, причиняющих ему болезнь. И нивх начинает искать счастья.

Прежде всего жена для угощения горных людей готовит студень, толкушу из сараны и варит рисовую кашу. Муж идет в лес и срубает елочку. Он очищает ее от ветвей, оставляя нетронутой только верхушку. Затем на стволе елочки он делает три-четыре ряда круговых затесов — чтобы она выглядела красивее, как объясняли мне нивхи. После этого он настругивает длинные белоснежные *инау*, которые в одном каком-либо месте окрашивает красным соком брусники. Затем из двух тонких стволов рябины он делает *инау* с условным изображением самца-зверя и самки-зверя, т. е. на вершинке первого ствола нивх делает коническое завершение, а на вершинке второго — два косых среза. Два таких же изображения он делает из тонких стволов тальника. Сбоку на верхнем конце каждого изображения настругивают *инау*. Под *инау* помещают корнеплоды сараны и обвязывают их *инау*. Это нивхи делают *попванд*, т. е. завязывают в комочек «волосы» на зверином изображении.

Сделав необходимые приготовления, нивх несет их на *н"аню* — место, где совершаются все обряды, посвященные медведям, убитым в тайге и выращенным в клетке,

а также горным людям-духам. В центре *н"аню* обязательно стоит толстое вековое дерево. Возле него нивх втыкает принесенную елочку, а вокруг последней — *инау* с четырьмя стилизованными деревянными изображениями зверей, самцов и самок. На верхушку елочки он навешивает *инау,* не забывая при этом сделать из стеблей сухой пучки и сараны сверточек, который называется «медведем». Его нивх тоже прикрепляет к кроне елочки, напоминая, между прочим, духам гор и лесов, что он не прочь бы получить от них медведя.

Затем у основания елочки нивх привязывает ремень с затягивающейся петлей, предназначенный для удушения собаки. После этого приводят собаку. На нее надевают красивый ошейник, сделанный из *инау.* Внизу их перехватывают завязкой, и они свисают с шеи собаки белоснежной бахромой. Если не сделать ей этого ритуального ошейника, считают нивхи, то горному человеку не за что будет поймать ее. Потом собаку обязательно кормят принесенной едой. Ей дают поесть немного студня, рисовой каши, толкуши из сараны и только тогда на шею ей накидывают петлю для удушения. При этом ее ласково гладят рукой и говорят: «Хорошо только [в гору] поднимайся! Горным людям понравься [полюбись], своему хозяину (т. е. посылающему ее нивху. — *Е. К.*) хорошее лишь напоследок сделай».

— Мы собаку, — объяснял мне Сарат, — для примирения отдаем, а она пойдет и скажет: «Ты моего хозяина не трогай, лучше меня возьми!».

После удушения собаки совершают кормление горных людей: в лес бросают куски принесенной пищи.

Задушенную собаку свежуют там же, где ее принесли в жертву, а мясо уносят в жилище. С этой собакой обращаются очень осторожно, так как она принадлежит духам гор. Голову и кости съеденной собаки складывают в клетку, где хранятся кости медведей.

Принесенной в жертву собакой прежде всего кормят больного. Ему сначала обязательно дают ее сердце, а затем уже и другие части.

После этого мясо убитой собаки, хоть по маленькому кусочку, разносят по жилищам всех сородичей. Обязательно дают его тестю, если он живет в данном селении, и чужеродцам, живущим в нем. Оставшееся мясо едят в семье, принесшей собаку в жертву.

Если жертвоприношение горным людям-духам не помогает, то нивх продолжает «поиски счастья» и приносит собаку в жертву морским людям-духам.

У нивхов Сахалина существует поверье, что если не поделиться с человеком какой-нибудь сравнительно редкой едой, как собачье или тюленье мясо, то человек, не получивший его, может заболеть болезнью, называемой *к"мазьнд* (в селении Чайво ее называют *х·уньнд*). Поэтому надо обязательно делиться с другими такой пищей. Если человек, придя к себе в жилище, заболевает, то у него прежде всего начинают выяснять, где он был, что видел. Определив, что могло вызвать данное заболевание, идут в соответствующее жилище и просят, чтобы дали для больного кусочек какой-либо еды, ниточку от материи или вещи, шерстинку от шкуры и т. п. Этот предмет приносят больному, после чего он якобы должен избавиться от болезни. Если болезнь очень сильна, то принесенный предмет измельчают и дают больному выпить с водой. Конечно это мало помогает.

Известна нивхам проказа, называемая на Сахалине *к"в"атунт,* а на Амуре — *х"атюдь.* Заболевшего проказой выселяют в лес и не позволяют приближаться к селению. Пищу и все необходимое ему приносят и ставят поодаль от его жилища. Палгук слышала о прокаженной старухе. Ее отправили в лес, где построили для нее охотничий шалаш. Там она и жила. Когда она умерла, шалаш обрушили на нее и закидали его землей. Детям к этому месту запрещали подходить.

Туберкулез легких издавна известен нивхам. Если он не сопровождается кровотечением, его называют *тивркирунт.* Легочное кровотечение называют *ч'ох-кусинт* — «извлечением крови». На Амуре больной туберкулезом легких после легочного кровотечения уносил свою кровь и прятал ее под кочку. Легочные кровотечения, по представлениям нивхов, вызываются злым духом, именуемым *г"усимилк* или *г"усикинр* (букв.: «извлекающим чертом» от *г"усинт* — «вынимать что-либо», *милк, кинр* — «злой дух», «черт»). В Чайво я встретился также с представлением, что они вызываются птицей мести.

Нивхи Сахалина считают, что если у человека внезапно заболел живот, то надо сразу же взять землю с того места, где сидит или стоит человек, и натереть ею живот. Тогда болезнь пройдет.

При заболевании одного из членов семьи нивхи принимают ряд предосторожностей. В жилище, где лежит тяжело больной, не ходят в гости. Из жилища, где он находится, также не ходят по другим жилищам.

Наряду с этими разумными мерами существуют и явные предрассудки. Так, в жилище, где лежит больной, нельзя работать, нельзя допускать, чтобы на огонь попала хоть капля воды, нельзя кормить больного тайменем, щукой, красноперкой и тюленями — *к"анд, маськ"н"а,* нельзя резать на куски свежую рыбу, свежего тюленя. Их не должен резать также человек, кормящий больного. Вареную рыбу и вареного тюленя резать можно.

В основе всех этих запретов лежат, конечно, запреты религиозного характера, лишь внешне и случайно совпадающие с запретами гигиеническими, как, например, в первом случае.

Только глубокой уверенностью в том, что боль вызывается злым духом, вселяющимся в тот или иной орган, можно объяснить, почему нивхи привязывают к нему подобную же часть тела животного, птицы или рыбы. Зубы оленя употребляются как средство от зубной боли. Их надевают себе на шею. Можно при зубной боли привязать к челюсти челюсть тайменя или щуки.

Кость бедра собаки, привязанная к бедру человека, излечивает, по представлениям нивхов, боли в последнем (такая косточка хранилась у Чурки). Головку куропатки они употребляют от головной боли, привязывая ее к собственной голове. Сухие жабры сельди, завернутые в тряпочку и привязанные к шее, средство от заболеваний горла и шеи.

Позвонок какого-то морского животного, называемого у нивхов Луньского залива *нугдьиф,* используется нивхами при болях в спине и пояснице. Такой позвонок носил на своем ремне нивх К"авазк.

Кроме такого метода лечения, у нивхов есть еще один — идольчиками. Он заключается в том, что нивхи изготовляют различных деревянных идольчиков, в которых и должен переселиться дух болезни. Так, у старика Эльтуна на о-ве Лянгр на полочке стояло погрудное изображение — деревянный человекоподобный идольчик — *мыйк.* Когда заболел внук Эльтуна, идола сделали по распоряжению шамана. Этого идольчика систематически кормили, потому что, по представлению нивхов, если

его не кормить, он причинит человеку еще большее зло. Когда человек, с которым этот идольчик связан, умирает, идольчика выбрасывают и разбивают топором за то, что он чинил человеку зло.

У Кельма я видел три животноподобные фигурки — *ч'н"ай,* сделанные для него из тюленьей кожи каким-то ороком. По-орокски, по словам Кельма, они называются *патаха.* Кельм использовал их как средство от болей в пояснице. Только при изготовлении третьей *ч'н"ай,* изображавшей какого-то морского червя, боль в пояснице Кельма прошла. «Если бы не этот *ч'н"ай* (изображение), — сказал мне Кельм, — то я бы умер».

Нивхи прибегают и к лечению различными растительными средствами, носящему частично религиозно-магический характер. Так, на Амуре траву *кокрамк* завязывают в тряпочку и привязывают к больной руке, если на ней опухают пальцы или кисть; листья *к"анилхтёмр* употребляют при заболевании горла (их привязывают к горлу снаружи); листья *продёмр* (букв.: «корюшкин лист») режут на мелкие части и едят при болях под ложечкой (при гастрите); растение *ох"тзомр* (букв.: «лекарственный лист»), растущее на лугах, употребляют при ушибах, заболеваниях костей (его кипятят и едят); траву *к"авня* варят и отвар пьют как лекарство при расстройстве кишечника, накладывают также на нарывы; подорожник *тьф тьыр дёмр* накалывают иглой и прикладывают к фурункулам; камыш *олх* варят вместе с каким-то деревом *тятзиг"р* и отвар пьют при болях в груди и животе.

Однако нивхи употребляют для лечения и «животные» отвары. Амурские нивхи, например, срезают у тайменя верхний плавник у хвоста. Затем счищают ножом кровяную полосу, которая проходит под позвоночником с брюшной его стороны. Все это варят и пьют как лекарство при туберкулезе.

Прибегают нивхи и к отвлекающим средствам. При болезни, которую они называют *хана,* сопровождающейся головной болью и ломотой в суставах («если же она войдет в сердце, то человек умрет»), нивхи сильно оттягивают и защипывают кожу на лбу, затылке, груди. Спину смачивают рассолом и трут медной серьгой или пуговицей до появления на коже красных полос. При лихорадке они насасывают кожу на шее больного до-

красна. При головной боли они до багровости полосами пощипывают кожу на лбу над переносицей.

Используют нивхи для лечения и тепло. На Сахалине на больное место кладут древесные стружки, а поверх них — нагретый камень. Это своего рода прогревание больного места. На Амуре для этой цели используют стружки дерева *тятзиг"р,* которые согревают, завертывают в бересту и кладут на больное место.

Используют для лечения и дым. На Амуре тлеющий багульник приносят в обломке чугуна к больному. Он поднимает рубашку, и дым, заходящий под нее, окуривая тело, якобы лечит больного. На Сахалине, если нивх был в селении, где имеется эпидемическое заболевание, при возвращении он должен пройти окуривание дымом багульника и ели. Нетрудно усмотреть в этом обряде стремление отогнать духа болезни дымом.

Дым на Амуре употребляют и для лечения глаз. В этом случае зажигают чагу, делают из бересты трубочку, которую приставляют к больному глазу так, чтобы дымом от чаги окурить его.

У нивхов отчетливо разграничены представления об индивидуальном заболевании, обозначаемом словом *к"онд* — «болеть», *к"олаф* — «место болезни», «болезнь», и массовом эпидемическом, называемом *тах"* — «эпидемия», *тах"ман"г:д*—«эпидемия страшно сильная».

На Охотском берегу Сахалина хорошим средством от эпидемии и кашля считаются синие ягодки кустарника *ойран"акс.* Их прямо на веточках вешают снаружи над дверью.

У старика Чурки я видел маленький деревянный ножичек *аун"ыртяк"о* — «сторожащий нож», или «сторожильщик-нож». Изготовляют его из клена или из кости. Во время эпидемии его необходимо надеть на себя.

По утверждению Плетунки, голова куропатки, повешенная над входом в жилище, предохраняет от всяких болезней. Во время эпидемий — *тах",* кроме головы, над дверью вешают еще крылья и хвост куропатки. Кроме того, на огне жгут ее перья.

Эти примеры показывают степень развития «медицинских» познаний нивхов. Но не следует к представлениям нивхов в этой области относиться иронически. Это был неизбежный этап, через который прошли все народы. Он сопровождался мучительными поисками, в ре-

зультате которых были обнаружены и те ценные способы и средства, в том числе и растительные, которыми пользуемся и мы.

СУДЬБА ДУШИ МЛАДЕНЦА, УМЕРШЕГО ЕСТЕСТВЕННОЙ СМЕРТЬЮ

19 августа. Естественной смертью умирают люди всех возрастов, но судьба душ умерших детей и взрослых, по представлению нивхов, различна. Поэтому различны и способы их захоронения. Решил узнать все, что возможно, о смерти и похоронах ребенка.

Смертность детей у нивхов очень высока. Это не удивительно, если учесть антисанитарные условия, в которых живет этот народ. По представлениям нивхов, душа умершего младенца возвращается обратно в чрево матери для возрождения. Поэтому после смерти младенца мать не расплетает косы, как после смерти взрослого сына или дочери, так как ждет его возвращения в свое чрево.

Трудно было оставаться спокойным, когда Очи рассказывал о том, что делают мать и отец у нивхов, когда у них умирает ребенок, чтобы его душа вернулась к ним обратно. Вот его рассказ.

«Если счастья у гор и у моря не выпросят, ребенок умирает. Чтобы его душа обратно возвратилась [к матери], его так налаживают. Из вербы делают [гробик] *кофтьик*. Отрубают часть ствола вербы, потом раскалывают [его пополам]. Внутренние стороны [ствола] вырубают (делая в них корытообразные углубления. — *Е. К.*). Потом его в жилище приносят и пеленками (т. е. щенячьими или заячьими шкурками. — *Е. К.*) внутри выстилают. Потом [умершего] ребенка внутрь кладут. Его мать из груди в его ротик молока немного выжимает. Его [кормит], чтобы с пищей [его] отправить. Его мать, к нему обратившись, говорит: «Когда пойдешь, то потом обратно вернись, к матери почаще прихаживай» (*вирор пхыр ымкрох пшышая*). После этого сверху его пеленками прикрывают, крышку закрывают, завязывают (концы *кофтьика* и ребенок оказываются таким образом как бы похороненным внутри дерева.—*Е. К.*). Его отец ребенка выносит, возле дома кладет. Положив, своему ребенку

говорит: «К отцу обратно возвратись, почаще прихаживай!» (Кофтьик устанавливают на дереве. — *Е. К.*)

Вечером, когда его мать собирается лечь спать, она на улицу выходит. Сходив на место для туалета женщин, собирается обратно в жилище пойти, но перед этим она своего ребенка зовет: «К матери приди!» (*ымкрох прыя*!).

В жилище войдя, она к нарам идет, постель постилает, ложится. Пеленки своего ребенка взяв, между собой и мужем их кладет. Так вместе спят. Этот ребенок к своей матери обратно когда приходит, в то время как мать спит, груди своей матери ищет. Когда спит, [она] почувствует, проснется, а его нет. Если он не возвращается, то грудей матери не трогает.

Ребенка постарше, около года, сжигают. Если его жечь на дереве, которое трещит, его душа, испугавшись, к своей матери не возвратится — так говорят. Поэтому своего ребенка на дереве, которое не трещит, сжигают.

Когда он сгорает, его кости, его угли собирают. Потом маленькое жилище делают, туда кладут. Туда его игрушечные лук и стрелы кладут — в жилище кладут. Чтобы его порадовать, дать ему поиграть, прутики красивыми затесами украшают — в его жилище кладут. Если он обратно к матери приходит, эти прутики ли, этот лук ли с места взяв, поиграв, в другое место кладет. Если он обратно не приходит, он их не трогает.

Утром его мать к этому месту идет, свою грудь вынимает, туда свое молоко льет. Каждое утро туда идет, свою грудь вынимает, там молоко выжимает. Его кормит — так говорят. Когда она его игрушки посмотрит, то понимает: ее ребенок приходил, с места игрушки взял, в другое место положил. Потом домой придя, своему мужу рассказывает: «Обратно возвратиться собирается. Если бы обратно не пришел, взяв [игрушки], не играл бы [ими]».

Мать, которая очень любила своего ребенка, дольше кличет его к себе. Мать же, которая меньше его любила, меньше и зовет его к себе».

Еще до записи этого трогательного рассказа Очи, в селении Танги от нивхов Таткана и Тоги, я слышал о том, как сжигали они своих умерших детишек на тальнике, потому что он не трещит. Если бы дрова были приготовлены из лиственницы, они трещали бы при сожже-

нии и перепугали бы души детей, и те не возвратились бы к своим матерям для возрождения.

Я ходил на место сожжения ребенка Таткана и видел, что из четырех вытесанных досок прямо на землю была поставлена прямоугольная рама, стороны которой были укреплены при помощи колышков. В одной стороне рамы были сложены остатки дров от сожжения ребенка. Внутри ее был насыпан свежий желтый песок. Там же был установлен маленький двускатный шалашик из бересты, в который были положены сахар, конфеты. Рядом с шалашиком лежал игрушечный лучек и стрелочки.

Каждый вечер, когда в жилище все уже спали, и каждое утро, пока еще никто не вставал, молодая жена Таткана, которую я также видел, шла к шалашику, поставленному для ее умершего сына. Там она вынимала грудь, сцеживала несколько капель молока и звала ребенка: «*Пытя, пытя, пытя!*». Так родители подзывают к себе своих детей. После этого она пятилась назад, призывая все время к себе своего ребенка, пока таким образом не доходила до своего жилища.

Войдя в него, она ложилась спать и клала подле себя рубашечку и обувь младенца, чтобы его душа вернулась к ней. Так она поступала уже долгое время.

— Когда она убедится, что ребенок к ней вернулся, что она снова беременна, — сказал мне Таткан, — она перестанет класть рядом с собой его одежду. Потому рубашечку и обувь мы не сжигаем вместе с младенцем, а сохраняем для матери.

Тога уверял меня, что в установленной им раме он видел не только сдвинутые с места лучек и стрелу, но даже следы ножек души его младенца, отпечатавшиеся на песке. А Чурка доказывал мне, что если душа младенца возродится в другом поле, то обязательно на младенце будут какие-то знаки. Когда у него умерла девочка, он сделал ей *кофтьик,* но слишком маленький — он давил ей на головку и колени. И у Загана, родившегося через год, на коленях и голове были видны как бы пятна. То были следы крышки гробика, которая давила на колени и голову его умершей девочки, возродившейся в виде мальчика.

Уверенность в возвращении и в возрождении души младенца у нивхов настолько велика, что старик Моклей

как-то сказал мне, что у него не менее десяти младенцев умерло, но все они возвращались вспять к своей матери.

Кроме глубокой веры в возрождение душ младенцев, я встретился у нивхов с представлением о возрождении душ взрослого ребенка и взрослого человека. В языке нивхов есть даже специальный глагол *узн"ырнд* — «родиться во второй раз» и словосочетание *узн"ыр-эх"лн"* — «ребенок, родившийся во второй раз». Отличительной особенностью такого ребенка, по мнению нивхов, является то, что он рождается с готовыми дырочками в мочках ушей.

СУДЬБА ДУШИ ВЗРОСЛОГО, УМЕРШЕГО ЕСТЕСТВЕННОЙ СМЕРТЬЮ

13 сентября. Узнав от Кельма, что у старика Моклея умирает младший сын Путун, решил зайти к нему.

Войдя в жилище, почувствовал напряженную, как бы сковавшую все тишину. В глубине нары, у задней стены, сидел старик и держал, прижав его к груди, тяжело больного сына. Его сыновья Тан и Онёнь сидели молча на боковых нарах. Тан держал на коленях своего маленького сына. Старуха, жена Моклея, и молодая нивхинка, жена Тана, молча сидели на краю правой нары возле двери и курили.

Я прошел к наре, где находились мужчины, и сел на нее. Никто со мной не заговорил, и я не стал ни с кем разговаривать; посидев немного, вышел и снова пошел к Кельму. Рассказав ему, что видел, я спросил, почему старик держит больного сына на руках и не дает ему лежать спокойно одному.

— Такой, — сказал Кельм, — у нас закон. Мы не допускаем, чтобы человек в одиночестве умирал. Нельзя дать человеку одному умереть. Мы день и ночь возле него: родители — возле детей, дети — возле родителей, муж — возле жены, жена — возле мужа. Когда видят, что смерть приближается, самый близкий из родных садится возле умирающего, подсовывает под его туловище руки, приподнимает его, прижимает к своей груди и держит так до тех пор, пока его душа не оторвется.

По-видимому, сын Моклея безнадежен. Пожалуй, нужно проследить, как встречаются нивхи со смертью

соплеменника и как они хоронят его. Кельм разрешил мне остановиться в его жилище.

Вечером Кельм сказал мне, что Путун только что умер. Не медля ни секунды, пошел к Моклею, осторожно вошел в жилище и молча сел на нару. Вскоре зашел Кельм и сел рядом со мной. Моклей и Таи снимали с Путуна лишнюю одежду.

— Когда человек умрет, — объяснил мне Кельм, — с него лишнюю одежду снимают, чтобы ему жарко не было. Потом его приподнимают, постель, на которой он лежал, поправляют, а в изголовье снятые с него вещи кладут (в данном случае они выполняют роль подушки. — *Е. К.*). Затем мертвеца спиной на поправленную постель кладут. Потом на него шапку задом наперед надевают. На его ноги торбаза надевают. Затем ноги мертвеца сгибают, чтобы их ступни на нарах стояли. Потом ноги в коленях ремнем перевязывают, чтобы ноги застыли и больше не разгибались. После этого между коленями мертвеца просовывают посох — нижним концом вверх, а верхним — вниз.

Все это было проделано и с Путуном. Потом Моклей расплел косу умершего сына, а потом и свою. Одновременно расплела свои косы его жена — мать Путуна.

— Таков наш обычай, — сказал мне Кельм. — Потом, когда его сожгут, они волосы ниточками перевяжут и долго еще будут ходить с незаплетенными волосами.

Тем временем Моклей поставил возле сына чашку, которая называется в таких случаях *хиндьирнирн*". В чашке лежали кусочки белого хлеба, несколько кусочков рафинада и немного рисовой каши.

— Из этой чашки, — сказал Курчук, сородич Моклея, — будут есть и родители умершего. Съев эту еду, они положат в нее другую и снова поставят ее возле своего сына. Если умрет муж, жена ест из этой чашки, потом наполняет ее и снова ставит перед мужем. Если умрет жена, все это проделывает муж.

Из сообщения Курчука нетрудно было понять, что живые у нивхов делятся своей трапезой с мертвым.

На грудь мертвого Путуна был положен кисет с табаком и трубка для курения. Затем Моклей лег на нару возле своего мертвого сына, взял свою трубку, набил ее табаком, закурил и, обратя свое лицо к лицу умершего, стал окуривать его, выпуская дым изо рта.

А Курчук мне говорил:

— Если у нивха умрет жена, то он ложится возле мертвой и глядит на нее. Если умрет муж, то жена так делает. Если же жены, дочери или сына нет, то его *ёх*" — жена младшего брата (что в обычных условиях является величайшим грехом. — *Е. К.*) ложится возле него и глядит на него. Лежащие возле покойника курят и выпускают табачный дым в лицо покойника, чтобы доставить ему удовольствие.

Был уже двенадцатый час ночи, но в жилище Моклея на очаге горел огонь, и никто из присутствующих не собирался спать.

— В жилище, где умерший есть, — говорил мне потом Курчук, — и днем и ночью не спят. Ночью сказки рассказывают или случаи из жизни умершего, которые были бы ему приятны. Если кто-нибудь может играть на музыкальном инструменте (*т'ын"рын"*), играет. Огонь на очаге в жилище, где находится умерший, поддерживается и днем и ночью. Ему не дают угаснуть. В жилище все бодрствуют. Если мужчина умрет, три ночи не спят, а если женщина — четыре. Днем можно сходить в другое жилище и там уснуть, но в присутствии умершего спать нельзя.

14 сентября. Когда я ранним утром пришел к Моклею, то увидел, что умерший закрыт куском старинного китайского красного шелка с цветами. Кусок такого же шелка лежал под ним. Над умершим же, вдоль поперечной нары, был протянут длинный ремень, на котором были развешаны всевозможные дорогие вещи. Тут были куски старинного китайского шелка, китайские шелковые халаты, дорогой инкрустированный наконечник копья. Развешивать дорогие вещи, как мне объяснили, нужно обязательно, — это порадует умершего. Да, не так уж богат старый нивх Моклей! Все, что у него есть, досталось ему в наследство от отца, деда и прадеда. Однако, чтобы достойно похоронить сына, он не пожалел разрезать кусок старинного шелка!

В жилище Моклея собралось уже много мужчин и женщин из соседних жилищ. Вскоре из деревни Агиво приехал его родной брат Туки с семьей, а из деревни Ван"ркво — его родной брат Мизгун с семьей.

Мужчины и женщины, как и всегда у нивхов, сидели врозь. Хозяева угощали собравшихся. По три, по четы-

ре человека сидели за каждым столиком, все ели рисовую кашу с тюленьим жиром, мелко нарезанную юколу с тюленьим жиром, куски вареного теста вместо лепешек (печь тесто на огне при наличии покойника в жилище считается недопустимым. Поэтому раскатанное тесто резали на куски и опускали в кипящую воду), пили чай с сахаром.

Так как не все гости могли одновременно устроиться за столиками, некоторые мужчины сидели на поперечной наре, где лежал покойник, и распарывали шелковые халаты. От подкладки халатов и свертков шелковой материи они отрезали небольшие куски и передавали их женщинам. Последние шили из них одежду для покойника.

Из белой материи были сшиты шапка, трусики и очки для покойника, из шелка — рубашка, наколенники, торбаза.

— Умершего, — говорил мне Кельм, — одеть в одежду из шелка стараются. Если человек беден, то ему сородичи помогают. Рубашку мертвому из шелка шьют передом назад. Пуговицы или завязки на задней стороне рубашки пришивают. Мужчину в три одежды, а женщину в четыре одежды одевают. Так древний закон говорит! Наколенники и торбаза в виде полотнищ с завязками, которые закрепляют на умершем, — так шьют.

Для Путуна торбаза были сшиты из белого полотна с голубой шелковой каймой. Если в материи, отрезанной от шелкового халата, есть изображение змея с глазами, то из его глаз выпарывают зрачки, чтобы он не видел умершего. Остатки шелка и материи женщины сохраняют, так как из них им придется еще шить одежду для маленького деревянного изображения покойника — *к"ак"*. Шить покойнику что-нибудь из тюленьей или рыбьей кожи запрещается.

Пока женщины шили, мужчины отправились заготавливать дрова для сожжения покойника.

Летом покойника в жилище долго не держат. Зимой умершего или умершую, если они были дороги живым, держат соответственно три или четыре дня, потом сжигают.

15 сентября. Вместе с Кельмом пошел к месту сожжения Путуна. Немного севернее селения, на песчаном месте, была сложена поленница для костра из кривых

стволов стланика. На Тыми покойника сжигают только на лиственнице. Из нее для погребального костра готовят специальные дрова, называемые *хар*. При сожжении мужчины дрова для костра складывают в клетку из трех рядов, при сожжении женщины — из четырех. Поверхность такой поленницы-клетки выстилают *инау*, на которые и кладут покойника. В Чайво покойников сжигают на стланике, так как лиственница на косе не растет, а ездить через залив, заготавливать ее в лесу и перевозить на лодках чрезвычайно трудно.

Когда мы вернулись в жилище Моклея, там готовились к выносу умершего. Мужчины втащили нарту, донесли ее до поперечной нары и положили на нее умершего ногами вперед. К нарте привязали потяг в обратном направлении, т. е. передним концом к дуге нарты. Затем ввели четырех собак и запрягли их также в обратном направлении — передовика у дуги нарты, а простых собак за ним. Потом четыре нивха подняли нарту: двое взяли ее за полозья спереди, а двое — сзади. На место, где лежал покойник, положили камень. После этого два нивха взяли собак за потяг, и все медленно направились к выходу из жилища. Когда все очутились около входа, то к боковой стороне нарты на относительно длинном ремне была привязана еще пятая собака, которую нивхи называют *прыски*. Это была хорошая ездовая собака. Ни взрослые, ни дети не могут выйти из жилища раньше выноса покойника. Умершего, как принято у нивхов, вынесли из жилища ногами вперед и понесли к месту сожжения.

За нартой с покойником пошли родные, приехавшие сородичи умершего и много других жителей селения. Шли взрослые и дети. По дороге к костру несшие нарту три раза останавливались и стучали по ней палочками. Эти остановки, как мне объяснили, обозначают отдых для души умершего, когда она пойдет в селение мертвых. Если покойник мужчина, делают три таких остановки, если женщина — четыре.

Когда процессия подошла к поленнице-клетке, покойника трижды обнесли вокруг нее по направлению движения солнца — с востока на запад.

На Тыми при каждом круге нарту с мужчиной опускают на каждый из трех углов поленницы и стучат по нарте палочками. Женщину обносят вокруг поленницы

четыре раза и при каждом обороте ставят нарту с ней на все четыре угла, и также стучат по нарте палочками.

По окончании этой церемонии нарту с покойником опустили на землю. Потом покойника сняли с нарты и положили на поленницу — головой в сторону восхода солнца, а ногами — в сторону захода. Таким образом, лицо умершего было обращено на запад, куда солнце уходит на ночь, чтобы светить там мертвым.

Затем к покойнику подошел старик и куском красного кремня нанес на кожу его живота царапину. Этот обряд называется *н"аур-к"ранд* (букв: «долбить живот»). Зимой при отсутствии кремня это символическое долбление производится колючкой шиповника или боярки. Человек, совершающий «долбление живота», должен затем совершить и обряды кормления огня и воды. Только после этого ему разрешается пить кипяченую воду и есть вареную пищу, приготовленную на очаге. Употребление кремня при этом обряде свидетельствует, что он представляет собой пережиток каменного века. Тогда живот покойника действительно прорезали кремневым ножом, чтобы в животе не скоплялись газы и труп не корчился бы на огне. Но религиозный ритуал не допускает нововведений, и когда появился железный нож, им запретили прикасаться к животу покойника. Когда же кремневые ножи исчезли из обихода, осталась возможность производить этот обряд лишь символически — наносить кремнем царапину.

Однако в исключительных случаях нивхи все-таки вскрывают живот покойника железным ножом. Правда, мне, со слов нивхов, известны лишь три таких случая.

Один из них связан с извлечением ребенка из чрева женщины, умершей во время родов. Другой произошел, когда вскрывали умершего, перед самой смертью поевшего тюленьего мяса и жира. Сжигать покойного с таким содержимым желудка нельзя. Поэтому и был вскрыт живот. Из желудка удалили мясо и жир и лишь после этого сожгли покойника.

Третий случай связан с удалением из тела покойного причины его болезни. По рассказу Тюйк, когда умерла ее пятилетняя дочь, дед ее разрезал ей живот и вырезал какую-то опухоль. Затем он надел эту опухоль на палочку, обернул шелком, положил девочке под мышку,

сказав, чтобы она унесла болезнь с собой в селение мертвых. После этого умершую сожгли.

Кроме того, Кыйдык мне говорил, что «человек с крепким сердцем» мог при желании разрезать живот сына или жены, чтобы узнать причину их смерти и извлечь якобы злого духа, который их убил. Он должен был при этом вынимать сгустки крови из живота покойника, класть их на поленницу, сложенную для костра, а потом зашить живот покойника шелковой нитью, вытащенной из халата. Живот умершего от водянки, говорил Кыйдык, разрезали сбоку. Жидкость из живота выливалась на приготовленные для костра дрова, а отверстие зашивали шелковой нитью. Но эти операции можно было производить только тогда, когда покойник уже лежал на поленнице.

Однако вернемся к обряду сожжения.

К поленнице с покойником стали приставлять стволы стланика, так что они почти совершенно скрыли от глаз присутствующих мертвеца. Затем по углам поленницы положили специально приготовленные стружки.

Еще в недавнем прошлом для зажигания костра использовалось специально изготовленное деревянное огниво. Оно состояло из дощечки и сверла, которое вращали при помощи ремня. В нижний край сверла вставляли кусок трута, который воспламенялся от трения. Когда раздутым огнем поджигали стружки, деревянное огниво бросали в костер, где оно сгорало вместе с покойником. Кроме деревянного сверла использовалось еще кремневое кресало. Теперь же для этой цели был использован новый коробок спичек, который затем бросили в костер.

Поджигали костер следующим образом. Сначала подожгли левый угол у головы, затем правый, затем углы в ногах. Стружки вспыхнули мгновенно, от них воспламенились смолистые стволы кедрового стланика, и огонь охватил покойника. «К нему повернувшись лицом, глядя на него, его сжигают», — говорят нивхи.

Когда огонь разгорелся, все присутствующие — и старики, и старухи, и мужчины, и женщины, и даже дети—стали бросать в костер кусочки дров, щепки. Весь род должен принимать участие в сожжении сородича. Я видел, как мать вложила в ручку грудного ребенка щепочку и помогла ему бросить ее в костер.

Но бывает иногда, как мне говорили, что труп не за-

горается. Причину этого усматривают в том, что на сожжении не присутствует какой-нибудь сородич либо житель селения. Например, они могут быть в отъезде. «Если умерший его видеть хочет, он гореть не будет», — говорят нивхи. В этом случае быстро вырубают из дерева подобие человеческой фигуры, надевают на нее верхнюю одежду отсутствующего, подносят одетое изображение к костру и говорят покойнику: «На своего товарища взгляни!». Или: «Посмотри, вот такой-то!» — и называют его имя. Одновременно с этим за отсутствующего бросают в костер щепочку. Тогда, по словам нивхов, труп начинает гореть.

Если у покойника есть где-либо раны, в огонь бросают прутья тальника и говорят: «Свою рану перевяжи!».

Тем временем пламя охватило костер — оно буквально ревело. Иногда сквозь пламя был виден страшный оскал лица покойника. Нивхи мне говорили, что душа сжигаемого сидит в это время возле костра, греется у огня и смотрит, как горит тело, в котором она обитала.

Когда костер запылал, два нивха взяли нарту, на которой принесли покойника, переломили ее пополам и отставили в сторону. Тан, старший сын Моклея, отвязал собаку-*прыски* и повел ее обратно в селение. Я пошел рядом с ним. Дойдя до своего жилища, он зашел в него. Я последовал за ним. Тан довел собаку-*прыски* до поперечной нары, взял камень, который был положен на место покойника, и отложил его в сторону. Взамен него он посадил на это место собаку и привязал ее к стене. Перед собакой он поставил чашку, положил в нее рисовую кашу и кусок сахару. Старуха, находившаяся в это время в жилище, положила туда же большой кусок холодца. На мой вопрос, зачем это, Тан ответил: «У нас такой закон! Собака-*прыски* все равно, что человек. Она тут вместо умершего сидеть будет, пока он в селение мертвых не уйдет».

Когда мы вернулись к костру, он догорал. На большой куче углей и остатках пылавших бревен лежало еще не сгоревшее тело покойника. Одни нивхи длинными, заостренными шестами приподняли немного туловище, а другие подсунули под него свежие стволы кедрового стланика. Когда подложенные дрова сгорели, процедуру повторили.

Пока одни нивхи сжигали умершего, другие убивали

собак (в Чайво их душили), свежевали их, разрезали на части и варили их мясо в котле.

А в это время в жилище Моклея шло обновление очага. Верхний слой глины с галькой был в нем заменен новым. Старую же глину с галькой высыпали на косу, в такое место, где она будет лежать в сохранности. Затем мать Путуна и жена Тана подмели пол. После этого на пол ножом соскоблили немного красной меди и серебра, чтобы дом стал новый. Наконец на очаге был зажжен огонь и произведено его кормление. При этом огню сказали: «Не допускай, чтобы мы болели. Пусть теперь по-хорошему все будет».

Когда покойник был сожжен, углю дали потухнуть. Потом весь уголь вместе с остатками костей сгребли в одну кучу и плотно закрыли стволами кедрового стланика: «Чтобы его дождем не замочило; если дождь на него попадет, никогда дождя не будет». Место сожжения, покрытое дровами, называется *п'арф*. Считается, что душа сожженного какое-то время живет под этими дровами.

Кельм куда-то уходил и вскоре вернулся с толстой щепой, отколотой от лиственничного бревна. Он засунул ее под дрова, которыми было накрыто место сожжения. Позднее на мой вопрос, зачем он это сделал, Кельм ответил, что из этой щепы будет сделано *к"ак"* — маленькое деревянное изображение покойного.

Изображение же можно делать только при устройстве *ч'х"аросунт*, когда душа умершего уйдет в селение мертвых.

Ч'х"аросунт дословно означает «поднятие дерева» от *ч'х"ар* — «дерево» и *ёсунд* — «поднимать что-либо». Совершать этот обряд необходимо до выпадения снега. Если сделать «поднятие дерева» при выпавшем снеге, умерший будет скитаться. Он будет жить где попало — в кедровнике, в собачьей конуре, в пустом амбаре, так как не сможет попасть в селение мертвых. Поэтому, если человек умирает зимой, его лишь сжигают, но *чх"аросунт* не совершают. «Когда же снег растает, мерзлой земли не станет, земля высохнет, разная земляная еда — сарана — будет, когда ягоды поспеют, тогда „дерево поднимают". Это для того так делают, чтобы умерший в селении мертвых, всякую еду имея, там жил». Так нивхи говорили.

«Пока „поднятия дерева“ не сделают, — продолжал рассказывать Кельм, — собаку-*прыски* из жилища на улицу не выводят, чтобы ее дождем не мочило, чтобы она не мучилась. Как человека берегут, так ее берегут. Душа мертвого человека в эту собаку входит, древние нивхи сказывали. Поэтому еду для нее в чашку кладут, из чашки ее кормят. Что сами едим — тем ее кормим. Так ее содержим».

А Курчук подтвердил: «Пока не будет сделано „поднятие дерева“, душа умершего человека в селении мертвых ходит, в свое селение приходит. В селении мертвых она жилища не имеет, здесь жилища не имеет. Не имея места пребывания, она туда ходит, сюда приходит. Так посередине [между своим селением и селением мертвых] бродит».

Да, много забот у нивхов, вызванных их глубочайшей убежденностью в существовании души и ее жизни после смерти человека.

К этому времени в котлах сварилось собачье мясо. Разделившись на две группы, мужчины и женщины тут же, сидя на земле вокруг маленьких столиков, приступили к трапезе. Вся еда должна быть съедена тут же на месте. Уносить ее в жилище с места сожжения запрещалось.

Итак, все закончилось. Теперь мне осталось только ждать, когда Моклей будет устраивать «поднятие дерева». Я вышел на берег. Моя лодочка стояла, как я ее и оставил, опрокинутой вверх дном. Я перевернул ее, столкнул в воду и отправился домой.

28 сентября. Зашел к Мурмуру. Он тяжело и надрывно кашлял, как и прежде. Рассказал ему, что был в Чайво, что видел там и попросил его рассказать, если только нивхи это знают, как выглядит селение мертвых. Мурмур согласился и рассказал мне предание. Вот его перевод с нивхского языка.

«Айнцев дом один был. Старик один, старуха одна, молодой человек один, молодая девушка одна — четверо человек жили. Одну сучку они имели. Вот зимою их сучка ушла. Долго ее не было. Потом пришла. Очень сытая пришла. Старик молодому человеку сказал: «Свою сучку [за повод] возьми, следом за ней пойди». Вот молодой человек свою сучку взял, следом за ней пошел. Долго шли. Потом его сучка в дыру [в земле] вошла.

Он следом за ней вошел, шагая шел (отверстие было настолько широкое, что по нему можно было идти, не сгибаясь. — *Е. К.*). Долго шел. Темно. Потом светло стало. По земле подобно этой он шел. Долго шел, к речке одной пришел. Отсюда вниз по течению у самого края воды пошел. [Шел и увидел], один человек на этой стороне реки находится, другой человек на той стороне реки находится. Острогой *ч'эвл* рыбу ловят. Рыбу колющие люди молодого человека совсем не видят — мертвые люди оказывается. Молодой человек острогу тронул. Тот человек после этого рыбу колоть не смог. Тот человек молодого человека все еще не видит. Человек, находившийся на том берегу, рыбу уколол, убил. «Ты почему рыбу не добываешь?» — спросил. Человек, находившийся на этой стороне, ему сказал: «Неудобно что-то стало». Человек, находившийся на той стороне, сказал: «Ни коряг, ничего в реке нет. Отчего тебе неудобно стало?». Человек, находившийся на той стороне, засмеялся.

Молодой человек дальше вниз по реке пошел. Долго шел, до большой деревни дошел. Айнская деревня. В ней много кетовой юколы вялится. Женщины на помосте сидят, рыбу чистят.

Сучка, в сени большого жилища войдя, легла. Молодой человек тут ее привязал. Потом в жилище вошел. В нем много людей было. Эти люди его не видят. Молодой человек на поперечную нару прошел, сел, смотрел. Видит, глубокая старуха держит в руках одного маленького ребенка, — в селении мертвых родившегося ребенка. На нижнем краю нары очень красивая женщина сидит.

Вот стемнело. Молодой человек, на поперечной наре находясь, лег спать. Люди долго уже спали. Тогда молодой человек поднялся, к красивой женщине пошел, чтобы взять ее пошел. Молодой человек край женской одежды приподнял, тогда та женщина: «Ика! Ика! Ика!» — закричала. Молодой человек на свое место пошел, лег. Все люди проснулись, поднялись, огонь разожгли, лекарство нашли, приготовили, этой женщине дали выпить. Она уснула. Люди все тоже уснули.

Молодой человек встал, опять к той женщине пошел, край женской одежды приподнял. Та женщина опять: «Ика, ика, ика, я умираю» — закричала. Молодой человек на свое место пошел, лег. Все люди в жилище опять

поднялись, огонь зажгли, лекарство сделали, той женщине дали. Она уснула. Молодого человека они не видят. Он подумал: «Если умру, возьму ее, если живой буду, не возьму».

Молодой человек из жилища вышел, сучку отвязал, к вешалам с юколой пошел. Две большущих юколы взял, за пазуху положил. Свою сучку держа, возвратился обратно. Долго шел, к темному месту пришел. Шел, шел, когда светло стало, вышел. В свою деревню возвратился. Своему отцу о новостях рассказал. Потом взятую юколу отцу захотел показать. Тогда юколу вытаскивать стал, но другое... корень кислицы вытащил. Юколы не было.

Молодой человек отцу сказал: «Три дня я спать буду. Ты дорогое все вытащи». Молодой человек три дня спал. Отец все дорогие вещи вытащил. Потом он проснулся, сказал: «Одну из дорогих вещей мне дай. Если я уйду, то что-либо рыбу ли, тюленя ли я сам добуду. Если я уйду, вы, дорогие вещи продавая, ешьте, живите». В полдень этот молодой человек умер. Старик один, старуха одна, женщина одна втроем жили. Молодого человека они сожгли (букв.: «выбросили», «потеряли». — *Е. К.*). Всё».

Да, очень реалистично нивхи представляют себе загробный мир. В нем такие же селения и такие же жилища, как и те, в которых нивхи живут на земле. Там также добывают рыбу и изготовляют из нее юколу, как и на земле, с той только разницей, что юкола, взятая из того мира, превращается в этом мире в траву.

По словам Мурмура, мертвый супруг связан тесными узами с живым. Если муж или жена, оставшиеся в живых, не вступают здесь в брак, то также поступает в селении мертвых умерший супруг, ожидая прихода супруга, оставшегося на земле. Если же последний вступает в брак, то также поступает в селении мертвых умерший или умершая, находя себе по вкусу жену или мужа. Они создают там свою семью и имеют детей. В селении мертвых умершие живут точно такими же родами, что и на земле. Умерев, человек уходит не в неопределенное место в селение мертвых, но к своим самым близким родственникам, в свой род.

Спросил Мурмура, долго ли длится человеческая жизнь в селении мертвых.

— Дольше, чем здесь, — сказал он мне. — Селения на земле мы называем *киг"рупв"о* — «селение торбазной завязки», потому что жизнь здесь длится недолго, словно то время, которое нужно для того, чтобы завязать на одной ноге завязку, поддерживающую торбаз. Там же живут долго. Мужчина, говорят, умирает там еще три раза, а женщина — четыре.

— А куда же потом, после неоднократных смертей, входят души мужчин и женщин.

— Древние нивхи сказывали, — ответил Мурмур, — что души умерших превращаются потом в красную траву *(паглачн"ыр)*, что корни растения *н"ошк"* — это зубы умерших людей. Говорят, что душа человека может превратиться в кукушку. Став ею, она вокруг селения летает, где жила, плачет и тоскует по тем местам, где ходила. Убить кукушку нельзя — это душа мертвого человека.

Значит, нивхи считают, что жизнь преходяща, что в природе существует длительный метемпсихоз, в процессе которого душа переходит через ряд превращений, подобно тому, как это представляли себе народы древности, например древние индийцы.

29 сентября. Кельм сообщил мне через нивха, приехавшего в факторию Дальгосторга, что на завтра назначен *ч'х"аросун"гу*, т. е. обряд «поднятия дерева». Но почему же так называется у нивхов день окончательных проводов души умершего в селение мертвых? Я пошел к Мурмуру, чтобы попытаться выяснить происхождение этого названия.

Мурмур ничего мне не мог объяснить. Тогда я задал ему вопрос, а не для того ли нивхи говорят «поднять дерево», чтобы помочь душе мертвого уйти в селение мертвых? Может быть, у них существует представление, что со смертью человека в лесу падает дерево.

Мурмур слушал меня внимательно. Потом сказал:

— Нет, нивхи так не думают. Вот когда лесом идешь, то иногда как дерево падает видишь. Тогда надо крикнуть ему: «В сторону такого-то упади!» и назвать при этом имя глубокого старика. Потом он умирает.

Значит, все-таки давным-давно у древних нивхов должно было существовать представление о падении в лесу дерева одновременно со смертью человека; иначе зачем бы последние проводы души покойника называ-

лись *ч'х"аросунт* — «поднятие дерева»? К тому же у нивхов есть предание, что они произошли от сока лиственницы.

30 сентября. Погода пасмурная, ветреная. При такой погоде переехать через залив на моей душегубке рискованно. Но делать нечего — надо ехать. Кто знает, удастся ли мне когда-либо снова увидеть проводы души умершего.

Одновременно со мной к берегу селения Чайво пристали две глубокие и большие нивхские лодки из селений Агиво и Ван"шкво. Из них со своими семьями вышли Туки и Мизгун — родные братья Моклея, приезжавшие ранее к нему на сожжение его покойного сына.

Кельм повел меня к месту совершения обряда.

Шли мы с ним примерно туда же, где производилось сожжение. На песчаном месте среди зарослей кедрового стланика, куда меня привел Кельм, я увидел несколько маленьких домиков (рис. 15), крепко привязанных к вбитым сбоку от них кольям. Это был *ч'х"арозуф* — место «поднятия дерева». Оказывается, каждый род имеет свои родовые кладбища — места «поднятия дерева». Мы пришли к кладбищу рода *Тлаглун"*. Оно представляло собой группу крошечных домиков, которые можно было бы назвать игрушечными. Вокруг домиков валялись поломанные ружья, котлы, кружки и прочие вещи домашнего обихода.

Жилища у нивхов Сахалина называются *таф,* но могильные домики именуются словом *раф.* Для их обозначения использован второй фонетический вариант исходного слова: *таф* — «жилище», *ньраф* — «мое жилище». В глубокой древности это было сделано исключительно для того, чтобы не назвать одним словом жилища живых и мертвых людей.

Члены рода *Тлаглун"* вместе со своими женами, а некоторые и с детьми были уже здесь. Пришли сюда и представители соседних родов *Авонн"* и *Кэвонн".*

По-прежнему было холодно, пасмурно. Дул ветер. Поэтому нивхи возле могильных домиков поставили шалаш, в который вошли женщины. В стороне от шалаша были сооружены два заслона. За одним из них мужчины разложили костер.

Тан, Онёнь и три других нивха привели пять собак. Их дал старик Моклей. Четырех собак он дал в день

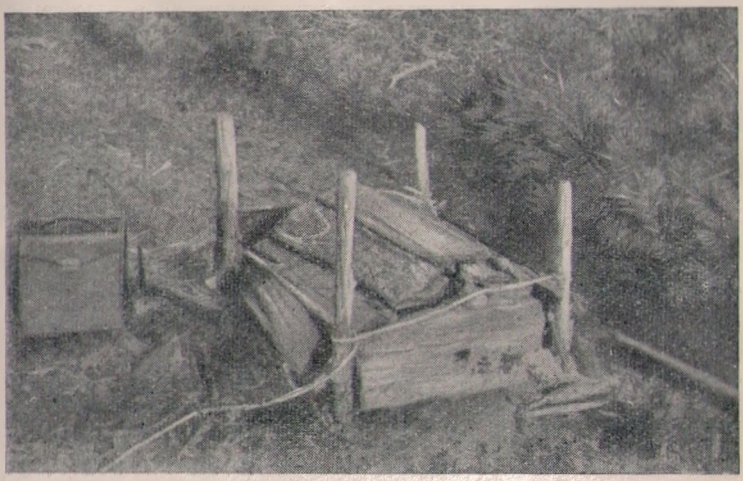


Рис. 15. Нивхский могильный домик. Из коллекции ГМЭ.

сожжения, а пять — сейчас, в день «поднятия дерева». Девять собак, т. е. полную нартовую упряжку, отдал старый отец сыну. Собак удушили и стали потрошить. Как и при сожжении, шкура с лапок, кончика морды и ушей не была снята. Мясо собак положили в большой железный котел, который повесили над костром за заслоном.

Пока варилось мясо, Кельм сходил к месту сожжения Путуна и вытащил из-под бревен, которыми оно было прикрыто, толстую лиственничную щепу, положенную им туда после сожжения. Он обтесал ее так, что она имела пальца четыре в ширину и пальца полтора в толщину. Затем он и еще один нивх стали выяснять, где у этой дощечки сторона, обращенная к корню, и где к вершине. Оказывается, это ему нужно для того, чтобы правильно вырезать фигурку — голова фигуры делается в той стороне, которая обращена к корню, а ноги — к вершине. Иначе говоря, дерево в этом случае переворачивается вершиной вниз, а корнями вверх.

Пока Кельм вырезал фигурку, другие мужчины, устроившиеся за вторым заслоном от ветра, изготовляли для умершего миниатюрные вещи из дерева: чашку, палочки для еды, гребешок, изображение чумана из бересты, ножи, набедренный и строгальный, рыболовный

крючок *(марих)*, лыжи, самострелы (со всеми мелкими деталями) на выдру, на медведя и стрелы для них.

Женщины также не сидели без дела. Одна из них изготовляла *н"азл авгуины мос* — «студень для обмазывания ступней», другие делали толкушу из вареной юколы, ягоды и тюленьего жира, третьи варили рис, четвертые шили одежды для деревянного изображения умершего. Сшиты были следующие вещи: рубашка из белого полотна — *ларк*"; шуба из шелка лилового цвета, обшитая красной каймой — *ок*"; нагрудник из белой материи — *ч'алри;* шапка из белого полотна, обшитая каймой из шелка голубого цвета, к шапке пришиты тесемки — *х'ак*"; наушники из шелка лилового цвета — *млайс*; нарукавники из шелка лилового цвета — *торпас*; трусы из белого полотна — *вэтк*"; наколенники из шелка голубого цвета — *п'ань*; торбаза из белого полотна, обшитые голубой шелковой каймой — *ки*; чехол (для прямого набедренного ножа) из белого полотна — *к"'ал;* чехол (для строгального ножа) из белого полотна — *к"'ал*; кисет из белого полотна — *х'онтк";* сумочка для кресала из белого полотна — *млы*; пояс из белого полотна — *виг"выр.*

Когда «холодец для обмазывания ступней» застыл, приступили к водружению фигурки в могильный домик. До этого помещать ее туда нельзя было.

Старик Моклей развязал веревки, которыми был укреплен один из могильных домиков, и снял с него крышу. В нем я увидел пять фигур, поставленных по ранее умершим членам рода *Тлаглун*". Четыре из них были мужскими. Они были сделаны из одной дощечки. Пятая фигура была женская, она была сделана из двух дощечек: первая из лиственницы, а вторая, поменьше, из ели. Все фигурки были обращены лицами на запад — в сторону захода солнца, куда оно уходит светить мертвецам. В эту же сторону была обращена и дверь домика. Примечательно, что могильные домики в Чайво строятся не индивидуальные, не для каждого умершего отдельно, а общие — для всего рода.

Моклей взял деревянное изображение сына. Из-за пазухи он извлек сверточек и вынул оттуда кусочек заранее припасенного кремня, из которого нивхи высекают огонь. В ножной части фигурки он сделал небольшой надщеп и воткнул туда кремень. Ножную часть фигуры вместе с

кремнем он обмазал студнем. Затем в могильном домике он вырыл рукой маленькую ямку и положил в нее иглы шиповника, которые вынул из того же сверточка, где лежал кремень. Потом он воткнул туда фигуру. Его жена, молчаливо сидевшая рядом с ним, стала в этот момент причитать и тихо плакать. Вместе с ней стала причитать и плакать другая нивхинка, муж которой был похоронен в этом же домике. Я сидел возле этих людей, наблюдал за всем, что они делают, и заносил в блокнот важнейшие детали их поведения. Обратясь ко мне, Моклей сказал:

— Скоро и я тут буду.

— Почему? — неожиданно вырвалось у меня.

— А куда еще пойдешь? — ответил он мне.

На узенькой песчаной косе, покрытой местами карликовым стлаником, на самой дальней оконечности Азии, под хмурым небом, покрытым тучами, на холодном, пронизывающем ветру сидели эти интересные и хорошие люди, хоронили своего сына, и сдерживаемое горе их, казалось, заполнило косу и холодные волны Охотского моря.

Когда фигурка была водружена, ее стали одевать. Одежды на нее, как и на покойника, надевали задом наперед. Прежде всего надели рубашку из белого полотна, затем шубу из лилового шелка, поверх нее — нагрудник. На голову надели шапку, которую стянули тесемками на затылке фигурки. Поверх шапки были надеты наушники из лилового шелка. Люди были довольны, что так красиво одели фигурку покойника, и умерший, конечно, тоже должен был быть доволен, что сородичи ничего для него не пожалели. Что касается трусиков, наколенников, обуви, нарукавников, пояса, кисета, сумочки для кресала и обоих ножен, в которые были вложены миниатюрные деревянные рукоятки, то их повесили на маленькую очищенную от коры верхушку какого-то деревца со многими сучками, воткнутого в домик рядом с фигурой покойника.

Перед фигуркой на тоненькой палочке укрепили крошечную чашечку так, чтобы она приходилась на уровне лица фигурки. В чашечку положили кусочек студня, чтобы душа умершего не была лишена этого вкуснейшего блюда.

Затем в голову фигурки были воткнуты все железные крючки, при помощи которых в селении Чайво ловят

рыбу. Туда же были воткнуты лезвия прямого и строгального ножей, кончики которых были для этой цели специально загнуты. Это делается для того, чтобы умерший унес вещи с собой. Подобным образом рыболовные крючки и ножи были воткнуты во все фигурки, находившиеся в могильном домике.

Втыкать в домике какие-либо предметы остриями в землю нельзя, несомненно потому, что под землей находилось селение мертвых. Их можно втыкать туда только тупыми концами, а остриями вверх. Таким образом в домике были воткнуты железные наконечники тормоза и пешни.

Если умирала женщина, то на ее деревянное изображение обязательно навешивали серьги, делали медные нашивки на платье, надевали браслет, кольцо, бусы, давали иглы, наперсток, кроильный нож и нож для обработки рыбы. Все это она должна была унести с собой.

Все вещи, которыми снабжался умерший, Моклей передавал Курчуку, сидевшему вместе с ним возле домика, и уже тот либо втыкал их в фигурку, либо складывал в домик. Так были уложены в него: ложка, вилка, китайские палочки для еды, вертлюги для собачьих ошейников, разломанная плитка чая, листовой маньчжурский табак, спички и патроны, заправленные дробью.

В это же самое время нивхи возле домика сломали следующие вещи: большой дорогой железный айнский котел, четыре охотничьих ружья, тормоз для нарты, чайник, фарфоровое блюдце, тарелку, кружку и прочие предметы быта, необходимые человеку. Вещи ломали для того, чтобы умерший взял с собой их души. Если вещь не сломать, умерший не сможет взять их с собой.

Так как могильный домик был наполнен всевозможными вещами — своего рода предметами первой необходимости, — два небольших свертка старинного китайского шелка не уместились туда. Тогда Моклей закрыл домик крышей. На нее он положил оба куска шелка, закрыл их листами коры и крепко-накрепко обвязал домик вместе с кольями, вбитыми по его сторонам.

Теперь уже умерший был снабжен всем необходимым. Отец и сородичи ничего для него не пожалели и могли наконец, как и все, принимавшие участие в последних проводах покойного, приступить к трапезе.

Тем временем немного прояснилось. Развеялись тучи,

утих ветер. На землю были поставлены столики. Мужчины расположились отдельно от женщин.

Мясо собак сварилось, готова была и рисовая каша. При помощи заостренных палочек мясо вытащили из котла и положили на ветки стланика, густо постланные на землю. Отсюда остывшее мясо собак поступало на столики. Рисовую кашу предварительно смешали с ягодами, а затем разложили в чашки и расставили по столикам. Сидевшие за ними добавляли в кашу тюлений жир, находившийся в большом пузыре.

Присутствовавшие с аппетитом угощались вкусной едой, причем она должна была быть съедена здесь на месте. Ничто не могло быть унесено отсюда с собой в жилище.

Когда мясо и каша были съедены, в тюленьем пузыре осталось еще немало жира. Моклей вылил его на землю, а пузырь разорвал и бросил в сторону. Все разошлись по домам.

Теперь душа покойника ушла наконец из тела собаки-*прыски* и наделенная всем необходимым шествовала в селение мертвых. Надобность в дальнейшем содержании собаки на наре полностью отпала.

— Ее, — сказал Кельм, — Моклей отдаст кому-нибудь из зятьев рода *Тлаглун*". В своем роде эту собаку оставлять нельзя. Зятья же, когда она состарится, могут ее убить и съесть. А сородичи покойного не могут убить эту собаку и не могут есть ее мясо. Если тесть очень нуждается, ему могут отдать собаку, но убить ее и есть ее мясо он также не может. Когда собака состарится, он должен будет отдать ее из своего рода посторонним людям, которые смогут ее убить и съесть

— Старики говорили, — сообщил мне Кельм, — что если вечером подойти к могильному домику, в который была поставлена фигурка покойного, в нем можно услышать разговоры. Это новая фигурка рассказывает своим товарищам, какие вещи она уносит с собой. Имя каждой женщины, шившей ему вещи, она им сообщает. Имя каждого мужчины, изготовлявшего ему вещи, она им сообщает.

Наверное, завтра старик Моклей с женой пойдут к могильному домику. Посидят там, покурят, поскучают.

Поблагодарив Кельма за прием, я пошел к лодке — нужно было возвращаться домой, в школу.

СУДЬБА ДУШИ ПОВЕСИВШЕГОСЯ

10 октября. По представлениям нивхов, судьбы душ людей, умерших неестественной смертью, иные. Нивхам издревле известен лишь один вид самоубийства — самоповешение. Хайкак рассказывал, что душа самоубийцы, повесившегося на дереве, живет на берегу маленькой речки и питается лягушками. Душа повесившегося таскает за собой душу дерева, на котором он повесился. Древние нивхи якобы говорили, что самоубийца должен взять с собой иглу, нож и точильный камень. Тогда он не будет волочить за собой душу дерева и освободится от нее. Дерево, на котором повесился человек, необходимо срубить. Это нужно сделать для того, чтобы самоубийства не продолжались.

Нивхи из селения Чайво рассказывали, что лет десять назад один нивх из селения Агнево отправился зимой на Малый Горомай ловить рыбу и там повесился. Они были уверены, что душа его бродит вблизи этой реки и что ночью каждый, отважившийся пойти туда, может услышать, как он кричит.

Моклей мне рассказывал, что на западном берегу Сахалина жили два брата: Лыскын и Куигрин. Они были очень богаты, особенно первый. Лыскын был болен, не мог вылечиться и повесился.

Однажды один провидец увидел во сне селение мертвых. Там он якобы встретил и повесившегося Лыскына. Лыскын жил не со всеми умершими в селении, а в стороне от них, возле болота. Он питался там якобы только лягушками и высохшей черной форелью. В погоне за лягушками он о кустарник изорвал в клочья свои рукава.

Увидев провидца, Лыскын вступил с ним в разговор и спросил его, не знает ли он, отдал ли такой-то (имени его Моклей не мог вспомнить) лодку, которую он должен был Лыскыну, его брату Куигрину. Спрашивал он также, отдали ли его брату собак и другие долги, которые оставшиеся на земле должны были Лыскыну.

Итак, по одним сообщениям, душа повесившегося остается на земле, а по другим — уходит в подземный мир, но в обоих случаях она живет вдали от всех на берегу какой-нибудь реки либо возле болота и питается лягушками.

10 октября. О судьбе души убитого. Очи сказал: «Душа убитого человека летает» (*иг"-ниг"вн"-дехн" пуинт*). Когда за нее отомстят, она на землю опускается и уходит в селение мертвых. Если душа убитого не отомщена, она летает по селению нивхов в виде птицы *тахть* и кричит, призывая их к мести. О том же мне говорил и Курчук. Колка же мне серьезно сказал:

— Если к рукавам и наколенникам убитого пришить железки, то он (т. е. его душа. — *Е. К.*) не будет летать.

— Каждый род, — говорил мне Н"урзин, — свою *тахть* имеет, свою птицу мести. *Тахть* это душа убитого человека в виде черной птицы с красным клювом. Ей постоянно кровь нужна.

Так говорили о душе убитого нивхи и Л. Я. Штернбергу [24, 97]. Очи также говорил мне о *тахтьн"а* — птице, которая пьет человеческую кровь. Шызн"ыун говорил, что она похожа на ворона и кричит «*К"ох, к"ох*!».

Убийства у нивхов, а затем и кровная месть между родами происходили главным образом из-за женщин.

На территории селения Чайво прямо между жилищами лежат вывороченные пни. Они выцвели от давнего лежания под снегом, дождями, ветрами, но никто их не трогает. Это *уг"ниг"вн" ваг"н"* — пни, поставленные по убитым нивхам. Никто не знает истории этих памятников — когда, по ком и кем они поставлены. Они свидетельствуют лишь о том, что некогда нивхи убивали здесь нивхов.

Из бесед с Кельмом узнал, что самыми воинственными в Чайво были нивхи рода *Тлаглун"*.

В старину каждый взрослый нивх носил на поясе кинжал — большой нож, который назывался *тавзэк"о*. Кинжал этот носили в ножнах, которые подвязывались к поясу за нижний и верхний концы. Употреблялся он главным образом как орудие убийства за нанесенное оскорбление, а также при кровной мести.

Кроме того, нивхи надевали на большой палец правой руки кольцо *агм,* способствовавшее натягиванию тетивы. Однако в момент раздражения они били им противника в лицо.

Прадед Кельма, о котором рассказывал ему отец, убил в селении Чайво в роде своего тестя *Авонн"* мужчи-

ну. Между родом тестя — *Авонн*" и родом зятя — *Тлаглун*" возникла кровопролитная междоусобица. В то время у прадеда Кельма еще был жив дедушка. Он был очень стар и не мог ходить без палки. Для того чтобы прекратить кровопролитие между родами, дед прадеда решил пожертвовать своей жизнью. Каждый день уходил он в жилище своих тестей и сидел там, ожидая смерти, но они не хотели убивать старика.

Когда члены рода *Тлаглун*" снаряжались по делам мести в какое-нибудь дальнее селение, они звали с собой нивхов селения Тыгмыч, расположенного южнее Чайво, и те отправлялись с ними на битву. Дело в том, что селение Тыгмыч было некогда основано членами рода *Тлаглун*". При прадеде Кельма у них был еще «один огонь». Всего лишь четыре поколения назад нивхи рода *Тлаглун*" и селения Тыгмыч считались еще членами одного рода. Впоследствии эти роды разделились.

Перед уходом на битву нивхи рода *Тлаглун*" приносили в жертву собаку рыже-красной масти. Ее душили особым способом, отличным от обычного. На шею ее надевали петлю, свободный конец которой перебрасывали через сук укрепленного в земле деревца. Ремень тянули вниз, а собаку вздымали вверх так, чтобы морда ее торчала в небо. Так она и висела на ремне с обращенной в небо мордой, пока не подыхала.

Собака эта предназначалась *тахть* — птице мести.

Затем воины изготовляли из травы фигурку человека и прокалывали ее копьями. Это религиозно-магическое действие должно было способствовать победе над врагом.

Только после этих приготовлений они отправлялись на битву. В пути они кричали: *«К'ыс ниндыя!»* — «счастье, взгляни на меня!».

— Вместе с идущими, — рассказывал Кельм, — летела птица мести. Если она была сильна, они побеждали; если она была слаба, их побивали.

Еще на Тыми было записано мною предание о военных столкновениях между нивхами селения Чайво и нивхами противоположного побережья Сахалина, расположенного напротив устья Амура. Это побережье называется Лэр, а жившие на нем нивхи — *лэрпин*".

Однажды из такого столкновения в Чайво вернулся

только один человек. Тогда он взял с собой шамана, чтобы тот пел и помог ему перебить врагов. Когда они шли, шапка у шамана все время соскальзывала на лицо и падала на землю. Тогда они вернулись обратно в свое селение. После этого нивхи-*лэрпин*" пришли в Чайво и побили чайвинских нивхов.

Вот что рассказал мне Кельм о древних столкновениях нивхов его рода с нивхами-*лэрпин*".

Нивхи рода *Тлаглун*" в очень давние времена состояли в родстве с каким-то родом ороков. Очень давно орок рода *Тлаглун*" пошел по делам на противоположное побережье. Там его заполонили нивхи и заставили работать на себя. Кормили его очень плохо: давали ему есть только хвост кеты либо другой рыбы и больше никакой пищи ему не давали. Так помучавши орока, они его наконец отпустили. Он пришел в Чайво и рассказал об этом сородичам-нивхам. Нивхи рассердились и собрались в путь. С собой они взяли копья и луки. Дойдя до реки, они засели в засаду, а орок ушел в селение нивхов, где его мучили. Там опять заполонили его. Нивхи, поймавшие орока, поехали на реку охотиться. У нивхов же рода *Тлаглун*" не было лодок, и они пропустили их вверх по реке.

Когда нивхи на лодках возвратились вниз, нивхи рода *Тлаглун*" убили какую-то птицу *к"аскыр*. Ее перо они привязали к стреле и, сами не показавшись, стали махать ее крылом из травы. Одна лодка с нивхами проехала, но следующая остановилась и ехавшие в ней нивхи решили поставить здесь на ночевку шалаш. Поставив шалаш, они стали есть. Орока опять покормили хвостом рыбы. Когда они легли спать, нивхи рода *Тлаглун*" окружили шалаш. Орок сел и стал прислушиваться — все ли спят. Все спали. Тогда нивхи подостлали сена, и орок, будучи очень ловким, перепрыгнул через спящих на сено. После этого нивхи рода *Тлаглун*" убили спящих копьями и только одного нивха оставили в живых. Они вырезали у него часть одежды напротив сердца и отрезали клок волос на его макушке. Затем они отпустили его к его родичам для того, чтобы он рассказал там про нивхов рода *Тлаглун*". Придя в свое селение, он рассказал о случившемся и сразу умер, так как нивхи, как бы оскальпировав его, утащили вместе с волосами его *техн*" — душу.

Если человека убивали, его сжигали. Потом притаскивали высокий пень с вывороченными корнями (*ваг'н''*) и втыкали его вверх корнями на месте сожжения убитого. На одном из концов корня делали голову птицы, обращая ее туда, где находился убийца. На «хвост» пня (*ваг'н''аки*) вешали нож — возможно, для того, чтобы душа убитого могла им воспользоваться для мести. Под пень же втыкали рыболовный крюк (*марих*), привязывали к нему веревку, обертывали ее вокруг ствола по направлению к восходу солнца и привязывали ее к колышку, вбитому возле корня.

Палгук, со слов стариков, рассказывала мне, что на пне, вывороченном по убитому, делали две головы: одна была обращена на восход, другая — на заход. В рот головы, обращенной на заход, вставляли деревянную фигурку человека, изображающего убийцу.

В каждом районе, даже селении могли, конечно, существовать свои особенности в установлении памятника по убитому, но важно, что везде по нему ставился вывороченный пень вверх корнями и везде считали, что душа убитого летает.

21 ноября. Я приехал на остров Агиво присутствовать при сожжении сына Туки. В ожидании обряда я бродил по островку. Поднявшись на один из холмиков, увидел в кустах труп рыжей собаки. Возле нее был воткнут в землю ствол молодой лиственницы, украшенной ритуальными стружками. На нем и удушили собаку. На мой вопрос о причине удушения собаки брат Туки ответил, что это Туки кормил *тахть*.

— Раньше, — сказал он, — нас было пять братьев, но двоих съела *тахть*.

Очевидно, Туки полагал, что и его сына убивает *тахть*. Поэтому он и принес ей в жертву собаку. Ни женщины, ни молодые нивхи не могут видеть, как приносят собаку в жертву *тахть*. Ей приносят в жертву только рыжих либо рыже-красных собак. Это жертвоприношение совершает один либо два человека. После удушения собаке вскрывают грудь, вырезают ей сердце и бросают его *тахть*, как бы говоря ей: «Ну, пожалуйста, возьми сердце собаки! Возьми ее кровь! Видишь, я тебе ничего не жалею, но не трогай больного, не пей его кровь, не ешь его сердце. Оставь его мне! Ну, пожалуйста, пожалей меня!».

Может быть, Туки и не говорил этих слов, но несомненно он так думал.

От собаки, принесенной в жертву *тахть,* нивхи не берут ни мяса, ни шкуры. Это, по-видимому, единственный случай, когда они отказываются от мяса собаки из страха перед местью мифического существа. Правда, Туки почему-то шкуру с туловища снял, а на голове и ногах собаки не тронул ее.

Нивхи считают, что кровотечение при туберкулезе легких также вызывается *тахть.* Никогда так глубоко не ощущал я беспомощности нивхов в объяснении природы заболеваний, как в тот момент, когда стоял перед нивхом Курчуком, изо рта которого тоненькой струйкой текла алая кровь. Возле него стояли нивхи, такие же бессильные, как он, и молчали. Это было легочное кровотечение.

В перерывах между приступами кашля Курчук повторял: «Это *тахть* делает!». И стоящие вокруг нивхи тоже подтверждали: «Это правда. Это *тахть* делает. Она пьет из него кровь».

Спросил Кельма, была ли у древних нивхов такая болезнь, как у Курчука.

— Была, — ответил он. — Древние нивхи убивали людей, и тогда они воевали между собой. Если не воевали, род убийцы выплачивал виру — *тхусинд,* а род убитого отдавал им взамен женщину. Однако за убийство все равно надо кровь отдать: *тахть* нужна кровь. Поэтому в роде убитого или у самого убийцы начинала течь из горла кровь или он кашлял и вместе с кашлем у него отходила кровь.

Итак, неотомщенной душе убитого нужна кровь, и тогда его душа в виде птицы *тахть* пьет ее даже у своих сородичей.

Вот какое страшное объяснение причины легочных кровотечений дали нивхи некогда воинственного рода *Тлаглун".* Нигде и никогда среди нивхов я не видывал такого количества тяжелых туберкулезных больных, как среди нивхов этого рода в селении Чайво. Эту болезнь они приписывали тому, что не отомстили за своих давным-давно убитых сородичей. Но представление о том, что легочные кровотечения вызываются неотомщенной птицей мести — *тахть,* я встретил только в одном месте, в селении Чайво.

СУДЬБА ДУШИ ОЦАРАПАННОГО ИЛИ ЗАДРАННОГО МЕДВЕДЕМ. ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ОЦАРАПАННОГО ИЛИ ЗАДРАННОГО МЕДВЕДЕМ

15 октября 1928 года. Если нивх находит какой-нибудь предмет, который может ему пригодиться, он делает на нем метку. Другой, найдя этот предмет, уже не возьмет его. Примечательно, что эти чисто человеческие отношения нивхи перенесли на мир религиозных отношений с горными людьми-медведями. К этому выводу нетрудно прийти, если ознакомиться с рассказом Очи.

«Старики говорили: медведь человека когда оцарапает, его отмечает (т. е. отметку на нем делает. — *Е. К.*). Потом «Моя вещь», сказывают, говорит. Он [человек], если живой, все «Моя вещь», сказывают говорит. Он, если умрет, все «Моя вещь», сказывают, говорит. «Вот для себя отметку сделал», сказывают, говорит. «Чтобы себе взять», сказывают, говорит.

Старики говорили: он (оцарапанный медведем человек. — *Е. К.*), когда умрет, к горным людям его посылают. Потом у [кого-нибудь из] живущих в нивхском селении, когда где-либо заболит, у него счастья просят, [ему] собак убивают, *инау* делают, изображения [зверей] делают. Чтобы он помог, чтобы не болеть. Сами зверя когда не могут добыть, разного зверя когда не могут добыть, [тогда] и пучку, и сарану ему бросают, у него счастья просят: «Я в лес когда пойду [охотиться], с гор разного зверя спусти, посреди моей дороги [его, их] помести»».

Значит, нивх убежден, что если медведь оцарапал человека, он поставил на нем метку. Когда же этот человек умрет, необходимо отдать его медведю, поскольку это его вещь — ведь медведь его отметил! Уйдя к медведям, он становится горным человеком. Кого же нивхам просить помочь во время охоты, как не своего сородича? Конечно, его! Ведь он теперь находится среди горных людей. И вот нивх ставит свою удачу во время промысла в зависимость от его содействия. Вот тут-то и проявляются первые шаги обожествления умершего сородича, который, конечно, будет помогать сородичам, оставшимся в живых. Л. Я. Штернберг считал возможным называть таких сородичей, ушедших после смерти, по веро-

ваниям нивхов, к горным и морским людям, родовыми богами нивхов. «Родовые боги гиляка, — писал он, — не сверхъестественные мифические существа, как у греков и римлян, а их же собственные сородичи, по разным причинам перешедшие в род того или другого бога, „хозяина“» [27, 58].

На наш взгляд, это утверждение нуждается в небольшом уточнении. Каждый род нивхов имеет соответствующий ему род горных людей-медведей, о чем отчетливо сказано в легенде Шызн"ыуна. Этот род, по верованиям нивхов, покровительствует нивхам их рода. При этом совершенно не обязательно, чтобы в роду горных людей-медведей находились нивхи, задранные медведями. Так, нивхи Охотского побережья Сахалина свои жертвоприношения горным людям называют *тён"к"р ч'авд* — «кормление голов медведей». При этом жертвоприношении головы медведей обмазываются студнем и рисовой кашей два раза в году. Нивхи Охотского побережья говорили мне, что они называют так свое жертвоприношение потому, что у них не было случаев, чтобы медведи задирали людей. В тех же местах, где подобные случаи происходили, как, например, на Тыми, кормление горных людей-медведей совершалось по-иному и называлось оно иначе — *палрох" ч'аунд,* что означало «горе (т. е. горным людям. — *Е. К.*) пищу посылать».

У нивхов, возможно, ярче, чем у других охотничьих народов, проявилась психология людей, живущих добычей животных, птиц, рыбы. Она наложила отпечаток и на их религиозные представления. Логика этих представлений чрезвычайно примитивна. Охотник убивает медведя. Медведь его добыча. Для этого охотник и убивает его и берет себе. Ну, а если медведь убивает охотника? Значит, человек его добыча и медведь берет ее себе, иначе он, конечно, не стал бы убивать человека. Этот несложный ход рассуждений помогает понять, почему нивхи считают, что душа человека, задранного медведем, уходит жить к медведям, а не в селение мертвых.

Л. Я. Штернберг сообщает, что человека, раненного медведем, завертывали в шкуру убитого медведя и так привозили в селение. Человека же, задранного медведем насмерть, привозили, усадив верхом на убитого медведя [27, 96].

Однако убийство человека не проходит медведю безнаказанно. Нивхи жестоко мстят ему за убитого сородича. Вот что рассказал об этом Очи.

«Древние старики сказывали так. Если человек что-либо нехорошее в отношении горных людей совершит, медведь того человека убивает. Тогда нивхи медведя-убийцу преследуют, и если не находят его, то первого попавшегося им медведя убивают. Затем они его свежуют и сразу же не только с его туловища, но и с головы шкуру снимают. Этим они ему свое негодование выражают. (Голову медведя, не совершившего преступления против нивхов, не свежуют, а приносят в селение и оказывают ей всяческие почести. — *Е. К.*). Потом его ножами колют, на куски режут как попало (без соблюдения какого бы то ни было ритуала. — *Е. К.*). Затем в кусок его мяса нож втыкают, и тот кусок другому нивху перебрасывают, а нивх этот кусок на лету ножом ловит. Так издеваясь над медведем, они куски его туши в сторону гор бросают, в сторону воды бросают. Со злостью мстя медведю за смерть своего сородича, бросают. Тыча его ножами и разбрасывая его мясо в стороны, они при этом приговаривают: «Ты тоже так боль узнаешь, тебе тоже так сделают, ты тоже смерть познаешь» (*ч'ан хымть-ин"гр к"онд яймр х'андру, ч'ан х'ир (х) андру, чан мунд яймр х'андру*). Мясо медведя, задравшего нивха, или медведя, над которым был совершен обряд мести, нивхи не едят».

О мести медведю-убийце рассказывал и Шызн"ыун.

«Лет сто назад нивхи рода *Руивн"*, землянки делая, жили. Летние дома делая, жили. Однажды осенью все мужчины в лес ушли петли на соболя ставить. Одни только женщины в селении остались.

Мать, старуха Нотирк, детей имела. Ее дети совсем маленькие были: один в колыбели находился, другой — чуть побольше.

Вот голодный медведь пришел, в сени вошел, на дверь надавил. Дверь сломаться уже готова. Тогда он бросил эту дверь, будто нет его — звуков не слышно стало. Она долго в жилище сидела. «Ну, теперь-то он ушел, наверно» — так подумала. Вот вышла, прячась, в другое жилище пошла. В это время между жилищами медведь показался, к ней пошел. Тогда ребенка, которого она за руку вела, отпустила.

Большой спрятаться успел. Маленького же медведь из ее рук вырвал, убил, ел. В это время мать, старуха Нотирк, вместе со своим ребенком в другое жилище вошла. Медведь же к этому жилищу пошел, в сени вошел, там находясь был.

Нивхи из леса обратно пришли. Дед с отцом К"охыля вместе пришли. Отец К"охыля еще маленьким был, волосы, свернутые пучочком, еще носил. Вот возле своего жилища пеленки, смоченные алой кровью, разбросанные увидел. Отец К"охтыля, ничего не зная, взял их, поднял, сказал: «Отец, посмотри. Пеленки ребенка в алой крови вымоченные лежат». Его отец сказал: «Оставь, не тронь, это злой дух». Тогда его сын пеленки бросил. Так шли. В сени дома, когда входили, медведь на них набросился. Дед был с котомкой на спине. Котомку не успел снять. Он медведя подпустил к себе, кольнул его копьем. Медведь наступал на него, а он пятился назад. Отец К"охыля, хотя и ребенком тогда был, взял копье и уколол медведя в бок. Тогда дед (его отец) неожиданно присел, упал. Медведь тоже мертвый упал. Так они его убили.

Тогда дед котомку снял, в жилище вошел, женщинам сказал, чтобы они взяли свои кроильные ножи и вышли. Женщины кроильные ножи, кроильные доски, метелки взяли. Женщины медведя по морде били, досками его колотили, метелками его били, кроильными ножами его морду кололи, оба глаза раздавили, резали его, куски в сторону бросали, на его морду мочились — за убийство ребенка ему мстили.

Нивхи отца К"охыля очень хвалили. Ну, конечно, раз он был из рода *Руивн"*, то хотя он и маленький был, разве он будет чего-либо страшиться. Вот так рассказывают. Этот рассказ я слышал от стариков, а теперь тебе его рассказываю».

Так закончил свой рассказ Шызн"ыун.

В этом рассказе обращает внимание тот факт, что издеваться над медведем было разрешено даже женщинам. В самом деле, что может обесчестить более, чем порезы и уколы женскими кроильными ножами? Или то, что женщины мочились на морду зверя? Не самое ли это высшее поношение такого могучего зверя, как медведь?

Подобная месть животным за убитого свойственна, по-видимому, многим народам на известной ступени развития. Вот что находим мы у Э. Тэйлора: «Грубые ку-

кисы Южной Азии весьма добросовестно исполняли свой несложный закон мести: жизнь за жизнь; если тигр разрывал какого-нибудь куки, семейство его считалось отверженным, пока им не удавалось отомстить, убивая и съедая этого самого или другого тигра; мало того, если человек погибал от падения с дерева, родственники его в виде возмездия срубали дерево и раскалывали его в щепки» [24, 254—255].

У нивхов задранных медведем не сжигали, а хоронили особым образом. Флорун рассказывал, что когда он был маленьким, его мать задрал медведь, вырвавшийся из клетки. Старик, живший в том же жилище, что и мать Флоруна, увидев это, застрелил медведя. Он схватил топор и в припадке злости рубил и рубил им медведя, пока не разрубил его на куски. Потом в лесу сделали медвежью клетку. В эту клетку поместили мать Флоруна и разрубленного на куски медведя, но положили их отдельно друг от друга. Затем клетку закрыли и так оставили в лесу.

Кельм рассказывал, что его отца, умершего от укусов медведя, содержащегося в клетке, похоронили таким же образом, как и всех людей, укушенных медведем, т. е. не сожгли, а поместили в клетку, сложенную прямо в лесу.

— Нивха, убитого медведем, — говорил мне Очи, — к горным людям посылают, почему его и хоронят в медвежьей клетке, которую складывают в лесу. В клетке отверстие для его кормления делают. Внутри клетку *инау* выстилают. Задранного медведем в сидячем положении в нее помещают и клетку бревнами закрывают. Затем четыре молодые елочки срубают и по углам клетки их втыкают, как и в медвежьей клетке. Кроме того, к передней стороне клетки, где вырубается отверстие для кормления медведя (в данном случае кормления задранного медведем. — *Е. К.*), с обеих ее сторон аллею — *в"ата* устанавливают, как на медвежьем празднике, из трех родов деревьев: ольхи, тальника и молодых елочек.

Весной и осенью, когда нивхи р. Тыми устраивают *палрох" ч'аунд* — кормление горных людей-духов, сквозь отверстие клетки задранному медведем еду бросают. Когда на зверя охотиться идем, ему еду приносим (*эрх" ч'аунд*), просим, чтобы он за нами приглядывал, чтобы [мы] не заблудились, чтобы [нам помог зверей добыть].

Если болеем, опять его просим, чтобы [он нам] помог. Потому пучку и сарану ему кидаем, что он горным человеком стал. Так [у горных людей] с людьми, живущими в низовской земле (т. е. с нивхами — *Е. К.*), один род устанавливается. Так старики сказывали.

Таким образом, из сообщений нивхов о горных людях-духах следует, что горные люди-духи живут такими же родами, как и сами нивхи. Каждый род горных людей-духов покровительствует определенному роду нивхов за то, что те два раза в год посылают им дары — жертвоприношения. Однако кровное родство с родом духов устанавливается у нивхов тогда, когда в род первых переходит нивх, задранный или оцарапанный медведем. Этот родич обожествляется ими, так как свою удачу на охоте в лесу они приписывают его содействию. Они обращаются к нему с просьбами о помощи и бросают ему угощения из корыта *(н"аньлаврох")*, имеющего форму животного, чтобы он в порядке обменного дарения послал лесную добычу.

СУДЬБА ДУШ УТОНУВШИХ. ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ УТОНУВШИХ

3 ноября. Наконец-то добрался до Чайво. Остановился у Кельма. Кельм встретил меня радушно, затопил железную печку, поставил на нее чайник. За чаем я спросил его, что нового произошло в жизни чайвинских нивхов за время моего отсутствия. Кельм долго молчал, а потом спросил:

— Разве ты не слышал, что случилось у нас?

Я ответил отрицательно. Помолчав немного, он сказал:

— Весной четверо чайвинских нивхов *н"акзлатнд* — «прутья обрели».

Это значило, что нивхи утонули. Слово «утонуть» у чайвинских нивхов обозначается глаголом *хэрмавд,* но они избегают употреблять его.

Я спросил:

— Кто же это?

Он ответил:

— Называть их имена я не могу.

Помолчав некоторое время, он все-таки сказал:

— Это сыновья Момзина, Х'ангина, Тохвина и Ватьки. Ты их всех знал.

Я не стал больше задавать вопросы, боясь проявить излишнее любопытство к происшедшей трагедии.

Мы пили чай молча. Обычно разговорчивый, Кельм на этот раз замкнулся. Чувствовалось, что он избегает разговора на эту тему. А дело было так.

В начале мая 1927 года четверо молодых нивхов выехали из Чайвинского залива в Охотское море к отошедшим от берега льдам, чтобы поохотиться там на тюленей, устраивающих лежбища на льду. Все они были в одной лодке. Вечером, после охоты, на обратном пути нивхов застиг туман. Потеряв ориентировку, они стали звать на помощь. Когда жители Чайво услышали их крики и, несмотря на наступившие сумерки, бросились к морю, крики стихли. Волны Охотского моря поглотили охотников.

Целую ночь провели нивхи в своих жилищах без сна. Как только начало рассветать, они пошли к морю. На берегу был обнаружен только один утопленник, сын старого нивха Х'ангина. Рядом с ним лежал убитый сивуч. Невдалеке от них лежала накренившаяся на бок лодка. В ней сохранилось все взятое нивхами на охоту, за исключением ружей. При отливе ружья также не были найдены, что удивило нивхов.

В поисках других трупов нивхи бродили вдоль берега Охотского моря и в северном и в южном направлениях. Однако остальных утопленников так и не нашли.

Единственного утопленника, найденного на берегу моря, перетащили через всю косу на берег залива, к мысу Чиглдулан". Там нивхи Чайвинского залива издревле ставят памятники по утонувшим, называемые *ч'иглаф* (рис. 16). Прикасаться к утопленнику руками нельзя. Тащить его можно только баграми (нивхский багор представляет собой палку с острым крюком, загнутым вверх к рукоятке). При этом нельзя также допускать, чтобы утопленник лежал на спине лицом вверх и видел живых людей. Поэтому нивхи переворачивают утопленника баграми на живот, вниз лицом, баграми же втаскивают его на нарту и так перетаскивают его к месту сожжения. В данном случае утонувшего сына Х'ангина перетащили на нарте через косу с берега моря

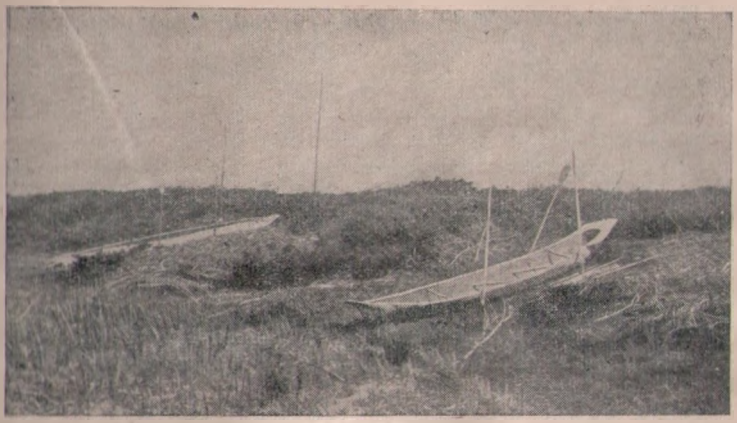


Рис. 16. *Ч'иглаф*, установленный в селении Чайво по двум утопленникам. Из коллекции ГМЭ.

на залив. Надеясь найти других утопленников, нивхи не стали сжигать его, а оставили лежать на мысу на нарте, надежно оградив его от животных и птиц.

Когда произошло несчастье, на сородичей утонувших было наложено табу. Пока не обнаружили трупов утонувших и не совершили ряда обрядов, сородичам утонувших запрещалось ловить рыбу, тюленей. Им запрещалось даже резать свежую рыбу и свежих тюленей, добытых для них чужеродцами. Все это должны были делать для них только чужеродцы.

Всем же нивхам селений, находившихся на Чайвинском заливе, в это время запрещалось: произносить имена утопленников; утеплять жилища морскими водорослями; сжигать на очаге плавной лес; изготовлять из тюленьей кожи ремни в течение целого года; совершать религиозный обряд «выбрасывание глаз и головы тюленя в воду» (глаза и головы добытых тюленей требовалось сохранять до зимы. Зимой же их нужно было отвезти на небольшой островок, расположенный в Чайвинском заливе вблизи деревни Агиво, и там оставить); жарить рыбу; солить рыбу; варить на огне чужого рода свежую рыбу, тюленя, кипятить воду; отдавать чужеродцам тюленью шкуру, собаку; стирать; выбрасывать сор из избы.

Целый месяц искали нивхи утонувших, но море так и не возвратило свою добычу. Великое горе обрушилось на крохотное селение нивхов, затерянное на краю земли. Наконец решено было сжечь найденного утопленника на мысу Чиглдулан". И хотя сожжен был только один утопленник, памятники были поставлены всем четырем утонувшим. Но так как они принадлежали к двум разным родам (сыновья стариков Момзина и Х·ангина относились к роду *Кэвонн",* а сыновья стариков Тохвина и Ватьки — к роду *Тлаглун*"), то каждым двум утопленникам был поставлен один памятник.

После сожжения утопленника и установки памятников запреты, распространявшиеся на сородичей погибших, были сняты.

Здесь нужно оговориться, что в каждом районе обитания нивхов культ утопленников обладает своими особенностями. Вот как выглядит он на Тыми, по рассказам Очи, связанным с конкретным случаем.

Сын Х·ыдьн" яна, никого не предупредив, решил искупаться в реке, хотя нивхи в реке не купаются и не моются. Раздевшись, он полез в Тымь и, видимо, сразу же погиб, так как вода в этой реке холодная, а течение быстрое. В течение двух недель нивхи искали по всей Тыми утонувшего. В продолжении этого времени сородичи утонувшего не должны были ловить и резать рыбу, чтобы *п'милк хал зоск"илак"рд,* т. е. «кожи своего черта не поломать». Рыбу ловили и готовили им чужеродцы.

Когда утопленник был обнаружен, его баграми повернули вниз лицом, втащили в лодку и повезли к месту, где тымовские нивхи ставят памятники по утопленникам. Отведенное место на берегу специально устлали большими листьями растений. На них (также баграми) положили утопленника лицом вниз, головой к берегу, ногами к воде. Затем из лиственницы были приготовлены дрова для сожжения. Были приготовлены и *инау. Инау* выстлали поверхность клетки для костра и сделали из них «шапку» и накидку — «шубу». Последние также баграми были надеты на утопленника. Так как к утопленнику нельзя прикасаться руками, то под него подсунули три шеста. Шесть человек, по два с каждой стороны, подняли тело на шестах и опустили на костер в том же положении, в каком утонувший лежал на земле: лицом вниз, головой к берегу, ногами к воде.

Когда утопленник сгорел, в середину прогоревшего костра между оставшимися углями и костями вбили кол. Затем в кол воткнули рыболовный крюк с ремнем. Ремень потянули в сторону восхода солнца, повели его вокруг кострища в сторону захода и привязали к колу, вбитому возле первого. Создавалось впечатление, будто нивхи окружают костер ремнем, чтобы душа утопленника не вырвалась за его пределы. Потом вокруг кострища стали втыкать прутья — делать жилище для утопленника.

После сожжения сыну Х·ыдьн"яна там же на берегу установили своеобразный памятник — *ч'иглаф* (рис. 16), т. е. лодку, на которой его привезли к берегу (требуется, чтобы она была установлена очень ровно и не имела крена ни в какую сторону). По бокам ее воткнули в землю весла: правое — справа, левое — слева. Возле лодки были воткнуты также рулевое весло и шест.

4 ноября. После беседы с Кельмом я понял, что мне предоставляется редкая возможность исследовать возникновение одного из религиозных культов, уходящих корнями в каменный век.

Рыболов и охотник каменного века, зная, что рыбу и тюленя, добытых ими из воды, они берут себе, естественно считали, что человека, погибшего в воде, тоже берет себе какое-то живое существо, живущее в воде. Иначе с чего бы вдруг человек в ней погиб?

Трагическая гибель соплеменника в воде повергала людей каменного века в страх. Они боялись погибнуть в ней сами. Им казалось, что если они прикоснутся руками к утопленнику или он посмотрит на живых людей мертвыми глазами или услышит, как его называют по имени, то это может привлечь его к людям и тем самым навлечь на них гибель. Но мало этого, ведь утонувший мог превратиться в рыбу или тюленя. Значит, нельзя ловить рыбу и тюленя, нельзя резать их. Иначе можно повредить ему и навлечь на себя его гнев.

Страх, страх, страх — вот основное чувство, которое испытывает каждый нивх перед утопленником.

Однако, когда нивхи видят, что в воде погибает человек, они бросаются ему на помощь, чтобы спасти его и не дать ему погибнуть. Но и тут они прибегают ко всяким ухищрениям.

Нивх Выксин рассказал мне, как во время охоты во

льдах он провалился в воду. Нивхи Пхыр и Ключайн мгновенно зацепили его багром и вытащили на лед. Затем все они пошли на берег, сделали из тальника крюки и зацепив ими друг друга начали тащить один другого — каждый к себе. Потом они обменялись этими крюками.

Если тонет ребенок, игравший на берегу и упавший в воду, его вытаскивают. Когда он приходит в себя, его кладут на берег головой к воде. После этого тот, кто спасал ребенка, зацепляет маленьким багром его одежду, заставляет его подняться и тянет за собой до тех пор, пока не вводит его в жилище. Только там он отцепляет багор.

Религиозно-магический обряд «захватывания багром», видимо, должен был показать злым духам моря, желавшим утопить человека и взять его к себе, что он добыча нивхов, что они поймали его багром и утащили его к себе. Иначе объяснить этот обряд с точки зрения психологии охотника невозможно.

Религиозно-магический обряд «захватывания багром» производится и над охотниками, унесенными льдинами, и с трудом спасшимися от беды. Когда такие охотники возвращаются на сушу, они не должны сразу идти в селение. Из селения к ним должен прийти старик, и они рассказывают ему, что с ними случилось. После этого они идут в селение, изготовляют маленькие багры и маленькие берестяные посудины и наполняют их студнем. Затем они снова идут к морю. Охотники, бывшие в беде, идут впереди, старик — сзади. Охотники входят на льдину и садятся лицом к старику. Тот же усаживается на берегу лицом к ним. Между ними во льду должна пролегать трещина. Охотники кладут подле себя свои багры и берестяные посудины, а старик кладет подле себя свой багор и берестяную посудину. После этого охотник показывает старику свой багор, а старик берет свой багор и начинает делать им такие движения, будто он что-то зацепил. Тогда охотник встает, берет свою берестяную посудину, свой багор и, ни на кого не глядя, идет прямо мимо старика в свое жилище, где он сразу же ложится спать. Тогда он спит спокойно. Если обряд не совершен, то, как считают нивхи, охотники, попавшие в беду на льдинах, часто пугаются во сне, вскакивают. Это происходит оттого, что их испуганная душа (*техн*")

где-то бродит, может быть, даже еще во льдах, и боится зайти в жилище. Поэтому-то и совершается обряд, который называют *техн"г·онюд* — спасение душ охотника, попавшего во время морской охоты во льдах в беду.

Если же человека не удалось спасти, то основная забота оставшихся в живых — найти его тело. Но если тело утопленника не обнаружено, то для родственников, оставшихся в живых, это большое горе.

Мне рассказывали, что в селении Ныйво в одной нивхской семье поздней осенью утонула дочь. Родители девочки спали в одежде до тех пор, пока не нашли ее тела, т. е. до весны. Снимать одежду они боялись — считали, что тогда одежда снялась бы и с тела их дочери, и та осталась бы голой.

Подобных суеверий у нивхов множество.

5 ноября. Утром, стараясь меньше встречаться с нивхами, я пошел по берегу залива на север, к месту, где стоят *ч'иглаф* — своеобразные памятники утопленникам.

На мысу Чиглдулан" стояло семь таких *ч'иглаф* — пять старых и два новых. Я осмотрел последние и зарисовал один из них — оба они в точности повторяли друг друга (рис. 17).

Основной частью каждого *ч'иглафа* была хорошая, большая, вместительная, почти новая долбленая лодка. Такие обычно употребляются нивхами Чайво. Установлены лодки были так точно, что ни одна из них не имела ни малейшего крена. Лодки были поставлены на таком расстоянии от воды, чтобы их не достал прилив. Обычно во всех селениях нивхов лодки, вытащенные на берег, стоят к воде носом, здесь же лодки были обращены к воде кормой, к суше — носом. Да ведь и утопленника на берегу кладут головой в сторону суши, ногами — к воде. Видимо, здесь, как и по отношению к умершему естественной смертью, ряд действий производят в направлении, противоречащем естественному: здесь ставят лодку носом к суше, а не к воде, как там, надевают шапку задом наперед и т. д.

По сторонам каждой лодки было воткнуто по четыре весла — по паре на каждого утонувшего. Весла были воткнуты рукоятками в землю напротив уключин — по два с каждой стороны лодки. У левого борта каждой лодки лежали по четыре тщательно выструганные палки, представлявшие собой части *тла* — плавающей остроги.

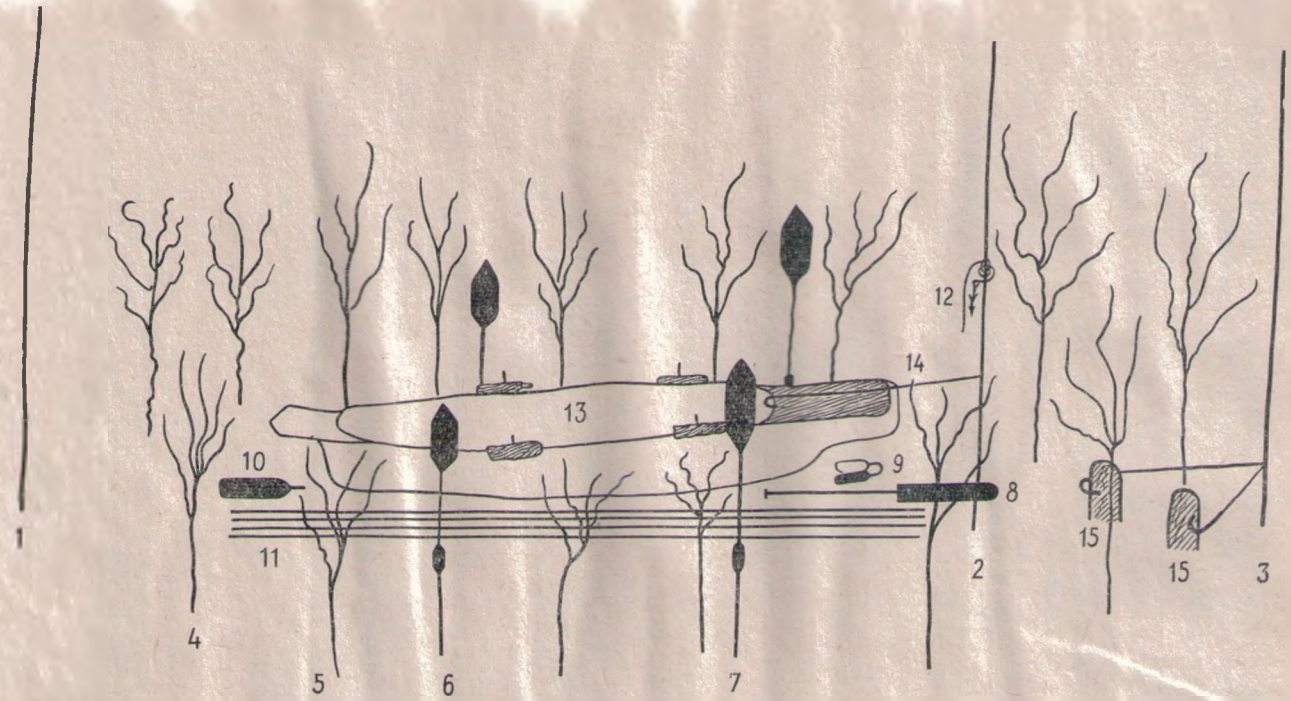


Рис. 17. Схематическое изображение *ч'иглафа* (зарисовка автора 9 ноября 1927 года в селении Чайво):

1, 2, 3 — шесты; *4, 5* — кустарники; *6, 7,* — гребные весла, *8* — рулевое весло; *9* — черпак; *10* — лопаточка гарпуна; *11* — палки, из которых связывается гарпун; *12* — снимающийся (поворотный) железный наконечник гарпуна; *13* — лодка; *14* — крючок и ремень, посредством которых лодка прикрепляется к шесту; *15* — *пинигис* — фигурки по утопленникам, обернутые травой и прикрепленные к шесту с помощью рыболовных крючков и ремешков.

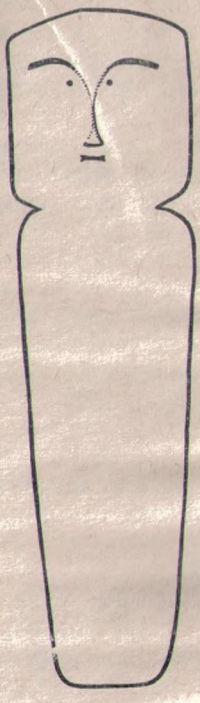


Рис. 18. *Пинигис* — фигурка, установленная в *ч'иглаф.*

Рис. 19. «Чертово корыто».

Здесь же возле кормы лежало направляющее приспособление плавающей остроги. Таким образом, каждая пара утопленников была снабжена основным орудием лова тюленя — острогой. Около носа каждой из лодок лежали рулевое колесо и деревянный черпак для вычерпывания воды.

Напротив кормы лодки, на небольшом расстоянии от нее, в землю стоймя был воткнут один шест. Напротив носа же были воткнуты два шеста: один вблизи носа, а другой подальше.

На одном шесте, воткнутом около носа лодки, на ремне был повешен железный поворотный наконечник гарпуна, надеваемый на направляющее приспособление

плавающей остроги. В самую середину внутренней стороны носовой части лодки был воткнут крючок, которым нивхи ловят тайменя. От крючка шел ремень, привязанный к тому же шесту. Лодка словно была привязана к месту посредством ремня и крючка.

Перед вторым шестом в берег были воткнуты две фигурки, обернутые в два вида трав, называемых нивхами *к"он"г:он"* и *н"унн"ун*. Около каждой фигурки, сбоку от нее, был воткнут крючок для лова тайменя. От крючка шел ремень, который был привязан к шесту. Таким образом, фигурки также оказывались как бы привязанными к шесту.

Одну фигурку я вытащил, зарисовал и снова поставил на место (рис. 18). Фигурка представляла собой дощечку примерно в 45 *см* длиной, 12 *см* шириной и 3 *см* толщиной. В верхнем конце ее была выделена голова, на которой ножом были вырезаны контуры лица.

Вокруг лодки и фигурок в землю были воткнуты ветки тальника. Однако крайние шесты не были ими огорожены [52].

Таково было устройство *ч'иглаф* в Чайво.

В полдень я зашел к Момзину и принес ему в качестве подарка немного табаку, чаю и сахару. Момзин, мягкий и кроткий человек, был совершенно удручен. Старший сын его Люньгин, которого я хорошо знал, утонул, а младший приемный сын Ландьроф уехал учиться в Ленинград. Теперь Момзин остался совсем один. Больше всего он горевал оттого, что не мог найти тела утонувшего сына.

Чтобы несколько отвлечь Момзина от тягостных дум, я спросил его, зачем ставят *ч'иглаф*.

— Чиглаф мы ставим, — сказал он, — человеку, погибшему в воде, чтобы у него орудия лова на тюленя были — так как он в море на нее охотиться будет.

— А как называется деревянная фигурка, которая втыкается в землю, когда устанавливается чиглаф?

— *Пинигис*.

И он рассказал мне, что фигурку эту делать из дерева, растущего в лесу, нельзя, а можно только из плавной вербы, причем обязательно выброшенной морем на берег. Из нее изготавливается также и *кинр-никр* — «чертово корыто», из которого «кормят» утонувших (рис. 19). Момзин же рассказал мне, что на каждого

утонувшего делается одно такое корытце. Делают их родители утонувших обязательно возле *ч'иглаф* сыновьям, потому что кусочки дерева и стружки, остающиеся после изготовления корытец, должны находиться только там — их нельзя бросать ни в каком другом месте.

Поскольку корытце для кормления утонувшего называется чертовым, нетрудно было догадаться, что нивхи называют утонувшего чертом.

— Почему же его так именуют, Момзин? — спросил я.

— Человек, умирающий в воде, — это *кинр,* черт, злой дух. Его душа по селению бродит. Потому так часто в этом году собаки воют. Возможно, она даже в жилище заходит, в гости — всех видит, но никто не может ее видеть, кроме шамана. Душа утонувшего от живых в свой род к *толниг"вн"* — водным людям уходит лишь после того, как «чертово корыто» зимой в тайгу увозят и там оставляют.

В это время в жилище вошел Моклей. Услышав, о чем мы беседуем, он шепотом сказал убежденно:

— На мысу, где поставлены *ч'иглаф, кинр* (т. е. утопленник. — *Е. К.*) греется у костра, который сам там разводит. Один вечером я к тому мысу ни за что не пойду. Часто наши нивхи там огонь видят. Когда на мысу утонувший сын Х·ангина был сожжен, там много разных вещей, необходимых его душе, было оставлено. Там и коробочка папирос была. На следующий день нивхи туда пришли и увидели: коробочка пустая, папирос в ней нет, а кругом папиросные гильзы валялись. Это *кинр* папиросы выкурил. *Кинр* человеку болезнь причиняет, если ему что-нибудь от этого человека нужно. Только шаман узнать может, что черту нужно. Обыкновенный же нивх ничего не понимает и только *к'ыс н"анг"нд* — «счастья ищет» своими жертвами, если дома кто-нибудь болен.

Где-то я уже встречал такие представления. Да, конечно, это я читал у Э. Тэйлора, изучавшего представления различных народов о душах людей, умерших не естественной, а насильственной смертью. Вот что он говорил: «Всегда господствовало мнение, что души, покинувшие тело, особенно вследствие преждевременной или насильственной смерти, суть вредные и злобные существа» [24, 98].

— А зачем вокруг *ч'иглаф* в землю втыкают прутья тальника? — спросил я Момзина и Моклея.

Оказалось, что это делается жилище для утонувшего. Но для этого необходимо брать прутья только тальника и ольхи. Для утонувшего мужчины берут по три прута от каждого кустарника, а для женщины — по четыре. Если не воткнуть в землю вокруг лодки такие прутья, душа утопленника в будущем будет мучиться без жилища.

Кустарник по-нивхски называется *н''акс*. Видимо, потому что утопленнику дают для жилища прутья кустарников, о нем говорят иносказательно: *н''акзлатнд* — «обрел кустарники», т. е. «обрел прутья».

Позже я узнал, что после установки *ч'иглаф* нивхи устраивают *п'афлинт*, т. е. обряд мести и примирения с *толниг''вн''* — морскими людьми.

— Зачем устраивают нивхи этот обряд? — спросил я на этот раз у Очи.

По словам Очи, выходило следующее. Морской человек сделал нивхам зло, на него, естественно, сердятся. Но тем не менее портить с ним отношения не хотят и потому примиряются. Иначе где же найдешь *тол ниг''вн''* — морского человека? Без его же содействия нивхам жить невозможно. Следовательно, волей-неволей приходится с ним мириться.

Шызн''ыун говорил мне, что для обряда примирения в Агнево убивают тюленя или рыбу. К сожалению, в Чайво мне не пришлось выяснить, как был совершен этот обряд. Поэтому описываю здесь, как производится этот обряд у нивхов Тыми.

После установки *ч'иглафа* сыну Хыдьняна старики обособились от присутствующих, зажгли в стороне от всех костер и стали готовить студень. Женщины разожгли другой костер и тоже стали готовить студень.

Когда студень у стариков был готов, т. е. налит в маленькое корытце, сплетенное из тонких прутиков (это корытце нивхи Тыми называют *нуг''ин''ох''* — «переднее корыто»), и застыл, старики пошли с ним к берегу реки. Никто не мог их сопровождать — ни взрослые мужчины, ни юноши.

Но вот старики вышли на берег Тыми и опустили корытце в воду. Течение подхватило его, и оно стало уплывать от берега. Когда корытце скрылось за первым по-

воротом реки, старики разрешили взрослым мужчинам произвести кормление воды студнем, приготовленным женщинами.

По окончании «кормления воды» старики забросили невод (иными орудиями лова ловить рыбу в этом случае не разрешается) и старались поймать хотя бы одну какую-либо рыбу. Как только она была поймана, ее вытащили на берег и начали колотить ножами, что в обычных случаях запрещается, резать на куски и разбрасывать их по сторонам — в сторону гор, земли, воды, приговаривая при этом: «Мы тоже так [таким образом] с тобой поступаем [тебе делаем]. Так тебе-то нравится ли? Еще-еще так не поступай!» (иначе говоря: «Не топи больше наших охотников») — *Нинан хымтьингт чʻэрх нындгʺуда; хымтьингт чʺат эсмуло? тяй зай тʻа хымтьингъя*!

Представим на мгновение реку Тымь, окружающие ее леса и на ее берегу группу наивных людей, по-своему объясняющих истоки своих несчастий. Вот в воде погиб их товарищ. Значит, злые духи воды поглотили его. Надо отомстить им — этим духам! Тогда они ловят рыбешку, начинают колоть ее ножами, резать на куски, утоляя таким образом свою жажду мести. Да и разве можно ее в этом случае утолить иначе? Ведь рыба живая, и жители водной стихии теперь поймут, что с жителями земной стихии не следует поступать дурно, потому что они могут им отомстить.

После совершения акта мести старики снова забросили невод и поймали еще одну рыбу. Однако теперь уже с пойманной рыбой они поступили иначе, т. е. соблюдая при этом этикет, освященный вековой религиозной традицией. Рыбу положили в лодку и увезли от места, где поставлены *чʻиглаф,* в свое селение. Там старики сделали вертел, изжарили на нем рыбину и съели ее. После этого рыбу в пищу разрешалось варить в котле.

Религиозный обряд поджаривания в пищу рыбы, предшествующий ее варке в котле, убедительно показывает, что культ утопленников у нивхов сложился еще в глубокой древности, когда им был известен лишь один способ приготовления пищи — посредством поджаривания ее на огне, т. е. когда железного котла они еще не знали.

У нивхов реки Тыми имеется восемь *ч'иглаф* по утонувшим в разное время. Имен утопленников мне не хотели называть, как и в Чайво, но перечислили их все же по именам родителей и селений, в которых жили раньше эти люди. По течению Тыми они располагались так: *ч'иглаф* сыновей Х·ыдьн"яна, Фролуна, Воронки, Талина, Матытьха, Тэвлина (из селения Танги), людей из Плыфво (название селения), *ч'хармбингун* (жители старого селения Чхармво).

Когда нивхи проезжают мимо этих *ч'иглаф*, они обязательно бросают в воду стебель сухой пучки, сарану или табак. При этом они говорят: «Нам хорошее только делай! Если рыбу ловить будем, нас пожалей!» (т. е. помоги нам рыбу добыть) — *нинах урлаф паркн"гъя, ч'о н"анг" х"ай нинах нинон"аргршая.*

Чайкун рассказывал, что давным-давно у одного нивха, жившего в селении Кальме на Амуре, был раб-китаец. Этот раб утонул в Амуре. С тех пор, когда приходит пора жертвоприношения воде, из муки делают *толсх"аивр* [по-видимому, морская звезда (?)] и бросают ему в Амур.

— Я думаю, — рассуждал Чайкун, — муку даю ему потому, что он китаец. А сам думаю, когда снасти на тюленя или калугу ставить буду или чего в реке ловить буду, все-таки он помогать будет. Если на середине Амура буду, вдруг шторм будет, думаю — он спасет.

Более наивно и более убежденно изложить свою веру в то, что утопленник живет в воде и может оказывать помощь живущим, вероятно, трудно.

20 ноября. Раннее утро. Момзин зашел к Кельму, у которого я жил, и сказал мне:

— Иди смотри!

Я вышел вместе с ним. Он повел меня к берегу залива. На месте, к которому он меня привел, были воткнуты в землю ствол кедрового стланика и молоденькая лиственница. Они были соединены вместе. На лиственнице висели *инау.*

Вскоре один старик привел сюда на ремне тощую черную собаку, а другой принес корыто со студнем. На корыте лежала юкола из кеты, маньчжурский табак и маленький берестяной совочек со студнем.

Нивхи сняли с лиственницы белоснежные *инау* и обвили ими шею собаки. Так же они поступили с двумя

высушенными стеблями пучки, связанными вместе за один конец, и со связанными таким же образом стеблями травы *к"он"г:он"*. Все это вместе они связали под шеей собаки, так что на ней образовался своеобразный ошейник из белоснежных *инау* и растений. Нетрудно было догадаться, что этот ошейник имел религиозное значение и представлял дар, который посылался духам воды вместе с собакой. Затем на шею собаки надели ременную петлю, конец которой был привязан у самого основания воткнутых в землю стволов деревьев.

Старик Момзин взял берестяной совочек, сломал его и дал собаке поесть немного студня. Затем он отрезал кусок от принесенной юколы и тоже дал ей его съесть. Пока собаку кормили, старик Х·ангин держал ее все время руками и не давал ей вырваться.

Когда собака поела, Х·ангин поправил на ней ременную петлю — ремень от нее должен был проходить по голове собаки, между ее ушами. Потом он обхватил ее морду обеими руками и крепко сжал. В это же самое время один нивх схватил собаку за передние лапы, предварительно пропустив между ними нижние концы стружек и трав, другой взял ее за задние лапы, а третий схватил за хвост, и все трое потянули в разные стороны. Так тянули они собаку каждый к себе с большой силой. Ремень натянулся, сжимая на шее петлю, и вскоре собака была мертва.

После принесения в жертву собаки Момзин взял корытце со студнем и понес его к воде. Дойдя до нее, он поставил корытце на берег. Щепочкой, оструганной наподобие лопаточки, он вырезал из студня кусок примерно с ладонь величиной. В него он воткнул несколько корнеплодов сараны и покрыл их листом маньчжурского табака. Все это он перевязал стеблем высушенного лопуха и получившийся сверточек бросил в воду метров на десять от берега. После этого он той же щепочкой взял еще кусочек студня и тоже бросил его в воду. Он как будто говорил: «На тебе еще, не подумай только, что я для тебя что-нибудь жалею». Щепочку Момзин оставил на берегу, а корытце со студнем унес домой. Все это было проделано молча.

Оставшиеся нивхи сняли с собаки петлю и положили ее мордой к заливу, растянув в стороны ее передние и задние лапы. Конец ошейника из стружек и растений

был аккуратно засунут под брюхо собаки. После этого нивхи ушли. Ушел и я.

Жертвоприношение собаки духам воды было закончено.

Через некоторое время собаку освежевали. Голову ее и лапы отрезали и вместе с внутренностями оставили на берегу залива там, где ее задушили. Ошейник из стружек и трав повесили у основания деревцев. Кожу нивхи забрали себе, а мясо съели.

— Душа собаки все равно целая уходит к водным людям, — сказал мне Тан, присутствовавший при этом жертвоприношении.

Так как мне неизвестна была причина жертвоприношения, я спросил об этом Момзина. Оказывается, эту жертву велел ему принести мальчик Выгзин, живший в деревушке Чонк"ейво, расположенной на берегу Чайвинского залива. Летом этого года, по словам нивхов, мальчик почувствовал призвание стать шаманом. Момзин надеялся, что после жертвоприношения он найдет тело утонувшего сына.

Днем в разговоре с Курчуком узнал, что приносить собаку в жертву морским духам можно по разному поводу. Курчук сказал:

— Если нивх долго тюленя не убивает, он морю в жертву собаку приносит и море кормит. Кормление моря — это харчи, которые собака таскает хозяину моря. Можно и не убивать собаку, только для этого надо надрезать ухо у собаки, посвященной морю, и вытекшей кровью помазать сверточек из травы *к"он"г:он"* и прутиков. Сверточек этот надо бросить в море, и тогда душа собаки все равно пойдет к морским духам и потащит им посылаемое. Когда такая собака состарится, ее убивают и отдают морю.

Таким образом, мне стало ясно, что за дарение собаки духам моря и угощение их неудачливый охотник ожидает ответного дара в виде тюленя. Момзин принес собаку в жертву духам моря, по-видимому, надеясь получить тело сына.

В каждой нивхской семье есть собака, которая считается принадлежащей духам моря и называется *толуиг"лан"г:анн"*. Ей скармливают все остатки студня, приготовленного для жертвоприношений духам моря. Когда она состарится, ее приносят в жертву духам моря.

Мясо ее нивхи съедают, а душа ее, по их представлениям, уходит к духам моря.

Вечером был в гостях у старика Моклея. Спросил его, между прочим, действительно ли Момзин теперь, после принесенного дара духам моря, может надеяться найти наконец тело сына.

— Кто знает, может быть, и найдет, — сказал Моклей. — В древнее время нивхи селения Чайво устраивали *павд,* если долго не находили тело утонувшего.

И Моклей рассказал мне, как производился этот обряд.

Днем из жилища, в котором жил утонувший, все выносили. Женщины с детьми уходили в другие жилища, собаки и щенята также выводились из него. Затем на поперечную нару, идущую вдоль задней стены жилища, складывали вещи утонувшего. Отец его, если у него было «сердце не крепкое», т. е. он не был достаточно мужественным человеком, не принимал участия в этом обряде. Обязательно было участие чужеродца и нескольких мужчин из рода утонувшего. Все они должны быть хорошими, т. е. мужественными людьми. Когда становилось темно — а *павд* устраивался только ночью — чужеродец садился в одном углу возле дверей, а сородичи утонувшего в другом углу возле дверей. Все они должны были притаиться: требовалось, чтобы они сидели молча, не шевелились и тихо дышали, так как малейший шорох, даже звук дыхания мог испортить все дело. Ночью поднимался большой шторм. По волнам к берегу плыло тело утонувшего. В это время раздавались громкие шаги, дверь раскрывалась, и, по словам Моклея, в жилище врывался холодный ветер, и в дом входил *кинр,* «черт»,— душа утонувшего человека. Если в это время кто-нибудь шевелился, душа утонувшего убегала. Если же никто ничем себя не выдавал, она направлялась к наре и забирала свои вещи. Когда утонувший поворачивался и шел к выходу, чужеродец вставал и обнимал его руками, но в это же мгновение, выражаясь языком Моклея, «обмирал и падал». Тогда один из сородичей утонувшего быстро подползал на четвереньках к двери, глядя при этом в землю, и преграждал своим телом путь душе утонувшего. Но тот ударял его ногой и уходил, а сородич «тоже обмирал». Однако эта «смерть» длилась не долго и вскоре, после ухода души утонувшего, они оба оживали.

На следующий день или в ближайшие дни после *павд* сородичи находили труп утонувшего.

— Теперь нивхи Чайво,—сказал Моклей,—не устраивают *павд,* так как нет хорошего человека, человека с крепким сердцем.

27 ноября. Сегодня в Чайво состоится *толвызнд* — жертвоприношение морю. Слово *тол* означает «вода», «море», а *вызнд* — «постелить». По представлениям нивхов, в море живут *толызн"* — «хозяин моря» и *тол нигʻвн"* — «морские люди» (или «водные люди»). Им и предназначаются жертвоприношения за то, что они, по представлениям нивхов, посылают им рыбу и тюленей.

Жертвоприношение морю совершается два раза в год: в месяце *кʻар лён"* (март), перед началом промысла тюленя, и в месяце *пилчʻови* (октябрь — ноябрь), после окончания рыбной ловли и изготовления юколы.

Чайвинские нивхи говорили мне, что когда закончен осенний лов кеты и юкола сложена в амбары, хозяин моря посещает их селения и осматривает амбары. Увидев его, собаки пугаются и поднимают вой. Если нивхи долго не производят кормление моря, не приносят духам моря благодарности за их помощь, то хозяин моря сердится и делает им дурное: не посылает им ни рыбы, ни тюленя и может даже утопить кого-либо из них. Поэтому плохо, если кто-либо из сородичей отстает и не участвует в кормлении моря. Надо, чтобы все члены рода производили его одновременно.

Важнейшим угощением для духов моря является студень. Чтобы приготовить его, женщины еще накануне вечером кладут в воду кожи рыб — кеты и молодого тайменя, чтобы за ночь они размокли. Утром из амбаров в жилища приносят *толвызникр* — простые большие корыта для кормления моря. А те семьи, которые имели *уигʻлан" никр* — священные корыта (рис. 20) для кормления душ некогда утонувших людей, приносили и их. Эти корыта, подобно «чертовым корытам», имели форму морского животного. В их заднем конце были вырезаны ласты, головной конец имел орнамент, в котором были вырезаны глаза, а полость представляла собой туловище. Кроме того, были принесены песты для приготовления студня и доски для приготовления пищи.

Сегодня в каждом жилище, в каждой семье родов *Кэвонн"* и *Тлаглун"* готовили студень. Я проследил за

Рис. 20. «Священное корыто» и изображение орнамента, наносимое на его головной конец.

процессом его изготовления в жилище Моклея. Жена Моклея готовила студень так же, как готовила его Ляфкук на медвежьем празднике у Паркызина. Когда кожи были растерты в однородную жижу, жена Моклея прекратила работу над ним. Вслед за тем Моклей взял большое корыто и перелил часть жижи в священное корыто. Женщинам это делать запрещается. Потом он взял ягоды и насыпал их в жижу. На «голове» священного корыта он двумя капельками жижи сделал глаза.

В жижу, оставшуюся в простом корыте, жена Моклея «вбрасывала», если можно так выразиться, ягоды. Причем бросала она их так сильно, чтобы они достигли дна. В одних жилищах насыпали голубику с морошкой, а в других — голубику с кедровыми орешками. Ягоды только «вбрасываются» в жижу, но не размешиваются в ней.

После того как в студень были добавлены ягоды, Моклей на одном из концов простого корыта двумя капельками жижи сделал глаза. То же самое проделал его сын Тан с корытами, в которые студень заливала его жена.

Когда студень был приготовлен, корыта поставили на поперечную нару, повернув их к задней стене жилища тем концом, на котором были сделаны глаза. Обращение нивхов с корытами свидетельствовало, что они относятся к ним как в живым существам.

Тем временем студень застыл. Мужчины взяли корыта и пошли с ними к заливу на мыс Х-улбах, где нивхи селения Чайво издревле приносят жертвоприношения духам моря. Нивхи опустили корыта на берег у самого края воды так, чтобы «глазами» они смотрели на залив.

Примечательно, что корыта ставились не как попало, а в строгом порядке, соответствовавшем порядку расселения родов в Чайво. Род *Ахрвонн"* занимал нижнюю часть селения у пролива, *Кэвонн"* — среднюю, а род *Тлаглун"* — верхнюю. В связи с этим члены рода *Ахрвонын"* заняли на берегу место, самое ближнее к проливу. За ними, т. е. выше их по берегу, поставили свои корыта члены рода *Кэвонн",* а следом за ними, т. е. дальше всех от пролива, расположились члены рода *Тлаглун".* Ни один род не мог нарушить исторической преемственности расселения.

При этом первыми к проливу были поставлены священные корыта, изготовленные для утонувших, а за ними уже простые корыта для кормления моря. Священные корыта, по словам нивхов, должны идти в море первыми, за ними — простые корыта. Корыта со студнем, по представлению нивхов, как идут в море гуськом, так и приходят к хозяину моря и морским людям. Причем нивхи верят, что хозяин моря просматривает корыта, и если студень приготовлен плохо, он его не принимает.

Когда корыта были расставлены, нивхи отошли от них на часть берега, покрытую травой, где заранее были приготовлены три вязанки прутьев кустарника *хапн"акс.* Возле вязанки, расположенной ближе к проливу, сели нивхи рода *Ахрвонн",* далее — нивхи рода *Кэвонн"* и, наконец, — нивхи рода *Тлаглун".*

Каждый нивх, сидевший возле приготовленных прутьев, брал по нескольку прутиков и обстругивал их

концы. Одним прутикам придавалась форма мужская (*арн"а* — «самец-зверь»), другим — женская (*аньгн"а* — «самка-зверь»). Различие их состоит в том, что в первых концы прутиков делались закругленными, а во вторых — имели два косых среза. Тан объяснял мне, что достаточно застрогать два, три, самое большое четыре прутика для приношения морю. Лучше, говорил он мне, употреблять прутья тальника, но если таковых нет, их заменяют прутьями какого-то кустарника *хапн"акс*. Во время весеннего кормления моря хорошо употреблять для приношения еще горох, *пиркыр* — пучку и растение *н"огл веук*, из которого вместе с икрой и кедровыми орешками древние нивхи Чайво варили нечто вроде супа.

После этого каждый нивх рвал растущую тут же траву *к"он"г:он"*, очищал ее от увядших стеблей и связывал в пучок. К нему присоединялись приготовленные прутики и лист маньчжурского табаку. Некоторые прибавляли к этому по три-четыре корнеплода сараны, а один нивх принес с собой даже кусочек рафинада и прикрепил его к пучку сушеным стеблем травы пучки. Все это связывалось стеблями пучки в сверточек.

Внешне это выглядело так. Приближались сумерки. Небо было покрыто тучами. Вода залива отливала свинцом. Было пустынно. Подле водной глади стояло два десятка корыт. Нивхи, кто сидя, кто стоя, — обрезали прутики. Одни молчали, другие шутили.

После изготовления сверточков один нивх сбегал в жилище за связкой юколы, которую забыли захватить с собой. Юколу разрезали на куски. Каждый брал по куску и бросал его в залив. Молодой нивх звонко покрикивал при этом «*К"а! К"ай!*». Это нивхи, глубоко уверенные в серьезности того, что они делали, кормили собак морских людей — духов. *К"а, к"ай* — один из окриков, которым понукают собак. По представлению нивхов, каждая собака, принесенная в жертву морю, становится собакой морского человека. При этом, как объяснил мне Кельм, если предварительно не накормить собак юколой, они перехватят и съедят студень, посылаемый в дар морским людям, и тем ничего не достанется, а так он дойдет до них целиком.

Когда кормление собак было закончено, нивхи начали бросать в залив дары духам моря — хозяину моря и морским людям. Первыми стали приносить свои дары

нивхи рода *Ахрвонн"*. За ними принесли жертвы нивхи рода *Кэвонн"*, последними — нивхи рода *Тлаглун"*.

Каждый нивх брал свой сверточек и тем концом, который был заострен, опускал его в студень. Затем, размахнувшись, бросал далеко в залив. Затем он ложкой брал из своего корыта или корыт (если, кроме простого, у него было еще и священное корыто) по кусочку студня и тоже бросал их в залив.

— Студня кусочек бросай, все равно целый ходи, — объяснил мне происходившее нивх Тан.

Друг за другом, не спеша, бросали нивхи в воду свои подарки духам моря. Вода слабо всплескивала, поглощая приносимое в жертву.

Тан поднялся на травянистую часть берега, взял несколько заранее приготовленных, заостренных прутьев черемухи. Держа их обеими руками, он поочередно втыкал их заостренными концами в каждое корыто своего сородича. Вымазав концы прутьев студнем, взятым у всех сородичей, он понес прутья обратно и воткнул их на берегу в том месте, где росла трава.

Пока он был занят этим делом, нивхи быстро повернули свои корыта «глазами» к берегу — жертвоприношение было закончено.

Потом нивхи перенесли свои корыта на часть берега, покрытую травой, и поставили их «глазами» к селению. Кельм подошел к воткнутым в траву прутикам и стал складывать около них стебли травы *к"он"г:он"*, оставшиеся от изготовления сверточков, а также целые пучки этой травы, оставшиеся неиспользованными. При этом нивхи верят, что если сверточек положить на воткнутые прутья, то будет буран.

Ветви, воткнутые в землю после жертвоприношения морю, называются *ч'н"ай* — «изображение».

— Делаются они для того, — сказал мне Кельм, — чтобы тюлень, которого пошлет нивхам хозяин моря, был за заслоном.

А нивхи Тан и Тульк добавили, что прутья называются еще *аун"ыр ч'н"ай* (букв.: «сторожащее изображение») и ставится оно для того, чтобы весной во время охоты во льдах моря тюлень был за заслоном льда. Тогда к нему будет легко подкрасться и убить. Если же пучки прутьев не воткнуть в берег, тюлень окажется на чистом, ровном месте, и охотник не сможет к нему под-

красться, так как при виде охотника он убежит. Можно было удивиться этому по-детски наивному обряду, к которому прибегали нивхи для того, чтобы подсказать хозяину моря и морским людям, в каком виде хотели бы они получить от них ответные дары. Они желали, чтобы им был послан не просто тюлень, но чтобы он еще был и за ледяным заслоном.

Во время весеннего кормления моря, сказали мне те же нивхи, прутья тальника бросают в воду, а в заслонное изображение втыкают еще два *н''а сн''ай* — «звериные изображения»: «один мужик, один мамка». Мужское изображение делается из тальника, женское — из ольхи. Словом *н''а* нивхи именуют не только зверя вообще, но и тюленя. Следовательно, нет никакого сомнения в том, что эти изображения символизировали собой тюленей.

Когда был поставлен магический заслон, нивхи стали угощаться студнем. Каждый отведал по маленькому кусочку этого блюда из всех корыт своих сородичей. Потом чужеродцы начали угощать друг друга, и каждый съел по маленькому кусочку из всех корыт чужеродцев. Затем каждый нивх положил из своего корыта по кусочку студня во все корыта своих сородичей, обменявшись таким образом с членами своего рода кусками своих угощений. После этого они понесли свои корыта домой, где оставшимся должны были угощаться женщины и дети.

Так закончился день кормления духов — хозяина моря и морских людей. Называется этот день *толвызгу* — «день кормления моря».

— Раньше нивхи, — сказал мне Моклей, — во время осеннего кормления моря устраивали состязания: прыгали в длину и в высоту, боролись, обгоняли друг друга на лодках. Когда в тех состязаниях слабый начинал одолевать сильного, говорили: «Море помогает (*тол-к'ыс'-кис к'ынд* — «морским счастьем силен»)!».

— Состязания на лодках, — сказал мне Курчук, — происходили так. В большую долбленую нивхскую лодку садилось шесть-семь человек. На корме должен был сидеть очень опытный рулевой, так как это самое ответственное и тяжелое дело. Нос лодки украшали травой *к''он''г:он''*. Если какая-нибудь лодка обгоняла отставших, она приставала к берегу и ожидала их. Затем обог-

навшие пересаживались в лодку отставших, а последние пересаживались в лодку первых. Лодка, опередившая всех, считалась лучшей и лучшими считались сидевшие в ней гребцы.

30 ноября. Старики Момзин и Х·ангин заранее предупредили меня, что сегодня будут кормить души утонувших членов своего рода. Таким образом, я смог увидеть весь этот обряд от начала до конца.

Кормление утопленников устраивается один раз в месяц, обязательно в новолуние. В Чайво его устраивали на третий день новолуния (возможно, потому, что все утонувшие были мужчины).

Старики Момзин и Х·ангин принадлежали к одному роду и поэтому совершали все обряды вместе. Они пошли к амбарчику, где должны были приготовить все необходимое для кормления душ утонувших сыновей. Момзин сказал, что молодым мужчинам и женщинам входить в этот амбар нельзя, но я все-таки пошел туда вместе со стариками.

Ветхий амбарчик стоял на сваях. В углу, обращенном в сторону моря, старики устроили священный очаг. Раму для него они сделали из плавной вербы. На этом очаге можно было готовить только жертвоприношения душам утонувших.

На двух длинных жердях *(т'ови),* проходящих под крышей по обе стороны матицы, лежала старая доска. На ней было все необходимое для приготовления жертвоприношений (рис. 21): два чертовых корыта с маленькими пестами; доска для приготовления пищи; плоская деревянная ложка, которой вытаскивают из котла твердую пищу (все эти деревянные вещи были изготовлены из плавной вербы); две фарфоровые чашечки для жидкого тюленьего жира; блюдце с чашечкой, в которой лежал сахар; связка высушенных стеблей пучки; высушенные корнеплоды сараны; котелок; жестяная банка из-под топленого сала, продававшегося в фактории Госторга на Хандузе; алюминиевая чашка; три берестяных ведерца — одно для воды и два с ягодами; тюлений желудок с жидким тюленьим жиром; коробок спичек. Причем эти спички нельзя уносить домой. Ими можно зажигать только священный огонь. Никто не может от них закуривать. Только если человек поедет в море охотиться на тюленя, он может взять эти спички с собой. Там он мо-

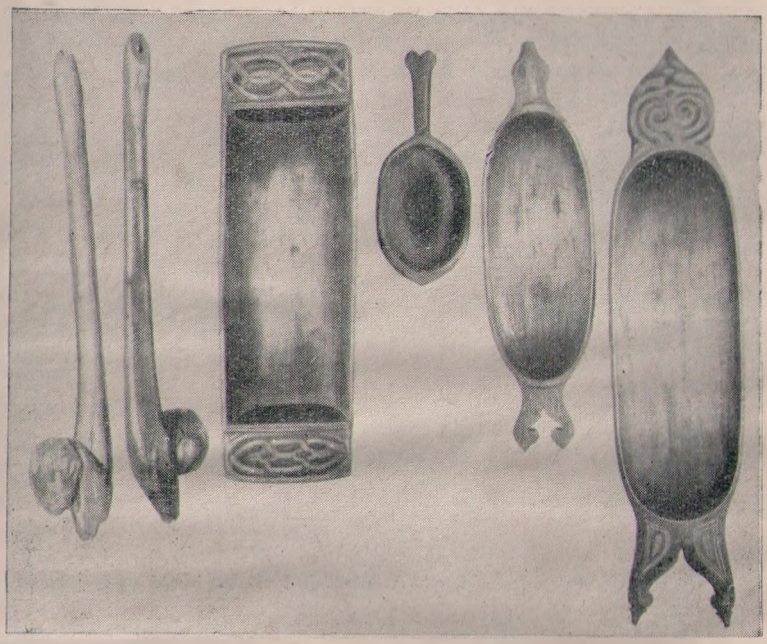


Рис. 21. Посуда для кормления духов и душ утонувших.
Слева — два ударных молота для убиения тюленей. Самая маленькая чашка предназначена для хрусталиков из глаз убитого тюленя. Из коллекции ГМЭ.

жет раскуривать ими трубку, там же бросит их в море. Вместе с ними он бросит в море и табак.

Из вещей, стоявших на полке, меня прежде всего заинтересовали чертовы корыта. Это были небольшие грубые, сделанные наспех посудины в форме морского животного, о чем говорили два ласта, вырезанные в задней части корыта. Полость корыта была подобна туловищу животного с небольшой головой, на которой были изображены глаза (см. рис. 19).

Момзин разжег огонь на очаге и вышел из амбара за водой. Когда Момзин вернулся, он и Х·ангин налили в котелок воду и поставили на огонь. Затем старики взяли по две юколы с кожей и сорвали ее. Кожи они размочили, очистили от чешуи и обрезали их края. Потом каждый свернул свою пару кожиц в рулончик, перевязал его ниточкой и опустил в котелок.

Когда кожи сварились, они вынули их плоской ложкой, разложили по корытам и стали растирать пестом, подливая при этом в корыта тюлений жир и воду. Примечательно, что корыта они держали «головой» по направлению к стене, обращенной к морю, и ни разу не повертывали их в обратном направлении.

Все остатки — воду, чешую, обрезки кожи юколы — они поместили в отдельную алюминиевую чашку.

Когда студень был растерт, старики взяли тоненькую палочку и осторожно капнули по две капельки жидкого еще студня на «голову» каждого корыта — сделали на них глаза. Потом они поставили корыта «головой» к стене и ждали, пока студень застынет.

Какое-то грустное и нежное чувство вызывали во мне эти два несчастных старых отца. Одинокие, сиротливые сидели они в углу амбарчика и терли, и терли кожи, будучи глубоко уверенными в том, что они принесут своим погибшим сыновьям радость.

Студень застыл. Старики положили в каждое корыто по одному связанному узлом, высушенному стеблю пу́чки, несколько корнеплодов сараны и несколько кусков сахару.

Момзин вышел из амбара и принес выцветшую сухую траву *к"он"г:он"*, которая росла в самом селении. После этого старики взяли свои корыта, вышли из амбара и направились с ними к заливу. Выйдя на лед, они отошли от берега всего лишь на несколько шагов. Затем деревянной пешней с железным наконечником они пробили во льду лунку и поставили корыта на лед, глазами к отверстию.

После этого они начали готовить свои приношения. Из сухой травы *к"он"г:он"*, сараны, сахара и стебля пу́чки каждый сделал сверточек. Затем каждый из своего корыта взял по кусочку студня и положил его на сверточек. Молча они готовили свои дары и молча бросили их в лунку. Так как льдинки, находившиеся в лунке, мешали сверточкам погрузиться в воду, старики протолкнули их пешней под лед.

На этом кормление душ утонувших закончилось.

Старики забрали свои корыта и ушли с ними в амбарчик. В амбарчике они уселись на нары и съели весь студень, отведав его друг у друга. Когда все было съедено, они пальцами сбросили с «голов» корыт глаза

на песок священного огневища, вычистили корыта и поставили их на полки.

После этого старики взяли алюминиевую чашку, в которую во время приготовления студня сливали все остатки, вынесли ее из амбара и скормили все двум черным собакам. Каждому чертову корыту соответствовала одна черная собака. Ей-то и скармливают все, что остается от жертвоприношения душе утонувшего. Называется эта собака *кинр-никр-тонин" -г:анн"* (букв.: «чертово-корытная совместная собака»).

21 декабря. Рано утром Момзин зашел в жилище Кельма, разбудил меня и тихо сказал: «Пойдем!» Быстро оделся и вышел. В селении все еще спали, но Момзин, Х·ангин, Тохвин и Ватька были уже готовы к походу.

Сегодня должен был состояться последний акт их расставания с утонувшими сыновьями. Восемь месяцев кормили они из чертовых корыт души утонувших. Теперь настал *тло лён"* — декабрь и пришла пора отвезти чертовы корыта в тайгу к истокам реки Киуси. Река Киуси впадает в Чайвинский залив и устье ее расположено почти напротив пролива.

Старики отправились по своим амбарам и забрали из них все вещи, с помощью которых готовили студень для утонувших. Все взятое было завернуто в тонкие японские рогожки.

— А что же вы сделаете с очагом? — спросил я Момзина.

— Его нельзя ломать! — сказал он. — Его нужно хорошо закрыть чем-либо. Когда же амбар завалится от ветхости, вместе с ним пропадет и очаг.

Нивхи взяли по топору, отвязали собак, которым скармливали остатки студня для утопленников, и повели их с собой на поводках.

Собака, которую вел старик Момзин, сильно рвалась из рук и тащила его за собой. Чтобы помочь ему, я взял ее за повод и повел сам.

Из селения мы спустились к заливу, вышли на лед и направились на противоположный таежный берег. Идти было легко, так как лед не был еще покрыт глубоким снегом.

Когда мы перешли на противоположный берег, каждый старик нарвал по пучку сухой травы, называемой ими *н"унн"ун.* Дальше мы пошли кедровым стлаником,

потом чахлым лесом. Шли на запад к горам. Шли долго, пока не дошли до одного замерзшего ручья, текущего в реку Киуси. Ручей протекал по неглубокому логу и имел два истока. Тут нивхи остановились.

Представители рода *Тлаглун"* — Тохвин и Ватька заняли один исток, а представители рода *Кэвонн"* — Момзин и Х·ангин — другой.

Старики разожгли два костра и повесили котелки, чтобы сварить в них рыбью кожу для приготовления студня. Когда кожа сварилась, каждый растер ее в своем чертовом корыте, но на сей раз добавляли только воду — тюлений жир в этот студень они не лили. Когда кожи были растерты, в образовавшуюся жижу всыпали ягоды. Оказалось, что есть этот студень нельзя, но почему, объяснить мне никто из стариков не мог.

Приготовив студень, старики стали варить рис, а сварив, положили его в чертовы корыта на застывший студень. Потом у головной части каждого корыта они положили несколько корнеплодов сараны и стебель высушенной пучки, сложенный вдвое и связанный узлом. Старики поставили корыта вдоль истоков головной частью к речке Киуси.

Затем они занялись собаками. На шею каждой был надет ошейник из травы *н"унн"ун*. У основания лиственниц, росших возле каждого истока, они поочередно передушили всех собак. Момзин и Х·ангин сжимали при этом морды своих собак руками.

Когда собаки были задушены, их не стали свежевать. Старики частично разрезали у каждой грудную клетку и распороли брюхо. Каждый из них срезал на груди своей собаки крошечный кусочек мяса, поджарил его на костре и съел.

У каждого истока была выбрана одна молодая лиственница, стоящая обособленно. Позади нее в мерзлой земле старики вырубили топорами по две неглубокие ямки, в которые были опущены корыта. Требовалось установить корыта так, чтобы их края возвышались над землей, а головные части были обращены в сторону восхода солнца и несколько наклонены в сторону реки. Боковые же стороны корыт должны были стоять ровно — здесь крен не допускался. Корыта были установлены вдоль истоков перпендикулярно к реке. После этого за каждой парой корыт, принадлежащих представителям

одного рода, были настланы ветви кедрового стланика. Собак уложили брюхом на эти ветви. Передние лапы были вытянуты вдоль головы, а задние — назад. После этого корыта и собак забросали ветвями стланика. Подле каждой кучи было положено по два топора — на каждого утопленника по топору. Тут же оставили и все принесенные вещи, связанные с культом утопленников.

Оставив в лесу корыта, старики расстались со злыми духами — душами своих погибших сыновей. После этого мы пошли обратно.

Были уже сумерки, когда мы вернулись в селение.

Много позже нивхи мне рассказали, как было выброшено чертово корыто, изготовленное по душе утонувшего сына Х·ыдьн"яна.

«Три года (полугодия. — *Е. К.*) прошло. Только тогда чертово корыто в жилище внесли, на поперечную пару положили (до этого оно находилось на специальном помосте, поставленном возле *ч'игелаф* сыну Х·ыдьн"яна). Старухи студень приготовили, чтобы заполнить им это корыто. Едва только начало светать, еще люди не проснулись, старик Тмырмын взял чертово корыто, засунул его за пазуху и понес, чтобы никто из людей не видел [и не знал, что он с ним идет]. Старик через гору перевалил и понес корыто к ручью, впадающему в другую речку. Придя к истоку, старик выкопал ямку, чтобы она имела наклон к ручью. Потом он в эту ямку поставил чертово корыто, очень ровно поставил, чтобы ни в одну сторону оно крена не имело. Земли подсыпал, чтобы оно не накренилось, когда установил, обратно пошел. Возвращаясь, прямо не шел, а, деревья обходя, вокруг шел. Чтобы это чертово корыто за ним не пошло, свой след прятал, вкривь и вкось шел. Когда прямо уже пошел, то прут срезал, позади себя поперек дороги положил. Если [утопленник] пойдет, то, в прут уткнувшись, не будет знать, куда ему идти (так как путь перегорожен и след старика потерян. — *Е. К.*). От этого места [где положен прут старика] уже прямо в селение пошел.

Пока чертово корыто не потеряно, наш черт в воду не идет, здесь, живя, бродит. Ночью в жилище приходит. Его шаги слышим, когда он идет в его обуви, вода чавкает. Собаки в это время не спят, лают. Когда чертово корыто потеряно, тогда к морским людям идет, там спокойно живет — старые люди сказывали».

Впоследствии я везде выяснял особенности культа утопленников. В главнейших чертах он совпадал с чайвинским, но в деталях были отклонения. В частности, мне говорили, что чертовы корыта нельзя оставлять в том заливе, где жил утонувший, а надо их оставлять у истоков рек, текущих в другой залив либо в другое море. Приводить здесь все сообщения невозможно. Выяснить, почему старики оставили чертовы корыта на реке, текущей в тот же залив, где жили утопленники, я уже не смог. По-видимому, это объясняется тем, что ее устье расположено почти напротив пролива, а также тем, что, по представлениям чайвинских нивхов, она является местом обитания злых духов. Со слов Кельма я записал: «Брат нивха Чегуена из селения Ван"ркво жил на реке Киуси. В голодную зиму он вместе с женой и детьми съел мясо кита, принесенное еще летом для собак. От этого мяса они все умерли. Их не похоронили. Так и оставили лежать там в доме. Поэтому на Киуси чертей очень много». Нивх Мизгун из Ван"ркво также сообщил, что на Киуси *кинр ман"г:нд* — «черт страшный».

Только что был у Моклея. Его сын Тан выстругивал два куска дерева. Полюбопытствовал, что он делает.

— Два священных корыта для кормления моря, — ответил он.

— Почему два?

— Отец моего отца (т. е. его дед. — *Е. К.*) брата имел. Последний двоих детей имел, они утонули. Брат моего деда сделал два корыта и кормил из них утопленников. Потом он умер. Его жена замуж вышла за нивха в селение Х·ытово и оставила эти корыта в Чайво. Теперь корыта ветхими стали — нужно их заменить новыми, чтобы кормить утонувших из новых корыт.

Нетрудно было понять, что Тан — это уже третье поколение, продолжающее кормить утопленников.

Моклей, слушавший, что говорит его сын, дополнил:

— Когда человек утонет, — сказал он, — *кинр-никр* — «чертово корыто» делают, и из него утопленника каждый месяц кормят. Потом эти корыта в тайге оставляют, взамен их новые делают. Их *уиг"лан" никр* — «священное корыто» называют, или *шаг·уин никр* — «несущее корыто». Из этих корыт утопленника три поколения, а утопленницу — четыре поколения два раза в год во время общих жертвоприношений кормят. Когда чертовы ко-

рыта в тайге оставляют, утопленник перестает быть чертом и в морского человека превращается (*тол ниг"вн" мунд* — «морским человеком становится»). В воде помирающий человек в море к своим сородичам уходит, раньше утонувшим, — так я думаю, — сказал Моклей. — Древние нивхи сказывали, что если наш человек в воде помирающему человеку хорошо делает, то он тоже хорошо нам делает — тюленя ли, рыбу ли много нам посылает. Если наш человек морскому человеку плохо делает, то он нам тоже плохо делает.

Да, сильный мозг Моклея хочет постичь сущее, хочет понять, куда девается человек, утонувший в воде, в чем состоит причина регулярного хода рыбы, удачи и неудачи в промысле тюленя и многое другое, но у него нет еще достаточных опытных данных для верных выводов о природе.

22 декабря. Я сижу у Момзина. Мы пьем чай, едим юколу, беседуем. Вот что мне удалось выяснить.

Культ утопленников у нивхов проходит две стадии. Первая определяется тем, что душа утонувшего, по представлениям нивхов, превращается в злого духа. Этот дух обитает в воде, прилегающей к селению, в котором он прежде жил и по которому может бродить теперь, беспокоя собак и людей. Вторая стадия определяется тем, что душа утонувшего перестает быть злым духом и превращается в *тол ниг"вн"* — «морского человека», который навсегда покидает водную территорию, прилегающую к селению, и уходит жить куда-то в море к морским людям. Первая стадия культа длится в пределах одного года. Вторая стадия длится в течение трех или четырех поколений в зависимости от пола утонувшего. В первой стадии утопленника кормят из чертова корыта. Во второй же стадии водного человека, в которого превращается утопленник, кормят из священного корыта, которое, как и чертово корыто, изготовляется из плавной вербы. Из чертова корыта утопленника кормят ежемесячно, из священного же корыта ему шлют гостинцы во время *толвызнд* — общего кормления морских людей. Эта последовательность в кормлении утопленника из разных корыт с исключительной убедительностью свидетельствует о смене представлений о нем у нивхов.

Об этом же говорил мне и Кельм, когда я вернулся к себе. Как только чертово корыто оставляется в тайге,

утопленник перестает быть злым духом — *кинр*. Теперь, по словам Кельма, «он *тол ниг"вн" мунд* — морским человеком становится».

Невольно вспомнилось кормление моря, которое я видел здесь осенью. В нем нивхи употребляли корыта двух видов: простые и священные, предназначенные для кормления утонувших сородичей. Применение последних в кормлении морских людей перед началом рыбной ловли и охоты на тюленя и в конце этих промыслов с исключительной убедительностью подтверждает, что у древних нивхов должно было существовать представление, будто наряду с хозяином моря и морскими людьми им помогают в промысле и утонувшие сородичи.

— Когда я сделаю священное корыто, — сказал мне сегодня Момзин, — я соединю с ним белую собаку, которую очень любил мой сын.

Эти слова Момзина выражают его глубокие и сокровенные думы: пока он жив, он будет считать себя связанным со своим утонувшим сыном, живущим где-то в море.

ТАЙНА РОЖДЕНИЯ БЛИЗНЕЦОВ. СУДЬБА ИХ ДУШ ПОСЛЕ СМЕРТИ. ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ БЛИЗНЕЦОВ

20 апреля 1928 года. В разных местах обитания нивхов я встречался с мифами о физической близости нивха с рыбой, нивхинки — со змеей, нивхинок — с ящерицами и лягушками, с легендами о лисах-женщинах, приходивших соблазнять нивхов-мужчин, рассказом о том, что филин женился на нивхинке и поэтому филины помогали нивхам этого рода в межродовых войнах. Однако все эти легенды единичны в сравнении с легендами о физической близости нивхов и нивхинок с медведицами и медведями. Последние носят массовый характер и встречаются во всех местах обитания нивхов.

Старик Проймын рассказал мне о случае сожительства нивха с медведицей как о реальном событии.

Случилось это осенью. Один нивх пошел на охоту и заблудился. Разыскивая дорогу домой, он набрел на берлогу. Войдя туда, увидел медведицу. С ней он прожил в берлоге до весны. Весной она ему сказала: «Ну, пока иди

домой, а осенью обратно приходи». Нивх ушел. Дома он был молчалив, мало ел и все будто бы скучал. Осенью он снова ушел в лес и зимовал с медведицей в берлоге. Весной он вернулся домой и сказал жене и сыну: «Хорошо живите, а я в другое место жить пойду. Если я с вами останусь, то все равно недолго жить буду и скоро умру, а если уйду от вас, то долго живой буду». Потом он рассказал им о своей встрече с медведицей. Этот нивх ушел жить к медведице и стал горным человеком.

Об этом же повествует рассказ о К'амышк, который я слышал от Самыгина в Усково.

Не только взрослые горные люди-медведи и взрослые нивхи проявляют друг к другу симпатию и любовь, но даже их дети, о чем мне рассказал старик Моклей. Вот его рассказ.

«Жил старик со старухой. Был у них только один сын. Однажды их мальчик ушел утром из дому и возвратился вечером. На другой день повторилось то же. На третий день отец решил проследить за сыном и потихоньку пошел за ним следом. Сын его дошел до леса и сел под кусты кедрового стланика. Отец спрятался и стал ждать, что будет дальше. Потом он увидел, что к мальчику направляется медвежонок. Подойдя к нему, медвежонок упал и превратился в девочку. Мальчик и девочка стали играть. Отец с испуга убежал домой. Вечером, когда сын вернулся, он ни о чем его не спросил. На следующий день сын опять ушел. Вечером, когда он возвратился, отец его спросил, куда это он каждый день уходит. Мальчик рассказал отцу, что он играет каждый день с девочкой. Отец спросил, можно ли ему пойти посмотреть на эту девочку. Сын сказал — можно, и если отец этого хочет, то он приведет ее домой. На другое утро отец пошел вместе с сыном, спрятался за кустом и увидел то же самое, что видел раньше. Тогда он повел детей домой. Дети жили вместе, пока не стали взрослыми. Тогда они вступили в брак. Когда мальчик вырос и стал охотником, то убивал множество медведей и других зверей, как лесных, так и морских, и стал богатым человеком. Потом жена его умерла, и сразу же после нее умер и он. Души их пошли к горным людям, и там они снова стали вместе жить».

Однако одними этими легендами представления нивхов не ограничиваются. Они у них значительно глубже.

Физическая близость нивхинки с медведем имеет, по представлению нивхов, свои последствия, выражающиеся в том, что нивхинка рожает близнецов.

— Близнецов женщина рожает от *пал,* т. е. горных людей и реже от *тол* — морских людей, — говорил мне Очи.

Происходит это по его словам так.

Женщине снится, что она бродит по горе в лесу. Там она находит серьги или стрелу для убиения медведя. Она берет найденный предмет и приносит его в селение. Утром, проснувшись, она рассказывает подружкам о своем сне. Потом она рожает близнецов. Тогда о ней говорят, что она взяла их от *пал* — горных людей. Близнецы — это от гор взятые дети.

Да, действительно, у женщины обычно рождается один ребенок. Рождение же двух детей в мире человеческом—явление необычное, удивлявшее ум древнего человека и требовавшее объяснения. Между тем оно находило аналогию в мире животных, где самки одновременно могут приносить несколько детенышей. Так что же удивительного в том, что познающая мысль древнего человека, вынужденная идти на первых порах путем поверхностных аналогий, пришла к заключению, что к этому акту примешан зверь и прежде всего медведь, самка которого часто приносит двух медвежат!

Когда родятся близнецы, в жилище выделяют специальное место, которое выстилают ветками ели, *инау* и на них помещают роженицу с новорожденными близнецами.

Для близнецов делают ритуальные стружки и покрывают их этими стружками. Пока близнецы живы, их одевают в эти стружки. Делают стружки и для матери близнецов. Так их растят. А когда близнецы заболевают, нивхи обращаются к горным людям с просьбой о помощи. Тогда срубают молодые лиственницы и устанавливают их на площадке для убиения медведей. Украшают их инау и обтыкают вокруг изображениями зверей-самцов, зверей-самок. Потом у основания воткнутых деревьев душат собак для горных людей.

Если обращение к горным людям не помогает, то близнецы умирают. Сжигать их нельзя. Для их погребения в лесу делают медвежью клетку (рис. 22). Затем настругивают *инау,* обертывают ими тела близнецов и помещают их в клетку. Туда же втыкают различные *инау*

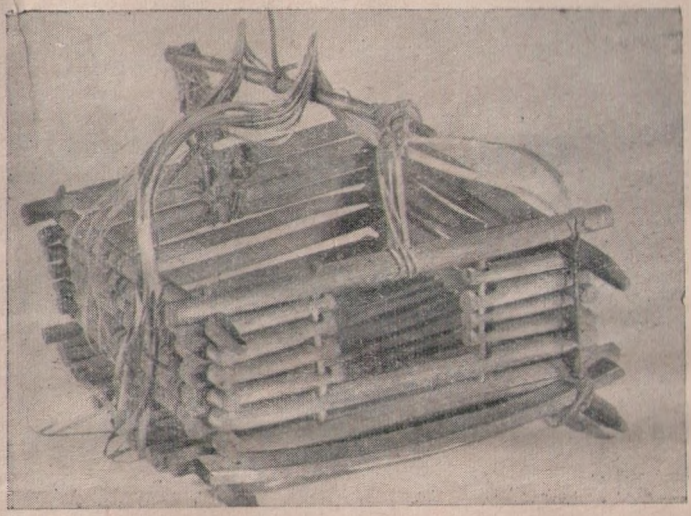


Рис. 22. Миниатюрная медвежья клетка — жилище близнецов после их смерти. Из коллекций ГМЭ.

с изображениями зверей-самцов и зверей-самок. К углам клетки привязывают по собаке и душат их.

После того как близнецов похоронят таким образом, изготовляют их деревянные изображения (рис. 23). Их вырезают в родовом амбаре, где хранятся черепа медведей. Там же настругивают *инау* и изготавливают из них подобие двускатного шалашика, называемого их жилищем. В него помещают изображения близнецов, где их и кормят. Из *инау* делают одежду для изображений близнецов и чашки для их кормления. Каждый месяц в них кладут пучку и сарану — так их кормят.

— Отец отца моих отцов (т. е. прадед. — *Е. К.*) близнецов кормил, — заключил Очи. — Отец моих отцов (т. е. дед. — *Е. К.*) тоже их кормил. Мой отец их тоже кормил. Я тоже все еще их кормлю. Еще мои дети их кормить будут. Дети моих детей тоже кормить их будут. Каждое, каждое поколение их кормит, счастья у них просит.

— А как поступают с близнецами, родившимися от водных людей? — спросил я.

— Я от отцов так слышал, — ответил Очи, — если

Рис. 23. Деревянные изображения близнецов, устанавливаемые в медвежьей клетке после их смерти. На одной из фигурок сохранилась материя, которой обвязывают каждую из них. Миниатюрные лыжи, копье и посуда, для душ близнецов. Из коллекции ГМЭ.

близнецы — это с воды взятые дети, то морскими водорослями их налаживают. Крапивные волокна вместе с водорослями в нитку свертывают, их [ручки и ножки] обвязывают. Морскими водорослями дно их колыбели из бересты выстилают, морскими водорослями вместе с заячьими пеленками их сверху укрывают. После этого деревянную колыбель для них изготовляют. Затем морскими водорослями вместе с заячьими пеленками дно колыбели выстилают. [Положив их в деревянную колыбель], морскими водорослями вместе с заячьими пеленками их накрывают. Из морских водорослей вместе с *инау* шапку делают, на их голову надевают.

Ничего другого Очи не мог мне рассказать о близнецах, рождаемых от духов моря.

Старик Чурка мне также говорил, что близнецы родятся от духов гор и от духов воды. От духов гор близнецы родятся чаще. О том, откуда они пришли, узнают якобы по удаче на промысле. Если после рождения близнецов много зверей в лесу добывают, то это означает, что

их прислали духи гор, а если много добычи с моря привозят, то это значит, что их прислали духи воды.

Близнецы бывают однополые и разнополые.

— Однополые близнецы — два мальчика или две девочки — это счастье, — говорил Чурка. — Их одевают в *инау,* чтобы *кʼыс* (счастье, бог. — *Е. К.*) их видел. Разнополые близнецы — *лан"и* (нечто нечистое, кровосмесительное. — *Е. К.*), потому что когда они вырастут, то поженятся, а это — беззаконие.

На противоположном побережье Сахалина о том же самом, со слов своей старухи матери, говорила мне Палгук:

— В старину считалось, что прежде чем родится у людей, они соединяются как супруги, когда находятся еще среди горных людей.

Ее мать рассказала ей по этому поводу следующее предание:

«В очень древние времена жили муж с женою. У них родились близнецы — мальчик и девочка. Когда они выросли, то захотели стать супругами. Родители запретили. Мужчина-близнец к маньчжурам за товарами поехать собрался. Женщина ему сказала: «Если что случится, мою левую серьгу только увидишь, мой левый торбаз с загнутым носком только увидишь». Мужчина ей сказал: «По хорошему пусть все будет. Жди меня. Я у маньчжуров нарту драгоценностями заполнив, возвращусь. Тогда мы в другом жилище поселимся. Супругами станем». Он ее поцеловал, уехал. В это время отец согласился отдать дочь своему зятю (т. е. другому человеку из рода зятьев. — *Е. К.*). Тогда она поступила так, как говорила: за своей постелью левую серьгу повесила [левый торбаз оставила]. Ночью вышла к поляне, на которой собирают ягоды, на ремне своем повесилась».

Очи мне говорил, что близнец, родившийся первым, считается младшим, а близнец, родившийся вторым — старшим. Палгук говорила, что слышала, будто старший уступает младшему дорогу, чтобы он вышел первым.

Когда я был у нивхов на Амуре, то встретился там с таким представлением о близнецах, которое ошеломило меня.

Ыгиска так объяснил мне причину рождения близнецов. Женщина во сне видит, что она гуляет с каким-то молодым человеком в лесу по горе, по распадку. Потом

они устраивают шалаш, живут в нем, спят. Когда у нее родится двойня, то «считается, что она от зверя родила».

Ыгиска сказал, что близнеца, рождающегося первым, называют *ырин"а* — «задним зверем», а близнеца, рождающегося вторым, называют *нуг"ин"а* — «передним зверем». Сообщение Ыгиски о том, что близнецов называют *н"а* — «зверями», привело меня буквально в состояние трепета. Я проверил его сообщение со старухами и стариками и получил подтверждение его правильности.

«Задним зверем» первый близнец был, возможно, назван потому, что он появляется на свет первым и расположен, по их представлениям, ближе к заду, а второй близнец был назван «передним зверем» потому, что он расположен ближе к голове.

Когда родятся близнецы, для их обслуживания устраивают табуированный очаг.

От того же Ыгиски я узнал следующее.

Если близнецы умирают, их одевают только в белую одежду. Кроме того, на них надевают большое количество *инау* из ели. Хоронят их в специально сооружаемой для этой цели медвежьей клетке. Одновременно туда же ставят всякую рыбную и растительную еду: студень в новой деревянной чашке, ягоды в берестяной посудине, посудину наподобие длинной корытообразной ложки, из которой поят медведя, находящегося в клетке, рыбу разных пород.

Тюленье мясо, жир, а также предметы, изготовленные из тюленьей кожи, класть туда нельзя. Вообще кормить умерших близнецов мясной пищей не полагается.

Близнецов и их мать, когда она умирает, хоронят в медвежьей клетке только в сидячем положении. Молодым мужчинам и женщинам смотреть на эти похороны нельзя. Хоронят их одни старики.

После смерти близнецов вырезают их деревянные изображения из ольхи, если считают, что они пришли от духов гор, или из березы, если считают, что они пришли от духов моря. Дерево для этого берут со стороны восхода солнца. Затем делают «домик». Из очищенных от коры веток одинаковой толщины нарезают «бревна» и складывают медвежью клетку (см. рис. 22). Посередине двух противоположных стенок клетки устанавливают по столбику. На них кладут матицу, которую перекрывают ритуальными стружками. Они образуют крышу клетки.

На сучки, воткнутые возле клетки, навешивают миниатюрные лыжи — по паре на каждого близнеца. В стороне от клетки иногда устанавливают миниатюрный амбар, подобный тем, в которых нивхи хранят свои пищевые запасы. В середину клетки помещают изображения близнецов, вырезанные из дерева (см. рис. 23). Из посуды в клетку кладут миниатюрное ведерце из бересты и миниатюрную посудину для медвежьего сердца, называемую *ньхыр*. Эта деталь показывает, что к близнецам относятся как к горным людям-медведям.

Кормят души умерших близнецов четыре раза в год в месяцы: *китэба лён"* — июнь, *ч'ошаг"р лён"* — август, *ч'рн"а лён"* — октябрь, *ч'амн" лен"* — февраль.

Остатки от еды — жертвоприношений близнецам скармливают собаке, специально выделенной для этой цели.

Деревянные изображения мальчиков-близнецов держат три поколения, а девочек-близнецов — четыре. После этого срока их несут в тайгу, ведут с собой четырех собак — черную, белую и двух серых и несут в корыте студень. Черная собака предназначается лесу, «потому что тайга черная», белая—Амуру, «потому что Амур белый», серые собаки — горам. В лесу на четырех столбах устанавливают небольшой амбар, в который помещают фигурки близнецов. Собак душат. Шкуры вместе с неотделенными от них головами вешают по сторонам амбара. В лес бросают куски студня. Сваренное собачье мясо и студень съедают, после чего уходят в селение.

Вероятно, никто из нивхов не в состоянии с такой искренностью и чистосердечностью передать их представления о близнецах и об их обожествлении после смерти, как это сделал Очи. Он сидел со стариком Пыргиным и обсуждал с ним, как бы точнее передать мне представления нивхов об этом. Вот что он сказал мне.

«Близнецы — с гор взятые дети. Они горные люди, — так сказывают. [Мы], нивхи, горными людьми — *пал-ниг"вн"* — их называем. Они же нас людьми, живущими в низовской земле — *к"омиф-т'ив-ниг"вн"гун,* — называют.

После того как фигурки близнецов сделают, для них жилище делают, их души к горным людям уходят. Горные люди их берут, их своими сородичами считают. Таким образом [у горных людей] с людьми низовской земли

(т. е. с нивхами. — *Е. К.*) род устанавливается. Древние нивхи говорили — одним родом становимся. Поэтому, когда мы зверя промышлять идем, [своим] сородичам *ч'ухч'уг"нд* делаем [бросаем им в лес пучку, сарану, говорим „*ч'ух*"] и просим, чтобы они нам помогли. Тогда близнецы своим сородичам [нивхам] помогают, им зверя позволяют убить, много зверей позволяют убить. Таким образом одним родом становимся.

Когда [мы] болеем, им [еду] бросаем, их просим, чтобы они [нам] помогли. Тогда горные люди им [больным] помогают, чтобы они не болели. Если горные люди им не помогут, они долго болеют и умирают. Поэтому их [горных людей] своим *к'ыс* [счастьем, богом] считаем. Поэтому им постоянно [еду, жертвоприношения] бросают. Когда на зверя охотиться идут, им бросают. Куда бы [мы] ни пошли, их просим, чтобы они за нами поглядывали, чтобы [мы] не заблудились, не болели, так у них счастья просим. Так горные люди и в низовской земле живущие люди [нивхи одним] родом становятся.

Мать близнецов живет, живет, потом заболевает и умирает. Сжигать ее нельзя. Для ее похорон тоже делают медвежью клетку. Затем срубают четыре молодые лиственницы и втыкают их по ее углам. Потом из ольхи четыре *инау* — изображения зверей-самцов и зверей-самок делают. Из тальника тоже четыре таких же *инау* делают. Всех их [в клетку] втыкают. Затем стружат *инау,* заворачивают в них мать близнецов и помещают [сажают] ее в клетку. Потом из разных кустарников разные *инау* делают и втыкают их [вокруг клетки]. Затем настругивают *инау,* надевают их собакам на шею и убивают их.

Каждый месяц *инау* настругивают, кладут в них пучку, сарану и бросают матери близнецов. Все, что сами едим, тем их мать кормим, у нее счастья просим».

Для кормления близнецов и их матери изготовляют особое корыто — *н"аньлаврох",* имеющее форму животного (см. стр. 395).

А вот что независимо от Очи рассказал мне Сарат.

«От нивхского селения Тлаво по направлению к русской деревне Славо есть место, называемое *Маск"сауф* (букв.: „место маленького кормления гор"). Там когда-то похоронили близнецов. Когда я еще маленький был, нивхи таскали туда всякую еду: рисовую кашу, табак, сарану, убивали там собак. Когда кто-либо болел, близнецов

просили, чтобы они помогали. Когда я там был, клетки, в которой их похоронили, уже не было, но была там лиственница, а на ней были затесы. Когда убивали собаку, то прежде из ствола тальника и ствола рябины делали *инау* — ритуальные изображения зверя-самца и зверя-самки. К каждому изображению привязывали пучку, сарану, а затем втыкали их в землю у самого ствола лиственницы. Затем срубали молодую елочку, привязывали на самую ее вершину пучку, сарану (очевидно, фигурку, символизировавшую медведя. — *Е. К.*) и тоже втыкали ее возле лиственницы. Затем на шею собаки надевали *инау* и перевязывали их под шеей. К лиственнице привязывали конец ремня, а его петлю надевали на шею собаки. Собаке давали поесть студня, рисовой каши, а потом ей говорили: „По-хорошему только [в гору] подымайтесь, горе (т. е. горным людям. — *Е. К.*) понравьтесь *(урлаф пашкт марве, палах п'эзмугуве")*. (Поразительно, что это обращение к собаке выражено в почтительной форме множественного числа. — *Е. К.*). Потом собаку удушали петлей. Затем производили *палрох" ч'аунд* — бросали в лес куски студня, каши, пучку, сарану. С собакой, убитой горам, обращались осторожно. Шкуру иногда оставляли на месте. Сваренное мясо аккуратно счищали с костей и складывали в берестяную посуду. Кости оставляли, но аккуратно укладывали их вместе. По возвращении в селение мясо этой собаки и остатки студня делили между членами своего рода».

У амурских нивхов я видел фигурки близнецов, туловище которых было обернуто белой материей. Возле каждой фигурки лежала связочка *инау*. Когда нивх заболевает, возле него кладут эти стружки, а когда он выздоравливает, их кладут на место.

Когда думаешь о тяжком грузе религиозных заблуждений, который давит жизнь нивхов и сотни тысяч лет давил жизнь наших предков, то неистово начинаешь желать, чтобы разум людей освободился наконец от этих страшных вековых заблуждений, чтобы люди своим ясным и светлым умом понимали и ощущали радость и счастье жизни.

В связи с расспросами о близнецах старуха Тюйк рассказала мне следующее предание.

«Давным-давно в селении Эг'ливо (Яли) жила женщина. В первый раз, когда она рожала — мальчика од-

ного родила. В другой раз, когда рожала — двух мальчиков родила. Снова когда рожала — мальчика одного и девочку одну родила. Еще когда рожала—двух девочек родила. Она три раза двоен рожала. Двойни все умерли. Первенец один только жив остался.

После этого их мать своего ума лишилась, на сумасшедшую стала похожа. Тогда муж привязал ее в „яме" (между двумя столбами, к которым привязывают медведя. — *Е. К.*). Когда она еще сильнее ума лишилась, на ее лице медвежья шерсть выросла. Когда ее ум хорошо [поправляться] стал, тогда шерсть [с ее лица исчезла]. Так она долго в яме жила. Потом муж ее в медвежью клетку поместил, запер. Внутрь клетки еду просовывая, ее кормил.

Однажды ее муж, рыбу ловить собравшись, жителям других жилищ сказал, чтобы они за ней следили. Сказав, ушел. Рыбу ловить закончив, вернулся. Придя, еду для нее приготовил, кормить пошел. Когда к клетке подошел, ее запор сломанным лежал. Она сама вышла, ушла, скрылась.

Много людей вместе искать ее ушли. По всем жилищам искали, но не нашли, в других местах искали, но не нашли. Потом на тропу, по которой бегают собаки, спустились. Напрямик к Эглинской протоке спускались. Когда через перевал пошли, на спуске у края протоки на тальнике один ее наколенник висящим увидели. Возле него еще искали, ничего не нашли. Когда протоку пересекли, один ее торбаз у самого края берега на тальнике висел. Возле него искали, ничего не нашли. Когда к протоке Вырг"и спустились, у края берега один ее наколенник висел. Когда протоку пересекли, то на той его стороне один ее торбаз висел. Вокруг него искали, ничего не нашли. Тогда люди поняли—она в гору поднялась (к горным людям ушла. — *Е. К.*). Люди обратно воротились.

Так долго жили. Ее муж, своего сына с собой взяв, в лес пошел жерди для сушения юколы готовить. Ниже селения Эгливо озеро К"ладьылмрту есть. Туда на лодке спустившись, жерди рубил. Его сын жерди уносил, складывал. Вот его сын, жерди обхватив, вниз спускался. В это время в лесу звук шуршащей травы послышался. Когда его сын назад оглянулся, большущий медведь из лесу показался, к его отцу спускался. Медведь его ударил, свалил, укусил. Потом голову поднял, на ребенка

посмотрел, ушами [ласково] пошевелил. Потом снова его отца стал кусать. Его сын, в лодку спустившись, сел, смотрел. Медведь, свое дело окончив, в лес направился, исчез. Сын к отцу пошел бы, но боялся. В селение поднявшись, людям сказал. Тогда нивхи толпой вниз спустились. На своего товарища, когда посмотрели, он давно уже в плохом состоянии лежал.

Нивхи его подняли, на *ч'ыуф* — месте кормления горных людей похоронили [в медвежью клетку положив]».

Это предание старуха Тюйк слышала от родного дедушки Кыйдыка, причем Кыйдык сам с интересом слушал ее рассказ.

Нивхинка Палгук, по сообщению своей матери, рассказала следующее.

«Пять поколений назад прапрабабушка нивха Хугана сперва родила деда его отца. Потом она родила двойню, которая умерла. Как-то выйдя ночью на место для женского туалета, она снова родила там двойню. Близнецы ее были в шерсти, а у нее самой лицо и руки покрылись шерстью. Когда люди вышли и осветили берестой то место, на котором она лежала, близнецы сразу же умерли, а она сама будто помешалась и запела песню. Она пела о том, что идет за медвежатами по густому лесу, по поляне, потом идет в гору. Там стоит каменное жилище. Она зашла в него, сказала, что останется в нем жить, захрипела и умерла».

Палгук сказала, что от старухи матери и старика К"авазка она слышала, что в старину одна нивхинка четыре раза подряд родила близнецов. Тогда нивхи привязали ее между столбами *к"арг ан"*, как привязывают между ними медведя, и убили ее, выстрелив в нее из лука. Потом они сделали медвежью клетку и похоронили в ней эту женщину.

Старуха Тюйк и старуха Тфайк — мать Палгук живут на большом расстоянии друг от друга: одна на Охотском берегу Сахалина, другая — на Амуре. Однако у них были тождественные легенды. Лицо женщины, по их сообщениям, после трех- либо четырехкратного рождения близнецов обрастает якобы шерстью. Она сама лишается рассудка, умирает и уходит жить к горным людям.

Удивительно предание, что женщину, четыре раза рожавшую близнецов, привязали к столбам, как медведицу, и убили, как медведицу, выстрелом из лука. В од-

ной сказке, рассказанной мне Кыйдыком, ее герой попадает к духам. Они относятся к нему как к интересному пришельцу, которого сажают на цепь между столбами и собираются убить из лука.

В то время, когда я был в Куле, мне рассказали о старушке Яскук и старике Юдине, живших в этом селении, следующее.

Много лет назад Яскук родила двойню. Вскоре близнецы умерли. Через некоторое время Юдин убил медведицу, у которой было двое крошечных медвежат-сосунков. Он принес медвежат жене, и она их выкормила своей грудью. Медвежата так привыкли к ней, что ходили с ней даже по ягоды. Потом, когда они выросли, один из них убежал в лес, а другого посадили в клетку, вырастили и убили на медвежьем празднике.

Когда старик Юдин ходил на медведей, то брал с собой свою жену Яскук. Медведей он убивал только копьем. Ему дали прозвище К"отратак — медвежий дед.

О выкармливании медвежат женщинами на Сахалине мне рассказывали следующее. Если в древнее время у женщины умирали близнецы и ее муж вскоре находил в берлоге крошечных медвежат-сосунков, он приносил их выкормить своей жене. Для этого ее постель выстилали ветками ели, ритуальными стружками и отгораживали перегородкой, чтобы никто не видел, как она их кормит. Кормление продолжалось до тех пор, пока у медвежат не вырастали зубы. Посторонним категорически запрещалось заходить в жилище, где происходило такое выкармливание.

Медвежонок, пойманный вскоре после смерти близнецов, говорил мне Ыгиска, считается душой умершего человека, т. е. близнеца.

Обычай выкармливания медвежат грудью был, по-видимому, заимствован нивхами от айнов.

У айнов, писал Б. О. Пилсудский: «Малых медвежат кормят грудью женщины. Случается это крайне редко и лишь тогда, когда медвежонок взят совсем детенышем. Тогда он так мал, что его приносят домой, вложив в рукавицу... За все это время женщина не прикасается к женским работам: она не варит, не режет ножом еды, не шьет. На празднике она не ест мяса воспитанного ею медведя» [17, 84].

В связи с расспросами о близнецах я натолкнулся у

амурских нивхов на предание о *к"отр-к"ан-бук-нивхгу* — нивхах, запрягавших медведей как собак.

Разыскать корни этого мифа удалось в селении Куль у представителей рода *Аргон*. Старейшиной этого рода был Нярф. Кроме него к роду принадлежали семьи Магвина, Мевона и др.

На Магвина и Мевона мне указывали, как на истинных потомков «нивхов, запрягавших медведей (в нарту) как собак».

Это началось с того, что одна женщина, жившая на Сахалине в Пиляво, родила близнецов. Когда они выросли, мать сама сделала им лыжи. Они ходили в тайгу на охоту и убивали много медведей. В лесу близнецы поймали медвежонка, у которого едва открылись глаза. Они принесли его к матери и та выкормила его грудью.

Охотясь в лесу, близнецы в соответствующее время приходили к одной берлоге. Навстречу им выходила медведица. Они входили туда, брали медвежат и уносили в свое жилище, где их мать выкармливала медвежат грудью. Ее грудь, говорят нивхи, была покрыта шерстью, как у медведя.

Когда медвежата подросли, близнецы начали запрягать их в нарту и лодку. Последнюю медведь тащил на бичеве. Если навстречу шел человек, близнец придерживал медведя и прикрывал его глаза рукой.

Пнидин говорил мне, что они не только запрягали медведей в нарты, в лодки, но и ездили на них верхом. Когда прирученных медведей надо было кормить, нивхи выходили с луками, стрелами и кричали *«К"авъёх, к"авъёх»*. Тогда из лесу вместе с прирученными прибегали дикие медведи, и нивхи их убивали. Об одной старухе рассказывали, что она видела даже корыта, из которых кормили медведей-собак. Ыгиска же уверял меня, что еще дед Нярфа — старейшина рода *Аргон* — запрягал медведей в нарту в качестве собак.

От нивхов Тыми, Охотского и Татарского побережий Сахалина я ничего не слышал об этих мифических нивхах.

Когда я записывал на нивхском языке предание, рассказанное мне старухой Тюйк, то в том месте, где она говорила о смерти близнецов, она употребила следующее выражение: *т'он"р-олагу сыкм рамти пнюг"ыттьг"у* — «близнецы все [поголовно] умерли». В данном случае она

вместо слова *мудь* — «умереть» употребила неизвестное мне ранее слово *пнюдь* — «умереть». Естественно, я заинтересовался им и спросил Кыйдыка, употребляют ли еще в каких-либо случаях это слово. Он ответил, что его употребляют еще тогда, когда умрет медведь, содержащийся в клетке.

Значит, не только легенды, не только ритуал похорон близнецов и посмертного их обожествления как горных людей-медведей, но и язык нивхов сохраняет следы древнейших представлений, отождествлявших близнецов с медведями, иначе нивхи не употребляли бы одно слово *пнюдь* исключительно для обозначения смерти близнеца и медведя.

Когда начинаешь постигать вавилонскую башню неизбежных заблуждений людей каменного века, то чувствуешь, как сложна была их жизнь, с каким мучительным трудом сквозь стотысячелетние заблуждения пробивалось истинное познание природы.

О ШАМАНАХ И ИХ РОЛИ В ЖИЗНИ НИВХОВ

5 июля. Шаман — это посредник между миром людей и миром духов, порожденных невежественным воображением людей каменного века. Обыкновенный человек, по представлениям людей этого уровня развития, лишен возможности непосредственного общения с духами. Ею обладает только шаман.

Таково в общих чертах и представление нивхов о шаманах.

Шаманство — явление универсальное. Оно свойственно еще многим современным народам, живущим в условиях охотничьего быта. Оно на определенной ступени исторического развития было свойственно и тем народам земли, которые стоят на высших ступенях современного культурного развития. Следовательно, это закономерное историческое явление. Его необходимо понять. И даже, я бы сказал, не только понять, но и как бы ощутить веру народов, у которых существуют шаманы, колдуны и т. п., в наличие духов, населяющих весь видимый и невидимый ими мир.

По убеждению народов, которым свойственно анимистическое представление, «сверхъестественная сила шама-

на, — как об этом совершенно правильно писал Л. Я. Штернберг, — покоится не в нем самом, а в тех духах-помощниках, которые находятся в его распоряжении» [28, 141]. У нивхов эти духи-помощники называются *кэгн"*.

На мой вопрос, откуда берутся у нивхов шаманы, Очи сообщил следующее:

— Он, когда шаманом становится, пищу даже есть не хочет, так мучается. Тогда нивхи понимают, что вот-вот он шаманом станет.

Тогда ель валят, со стороны восхода солнца на ней заметку делают. Приносят, в землю втыкают, чтобы заметка на сторону восхода солнца смотрела. Оно *ч'ун"ч'х"ар* — дерево *ч'ун"* называется. Четыре ветви на нем целыми оставляют. Потом настругивают длинные *инау,* к этим ветвям привязывают. Эти ветви его руками считаются, — так сказывают. Духи — помощники шамана на эти ветви садятся, отдыхают, сказывают.

Потом по два прута от ольхи, рябины, клена, тальника, черемухи отрезают, вокруг этого дерева втыкают.

Дерево *ч'ун"ч'х"ар* установив, бубен изготовляют, пояс с побрякушками изготовляют. После этого он, шаман, уже петь начинает.

У сахалинского шамана Чамк"а, жившего на Тыми, главным духом-помощником была горная женщина-дух, которую звали Х·увргук и которая, по убеждению нивхов, жила у истоков р. Восимы. Видимо, эта женщина-дух считалась его женой. Другим его духом-помощником был горный человек-дух по имени Тускъён. Он, по представлениям нивхов, жил на вершине горы, в круглой скале. Имел Чамк" и других духов-помощников, но эти были главными.

Рассказы о могуществе шамана Чамк"а нивхи подтвердили эпизодом оживления замерзшей крысы, которую он потом велел нивхам убить и зарыть вместе с едой и кусочками ткани в землю, так как она, по словам шамана, ожившая, причиняла бы людям зло.

Шаман Чамк" принадлежал к роду *Пльыфвонн".* После его смерти стал шаманом его сын Койн"ыт. Последнего видел Л. Я. Штернберг. Он сообщает о нем следующее: «Гиляцкий мальчик по имени Койн"ыт, лет двенадцати, сын шамана, гостивший у меня, заснул после обеда и, нечаянно разбуженный моим товарищем, начал не-

истово метаться и кричать, повторяя все неистовства и исступленные крики шаманов. Когда припадок кончился, лицо бедного мальчика было страшно истомлено и казалось лицом пожилого человека. Во сне к нему явились двое *кэг'н''* — мужчина и женщина: это были *кэг'н''* его покойного отца. Они сказали ему: «Мы играли с твоим отцом, теперь давай с тобой». Другой гиляцкий мальчик Индын, присутствовавший тут же, с глубоким изумлением наблюдал проявление припадка. «Ну, теперь Қойн''ыт человеком не будет, — сказал он, — *кэг'н''* хочет его заставить свой закон держать»» [28, 77, 78]. В дополнение к словам Индына, приводимым Л. Я. Штернбергом, я могу привести еще слова Қыйдыка: «Если шаман не будет петь (т. е. шаманить. — *Е. К.*), — сказал он мне, — то кэг·н'' — духи замучают его. Бывает даже, что ему из-за этого ломают кости».

Крайне интересно, что сообщения, полученные мной о Чамк''е, и сообщения Л. Я. Штернберга о его сыне Қойн''ыте неожиданно совпадали. Двое духов Чамк''а, имен которых Л. Я. Штернберг не упоминает, — это Х·урьгук и Тускъён. Они-то и пришли к его сыну Қойн''ыту во сне и стали его беспокоить, требуя, чтобы он стал шаманом.

Став шаманом, Қойн''ыт лечил людей. Вот как рассказал об этом Очи:

«Эпкун сказал шаману Қойн''ыту, что его сын болеет, его к себе пригласил петь, сына лечить, Қойн''ыт не отказался. В жилище Эпкуна бубен понес, побрякушки понес. Нивхи, стволы кустарника срубив, в жилище внесли, *инау* строгали. Из *инау* повязку на его голову сделали, очки сделали, с головной повязкой их скрепили («очки» помещаются на лбу шамана. — *Е. К.*). Из *инау* повязку на его шею сделали, из инау ему пояс сделали. *Инау* все его суставы обвязали: левое колено обвязали, правое колено обвязали; левый голеностопный сустав обвязали, правый голеностопный сустав обвязали; левый локтевой сустав обвязали, правый локтевой сустав обвязали; левый лучезапястный сустав обвязали, правый лучезапястный сустав обвязали (повязки накладываются не на самый сустав, а чуть выше его. — *Е. К.*). Потом в чашку багульник и ель положили, воду туда налили. Это вода для питья духов—помощников шамана—так говорят. Сарану и корнеплод *тьирх* вместе в чашку положили, на

край очага поставили, чтобы духов—помощников шамана кормить. Багульник вместе с елью зажгли, его повязку на голову, сделанную из *инау*, обдымили, на его голову надели, его пояс с побрякушками обдымили, его бубен над этим огнем (из багульника и ели. — *Е. К.*) нагрели. Тогда он встал, запел (т. е. начал шаманить. — *Е. К.*). Окончив шаманить, сказал: «Горные люди у Эпкуна собаку просят. Если он собаку горным людям убьет, больной поправится — сказали. Как только собаку убили, его сыну на другой же день лучше стало. Потом совсем поправился».

С психологической точки зрения исключительный интерес представляет сообщение Очи о том, как объяснял Койн"ыт нивхам, кому шаманы обязаны своим искусством.

«Койн"ыт сказал: *кэгн"* — дух-помощник *инау* на грудь вешает, *инау* на голову надевает, все суставы обвязывает, бубен несет, побрякушки железные надевает, дух-помощник так играет. Шаманы по образцу этого духа-помощника играют. В бубен бьют — подобно тому, как он бьет. Колотушку бубна держат — подобно тому, как он ее держит. Танцуют — подобно тому, как он танцует. Подобно тому, как он играет — играют. [Это] — дух-помощник их учит, чтобы так, как он, бубен держали, чтобы так, как он, в бубен били, чтобы так, как он, танцевали. Так их учит».

Нетрудно представить, каким ореолом должен был быть окружен у людей, стоящих на уровне неолитической культуры, такой человек, якобы охраняемый могучим духом, помогавшим ему общаться с другими духами и защищать людей от их козней.

Кроме *кэгн"* — духов-помощников, в распоряжении Койн"ыта были еще *кэнтьк"*. Л. Я. Штернберг сообщает о них, что «это веселые духи, играющие с шаманом и помогающие ему только в фокусах» [28, 74].

Старик Очи на русском языке рассказал мне такой случай.

«Койн"ыта связали и положили у дверей. Огонь на очаге погасили. Люди находились в жилище в темноте и начали кричать *«кэдё!»*. Потом они кричали: «В такого-то брось!» и *кэнтьк!»* — точно в такого-то кидали сырую юколу. Потом они бросали ремень, говорили: «Тяни». *Кэнтьк"* начинали его тянуть и стаскивали человека с на-

ры. Слышно было, как несколько человек тянут ремень. Люди крикнут: «Обрызгай такого-то!». Тогда *кэнтьк"* воды набирают и брызгают в такого-то. «Ну и потешно тогда бывает! Когда огонь на очаге зажгли — развязанный Койн"ыт сидел один у двери».

Перед смертью Койн"ыт распорядился, как его похоронить. Вот что об этом рассказал Очи.

— Когда он стал умирать, сказал: «Хотя я умру, но три года на этой земле жить буду. Когда я в селение мертвых пойду, моя лохматая сучка, в селении находясь, жить будет», — сказал.

Воздействие слов шамана на психику нивхов было столь велико, что они галлюцинировали и видели эту сучку. Продолжая на нивхском языке свой рассказ, Очи говорил:

— Я эту сучку видел. Конец ее хвоста белый, ее туловище черное. Из левого угла [жилища] выходила к правому углу [жилища], идя, входила [в него]. Иногда из правого угла [жилища] выходила к левому углу [жилища], идя, входила [в него]. Таким образом все время живет. Много людей все это видели!

Он (Койн"ыт. — *Е. К.*) говорил: «Когда умру, чтобы не сжигали». Так говорил. Клетку сделав, в клетку положив, чтобы его похоронили, говорил. Его лицо, в сторону восхода солнца обратив, чтобы так его похоронили, — говорил.

Когда он умер, как он велел, лиственницы срубили, раскололи, плахи сделали. Эти плахи принесли и из них клетку сделали. Как он говорил, его положили. Шапку из *инау* на его голову надели, из *инау* постель сделали, *инау* его сверху накрыли, чтобы крашеной материи вместе с ним не класть. Потом плахами клетку сверху закрыли. Сверху клетки, чтобы он не поднялся, [чтобы он не двинулся, не снялся], колья [букв.: гвозди] вбили по сторонам. Четыре кола [гвоздя] вбили, потом веревками перевязали (чтобы укрепить крышу клетки. — *Е. К.*). Четыре елочки срубили, у углов клетки воткнули. Как он велел, его бубен снаружи клетки положили, его побрякушки снаружи клетки положили.

В июне 1926 года, в первый день приезда к нивхам, я видел, как похоронили старушку — жену Койн"ыта. Ее не сожгли, а зарыли в землю, причем яма была выложена плахами наподобие ящика. В него и положили покой-

ницу. Сверху этот «ящик» закрыли плахами. Рядом с «ящиком» положили собаку, которую убили, ударив ее палкой по голове. Затем все это засыпали землей.

Духи — помощники шамана, по убеждению нивхов, переходят к нему по наследству от деда или отца. Л. Я. Штернберг писал по этому поводу: «У каждого шамана кто-нибудь из его предков по мужской или женской линии был шаманом. Это совершенно естественно, ибо для того, чтобы сделаться шаманом, необходимо обладать особой болезненной организацией, крайней возбудимостью, наклонностью к экстатическим припадкам, подвергаться разным видам галлюцинаций и т. п. — словом, страдать в той или иной степени истеричностью. А истеричность, как известно, весьма легко передается по наследству» [28, 142].

«Не в воле человека, — писал Л. Я. Штернберг далее, — стать шаманом. Дар шамана приобретается не по желанию последнего: обычно наоборот, против его желания... Не шаман избирает духа-покровителя, а дух избирает шамана...

Внезапно, обыкновенно это бывает в так называемый переходный возраст, в период наступления половой зрелости, будущий шаман подвергается острому нервному заболеванию, которое сопровождается истерическими припадками, обмороками, галлюцинациями и тому подобными явлениями и которое мучит его в течение многих недель; и столь же внезапно, во время одного из припадков или во сне, является к нему его дух-покровитель... приказывающий ему стать шаманом, предлагая свое руководство и помощь...

Бывают случаи, когда призванный сначала отказывается от возлагаемого на него бремени, упорствует, колеблется, но в конце-концов, измученный угрозами или соблазненный посулами избравшего духа, покоряется и вступает в союз со своим покровителем; обычно после этого припадки исчезают, и больной выздоравливает.

С этого момента начинается шаманское служение» [28, 141—142].

Процесс становления шамана, описанный Л. Я. Штернбергом, основан на сообщениях, полученных им непосредственно от шаманов. Начальный период болезни шамана объяснялся тем, что его якобы мучали духи, обычно противоположного пола, желающие с ним жить, подобно то-

му, как в предании о Мыкрфин"е медведица-женщина жила с Мыкрфин"ом, а затем убила его и взяла к себе.

Мне самому, к сожалению, не удавалось близко встречаться с шаманами. Некоторые сведения о них я получал у расспрошенных мной нивхов. Более подробные данные об одном амурском шамане удалось собрать в селении Вайде.

В роде *Люмрпин"* были три шамана — дед Итызана, отец Итызана и, наконец, сам Итызан. Наследственность шаманских способностей в этом случае, как и в случае с Чамк"ом и Койн"ытом, выступает особенно наглядно.

На Амуре для человека, становящегося шаманом, также устанавливают шаманское дерево, называемое *ч'амч' эдьиг"р* — «шаманское сухое дерево» (*ч'ам*—«шаман», *ч'эдь* — «сухой», *тьиг"р* — «дерево»). На этом дереве, по убеждению амурских нивхов, так же, как и по убеждению сахалинских нивхов, отдыхают *кэг·н"* — духи — помощники шамана. У основания шаманского дерева амурские нивхи ставят деревянного идола-сторожа, который следит за тем, чтобы на дерево не садились посторонние, не обслуживающие данного шамана духи, и всякого рода черти — злые духи.

После установления шаманского дерева тесть будущего шамана (*анак*) должен изготовить для него следующие предметы: *к'"ас* — «бубен»; *к'"астяс*—«колотушку для бубна»; *ян"пу* — «пояс с полыми железными побрякушками»; *к'ис* — две перевитые змееобразные фигуры, сделанные из одного куска березы с головами мифического животного — *тявда,* тигра, или медвежонка (это перевитое изображение обертывают белой материей, но так, чтобы головы выступали из нее. К изображению привязывается ремень и надевается на шею шамана); *лахть* — большой нож на длинном древке, называемый также пальма; *т'ог·вс* — «дымокур» — кусок котла для устройства обряда обдымления. Рядом с ним ставят деревянный дымокур с вырезанными на нем изображениями голов людей, а также животных и пресмыкающихся (рис. 24).

У шамана Итызана из дерева были сделаны изображения многих его духов-помощников. Среди них были: *мотьик ныкр умгу* — женщина, у которой было четыре груди (это был главный дух, происходящий от воды — *тол); ат* — тигр (это был дух от гор — *пал); тлы-гэг·н"* —

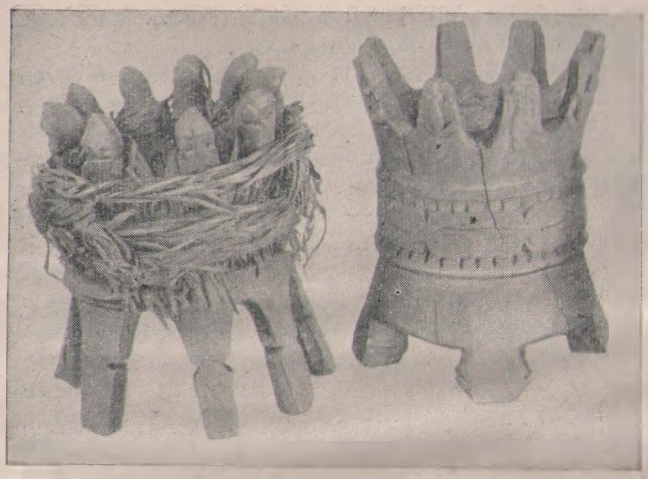


Рис. 24. Шаманский дымокур с девятью человекоподобными головами. Из коллекций ГМЭ.

небесный дух-человек (это был дух от неба); *тодагэг·н"* — какой-то, человекообразных дух; *к"арг·а* — столбы с человеческими лицами, в которых тоже обитали какие-то духи.

Других духов-помощников нивхи вспомнить не могли, но эти точно были у него.

У Итызана был особый амбар, где стояли изображения его духов-помощников. Там он их кормил.

Главная религиозная функция шамана состоит, по-видимому, в охране членов своего рода от козней злых духов и борьбе с ними. Так, злой дух может забраться в жилище нивха и чинить там гадости. Тогда устраивают *кыйдыдь* — обряд изгнания злого духа из жилища. Для этого предварительно изготовляют травяное чучело. Жилище затемняют. Шаман начинает шаманить и вызывает своих духов-помощников. Они, конечно, обнаруживают в жилище незримого для других злодея и оттесняют его к травяному чучелу. Когда злой дух загнан в него, шаман подает сигнал нивху, стоящему наготове с палкой. Тот изо всей силы ударяет по чучелу, и оно вылетает в дверь, которую в этот момент открывают. Там нивхи нападают на чучело и разрывают его на куски. Со злым духом, за-

бравшимся в жилище, теперь покончено, зло изгнано. Нивхи теперь могут спокойно в нем жить.

По-видимому, для того, чтобы предохранить все селение от козней злых духов, шаман обходит жилища селения. Он идет в сопровождении процессии по направлению с восхода на заход солнца. Первым в этой процессии идет нивх, несущий пальму; следом за ним — нивх, несущий шаманский дымокур; третьим — шаман, бьющий в бубен и танцующий; четвертым — человек (или несколько человек), поддерживающий *лубукс* — веревку, которой обвязана вокруг поясница шамана. Пятым идет человек, ведущий собаку.

Первым в жилище входит нивх, несущий пальму. Он ставит ее слева у двери. Вторым входит нивх, несущий шаманский дымокур, и ставит его посередине жилища. Тогда хозяин жилища берет свой дымокур, кладет в него горящие угли, накладывает на них ветки багульника и ставит на дымокур шамана. После этого в жилище входит шаман. Он обходит дымокур по направлению с восхода на заход солнца, продолжая бить в бубен и танцевать. Шаман обходит вокруг дымокура три раза, шаманка—четыре. После этого шаман садится и курит. Хозяин жилища греет в это время его бубен. Покурив и, по-видимому, отдохнув, шаман снова берет бубен, бьет в него, обходит дымокур и направляется в соседнее жилище. Так он обходит все селение.

Шаман у нивхов выступает также в роли врачевателя. Поскольку болезнь, по представлениям нивхов, вызывается злым духом, вселяющимся в человека либо мучающим его по какой-либо причине, то естественно, что, кроме шамана, — этого посредника между миром людей и миром духов, — никто не может помочь больному. Шаман через своих помощников якобы точно узнает, какой дух мучает больного и какую награду, какой выкуп надо дать ему, чтобы он оставил больного в покое.

У амурских нивхов существует определенный ритуал приглашения шамана для лечения больного.

Просящий приходит к шаману и излагает ему свою просьбу. Если шаман согласен, он берет пальму и идет с ней к больному. Проситель несет за шаманом его главные принадлежности — бубен, колотушку и др.

Если шаман не хочет почему-либо идти шаманить, проситель сам уносит его пальму, бубен, колотушку. При-

дя к себе, он нагревает бубен и начинает колотить в него. Тогда являются духи, и шаман поневоле идет лечить больного.

Когда шаман приходит в жилище больного, он некоторое время сидит, а потом присутствующие помогают ему облачиться в шаманские одежды. Ему надевают пояс с побрякушками; на голову — венок из стружек, называемый *лалстях;* на шею — перевитой кусок дерева с головами зверей-помощников и ожерелье из стружек. Таково одеяние амурского шамана при лечении больного.

Над больным вешают специальный ремень, называемый *тьры.* Ему отводится большая роль в лечении больного.

Затем шамана кормят.

Кто-либо из присутствующих греет над огнем бубен шамана, после чего ему дают остыть, так как, если ударить по нагретому бубну, он треснет. После этого шаман берет колотушку, начинает бить в бубен и вызывать своих духов-помощников. Их у него много. Он вызывает их по своему усмотрению. Никто их не видит, кроме шамана. Вызванный дух приходит и просит у него есть. Шаман спрашивает, что он хочет есть. Дух отвечает, и он сообщает об этом хозяину жилища.

В то время, когда шамана еще одевали, хозяин жилища заранее расставлял посудины и в каждую клал какую-либо еду для кормления духов. Для таких случаев заранее старались заготовить такую пищу: двойной клубень сараны — *т'он"рг: арк";* двойной клубень корнеплода *тьирх — т'он"ртьирх;* шкуру змеи (вероятно, чешуя, которую змея сбрасывает с себя) — *кылын"а хатх;* дождевого червя — *ч'икымык;* жука-дровосека — *п'эрн";* гусеницу с волосками (плодится будто бы в местах, где складывают обрезки юколы) — *н"ывркн-ив-п'эр;* сердце белого оленя — *ч'ан"солн"ин"иф;* сердце черного каменного рябчика — *пыярк"н"иф;* сажу, висящую над очагом — *т'оск";* огонь: восемь горящих углей — *т'уг"р.*

Кроме того, для питья духам — помощникам шамана отдельно ставят воду с положенным в нее багульником — *т'ыкрч'ах.*

Очи мне говорил: «Духи-помощники говорят шаману, что сдвоенные клубни сараны (две сараны, растущие из одного корня), сдвоенные корнеплоды *тьирх,* сдвоенную

пучку, растущую из одного корня, они есть желают. Поэтому такие растения едой духов — помощников шамана считают».

Соответствующую еду для духа проглатывает шаман, запивая ее водой, после чего дух считается накормленным. О том, что шаман у нивхов «ест горячий уголь» упоминает и Л. Я. Штернберг [27, 74].

После того как шаман накормил и напоил своих духов-помощников, он идет к двери и плотнее закрывает ее. (По одному сообщению, он закрывает ее не руками, а лицом.) Затем он идет к больному, смотрит на ремень, который висит над ним, и бьет в бубен. Если он затем скажет, что ремень рваный висит, это означает, что больному осталось недолго жить. Если же он не произносит такого приговора, то говорит, что постарается вылечить больного. Все это время он бьет в бубен.

После этого он начинает задавать пригласившему его различные вопросы. Если ответы подтверждают вопросы, он снова говорит о том, что будет лечить больного.

Потом он снова бьет в бубен, смотрит на ремень, висящий над больным, и определяет, какой — горный, морской, небесный либо другой злой — дух унес *н''ар* — «кровь больного», отчего и произошла болезнь. После этого шаман при помощи своих духов ищет кровь больного, унесенную тем или иным злым духом. Если болезнь тяжелая, то шаман не отходит от больного и шаманит подле него днем и ночью. Бывает, что во время такого большого нервного и физического напряжения шаман «сердцем обмирает» — падает в обморок. Присутствующие видят, что шаман вот-вот упадет, и к нему подбегают пять человек. Двое подхватывают его и не дают ему упасть. Третий выхватывает у него из рук бубен, колотушку и бьет колотушкой в бубен над самой головой шамана. Четвертый хватает одну руку шамана, а пятый — другую. Каждый из них изо всех сил стискивает мизинец соответствующей руки и сгибает ее к тому же в локте. Так они держат его до тех пор, пока он не придет в себя.

Когда шаман якобы устанавливает наконец, какие духи стали причиной болезни, он указывает, изображения каких духов надо изготовить, чем их обернуть (шелковой или простой тканью) и чем их надо кормить.

На следующий день кто-нибудь из родственников больного (это может быть и *апак* — «тесть») изготовляет

соответствующие изображения духов, которых начинают кормить.

Дальнейшее показывает, помогло ли это лечение или нет.

Однажды шаман Итызан, как рассказал мне сказитель Кыйдык, пытался через второстепенных духов-помощников найти того злого духа, который унес кровь одного мальчика, вследствие чего тот заболел. Это ему не удалось.

Тогда он вызвал свою главную помощницу — женщину, у которой было четыре груди. Она, конечно, отыскала среди сонма духов именно того, который был нужен. Однако отнять у него эту кровь она не смогла. Тогда она решила обмануть его. Она взяла чашку и из своей левой груди выжала в нее молоко. Когда злой дух кинулся пить его, она схватила кровь мальчика, принесла ее больному и он ожил. У этой женщины молоко каждой груди предназначено для кормления определенного вида духов — помощников шамана.

У амурских нивхов о смерти говорят иногда иносказательно: *н"ар выг"дь* — «кровь оторвалась». Это выражение очень древнее. Оно могло сложиться только у древних охотников каменного века, которые видели, как вместе с вытекающей кровью уходит жизнь. Поэтому-то душа и ассоциируется у некоторых народов с кровью, а у некоторых — с жизнью.

Когда сказитель Кыйдык рассказывал мне о том, как женщина-дух, имеющая четыре груди, обманула злого духа и забрала у него кровь ребенка, он отнюдь не шутил, не потешался, не иронизировал, потому что то, чем он со мной делился, отражало его глубочайшую веру.

Старик Фунтик из Вайды рассказал мне о том, как старый шаман, родной дед шамана Итызана, привел раз на берег селения Вайды своего главного духа-помощника — женщину, у которой было четыре груди и которая была его женой.

Селение Вайды расположено на берегу Амура, у мыса, который по-нивхски называется *выг"и.* За этим мысом стоит большая отвесная скала, которая по-нивхски называется Фувбал. В этой скале есть пещера — *пывр,* перед которой расположен небольшой каменный выступ, а внутри — окаменевший медведь.

Однажды дед Итызана (имени его почему-то не на-

зывали) в полном шаманском облачении пошел к этой скале. Он велел нивхам обвязать его длинной веревкой и спустить вниз на небольшой каменный выступ перед пещерой. Нивхи так и сделали. Когда он стал на выступ, то отвязал от тебя веревку и нивхи вытащили ее наверх, как он заранее велел им это сделать. Что он там делал и как он там стоял, нивхи видеть не могли, но вскоре они услышали звуки его бубна, а затем пение — он шаманил. Потом он вдруг смолк. Нивхи насторожились, но ничего больше услышать не смогли.

Так они стояли, когда вдруг услышали, что удары бубна слышны с Амура. Они посмотрели туда и увидели над водой бубен, колотушку и руки шамана. В одной из них был бубен, а другая колотила о него колотушкой. Самого шамана не было видно.

Это было весной через три-четыре дня после того как с Амура сошел лед. В это время белухи в Амур еще не входят, но тут они увидели, что с низовьев Амура к шаману плывет большая белуха.

Еще до того, как спуститься со скалы на веревке, шаман сказал нивхам, чтобы они построили для него на берегу Амура напротив его жилища шалаш. Он распорядился покрыть его парусом, изготовленным из рыбьей кожи, и сесть вокруг шалаша, оставив свободным лишь место между краем воды и входом в шалаш. Тут они не должны были ни садиться ни ходить.

Когда нивхи сидели вокруг палатки, они вдруг услышали, что в ней неведомым им образом оказался шаман, разговаривавший с какой-то женщиной. Заглядывать им в палатку он категорически запретил.

Потом нивхи услышали *кофкофкоф* — звук металлического ножа, которым что-то резали на доске. Затем из-под палатки высунулась маленькая белая женская рука, которая выдвинула из-под паруса берестяную посуду, в которой была мелко-мелко нарезана свежая рыба. В берестяной посудине лежала пара китайских палочек. Нивхи стали есть поданную им рыбу. Она была так мелко нарезана, что была похожа на пух, и им даже казалось, что они едят не рыбу, а воду.

Один нивх не вытерпел, распорол шов в парусе и посмотрел внутрь. Там была маленькая белая красивая женщина со многими серьгами в ушах. Это была морской дух — *мотьик ныкр умгу* — женщина, у которой было че-

тыре груди, жена шамана. Вводил ли шаман ее в свое жилище, сказал мне Фунтик, ему неизвестно.

Сказитель Кыйдык продиктовал мне на нивхском языке песнопение, которым один шаман вызывал к себе из моря своего главного духа-помощника — женщину, имеющую четыре груди. Нивхский текст песнопения выражен в сильных экспрессивно эмоциональных формах. Нивхское слово *умгу* означает «женщина» и «жена». Перевожу его во втором значении. Некоторые строки песнопения опущены, так как в них упоминаются песчаные отмели с травами, названий которых я не могу перевести на русский язык. Это сокращение уменьшает лишь число упоминаемых отмелей, но не отражается ни на структуре, ни на сущности песнопения.

«Шаман пел, говорил, своего духа — *кэг·н''* вызывал:
О, жена моего дальнего моря, которую зовут Фыйлюк!
Где бы ты ни находилась, сегодня же кинься ко мне!
О, гора моего дальнего моря, белой горой всплыви!
Моя белая гора, болтаясь [подобно] голове
пыхтящего маленького медвежонка из стороны
в сторону, раскачивайся!
О, жена моего дальнего моря, на вершине
белой горы привстань!
О, гора моего дальнего моря, связанной (?)
горой всплыви!
О, жена моего дальнего моря, на вершину
связанной (?) горы прыгни! Оттуда немного, когда
отойдешь...
О, отмель моего дальнего моря, отмелью
с белым песком всплыви!
О, жена моего дальнего моря, на отмель
с белым песком прыгни! Оттуда немного, когда
отойдешь...
О, отмель моего дальнего моря, отмелью
с пушистым багульником всплыви!
О, жена моего дальнего моря, на отмель
с пушистым багульником прыгни!
. . . . . .
О, отмель моего дальнего моря, отмелью
с ольхой всплыви!
Пусть на ольховых ветвях (букв.: „вешалке")
с сучками почки раскачиваются, вертятся, густой
массой пусть колыхаются.
О, жена моего дальнего моря, на отмель
с ольхой прыгни!
О, отмель моего дальнего моря, отмелью
с тальником всплыви! На тальниковых ветвях
(букв.: „вешалке") с сучками почки раскачиваются,
вертятся, густой массой колыхаются.

О, жена моего дальнего моря, на отмель
с тальником прыгни!
О, жена моего дальнего моря, на свое дерево
для отдыха прыгни, на кончик носка
моей обуви прыгни!»

Можно удивляться мощи и красоте поэтических образов, которые употреблял неолитический шаман, шаг за шагом призывая и приближая к себе своего главного духа-помощника — женщину, имеющую четыре груди.

Мне пришлось видеть лишь инсценировку шаманского камлания, но при этом мне уже нетрудно было представить себе его подлинный эмоциональный накал, когда шаман шел, пританцовывая, по жилищу, двигал тазом из стороны в сторону, чтобы пустые подвески на его поясе грохотали, очень искусно бил в бубен и при этом в состоянии экстаза, приказывая, пел: «О, жена моего дальнего моря... на кончик носка моей обуви прыгни!»

«Надеюсь, — писал Л. Я. Штернберг, — что никто не заподозрит меня в пристрастии к шаманам, и я могу спокойно засвидетельствовать, что в моем присутствии экстаз шамана и таинственная обстановка, при которой метался и вопил исступленный избранник, приводил гиляков в такое состояние, что они галлюцинировали и видели все то, что видел в трансе сам шаман» [27, 75].

Но не всегда шаманы делают добро людям. И у сахалинских и у амурских нивхов существует представление, что некоторые шаманы перерождаются в злых духов, убивают людей и питаются их душами.

Как-то Очи мне рассказал следующее.

Когда в старину умирал человек, перед его сожжением выделяли мужественного нивха, который должен был потом подстерегать злого духа, убившего человека, у места сожжения покойника. Этот нивх прятался и не присутствовал при сожжении. Злой дух якобы сосчитывает людей при сожжении умершего, и поэтому нивху, который будет подстерегать злого духа, необходимо заранее затаиться, чтобы злой дух его не видел.

Нивх, который шел подстерегать злого духа, выбирал себе в товарищи еще одного нивха, крепкого сердцем. Вечером они уходили к месту сожжения покойника, покрытого длинными дровами. За этим местом они втыкали прут тальника. Перед прутом они ставили большой котел,

в котором варят собакам еду. Сами же они прятались за котлом. Старики говорили, что когда злой дух приходил, то прут казался ему толстым деревом, а из котла поднимался пар, который как туман скрывал от него нивхов.

Нивхи затаивались и ждали. Первый из них держал наготове лук и стрелу, а второй — копье. Так они сидели и ждали. Потом начинали прибегать к месту сожжения покойника разные зверюшки и звери, которые являлись послами главного злого духа. Не видя из-за прута и котла спрятавшихся нивхов, они отправлялись обратно и докладывали своему властелину, что ничто ему не угрожает.

Тогда злой дух, обратившись в огромного морского зверя *тун"*, подползал к месту сожжения покойника, разбрасывал покрывавшие его дрова и пытался укусить то место, где находилась голова покойника. В это время душа умершего издавала какой-то звук. Тогда нивх, державший в руках лук, стрелял в то место стрелой, после чего сам впадал в обморочное состояние.

Когда он приходил в себя, то видел, что стрела его попала в свернувшийся кусок бересты.

Когда рассветало, становилось заметно, что на месте, куда попала стрела, видна кровь. Оттуда след крови шел до воды и исчезал.

Через некоторое время сахалинские нивхи узнавали, что среди амурских нивхов какой-либо из шаманов оказывался простреленным стрелой. Это он, как пояснял мне Очи, обратясь в зверя, приходил съесть душу мертвого человека, которого он же убил.

Внешне шаман, переродившийся в злого духа, выступал для нивхов в качестве подлинного нивха, но внутренне, по представлениям нивхов, это был затаенный дьявол, который в самых разных ситуациях убивал людей в отдаленных селениях и питался их душами. При этом, чтобы не быть узнанным, он принимал личину любого животного — морского зверя, медведя, собаки. На эту тему мной записан ряд замечательных по своей фантазии легенд на нивхском языке.

У современных людей сложнейшее явление шаманства способно вызвать улыбку. Но надо помнить, что у людей с анимистическим мировоззрением оно выступало как единственное средство воздействия на воображаемый

мир духов. Тогда шаманство все же представляло истинно человеческую попытку воздействия на зло, неведомо откуда врывавшееся в суровую людскую жизнь. Другое дело, что впоследствии оно превратилось в средство одурманивания людей.

В связи с описанием шаманства необходимо рассказать о глубокой вере нивхов в провидцев — *тахрто ниг"вн"*. Нивхи уверены, что провидцы узнают обо всем в своих сновидениях и рассказывают потом людям то, что они видели.

На Амуре мне говорили, что провидцу помогают духи гор. Сначала в каком-нибудь роде каждый год бьют много медведей. Потом медведь задирает кого-нибудь из нивхов. Затем уже в данном роде появляется провидец, которому помогают духи гор. Амурские провидцы, как мне говорили, узнают обо всем, глядя на ветки горящей ели, которые они кладут на огонь, либо глядя на небо.

Вера нивхов в провидцев и шаманов столь велика, что однажды Курчук и Кельм мне сказали, что в то время, когда были шаманы: «Никто помирай нету. Шаман все видит, в селение умерших ходит, душу больного притаскивает, как человек помирай будет?»

Говоря о шаманах и провидцах, нельзя не упомянуть еще о том, что у нивхов существовало врачевание посредством ворожбы. Ворожила только старуха. Она держала на нитке или ремешке над больным *п'ан"г*: — камешек, либо точильный камень, обернутый стружками, материей, и тихо, чтоб никто не слышал, шептала что-то, по-видимому, спрашивала, как больного лечить, а потом говорила, что надо делать. Употребление камня отчетливо показывает, откуда берет начало ворожба. Однако это не объясняет ее психологического источника. Как и почему случилось, что человек каменного века стал пытаться предугадывать события ворожбой? На этот вопрос еще только предстоит найти ответ.

ОТЪЕЗД С САХАЛИНА

27 июля 1928 года. Вот и уезжаю я с Сахалина. Подвода везет меня к катеру. Вспоминаются события последних месяцев пребывания на Сахалине. Самое главное — 5 апреля я участвовал в совещании, посвященном пятилетнему строительству у малых народов Севера и Сахалина. Обсуждались такие вопросы:

1. О разработке пятилетнего плана работы среди малых народов Сахалина.
2. Об упорядочении обслуживания населенных малыми народами районов Сахалина.
3. Очередная кампания насаждения огородничества у гиляков, живущих на р. Тыми.
4. О землеустройстве и тонеустройстве малых народов Сахалина.
5. Выводы обследования Восточного побережья острова.
6. О приготовлении гиляками юколы для своего пользования из используемой рыборазводными заводами рыбы.

По всем этим вопросам приняты важные решения. Хочется, чтобы в результате проведенной работы хотя бы наметились пути культурного и экономического развития малых народов на Сахалине на ближайшие годы. Это значительно облегчит работу новым сотрудникам Ревкома.

Подвода проезжала мимо здания Сахалинского ревкома, когда из него выбежала девушка и окликнула ме-

ня. В руках у нее письмо, прибывшее на адрес Ревкома. Почту из Николаевска привез катер, с которым я уезжаю с Сахалина. Это было письмо от Карла Яновича Лукса. Читать было некогда, и я сунул его в карман. Когда я устроился на барже, которую катер должен был отвести в Николаевск, и мы отплыли уже от Александровской пристани, я смог наконец спокойно прочитать письмо.

Карл Янович писал: «Все слова, оканчивающиеся на «-логия» или «-графия», тесно связаны чем-то таким, — процессом, действием, назовите как хотите, в котором различаются субъект и объект. «Он» (ученый, исследователь) и «они» (изучаемые, опекаемые, которых в лучшем случае «любят», которым «сочувствуют»). Мы же хотим стереть эту границу между субъектом и объектом — «он *(ом)*» и «они *(ими)*». Процесс нашей советской туземной работы я представляю как отуземливание нас, брошенных партией на эту работу и постепенное вовлечение в советский обиход сперва единиц из туземцев, потом десятков, а там уже недолго будет до сотен и тысяч. Объекты изучения должны стать субъектами.

Избитая истина, что всякое начало трудно. Надо гордиться, что на Вашу долю выпал этот первый и трудный шаг.

Но довольно восклицаний. Не хочу я Вам мораль, хотя бы и нашу «советско-туземную», проповедовать... Но на случай, если не увидимся, хочу Вам сказать, что ожидаю от Вас ни больше, ни меньше, как советский гиляцкий букварь.

Жму руку.

Ваш *К. Лукс.*»

До чего радостно было читать это письмо! Забылось все! Суета отъезда. Неуютная баржа. Мысли невольно потянулись к Луксу.

Карл Янович Лукс! Мальчик, родившийся в бедной латышской крестьянской семье. С семи лет — он пастух у кулаков, с девяти — батрак в соседней усадьбе богатея. В семнадцать — руководитель повстанческого отряда латышских крестьян. В восемнадцать — каторжник. Долгое заключение в ужаснейших царских тюрьмах — Шлиссельбургской каторжной тюрьме, Орловской каторжной тюрьме; четырехлетнее пребывание в одиночной каменной могиле; пожизненная ссылка в Сибирь.

После февральской революции — активный участник и руководитель партизанского движения в Забайкалье; им, в частности, был составлен план овладения Читой. Теперь этот бывший батрак — на посту руководителя Дальневосточного Комитета содействия малым народам Севера. Все свое человеколюбивое сердце, свой блестящий ум и несокрушимую энергию отдает он заботам о социалистическом преобразовании жизни самых отсталых, самых угнетенных царизмом народов. Какая тяжелая, но светлая была у него жизнь, отданная думам и борьбе за человеческое счастье!

Карл Янович, да что же может быть прекрасней дела, к которому вы зовете! Моя учительница перед моим отъездом из Ленинграда напомнила мне, что я обязан нести нивхам солнце, а вы при моем отъезде с Сахалина говорите, что не ради чистой науки я находился среди них, а ради того, чтобы на основе полученных знаний дать нивхам букварь на их родном языке. Значит, пришел новый этап советского строительства среди малых народов Севера — их надо учить. Надо дальше вести их к свету. Ну что же, будем их обучать грамоте!

Дорогой Карл Янович! Ваше пожелание я воспринимаю как поручение, которое во что бы то ни стало выполню!

Катер далеко отошел от Сахалина, но хребты его гор еще были видны. Там живут нивхи, с которыми я только что расстался. Нет, нет, не расстался! Теперь я понимаю, что мое пребывание среди нивхов — это лишь начало настоящей работы для них и среди них.

Дорогие мои Моклей, Шызн"ыун, Очи, Чурка, Рурнэт, я к вам еще вернусь!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Котовщикова Наталья Андреевна — студентка IV курса этнографического отделения Ленинградского государственного университета. В 1929 г. уехала изучать ненцев на Ямал. Погибла в том же году во время экспедиции.

2. Каминский Георгий — студент этнографического отделения Ленинградского государственного университета. Уехал работать к хантэ на Казымскую культбазу, где и умер в 1930 г.

3. Молл Павел Юльевич — аспирант этнографического отделения Ленинградского государственного университета. Уехал работать к чукчам. На Чукотке у него обострился туберкулез легких, от которого он умер в 1931 г.

4. Иванчиков Владимир Иванович — ученик В. Г. Богораза. Занимался языком чукчей. Был учителем у еропольских чукчей в Анадырском районе. В 1933 г. при возвращении домой утонул в Анадыре.

5. Стебницкий Сергей Николаевич — исследователь корякского и ительменского языков. В Великую Отечественную войну ушел на фронт добровольцем. Погиб в 1942 г. у пулеметного гнезда, геройски защищая подступы к Ленинграду.

6. Шнакенбург Николай Борисович — работал учителем среди чукчей. Затем поступил в аспирантуру при Ленинградском государственном университете. Занимался языком чукчей. В Великую Отечественную войну добровольцем ушел на фронт. Погиб, сражаясь с немецкими фашистами, в 1941 г.

7. Пырерка Антон Петрович (1905—1941) — первый ученый из среды ненцев. Научный сотрудник Института языкознания АН СССР. Автор русско-ненецкого словаря, изданного посмертно, в 1948 г. В Великую Отечественную войну ушел на фронт добровольцем. Погиб в 1941 г.

8. Корсаков Георгий — исследователь корякского и кетского языков. В декабре 1941 г., во время блокады Ленинграда, защитил в Ленинградском государственном университете диссертацию на степень кандидата филологических наук. Умер на улице от истощения, возвращаясь домой после защиты диссертации.

9. Вербов Георгий Давыдович — исследователь ненецкого языка и лесных ненцев. В Великую Отечественную войну ушел на фронт добровольцем. Погиб, сражаясь с немецкими фашистами, в 1942 г.

10. Мельников Григорий Иванович — исследователь фонетики чукотского и корякского языков. Умер в Ленинграде во время блокады.

11. Штернберг Лев Яковлевич (1861—1927) — крупнейший русский этнограф. Основатель ленинградской этнографической школы. Бывший народоволец. В 1886 г. был арестован в Одессе. Провел в тюрьме три года, затем был выслан на Сахалин на десять лет. Там он занялся изучением нивхов (в то время называвшихся гиляками). Впоследствии занимался теоретическими вопросами этнографии. Написал ряд статей по вопросам этнографии. Его первая работа «Сахалинские гиляки» была опубликована в 1893 г.(журн. «Этнографическое обозрение», кн. 2, М., 1893). Вторая работа «Гиляки» была опубликована в 1904 г. (журн. «Этнографическое обозрение, кн. 60, 61, 63, М., 1904). Ряд статей опубликован в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Его работы по частным и общим вопросам этнографии (при активном участии Я. П. Кошкина) были опубликованы в 30-х годах. Автор счел возможным обратиться при цитировании работ Л. Я. Штернберга к этим изданиям.

12. Богораз-Тан Владимир Германович (1865—1936) — крупнейший исследователь этнографии и языков народов Крайнего Севера — чукчей, коряков, ительменов, ламутов (эвенов) и эскимосов. Создатель первого букваря для чукчей на чукотском языке. По его инициативе был создан Комитет содействия народам Севера при Президиуме ЦИК СССР. Вместе с Я. П. Кошкиным организовал первое учебное заведение для представителей малых народов Севера при Ленинградском государственном университете. Создатель музея истории религии в Ленинграде.

13. Домбровский — польский политический ссыльный. Прожил на Сахалине несколько лет. Издевательствами тюремной администрации был доведен до самоубийства (см. о нем: Л. Я. Штернберг, Домбровский. Л., 1923).

14. Соллертинский Иван Иванович (1902—1942) — искусствовед. Одареннейший человек, знавший более двадцати языков. Изучал почти все области искусства — поэзию, драматургию, балет, музыку. С 1923 г. читал лекции во многих учебных заведениях. В 30-х годах заведовал научной частью Ленинградской государственной филармонии. Автор работ о Мусоргском, Чайковском, Моцарте и др. Его яркие талантливые лекции собирали огромную аудиторию.

15. Фингерт Борис Александрович — директор школы рабочих подростков имени Н. Г. Чернышевского, потом ректор Ленинградского государственного педагогического института имени Н. И. Герцена. Профессор. Читал яркие курсы лекций и написал несколько работ по диалектическому и историческому материализму.

16. Смидович Петр Гермогенович (1874—1935) — видный деятель революционного движения в России. Член Коммунистической партии с 1898 г. Неоднократно избирался членом Президиума ЦИК СССР. Был председателем Комитета содействия народам Севера при Президиуме ЦИК СССР.

17. Гамарник Ян Борисович (1894—1937) — крупный государственный деятель. Занимал ряд ответственных постов в Красной Армии (см. о нем: Е. Борисов. Верный боец Коммунистиче-

ской партии, — «Коммунист вооруженных сил», 1964, № 10, стр. 88—90).

18. Полевой Петр Игнатьевич — геолог, составитель первой карты северной части Сахалина.

19. Ильин Александр Иванович — секретарь Сахалинского революционного комитета. В зиму 1925—1926 гг. произвел по поручению Ревкома обследование всего населения о-ва Сахалина. Написал по этому вопросу интересный доклад. Опубликовал в газете «Советский Сахалин» ряд корреспонденций о народах Сахалина.

20. Лапардин Петр Иннокентьевич — сахалинский корреспондент газеты «Известия». Огромный интерес представляет его статья «Жуткая хронология», в которой был приведен список всех политических заключенных, сосланных на Сахалин (см. «Советский Сахалин», 15.V.1927). Список я видел в старом неразобранном Сахалинском архиве. Судьба архива, в том числе списка политических ссыльных, мне неизвестна. На страницах «Советского Сахалина» в корреспонденции за подписью Конюхова рассказывается о том, как был найден последний политический ссыльный на Сахалине — С. П. Бугайский, но события в статье отражены неверно.

21. В настоящем издании для удобства набора при написании нивхских слов используется русский алфавит с добавлением четырех диакритических значков для обозначения звуков, отсутствующих в русском языке: знак (‘) справа от буквы вверху употребляется для обозначения придыхательных согласных; знаки (”), (˙), (:) — для обозначения некоторых согласных губно-губного заднеязычного, увулярного и фарингального рядов. В нивхском языке имеются следующие согласные: губные — *п, п‘, в, б, ф, в”, м;* переднеязычные — *т, т‘, р, д, ш, с, з, л, н;* среднеязычные — *ть, ч‘, дь, й:, нь;* заднеязычные — *к, к‘, г”, г, х, н”;* увулярные *к”, к”‘, г˙, х”, г:;* фарингальные — *х˙*. Буква *в”* употребляется для обозначения губно-губного w; *ш* — для глухого *р; г”* — для звонкого заднеязычного щелевого *г˙* — для звонкого увулярного щелевого; *г:* — для звонкого увулярного смычного; *х˙* — для фарингального. Имеются гласные: *а, э, и, о, у, ы.* Для обозначения среднеязычных и палатализуемых согласных употребляются русские — ётированные гласные — *я, ю, е, ё,* а также *ь,* например: *таф* — «жилище», *тяк”* — «колыбель», *путь* — «морская капуста», *тьиф* — «след», «тропинка», «дорога», но *тиф* — «камыш». Тех, кто заинтересуется фонетикой этого языка, отсылаю к книге: Е. А. Крейнович. Фонетика нивхского языка. М.—Л., 1937. Нивхский язык делится на два диалекта: сахалинский и амурский, условно обозначаемые в книге как (С. д.) и (А. д.).

22. Встречается еще несколько сложных слов с определяемым компонентом *пах”* — «камень»: *вэспах”* — «каменный уголь» (букв.: «вороний камень» от *вэс* — «ворона»), *г”эн”арибах”, паливах”*. Увидеть то, что нивхи называют этими словами, не удалось, но из их объяснений понял, что это, по-видимому, не минералы.

23. Соображения о первостепенной важности выбора кремня, а затем уже и процесса изготовления каменных орудий для определения логической природы мышления ископаемых людей были подсказаны мне наличием в языке нивхов определенных слов. Именно здесь я нашел опровержения положения Н. Я. Марра о том, что мышление первобытных людей было дологическим. Эти взгляды явились логическим развитием моих возражений Н. Я. Марру, впервые изложенных в работе «Гиляцкие числительные» (см. Е. А. Крейнович,

Гиляцкие числительные. Л., 1932). О важности факта выбора кремня для определения логической природы мышления ископаемых людей я писал позднее в одной статье в 1947 г. и в предисловии к «Грамматике юкагирского языка» (1952 г.), посвященном проблемам первобытного мышления и первобытной религии. К сожалению, эти работы остались неопубликованными. Об этом же делал сообщение на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (см. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 3, М., 1968, стр. 422).

24. С мифом о птенчике-молнии мне пришлось встречаться в разных местах Сахалина, но догадаться, что лежит в его основе, я не мог долгое время. Только в 1957 г. крестьянин, живший вблизи поселения нивхов на Тыми, рассказал мне следующее. Летом 1957 г. этот крестьянин косил траву. Вдруг под косой открылось гнездо жаворонка, в котором лежал птенец кукушки. Нивхи, присутствовавшие при этом, сказали, чтобы он не трогал гнезда, иначе его убьет молния. Они унесли гнездо с птенцом, поместили его в надежное место и обложили птенца ватой, нащипанной из халатов. Вот этот-то рассказ и объяснил мне, какое реальное событие легло в основу мифа о птенчике-молнии.

25. Л. Шренк видел стрелу, которой нивхи убивали ветер, зарисовал ее и привел в своей работе (см. Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. 3, СПб., 1903, стр. 40).

26. Наряду с указанным названием обряда в моих записях содержится и другое — *н"аур г'отрн"айд* («царапину сделать»).

27. У мифического медведя, обмазанного глиной, толщина сала была якобы равна длине ноги от стопы до колена: *ин"ох" тыськов наунт* — «его сала до колена хватало». Однако колено по-нивхски *пихти*. Слово *т'ытьк* Колка из Агнево переводил как «голень».

28. Заниматься изучением топонимических терминов рекомендовал мне Л. Я. Штернберг. Он же сообщил мне, что исследованием топонимики Сахалина занимается геолог А. Н. Крыштофович. Африкан Николаевич Крыштофович отыскал меня в 1927 г. в Александровске и просил помочь ему в правильном написании нивхских слов. К сожалению, высококвалифицированной помощи я тогда не мог ему оказать, так как систему фонем нивхского языка удалось установить только в 1931 г. В настоящей книге нивхские слова приводятся не в первых записях, но после их позднейшего уточнения.

29. Более подробно об этом по материалам амурского диалекта см. Е. А. Крейнович. Выражение пространственной ориентации в нивхском языке (к истории ориентации в пространстве). — «Вопросы языкознания», № 1, 1960, стр. 78—89.

30. Л. Я. Штернбергу о косатках нивхи говорили почти то же самое — различия были незначительны (Л. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933).

31. Представления нивхов о косатках, записанные мной на материке, в селениях Куль, Варки и Вайде, в основном совпадают с теми, что бытовали на Сахалине (в книге приведен сахалинский вариант). Они дополняют последние лишь такой интересной деталью. Выходя играть на берег, косатки снимают с себя *х'атх* — «скорлупу» (так в записанных материалах нивхи называют кожу косаток). При этом обнаруживается, что среди них находятся утонувшие нивхи. Мертвую косатку, выброшенную волнами на берег, нивхи материка называют *ызвыкзму* — «лодка, брошенная косаткой» (*ыз* — «ко-

сатка», *выкздь* — «выбрасывать что-нибудь», *му* — «лодка»). Когда косатки подплывали к селению, навстречу им выезжала лодка, на носу которой сидел лучший певец и пел для них. Как говорили нивхи: «Когда нивх пел, косатки, придя, близко-близко возле лодки выныривали, слушали-слушали — вот так было, песни слушали». Потом нивхи бросали косаткам ножи, а косатки, по словам нивхов, давали им куски сала белух, которое якобы разрезали в воде брошенными им ножами. Еще больше нивхами антропоморфизирован медведь.

32. В статье А. В. Смоляк «Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX — начале XX в.» (см. сб. «Общественный строй у народов северной Сибири», М., 1970, стр. 264—299) отрицается сообщение Л. Я. Штернберга о наличии у нивхов права собственности на речки для лова соболя, а также мои исследования о наличии у нивхов права собственности на целый комплекс промысловых угодий (см. Е. А. Крейнович, Пережитки родовой собственности и группового брака у гиляков, — сб. «Вопросы истории доклассового общества», М.—Л., 1936, стр. 711—754). В моей статье приводится большое число топонимических терминов, которыми точно обозначены конкретные промысловые угодья нивхов. Ни одно из этих сообщений не опровергнуто и не может быть опровергнуто. Право собственности на некоторые промысловые угодья у нивхов отмечалось не только Л. Я. Штернбергом и автором настоящей работы, но и другими исследователями: «Чтобы поставить заездок надлежащим образом, — писал В. К. Бражников, — нужно большое уменье и знание местности; далеко не во всяком месте рыба может хорошо ловиться; эти места, где есть, как здесь говорят, «привал» рыбы, искони известны гилякам; из года в год заездок городится на одном и том же месте, и это место передается из рода в род по наследству от отца к сыну (разрядка наша. — *Е. К.*) и есть как бы недвижимая собственность, освященная обычаем» (В. К. Бражников, Осенний промысел в низовьях Амура. СПб., 1900, стр. 57—58). А. В. Смоляк, по-видимому, неизвестны ни отдельные сообщения по этим вопросам, имеющиеся в литературе, ни конкретные факты.

33. На побережье Охотского моря, к северу от селения Коль, имеется место, называемое нивхами *кинзмуфксровс,* — место, где черт (злой дух) лодку привязывает.

34. Ч. М. Таксами (см. Ч. М. Таксами, Нивхи, Л., 1967, стр. 194) утверждает следующее: «Лыжи делают преимущественно из березы или лиственницы. Длина нивхских лыж 175—220 *см,* ширина доходит до 17,5 *см,* а толщина — до 1,5 *см*». Но из березы лыж не изготовляют. Зимние лыжи *(энь)* нивхи Сахалина делают из ели, а весенние — голицы *(лак")* — из лиственницы. Ширину лыж нивхи определяют пядью. Ширина современных лыж равна малой пяди *(пак"ма),* т. е. 17 *см,* а древних лыж *(зервальн"энь)* — самой малой пяди *(к"овр* см. стр 165), т. е. 13 *см.* Лыжи в 1,5 *см* толщины — толстая доска, которую по снегу не потащишь. Я не измерял толщину нивхских лыж, но полагаю, что в зимних лыжах нивхи доводят ее до половины сантиметра. На таких лыжах я не раз ходил с нивхами по лесу.

35. Это было в декабре 1927 г. в селении К'ек"рво. Нивх Хайкак устроил жертвоприношение огню в своем жилище, на котором я присутствовал.

36. Нивхи селения Хузи на материке говорят огню, когда он на-

чинает «пищать» на очаге: *палрох" экъя!* — «У горы (т. е. у духов гор. — *Е. К.*) попроси», если хозяин жилища идет в лес на охоту, или *толрох" экъя!* — «у воды (т. е. у духов воды, моря. — *Е. К.*) попроси», если хозяин жилища идет на охоту в море. Видимо, в данном случае хозяин жилища напоминает огню, чтобы он испросил у соответствующих духов удачи для него во время охоты.

37. Твердый знак (ъ) после гласной употребляется для передачи звука, образуемого шумом трения воздуха о голосовые связки. Этот шум соединяется с произносимым гласным, выражая подобие рычания, крика. Встречается только в звукоподражаниях.

38. Из-за отсутствия места в книге приведены только два способа лова ходовой рыбы. По этой же причине из книги выпал ряд готовых уже к печати материалов (индивидуальная семья у нивхов, разложение рода, рабство, историческая и социальная сущность человека, история отдельных селений, собственность на промысловые угодья, описание охоты на тюленей, во льдах, подробное описание собаководства, музыка у нивхов, загадки, талисманы, изготовление посуды из бересты, обработка кожи, шитье обуви и т. д.).

39. Во время пребывания на Амуре я решил подсчитать, какое количество юколы заготавливает нивхская семья на зиму. Старик Хидин из Вайды сообщил мне следующее. Его семья состояла из семи человек. Кроме того с ним жил его брат с женой. Итого их было девять человек. На зиму они заготавливали 60 связок *(ар)* юколы из горбуши *(тэн"и)*, 20 связок юколы из летней кеты *(вэл)* и 8 связок юколы из осенней кеты *(лыг"и)*, всего 88 связок юколы из лососевых рыб. Каждая связка юколы горбуши составлялась из четырех жердей. На каждой жерди висело 24 юколы, которые изготавливались из 12 горбуш. Следовательно, в каждой связке юколы из горбуши находилось 96 юкол, а в 60 связках—5760 юкол, на которые уходило 2880 горбуш. Каждая связка юколы из летней кеты составлялась из трех жердей. На каждой жерди сушилось 24 юколы, которые изготавливались из 12 штук летней кеты. Следовательно, в каждой связке находилось 72 юколы, которые изготавливались из 36 штук летней кеты, а в 20 связках находилось 1440 юкол, на изготовление которых уходило 720 рыб. Каждая связка юколы из осенней кеты составлялась из трех жердей (а если кета была очень крупной, то из двух жердей). На каждой жерди сушилось 20 юкол из 10 штук осенней кеты. Следовательно, в каждой связке из осенней кеты находилось 60 юкол, изготовленных из 30 рыб, а в восьми связках — 480 юкол, на изготовление которых уходило 240 рыб.

Таким образом, Хидин заготавливал на зиму 7680 юкол из 3840 лососевых рыб. Итого на каждого человека в его семье приходилось 853 с лишним юколы, или 426 с лишним лососевых рыб.

На корм же собакам в семье Хидина оставалось 3840 юкол.

При желании полученное число можно помножить на число нивхов и установить то количество лососевых, которое они каждый год заготавливали для себя на зиму. Но цифра эта, несомненно, получится завышенной, так как не во всех микрорайонах обитания нивхов имелись такие блестящие условия для лова лососевых, как в низовьях р. Амура. Поэтому-то нивхи во многих местах изготавливали юколу из мелкой рыбы — корюшки, красноперки и др. Тем не менее картина, полученная на основе учета в хозяйстве Хидина, не лишена интереса. Если к тому же учесть, что, кроме вяленой рыбы, нивхи в течение года употребляют в свежем виде большое количе-

ство другой рыбы (тайменя, красноперки, сельди, бычка, наваги, камбалы, сига, кумжи, форели, миноги, осетра, калуги и рыб других видов), то нетрудно представить себе, на каком мощном рыболовном основании строились и жизнь и хозяйство ихтиофагов неолита и основывается современная жизнь нивхов.

40. По-другому совершался обряд «налаживания устья» на Охотском побережье Сахалина. Но наиболее интересен он на материке, в устье р. Куль, впадающей в Охотское море. Совершать обряд может только род, основавший селение. Поэтому в Коле его совершают представители родов *Тьиг"ртармсп'ин"* и *Мег·афин"*. Первый род считается основателем селения, второй пришел в селение за ним. Для совершения обряда снаряжается лодка. К каждому из ее бортов прикрепляется часть ствола деревца с обрубленными сучками. На сучки навешиваются серебряные серьги и браслеты из красной меди. Старик из рода *Тьиг"ртармсп'ин"* надевает на себя халат из рыбьей кожи, а на голову — женскую шапку. Он усаживается посередине лодки, а старик из рода *Мег·афин"* — на носу. Они плывут из своего селения вниз по реке. В устье р. Куль старик из рода *Тьиг"ртармсп'ин"* выходит на левый берег реки, а старик из рода *Мег·афин"* — на правый. Каждый из них совершает обряд кормления воды — *толфыньдь* (букв: «бросание в воду»), т. е. бросает каждый со своего берега в воду устья куски студня и рисовую кашу.

Затем старик из рода *Тьиг"ртармсп'ин"* скребет дно устья когтем барсука, прикрепленным к концу палки. Потом садится в лодку и ножом скребет серебряные серьги и медные браслеты, чтобы мельчайшие стружки серебра и меди погружались на дно реки. Так в устье делают «новое дно». Закончив скоблить металл, он бросает в воду невареную чумизу.

По поверью, бытующему у нивхов, после совершения обряда рыба якобы хорошо идет в реку.

41. К сожалению, растения, употребляемые нивхами в пищу, до сих пор не определены с научной точки зрения. Я пытался собрать гербарий для их определения, но осуществить это не удалось.

42. В Чайво при мне лисиц, выкормленных в клетке, убивали не так, как рассказывал Очи. Тан, вытащив лисицу из клетки при помощи петли, правой рукой схватил ее за горло. Затем, прижимая лисицу к своей груди, левой кистью сжал ее грудную клетку, непрерывно проводя по ней с силой сверху вниз. Сжимая горло лисицы и давя на сердце, он довольно скоро умертвил ее. Так же он поступил и с двумя другими лисицами, находившимися в клетке.

43. О праве собственности на собольи речки у нивхов писал и Б. О. Пилсудский (см. Б. О. Пилсудский. Нужды и потребности сахалинских гиляков, — «Записки приамурского отдела Императорского русского географического общества», т. IV, вып. IV, Хабаровск, 1898, стр. 33—34) и Л. Я. Штернберг (см. Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933).

44. Более подробные сведения об охоте на тюленей во льдах и на белух приведены в двух статьях, вышедших в 30-х годах (см. Е. А. Крейнович, Морской промысел гиляков деревни Куль, — «Советская этнография», 1934, № 5; его же, Охота на белуху у гиляков деревни Пуир, — «Советская этнография», 1935, № 4).

45. Более подробно о собаководстве у нивхов см. Е. А. Крей-

нович, Собаководство у гиляков и его отражение в их религиозной идеологии, — «Этнография», 1930, № 4.

46. Впервые система счета у нивхов была описана в аспирантской работе автора, вышедшей в 30-х годах (см. Е. А. Крейнович, Гиляцкие числительные. Л., 1932).

47. Разряды особенно отчетливо различаются в названиях первых пяти числительных и в десятках. Числительные *н" ах* — «шесть», *н"амг* — «семь», *минр* — «восемь» и *няндорн", нядорн"* (С. д.), *ньыньбен* (А. д.) — «девять» употребляются с окончаниями разрядов и без них. В связи с этим они должны рассматриваться как первые элементы абстрактного счета в нивхском языке, поскольку корни других числительных в качестве самостоятельных слов не употребляются.

48. Описание медвежьего праздника основано на наблюдениях медвежьих праздников, увиденных автором трижды: в 1926 г. в селении Чириво после убиения медведя в тайге; в феврале 1927 г. на медвежьем празднике у Паркызина; в феврале 1928 г. в селении Ванршкво, у Мизгуна. Кроме того, широко использованы записи медвежьего праздника на нивхском языке, сообщенные мне нивхом Очи. Использованы также сообщения других нивхов. Весь этот материал в описании синтезирован воедино.

49. В кратком рассказе о медвежьем празднике у нивхов Амура, записанном от Кыйдыка, говорится: «Когда люди есть кончали, к месту, где привязан медведь, шли; хозяева (т. е. устроители медвежьего праздника. — *Е. К.*) во что бы то ни стало его (медведя. — *Е. К.*) голову должны обнять» *(ызгу яг-орх-агин идён"р-т'икныдь)*. Когда амурские нивхи убивают медведя в тайге, то самый старый из охотников ложится напротив медведя на землю, обнимает его голову, а затем поднимается и издает крик, который нивхи-охотники издают, когда убивают в лесу медведя и несут части туши к селению. Об охоте на медведя в лесу мною в 1931 г. в селении Куль довольно подробно записан замечательный рассказ старика Пескха.

50. У амурских нивхов, по рассказу Кыйдыка, медведя перед убиением не привязывают к столбам, а держат за веревки, привязанные к цепям ошейника. Стреляющий нивх должен убить медведя из лука, в то время как другие нивхи держат его таким образом на веревках [*х-ур-товдилыг"ыт пукс-пог"ытат хан"ынивг"ах х"агут адь* — «здесь не привязав его (к столбам. — *Е. К.*), за привязи держа, человеку, который будет стрелять, дозволяли его убить»].

51. Вопросы периодизации первобытного общества, установленные Л. Морганом, у советских и зарубежных этнографов служат предметом дискуссии (см. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967; см. также Д. А. Ольдероге, Малайская система родства, — сб. «Родовое общество. Труды Института этнографии. Новая серия», т. XIX, Л., 1951, стр. 28—66).

52. В 1960 г., когда я был на Охотском побережье Сахалина, молодой нивх из Луньского залива уверял меня, что дети брата и сестры в четвертом поколении могут вступить в брак. К сожалению, проверить это сообщение у стариков я не мог.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Тезисы о Фейербахе, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3.
2. Маркс К., Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов), — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12.
3. Маркс К., Капитал т. 1, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23.
4. Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
5. Энгельс Ф., Вновь открытый пример группового брака, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22.
6. Энгельс Ф., Письмо Конраду Шмидту, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 37.
7. Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, — Полное собрание сочинений, т. 18.
8. Гондатти Н. Л., Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири, — «Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», т. XLVIII, вып. 2, кн. VIII, М., 1888.
9. Захаров И., Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875.
10. «История философии», т. I, М., 1941.
11. Лихтенштадт В. О., Гёте, т. II, 1920.
12. Морган Л., Первобытное общество, СПб., 1900.
13. Мортилье, Габриэль и Адриан, Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека, под ред. Л. Я. Штернберга, СПб., 1903.
14. Нуаре Л., Орудие труда, Киев, 1925.
15. «Первый туземный съезд ДВО», Хабаровск, 1925.
16. Пилсудский Б. О., Аборигены острова Сахалина, — «Живая старина», т. 18, вып. 2—3, СПб., 1909.
17. Пилсудский Б. О., На медвежьем празднике айнов о. Сахалина, — «Живая старина», т. XXIII, вып. 1—2, Пг. 1914—1915.
18. Пилсудский Б. О., Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев о. Сахалина, СПб., 1910.
19. Поляков И. С., Путешествие на остров Сахалин в 1881 — 1882 гг. СПб., 1883. (Приложение к «Известиям Императорского русского географического общества», т. XIX, 1883).
20. Ранке И., Человек, т. II, М., 1902.
21. «Сахалин. Сборник статей о прошлом и настоящем под общей редакцией губернатора Д. Григорьева», 1913.
22. Сеченов И. М., Замечания на книгу Г. Кавелина «Задачи психологии», — в кн.: И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский, Физиология нервной системы, вып. 1, М., 1952.
23. Тэйлор Э., Антропология, СПб., 1882.
24. Тэйлор Э., Первобытная культура, изд. 2, СПб., 1897.

25. Шекспир В., Полное собрание сочинений под ред. С. А. Венгерова, т. III, СПб., 1903.
26. Шренк Л., Об инородцах Амурского края, т. II, СПб., 1899.
27. Штернберг Л., Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933.
28. Штернберг Л. Я., Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936.
29. Fison L., Howitt A., Kamilaroi and Kurnai, Melbourne, 1880.

СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ [1]

Авлинт — не хватает, недостает 255
авн" (С. д.) — местоимение 3-го лица ед. числа «он» со значением уважения (см. также: *иф, ыф, ян"*)
Авонн" — название рода нивхов 378, 385, 386
аг"ур — заслон 103
аг·м — кольцо, надевавшееся на палец при натягивании тетивы лука. Иногда им били противника в лицо 385
аг·с — (ах"с, а:с) — сушеные стебли растения, употребляемые главным образом для жертвоприношений; в свежем виде их употребляют в пищу 131, 132, 134
азмть, азмыть — мужчина 261
азмть иньф — части мяса и сала медвежьей туши, которые разрешается есть только мужчинам 215, 242
азмыр — подарок 181
азмыть эх"лн" — мальчик 261
айд, айнд — делать что-либо 75, 142, 183
айсин" — золото 42
акан — старший брат, т. е. все сыновья братьев отца по роду, которые старше меня 261—263, 283
аки — старший брат 262, 283
алс, алр, алш — ягоды 79, 135
алхтунд — лирическая любовная песня 316, 320
амбг"и, абг"и — нижний конец косы (см. *к"'омр*), т. е. конец косы, расположенный вниз по течению 52
Амгвонн" — название рода нивхов 285
амран" — вкус 128
амсп — молодой сивуч 148
аньг·и — 1) жена; 2) жена старшего брата; 3) незамужняя сестра жены; 4) замужняя сестра жены (если она находится в моем роде и вышла замуж за старшего брата по роду); 5) замужняя

---

[1] В указателе имена существительные даны в именительном падеже, глаголы и прилагательные (количественные глаголы) — с суффиксами *-нд, -нт, -д*, варианты слов со звонкими смычными согласными — в исходных формах с глухими согласными. В указатель не включены образные слова, количественные числительные, слова песен, исполняемых на медвежьем празднике, некоторые топонимические названия.

сестра жены (если она находится замужем в чужом мне роде) 261, 272, 278—286
аньг·н"а — самка животного 97, 185, 415
аньх" — самка 97, 262.
ан"ивф — край нар у двери 265
ан"стунд — обычай деления добытого животного между всеми жителями селения 154, 171
ан"т'уг"р — часть очага, обращенная к двери 101
апак (А. д.) — тесть 305, 446, 450
ар — самец 97
Арг·он" (А. д.) — название рода нивхов 439
ард (ярд) — кормить кого-либо 98, 99
ари — северо-западный ветер 35
ариумгу (А. д.) — женщина-дух, вызывающая ветер 36
арк"и — корюшка 30
Арк"ив"о — селение Арково 30
Арк"ифин" — название рода нивхов 63
арк"ифин"и — река селения Арково 63
Арни — река селения Агнево 65.
Арнив"о — селение Агнево 65.
арн"а — самец 97, 184, 415
аск" — младший брат, младшая сестра 261, 262, 273, 274
ат — 1) тигр; 2) дух-помощник шамана 446
атак (А. д.) — отец мужа 274
атк — 1) старший брат отца; 2) старший брат матери; 3) младший брат матери 260—262, 272, 273, 285
аткытьх — 1) отец отца; 2) отец моей матери; 3) отец моей жены 260, 272
атьик [2] — 1) младший брат; 2) младшая сестра; 3) жена сына (называет женщина); 4) жена младшего брата мужа (называет женщина) 261, 262, 271, 273, 274, 283
атьк — жена брата моей жены 272, 285, 295
атьмам — 1) мать отца: 2) жена старшего брата отца, 3) мать матери; 4) мать жены 260, 261, 272.
аув"аг·с — край нар у двери (см. *ан"ивф*) 265
аун"ыр — страж 354
аун"ыр тяк"о — ножичек из кости как средство против эпидемии 361
аун"ыр ч'н"ай — обереги от злых духов, причиняющих болезнь, смерть 416
ауролаф (охотн. яз.) — горло медведя (еда мужчин 214, 215)
ауронд — громко кричать 214
аф — 1) борода; 2) стружки инау на стволе тальника 194
ах — суффикс прямого дополнения при каузативном глаголе 98, 408
ахмалк — 1) тесть; 2) брат жены 272
ахмалн" — 1) тесть; 2) брат жены 35, 181, 257, 272, 273
Ахрвонн" — название рода нивхов 337, 414, 416

---

[2] В недавно вышедшем «Нивхско-русском словаре» («Нивхско-русский словарь», сост. В. М. Савельева и Ч. М. Таксами, М., 1972) это слово (стр. 37) объясняется как «младший брат». Объяснение неверно. Слово *атик* встречается повсеместно и обозначает не только младшего брата, но и младшую сестру.

В- — усеченное местоимение 3-го лица, ед. числа 355
ваг"ваг"нт — лечить, поправить, наладить 169
ваг·д — прокисший 128
ваг·д — строгать 122
ваг·н" — пень, вывороченный и поставленный вверх корнями как памятник по убитому человеку 388
ваг·ск"ор — диафрагма животного (еда мужчин) 215
вазн"и — деталь, применяемая при установке петли на соболя 142
вайнауд — равный по силе 83
вайрэрд — не равный по силе 83
вакад — равный по концу 83
вак"вак"д — кислый 128
валд — резать (поперек) 343
валс — пояс 211
ванд — перевязать что-либо 356
варад — похожий, подобный 83
васк"мдь (А. д.), *яск"мдь* — отнимать друг у друга 298
вашод — равный по количеству 83
вашпи — старое растение *к"овр* 132
виг"выр — пояс 380
вид, винт (в"ид) — ходить 57, 334
виль — орнамент, образуемый одной длинной зигзагообразной линией 127
виркырд — толстый (о плоском предмете) 83
вихл — середина ствола 80
Вияхтывонн" — название рода нивхов 256
вог"дён"р — кочки на тундре 52
вотьид — подобный, похожий 83
вулвулыд — черный, темный 127
вумгу (А. д.) — вырезанное из бересты изображение жены новорожденного, букв.: «его жена» (см. *умгу*) 355
выг"дь (А. д.) — оборваться, оторваться 451
вызнд — стелить, постелить 412
Выскв"о — нивхское название селения Ускво 73
Высквонн" — название рода нивхов 73, 74, 81, 274, 284, 307
выскнд — бороться 73
выскыл — халат из рыбьей кожи 225
вэг·р — особые злые духи 337
вэс — ворона 105
вэск"ард — 1) твердый; 2) сильный 82
вэск"р — мужская юбочка из тюленьей кожи, на которую кладут соболей 144
вэтк" — 1) трусы, панталоны; 2) накладка из бересты на половой орган ребенка 351, 380
вэуд — глубокий 82
вэук — суп, сваренный со съедобными растениями 132
вэулаф — глубокое место в реке 51
вэунт — глубокий 37
вэшд — широкий 82
в"а — сабля 43
в"алки — цепь 43
в"ань — котел 43
в"ар — 1) трусы, 2) панталоны 204
в"ат — железо 42

в"ата — деревца, украшающие площадку для убиения медведя 194, 204, 394
в"ах" — мох 79
в"ашк"ам — шест с развилиной для укладки жердей с юколой на сушила 124
в"о — селение 30, 73
в"улкид — равный по высоте 83
в"эх — морской организм, употребляемый в пищу 136, 338
в"эшкид — равный по ширине 83

Г"энт — брать 66
г"эниг"вн" — дух (букв. «берущий человек») 66, 68
г"эниг"вн"даф — жилище духов *г"эниг"вн"* 66
г"эниг"вн" к"арг'ан" — заездок духов *г"эниг"вн"* для лова рыбы 66
г"эниг"вн" мусьпи — причал для лодок духов *г"эниг"вн"* 66
г"уд — втыкать 119
г"уми (С. д.) — наружу 37
г"ун"х·аг"мыр — опорный столб в рыболовном сооружении *мран"* 119
г"усикинр (г"усимилк) — злой дух, вызывающий легочные кровотечения 358
г"усинт — вынимать, извлекать что-либо 358
г'ойруд — обряд выбрасывания в воду черепа тюленя, челюсти тайменя 123, 154
г'ошпнт — жарить форель (охотн. яз.) 118

Ёзг·умк (А. д.) — накладка на волосы женщины, уже имеющей ребенка 245
ёнин"ан — дуб 79
ён"ард (нён"аръя) — жалеть кого-либо 117, 142, 143
ёсунд — поднимать что-либо (см. *ч'х"аросунт*) 373
ёх" — 1) жена сына; 2) жена младшего брата 261, 270, 278, 280—287, 292, 293, 298, 367
ёх"под (С. д.), *ёх"подь* (А. д.) — увод женщины силой; похищение 293

Залзалнт — жарить кумжу (охотн. яз.) 118
заливливмиф — вселенная, находящаяся за пределами нашей 36
занд — бить 188
зехн" — см. *техн"*
зир — кисточки, надеваемые на головы собакам 177
зир н"акс — петля, набрасываемая на медвежонка при его поимке (букв.: «прут с кисточкой») 177
зитьивд — топтать 120
зихнд, зихд — религиозно-магический обряд перевязывания ручек и ножек младенца, а также лодки, жилища 91, 97, 291, 346

И — река 51
иамх — устье реки при ее впадении в озеро (см. *ишв"ах*) 51
ивд — иметь 206
иврыунд — поза, в которой укладывают убитого медведя, убитую собаку 211, 219, 237.
ивыф — нара вдоль боковой стены в жилище 90
иг"дяк"о — строгальный нож 78, 122
изнд — свежевать 210
имы — исток реки 51

индыд (ныы) — увидеть, смотреть на что-либо 185
ины — сложный суффикс со значением желания, намерения произвести действие 181
иныӈ"ра — сложный суффикс со значением предупреждения 102
иньд (ньи) — 1) есть что-либо; 2) еда 343
ирмыдьиф — дорога через гору 66
ис — остатки шкуры у края лап медведя 221
иси (ньиси) — 1) теща; 2) жена брата моей жены 272, 290
исимам — теща (мать моей жены) 272
ити — нижняя челюсть 215
итнд — говорить 177
иф (А. д.) — он 263
ихмынд — делать что-либо старательно 142
ихнт (иг"д,ихд, к'у, ху) — убить, добыча 36, 118, 385.
ишв"ах — устье реки при ее впадении в море (см. *иамх*) 51
ишн — 1) мать, 2) они 261, 262
ишн аньх" — жена младшего брата отца 261, 262
ишпд (шив, т'ив) — сидеть на чем-либо 121
ишпн ч'х"ар —место для сидения в рыболовном сооружении *мран"* 121

Кафкавуд — твердый 82
ки — торбаза, обувь 380
киг"рупв"о — букв. «селение торбазной завязки» 377
кинр (С. д.) *кинс* (А. д.) — злой дух, черт 336, 337, 358, 405, 411, 424, 426
кинр-никр-тонин"-г:анн" — собака, посвященная утонувшему и связанная с «чертовым» корытом, из которого кормят его душу 421
кинр-тэг-нд — сумасшедший (букв. «злой дух вселился») 338
кинх винд — способ игры в *тутх лэк"рд 195*
китэба лён" (А. д.) — июнь 433
киу (г"иу) — послелог «напротив» 53
киус — трава для выстилания обуви (заменяет наши чулки, портянки) 110, 267
клу лён" — январь 109
кмирн" — шиповник 135
кок — духи, живущие, по представлению нивхов, в четырех опорных столбах землянки 97, 99
кокрамк — лечебное растение 360
кофтьик — гробик для младенца 362—364
Крыусп'ин" — название рода нивхов 33, 64, 67
ку (гу) — день 377
Кувр — Венера 39
куин"и — тальник 206
кун (хун, гун) — суффикс множественного числа 173
куньку — щука (охотн. яз.) 118
куплад (купулад) — большой (охотн. яз.) 118
куркурунд — способ игры в *тутх лэк"рд* 195
курн" — вселенная 36
кутли — снаружи 291
кутынт — падать 32
кшун"и, крун"и — кулик 105, 255
кшыд — лов рыбы неводом 117
кшыунд — предварительная стрельба в медведя из лука деревянными стрелами на медвежьем празднике 207

кыйдыдь (А. д.) — обряд изгнания злого духа из жилища 447
кылд — длинный 82
кылы н"айрым тех — три длинных ребра у медведя (еда женщин) 216
кылын"а х'атх — кожа (букв. «скорлупа») змеи 449
кырд — лов рыбы неводом 117
Кэвонн" — название рода нивхов 378, 398, 412, 414, 416, 422
кэг'вупк — съедобные раковины 136
кэг'н" — дух-помощник шамана 441—443 446, 453
кэзг'ур — береза с темноватой корой 79
Кэзон" — название рода нивхов 305
кэлг"элн"аньх" — сучка-дух, живущая, по представлению нивхов, в земляпке над дверью 99
кэлг'ам — малина 135
кэнд (хэнд) — считать кого-либо кем-либо (вспомог. глагол) 177
кэнтьк" — дух, помогающий шаману в шуточных проделках 443, 444
кэн"зё — растение, употребляемое в пищу 133
кэр — морской съедобный организм 136, 338
кэть — глубокое корыто 81
к'выр — 1) кишки, 2) кишки медведя (еда женщин) 216
к'имбг"и, к'ибг"и — конец косы, расположенный вверх по течению, 52
к'ис — принадлежность шаманского ритуала 446
к'иун" [3] — брат (так называет брата сестра) 262, 263
к'у — стрела 23, 229
к'ути — отверстие, дыра 36
к'ухути — отверстие для стрелы в стене летнего жилища 89, 249
к'шы — скалистый мыс на берегу моря 52
к'ы — топор 163
к'ылмыр — пупок 37
к'ынд — быть удачливым, победителем 417
к'ырвалдяк"о — нож. которым отрезают пуповину 343
к'ыс — 1) счастье, удача; 2) бог 386, 431, 434
к'ыс н"анг"нд — жертвоприношение духам в поисках помощи больному (букв. «счастья искать») 290, 356, 405
к'эк"р — направление вверх по реке, к северу Сахалина 52, 54
К'эк" уньг"р — Марс 39
к'эн" — солнце 32
к'эрк"н" — море 51
к"а — имя 350
к"авня — лечебная трава 360
к"аг"д — упругая древесина 75
к"ад — один из видов тюленя 148
к"а к"ай — один из окриков, которым понукают собак 415
к"айрк"айр — селезенка 215
к"айрк"айрн"ох" — сало возле селезенки 216
к"ак" — 1) деревянная фигурка, которую ставят в домик во время проводов души умершего в селение мертвых; 2) игрок в *тутх лэк"рд* 195, 324, 368, 373

---

[3] В «Нивхско-русском словаре» слово *к'иун уст* объяснено как «младший брат» и названо устаревшим (стр. 133). Но во-первых, слово *к'иун* (С. д.), *к'иу* (А. д.) не устаревшее — им пользуются и сейчас, во-вторых, оно обозначает брата вообще, а не младшего брата, в-третьих, так называет брата только сестра (см. 262 стр. настоящ. книги).

к"а к"ай — один из окриков, которыми понукают собак 415
к"ак"ф — костяника 135
к"алах·адь (А. д.) — смотреть злобными глазами 266
к"алг·алыд — светлый, белый (о бумаге) 127
к"али:х·иг"их (А. д.) — злобно взглянуть и отвернуться 266
к"алмр — доска 194
к"алыд — смотреть широко раскрытыми глазами 266
К"амышк улан" — название горы возле селения Ускво *(Выскв"о)* 81
к"ан — показатель прямого дополнения при глаголе-сказуемом в заочном наклонении 349
к"анд — разновидность тюленя 359
к"андё — кумжа 110, 118
к"анилхтёмр — лечебное растение (букв. «лист собачьего языка») 360
к"анс — первый наружный слой древесины тополя 75
к"аньч'х"ар — осина 79
к"ап — черемуха 135
к"арг·а (А. д.) — столбы, в которых обитают духи — помощники шамана 447
к"арг·ан" — 1) заездок — орудие лова красноперки; 2) столбы, к которым привязывают медведя 56, 117, 193, 205, 437
к"арк" — корнеплоды сараны 128, 134
к"арк"мос — тертая еда, приготовленная из корнеплодов сараны 129
к"арк"холанд — еда, приготовленная из корнеплодов сараны 129
к"арк"х·алу — поляна, на которой произрастает сарана 129
к"арк"н"ылх — почки 216
к"ар лён" — март 109, 412
к"арн" — ворона перелетная 105
к"аскыр — птица 387
к"ах — собака, которую на собачьих бегах выпускают первой и *она* бежит впереди других собак 187
к"ахгунт — способ игры в *тутх лэк"рд* 195
к"в"атунт (С. д.) — проказа 358
к"лаид — разговаривать 286
к"ласинд — религиозный обряд укладывания студня в очаг 98
к"мазынд — болезнь, происходящая, по представлениям нивхов, оттого, что человеку не дали что-то из еды, одежды и т. д. 358
к"овр — самая малая пядь 165, 464
к"оврвэук — суп, изготовленный с растением *к"овр* 132
к"ог ол — ум, думы 206
к"ой — лиственница 79, 80
К"ойвонн" — название рода нивхов 274
к"ок"вэлк — раковины со съедобными организмами 136
к"окр — направление сверху вниз, с горы 52, 54
к"олаф[4] — болезнь 361
к"олок"олох·ад — смотреть, поводя глазами в стороны, но не поворачивая головы 266

---

[4] В «Нивхско-русском словаре» сочетание *к"олаф ньршыдь* переводится как «утонуть», букв. «увидеть свою болезнь» (стр. 144). Понятие «утонуть» на языке амурских нивхов обозначается словосочетанием *к"оланшыдь*, но переводится не тем сочетанием, которое приводится составителями.

к"олох ад — смотреть искоса 266
к"о-миф-т'ив-ниг"внгун — люди, живущие в низовской земле. Так, по представлениям нивхов, их называют горные люди-духи 433
к"онд — болеть 98, 361, 392
к"онуд — белый (о тканях) 127
к"он"г:он" — трава, употребляемая в ритуальных целях 52, 134, 154, 333, 404, 409, 415—417, 420
к"он"г:олар — берег, поросший травой *к"он"г:он"* 52
к"он"гор, к"он"гр — юго-западный ветер 35
к"он"горумгу (А. д.) — женщина-дух, вызывающая ветер 36
к"орг ор — погремушки, которые женщина берет в руки, когда танцует перед убитым медведем 226
к"орк"р — горло 214, 215
к"оск"ан" — мужская юбочка, сшитая из тюленьих шкур 144
к"отрд — сидеть, опустив голову и очи долу 266
к"охк"ох — крик мифической птицы мести 385
к"ути — дыра, отверстие 36
к'"ал (н") — 1) ножны; 2) чехлы из материи, символизирующие ножны для фигурки покойника 264, 380
к'"алн" — род 256, 257, 260, 264, 268, 337
к'"ас — бубен 446
к'"астяр (С. д.), к'"астяс (А. д.) — колотушка для шаманского бубна 446
к'"омр — 1) песок; 2) коса на берегу реки 52, 111
к'"онд — спать 282
к'"ор — круто спускающееся дно реки 51
к'"ормолод — отвесный спуск горы в реку или в море 52
к'"орн"ард — обрывистое дно 51

Ла — ветер 35
лаврыр (С. д.), *лывдр* (А. д.) — смерч 36
лаг"нт — красноперка (охотн. яз.; букв. «ездить в гости») 118
лазнд — свежевать (охотн. яз.); см. также *изнд* 210
лак" — лыжи, не подклеенные шкурой 80, 464
лалстях — венок из стружек, надеваемый на голову шамана 449
ланьнт, ланьнд — обычай взаимного стеснения между определенными категориями родственников 174, 265, 270
лан" — испарения (?), идущие от новорожденного 341
лан"и — 1) кровосмесительство; 2) ребенок, родившийся от кровосмесительства (подлежащий умерщвлению) 341, 431
лан"раф — родильный шалаш 341
лар вилант — юго-восточный ветер 35
ларг", ларх — ремень, которым привязывают убитого медведя 209
ларк" — рубашка 380
ларк"ам — юкола, изготовленная особым способом 126
лах — направляющее приспособление плавающей остроги 149
лахи — кета 110
лахивота лён" — сентябрь (букв. «месяц изготовления юколы из кеты») 110
лахть — большой нож на длинной рукоятке (пальма) 446
лахути — ветровое отверстие, из которого, по верованиям нивхов, дует ветер 36
лашнюд — способ лова рыбы при помощи остроги *ч'эвл* 117
лёймын" — форель 110, 118

лёк" — луна 32
лиг"рдь (А. д.) — застывать (о студне) 341
лисьлизьнт — поправить, наладить 169
лог"их·ад — приоткрыть глаза 266
лотя — русский 104
лубукс — веревка, которой обвязывают поясницу шамана 448
луврк"аньг"ф — грудина тюленя 154
луквыр — вертел 222
лумник" — задняя часть направляющего приспособления плавающей остроги 149
лырлырк — мох, употребляемый в пищу 133
лэзк" — помост, на который кладут голову медведя и принадлежности культа медведя 193, 220, 237
лэк"рд — играть во что-либо (*к"* в этом слове является, по-видимому, омертвелым инфиксом со значением объекта действия; ср. *лэрд* — «играть») 195
лэр — название северо-западного побережья Сахалина 386
лэрд — играть 224, 339
лэрпин" — обитатели северо-западного побережья Сахалина 386, 387
лэрун"к"а — «шуточное имя» 350

Ма — юкола 124
маг"ралс — брусника 135
маймайд — тупой 82
макрма — второй пласт юколы (букв. «прямая юкола») 124
макырд — прямой 82, 124
мами — белая глина 129
мандь — рыбья кожа 124
мандьирма — первый пласт юколы (букв. «юкола с кожей») 124
ман"г:д, ман"г:нд — сильный, могучий, страшный 361, 424
мард, марнт — подниматься в гору 32, 191, 435
марих — поворотный крюк для лова рыбы 122, 380, 388
маск"со — красноперка 110, 118
маск"со лёк" — июнь 109
маск"со хэзд — способ лова красноперки и каменки 117
маськ"н"а — вид тюленя (букв. «маленькое животное») 148, 359
матл — острога для лова рыбы 80, 121, 123
матьин"к — топор для выдалбливания внутренней части лодки (букв. «маленький топор») 77
матькнд — маленький 275
матькымк — 1) младшая сестра матери; 2) жена младшего брата отца 261, 262, 272, 273, 280, 283
мах"т — 1) вертлюг на ошейнике собаки; 2) два первых шейных позвонка у медведя (еда мужчин) 202, 215, 227
машк — юкола на корм собакам 125
мг"ыку — деталь самострела 142, 143
милк — 1) злой дух, черт; 2) душа только что утонувшего человека 336, 337, 354, 358, 398
милк-рэг·нд — сумасшедший (букв. «злой дух вселился») 338
мирлих — корень 80
миф — земля 38
миф н"атьх — юг Сахалина (букв. «ноги земли») 54
миф п'эньин"аунт — землетрясение (букв. «земля пошевелилась») 54
миф тён"к"р — север Сахалина (букв. «голова земли») 54

млайс — наушники 380
млахути — ушные отверстия 235
млон"вуд — закрыть глаза 266
млы — сумочка для кремня, кресала и трута 211, 880
млых, млыхв"о — селение мертвых 38
мог ми — съедобные ракушки 136
морк"анд — живой 36, 37
мос — студень, изготовленный из растертой рыбьей кожи, тюленьего жира, воды, ягод 129, 130, 135, 180, 181, 183, 185, 231
мосайн"ох" — корыто для приготовления студня 183
мосьр — круглые скалы в море 51
мотьик ныкр умгу — женщина с четырьмя грудями, дух — помощник шамана 446, 453
мран" — сооружение для лова тайменя и способ лова тайменя 117, 119
мролвтор — древний закон 214
мру — съедобное растение 133
му — лодка 74, 324
муви[5] — толкуша из брусники 135, 180, 231
муд — становиться кем-либо, чем-либо 117
мудь (А. д.) — умереть 341, 440
музн"исн"ыр — трава, употребляемая в ритуальных целях 134
музьр — жердь для сушки юколы 124
мумка — лодочка (уменьшительно-ласкательная форма) 104
мунд — 1) умереть, смерть; 2) становиться кем-либо, чем-либо 392, 425
муравут мытуд — способ лова кеты и горбуши острогой *матл* 117
мурк" — лошадь 57
мурк"т'у — телега 56
муськыр — тополь 74, 79, 80
мусьпи — причал для лодок 66, 67
мухитьи лён" — ноябрь 110
мхон"д — десятый раунд игры в *тутх лэк"рд* 195
Мыбин" — название рода нивхов 304
мызьг"рур — соски медведя (охотн. яз.; еда мужчин) 215
мыйк (А. д.) — фигурка, вырезанная из дерева, в которую, по представлениям нивхов, вселяется, какой-либо дух, или душа близнеца 359
мыньг"рур — соски (букв. «мясо грудей») 215
мытькыд — маленький 82
мэзлан" — рябина 79, 80, 135
мэзла-н"акс — молодая рябина 80
мэлг"уф — сырая часть берега, заливаемая приливом 52
мэрг — дочь сестры отца 346
мэха — приток реки 51

Нанак (А. д.) — 1) старшая сестра; 2) мать мужа; 3) жена старшего брата мужа 274

[5] В «Нивхско-русском словаре» *муви* объясняется как «блюдо из мятых ягод с сахаром» (стр. 195). Однако нивхи готовили это блюдо задолго до того, как познакомились с сахаром. Последний не играет никакой роли в его приготовлении. О приготовлении *муви* см. стр. 135 настоящей книги.

нанк" — 1) старшая сестра; 2) мать мужа; 3) мать мужа моей сестры 261, 262, 271, 273, 274, 280
нантк — рыба (охотн. яз.) 118
нау — инау 63
нанх" — старшая сестра 261, 262
нанх"мам — 1) мать мужа; 2) мать мужа моей сестры 271
неньк" — немного 118
нен"[6] — 1) дочь сестры отца (если она моложе меня); 2) дочь моей сестры; 3) дочь дочери 271, 280, 345
нен" — скалы в море 51
нё — амбар 91
нё зихнд — религиозно-магический обряд обвязывания летнего жилища амбарного типа 91
нёньид — сладкий 128
нёньн"ых — мифические карлики 333
ниг"вн" (С. д.), *нивх* (А. д.) — 1) человек; 2) нивх 62, 63, 66, 143, 255, 385
никр (Чайво) — корыто (см. также *ох"*) 412
нин — мы, нас 98, 408
нистан — клен 79
нонг·аунд — сердце медведя (охотн. яз.; см. также *н"иф*) 214, 215
ног·с — передняя часть плавающей остроги 149
нонг спуг"лаф — чаща из молодых деревьев 52
носкд — 1) тонкий; 2) узкий 82
нт, нд (С. д.) — сложная форма, состоящая, по-видимому, из двух показателей причастия. В зависимости от говоров показатели выступают в формах *нт, нд, д*. В амурском диалекте первый показатель (*н*) полностью выпал — passim
нугдьиф — морское животное 359
нуг"инд — передний 406
нуг"ин"а (А. д.) — близнец, родившийся вторым (см. также *ырин"а*) 432
нуг"н"айрым — самые нижние ребра медведя (букв. «иглистые ребра»; еда женщин) 216
нуг"ин" к"арг"ан" — левый (букв. «передний») столб, из тех столбов, к которым привязывают медведя 205
нуг"ин"ох" — первое корыто, из которого прежде других корыт кормят души утопленников 406
ншы — видеть (от *индынд;* см.) 185
ныкр — съедобное растение (см. также *пиркур*) 131, 132
ныкш ч'эу лён" — июль 109
нынд — делать 407
нын"дь — ходить, бродить 33

---

[6] В «Нивхско-русском словаре» приведено слово *нерн,* которое расшифровывается как: 1) дочь сестры (по отношению к брату матери); 2) собир. — сестра зятя и дочери сестры; 3) женщины из рода говорящего (стр. 208). Ошибочное написание слова *нерн* заимствовано составителями из работы Л. Я. Штернберга [27, 149]. Правильное написание слова — *нен".* Оно обозначает только дочерей сестры, которые младше меня (см. *олол*). Оно никоим образом не обозначает ни сестер зятя, ни женщин из рода говорящего. Непонятно также, что означает «дочь сестры (по отношению к брату матери)».

нь- (нён"аръя) — усеченное местоимение 1-го лица ед. числа 117
ньаск", ньатьик — мой младший брат, моя младшая сестра 262, 280, 281
ньи — я 103, 174, 270
ньильк" — немного (охотн. яз.) 118
ньэоранр — моя сестра (форма уважения) 263
ньн"ах — глаз 235
ньсых — края губ и кончик носа, срезаемые у промысловых животных 144
ньхыр — табуированная чаша для сердца медведя 212—214, 433
ньы — крайняя точка озера, находящаяся против устья реки 51
нялх — красная кета 110
нях — глаза 102
н" (н, м) — показатель атрибутивной причастной формы 377, 406
н"а — 1) зверь, животное, тюлень (в словосочетании *толн"а* — водный зверь); 2) птица (в словосочетании *пуин"а* — летающий зверь); 3) близнец (см. также *нуг"ин"а, ырин"а*) 54, 97, 417, 432
н"аг"ри — лопатка 216
н"аг"рин"ох — сало над лопатками медведя (еда мужчин) 213, 216
н"аг·орк"ур — трахея медведя (еда мужчин) 215
н"азд — мелкий 82
н"азл — пятки 178, 292
н"азл авг·у мос, н"азл авг·уины мос — студень (букв. «студень для склеивания пяток»); имеет религиозное назначение 178, 292, 380
н"азон"к"рмутнд — приношение даров к головам добытых промысловых животных 145
н"ак — кремень 23
н"акад — равный по длине 83
н"акзлатнд — утонуть (букв. «обрести прутья») 395, 406
н"аки — хвост 388
н"акиравма — юкола, состоящая из двух пластов рыбы 126
н"акс — кустарник, прут 79, 177, 406
н"алг"ур — травяная привязь для прикрепления нижней челюсти тюленя к черепу 154
н"алу — бухта 51
н"амть — мясо с поясничной части туши медведя (еда женщин) 216
н"амх — волосы 335
н"анг"д — ловить, искать 111, 290, 408
н"ануд — равный по росту 83
н"аньг·алмр — плахи, на которые кладут части мяса и сала медведя 194, 212
н"аньг"ыф — кость 215
н"аню — место, где производят все обряды, относящиеся к духам гор, к убитому медведю 193, 233, 279, 356, 357
Н"анювонн" — название рода нивхов 256
н"ар (А. д.) — кровь 450
н"ар выг"дь (А. д.) — умереть 451
н"арг"рн"аньг"ф — грудная кость медведя (еда мужчин) 214
н"арг"у лён" — октябрь 110, 141
н"арк" — человек, приглашаемый на праздник для убиения медведя 181, 188, 189, 206, 207, 228, 230—232, 237
н"арк" х упд — день, когда приглашенному отдают мясо и сало медведя 228
н"армад — ждать 235

н"арн"и — пихта 79
н"арод — равный по количеству 83
н"ас — ремень 191
н"асид — равный по величине 83
н"аски — спина, хребет 120
н"аскывр — части мяса с лап медведя (еда женщин) 216
н"аск"урмос — студень для гостей на медвежьем празднике 228
н"аслаф — мелкое место в реке 51
н"аснт — мелко, мелкий 37
н"а сн"ай — изображение зверя 417
н"аспи — позвонки медведя (еда женщин) 216
н"астох"мард — игра (букв. «к ремню подниматься») 191
н"астунд — сказка 111
н"атр — связочка из сараны, табака, пучки, икры, которую убитый медведь якобы уносит с собой 220
н"атьх — нога 120
н"атьхзитьивд — приспособление для ног в рыболовном сооружении *мрак"* 120
н"аук — икра 111
Н"аукх"омрв"о — название селения нивхов 111
н"аур — живот 39, 98
н"аур-к"ранд (эхранд) — обряд нанесения царапины на живот покойника 40, 370
н"афк" — 1) брат моей жены; 2) муж моей сестры 271, 272, 285
н"афк"ытьх — 1) отец мужа сестры отца; 2) отец мужа моей сестры; 3) отец мужа моей дочери 271, 272
н"ах — печень 215
н"ах"ад — равные (при указании на предметы, по отношению к которым утверждается равенство) 83
н"ашк" — разновидность спирального орнамента 127
н"аю — ручеек, лог 51
н"иф — сердце 214, 215
н"иф ватьн"аф — три верхних ребра у медведя (букв. «место прижатия сердца»; еда мужчин) 215
н"иф пукр — артерия (букв. «привязь, которой привязано сердце») 214
н"ить[7] — древнее слово, смысл которого утерян (возможно, оно означало «благополучие», которое взаимно давали друг другу при обмене какими-то предметами, в настоящее время — котлами и топорами) 289, 291
н"ог·лвэук — суп, приготовленный из растения *н"ог·лвэук* 133
н"он"рр — верхушка ели 80
н"орн"эг·лад — морошка 135

[7] В «Нивхско-русском словаре» приведено слово *ничʻ*, переведенное следующим образом: «большой чугунный котел (такими котлами обменивались жених и будущий тесть перед уводом невесты из дома)» (стр. 211). Неправильное написание этого слова заимствовано у Л. Я. Штернберга [27, 122]. Приписывать этому слову значение «котел» невозможно, так как для обозначения котла имеется другое слово — *в"ань* (С. д.), *вынь* (А. д.). Правильно это слово нужно писать *н"ить*. Обряд обмена своими *н"ить* древнее того времени, когда к нивхам проникли котлы, о чем свидетельствует тот факт, что при обмене котлами сахалинские нивхи кладут в них по кусочку кремня.

н"орк", н"ошк" — растение, клубни которого употребляют в пищу 109, 128, 130, 377
н"ох" — сало 212
н"ох"тукнкунд — насильное кормление салом приглашенных на праздник 229
н"унн"ун — трава, употребляемая нивхами в ритуальных целях 134, 404, 421, 422
н"ур — сердцевина дерева 75
н"урруспнд — дополнительный кусок сала, который вместе с основным куском вталкивают в рот гостю, убившему на празднике медведя 230
н"ывркн ив п'эр — гусеница (еда духов шамана) 449
н"ыню — место в Татарском проливе, куда, по верованиям нивхов, опускаются зимовать молнии 33
н"ыюрпаг·д — темно-красный 127

Ог·аш — добыча 142
ог·м — кора ели, лиственницы 80
ойран"акс — лекарственные ягоды 361
ок" — шуба 380
о:ла (А. д.) — дитя 341
оли — особая петля, применяемая при надевании на медведя ошейника 202
олол — 1) дочь сестры отца (если она старше меня); 2) старшая дочь сестры (если она старше меня). (От одного молодого нивха слово *олол* записано в форме *олан".*) 271
олх" — камыш 360
он"ард (ён"ард) — жалеть 408
орми — глина 45, 90
ормиг"ис паин тьхыф — мифический медведь с панцирем из глины 45
орн"охт — корни какого-то растения, употребляемого в пищу 131
ос — основание дерева с корнями 80
осваг·ладвэук — суп, сваренный из растения *ч'фух* (см. также *ч'фуг"вэук)* 132
оск"ик'выр — прямая кишка медведя (еда мужчин) 216
отх" — 1) кал; 2) корни растения *ч'ых,* употребляемые в пищу 134
офти — место для туалета женщин 251
ох" (Тымь) — корыто 406
ох"тзомр — лечебное растение (*ох"т* — лекарство) 360
оч'эвл — вертел для поджаривания медвежьего мяса 222

Павд — обряд, совершаемый при поисках тела утонувшего 411, 412.
паг"ваг"нт, паг"ваг"д — см. *ваг"ваг"нт*
паг·д — красный 127
паг·ла — медь (букв. «красное») 42
паг·лав"ат — 1) медь (букв. «красное железо»); 2) форель (охотн. яз.) 42, 118
паг·лач'н"ыр — красная трава, в которую, по верованиям нивхов, превращается душа умершего 377
паг"р — пологий мыс, выходящий на залив 52
пак"д — короткий 82
пак"ла н"айрым тех — три коротких ребра медведя (еда женщин) 216, 260
пак"ма — средняя пядь 165

пал — 1) гора; 2) духи горы 52, 142, 187, 234, 428, 446
пал нигʼʼвнʼʼ — горный человек-дух 33, 175, 336, 433
палраф — жилище, в котором устраивался медвежий праздник (букв.. «горное жилище») 204
палрохʼʼ — 1) к горе; к горным духам 187, 221, 235, 391
пандит — 1) родиться; 2) расти 268
пандю — секирообразный топор 77
пани — зубатка (С. д.), сима (А. д.) 110, 356
панинонкʼʼ — каменка 110
панʼʼнь — горка, спускающаяся к реке крутым обрывом 52
парву — суп, сваренный со съедобными растениями 132
парк — 1) сам; 2) только сам; 3) основа глагола со значением «только таким образом делать» 57
парквинтʻу — автомобиль (букв.: «самоходящая нарта»); неологизм, существовавший в языке сахалинских нивхов 56
пат — завтра 270
патаха — орокское название некоторых амулетов 360
пахʼʼ — камень (общее понятие) 23, 462
пикуй — молодой тополь 79
пиланд — большой 275
Пиланʼʼ уньгʼʼр — Юпитер 39
пилд — большой 82, 118
пилкымк — 1) старшая сестра матери; 2) жена старшего брата отца 261, 262, 272, 275, 278
пилниг'ʼвнʼʼ — младший брат отца 261, 262, 275, 280, 282, 284
пилчʻови (Чайво) — октябрь — ноябрь (букв. «большой рыбный ход») 412
пинигис — деревянное изображение, которое ставят в память об утонувшем 403, 404
пиркур — съедобное растение 131, 132
пискыр — растение, употребляемое в религиозных целях 134, 415
питул лёнʼʼ — май 109
пиуд — черный (о тканях) 127
плим — растение, корни которого употребляются в пищу 131
плый — основная река 51
плыф — сухая поляна 52
Плыфʼʼо — селение Пливо 110
Плыфвонкʼʼ — название рода нивхов 256, 278, 282, 441
пнюдь — умереть (о близнецах, о медведе в клетке) 440, 439
полволд — весенний лов рыбы у нивхов Тыми 117
понагʻкʼʼ — поперечная, почетная нара 90
понахтʻугʼʼр — часть очага, обращенная к поперечной наре 101
поп — волосы, свернутые в комочек и перевязанные 245
попванд — перевязать волосы комочком 356
потьи — петли на соболя, изготовленные из конского волоса 141
потьихʼʼанд — палка с сучком для установки петли на соболя 143
поя (эвд) — держи 190
продёмр — лечебное растение 360
прыд — приходить 334, 363
прыски — собака, в которой, по представлению нивхов, временно живет дух покойника 369, 372, 374, 383
пуинт — летать 385
пуир — возвышенность 52
пук — кукушка 105

пукр — привязь из ремня, веревки 144, 214
пулксо — съедобный морской организм (букв.: «круглая рыба») 136
пупк — морские раковины со съедобными организмами 136
пупх — песчаные бугорки 52
пур — нанос леса на перекате 51
пуски — рыба (амурчик) 111
путь — морская капуста 136
пхи — лес 52
пхотуф — берег, покрытый лесом 52
пхынд — возвращаться обратно 362
пшон"р — молодая лиственница 79
пшун" — молодая ель 79, 206
пшынд — приходить 362
пшыу — ель, которую сквозь дымовое отверстие вставляют в жилище 98, 102, 237
пшыу эспф — место в очаге, куда втыкают ель *пшыу 98*
пшыу эсьп дёньх — угол в очаге, куда втыкают основание ели пшыу 101
пыйг"н" — тазовые кости медведя (еда женщин; на Амуре — еда мужчин) 216
пыкима — третий пласт юколы 125
пырынт — равнина 52
пытя — слово, которым подзывают к себе ребенка 364
пышк — суп из съедобных растений 132
пыярк"н"иф (А. д.) — сердце черного рябчика 449
пэзнт — игра 191
пэрк"ард — кривой 82
пэтарр — орнамент, состоящий из прямых линий, сделанных из разноцветных полос материи 127
п'- — усеченное возвратное местоимение *п'и* (себя) 398
п'алнт — спорить 49
п'ань — наколенники 380
п'ан"г: — камешек, при помощи которого ворожат 456
п'ар — наконечник остроги из кости 41
п'арф — место сожжения покойника, покрытое дровами 373
п'афлинт — обряд мести духам моря и гор (?) за гибель сородича и обряд примирения с ними 406
п'и — себя 177
п'ондалд — заплесневелый 128
п'ын"д — раздуваться 200
п'ытма — юкола из одной целой рыбы, разрезанной пополам 126
п'ытнд — треснуть 126
п'эр — кустарник, росший на Татарском побережье Сахалина, из которого изготовляли луки 80
п'эрн" — жук-дровосек (?) 449
п'эсг·о — обращение к убитой щуке; значение слова утрачено 117

Раг (А. д.) — зять (слово вышло почти из употребления) 305
раг·авыд — окружать что-либо 204
раг·ад — равный по толщине (плоскостной и цилиндрической) 83
ракунд — варить (охотн. яз.) 118
рамк (тамк) — рука 181
ра:мти (А. д.) — полностью (в сочетании с местоимением *сыкм* — «все») 439

ранд — пить 190
ранр — сестра 262, 263, 271
раф — домик, который ставят после сожжения покойника 341, 378
род — помогать 278
ролкид — равный по цилиндрической толщине 83
Руи — название реки Александровки 48
Руив"о — древнее селение нивхов в устье р. Александровки 45, 47, 50
Руивн" — название рода нивхов 45, 46—49, 50, 63—65, 84, 256 392, 393
рунд — что 103
рурн"ыд — равный по форме 83
руспих·а — ловушка на соболя 144
руф А. д. — братья и сестры одного со мной поколения в роде 260, 264, 311
рырунт — отвязать (см. также *шан"к" рырунт*) 340
рэг·нд — вселяться (о злом духе, вселяющемся, по мнению нивхов, в человека) 338

Сайка — идольчик, который якобы заботится о ребенке 353
сайриф — водное пространство среди морских льдин 51
Сак"вонн" — название рода нивхов 256, 283
сик — все 98
сыврк (А. д.) — злые духи 337
сыкм (А. д.) — все (см. также *ра:мти*) 439

Тавзэк"о — большой нож-кинжал древних нивхов 385
тавъяшпд — лов тайменя посредством перегораживания речки 117
таг"айрн"акс — деталь ловушки для лова соболя 143
таг"р — орнамент (общее название) 127
тай — марь, тундра 52
Тайг·н"анд — хозяин моря, посылающий нивхам рыбу, тюленей 115, 333
там — клюква 135
тамкваран"х·атх — съедобные морские организмы, покрытые раковинами (букв. «скорлупа, подобная кисти руки») 136
Тамлан" уньг"р — Малая медведица 39
танд — см. *ранд*
тант — дышать 37
тан"вн" — черемша 131
Тапк"ал — название рода 311
татьр — скребок для обработки кожи 42
таф — жилище 204, 341, 378,
тафа — ловушка на соболя 144
таф таг авыд — обряд обведения медведя вокруг жилища 204
тахртониг"вн" — провидец 456
тахть, тахтьн"а — птица мести, в которую перевоплощается душа убитого 300, 385, 386, 388, 389
тах" — эпидемия 361
те — наколотые длинные дрова, поставленные в виде шатра 45
теви — шиповник (разновидность, отличающаяся от *кмирн"*) 135
тейнаун"ох" — кусок сала, который на медвежьем празднике вталкивают в рот гостю 230
темран" — красноперка 110
тер — сук 80
теузеу — сова 105

Тех в"акрынт — Созвездие Ориона (?) 39
техн" — душа 75, 126, 334, 387, 400
техн"г·онюд — обряд спасения души охотника, долгое время пробывшего в море среди льдов 401
тёмр — лист 80, 360
тён"к"р — 1) голова; 2) медвежья голова (еда мужчин) 215, 391
тён"к"р авнд — кормление черепов медведей 234
тён"к"р хунё — амбар, в котором хранятся головы медведей 193
тён"к"р ч'авд (Чайво) — обряд кормления черепов медведей 391
тивр — 1) печень; 2) печень медведя (еда мужчин) 215
тиврикрунт — туберкулез легких 358
тиф — камыш 79
тла — 1) наружный слой лиственницы и других деревьев за исключением тополя; 2) плавающая острога 75, 80, 148, 149, 401
Тлав"о — селение Славо 86
Тлаглун" — название рода нивхов 378, 380, 383, 385—387, 389, 398, 412, 414, 416, 422
тлад — нереститься 86
тлан" — восточный ветер, 421
тлан"и — 1) олень; 2) восточный ветер 35, 333
тлаф — место нереста рыб 86
тло лён" — декабрь 109, 421
тлон"и — верба (?) 79
тлы — небо 38
тлы гэг·н" — небесный дух — помощник шамана 446
тлымиф — небесная земля 38
тлынивх (А. д.) — небесный человек 38
Тлы н"аур уньг"р — Полярная звезда 39
тлэулад — белый (об олене, горностае) 127
тнох — ремень 182, 229
то — земляника 92, 97
тод — толстый (о цилиндрическом предмете) 82
тода-гэг·н" — человекообразный дух — помощник шамана (букв. «настоящий [подлинный] дух — помощник шамана») 447
то зихнд — религиозно-магический обряд обвязывания землянки 97
ток"с (А. д.) — кустарник, из которого женщины наскабливают гигиенические стружки 251
тол — вода; переносно: море 37, 412, 428, 446
толвызникр (Чайво) — корыто, из которого кормят воду (море) 412
толвызнд — жертвоприношение воде, морю (букв. «воду постелить», см. также *вызнд*) 412, 425
толк'ылмр — пуп моря 37
толмиф — земля, находящаяся среди воды (букв. «водная земля»; *ур* — остров. Чем различаются эти понятия — неясно) 114
толниг"вн" — дух, водный человек, морской человек 336, 405, 406, 412, 425, 426
толсх"аивр — морская звезда (?) 408
толуиг"лан"г:анн" — собака, посвященная воде, морю 410
толызн" — дух, хозяин воды, хозяин моря 412
томк" — чебак [охота. яз.; ср.: *томх"* (С. д.), *тон"к"* (А. д.) — локоть] 118
томромад — посмотреть и отвести голову в сторону 62, 66, 266
тому:х"ад — взглянуть и отвести голову в сторону 266
тон"р — сухожилие 216

тор — 1) отмель; 2) обычай, закон 51, 286
торон" — неединоутробный (брат) 264
торпас — нарукавники 380
тот — рука 194
тота — серебро 42
ту — озеро 51
тувн" (С. д.) — братья и сестры одного со мной поколения в роде 261—264, 280, 282, 311
туг"ртуг"рнт (Агнево) — качаться (?) из стороны в сторону 49
туг"с — речь, слово 188
туг"с пызнд — произносить (стелить?) слова песенок на медвежьих праздниках 188
тукс[8] — съедобный корень растения 129, 130
туксчалр — блюдо, изготовленное из съедобного корня 130
тунгур — западный ветер 35
тунд — этот (*тун"-* — атрибутивная форма) 142
тур (рур) — мясо 215
турн" — форма 83
тутх — обруч, кольцо 195
тутх лэк"рд — игра с кольцом 195
тхур — постель 282
тхусинд — плата за убитого 389
тшан"и — чебак 110
тшат лён" — апрель 109, 119
тшын" — религиозно-магический оберег, который дают ребенку 347
тывг"дь (А. д.) — входить 334
Тыкфин" — название рода нивхов 305
тык"ард — игра; прыжки через вертящийся ремень 190
тымрант — такой (форма уважения) 263
тымтьинт — такой (о ближнем предмете) 263
тынт (Агнево) — этот 174
тьиг"р (А. д.) — дерево 446
тьиг"ынд — танец женщин перед медведем 226
тьимрых — крючок самострела, применявшегося при охоте на соболя 141, 143
тьин" — сила 83
тьирх — корнеплоды растения 128, 129, 132, 219, 220, 442, 449
тьиф — след, дорога 270, 361
тьиф тьыр дёмр — лечебное растение, подорожник 360
Тьнаунун" — название рода нивхов 305
тьры — ремень, при помощи которого шаман определяет состояние больного 449, 450
тьхыф — медведь 45, 169, 175

---

[8] В «Нивхско-русском словаре» *тукс* расшифровывается как «разновидность сараны» (стр. 363) и «съедобные корни сараны» (стр. 527). Это не соответствует действительности. Съедобные корни растения *тукс* очень длинные. Корнеплоды же сараны круглы, малы и состоят из маленьких долек. Отождествлять их нельзя. Ошибки могут быть в любой работе, но они недопустимы в словаре, один из составителей которого выступает как носитель языка. Останавливаться здесь на других подобных ошибках, содержащихся в «Нивхско-русском словаре», не представляется возможным.

тьхыф-лисьлизьнт — название медвежьего праздника 169
тьхыф-паг"ваг"нт — название медвежьего праздника 169
тьхыф ч'н"ай — 1) изображение медведя; 2) сверточек из стеблей пучки и сараны, символизирующий медведя 98, 185
тьыкрыкрыу — кулик 105
тьынт — мифическая птица-молния 33—35
тьыр — край 360
тэг н"унд — игра в прыжки 195
тэн"и — горбуша 110, 465
тэт — птичка, кормящая, по представлению нивхов, птенчика-молнию 35
тэуг·ин"к — топор, которым выдалбливают борта лодки 77
тявда — мифическое животное 446
тяви — 1) желудок (см. *х·иг"р*); 2) желудок медведя (еда женщин) 216
тяг·ар — аллея из елочек и тальника на площадке для убиения медведя 206
тяй — опять, еще 407
тяк"ад — крепкий 82
тяк"о — нож 41, 343
тяндраф — зимнее жилище маньчжурского типа 49
тяньги — начальник 111
тятзиг"р — дерево, употребляемое для лечения 360
тятнт — убить (охотн. яз.) 118
тятьр — чайка 105
тятян ч'х"ар — бревно, на котором женщины отстукивают ритм во время медвежьего праздника 188
тях — стружки 221, 231
т'а- — «не» — отрицательная частица 98
т'аг"р — бурундук 333
т'аг"рнявапак — мифические карлики 333
т'адм — макушка 353
т'айг"ур — яма в реке 51
т'аных? — где? 270
т'ару (Чайво) — залив (букв.: «озеро, находящееся в направлении в глубь водного пространства от берега») 51
т'аф — багор 120
т'афк"ур — голян (рыба) 111
т'в"ах — пролив 51
т'в"ах" паг"ваг"д — религиозно-магический обряд очищения устья 126
т'ови — две параллельные балки (жерди), идущие вдоль летнего жилища 90, 97, 184, 418
т'ог вс — шаманский дымокур 446
т'омр — еда из отварной рыбы, смешанной с ягодами 135
т'он"рг:арк" — двойные клубни сараны; еда помощников-духов шамана 449
т'он"рд — 1) рожать двойню; 2) древесина с прожилками 74, 439
т'он"ро:лагу (А. д.) — близнецы 439
т'он"ртьирх — двойной клубень растения *тьирх* 449
т'оск" — сажа над очагом 449
т'ох"д — амурчик (рыба) 110
т'у — нарта 56, 57
т'уг"р — огонь 100, 449
т'уг"р ард — жертвоприношение огню (букв.: «огня кормление») 98

т'уг"рняк"р — обозначение принадлежности к одному огню, т. е. к одному роду 100, 101
т'уг"ртоньн"г:анн" — собака, посвященная духу огня 184
т'уньд — острый 82
т'уськ — ель 79, 80
т'ыкр — багульник 449
т'ыкрч'ах" — вода, настоенная на багульнике (питье духов шамана) 449
т'ылн"гунд — предание 147
т'ын"рын" — музыкальный инструмент наподобие скрипки с одной струной 367
т'ын"синирн" — чашка для хрусталиков глаз тюленя 153
т'ырд — смотреть 266

Уг"ниг"вн" ваг"н" — пень, вывороченный и поставленный вверх корнями в память по убитому нивху 385
уг"р — 1) пуговица; 2) пуговица, имеющаяся якобы на шкуре медведя 211
уг"рынт (С. д.), *уг"рудь* (А. д.) — вместе 334
узн"ылд — один из способов завязки концов кос 246
узн"ырнд — представление о возможности вторичного рождения 365
узн"ыр эх"лн" — ребенок, родившийся вторично (по представлениям нивхов, в нем воплощается душа умершего человека) 365
уиг"лан" дяк"о — табуированный нож, употребляемый для разрезания табуированных частей медвежьего мяса и сала 215
уиг"лан"г:анн" — табуированная собака 410
уиг"лан" никр — табуированное корыто для кормления душ утопленников 412, 424
уиг"лан" так"и — табуированная вешалка (см. *так"и*), на которую вешают табуированные части медвежьего мяса и сала 213
уиг"лан" т'уг"р — табуированный (священный) огонь 104
уиг"лаф — табуированные части медвежьей туши, которые разрешается есть только мужчинам 215
уиг"нд, уиг"д — табу, грех 204, 235, 248
улд — высокий 82
умгу (А. д.) — 1) женщина; 2) жена 36, 453
умгут'ыгдь (А. д.) — обряд сватанья невесты в утробе беременной женщины 289
умгух·упф (А. д.) — место для туалета женщин (см. также *офти*) 251
умлан"дон"р — табуированные сухожилия лап (еда мужчин) 216
умлан"дур — табуированные части лап медведя (еда мужчин) 215, 216
уньг"р — звезда 39
уньг"р ч'манд — падающая звезда 39
уньрк — людоед 337
ургур — хорошо 98
урд — хороший 286
урк (А. д.) — ночь 334
урлаф — 1) хорошее место; 2) по-хорошему (в сочетании с основой *парк-р*) 98, 408
Урмыквонн" — название рода нивхов 179, 204, 233, 234, 256, 279, 282
урн"д — голодный 255
ускис (А. д.) — плата 104

ускр — 1) подлинный, истинный; 2) плата за угощение 155, 171, 264
ускр к"а — истинное имя 350
утку (А. д.) — 1) мужчина; 2) муж; 3) братья мужа 274
утыр — 1) жердь с развилиной, которую втыкают в основание опорного столба *мран"*; 2) палочки с развилиной, которую просовывают в грудную полость убитого медведя сквозь разрез между ребрами 120, 121, 213, 219
ухк'ути — ноздри 235
ухрусыпр — стружки, которые втыкают в носовые отверстия черепа тюленя 154
Финд — связанная глагольная основа «находиться где-либо» 291

форунд — делать гладким, ровным 206
фур итнд, фут итнд — сложная форма со значением действия, которое рассказчик сам не видел, но говорит о нем со слов других 349
фэд — собирать ягоды 135
фытуд — расколоть, расщепить 126

Хана — болезнь 360
хин" (С. д.), *хи* (А. д.) — посол 298, 301
худ (к'уд) — лежать в чем-либо 335
худ (ихнт) — убить, добыть 118
Хыйыгныи" — название рода нивхов 304
хэрд — говорить, обращаясь к кому-либо 286
хэрниг"вн" — приятель, знакомый человек 181
х"аврд — просить 103
х"ад — прогорклый 128
х"ар — ствол (как отдельное слово не встречается) 268
х"арх"арнд — расти несколькими стволами из одного корня 268
х"атюдь (А. д.) — проказа 358
х·а — ловушка на соболя 144
х·аваф — 1) легкие; 2) легкие медведя (еда мужчин) 215
х·аг"и — черемша 131
х·аг"мыр — развилина 120
х·ад — так делать (вспомог. глагол) 235, 282
х·ай — желчь 221
х·ай запн"ар — футлярчик для желчи медведя 221
х·айм — карась (охотн. яз.) 118
х·ак" — шапка 380
х·ал — кожа 398
х·алофинт — злой дух, пугающий людей криком 46
х·алу — 1) поляна, на которой растет сарана; 2) сырая (?) поляна 52
х·амуд — мягкий 82
х·анд — так делать (вспомогательный глагол) 392
х·ан"а — тогда 279, 349
х·апд — соленый 128
х·апн"акс (Чайво) — название кустарника 414, 415
х·ар — дрова, на которых сжигают покойника 369
х·арк" (А. д.) — юкола для корма собак 125
х·аро — равный по количеству 83

х'арор, х'атот — компонент сложной формы со значением уменьшения действия, неполной степени качества 266
х'арсх"ар — вяз 79
х·ах"тунд — доска, на которой режут рыбу, крошат юколу 220
х'аюр — знак об убитом медведе, который делают из ветки, воткнутой в берег реки 178
х'ивс — береза 79
х'иг"р — желудок 216
х'ильх — 1) язык; 2) язык медведя (еда старых мужчин) 215
х'индьирнирн" — чашка с едой, которую ставят возле покойника 366
х'иркур — петля 142
Х'ирлён" — название рода нивхов 309
х·искыр — семена растения, употребляемые в пищу 133
х'иуд — убить медведя 143
х'иулад — удачливый, добычливый 117, 143
х'иулаф — берлога 50
х'иф — береста 80
х·июуд — темно-синий 127
х'оин"и — черная смородина 135
х'ой — таймень 110
х·ойндя — крыжовник (?) 49
х'онтк" — кисет 380
х'оньг'н"аук"ох" — сало со средней части туши медведя (еда женщин) 213, 216
х'орд — вкусный 128
х'унвд — жить 98
х'унд — этот 279
х'уньнд (Чайво) — см. *к"мазьнд*
х·урк — часть берега, охваченная изгибом реки 52
х'уру — редкий лес 52
х'ускияс — жердь для сушки корма собакам 124
х·ымн" — колчан 212
х·ымн"ох — сало на затылке медведя (букв. «колчаночное сало»; еда мужчин) 212, 216
х'ымрант — такой (форма уважения) 263
х'ымтьинт — 1) такой; 2) поступать таким образом 263, 392, 407
х'ыт — склон горы 52
х'ыты — посередине 53, 235
х'ышкд — низкий 82
х·эн"гви — обрывистый берег, о который ударяется течение 52
х'эрмавд (Чайво) — утонуть 395
х'эун"и — ольха 79, 80
х'эун"и н"акс — молодая ольха; ольховый кустарник 80

Ч'аврк"рвонн" — название рода нивхов 256, 274, 279, 281
ч'аг"лик — название рыбы 63, 64, 84
ч'ак"выл — деталь, с помощью которой устанавливают петли для ловли соболя 143
ч'амн" (С. д.), *ч'ам* (А. д.) — 1) орел; 2) шаман 109, 433, 446
ч'амн" лён" — февраль 109, 433
ч'амс (тямс) — юкола из тайменя 125
ч'амч'эдьиг"р А. д.) — шаманское (сухое) дерево 446
ч'ан"д — белый (о собаке) 127

ч'ан"солн"и н"иф — сердце белого оленя 449
ч'алр — 1) нагрудник (?); 2) сальник 216, 230, 380
ч'алрн"ох" — сальник медведя (еда мужчин) 216
ч'ари — голубика 135
ч'атьф (Тымь) — озеро 51, 117
ч'атьфп'ид — щука 110, 117, 118
ч'аунд — кормление духов гор 142, 235, 394
ч'ах" — вода 37
ч'ах"танд — игра «питье воды» 190
ч'вэ — дерево, вблизи которого происходит убиение медведя 193, 194, 205, 220, 227, 234
ч'и — ты 263, 267
ч'иглаф — памятник по утонувшим 396, 399, 401—408, 423
ч'икымык — дождевой (?) червь (еда духов шамана) 449
ч'ин — вы 267
ч'ир — пологий холм 52
ч'ирн"а лён — октябрь 433
ч'малард — возмещение («плата») за медвежье мясо ремнем (*ч'малар тнох*) или стрелой (*ч'малар к'у*) 182
ч'манд — ходить в гости (в своем селении) 39
ч'мыйхкилмос — остатки от приготовления студня, скармливаемые женщинам 99
ч'н"ай — любое изображение человека или животного 185, 360, 416
ч'н"ыр — трава 79
ч'о — рыба 118, 408
ч'ог"р — слой древесины, образовавшийся за год 75
ч'ойир — грудина медведя (еда мужчин) 214, 215, 227, 230
ч'осьпыр — поворотный крюк для лова рыбы 122
ч'ох"кусинт — легочное кровотечение 358
ч'ох"к"анн" — собака, которой платят штраф за какое-либо нарушение религиозных установлений 156
ч'ошаг"р лён (А. д.) — август 110, 433
ч'у — фарватер 51
ч'улриф — крутизна берега 52
ч'ун"чх"ар — шаманское дерево 441
ч'ур — перекат на реке 51
ч'ух — возглас, с которым нивхи бросают духам гор жертвоприношения 434
ч'ухч'уг"нд — жертвоприношение духам гор 434
ч'фэн"р — скопа 353
ч'фуг"вэук — суп, сваренный из растения *ч'фух* 132
ч'х"ар — дерево 79, 121, 268, 278, 373, 441
ч'х"арнег·нег оф — редкий лес 52
ч'х"арн"аврки — лишайник, употребляемый в пищу 133
ч'х"аросунт — проводы души покойника в селение мертвых 373, 378
ч'х"арозуф — место проводов души умершего в селение мертвых 378
ч'харур — морские духи 67, 68
ч'хах — две сближающиеся клинообразные лесные опушки 52
ч'х"олг"д — древесина с трещинами 74
ч'ымг"и — черника 135
ч'ыг"мос — тертая еда из семян растения *ч'ых* 134
ч'ыуф (А. д.) — место жертвоприношения духам гор 437
ч'ых (А. д.) — семена растения, употребляемые в пищу 133
ч'эв- — корневая основа глагола со значением «уколоть» 102

ч'эвл — вид остроги 80, 123, 375
ч'эдь (А. д.) — сухой 446

Шавн"ашк" — разновидность спирального орнамента 127
шаг·уин никр (Чайво) — корыто для кормления душ утонувших (это название, возможно, образовано от основы глагола *шаг·д*) 421
шанд — жарить 118
шан"к" — женщина 261, 340
шан"к"иньф — еда женщин (части медведя, которые разрешается есть женщинам) 215, 216, 242
шан"к" рырунт — преждевременные роды, выкидыш (букв. «женщина его отвязала») 340
шан"к" эх"лн" — девочка 261
шафтам — кумжа (охотн. яз.) 118
шуд — преследовать кого-либо 127
шун"ашк" — разновидность спирального орнамента 127

Ыг"рд — черный (о собаке) 127
ыг"с — второй слой древесины тополя, следующий за наружным 75
ыг"ых — сикса 135
ызн" (С. д.), *ыз* (А. д.) — 1) хозяин; 2) косатка 61, 412
ыкид — плохой 206
ымг"и — зять, род зятьев 35, 181, 257, 271, 273
ымг"и эх"лн" — сын сестры 271
ымк — мать 260—262, 275, 278, 362
ын"гра — показатель со значением экспрессивно-эмоционального выражения уважения 263
ыридь (А. д.) — задний 432
ырин"а (А. д.) — близнец, родившийся первым (букв. «задний зверь») 432
ыркыр — берег с крутым обрывом 52
ыс — юкола для корма собак 125
ытк — отец 260—262, 284, 363
ытьхсо — карась (букв. «старик-рыба») 110, 118
ыф (А. д.) — он (форма уважения) 263
ыхмиф — земля *ых* (т. е. наша земля, на которой живут люди, животные, растут деревья и т. д.) 38
ышкыт — ягода 135

Эвд (во, по, до) — держать что-либо 190
эврф — место в очаге у его задней рамы 98, 101
экд — просить 103
экмыкрох — слово, произносимое нивхами при разрывании «пуговиц» на шкуре медведицы 211
экнау — инау, которое бросают косаткам (букв. «просящие инау») 59, 62
элвари — северо-восточный ветер 35
энант — чужой, другой 268
энх" — посудина из перевитых сучьев, на которых режут табуированные части медвежьей туши 220
энх"арг, энх"арн"к — чужеродка 216, 250, 264, 268, 285

энь — зимние лыжи из ели, подклеенные камусом (шкурой с ног лося или оленя) или тюленьей шкурой 80, 464
эр — отец 261
эрк"н" (С. д.), *эрк"* (А. д.) — послеслог «в направлении к чему-либо 37
эрр — старший брат моей матери 272
эррытьх — отец моей жены 272
эрх" — ему, к нему 174, 394
эсмуд (чмод) — любить кого-либо 407
эспынд (чэвнд) — 1) уколоть кого-либо; 2) способ игры в *тутх лэк"рд* 195
эх"лгун — дети 98
эх"лн", эх"лан" — ребенок 261, 281, 343
эх"лн" иньд — послед (букв. «еда ребенка») 343
эхн"авд — смеяться 286
эур — задняя часть медведя (еда женщин на Сахалине; еда мужчин на Амуре) 216
эурн"ох" — сало с задних частей медведя (еда женщин на Сахалине; на Амуре, вероятно, еда мужчин) 213, 216

Юруд — читать, считать 283

Я- — усеченное местоимение 3-го лица ед. числа 353
явгунд (авг·унд) — клеить 178
яврknд — счищать мясо с костей медведя 231
яг"д — 1) пришивать медные украшения к женской одежде; 2) навешивать инау на елочки 91, 194
яг"р (А. д.) — почему? зачем? 334
яймд — понимать 392
яйхунд (йайхунд) — спать с кем-либо под одним одеялом 286
як"ма — еда из крошеной юколы и черемши 131
ялг"д — открывать что-либо 316
янку? — где? 263
ян" (йан" (С. д.) см. также *авн", иф, ыф)* — он 263, 349
ян"пу — шаманский пояс с побрякушками 446
яун"ынд (-аун"ынд) — сторожить кого-либо 354
яхд, ярд — см. *яг"д*
яшд — кормить кого-либо 122
яшкунд (ашкунд) — прикрыть что-либо 353

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д. А. Ольдерогге. Предисловие 3
Глава I. **Первое знакомство** 9
На Сахалин 9
Первые встречи с нивхами. Следы неолита на Сахалине . 21
Нивхское селение Арково 27
Поездка в нивхское селение Агнево 44
Глава II. **Из хозяйственной жизни нивхов** 73
Поездка в нивсхое селение Ускво 73
Поездка в нивхское селение Славо 86
Поездка в нивхские селения Чириво, Пливо, Наукхомрво, Потово 104
Рыболовство 109
Собирание съедобных растений, корнеплодов и ягод . . 128
Охота на лесного зверя 137
Охота на морского зверя 147
Собаководство у нивхов 155
Система счета 159
Глава III. **Из общественной жизни нивхов** 169
Медвежий праздник 169
О пережитках древней половозрастной организации общества, о разделении труда между полами и о табу . . 241
Структура рода, родовые взаимоотношения по линии передачи сестер из рода в род и пережитки группового брака . 256
О взаимоотношениях между родами тестей и зятьев и способах приобретения жен 288
О древней форме брака сына сестры с дочерью брата . 288
О сватании не родившейся еще жены в чреве беременной 289
О похищении женщин в военных столкновениях между родами из-за похищенных 293
О разрушении древних норм брака у нивхов . . . 302
Любовь и ее трагический исход 305
Глава IV. **Из мифологических и религиозных представлений нивхов** 329
Рождение ребенка и уход за ним 338
Болезни и способы борьбы с ними 354
Судьба души младенца, умершего естественной смертью . 362
Судьба души взрослого, умершего естественной смертью . 365
Судьба души повесившегося 384
Судьба души убитого 385
Судьба души оцарапанного или задранного медведем. Обожествление оцарапанного или задранного медведем . . 390
Судьба душ утонувших. Обожествление утонувших . . 395
Тайна рождения близнецов. Судьба их душ после смерти. Обожествление близнецов 426
О шаманах и их роли в жизни нивхов 440
Отъезд с Сахалина 457
Примечания 460
Список использованной литературы 468
Словарь-указатель 469

Ерухим Абрамович Крейнович

НИВХГУ

Загадочные обитатели
Сахалина и Амура

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Н. Н. Тихонравова*
Младший редактор *Г. А. Бурова*
Художник *И. Р. Бескин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *В. В. Воловик* и *Г. П. Каткова*

Сдано в набор 18/VII — 1972 г.
Подписано к печати 29/I — 1973 г.
А-06575. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. № 2
Печ. л. 15,5. Усл. п. л. 26,04. Уч.-изд. л. 28,08
Тираж 6000 экз. Изд. № 2988
Зак. № 904. Цена 2 руб.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер. 2

Полиграфическое объединение
«Полиграфист»
Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Мосгорисполкома.
Москва ул. Макаренко, 5/16